

Rock Art in Central Asia

A Thematic Study

November 2011

Наскальное искусство в Центральной Азии

Тематическое исследование

ноябрь 2011

Edited by

Под редакцией

Jean Clottes

In cooperation with

World Heritage
Centre

NORWEGIAN MINISTRY
OF FOREIGN AFFAIRS

Rock Art in Central Asia

A Thematic Study

page 3

Наскальное искусство в Центральной Азии

Тематическое исследование

страница 201

Edited by

Под редакцией
Jean Clottes

November 2011

Ноябрь 2011

International Council on Monuments and Sites

49–51 rue de la Fédération
75015 Paris
France

ISBN 978-2-918086-08-6

© ICOMOS, 2011
All rights reserved

Front cover photograph:
Upper Tsagaan Gol, the Mongolian Altai © Valérie Feruglio
Layout: Trina Ramos

Международный совет по вопросам памятников и достопримечательных мест

49–51 rue de la Fédération
75015 Paris
France

ISBN 978-2-918086-08-6

© ICOMOS, 2011
Все права защищены

Фото на обложке:
Верхний Цагаан Гол, Монгольский Алтай © Valérie Feruglio
Компьютерный дизайн: Trina Ramos

Acknowledgements

In preparing this Rock Art Thematic Study, ICOMOS would like to acknowledge the support and contribution of the UNESCO World Heritage Centre – Asia and the Pacific Section, the Norwegian Ministry of Foreign Affairs, CARAD (Central Asian Rock Art Database), Jean Clottes, ICOMOS expert, Regina Durighello, Director of the World Heritage Unit, and Natalia Turekulova, President of the national committee of ICOMOS in Kazakhstan.

Table of contents

Acknowledgements	3
Introduction <i>Jean Clottes</i>	7
Rock Art Sites in Kazakhstan <i>Alexey E. Rogozhinskiy</i>	9
Rock Art in Kyrgyzstan <i>Bakyt Amanbaeva, Aiday Suleymanova and Chynarbek Zholdoshev</i>	43
Rock Art in Tajikistan <i>Bobomullo S. Bobomulloev</i>	73
Rock Art Sites in Turkmenistan <i>Edjegul Muradova</i>	93
Rock Art Sites in Uzbekistan <i>Muhiddin Khujanazarov</i>	99
The Altai mountains in Northwest Mongolia <i>Esther Jacobson-Tepfer</i>	113
Rock Art Sites in the Minusinsk Basin <i>Elena Miklashevich</i>	121
Conclusions <i>Jean Clottes</i>	137
Annex – Rock Art: Pre-nomination Guidelines	147
Illustrations	159

Introduction

Over the last decade, UNESCO has made the world's rock art one of its priorities. Almost every year, another rock art site is inscribed on the World Heritage List (and sometimes more than one). This recognition is fully deserved, because rock art – without even considering its specific merits (its artistic qualities, and the unique information it can provide about vanished peoples, their customs, their lifestyles and their beliefs) – is the earliest art form of mankind to have been conserved up to the present day, and the most widely disseminated across the world.

To ensure that decisions to be taken in the future are well-informed, and in order to better protect, preserve and manage this rich heritage – as abundant as it is extensive – it is essential to get to know it better, to establish its precise importance, its chronology, the details of the techniques used and the themes represented. It is also necessary to evaluate how much work has been accomplished, and what remains to be done. There are many serious threats of destruction. Each year, on every continent, decorated sites are mutilated or destroyed. We must define these dangers, denounce them, and work with the governments and populations concerned, so that the preservation of rock art becomes a genuine priority, which is all too rarely the case.

This is why ICOMOS has undertaken the extremely challenging task of drawing up and publishing Thematic Studies about rock art in different parts of the world, with the active collaboration of specialists in the regions concerned. In doing so, it is playing its role as one of the three advisory bodies of the World Heritage Committee which help to implement the UNESCO World Heritage Convention, in order to advise the Committee about all aspects of this specific cultural heritage.

In 2006, we thus published: *“Thematic Study of Rock Art: Latin America and The Caribbean (Étude Thématique de l'Art rupestre : Amérique Latine et Les Caraïbes)”*. This was followed in 2007 by: *“Thematic Study on Rock Art: Africa – Zone A: Sahara and North Africa (Étude Thématique sur l'Art rupestre : Afrique - Zone A / Sahara et Afrique du Nord)”*.

This time the subject is Central Asia. This was by no means an easy task. Difficulties had to be overcome, and a great deal of time and energy were required. This is of course a vast region, which extends over a distance of 3500 kilometres from west to east and some 2000 kilometres from south to north. The state of research and knowledge varies greatly from place to place. With a single exception (Mongolia), the contributions had to be translated into English, which made the task considerably more complex and time-consuming. Finally, the initially projected work plan had to be revised. We had intended to work on the basis of seven geographic zones (subzones are indicated in brackets), which were initially:

1. Northern Tien-Shan Mountains (Kyrgyzstan and Kazakhstan);
2. Desert Belt – Usturt Plateau, Bukantau, Karatau & Chu-Ili Mountains, Betpakdala Desert, Saryarka Semi-desert (Kazakhstan, Turkmenistan & Uzbekistan);
3. Fergana Valley (Kyrgyzstan, Tajikistan & Uzbekistan);
4. Eastern Pamir (Tajikistan);
5. Zeravshan Valley (Tajikistan & Uzbekistan);
6. Altai Mountains (Kazakhstan, Russia & Mongolia);
7. Southern Siberia – Minusinsk Depression, Tuva (Russia).

This method turned out to be impossible to apply, and a country-based approach had to be adopted instead. We had already come up against the same difficulties in the previous Thematic

Studies. The seven countries and regions now adopted are therefore, starting in the west (from the Caspian Sea) and ending in the east: Turkmenistan, Uzbekistan, Tajikistan, Kyrgyzstan, Kazakhstan, north-eastern Mongolia and central southern Russia (Siberian region of Tuva and Minusinsk Depression).

Should northern Afghanistan and Pakistan have been added, and even the extreme north-east of China, or should we have gone beyond the subzone selected for Siberia? Lengthy discussions took place – the issue raised was whether to adopt the narrowest or the broadest definition of Central Asia – before we arrived at the final choice for reasons of practicality.

The advantage of this choice is that it has enabled the realisation of the project, has provided us with a vast mass of documentation about a region of the world whose rock art has not yet been adequately investigated (and has all too often been eclipsed by the splendour of other remains), and finally has provided us with quite an accurate overview of the bulk of what has been termed “the art of the steppes”.

Jean Clottes

Rock Art Sites in Kazakhstan

Alexey E. Rogozhinskiy

Introduction

Kazakhstan is the largest country in Central Asia. The vast steppes, deserts and semi-desert areas of the country's central part are bounded to the west by the Caspian Sea and the Urals, to the north by the forest-steppes of Western Siberia, to the east and south by the mountain belt of the Altai, Tarbagatai, Dzhungarian Alatau and the high ranges of the Northern Tien Shan. Geographical locations, natural resource wealth, diversity of landscapes and climatic conditions, both in the present and in ancient times, determined the special significance of Kazakhstan in the history of the many peoples of Eurasia. Historically and culturally this vast mountain-steppe country has since ancient times played the role of a contact zone, linking civilizations and peoples of the Near East and East Asia, Siberia and Eastern Europe.

Rock art sites, along with other historical evidence -written and archaeological- provide rich material for understanding the many processes of cultural development and interaction of peoples of Kazakhstan and neighboring countries in ancient and medieval times. Despite the fact that rock carvings are found today in practically all regions of the country, there are clearly several major zones of concentration of rock art sites: the eastern (Altai, Irtysh and Tarbagatai), central (Sary-Arka, Ulytau and northern Balkhash region), south, divided into South Kazakhstan (Tau, Talas and Kyrgyz Alatau) and the Semirechensk part (Dzhungarian Tau, Northern Tien-Shan, Chu-Ili mountains). From the perspective of history and geography, the eastern and southern zones have a wider range than is shown by the current political map of the region. Thus, the Kazakhstan Altai sites are inseparable from the Altai-Sayan area of rock art, and the sites of the western edge of the Talas Range and Karatau from those in all of the West Tien Shan region. In western Kazakhstan, rock art sites are relatively few and occur mainly on the Mangyshlak peninsula and Ustyurt plateau with single locations in the Mugodzhary mountains. In northern Kazakhstan rock carvings are not known.

Traditionally, Kazakhstan archaeologists divide the petroglyph locations into *large*, with more than 1000 individual images, and *small* sites consisting of tens to hundreds of petroglyphs. This classification does not reflect the differences of a cluster of figures from others, but rock art typology in the region has not yet been developed, and we can only use simple statistical calculations and comparisons. Most large and significant locations of petroglyphs are concentrated in the east (Altai, Tarbagatai) and especially in South Kazakhstan (Dzhungarian Alatau, Chu-Ili mountains and Syr Darya Kara-Tau). The sites in these areas are the most studied. Two of them – Arpauzen and Eshkiolme- are potential sites for the World Heritage List and are presented in the Tentative List of Kazakhstan for UNESCO. The Tamgaly petroglyphs were included in the World Heritage List in 2004.

South Kazakhstan Sites

Semirechye

Russian sources of the late 18th – early 19th centuries report the name of this historical and geographical region of Central Asia as Zhidysu / Zhetysu (Kazakh for ‘seven rivers’). It originally belonged to the south-eastern Near Balkhash region bounded by the northern slope of the Dzhungarian Alatau. Since the second half of the 19th century, the name “Semirechye” has become common with the establishment of the Semirechensk area within administrative boundaries, including all the territory south of Lake Balkhash to the Near Issyk-Kul region, the upper reaches of the Chu River, the delta and middle reaches of the Ili River Valley. According to modern geographical interpretation, the area of Semirechye covers the area between Lakes Balkhash, Sasykol and Alakol in the north, Northern Tien Shan Ranges in the south, Dzhungarian Alatau in the east and the Chu-Ili mountains in the west. It administratively coincides with the Almaty region of Kazakhstan. The largest river of Semirechye -Ili- divides the whole region into the right bank and left bank, into Eastern and Western Semirechye.

Sand and salt deserts are common in the northern and north-western plains of Semirechye, and meadow-riparian landscapes are common along rivers. In the Dzhungarian Alatau, foothills and ridges of the Northern Tien Shan (Trans-Ili Alatau, Ketmen, etc.), at an altitude of 2,000m above sea level, leafy forests are present and transform into pine forests and alpine meadows at a higher altitude.

The Dzhungarian Alatau, over 400km long in the latitudinal direction, consists of two ranges that are distinctly parallel to each other: the northern, or main, and the southern range. The Dzhungarian Alatau system includes several sub-parallel high mountain ranges, accompanied by low and short ranges and their spurs. The absolute heights of the main mountains exceed 4,500m above sea level. A distinctive feature of the Dzhungarian Alatau is a series of sharp benched slopes, divided into low mountains (700 - 1600m), medium lands (1600 - 3100m) and highlands (3100 - 4662m). Metamorphic shales of the middle and lower Paleozoic play an important role in the structure of the main ridges and front ridges. Paleozoic sandstones and limestones are less common. The foothills consist of sequences of Paleogene, Neogene and Quaternary sediments. The snow line in the Dzhungarian Alatau is located at altitudes of 3,200-3,800. Glaciers and snow, but mainly ground water, feed numerous rivers, which flow from the northern slopes to Lakes Balkhash, Sasykol and Alakol, and from the southern slopes to the Ili River.

The Chu-Ili Mountains stretch for some 200km from the Zailiy Alatau in a north-westerly direction and are a continuation and completion of the Northern Tien Shan, with whom they share a history of geological development. They form a system of ranges separated by intermontane troughs. The elevation amplitude of the Chu-Ili Mountains is much less than in the Zaili Alatau (about 5,000m), the highest mountains being Anyrakay (1,180 m), Kulzhabasy (1,178m) and Khantau (1,024m). Typical of them are surviving fragments of ancient surface peneplanes, surrounded by steeply sloping low mountains turning into hills on the periphery composed of intrusive and volcanic-sedimentary rocks. The axial part of the Chu-Ili mountains forms a watershed of the Chu and Ili rivers.

The geologic-geomorphologic and landscape-climatic conditions of Semirechie determine specific features of the topography, number and substrate of rock art sites in the eastern and western part of the region. Thus, there are no petroglyphs on morainic boulders in the Chu-Ili Mountains, while they are common in Dzhungarian Alatau and the mountains of Northern Tien Shan. In general, the location of the Semirechie petroglyphs in mountainous and steppe

landscapes is on open vertical and/or horizontal rock surfaces in erosion and river valleys traditionally cultivated by settled pastoralists and farmers and nomads of all historic periods.

The Dzhungarian Alatau and its multiple spurs are home to numerous locations of petroglyphs concentrated mainly in the low- and mid-hills. The Chu-Ili Mountains have a larger concentration of sites, especially in the central and southern part of the Kazakh Uplands. There are very few known large locations of petroglyphs in Northern Tien Shan, but numerous sites in the mountain valleys of the Zailiyskiy Alatau, Kungey Alatau and Ketmen Range. The total number of the recorded rock art sites in Semirechie now exceeds 50, but the figure increases year after year as archeological research continues and the search coverage widens.

In Semirechie rock paintings have not yet been discovered. The predominant technique is pecking, rarely engraving or other techniques. The most common type of substrate, used at different periods to create petroglyphs, were the surfaces of sandstone and siltstones, covered with "desert patina"; fewer drawings were pecked on the patinated surfaces of intrusive rocks.

In Semirechie, there is a concentration of several major locations of petroglyphs, the study of which has lasted for decades and served as the basis for the development of modern schemes of periodization of Kazakhstan rock art. The oldest petroglyphs are dated to different stages of the Bronze Age (2nd millennium BC) and identification of more ancient groups of images has not yet been possible. Pictorial traditions of the Early Iron Age (1st millennium BC – 5th century AD) and the Middle Ages (6th-7th centuries) are well represented. No carvings are dated to the Post-Mongolian period (13th-16th centuries). Petroglyphs of Late Middle Ages and modernity (17th-20th centuries) have been poorly studied; they are often associated with epigraphy and tribal signs (*tamgas*) of nomads of Western Mongolian and Turkic origin. Petroglyphs and inscriptions relating to the current stage of development of traditional rock art are notable everywhere.

The most expressive, abundant and widely spread Semirechie rock art is that of the Bronze Age, in almost all areas. It is generally characterized by a relatively homogeneous repertoire of images (anthropomorphic, zoomorphic and signs), similar style, iconography and technique of execution. There may, however, be chronological, territorial, and, probably, cultural differences in Eastern and Western Semirechie.

A representative series of petroglyphs dating to the first half of the 2nd century BC is notable in the Kulzhabasy Complex (south of the Chu-Ili Mountains). They are characterized by the dominance of isolated contour images of large size (up to 1-1.5 m) of wild oxen and panels where four-wheeled carts are associated with bulls or camels. They are chronologically followed by Tamgaly type petroglyphs, most vividly represented at the eponymous site, with more variety of zoomorphic and anthropomorphic images, with solar characters ("sun-headed") and other chimerical composite figures, as well as horse-drawn chariots. This unique series of petroglyphs is dated to the 14th-13th centuries BC. In addition, Late Bronze Age petroglyphs, distinguished by a simple interpretation of small size figures, with a predominance of pastoral, battle and hunting motifs, with an almost complete absence of the syncretic images present in the art of the early stages, are notable in the Chu-Ili mountains and the western part of the Trans-Ili Alatau.

Several groups of petroglyphs of different ages dating back to the Late Bronze Age in Eastern Semirechie are also notable; earlier images such as those in the Chu-Ili mountains are absent. The largest known and studied petroglyph location in Kazakhstan's Dzhungarian Alatau -Eshkiolmes- is characterized by a great variety of styles and a rich repertoire of engravings from the Bronze Age, with at least three stylistic groups of drawings, dating back to the 13th-9th centuries BC and analogous to the Late Bronze petroglyphs in Western Semirechie.

Early Iron Age rock art traditions in Semirechie, also predominant in Eshkiolmes, are the Pre-Saki and Early Saki petroglyphs (8th - 6th centuries BC). They are characterized by the prominent role of the wild fauna represented -felines, wolves, boar, deer, mountain goats, as well as birds of prey. The abundant art of the Pazyryk culture is characterized by the leading role of human images - mounted and dismounted soldiers armed with bows, battle axes, daggers or swords, and a birthing woman occupying an almost central position in this art. The iconography includes hunting scenes and animals torn to pieces, with body or head 180° reversed. These petroglyphs are dated to the 5th – 3rd centuries BC.

In Western Semirechie, another pictorial tradition includes images of mirrors with a handle (often life-size), dated by means of their similarity to real objects. It is typical of the nomad culture of western Kazakhstan, the Near Urals and the Dzhetyasar culture of the lower reaches of the Syrdarya (6th - 4th/3rd centuries BC). In addition, large numbers of less expressive engravings, not yet attributed to a particular culture, date to the Early Iron Age. In particular, in Eastern Semirechie, it has so far been impossible to confidently distinguish petroglyphs from the end of the 1st millennium BC to the beginning of our era, whereas in the Chu-Ili Mountains (Kulzhabasy, Tamgaly) representative series of petroglyphs are similar to the objects in the Hunnu and Syanbi arts.

Petroglyphs of the ancient Turkic period (6th - 8th centuries) and the Advanced Middle Ages (9th - 12th centuries) belong to a uniform pictorial tradition, different in style, with images of dated armor and equipment, epigraphy and tribal signs (*tamgas*). Their repertoire is dominated by mounted warriors (often with banners), hunting scenes and other motifs which may retain features of the animal art of the preceding period. The most vivid examples of medieval rock art in the east of Semirechie are at Eshkiolmes and Bayanzhurek, and on the left bank of the river Ili -in Tamgaly, Kulzhabasy, Akkaynar, Akterek, Oh-dzhaylyau, among others.

The rock art of the Oirat tribes that lived in Semirechie in the 17th and the first half of the 18th centuries, remains poorly studied. It is mostly represented by cultic Tibetan and Oirat epigraphy (Kegen Arasan, Taygak), sometimes accompanied by pictures of Lamaist-pantheon characters (Tamgalytas, Akkaynar), *tamgas*, and less frequently by pictures of animals and humans (Kulzhabasy).

The most recent petroglyphs were made by nomadic Kazakhs in the 19th - early 20th century. Their repertoire is limited to hunting motifs, horse races or cattle grazing, with inscriptions in Arabic script, graffiti and images of lineage –*tamgas*- close to wintering grounds. They rarely form significant concentrations, but in general are widespread and fairly abundant. The content and form of 20th century rock art differs, with Cyrillic graffiti and Soviet-era ideological symbols: portraits of V.-I. Lenin, the five-pointed star, emblems of arms of the Soviet Army and others. The traditional motifs of hunting, stunts on horseback and others persist.

The study of the Semirechie archaeological sites began in the second half of the 19th century, but especially active and systematic research started in the 1950's and continues today. The least-studied are Stone Age sites, known mostly from collections of Mesolithic and Neolithic artifacts in the Chu-Ili Mountains (Khantau, Kulzhabasy, Tamgaly, Anyrakay), the foothills of the Tien Shan and in the Dzhungarian Alatau. In the foothills of the Zailiyskiy Alatau, the Mesolithic stratigraphy of Maybulak was studied. Sites of the Chalcolithic and Early Bronze Age have not yet been identified, but in the Chu-Ili and Dzhungarian Alatau mountains is isolated evidence of stone, bronze and ceramic pottery dating back to the time that preceded the development of the Andronovo cultural-historical community. Bronze Age settlements and burials were studied throughout Semirechie, including where petroglyphs are located. The most famous sites -mainly in Eastern Semirechie-

belong to “mixed” types (Semirechie, Kulsay), reflecting a significant impact in the 14th-13th centuries BC, in Western Semirechie, of the Atasus (Alakul) variant of the Bronze Age culture of Central Kazakhstan and cultures of Southern Siberia in the 13th - 10th centuries BC. The culture of 1st millennium BC nomads is mainly known from numerous burial mounds, excavated in the past but far from entirely published. Early Iron Age dwelling sites and settlements are recorded everywhere, but only a few sites in the foothills of the Zailiy Alatau, Chu-Ili mountains and Dzhungarian Alatau have been excavated. The piedmont area of the Northern Tien Shan is famous because of the treasures found there, which include bronze pots, altars, and other items. The Medieval period is characterized by the coexistence of an urban agricultural culture, represented by a large number of towns and rural settlements, and the nomadic culture, much represented by funerary sites and memorials with stone sculptures. Modern sites of nomadic encampments from the 18th to the early 20th centuries were found everywhere but not systematically studied. In general, the present state of knowledge of archeological sites in Semirechie, although still insufficient to address some questions of ancient history, allows rock art to be considered in the context of the overall development of the region’s cultures. An integrated approach has been used since the 1980’s to explore many rock art sites in Semirechie (Tamgaly, Kulzhabasy, Eshkiolmes) along with study of other archaeological objects in their cultural landscape.

Although some indigenous pastoralists in Semirechie still practice rock drawings and inscriptions, their activity has no religious or cultural value. At the same time, some of the rock art sites within their area are included within the sacred space recognized by tradition as holy places (Tamgaly, Kegen Arasan). However, even then, the main objects of worship are other cultural or natural sites, i.e. burial places, cultic buildings, trees, springs, rather than ancient petroglyphs. With few exceptions, the awareness of local people of their value remains minimal, thus giving rise to a negligent attitude towards them, deliberate destruction or retouching of the engravings, the creation of palimpsests, etc.

The Most Important Sites in Semirechie

Tamgaly

Location. Tamgaly Gorge is situated 17 km north-west of Almaty City, 4km north of Karabastau Village, in the south-eastern part of the Chu-Ili Mountains. The geographical area belongs to the arid desert zone with an extreme continental climate. The few rivers often dry up in the summer, the main ones being the Tamgaly and the Oysu, right tributaries of the Ashysu River. Rare plant species in the Chu-Ili mountains are listed in the Red Data Book of Kazakhstan. Wild animals include wolves, foxes, rabbits, turtles, snakes, and many birds, including steppe eagle, falcon, saker falcons.

Neotectonic movements played a major role in shaping the picturesque landscape of Tamgaly. Mountain borders and a broad plain to the north are along a seismic fault which lifted the surface and formed a high ledge, while water- and wind-erosion formed a network of river valleys and upland relief. A striking feature of Tamgaly Valley is a small canyon at the mouth of the gorge. Rocky slopes almost converge there on the contours of the valley. Wide and smooth rock surfaces are covered with dense “desert patina” and served as a perfect background for numerous petroglyphs.

Archeological Context. There are more than 100 different sites -settlements, burial grounds, altars, and concentrations of petroglyphs within a territory of about 900 hectares, dated from the middle of the 14th - 13th centuries BC until the turn of the 19th - 20th centuries AD.

The settlements are located exclusively in the mountainous part of the gorge. They occupy a small area (300-1,200m²) in different geomorphic conditions. Many are multi-layered sites containing

cultural relics of several historical eras. Excavations were carried out on the settlements called Tamgaly I and V. The stratigraphy of Tamgaly I includes cultural layers of four historical periods: Late Bronze Age (12th - 10th centuries BC), Early Iron Age (two stages: 6th/5th to 4th centuries BC; 2nd century BC to 1st century AD), as well as the late Middle Ages (16th - 17th centuries) and modernity (19th - 20th centuries). For the different layers of the settlement we have more than a dozen ¹⁴C and ESR dates. Building stones with petroglyphs were found in the cultural layers; the most representative series of images was dated to the turn of the 5th - 4th centuries BC.

Ancient burial sites are located in the mountainous and plain parts of Tamgaly Gorge. Bronze Age burials at Tamgaly I, II and Karakuduk II were excavated in the piedmont plain. The mountainous area contains Tamgaly IV-VII burials. Sites typologically belong to the Atarus and Semirechie versions of the Andronovo cultural-historical community and date from the 14th/13th to the 10th centuries BC.

Kurgan burial mounds, everywhere in the gorge, present several types from the features of mounds and burial structures. The largest burial grounds (two or three dozen burials) are located on the piedmont plain. The burial sites investigated by Maksimova A.-G. in 1957 are dated to the 3rd century BC – 2nd century AD. A mound with stone-revetments is especially notable. A mound with a burial from the 5th - 4th centuries BC was researched at Tamgaly VI. Three ritual ring fences with a “deer” stone inside one of them were identified in Karakuduk II dating to the 5th - 4th centuries BC. Medieval burials in Tamgaly are absent. Ancient quarries were found near Bronze Age burial sites at Tamgaly I, II and VI.

The core of the complex is Tamgaly Canyon, with about 3,000 petroglyphs, tentatively marked as groups I-IV; the total number of rock carvings including the peripheral locations is about 5,000 pictures.

Typology and Dating. Tamgaly Bronze Age petroglyphs are unique in Central Asian rock art. The oldest series of rock images identified as the Tamgaly-type of petroglyphs has the most aesthetic and cultural value. They are distinguished by their large-size (from 25-30cm to 0.7-1.0m), vivid naturalistic style and their rich repertoire (anthropomorphic solar deities, “masks”, club-carriers, an archer in a wolf mask, chariots, hoof prints, spectacle-shaped signs as well as images of bulls, Asiatic wild asses, horses, camels, wild boar, wolves, deer, etc.).

A masterpiece of prehistoric rock art is a vertical panel (group IV, site 118) with images of 6-7 solar characters, ten dancing male warriors with weapons, birthing women, erotic scenes and “worshippers”. On the panel, there is a kind of hierarchy with three groups of characters: the highest level is occupied by solar deities; below them are a series of similar figures of dancers and birthing women and a “worshipper” at the bottom. Solitary images of different “sun-headed” types also exist in Tamgaly groups II, III, IV and V, but only in the former place are all the solar characters united in a single panel which allows us to consider it as an image of the pantheon. In Tamgaly, out of a total of 30 “sun-headed” images recorded, 26 still remain.

Tamgaly-type petroglyphs are distributed unevenly throughout the area of the gorge, mainly on the rocks in groups I-V, IVa, with more than 1,000 isolated images, also found in several peripheral locations of the Tamgaly complex, dated to the second half of the 14th – 13th centuries BC. Their area is limited from the central part of the Chu-Ili Mountains to the Chu Valley and the northern Issyk-Kul region.

Late Bronze Age (12th - 10th centuries BC) petroglyphs are outnumbered by the drawings of previous periods and differ significantly from them in technique, style, repertoire, localization within the Tamgaly complex. Their repertoire looks poorer, with images of horses, bulls and wild animals

being prominent; complex, syncretic images become rare. Images from the transitional period from the Bronze Age to the Early Iron Age (beginning of the 1st millennium BC) form a particular small group. Almost no human figures are present, giving way to stylized images of deer, wild goat, and predators - wolves, wild boar, panthers. Their artistic style and compositional arrangement, due to the choice of vertical stelae-shaped planes, connect these petroglyphs with the pictorial tradition of Western Mongolia and Altai "deer" stones.

Images of the Early Iron Age form the largest group of Tamgaly petroglyphs. They are mainly concentrated in groups IV and V and at the periphery of the complex - everywhere around the settlements, burial mounds and on hill tops. A remarkable series includes images of wild animals in the Saki animal style - a specific artistic style of Central Asian Animalism of the 6th-4th centuries BC. Their appearance is connected to the massive retouching of Bronze Age drawings in groups III-V, where Saki petroglyphs are often clumsily carved onto ancient images. In addition, a huge amount of non-realistic engravings exist on the Tamgaly rocks.

Petroglyphs dating to the Middle Ages are everywhere, although their total number is relatively small. On canyon rocks, they prevail in groups IV and V, but the best examples are presented in several peripheral locations along the main roads and mountain trails of a gorge.

Medieval engravings with a special repertoire and artistic originality were made by Central Asian nomads (6th - 12th centuries). The main character of the panels is a mounted horseman - standard-bearer, archer, or a heavily armed warrior. New pictorial motifs include a duel between mounted and dismounted warriors, hunting scenes, migrations. With few exceptions, the drawings were pecked superficially and many images incised with a sharp metal tool. Massive re-carving of ancient drawings becomes popular, with the addition of new elements changing the original content of images. A striking example is the image of a bull from the Bronze Age (III group, Site 23) transformed into the figure of a rider.

A large image of an elephant with a rider near the settlement of Tamgaly I, and the figure of a seated anthropomorphic character (deity?) in group V, resembling the early medieval frescoes of Sogdiana, are rare in Central Asian rock art. A special category of engravings includes ancient Turkic *tamgas* - signs of tribal affiliation and tribal property. There is also a short runic inscription dated to the 9th - 10th centuries.

An Oirat inscription on the rocks of group IV depicting a six-syllable mantra "om ma ni pad me hum" is dated to the last decades of the 17th – middle of the 18th centuries. Kazakh folk-images from the 19th - early 20th centuries show the last attempts at rock art. Limited to images of goats, horses and horse riders, they are mostly found near the wintering grounds of settlements; lineage *tamgas* are often depicted along with figures of people and animals.

The special cultural significance of the Tamgaly complex is due to a number of specific features. Many pictorial traditions typical of Kazakhstan and Central Asian rock art are concentrated there. The petroglyphs and other Tamgaly sites illustrate the evolution of the subjects and forms of rock art over three millennia against the background of the historical development of nomadic cultures in the arid zone of Central Asia.

Research Status and Documentation. Rock drawings and some Tamgaly sites were discovered for the first time in 1957 by Maximova A.-G. (Semirechie's Party of Southern Kazakhstan Expedition from the Institute of History, Archeology, and Ethnography of AS of the KazSSR). Geologists Medoev A.-G. and Aubekerov B.-Zh., archaeologists Maryashev A.-N., Yermolaeva A.-S. researched the site in the 1970-1980's. Rogozhinsky A.-E. researched it in 1988-2005. In 1990-1994, the "Kazproektrestavratsiya" Institute initiated a comprehensive archeological-

geomorphologic research and preservation of petroglyphs, continued in 1998-2005 by KazIRP MMC (Rogozhinsky A.-E., Aubekeroov B.-Zh., Ripinskaya E.-N., Charlina L.-F., Horosh E.-H.), in partnership in 2002-2005 with A.-S. Higen (Riksantikvaren, Norway) and support from UNESCO. Since 2001, Tamgaly has been on the State List of Sites of National Importance of Kazakhstan. In 2003, the State Historical-Cultural and Natural Preserve "Tamgaly" was created. In 2004, the petroglyphs of Tamgaly archeological landscape were included in UNESCO's World Heritage List (Rogozhinsky *et al.* 2004).

Kulzhabasy

Location. The Kulzhabasy Mountains are located in the Korday District of the Zhambyl Region, 200km west-north-west of Almaty City, 30km from Otar Station, in the south-western part of the Chu-Ili Mountains, where the wide Kopa Valley separates the southern end of the range from the central Anyrakay massif. The northern part of the mountains is a dry plateau. The southern slopes are cut across by erosion valleys, some of which are 2-3km long. The range is divided by a depression into eastern and western halves that is higher and has many springs as well as rock outcroppings with patinated surfaces which have been used for carving petroglyphs.

Research Status and Documentation. First information on rock art in the Kulzhabasy Mountains was reported in 1961 by regional ethnographer-zoologist, Markovskiy P.-I., who surveyed several gorges in the western part of the mountains. The main location of petroglyphs was discovered in 2002 by Sala R. and in 2003-2004 examined by expeditions of the Institute of Archeology of NAS of the RK (Maryashev A.-N.) and Research and Design Institute of Sites of Material Culture (Rogozhinskiy A.-E.). In 2005-2009, Rogozhinskiy (Kazakh Scientific Research Institute on Problems of the Cultural Heritage of Nomads (KazSRI-Nomads)) continued documenting and researching the petroglyphs. This research helped identify their main locations and over 100 sites of other types concentrated in more than 10 gorges within the Kulzhabasy Range. An archeological map was made, with indexed panoramas of the main concentrations of drawings. Archeological excavations were carried out on three burial sites dated to the Bronze Age and on two dwelling sites. Typology and dating of petroglyphs in Kulzhabasy was for the first time suggested by Sala R. and further developed by Rogozhinskiy (Rogozhinskiy *et al.* 2004).

Archeological Context. The archeological landscape of Kulzhabasy covers a narrow strip of foothills and short mountain valleys (approximately 2x30km). Several dozens of dwelling sites from different periods were identified in the mountain valleys of Kulzhabasy. Galleries of petroglyphs appeared in the vicinity of dwelling sites on the rocky slopes of gorges, the most important of which are concentrated in four central valleys. In the piedmont plain, small groups of graves or entire necropoli with burials are attributed to the Bronze Age; they are in stone boxes and cists, with a chain of kurgans of early nomads, dated to the Middle Ages, with ritual fences and statues inside, as well as Kazakh familial-tribal burial vaults and mausoleums dated to the 18th - 19th centuries. Sites of the latest period are represented by the remnants of multiple wintering grounds, small cleared and fenced areas of plow-land and a relatively small number of petroglyphs and tribal-lineage *tamgas*. Beginning in the 1930's, the nomad population in Kulzhabasy sharply dropped.

Excavated material attributed to the Bronze Age burials at Kulzhabasy III, V and VI can be compared to that found at other sites in the Chu-Ili Mountains (Tamgaly, Oy-Dzhaylau, Kozha-Bala) and Semirechie, dated to no earlier than the 14th - 13th centuries BC.

Typology and Dating. Petroglyphs represent the most valuable and informative part of the Kulzhabasy sites. Several series chronologically precede the Late Bronze Age engravings strikingly represented at Tamgaly and other sites in Semirechie. The earliest ones are concentrated in three central gorges and include dozens of contour drawings of oxen with long curved horns. Animal figures are pecked superficially and are often overlaid by later engravings similar to those of the

Tamgaly-type (14th - 13th centuries BC) and probably date to the first half of the 2nd millennium BC or earlier. This is especially important, since the genesis of Tamgaly-type petroglyphs suggests a synthesis of the pictorial traditions of the Andronovo tribes in Southern Saryarka (Central Kazakhstan) and certain indigenous groups in Western Semirechie, whose origin is still unclear.

The Kulzhabasy Bronze Age petroglyphs have a specific repertoire, iconography and pictorial style. Their repertoire is dominated by depictions of bulls, whose body frame is often adorned with parallel lines or grids; there also are four-wheeled carts on solid wheels, harnessed to bulls and people steering camels. Humans are depicted naturalistically in a unique manner (body facing forward and legs shown in profile), which characterizes the Bronze Age petroglyphs in the Karatau Mountains (Southern Kazakhstan), Bukantau and Zaravshan Valley (Uzbekistan). Rare depictions are analogous to the most ancient Tamgaly petroglyphs: archers wearing animal (wolf?) masks, “sun-headed” personages and others. This allows identification of the settlement area of Bronze Age tribes within the Chu-Ili Mountains whose environment influenced a pictorial tradition of Tamgaly-type petroglyphs in the second half of the 2nd millennium BC. Probably, earlier engravings in Kulzhabasy demonstrate an initial stage of this cultural process which culminated with Tamgaly.

Kulzhabasy Late Bronze Age petroglyphs demonstrate a diversity of styles reflecting a multi-component composition of the population in Western Semirechie at the end of the 2nd millennium BC. Particularly remarkable at that time is the depiction of realistic objects on rocks –knives, women’s jewelry and adornments- comparable to Late Bronze Age artifacts. This allows the dating of petroglyphs and identifying of broad cultural relations of the ancient Semirechie population. Thus, depictions of mirrors with jutting handles are analogous to bronze articles from treasure troves in the Chu Valley (Shamshi, Sadovoye, Sukuluk, and Koytin) of the 12th - 9th centuries BC and foundry moulds from ancient farming settlements of the Chust Culture in Fergana. A depiction of a knife, whose prototypes were common in the 13th - 9th centuries BC among forest and steppe dwellers of the Tomsk Near Ob area, indicates more remote relations with Semirechie. Perhaps, the frequent depictions of prestigious metal artifacts on the Kulzhabasy rocks and other sites in the Chu-Ili Mountains reflect an important role of those ancient roads that connected the populations of Semirechie and the Near Issykkul area with the large copper deposits in Saryarka.

This “corridor” of steppe communications acquires even more importance in the 1st millennium BC, when, along with the traditional motifs of Saki animalists in Kulzhabasy, emerges the artwork of ancient nomads, whose “traces” are found from the Urals to the lower reaches of Syrdarya to the Altai and Sayan.

The best petroglyphs of this period are concentrated in the eastern part of the Kulzhabasy complex where a remarkable gallery was created on rocks free from petroglyphs of earlier periods. Several vertical and inclined surfaces, so located that many engravings can be seen at one glance from a distance of 10-15m, represent a kind of “triptych”. The foreground scene features a group: two warriors –one with a short sword and a dagger, another with a battle axe and a shield– face left; their profiles show their facial features (chin, nose, high forehead), hairstyle and a tall head-dress with a rounded top. Their body proportions are noticeably distorted and their pose is that of riders without stirrups on invisible horses. A little to the left, on a second surface are several large figures : a horse galloping to the right towards the warriors, a mirror with a long handle with a coin-shaped tip, and an unidentified contour-drawn figure resembling the head of a chimerical griffon. Finally, the centerpiece of the “triptych” is a complex composition that includes several expressive scenes: two horses standing by a sacrificial pole or a schematically-depicted tree; a child delivery scene –a pregnant woman stretching her arms towards a cauldron and a person kneeling in front of her and holding with one hand the leg of the woman in labor and holding a knife (?) to her large abdomen in his other hand; another person, depicted to the left of the woman in labor, is holding her by her shoulders. Other engravings depict shooting archers, people leading camels on a leash and others.

To the right of the panel, on a white quartz rock imbedded in sandstone, there is another pecked depiction of a mirror with a long handle expanding towards the tip. The series of these images is unique and executed with a mastery and realism rare for rock art, thus revealing their creators' familiarity with the best works of Asian nomadic pictorial art and, possibly, the Middle Eastern civilization of the 1st century BC. The entire collection of realistic objects depicted –a cauldron with vertical handles on a conical tray, a battle axe with a bolt, a small rectangular shield and a short sword, dagger, and a head-dress of a unique shape– are more often found beyond Semirechie: in the north-east –in the nomadic cultures of Tuva, Altai, Minusinsk Basin in the period of 6th–4th centuries BC, and in the north-west in the material culture of the Savromats and Sarmats of Zauralye. The rare occurrence of this series of petroglyphs in Kulzhabasy and in the Chu-Ili Mountains testifies to the short presence of these tribes who left such remarkable works of rock art.

Another series of petroglyphs concentrated near an ancient dwelling site stands out: scenes depicting mounted archers hunting goats and deer, humans attired in kaftans and baggy trousers, and others, including three mythical animals resembling “unicorns” known on toreutikh items and in Southern Siberian petroglyphs, related to the Hsienbi culture of the first centuries of our Era.

Medieval petroglyphs in Kulzhabasy are relatively few, but include expressive scenes with confrontations of archers on foot with a mounted standard bearer, a cavalcade of riders with banners, wild sheep hunting and other scenes traditional for the period, with many tribal *tamga* and runic inscriptions.

Very few Kulzhabasy petroglyphs are modern: Oirat *tamgas* and depictions of people wearing kaftans resembling traditional Kalmyk garments. The Oirats were present in Western Semirechie at the end of 17th – first half of the 18th centuries. Kazakh petroglyphs, Arabic inscriptions and *tamgas* often occur on rocks near wintering grounds of the 19th and early 20th centuries.

Sholakzhideli

Location. Sholakzhideli Gorge is located in the Shu District of the Zhambyl Region, 5km east of Khantau Station on the western slope of the Khantau Mountains. The Low Khantau and Zhambyl Mountains form the northern end of the Chu-Ili Range. That area is surrounded by almost impassable deserts (Moyinkum, Begapdala and Taukum), to the west, north, and east. For more than three millennia, it thus had a special significance in the system of interregional communications, cultural, economic, political ties and relations. The routes historically connecting Eastern Europe and Western Siberia, Central Asia, Internal Tien Shan and China met there. Until the middle of the 19th century, trade caravans from Bukhara and Tashkent stopped to rest before continuing their journey through the desert to the shores of the Balkhash and farther on to Irtysh and Tobol. The strategic main road –Big Kalmy Road that connected the nomadic headquarters (*urgu*) of the rulers of the Dzhungarian Khanate and Tibet with the Volga Kalmyks– led from there to the Volga through the Kazakh Steppe. The Khantau archeological sites testify to the significance of the Semirechie area in Antiquity.

Research Status and Documentation. Research on Khantau archeological sites is incomplete. Some sites with petroglyphs were discovered in the 1970's and 1980's by geologists Medoev A.-G., Volobuev V.-I., historians and regional ethnographers Zholdasbaev S. and Baybosynov K. Archeologist Ismagilov R.-B. only excavated burial grounds dating to the Bronze Age in Kozhabala. The most researched type of site is still rock art. In 1994, a French-Kazakh Expedition (Francfort H.-P. & Samashev Z.) surveyed petroglyphs in the Sholakzhideli Gorge. In 2007 and 2009, an expedition from the KazSRI-Nomads carried out archeological exploration in the Khantau Mountains and documented petroglyphs in the Zholakzhideli Gorge. They made a map of the surveyed area, indexed Sholakzhideli Canyon, photographed surfaces with petroglyphs, and made contact copies of some of them.

Archeological Context. Khantau is a large mountain massif mainly consisting of granites and eruptive rocks. Several valleys are parallel along the south-western slope. The largest of them – Sunkarsay, Ulkentaldy, Sholakzhideli and Terekty– begin as wide water-drainage funnels and form deep and narrow gorges in their openings that served as an ideal environment for rock art galleries. As a rule, dwelling sites of the Neolithic and later periods including the Middle Ages are located in the upper part of the valleys near the estuaries of small rivers and springs. Frequent discoveries of ornamented pottery made with a potter's wheel point to the close ties of 9th and 10th centuries AD nomads with the settlements of non-migratory populations and cities in the Chu Valley. Small groups of kurgans of early and medieval nomads were left in the piedmont area, but the largest cemeteries are concentrated in the southern foothills of Mount Sunkar. Groups of funerary fences built with 7/8 boulders stretch in a line along chains of kurgans. Judging from their appearance, these fenced kurgan burial sites resemble Altai sites dated to the Pazyryk Culture of the Scythian Period.¹ Ancient Turkic stone fences and statues were found in hill sites of intermontane areas.

The Kozhabala burial site on the north-eastern slope of Mount Sunkar is the most ancient explored site at Khantau. A total of 150 burials are represented by fenced rectangular or roundish stone structures. Excavated graves yielded cremated remains and a body with ornate pottery and bronze jewelry (bracelets, pendants, bead necklaces). The burial site, dated to the 13th century BC, is attributed to the mixed type of sites of the Andronovo cultural and historical community common in the south of Saryarka and Western Semirechie. As at other Bronze Age burials in the Chu-Ili Mountains (Tamgaly I, Oy-Dzhaylau III), the Kozhabala necropolis records the history of steppe tribes in Central Kazakhstan and all the way to the foothills of Tien Shan in the last third of the 2nd millennium BC.

Typology and Dating. The most ancient petroglyphs in Khantau's mountainous valleys are dated to the Bronze Age. They also include engravings very typical of the Northern Near Balkhash Area rock art by repertoire and style and Bronze Age petroglyphs common in other parts of Semirechie. The most remarkable Khantau petroglyphs include engravings dating to the middle of the 1st millennium BC, most of which are unique or rare, specific to the Chu-Ili Mountains and belonging to the period of early nomads.

The largest location of petroglyphs in Khantau is Sholakzhideli. Most are concentrated on the right slope of a small canyon at the mouth of the valley. The rock massif is formed by alternating rows of erosion terraces that resemble high steps that make the canyon look like an antique theater. All rocks are covered with "desert patina", but horizontal surfaces, where most petroglyphs are carved, had the best qualities for rock art. Therefore, one can see the images only when ascending the slope or standing at the edge of a ledge. This is a specific feature of Sholakzhideli rock art that distinguishes it from all other known sites in the Khantau and Chu-Ili Mountains.

The canyon contains petroglyphs of the Bronze and Early Iron Ages, while the most ancient images cover only a few wide surfaces; the remaining surfaces were used by artists of the Saki Period. Medieval petroglyphs and recarvings of ancient images are few, so most early engravings are in a good state of preservation. There are about 2,000 petroglyphs in all.

Images of horses, bulls, camels and a chariot are dated to the Bronze Age; a two-wheeled chariot is shown schematically without draft animals. They differ only slightly and were apparently created within one period. They also include several artfully carved images, thematically quite similar. A remarkable scene in the upper tier of the canyon is that of a battle between two stallions on their hind legs.

¹ В.Д.Кубарев. Курганы Юстыда. Новосибирск. 1991. С. 23-24. Рис.3; К.Ш.Табалдиев. «Восьмикаменные» оградки, «поминальники» ранних кочевых племен Тянь-Шаня. – Кыргызстан: история и современность. Бишкек. 2006. С. 267-275.

Petroglyphs of the Saki Period, in a majority in the canyon, are often carved on the same surfaces, while in some cases they overlap Bronze Age images. In general, the layer of petroglyphs is heterogeneous, with earlier and later series of images while some images are superimposed in some compositions. Engravings of the Early Saki Animalistic style are characterized by a unique manner of depicting wild animals –herbivores and predators. However, the overall background of the gallery consists of a different pictorial tradition with some elements of animalistic style, but it loses the plasticity intrinsic to the Early Saki art and shows a noticeable prevalence of ornamental elements. Contour images of animals, whose body frame is filled with various lines, scrolls, and other ornamental figures, are dominant. Laced animals clumsily overlap Bronze Age and Saki engravings, which shows a shift in the artistic traditions of the second half of the 2nd millennium BC. They include a unique image of a deer with tree-like antlers and shapes on its back that resemble wings. In general, this series of petroglyphs is similar to those found far in the north-east, in the art of the Tagarian tribes of the Middle Yenisei and Pazyryk Culture of the Altai as well as that of some other sites in the Chu-Ili Mountains (Anyrakay, Tamgaly) and in the Near Issyk Kul Area (Cholpon-Ata). This said, the Sholakzhideli petroglyphs represent the largest series of drawings of this type in the Chu-Ili Mountains. Petroglyphs also include *tamga*-like signs of two types also found in other rock art locations in Central Asia (Altai, Tuva, and Mongolia).

Another rare category of engravings includes mirrors, on several sites scattered along the Chu-Ili mountains from Kulzhabasy in the south to Khantau in the north. Out of five mirrors with a straight protruding handle carved on one surface at Sholakzhideli, four are depicted with life-size proportions, shapes and sizes. Their comparison with dated artifacts gives a probable age for the petroglyphs and indicates the historic and cultural contacts of early nomads in Semirechie, all the more as depictions of mirrors do not occur, for example, in the Dzhungarian Alatau. At the same time, solar images of mirrors with protruding handles are known on sites of the Mountainous Altai (Kalbak-Tash). Thus, the engraved mirrors, together with other discoveries and sites in the Chu-Ili Mountains, reflect the special historical significance of this geographical region in the system of ancient communications through Western Semirechie.

Modern petroglyphs –lineage *tamgas* of Kazakhs of the Great Juz (Senior Horde nomads) of the *Dulat* tribe- were found in the Sholakzhideli and Zhideli Gorges in the vicinity of several dwelling sites dated to the last third of the 19th century. As in other areas of Semirechie, due to a scarcity of land, these signs certified lineage property rights for the most conveniently-located nomadic wintering grounds.

Eshkiolmes

Location. The Eshkiolmes Mountains are spurs of the main range of the Dzhungarian Alatau 15km south of Taldykorgan City –an administrative capital of the Almaty Region.

The specificity of the natural structure of low range Eshkiolmes (850–1,300m) is its asymmetry: the northern slopes consist of smooth hillsides in a gently rolling country covered with grassland vegetation; the southern slope is steep and represents a chain of deep and narrow rocky gorges. Devonian eruptive and sedimentary formations shape the geological structure of the mountains. It is on these patinated Devonian rocks that numerous petroglyphs are preserved.

Research Status and Documentation. Information about Eshkiolmes Mountains rock engravings was reported by a geologist Skrynnik L., and in 1982, an expedition from the Kazakh Pedagogy Institute led by Maryashev A.-N. carried out the first research on petroglyphs and the excavations of burial sites in the foothills. During the following twenty years, the sites of Eshkiolmes were researched by Maryashev A.-N. (in 1982-1988 in partnership with Rogozhinskiy A.-E.) and Goryachev A.-A.

In 2003-2005, an expedition from KazIRP MMC led by Rogozhinskiy A.-E. explored and recorded the Eshkiolmes sites, mapping the complex, determining boundaries and the protection zone of the site in order to file for state registration, and documentation of the main locations of petroglyphs (Rogozhinskiy *et al.* 2004). The site is on the State List of Historic and Cultural Sites of Kazakhstan of National Importance and the UNESCO Tentative List, but the protection zone has not yet been approved and no physical protection or management have been provided yet.

Archeological Context. “Eshkiolmes”, a name common in the toponymy of Kazakhstan, means “a goat won’t die (from starvation)”. Kazakh cattle breeders usually give this name to a locale rich in year-round pasture.

Out of two groups of Bronze Age sites in the foothills of Eshkiolmes, one is dated from the 13th to the 12th century BC (Talapy I settlement, Talapy burial sites I and II, III, Kuygan II) and the other to the 12th and 10th/9th centuries BC (Talapy settlements I, Kuygan I, II and Kuygan burial sites II and III). Materials from the sites show close ties with the cultures of the Late Bronze Age in Central Kazakhstan and Western Semirechie as well as of the steppe, the forest-steppe Altai and the Minusinks Basin. Early Iron Age and Middle Ages sites are poorly explored in the foothills of Eshkiolmes. Individual kurgan burials were excavated at different periods at Talapy I, Kuygan I and II.

Typology and Dating. The concentration of Eshkiolmes petroglyphs is one of the largest in Kazakhstan, with a total of 10,000 engravings dated from the Bronze Age to the beginning of the 20th century. Their spatial location follows a certain pattern determined by the functional importance of specific parts of the landscape at different historic periods.

Thus, rocks located in the mountainous area of Eshkiolmes, near encampments of the Early Iron Age, medieval and modern nomads, are usually marked with small series’ of rough drawings of similar subjects. Bronze Age petroglyphs are very few or nonexistent there. A similar collection of petroglyphs, can be seen along mountain trails that connect parts of the landscape that have economic significance for the cattle breeders, include encampments, pastures, watering holes, and others. Finally, key accumulations of petroglyphs are concentrated on slopes and watersheds of mountain valleys with abundant rock ledges with broad, smooth and thickly patinated surfaces that served as perfect backgrounds for the drawings. These rocky places, often almost impassable and distant from settlements, have always attracted creators of rock engravings by their picturesque beauty. During the third millennium, hundreds/thousands of engravings were created there, some most impressive and genuine masterpieces.

Eshkiolmes petroglyphs were pecked or carved, engraved on rock, but most images were made using a combination of techniques. This specificity of the site is mainly due to the properties of the local rock. Fine-grained sandstone with a glassy smooth surface covered with bluish-black patina was an ideal material that permitted the creation of very expressive exquisite images, in antiquity, in the Middle Ages, and in modern times. Mastery of engraving techniques allowed artists to accurately represent details of real items (armor, clothes, horse outfits), whose comparison with actual artifacts permits the accurate dating of the petroglyphs.

Bronze Age engravings (14th/13th – 9th centuries BC) are the most numerous with several outstanding series of images from different periods that differ in style, technique and repertoire. These differences are not only related to evolutionary changes in rock art, but also to cultural innovations and migrations to Semirechie from other areas of Central Asia. The findings from settlements and burial sites investigated in the foothills of Eshkiolmes and the Koksu Valley include specimens of ceramics and metal articles (women’s adornments, an arrowhead) of the Yelovo Culture dated to the Late Bronze Age in Southern Siberia. In their turn, some series of

petroglyphs at Eshkiolmes have expressive analogies with rock art sites in the Mountainous Altai and Western Mongolia.

A characteristic of the Bronze Age petroglyphs in Eshkiolmes is the notable prevalence of battle motifs and cattle-stealing scenes, which reflects troubled times filled with tribal warfare and fights for the best pastures. Multiple images of battle chariots and warriors armed with spears, bows and quivers filled with arrows, clubs, or missile rocks on a strap are abundant. However, the petroglyphs of the period also include composite creatures and motifs, apparently of mythical content: “sun-headed” anthropomorphs surrounded by animals or driving chariots; archers shooting a “giant” and others. At least two series of Bronze Age petroglyphs are of particular interest. Their creation is related to a massive re-carving of images from a previous period, when older images were crudely remade, with new details that changed the initial appearance and content of entire compositions.

Early Iron Age engravings are notable for their thematic and artistic originality; most are real masterpieces. Unlike petroglyphs made by Bronze Age farmers and pastoralists, the rock art of 1st century BC early nomads is dominated by images of wild fauna represented in a special graphic “animalistic style”. At the same time, horse-riding appears and becomes established in the rock art.

The heroic theme of nomadic rock art is more fully embodied in petroglyphs of the Medieval Period, which include notable images of the Ancient Turkic Period (6th - 8th centuries) and of later periods of the 9th - 12th centuries. Rock art compositions include images of battles with archers on foot and riders, as well as motifs from nomadic life including a collective hunt that played a special role in a militarized nomadic society of the 1st millennium AD. The style of Eshkiolmes medieval engravings is notable for its realism and expression, distinguishing it from other Semirechie sites with rock art of the same period.

Historical and contemporary petroglyphs are relatively minor in numbers. Among them, images and Oirat prayer inscriptions of the 17th - 18th centuries and Kazakh traditional drawings and epigraphy dated to the 19th - beginning of the 20th century are of special interest. Their repertoire includes riders, livestock and wild animals, whilst hunting scenes, sometimes depicting bows and arrows along with firearms; and yurts and lineage signs are rare.

The final stage is that of the Soviet period. Petroglyphs and Cyrillic graffiti of this time occur in small numbers only along nomadic trails, and near wintering grounds in the foothills of Eshkiolmes.

Tamgalytas (Ili Kapshagay)

Location. Tamgalytas is a site of Tibetan-Oirat art and epigraphy of the 17th-18th centuries, located in the Almaty Region, 25km north-west of Kapshagay City, on the right bank of the Ili River. In the middle part of Ili Kapshagay (canyon), at the foot of the erosion rock ledge about 500 m long and 40-45 m high, an accumulation of boulders has 17 surfaces depicting four Buddha images (Shakyamuni, Bhaisajyaguru, Akshobya and Nageshvararaja), bodhisattvas of Avalokiteshvara and about 30 inscriptions executed in Tibetan and Oirat writing.

Research Status and Documentation. Tamgalytas rock art was first examined in 1856 by a Kazakh researcher, Valikhanov Ch.-Ch., and in 1857 by a renowned Russian traveler, geographer Semyonov P.-P. and an artist who accompanied him, Kosharov P.-M. They made a series of ink and watercolor sketches of individual inscriptions along with images from Tamgalytas, which reflect the appearance of the site at the moment of its discovery. In the second half of the 19th century, Tamgalytas was repeatedly visited by different scientists and regional ethnographers. The most valuable information about the site is contained in manuscripts by Larionov K.-A. and specialist articles by Poyarkov F.-V., Pantusov N.-N., as well as the famous Russian Mongolian Studies

specialist Pozdneev A.-M. who first translated most of the inscriptions and gave an interpretation of the Buddha images. A detailed exploration of Tamgalytas was carried out by Pantusov N.-N. in 1897 upon the instruction of the Imperial Archeological Commission.

In 2008-2009, an expedition from KazSRI-Nomads (Yerofeeva I.-V., Aurbekov B.-Zh., Rogozhinskiy A.-E.) completed a comprehensive study of Tamgalytas and made a recording of inscriptions and images (Yerofeeva 2010, Rogozhinskiy 2010). Present-day interpretation of Tibetan and Oirat epigraphy was done by Yakhontova N.-S. (Institute of Oriental Studies, RAS, St. Petersburg) and the iconographic analysis of images done by Yelikhina Yu.-I. (State Hermitage, St. Petersburg).

Since 1981, Tamgalytas, as a site of sacred Tibetan art of the 17th - 18th centuries, has been under the protection of the government. Since 2008, the area of the site has been improved for tourist visits in addition to carrying out conservation activities, but the protection zone of the site has not yet been established.

Typology and Dating. The site contains temporally different images and inscriptions created in four stages.

The first stage includes images of Buddha Shakyamuni, bodhisattvas of Avalokiteshvara, Bhaisajyaguru Buddha and accompanying Tibetan inscriptions on the central panel, an epigraphic figure of Buddha Nageshvararaja as well as various prayer texts including two mantras of Buddha Manjushri, an address to the Fourth Panchen Lama, Lobsang Chökyi Gyaltsen (1570–1662), and four six-syllable mantras “om ma ni pad me hum” carved on different rocks in a circumference.

The second stage includes ten texts of the six-syllable mantra similar in technique, paleography, and content and executed in Oirat “clear script”. Simultaneously or a bit earlier, the pictorial series in the sanctuary was supplemented with an image of Buddha Akshobhi, later surrounded by a new cycle of Tibetan epigraphy.

In the third stage, a mantra dedicated to Akshobhi appeared later around his image on different faces of nearby boulders –a series of Tibetan inscriptions– including a triple six-syllable mantra, a mantra of Buddha Shakyamuni and even two mantras of Manjushri at the southern edge of the sacred site.

The fourth stage included the creation of the longest text in Tamgalytas, reproduced in 11 lines in cursive “clear script”. In the recent translation of Yakhontova N.-S. it offers gratitude to the Buddha images depicted and to bodhisattva for “overcoming dangers [beginning] from diseases to starvation” and wishes to find “long and endless serenity in this land.”

The history of the Tamgalytas complex pertains to the epoch of military and political might and cultural prime of the Dzhungarian Khanate (1635-1757), accompanied by intensive dissemination of Lamaistic Buddhism among the Western Mongolian tribes of Oirats. The creation of the sanctuary is related to the religious and political activities of Galdan Boshugtu Khan (1644–1697): in his day, Lamaism was established among the Oirats. The location for a Buddhist sanctuary was chosen because it is near one of the main river crossings of the Ili River, which played an important role in the network of trans-regional communications in Semirechie at the end of the 17th century – first half of the 18th century as well as in implementing a policy of conquest by the Dzhungarian Khanate in Southern Kazakhstan and Central Asia.

The sanctuary no longer actively worked or was visited by Lamaists from about 1758, after the defeat of the Dzhungarian Khanate by the troops of China under the Tsin Dynasty and the consequent return of Kazakh and Kyrgyz clans to the lands of Semirechie.

A final stage of cultic epigraphy at the Tamgalytas sanctuary pertains to a climactic episode of the last great migration of Volga's Kalmyk-Torguts led by Ubashi Khan in 1771 from Russia to the lands of the former Dzhungarian Khanate. Thus, the Lamaist sanctuary in Tamgalytas Gorge functioned for about 100 years –from 1676/1677 to 1771.

The complex of rock engravings and inscriptions in Tamgalytas has no analogies in the western part of Central Asia, neither by the composition of personages of the Tibetan pantheon presented, nor by the number of texts –different in content and languages. There are more than 20 known sites of Tibetan Buddhism dated to the 17th – middle of the 18th century in Kazakhstan, with isolated sacred art sites among them. Cultic sites with the similar replicated prayer formula “om ma ni pad me hum” (Taygak, Akkaynar, Kegen Arasan and others) prevail among several dozens of registered locations of Tibetan and Oirat epigraphy. Tamgalytas images and early inscriptions show some similarity with a group of sites of Tibetan Buddhism in Northern Kyrgyzstan (Yssyg-Ata and Tamga). However, Tamgalytas stands out due to its artistic originality, diversity of epigraphic texts and time span of their creation, which unquestionably reflects its special significance at the time of its creation and functioning.

Akterek

Location. The Akterek Valley is in the Zhambyl District of the Almaty Region, 4km south of Akterek Village, 100km west of Almaty City. Akterek Gorge is located on the northern slope of Zailiyskiy Alatau, the western lower part of the range. Along with other adjacent valleys –Kastek, Rgayty– Akterek Gorge forms an important part of traditional mountain transit routes that connect Semirechie and the Ili Valley with the upper reaches of the Chu River, the Issyk Kul Basin and the area of Central Tien Shan.

Research Status and Documentation. Archeological research was conducted at various times by the Semirechie Expedition of the AS of KazSSR in the foothill plain near the entrance of Akterek Gorge. In 1956, Ageeva E.-I. excavated two funerary fences and seven kurgans dated to the 3rd - 1st centuries BC (Ageeva 1961: 26-28, 35, 37. Fig. 5); Patzevich G.-I. explored a small fortified settlement from the 10th - 12th centuries AD (AKK. 1960, No. 4032: 289).

Further research was renewed under the leadership of Akishev in the late 1980's–early 1990's. Trifonov Yu.-I. discovered and partially excavated burial sites of medieval nomads, but never published his results. Mirzabaev A.-S. researched petroglyphs in Akterek Gorge for the first time (1990: 137-140). In 2007-2009, Rogozhinskiy A.-E. continued exploring and recording the Akterek Valley petroglyphs; a map of the major concentrations of petroglyphs was made and the images photographed. The total number of Akterek petroglyphs exceeds 1,000.

Archeological Context. Near the dwelling sites were discovered petroglyphs dated to different periods, dwelling sites (No. 1-5) and an ancient Turkic runic inscription (No. 4). The dwelling sites are dated to the 19th - early 20th centuries, but Early Iron Age and medieval ceramics were found on the surface as well.

Typology and Dating. Rock engravings are found practically everywhere on the left-hand rocky slope of the gorge, where the habitation sites are located. They are carved on the well patinated black or dark-brown surfaces of fine-grained sandstone. The most ancient ones date to the Bronze Age. Some are similar to Late Bronze Age petroglyphs in many other locations at Semirechie. An earlier group of engravings is noted for its repertoire and style, and is somewhat similar to some on sites in the southern part of the Chu-Ili Mountains (Akkaynar, Kulzhabasy) and Eastern Fergana

(Saymaly-Tash, Sahaba). Unique compositions include: one with images of three pairs of bulls near a Y-shaped tether and a human in an adoration pose; a solitary human figure with a turned over crescent over the head resembles “moon-headed” personages at Saymaly-Tash.

Early Iron Age petroglyphs, the most numerous, are in the tradition of the Saki animal style. As elsewhere at Semirechie, drawings of ancient and medieval nomads often overlap more ancient images. It is common for the latter to complement compositions of preceding epochs with individual images of humans, animals, and *tamga* signs. A representative series of medieval and Kazakh *tamgas* next to dwelling sites was discovered at Akterek. The closest analogues to the Akterek *tamgas* are in the Chu-Ili Mountains and in the Near Issyk Kul Area.

Southern Kazakhstan

Geographically, Southern Kazakhstan extends across three administrative regions (Zhambyl, South Kazakhstan and Kyzylorda). Most of the territory is flat and occupied by steppes, semi-deserts and deserts: in the south-west, on the left bank of the Syrdarya River, by the Kyzyl Kum sands and Shardara steppe; in the east, by the Moyinkum Desert between the valleys of Chu and Talas Rivers; in the north, by the eastern edge of the Dala Desert (Golodnaya Steppe). The middle of the region is occupied by the Karatau Range (2,176m); in the south-east, borders are determined by the western spurs of the Talas Alatau (4,027m), Kyrgyz Alatau (3,820m); and in the south-west, by the Karzhantau (2,824m) and Ugam Ranges (4,238m). The natural and climatic conditions of Southern Kazakhstan are favorable to the development of irrigated agriculture and various forms of cattle-breeding including nomadic. The specificity of that natural environment since antiquity has enabled a long coexistence of settled and nomadic communities. Historically and culturally, this brings together Southern Kazakhstan and Semirechie that both occupy an intermediate position between Central Asia and the steppe-and-forest area of Siberia and the Urals, acting as a contact zone of oases and steppes.

Rock art sites are found in all Southern Kazakhstan mountainous regions. Rock paintings have not been discovered. The most numerous and well-researched petroglyphs are at Karatau; the least-researched are in the Western Tien Shan highlands, home to the most notable highland complex of petroglyphs: Aksuzhabagly in Talas Alatau. So far, nearly 50 petroglyph sites have been discovered and researched to a different extent in Southern Kazakhstan, but only the Aksuzhabagly petroglyphs receive protection due to their location within a wildlife preserve.

First reports about petroglyphs in the Karatau Mountains date to the early 20th century, but systematic research of the site commenced in the late 1950's and related to activities of the Southern Kazakhstan Comprehensive Expedition of the Academy of Sciences (Senigova 1962: 87-97). The discovery of most known locations in Southern Kazakhstan in the early 1970's was due to the research and exploration of the Northern Karatau Party of the Archeological Expedition led by Kadyrbaev M.-K. and Maryashev A.-N. (Kadyrbaev & Maryashev 1977: 8-10). Petroglyphs within the two largest locations (Arpauzen and Koybagar) in 1970-1973 became a test site for the development of the then progressive methods of documentation and research of rock engravings. In the 1980's, several locations of petroglyphs in the southern part of Karatau were discovered and explored by Samashev Z. (Teris, Zhyngylshek).

Research of Southern Kazakhstan sites intensified at the beginning of this century: a large location of petroglyphs (Sauiskandyk) was discovered in Northern Karatau (Samashev Z. & Shvetz I.-N.); a series of sites in Central Karatau was explored (Maryashev A.-N. & Potapov S.-A.); documentation and research of petroglyphs at Arpauzen and Koybagar, as well as at Tamgalytas in Betpakdala continued (Rogozhinskiy A.-E.), in line with site conservation objectives and preparation for a UNESCO serial nomination.

Many Southern Kazakhstan sites include petroglyph complexes dated to different periods, the most ancient to the Bronze Age. Late Bronze Age (last third of the 2nd millennium BC) engravings are identified from specifics of style, repertoire, and images of items from real life (chariots, armor); this pictorial tradition is also represented on sites at Semirechie, in the Near Issyk Kul Area, the Talas Valley, and Western Tien Shan. Petroglyphs dated to the first half of the 2nd millennium BC are the most diverse, with two key pictorial traditions: petroglyphs related to the Seymin-Turbin artistic tradition of the steppe area in Kazakhstan (Saryarka); petroglyphs whose repertoire and style clearly reflect the influence of the culture and art of pre-historic Central Asia. Analogies exist with Zeravshan Valley sites (Sarmishsay, Soyi-Sobog), Kyzyl Kum (Bukantau) and the southern part of the Chu-Ili Mountains at Semirechie (Kulzhabasy).

Pictorial traditions dated to the Early Iron Age are clearly notable at the Karatau and Talas Range sites in relation to: first, to the tradition of images on “deer stones” in Western Mongolia, Tuva, and Altai; second, to the Early Saki art of nomads in Syrdarya and Pamir. Medieval engravings are also numerous and common wherever petroglyphs are found. Places where natural cliffs or stelae predominantly or exclusively have *tamgas* and epigraphy (Tamgalytas) constitute a special category in Southern Kazakhstan. Another specificity of Southern Kazakhstan is the abundance of modern petroglyphs (17th - early 20th centuries) and a preserved tradition of creating rock art in the present.

The Most Important Sites in Southern Kazakhstan

Arpauzen

Location. Arpauzen archeological complex is located in the Sozak District of the Southern Kazakhstan Region, 30km north-west of the district capital – Sholakkorgan Station, 3km south-west of Abay Village. Geographically, Arpauzen Gorge lies in the foothills of the slope of the Great Range of Near Syrdarya Karatau.

The Arpauzen Complex is located where the rivers Arpauzen, Taskura and Sarymsakty from the Greater Karatau Range join the Chu River Valley. The highest peaks of the Greater Karatau are there (Bessaz Peak, 2,176m and Kelenshetau Peak, 1,796.5m). Petroglyphs were made on the slopes at the riverside, on reddish-brown and grayish-brown fine-grained sandstones outcrops. They are rarely found on the northern slopes of erosion valleys.

Research Status and Documentation. In 1959, Alpysbaev H.-A. explored a kurgan burial site in the Taskura Valley; this is the first evidence of archeological sites in the Arpauzen Complex (AKK 1960. C.238, № 3428, 3429 (AKK. 1960: 238, No. 3428, 3429). Arpauzen petroglyphs were discovered in 1970 by Maryashev A.-N. and were then researched jointly by Kadyrbaev M.-K. (Kadyraev & Maryashev 1977). They identified 8 groups of petroglyphs, recorded 3,401 images, and developed a first periodization of the images. The most ancient petroglyphs in Arpauzen were dated by them to the Late Bronze Age. Now, it seems possible to date early Arpauzen petroglyphs to the first half of the 2nd millennium BC.

In 2003-2004, archeological research at Arpauzen was resumed by Rogozhinskiy A.-E. (KazIRP MMC), within the UNESCO CARAD project and in line with the instructions from the Ministry of Culture of the RK. In 2004, a description of the Arpauzen Complex was prepared to file the site for state protection, a baseline documentation was created (archeological map, inventory of sites, indexed panoramas), 17 groups of petroglyphs with 930 surfaces with images were identified, and reconnaissance excavations were done in two settlements. The total of petroglyphs registered amounts to more than 5,000.

In 2002, the Arpauzen petroglyphs were put on the Tentative World Heritage List of UNESCO.

Archeological Context. Arpauzen consists of one complex of archeological sites concentrated in a relatively small area of 37.5km², dated from the Bronze Age to the early 20th century. A total of 130 archeological sites including 20 settlements and over 80 burial grounds with 17 main concentrations were found.

Concentrations of, as well as solitary, Neolithic artifacts were discovered in the piedmont area near springs. The most ancient researched sites include the Bronze Age settlements of Arpauzen IV and VI. The ceramics are heterogeneous and include fragments of dishware made with a potter's wheel, of Tautarin type and similar to materials from the Tazabayan settlements in the lower reaches of the Zarafshan River (Gudzhayli) dated to the middle of the 2nd millennium BC. There are also Kurgan burial sites from the Early Iron Age, medieval ritual fences with statues, remnants of wintering grounds and fortified villages with traces of irrigation channels and cemeteries of the 17th – 18th centuries. Key concentrations of petroglyphs at Arpauzen are located on slopes between two adjacent erosion valleys. In the vicinity of the villages, there is a concentration of petroglyphs with frequent overlapping.

Typology and Dating. A vast majority of petroglyphs are pecked. Engraved images are sporadic. Possibly, the earliest drawings include a small composition with images of bulls incised and differing in style and technique from Bronze Age petroglyphs. All periods are dominated by images of Bactrian camels, also found at other Karatau sites.

Three series of engravings stand out at Arpauzen. Cases of mutual superimposition of these petroglyphs are very rare, so their chrono-cultural attributions are based on comparisons of style and iconography with other sites. The earliest petroglyphs, the most obvious, are concentrated on rocks in groups 8, 9 and 10 near the settlements of Arpauzen IV, VI; small series are found in groups 3 and 5. Their varied repertoire includes images of horse, deer, wild ram, goat, dog, long-legged birds (cranes?) and humans (bird and Asiatic wild ass hunters, warriors with axes, bows and sticks); there are also four-wheeled carts pulled by horses or camels, mirrors, "labyrinths" and signs. Images of both animals and humans are exquisitely rendered, indicating the volume of three-dimensional models on a two-dimensional surface. About 100 of these engravings are in groups 5, 7, 9-11; some of them are unquestionable masterpieces.

Real-life objects depicted (mirrors, "batons") have prototypes among cultural artifacts found at Sapalli (Uzbekistan), dated to the first half of the 2nd millennium BC. Animal images are also close to toreutic items and figure-casting of pre-historic Bactria and Margiana (Gonur-tepe, Zardcha-Khalifa). These Arpauzen petroglyphs are similar in repertoire, style, and iconography to Bronze Age petroglyphs at Sarmyshsay (Uzbekistan), also characterized by the interaction of steppe tribes and farmers of Central Asia (Avanesova 2002: 17).

To another Bronze Age type belong petroglyphs concentrated in groups 12 and 13 around the Arpauzen IV settlement and sometimes found in groups 11, 14, 16. They are chronologically close to those of type I, but significantly differ from them in repertoire, style and iconography. They include humans and animals (camels, horses and bulls), carved in a style close to that of petroglyphs at Baykonur (Novozheniv 2002, Table 26, 1a, Tables 31, 14. 4-5) and Terekty-Aulie in the western part of Sary-Arka (Samashev *et al.* 2000: 7, fig. 1,7). They reflect the process of Andronovo Culture tribes moving from Central Kazakhstan southwards to oases of Central Asia in the middle of the 2nd millennium BC.

A series of images at Arpauzen are similar in repertoire and style to Semirechie petroglyphs dated to the Late Bronze Age. They occur in early palimpsests at Arpauzen and overlies petroglyphs of the

two earlier types. Their repertoire also includes images of horse-drawn chariots, coupled humans in an adoration pose, and a bull figure among the animals.

There are few petroglyphs of the Early Iron Age at Arpauzen, but several compositions with large (up to 1m) images of deer, wild boar, and bear in the Saki animal style are remarkable due to their high quality of execution. Some of them reproduce in detail animal images known from items of Saki applied art in the Near Aral Area and Pamir from the 7th - 6th centuries BC.

The medieval period at Arpauzen is represented by images of camels and riders that often supplement ancient compositions. The repertoire lacks battle scenes and only a very few images represent riding standard-bearers, typical for rock art of the ancient Turkic epoch in other territories. Along with images of Bactrian camels, one-humped camels begin to be depicted during this period.

A specific feature of Arpauzen petroglyphs is the abundance of Kazakh images dated to the 18th - 20th centuries. The prevailing themes are riders prowess, hunting, pastures or cattle stealing; the weapons only include firearms, with matchlock guns on bipods. Kazakh petroglyphs and inscriptions of the 19th - 20th centuries, carved in Arabic, Latin, and Cyrillic occur everywhere in the main locations, predominating near the main trails and roads.

Koybagar

Location. Koybagar Gorge is located 30km north of Arpauzen, 5km west of Kozmoldak Village. The petroglyph site is at the mouth of a deep gorge, on the left side of the Karakuyis River valley and its wide delta in the foothill uplands. The erosion of the ancient surface resulted in a chain of small hills, on the slopes of which are scatterings of boulders with petroglyphs covered with “desert patina”.

Research Status and Documentation. As at Arpauzen, the site was, for the first time, explored in 1970-1971 by the Karaut Party of the Southern Kazakhstan Archeological Expedition led by Kadyrbaev M.-K. and Maryashev A.-N. Those pioneers identified three main concentrations of petroglyphs near the mouth of Karakuiz Gorge – Koybagar I-III. The petroglyphs are pecked on individual boulders located on the slopes of three hills with flat tops (Kadyrbaev & Maryashev 1977). In 2003-2004, the Koybagar petroglyphs were explored by Rogozhinskiy A.-E. as part of the UNESCO CARAD Project. The geographic coordinates of the main petroglyph sites were recorded, and photos and copies of more than 130 boulders with images were made.

Archeological Context. A small concentration of petroglyphs exists on the southern and southwestern slopes of the hills. Multiple kurgan burial sites of ancient and medieval nomads are well preserved on the flat tops of the hills and along the mouth of the gorge. In small ravines along the Karakuyis River bed, shielded from the winds, are tens of dwelling sites dating to the 18th - early 20th centuries, and, possibly, other later settlements.

Typology and Dating. Petroglyphs dated to the Bronze Age and the early 20th century stand out. The most ancient are distinguished by their wide variety, with a bull and “spectacle-shaped” signs (two circles connected with a line). Late Bronze Age ones include many scenes with battle chariots and combat motifs. A chariot driven by two horses is rare in rock art. Bronze Age petroglyphs predominate over Early Iron Age and Medieval ones. The last burst of intensive pictorial activity in Koybagar dates to Late Middle Ages and modernity or the 17th – early 20th century.

Sauiskandyksai

Location. Sauiskandyksai is on the north-eastern slopes of Karatau in the Shieli District of the Kyzylorda Region, 60km east of Shieli, 15km north of Aksumbe Village.

Research Status and Documentation. Rock art images at Sauiskandyk were discovered in 2004 by an expedition from a Turkish-Kazakh University (Turkestan City) led by Yeleunova M. They were researched and recorded under the leadership of Samashev Z. (Institute of Archeology of SAS of the RK), in partnership with Shvetz I.-N. In 2008-2009, Rogozhinskiy A.-E. studied both petroglyphs and epigraphy. Sauiskandyk is the northernmost location of petroglyphs in Karatau.

Typology and Dating. The Sauiskandyk Valley is about 3km long; two Bronze and Middle Ages dwelling sites were identified in the upper reaches of the valley. The main concentrations of petroglyphs are located on the right bank of the valley and along the riverbeds on shale and sandstone outcrops, with a total of more than 3000 images.

Bronze Age petroglyphs show artistic expressivity and a diverse repertoire. Two series of drawings stand out. The first one includes images of animals (bulls, horses, and predators) and humans (warriors with clubs, women, erotic scenes, composite creatures) that significantly differ stylistically from other known Karatau Bronze Age petroglyphs. Images from this group prevail in the middle and lower parts of the valley. The second group includes engravings concentrated in the upper part of the valley near dwelling sites. Images of horses with a pronounced mane are dominant; there are many scenes with camels, humans and signs in the shape of a right-angled cross. Stylistically, these petroglyphs are comparable to the second Arpaufen type and to many others in Central Kazakhstan and date to the middle of the 2nd millennium BC. Late Bronze Age petroglyphs are small in number, with bulls, horses, and chariots.

Early Iron Age drawings, with expressive scenes with naturalistic animals and compositions with humans, are not numerous.

There are very few medieval petroglyphs, but they also include quite expressive compositions: covered wheeled wagons on wheels with spokes surrounded with riders, camels; a yurt with female and male figures inside; a scene of battle between two riders; *tamgas*.

A large series of Arabic inscriptions (about 40) and *tamgas* of different types, dating to the 18th – early 20th centuries, were mainly found on rocks along the trail running through the bottom of the gorge. There are also images of rifles on bipods and Kazakh *tamgas* dated to the 17th - 18th centuries. A large number of texts of apparently religious and memorial content are related to the functioning of a transit caravan road that passed through Sauiskandyk Gorge in the northern part of Karatau.

Tamgalytas near Lake Tamgalynura

Location. The site is in the Sozak District of the Southern Kazakhstan Region in the north-western end of the Betpakdala desert, on the southern bank of salt Lake Tamgalynura, on the left bank of the channel Sarysi–Boktyrkaryn River.

Research Status of the Site. The first reports about Tamgalytash and its images and inscriptions date to the late 19th - early 20th century. The map of the Western Siberian military district (1896) indicates a “stone Tamgaly-Tash” on the southern bank of salt Lake Tamgaly-Tuz on a highland (Tamgaly-Dzhar Gorge); a more detailed map of the same site (1920) (P.XIV.Л.8) indicates stone Tamgaly-Tash on the left slope of an erosion valley where Tamgaly Spring is shown at the mouth of the valley. When information was collected for military topographic maps, ethnographic information about images on the rock and their meaning for the evaluation of the Kazakhs along the Sarysu River was also collected.

In 1895, an interpreter (Khasan Bekhodzhin) who accompanied a military doctor from Akmolinsk City, Kuznetsov A.-I., photographed and sketched signs on the Tamgalytas boulder and translated some inscriptions (Kuznetsov 1927: 123)). In 1936, the geologist Satpaev K.-I. explored Tamgalytas (1941: 69). In 1946, Margulan A.-H. explored the site and distorted the interpretation of an inscription translated by Bekhodzhin Kh. in order to draw a false historical conclusion about the origin of the site as if it related to the unification of Kazakh tribes and the proclamation of the Kazakh Khanate in the 15th century (Margulan & Ageeva 1948: 131; Margulan 1997: 36-37; Margulan 2003, Fig. 361). His statement that “there are names of Ak-Orda khans Urus-Khan, Kuyichirk Barak and many others among the inscriptions” is also unreliable (Margulan 1997: 36-37).

In 2009, an expedition from KazSRI-Nomads (Rogozhinskiy A.-E.) made an inventory of the petroglyphs and photographed all the known surfaces; one more petroglyph site was identified near the Tamalytas boulder.

Archeological Context. A Kazakh necropolis consisting of 20 burial structures of different types and different state of preservation is found on the terrace near the Tamgalytas boulder. There is a stone slab with an epitaph (a symbol of faith) and a *tamga* represented as two parallel lines on one of the mounds. The inscription dates to the late 19th century. Neolithic stone artifacts were found on several sites along the shoreline terrace of the lake.

Typology and Dating. The site is located on the southern shore of Lake Tamgalynur, in Tamgalydzhar Gorge. The shoreline terrace is cut across by many erosion valleys, with Tamgaly Spring located in one of them; several isolated outcrops of sandstone are above the spring along 200km on the left side of a small ravine. The loose substrate lends itself to handling and destruction; the rock surfaces are coarse, reddish-brown, covered with dark-brown and black patina (“desert patina”) in some places. The largest number of ancient signs and inscriptions were found on a sandstone outcrop, a remnant of “Tamgalytas stone”, closest to the spring. Higher along the dry riverbed, there are three more large sandstone outcrops with a large number of inscriptions and signs.

Three temporally different groups of petroglyphs can be made out: ancient *tamgas* without accompanying epigraphy; Arabic inscriptions, sometimes accompanied by *tamgas*; Cyrillic inscriptions-graffiti of the 20th century.

The earliest *tamgas* are deeply (up to 0.5-2.0 cm) abraded and hammered into surfaces and fragments of Tamgalytas 1 and 3. A sign consisting of two or three parallel lines frequently occurs; others are sporadic. Matching these *tamgas* with those of Oguz and Kipchak people suggests a date of origin for the first Tamgalytas images within the 8th - 12th centuries. The second period at the site is that of the early Tamgalytas epigraphy; Beysenbiev T.-K. who studied several inscriptions dates them to the end of the 19th century. Some *tamgas* of different Kazakh tribes from the Minor and Middle Zhuses are dated to the same period. The final stage of the site's history, judging by the dates of visitor's inscriptions, covers a period of time from the 1930's to the 1990's.

There is another small group of boulders with *tamgas* located 1.2km to the south-east of Tamgalytas on the right slope of the erosion valley. One slab was used to build the Tamgalytas site erected recently at the edge of the terrace. A total of 10 varieties of these signs are comparable to *tamgas* of the medieval period identified within the main location of Tamgalytas.

Central Kazakhstan Sites

The middle part of Kazakhstan is occupied by a vast mountainous and steppe country –Saryarka (Kazakh Uplands). The unique landscape of Saryarka houses material evidence of the region's ancient history left by ancient Stone Age hunters and Neolithic people, by shepherds and metal makers and by nomadic tribes from the Early Iron Age, Middle Ages, and modernity. The evidence includes rock drawings, although such sites are less numerous on the map of the central part of Kazakhstan.

The area of the main watershed Saryarka is mostly represented by mountain rocks not very suitable for engraving. Those preserved are on isolated rocks at a great distance from one another, mainly on relatively smooth granites and diorites enclosed by natural ledges.

Dravert P.-L. Grotto in the Bayanaul Mountains is a famous rock art site, discovered in 1926 on the south-eastern shore of Zhasybay Lake by a Russian geologist and poet, after whom it was named. Several humans facing the entrance of the cave were painted in ochre on its roof, so they could be seen from the depths of the niche. Paintings similar in contents and technique were also discovered later in other shelters in forested areas of the lake. The main motifs on the walls and roofs include humans, but also isolated animals, birds, a bow with an arrow and unsophisticated geometric shapes or signs. It is difficult to date them; it is unlikely that most would date beyond the Bronze Age, a period of active peopling of the area with Andronovo and Begazy-Dandybaev culture tribes.

Rock paintings in central Saryarka were also made in another remarkable site –Tesiktas Grotto– located in the spurs of the Kyzyltau Mountains, in the upper reaches of one of the Sherubay-Nura River tributaries, far from Lake Bayanaul. Although the natural environment is quite similar, Tesiktas represents a different type of landscape and rock paintings.

Petroglyphs in Akbidayik and Olenty in the north-eastern periphery of Saryarka –a rare type of archeological site for the area– are among the northernmost rock art sites in Kazakhstan. They represent the earliest examples of steppe-tribes' rock art from the 3rd to the first half of the 2nd millennium BC, which permits us to trace some pictorial traditions of the Bronze Age common in the southern regions of Saryarka (Northern Near Balkhash Area, Ylitau) and farther in the Karatau and Chu-Ili Mountains.

Terekty Aulie, 90km east of Zhezkazgan City and 20km north-west of Terekty Station in the Karagandy Region, is a remarkable rock art site in the south-west of Saryarka. It is small, both in terms of the space occupied and its number of petroglyphs on granite. The main series of Bronze Age petroglyphs is homogeneous and special. Many archeological sites belong to different periods, with Paleolithic, Neolithic and Bronze Age dwelling sites, Early Iron Age kurgans, remains of mining activities, a necropolis with medieval and 18th - 19th mausoleums. Terekty Aulie is one of the few rock art sites in Kazakhstan where rocks with ancient petroglyphs are part of a cycle of religious and cultic worship. The most ancient petroglyphs favor horse images. There are also two-humped Bactrian camels, bulls, goats, deer, snakes, a feline predator and a chariot. The integrity of the iconography and style of this Terekty Aulie rock art, attributed to the Seymin-Turbin pictorial traditions from parallels with items of those cultures, serves to identify rock art sites in the south-west of Saryarka (Baykonur Valley), south Kazakhstan (Karatau) and Central Asia (Fergana).

A vast mountainous semi-desert exists from the Northern Near Balkhash area to the south of the main watershed of Sary-Arka (Kazakh Uplands). The harsh weather of this practically impassable region has preserved some remarkable ancient sites including petroglyphs. Some were discovered in the 1960's by Margulan A.-H., geologists Medoev A.-G. and Aubekeroev B.-Zh. and studied in 2007 by Rogozhinskiy A.-E., but, in general, this area of Kazakhstan is considered as poorly

researched. Two famous sites –Besoba and Kalmakemel– are good examples of the rock art in the Northern Near Balkhash Area.

The Most Important Sites of Central Kazakhstan

Tesiktas Grotto

Location. Tesiktas Grotto is located in the Shet District of the Karaganda Region, 13km north-east of the district capital (Aksu-Ayuly), 5km north-west of Aktobe Village, in the foothills of the Kyzyltau Mountains.

Research Status and Documentation. The Tesiktas Grotto paintings were examined in the 1940's by Magulan A.-H.; in the 1980's, the paintings were recorded by Novozhenov V.-A. (Novozhenov 2002). In 2007, the site was studied by Rogozhinskiy A.-E.

Archeological Context. A kurgan burial site, west of the rock with paintings on the adjacent plain, is dated to the Early Iron Age. Ten kilometers east of the paintings, there is a vertical stelae-shaped rock.

Typology and Dating. Two isolated towering granite rocks in the piedmont plain are at some distance from the low hills. The upper part of one of the rocks has a large open niche with paintings on its high arch. At the centre of the arch, one can see two short-horned oxen and several cross-like signs; nearby are amorphous spots of red ochre –traces of other unpreserved images-, which could only be sketched in the 20th century. One of the animals was outlined, only part of the second remains. On the second surface of the arch, there is one more noticeable contour figure, possibly an animal depicted less realistically. Beyond the open niche, on the side rocky surfaces, traces of other paintings are nearly completely obliterated and indiscernible.

An opening forms a wide passage in the rock oriented south to north, while the legs of preserved animal images point to the east and their heads face south. Possibly, the orientation of the drawings in relation to cardinal points was less significant, since during the days of low solstice, one can observe rays passing through the opening in the rock lighting the paintings and creating an impressive view. The age of the Tesiktas paintings has not been determined but researchers attribute them to the Bronze Age (Margulan 2007: 20; Novozhenov 2002).

Akbidayik

Location. Akbidayik Gorge is in the Ekiastuz District of the Pavlodar Region, 1.5-2km south-east of Maykain Station.

The drawings were executed on the smooth reddish surface of a large (15× 25m) sandstone outcropping 0.5-0.7m above its surroundings. The central part of the rock with petroglyphs was severely damaged by the extraction of building stones; its western part, with several spectacular compositions, is well preserved.

Research Status and Documentation. Akbidayik rock art was discovered in 1990 by Mertz V.-K. (Pavlodar Archeological Expedition). In 2004, the exploration of the site and a baseline documentation were carried out in partnership with Rogozhinskiy A.-E. to file for state protection: an archeological map of the complex, an inventory list, indexed panorama, photos and copies from engraved surfaces were made; Iskakov K.-T. (assistant of conservation specialist) studied the state of preservation of the petroglyphs and recorded damages.

Archeological Context. More than 30 archeological sites were identified in the vicinity of the petroglyphs including dwelling-sites/workshops from the Stone Age (Lower Paleolithic, Neolithic

and Eneolithic/Chalcolithic), settlements and burial sites (Bronze Age – Early Iron Age), petroglyphs as well as remnants of a railway embankment dated to the early 20th century.

Typology and Dating. At Akbidayik, there are engravings from three/four stages of cultures in the north-eastern periphery of Saryarka: Neolithic, Eneolithic, Bronze and Early Iron Ages. It is not improbable that some drawings may date to later periods. Nearly 100 petroglyphs in several groups were discovered on horizontal and inclined rock surfaces. The most expressive drawings are concentrated on the north-western surface; there are cases of superimpositions.

The most ancient petroglyphs include schematic humans with widely spread arms, legs and a pronounced phallus. Next to them are barely-discernible zoomorphic images. Some drawings are damaged due to wind erosion of the rock surface. Petroglyphs were apparently pecked with a rough stone tool. An archer is overlaid by a horse. These drawings may date to the Stone Age.

The most numerous group includes large animals realistically depicted, with a multi-figured panel including over 30 different images with large (30–75cm) figures of horses, Asiatic wild asses, oxen, goats, schematic humans and unidentified signs. On the right is another group of drawings with deer and horses. Naturalistic horses are prominent in most compositions. The same technique was used to peck their silhouette regularly. Despite the fact that many figures overlap, most were apparently created within one period in a specific order. Akbidayik horses have analogies in the eastern and south-eastern regions of Kazakhstan as well as in the Turbin-Seymin pictorial tradition at the start of the Early and Advanced Bronze Age.

In addition to these two groups of the most ancient petroglyphs at Akbidayik, there are images of bulls (*Bos primigenius*) with horns lowered and pointing forward, overlapping mountain goats, saiga antelopes, deer and other animals. These images date from the Eneolithic to the Early Bronze Age (3rd – early 2nd millennium BC) and to the Early Iron Age (7th – 4th centuries BC).

Olenti

Location. The petroglyphs are on the right bank of the Olenti River, 10km south-west of Tay Village in the Ekibastuz District of the Pavlodar Region. More than 50 petroglyphs were found on 17 surfaces of large blocks of light-brown sandstone rocks on the slopes of the river terrace.

Research Status and Documentation. The Olenti petroglyphs were discovered in the early 1970's by a regional ethnographer Mool O. In the 1990's, the site was explored by Mertz V.-K.; in 2005, the petroglyphs were examined by Samashev Z.

Archeological Context. A systematic research of the district revealed a great number of temporally different archeological sites: Neolithic and Eneolithic dwelling sites, Bronze Age burials and kurgans of the Early Iron Age nomads.

Typology and Dating. All the engraved rocks are on the steep slope of a terrace; their surfaces are encrusted with a thick layer of lichen. Individual drawings are pecked, but in the soft rock, most engravings were created by using a technique of deep carving, some even appearing as bas-reliefs.

Petroglyphs form small compositions consisting of several animal and human figures. Often, the drawings are grouped around one or two images centrally positioned: a human is in the center of one of the rocks with a panther, oxen, and other poorly discernible images. There are erotic scenes. Animals include oxen with long horns curved upwards, horses with a fringe on their heads, deer, saiga antelope, and others.

According to their stylistic specifics and iconography, two major pictorial traditions were identified at Olenti. The first includes a series of humans (erotic couples, a birthing woman, archers) and oxen with horns either long or curving upwards, while the second one includes horses carved in a manner indicative of the Bronze Age Turbin-Seymin pictorial tradition.

Early images at Olenti have no accurate analogies among known Kazakhstan rock art sites; their repertoire, technique, style, and iconography are akin to images on bas-reliefs in the Apsheron Peninsula. These early Olenti petroglyphs are supposedly dated to the Eneolithic – Early Bronze Age, and thus related to the earliest images of rock art in Northern Saryarka.

Besoba

Location. The Besoba Valley petroglyphs are located in the Karaganda Region, 45km north-east of Sayak City, on the right bank of the Turanga River, along the eastern slope of the Semizbugu Mountains.

Research Status and Documentation. Sites in the Semizbugu Mountains and Besoba Valley were discovered and researched in the 1960's by geologists Medoev A.-G. and Aubekeroev B.-Zh. An archeological and geomorphological map of the area was then made (Medoev 1979). In 2007, Rogozhinskiy A.-E. studied, recorded and photographed petroglyphs at Besoba, and drew up an archeological map.

Archeological Context. The Besoba plain stretches along the eastern slopes of the Semizbugu Mountains. A large complex of dwelling-sites/workshops dated to the Paleolithic and Neolithic, kurgan burial sites from the Early Iron Age, wintering grounds and cemeteries dated to the 19th-early 20th centuries were discovered. The topography of the sites points to an erratic frequentation of the region at certain historical periods. The most favorable conditions for life existed, apparently, in the Neolithic and Bronze Age.

Typology and Dating. Petroglyphs are pecked on diorite porphyries 2-3m above their surroundings. The rocks stretch from north to south in several rows along the valley for 5–10km and form natural galleries with ancient drawings. A total of about 300 surfaces with rock art were recorded with nearly 1,000 petroglyphs.

In some places, vertical and inclined surfaces of rocks stretch for tens of meters. There are many images on rocks closer to the river. Neolithic artifacts were also found. Petroglyphs are rarely found on sites far from the water.

No sites from the 2nd millennium BC were identified, but more than half the Besoba petroglyphs date to the Bronze Age. Images include numerous horses, scenes with humans and a two-wheeled cart.

The Early Saki petroglyphs, which are rare, are hammered on good horizontal surfaces. They often include contour figures of deer and panthers as well as horses hooves, many re-carved in later periods. Drawings of the Saki Period are nonexistent, thus suggesting a gap in rock art tradition in the second half of the 1st millennium BC.

During the medieval period, artists often re-carved and modified ancient petroglyphs, for example Bronze Age horses were refreshed with added details of harness and riders. Lineage *tamgas* form a special type of petroglyphs.

A final period of rock engravings dates to the 19th - early 20th centuries and is attributed to the settlement of Argyn Kazakh tribes in the region. Their *tamgas* are found near wintering grounds.

Images of horse hoof tracks were replicated many times, and ancient images were also re-carved at that time.

Kalmakemel

Location. The Kalmakemel Mountains are in the Karaganda Region, 70km north-west of Sayak City.

Research Status and Documentation. In 2007, the Kalmakemel petroglyphs were researched and documented by Rogozhinskiy A.-E. who drew up an archeological map and photographed the petroglyphs.

Archeological Context. A broad valley, with habitation sites dated to the Neolithic, the Middle Ages, and the 19th - 20th centuries, and Early Iron Age kurgan burial sites, intersects with a low mountain massif from east to west. The most ancient sites include two identified dwelling-sites/workshops from the Upper Paleolithic. On the left slope of the gorge, petroglyphs are found in especially large quantities in the middle part of the valley, with a total of about 2,000 images, which makes it the most important Northern Near Balkhash Area site.

Typology and Dating. Most engravings date to the Bronze Age, with numerous horses, hunting scenes, solar signs and others. Other periods are represented to a lesser degree, but also with expressive images, such as deer in Early Saki style, a medieval image of a dog in a heraldic pose, and others.

The most ancient Kalmakemel petroglyphs are superficially pecked, apparently with a stone tool. Hundreds of images are of horses; other animals were rarely depicted – ox, deer, dogs; images of humans are sporadic. The horses, similar and realistic, are short-legged with a drooping abdomen and a massive head with a small mane. They are followed by mares with foals. Their legs are connected to one line below. Humans are shown controlling the animals by flinging a rope on their necks or hunting and striking them with an arrow. The opposition between humans as masters and animals is emphasized by specific drawing techniques or the skillful use of nuances on the surface. A couple of harnessed horses proves that ancient Kalmakemel petroglyphs depicted a community of early cattle-breeders, where animal hunting and taming went along with the use of domesticated animals.

Iconographic and stylistic parallels with artistic bronze objects of the Seymin-Turbin type date the petroglyphs to the first half of the 2nd century BC. Among Kazakhstan rock art sites, the Akbidayik engravings of northeastern Saryarka are closest in content to the Kalmakemel petroglyphs. In the south-east of the region, analogies include engravings at Terekty Aulie and Baykonur River Valley, distinguished by the presence of Bactrian camel images.

Late Bronze Age engravings are prominent, even if not very numerous, at Kalmakemel with horse-drawn chariots, battle scenes and solar scenes –i.e. the whole range of Kazakhstan themes for that period.

The repertoire of petroglyphs from early and medieval nomads is much richer than at Besoba, but their quantity is still small, with isolated silhouettes of a deer, horse hooves and other animals in the style of Western Mongolia and Altai “deer” rocks. A composition with human figures vividly resembles original drawings of the Tagarian culture in the Minusinsk Basin. Medieval petroglyphs are inexpressive, but they include *tamgas*, also found on other sites from the Altai to Tarbagay to the Chu Valley. Later petroglyphs are concentrated near wintering grounds dating to the late 19th - early 20th centuries, represented with quite realistic engravings; Kazakh *tamgas* are frequent.

Sites in Eastern Kazakhstan

Eastern Kazakhstan occupies the south-western part of the Altai (Rudniy and Southern Altai Ranges), the Zaysan Basin, the Kalbi Plateau, the Saur and Tarbagatay Ranges, the Near Irtysh Plain and the eastern part of the Kazakh Uplands (Chingiztau). The region is part of the Arctic Ocean and Kara Sea basins and the drainage area of Lake Balkhash. The watershed stretches along the Tarbagatay and Chingiztau Ranges. The main river in Eastern Kazakhstan –the Irtysh– flows for 1,700km within Kazakhstan. The largest lakes include Zaysan, Markakol, Alakol, and Sassykkol. The Altai and Tarbagatay Mountains are the main places for rock art in Eastern Kazakhstan.

The history of rock art research in Kazakhstan began with the discovery of a series of sites in the Near Irtysh Area in the 19th century. Different researchers (Spasskiy G.-I., Vlangali A., Adrianov A.-V.) then identified dozens of sites in the Altai and Tarbagatay Mountains (Spasskiy 1818; Adrianov 1916)). In the 1930's, Chernikov S.-S. continued their research; in 1971-1983, Eastern Kazakhstan rock art was researched and documented by Samashev Z., who systematized and summarized data accumulated by the end of the 20th century about the localization and chronology of petroglyphs. In 2008, certain sites in Tarbagatay and the Altai were explored by Rogozhinskiy A.-E.

The mountainous regions of Eastern Kazakhstan harbor a great many rock art sites, which distinguishes the region from others in Kazakhstan. Their chronology remains unclear in most cases, but the substrate, repertoire, and iconography reveal similarities with sites in the upper reaches of the Irtysh, in China. Some traditions of Bronze Age, Early Iron Age, and mediaeval rock art, well-represented in the Altai, the Minusinsk Basin and Tuva, in Russia and Western Mongolia, are identifiable among the petroglyphs on the right bank of the Irtysh and Tarbagatay. Bronze Age petroglyphs in the Seymin-Turbin tradition, commonly found from there westwards –in Central and Southern Kazakhstan– are present in many sites of the region. Late Bronze Age and Early Iron Age petroglyphs in the Near Irtysh Area have few similarities with sites in the Chu-Ili Mountains, but are still found in large groups on Eastern Semirechie sites, in the Dzhungarian Alatau.

In general, the geographic location and natural specifics of Eastern Kazakhstan during the Late Holocene turned this region into a nodal place of continental communications and migratory processes that took place across the forest-steppe and arid zones of Central Asia.

The Most Important Sites in Eastern Kazakhstan

Akbaur

Location. A grotto with rock paintings in Akbaur is located 28km south of Ust Kamenogorsk, 4.5km north of Besterek Village in the Eastern Kazakhstan Region, on the right bank of the Urankay River, in a small valley.

The left side of the valley is occupied by a rocky bald peak (the Akbaur). It is made up of diorite and wind erosion has created bizarre stone figures with overhangs and spacious niches. A grotto with rock paintings is located at the foothill of the southern slope of the Akbaur. Despite its proximity to a main highway, a large regional capital and active visitation of the site by tourists, the grotto paintings and the surrounding landscape are well preserved.

Research Status and Documentation. The Akbaur paintings were researched and documented in the 1970's-1980's by Samashev Z. (Samashev 2006)). Transparent paper attached to the rock with plasticine, remnants of which still remain in large spots on the rock surface, were used to copy the paintings. In 1997-1998, the grotto was studied by a group of experts in archeology and astronomy led by Marsadolov L.-S. (St. Petersburg). In 2008, the Akbaru Valley and the grotto paintings were studied by Rogozhinskiy A.-E.

Archeological Context. Remains of ancient habitation sites with stone tools, ceramics of early nomads and Neolithic flint artifacts were found at the wide mouth of the valley along the northern slope of the Akbaur. Two or three compositions with horses, deer herds and humans are carved in a crust of desert varnish on an isolated rock detached from the massif. On the opposite side of the valley, a small concentration of petroglyphs is also carved on horizontal surfaces of shale covered with a brown patina. Petroglyphs at both sites are similar in style and technique and date to the Late Bronze and Early Iron Ages (late 2nd – 1st millennium BC).

Typology and Dating. The grotto, located 5m above the surface, is easily accessible: inclined layers of rocks that compose the massif provide an ascent in steps. A wide oval cavity under the overhang is about 9m long and reaches human height only at the entrance. Daylight penetrating through the opening is enough to see the paintings on the roof and internal walls of the shelter. The ground is inclined and rises to the wall so that one can only see all the paintings at once from the entrance; the height of the roof, where paintings are positioned, does not exceed 1m, so it is only possible to closely examine them sitting or lying-down on the uneven surface.

All figures (about 80) are painted in a reddish-brown ochre and are similar to each other, with linear drawing, simple shapes and unified compositions, suggesting their simultaneity. The paintings predominantly fill the even surface of the roof that resembles a large shell containing the most informative paintings: a two-wheeled cart with a pole facing the entrance, a goat, and two or three humans, as well as signs that resemble a primitive tent flanking the remaining paintings. On the foreground, a rhomboid sign is divided into four sectors with a central dot in each next to a human figure; two lines branch out from vertices of this sign. Other paintings depict silhouettes and contour triangular shapes as well as lines connecting some images. The composition borders are framed with cross-like figures. Archeologists use the two-wheeled cart to date the Akbaur grotto paintings to the late 3rd - early 2nd centuries BC. In any case, the Akbaur cart is the most ancient image of a wheeled vehicle in Kazakhstan and Central Asia.

Terekty

Location. The painted shelter is 50km north-east of Kalzhir Village and 2.5km north of Terekty Village (former Alekseevka) in the Markakol District of the Eastern Kazakhstan Region, on the right bank of the Irtysh, in the south-eastern spurs of the Kurchum Range, in the Terekty River valley.

Research Status and Documentation. Rock paintings in the vicinity of Terekty Village were discovered by local residents; only a shelter with paintings in red, yellow and black ochre was known prior to the 1990's; it is now ruined. In the 1980's, these paintings were examined by Samashev Z. and Rogozhinskiy A.-E. at different times. In 2008, Aktaylakov E. and Rogozhinskiy A.-E. discovered and studied paintings on another site.

Typology and Dating. The shelter with paintings is in a small gorge; the paintings were preserved on a vertical surface (2x1.5m) under a granite dome. Contour figures of two horses, deer, two wild boars, humans and several less distinctive images were painted in red ochre on the rock; all animals are shown moving from right to left. On the right of the composition, two humans differ in size, manner, and color: the smaller is painted red-brown and is apparently later than the other paintings. To the left of the humans are horses and two wild boars. A vertical line painted in the same brown crosses the upper animal's back, like a spear with a pointed end. Traces of later additions to the paintings are present on the left part of the composition: three small brown cross-like figures partially overlap the hind legs of the horse. The left side of the panel is severely damaged: the granite surface spalled in some places and many painted figures are preserved only fragmentarily. The painting, apparently, depicts a hunting scene.

The Terekty paintings show great similarities with paintings in North-Western China shelters, in the upper reaches of the Black Irtysh. It is suggested that the paintings in Eastern Kazakhstan are to be dated within the Neolithic and Bronze Age.

Moldazhar

Location. The Moldazhar Valley is 100km south-east of Ayaguz City, 85km south-west from the district capital (Aksuat Village) in the Tagbagatay District of the Eastern Kazakhstan Region, in the south-western spurs of the Tarbagatay Range in the Kyzyltas Mountains.

Research Status and Documentation. The Moldazhar petroglyphs were discovered by an artist-regional ethnographer, Sadykov S., and studied by Rogozhinskiy A.-E. in 2008. A large complex of habitation sites, burials and petroglyphs dated to the Neolithic, Bronze Age, Early Iron Age, Middle Ages and to the 19th - early 20th century are in two adjacent valleys (Moldazhar and Tekebay). An archeological map of the district was drawn up, the petroglyphs in the main concentration were recorded, and copies of several surfaces were made.

Archeological Context. Neolithic and Bronze Age habitation sites are located in the upper reaches of the valleys. Stone fences with Bronze Age burials and Early Iron Age kurgans constitute small groups in high piedmont areas and on ancient terraces. The ruins of stone buildings for the wintering grounds of Kazakhs from the 19th -early 20th centuries are found everywhere around rocks on extended areas of dry erosion valleys; ceramics of early and medieval nomads are also often found there.

Typology and Dating. Ancient engravings occur on sandstone rocks covered with a black patina. The most significant concentration of petroglyphs (over 2,000) is located in a watershed in the middle part of the Moldazhar Gorge. The slopes and top of a large dome-shaped bald peak are interspersed with numerous fragments of sandstone of morainic origin.

The most ancient Moldazhar petroglyphs date to the Bronze Age, but were, apparently, created at different periods, since several groups differ by style and content. The earliest ones depict wild horses with an overhanging mane as well as oxen and very rarely humans. Relatively few and concentrated on the southern slope of the mountain, they are attributed to the culture of early cattle-breeders and metal-makers from the first half of the 2nd millennium BC and are known in many Kazakhstan and Kyrgyzstan rock art sites. Their geographic range encompasses the southern and central regions of Saryarka as well as the Tarbagatay and Near Irtysh Area.

The most numerous and remarkable series consists of Late Bronze Age petroglyphs, whose themes and style differ from those of earlier engravings. Horses also dominate, but the repertoire was enriched by skillfully carved figures of animals, birds, and humans. The best works of the period were created on the most convenient broad surfaces. A distinctive feature is the decorative manner of depicting horses: the body is filled with non-recurring combinations of straight lines and zigzags; several of these geometric motifs correlate with the ornamentation of Late Bronze Age ceramics in the south of Siberia and Kazakhstan. Humans stand out in the panels along with images of “marvelous” horses tamed or protected by humans from the attacks of predators. There are frequent images of single combats with warriors armed with bows, spears and clubs, and chariot battle scenes; many details of armor (forms of quivers and bows, arrowheads and spearheads) are depicted quite realistically, which permits comparisons with artifacts and dates them to the turn of the 2nd - 1st centuries BC. Close analogies exist with petroglyphs at Eshkiolmes in Eastern Semirechie, but, in general, this series of engravings at Moldazhar is unique.

The Tarbagatay petroglyphs from the early 1st century BC show great similarity with Altai, Tuva, and Western Mongolia rock art. Isolated deer images, in the style of the Western Mongolian “deer”

stones in Moldazhar, are scattered on different slopes of the mountain and occupy secondary surfaces of rocks free from drawings from previous epochs. Almost similarly, the creators of petroglyphs in the Early Saki period, distinguished by the uniqueness of their animal style and a specific repertoire, had a limited choice. Images of wild animals –deer, wild boar, predators in traditional hunting and chasing scenes– supplement skillful engravings of horses with riders and a rare motif for petroglyphs: imprints of horse hooves; based on many analogies, these drawings date to the 8th - 6th centuries BC.

The medieval epoch is less distinctly represented among the Moldazhar petroglyphs. No figures of mounted standard bearers, indicative of ancient Turkic rock art, are known, although there are *tamgas* such as those found from the early medieval period in the Altai, Western Mongolia and Semirechie. Some hunting scenes depicting dashing animals, executed in a unique ancient Turkic “animal” style, also date to the same period. A single combat scene of two warriors with long sabers can be dated to no earlier than the 10th century.

Among the latest Moldazhar petroglyphs, numerous Kazakh *tamgas* are carved on different rocks with ancient drawings and are grouped in a specific order. All signs are similar in technique, size (2–4cm) and paleography, and resemble *tamgas* reproduced on documents from the 18th - 19th centuries. In three cases, three “sultan” *tamgas* are depicted together; six *tamgas* of a different type are carved together on another rock. They are attributed to lineage signs of Kazakhs from the Middle and Greater Zhuses.

Dolankara

Location. The Dolankara Mountains are located 115km south-east of Ayaguz City, 70km south-west of the district capital, Aksuat Village, in the Tarbagaray District of the Eastern Kazakhstan Region, in the south-western spurs of the Tarbagatay Range. Groups of petroglyph sites are predominantly at the mouths of several gorges on the left bank of the middle reaches of the Bugas River.

Research Status and Documentation. The Dolankara Mountains petroglyphs were discovered by artist-regional ethnographer Sadykov S. and studied in 2008 by Rogozhinskiy A.-E. who drew up an archeological map of the area and carried out a selective documentation of the petroglyphs.

Archeological Context. The area is classified as mid-hill terrain (1,010-1,070m above sea level) and traditionally used by cattle-breeders as a place for wintering. Different groups of settlements, burial sites, irrigation structures, stelae, statues, petroglyphs and inscriptions are dated to the Neolithic, Bronze Age and early 20th century in a number of gorges. Cemeteries have the usual stelae with the *tamgas* of various Kazakh lineages from the Nayman tribe dated to the second half of the 18th - early 19th centuries.

Typology and Dating. Petroglyphs from ancient periods are rare, but include some expressive images of Early Saki art related to the pictorial tradition of “deer” stones. The most diverse are petroglyphs of the early medieval period, found both on rocks that surround dwelling sites in the mountains and among ancient drawings in isolated locations. Engravings of a chimerical predator and a serpent-dragon overlap Bronze Age bulls. Medieval *tamgas* of several types are repeatedly drawn along with traditional hunting scenes near settlements. Tibetan, Oirat prayer inscriptions and various images dated to the middle of the 17th - first half of the 18th centuries make a special group. A panel with engravings depicting Oirat warriors/knights-at-arms and heavily armored riders date to the same period.

Sites of Western Kazakhstan

Western Kazakhstan includes four administrative Regions –Western Kazakhstan, Atyrau, Aktyube and Mangistau. This vast territory is an aggregation of high and low plains bounded only in the north and south-west by relatively small mountain formations. Rock art sites are known in the Mangyshlak Peninsula (Mangistau), Ustyurt Plateau and Mugodzhari Mountains that are southern spurs of the Ural Range.

The total length of Mugodzhary from the north towards the south is 200km, their median altitude is 450-500m. The mountains mainly consist of magmatic, metamorphic, and occasionally pressed sedimentary rocks. Mugodzhary is classified as low-hill terrain and, in its southern part, consists of low mountains and rolling hills that resemble the Saryarka terrain. Several rivers –the Emba, Irgiz, Or', Tobol, Taldy– originate there, but most dry out.

The Ustyurt Plateau is a vast high plain (up to 370m above sea level) with uniform leveled surfaces bounded by steep precipices up to 150m high. The plateau is structured by horizontally embedded marine deposits, limestone, and dolomites, where karst developed. Ustyurt is classified as an argillaceous desert with a sharply continental, extremely dry climate with an annual precipitation of 100–150mm.

The uniqueness of the Mangistau and Ustyurt natural environment influenced the development of rock art, particularly the almost non-existence of durable rocks as a substrate. Ancient images on soft limestone may only be preserved on closed-in natural surfaces or in a fossilized archeological condition (Koskuduk). The majority of rock drawings date to the late medieval period and modernity (16th – early 20th centuries). At the same time, the properties of the local rocks enabled the creation of excellent drawings filled with ethnographic details. Finally, the widespread use of rock surfaces in funerary and cultic structures for thematically-rich artistic creations also pertains to the specifics of rock art development in the region.

The Most Important Sites in Western Kazakhstan

Toleubulak

Toleubulak Grotto is located near the Egindybulak Villages in the Shelkar District of the Aktyube Region, in the upper reaches of the Emba River, on the right bank of the Zhem River, on the south-western end of the Mugodzhary Mountains. The site, discovered in 1999 by a Russian-Kazakh expedition led by Taymagambetova Zh.-K., was studied in 2005 by Samashev Z. (Samashev 2006).

The grotto of aeolian origin is located in the western part of a rock massif made of siliceous sandstone. It contains a significant quantity of petroglyphs on its floor. There is another cavity with petroglyphs 400m northwards. Near the grotto under an overhang is also a group of pecked images of a camel and horse, and humans on a separate boulder 100m westwards.

The largest grotto with petroglyphs is the most interesting; its wide entrance opens to the south, its surface is 20m² and it is up to 0.70m at the highest part near the entrance. Practically, the entire floor is occupied by petroglyphs. The drawings are deeply carved into the surfaces; some figures are additionally abraded. There is one case of overlapping of figures, but, in general, the entire pictorial complex is homogeneous.

Three zones approximately equal in area and with similar images have been identified from the top part of the surface inclined towards the entrance. The upper zone is covered with rows of carved sub-parallel lines sometimes intersected by crossing lines. The second group consists of often

open circles with lines inside. The second includes cup-holes that are up to 6cm deep and 17-25cm in diameter. The second or middle zone comprises well-preserved phallic figures; there is also a large number of cup-holes there, mostly abraded. The third zone represents large images of a bean-shaped fruit or horse hooves. The drawings were incised then abraded. The specificity of the panel is the absence of human or animal images and the prevalence of linear-geometrics and cup-holes.

According to its topography and repertoire, the Toleubulak Grotto has no analogies in Central Asia, but researchers find it comparable to the Kamennaya Mogila grottos in the Northern Near Azov Area. Its images are tentatively attributed to the first half of the Holocene, no later than the Neolithic. Stone Age dwelling sites and other sites from different periods were discovered in the area.

Koskuduk

The site is located 7km from Aktau City on Caspian Sea riverside rocks, on the territory of settlements from the Late Neolithic called Koskuduk I. The site was discovered and explored in the course of archeological excavations at the dwelling site by Astafyev A.-E. (Samashev 2006).

Two snakes were engraved on a horizontal limestone surface within a Neolithic habitation site. The images are deeply carved and 1.5-2.0 cm wide; the snake heads are rounded cavities. One figure is 67cm long, while another one, in a worse statue of preservation, is 23cm long. Both snakes are depicted as crawling side by side. To the left of the large image, 8 aligned cup-holes are 3-3.5cm in diameter.

The images include grooves, two crawling snakes and, possibly, a fish 150m south-east of cliffs near the sea. The snakes are 160 and 250cm long; an extension near the head of one of them resembles a cobra's hood. Three artificial cavities were possibly meant to collect rainwater, 10m from the horizontal surface of the cliff; the capacity of the reservoirs is about 30 liters.

The images were discovered in an archeological context, which permits dating them to the Neolithic, i.e. when the habitation site was used.

Ustyurt and Mangistau petroglyphs

Rock drawings were found in the Ustyurt and Mangistau cretaceous mountains (Akmaya, Ayraqty) on open surfaces and in caves of Zhygylgan Cape on the north-eastern shore of the Caspian Sea. They were carved on a soft cretaceous substrate. The location of most drawings in the Akmaya Mountains is related to traditional hunting trails and ambush places. They represent horses, camels, hunting scenes for wild animals (big-horn sheep, mountain goat, and cheetah) with the help of a primitive firearm, battle scenes, horse races, and others. Many of these engravings are carved with great mastery, but human images are sketchy, while the main emphasis was on depicting the belongings of a mounted warrior. Frequently, they are accompanied by Arabic inscriptions. From the accurately depicted realistic details (armor, horse harness, and a rider) and the epigraphy, most images are dated to the period of modernity (18th - 19th centuries).

Ethnographic graffiti on the walls of cultic and funerary sites –mausoleums, headstones, mosques, and others– are in a special category, specific to Ustyurt and Mangistau and widely spread there. Depending on the dating and location of the sites, those images can be attributed to Turkmen and Kazakh tribes.

In the specific natural environment of Mangistau desert areas, that served as a habitat for various ethnic groups of relatively modern nomads, a special type of site with lineage signs-*tamgas* on rocks is known under the common name of “tamgalytas”. As a rule, they are near wells or good

pastures and are found in the Tyupkaragan Peninsula near Ustyurt *Chink* (Masat-Ata, Tanbalytas). Quite often, in addition to *tamgas*, there are images of animals, riders, and geometric signs. The signs of Turkmen and Kazakh tribes are predominant among these accumulations of *tamgas*. They are dated to the 17th - 19th centuries, but some of them may belong to an earlier period.

Bibliography

- Ageeva E.-I. 1961. On the Types of Ancient Burials of the Alma-Ata Region. *Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography*, Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Alma-Ata. 1961, Vol.12: 21-40.
- Adrianov A.-V. 1916. Archaeology of the Western Altai Revisited (from a trip to the Semipalatinsk Region in 1911). *Proceedings of the Imperial Archaeological Commission*. Issue 62.
- Archeological Map of Kazakhstan* 1960. Alma-Ata.
- Erofeev I.-V. 2010. The History of Creation of the Cultic Complex Tamgalytas (1677-1771). *The Role of Nomads in the Formation of the Cultural Heritage of Kazakhstan. Scientific Readings in Memory of Masanov N.-E.: Proceedings of the Scientific and Practical Conference*, Almaty, pp. 490-530.
- Kadyrbaev M.-K. & Maryashev A.-N. 1997. *Rock Drawings of the Karatau Range*. Alma-Ata.
- Kuznetsov L. 1927. On the Inscription on Stone "Tamgaly-Tas" in the Betpak-Dala Desert in the Atbasar county of the Akmola Province. *Notes of Semipalatinsk subdivision of the West Siberian Division of the Russian Geographic Society*. Issue 16: 122-124.
- Margulan A.-H. 1997. *The World of a Kazakh. On the Meaning of Epigraphic Sites in Kazakhstan*. Almaty.
- Margulan A.-H. 2003. *Essays*. Vol. 3-4.
- Margulan A.-K. & Ageeva E.-I. 1948. Archaeological Work and Discoveries in the Territory of the Kazakh SSR. *Proceedings of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Archaeological Series*. Almaty. Issue 1:129-135.
- Maryashev A.-N. & Goryachev A.-A. 2002. *Rock Drawings of Semirechie*. Almaty.
- Medoev A.-G. 1979. *Engravings on Rocks. Sary-Arka, Mangyshlak*. Part 1. Alma-Ata.
- Novozhenov V.-A. 2002. Petroglyphs of Sary-Arka. Alma-Ata.
- Rogozhinsky A.-E. 2010. The History of Study and New Research Tamgalytas Cultic Complex on the River Ili (Ili Kapshagay). *The Role of Nomads in the Formation of the Cultural Heritage of Kazakhstan. Scientific Readings in Memory of Masanov N.-E.: Proceedings of the Scientific and Practical Conference*, Almaty, pp. 474-489.
- Rogozhinsky A.-E., Aubekarov B.-Zh., Sala R. 2004. Sites of Kazakhstan. *Historical Rock Art in Central Asia. Public Participation, Management, Preservation, Documentation*. Almaty, pp. 45-92.
- Samashev Z. 2006. *Petroglyphs of Kazakhstan*. Almaty.
- Spasskiy G.-I. 1818. Antiquities of Siberia: On Ancient Siberian Paintings and Inscriptions. *Siberian News Bulletin*. St. Petersburg. Part I.
- Samashev Z., Kurmankulov Zh., Zhetybaev Zh., Lymer K. 2000. The petroglyphs of Terekty Aulie, Central Kazakhstan. *International Newsletter on Rock Art (INORA)* 25: 4-8.

See illustrations page 161

Rock Art in Kyrgyzstan

Bakyt Amanbaeva¹, Aiday Suleymanova², Chynarbek Zholdoshev³

Introduction

Kyrgyzstan ranks among the countries with large locations of rock art sites. Mapping out of the sites in recent years showed that they are found all over the country. According to their concentration and level of study, researchers identified three major historical and geographical areas:

The **Northern Near Issyk Kul Area** – in the north of the country;

The **Talas Valley** – in the northwest;

The **Fergana Valley** (Kyrgyz part) – in the south.

The total number of registered rock art sites in Kyrgyzstan is still unclear, as specialists report different figures. The State Register of Historical and Cultural Sites of Kyrgyzstan (2002) includes 23 locations that have status of national significance. In addition, some are on the List of Sites of Local Importance.

According to their drawing technique, they are divided into petroglyphs (rock engravings) and rock paintings. Chronologically the sites widely range from the Neolithic to Modernity.

We are going to see the characteristics of the major sites within the various areas and, among them, the potential sites for the serial nomination “Rock Art of Central Asia”.

Northern Tien-Shan Talas Valley

General characteristics of the area

Talas Valley is located in the north-west of Kyrgyzstan. The terrain consists of an intermountain trough bounded by the Kyrgyz Alatau Range in the north-east and the Talas Alatau Range in the south, which converge in the east and then diverge in the west. The northern slope of the Kyrgyz Range is steep, glaciers and large fern fields are absent. The slopes of the opposite Talas Range are better hydrated, strongly dissected and form a complex system of foothills. Low mountains – Koshoy-Too, Ortok-Too, Echili-Too, Ak-Tash, stretching in parallel to the major ranges– constitute an important ensemble.

The main stream is the Talas River, from the confluence of the Karakol and Uch-Koshoy rivers with headstreams in glaciers and snowfields. The largest right tributaries are the Kenkol and the Nyldy. The left tributaries –the Kalba, Besh-Tash, Ur-Maral, Kumushtak, and Kara-Buura– are more numerous and abound in water. The valley is 230km long with a maximum width of 80km. Absolute altitude within the valley ranges from 650 to 4,500m. The climate is continental, with distinct seasons.

¹ Institute of History and Cultural Heritage of the National Academy of Sciences of the Republic of Kyrgyzstan (IHCH of NAS of the RK)

² IHCH of NAS of the RK.

³ National Historical and Archeological Museum Complex (NHAMC) “Suleyman-Too”

Administratively, Talas Valley is divided into four districts. It is a relatively small and somewhat detached part of Kyrgyzstan occupying 6% of the country's territory. The population is upwards of 200,000 people. Predominant are the Kyrgyz, but other ethnic groups are also represented – Russians, Germans, Kurds, and others. Agriculture, crop and livestock farming are the main occupations (*Encyclopedia...* 1995).

Archeological Context

The Talas valley was peopled in the Old Stone Age. During the Late Bronze Age, it was inhabited by tribes categorized as Andronovo historical-cultural community, as evidenced by findings from burial grounds Tash-Tubye-2, Tosh-Bashat, Besh-Tash, and others (*History...* 1984: 109). Sites of Early Iron Age ancient nomads are well represented; especially, in the Talas Valley where catacomb burials dated to “the great migration of peoples” were found for the first time. The Middle Ages are represented by the coexistence of nomadic and settled agricultural cultures, whose multiple sites –ancient settlements, mines, burials, stone statues, epigraphy and rock art- are well-known (Bernshtam 1997; *Archeological...* 1963). During that period, Talas Valley was one of the mining centers that supplied silver to most of the Muslim world. After the 13th century, sedentary life was nearly over, while the middle and upper reaches of the River were mostly home to nomads. Sites with ancient Turkic runic script, for the first time found in Central Asia, and petroglyphs (not yet fully registered) are the most important sites in the Talas Valley.

Research Status of Sites

Early information about petroglyphs in the Talas Valley dates to the late 19th century, when, in 1896, Kallaur V.-A. during his search for runic inscriptions in its upper reaches, registered petroglyphs at Chiyim-Tash (Kallaur 1897: 1-7). In 1937, Chiyim-Ota Gorge petroglyphs were apparently rediscovered by an expedition from the Kyrgyz State Institute of Pedagogy (Zima 1968: 112-114).

According to all contemporary researchers, the above name refers to Kulan-Say Gorge located to the north-east of Talas City, where Arabic and Sogdian inscriptions were found (Goryacheva & Peregodova 1995: 37).

Bernshtam A.-N., who examined them in 1938 (Bernshtam 1997: 381), also mentions drawings and inscriptions in Chiyim-Tash (Kulan-Say), as well as petroglyphs in the valley of the Obo River, a Kenkol River tributary.

In 1956, the Talas Valley petroglyphs were examined by teacher-regional ethnographer, Gaponenko V.-M., with schoolchildren from the History and Archeology Activity Club of Frunze City (modern Bishkek). Their locations were pinpointed in different parts of the valley –in Teke-Tash, Kurgan-Tash, Terek, Kulan, Karakol, Kugandy, Kurkuro-Suu and Ur-Mara (Zhaltyrak-Tash) (Gaponenko 1963: 101–110). Gaponenko made the first attempt to describe, systematize, and summarize findings on rock art sites in the valley.

In 1974–1985, schoolchildren-regional ethnographers from Activity Club “Iskatel” (Explorer), School No.2 in Talas City, explored the area under the guidance of a geography teacher, Rysakova R.-Ya. During these hikes, petroglyph locations were registered in 18 points in the valley, with 1,570 surfaces with drawings. Maps of routes and locations of these sites were made, as well as descriptions and photos of the most interesting drawings (Rysakova 1982: 47-50). According to Rysakova, the largest number of drawings -546 surfaces- is found in the intermountain valleys of Kenkol River and its tributaries. She points out that the petroglyphs are made on spurs of rock, rock debris and boulders covered with patina. The repertoire is dominated by mountain goats, 362 only in Obo. Besides, Rysakova mentions a distinguishing feature for the locations in the upper reaches

of the Ur-Maral tributaries (Zhaltyrak-Tash and Chiyim-Tash), located near high mountain passes, with petroglyphs made sometimes very large and extensive rocks located across ancient glacier cirques.

In 1987, a joint Expedition of the Institute of History and the Institute of Language and Literature (Academy of Sciences of Kyrgyz SSR) registered petroglyphs and runes in the western part of the valley, at Kuru-Bakayir (Talas Ala-Too) Gorge (Jumagulov & Kozhombardiev 1983). They were copied in 1986-1987 during a joint survey at Zhaltyrak-Tash (Ur-Maral) conducted by archeologists from Kemerovo University (Russia) and the Institute of Archeology (Academy of Sciences of Kazakh SSR) (Sher *et al.* 1987; 1995: 83–85). In 2003, an international expedition led by Tashbaeva K.-I. and Francfort H.-P. indexed surfaces with petroglyphs, made contact copies of the most interesting ones, and generated a schematic layout of the location (Tashbaeva & Francfort 200: 12-19).

In 2003 and 2005, a team of archeologists from the Institute of History of NAS of the RK, led by Amanbaeva B.-E. and funded by the National Complex “Manas-Ordo”, surveyed several already known sites and found new locations of petroglyphs in the foothills of the Talas Range to the south of Beysheke village, in the valley of the Ur-Maral River and its left tributary Chiyim-Tash, in Kyrgyz Ala-Too along the Kenkol River tributaries –Terskol and Chachykey, and on the territory of the “Manas-Ordo” Complex (Amanbaeva *et al.* 2006: 27-33). In 2006, the staff of MC “Manas-Ordo” discovered two petroglyphic locations in the upper reaches, one located below a mountain pass (Otmek), while the other was behind the mountain pass, as far as Suucamyr. The analysis of information in the archived materials by Rysakova R.-Ya. suggests that these sites had already been visited by members of the Activity Club “Iskatel” in the 1980’s.

In general, a study of the Talas River Basin rock art sites was mostly done in its upper reaches, less frequently in its middle reaches, while its north-western, western, and south-western borders were neglected by researchers. Available data pertaining to the surveyed territory in the Talas Valley suggest that the following areas with the largest concentration of petroglyphs are: the valleys of rivers Karakol, Ush-Koshoy, Kenkol and their tributaries as well as the Ur-Maral River. The total number of known sites is over 40, most of them located at mid-altitude (1,300–1,900m) and others in uplands (2,000–3,500m).

At present, only four petroglyph sites are on the List of Sites of National Importance.

The Kyrgyz Ala-Too Range

Petroglyphs in the Kenkol River Valley

The mountain valley of the Kenkol River is located between the main range of Kyrgyz Ala-Too and its spur Kara-Zhylga. All along (about 25km), the valley is quite wide, from 300m in the estuary to 1.5km in its upper reaches. Elevation difference is insignificant –from 1,300 to 2,000m above sea level (near mountain pass Zhangyz-Archa).

Description of Sites. The archeological complex in the Kenkol River Valley and its tributaries consists of sites heterogeneous in time and types attributable to nomads. Petroglyphs were registered along the following tributaries: Bakay-Tobo, Terek, Chachykey, Obo, Korgon-Tash, Iyri-Kolot, Terskol, Boorusay, and Chochoy. According to Rysakova R.-Ya. (1980–1981), over 546 surfaces with petroglyphs were registered there including in the gorges: Obo -90, Korgon-Tash -26, Chachykey -298, Chochoy -127, Iyri-Kolot -3, Bakay-Toboe -1, and near the Kenkol River bend –1. Petroglyphs in Kamyrdynbeli and Mount Karaul-Choku can also be put in this group. They are near the estuary of the Kenkol River within the territory of the “Manas-Ordo” Complex, with over 80 engraved surfaces. Petroglyphs are often concentrated near rivers in the lower parts of gorges, on open surfaces of steep rock shelters and on boulders covered with patina. The rocks are

sandstone and shale. The method of pecking is mainly with a fine-dot technique, but large-dot and engraving techniques are also found. The pattern types are: silhouettes, contours, line and sketches. Images and motifs are rather homogeneous. Pictures of wild and domesticated animals, especially mountain goats, isolated or in groups, are predominant; at Obo only there are 362 drawings. At the same time, each concentration offers more unconventional motifs: at Chochoy – a chariot and a large surface with 59 pictures of various animals and hunting scenes; at Chachykey – hunting scenes, ritual scenes, landscape elements; at Obo – a chariot and others. According to common assumptions, the earliest include a small number of drawings in ditrigonal style (Gaponenko 1963: 101). The most numerous group includes the ones dated to the Age of early nomads. Some petroglyphs are characteristic of the Early Middle Ages. In this context, a runic inscription with drawings above and below, found in 2005 at Chachykey, is of special interest. There are palimpsests and refreshed drawings. Tentative dating: from the End of the Bronze Age to the Middle Ages and New Times inclusively.

Protection and Management. None of the above-listed locations receives government protection, neither do the Kamyrdynbeli petroglyphs on the slopes of low mountains (*adyr*) near a famous Kenkol burial ground within the territory of the “Manas-Ordo” Museum Complex.

Current Condition of the Sites. In general, the condition of the sites in the Kenkol River Valley and its tributaries, up to now used for pasture, remains satisfactory. Agricultural land development in the lower part of the valley and gorges adjacent to modern-day settlements runs against a traditional system of natural resources management and increases human influence on the sites. The project “Scientific Element of Protected Areas in MC “Mans-Ordo” foresees inclusion of territories along adjacent tributaries into the buffer zone of the complex to possibly increase their legal and physical protection.

Karakol and Uch-Koshoy River Valleys Petroglyphs

The Karakol River Valley is one of the best areas for high-altitude pastures in the Talas Ala-Too Range and has thus been used since the Bronze Age; active use of the area continued, as eloquently evidenced by archeological sites –burial mounds, petroglyphs, stone statues, epigraphy, and *tash-koroo*. Petroglyphs along these rivers and their tributaries have been examined by surveying groups led by Gaponenko V.-M. and Rysakova R.-Ya. According to their findings, four petroglyph groups on mainly sandstone outcrops were found on the right bank of the Karakol River and its tributary the Kok-Kiya. In 2005, members of the Talas Archeological Party (led by Amanbaeva B.-E.) registered two more concentrations –Tuyuk-Tor and Uch-Chat.

Tuyuk-Tor. The petroglyphs are on an alluvial cone along the bed of the river –the right tributary of the Karakol River. The drawings were made on boulders of varying sizes. A huge boulder known among the locals as Chiyim-Tash has the main panel, with drawings of chariots, wagons, goats, camels, riders, including one with a standard, people, erotic scenes, solar signs with dots in the center. Most are made using line contour and outline styles. Partial refreshing of the drawings has been found. There are many incomplete outline drawings and individual runic letters. The drawing technique is homogenous: dotted pecking up to 2-2.5mm deep. Tentative dating ranges from the Bronze Age to the Late Middle Ages.

Several round burial mounds with rock fills are from 4.2m to 5.6m in diameter.

Uch-Chat (middle reaches of the Karakol River). Few petroglyphs were pecked on boulders in a small basin near the river bank.

Uch-Koshoy River Valley. Gaponenko V.-M. and Rysakova R.-Ya. registered eight locations along the right and left tributaries of the river.

None of the abovementioned drawing concentrations receives protection. With the exception of Tuyuk-Tor and Uch-Chat, recently examined, there is no information about the current condition of the sites. Until recently, these gorges had been used as summertime pastures (*dzhayloo*), but due to recent construction of new motorways and plans for industrial construction, traditional land use is threatened and cultural sites, including petroglyphs, are at risk.

The Talas Ala-Too Range

The Ur-Maral River is a left tributary of the Talas River. They join in its middle reaches. The Ur-Maral River originates in a confluence of the Kaman-Suu and Tabylgaty Rivers in the northern spurs of the Talas Range. The Ur-Maral River is 69km long and has 207 tributaries, the largest being the Besh-Kol, Kara-Koyun, Chiyim-Tash, and Chon-Zhol. The main types of landscape are steppes ranging from 110 to 1,600m above sea level and meadow-forests at an altitude of 2,000–2,700m. Surfaces are strongly dissected and mainly consist of slate, conglomerate, granite, and granodiorite. Rock art is often found around the estuary and upper reaches of the river. There are few petroglyphs in its lower and middle reaches, mainly on individual boulders and sometimes rock shelters. Rock art in the upper reaches of the river is commonly found in areas of bedrock outcrops located across glacier cirque beds near the estuaries of the Kandybaytor and Chiyim-Tash Rivers.

Zhaltyrak-Tash

(“sparkling rock”) is located on the left bank of the Kaman-Suu River at an altitude of 2500m. The rock is noted for its compactness and an oblong slate cliff stretches for 140-180m across the valley from west to east and 13 to 18m high with back glossy surface. The cliff surface is covered with a thick crust of bluish black desert patina. Most petroglyphs are concentrated in the eastern sector –on horizontal rocks and the northern sloping lateral face. There are only individual drawings on the remaining part of the rock.

Petroglyphs differ in size and technique. Most are made using a deep dotted technique in combination with abrading, which ensures precision. This technique is characteristic of the earliest petroglyphs dated to the Bronze Age and Early Iron Age, but it remained unchanged in later times. In addition, an engraving technique was used in Turkic and later times. Petroglyph sizes vary greatly. There is a multitude of small drawings 4–5cm to 8–10 cm long. Drawings up to 1-2m are also found. Double and even triple superimpositions of drawings occur.

The repertoire of images is diverse and includes depictions of different animals, predominantly goats. Other commonly found animals are deer, camels, boars, and also easily recognizable predators: snow leopards, bears, tigers and others. Fantastic creatures, such as centaurs and dragons, were also registered, as well as a significant number of chariots, wagons, hunting and erotic scenes.

Zhaltyrak-Tash resembles a multi-layered site with a long time range –from the Bronze Age to Ethnographic Modernity. The most ancient drawings would include drawings of animals made in a bitriangular style that have analogues in Saymaly-Tash. Wagons, chariots, humans, erotic scenes, and others date to the Advanced Bronze. The most diverse complex dates to the Early Iron Age and consists of many animals completed in the Scythian-Siberian style with analogues in the vast Eurasian space. Middle Age petroglyphs are also numerous. Different signs, interpreted as *tamgas*, and epigraphy were found together with figure drawings. The New Time is represented by a large number of engravings (Tashbaeva & Francfort 2005: 12-15).

Protection and Management. Zhaltyrak-Tash rock is located on a forest farm within the jurisdiction of the Agency for Environment and Forestry. It is on the Kyrgyzstan List of Historical and Cultural Sites of National Importance. No physical protection of the site is provided.

Current Condition. Since the site is in a hard-to-reach area, the condition of the petroglyphs remains satisfactory.

Chiyim-Tash

is in the upper reaches of the Chiyim-Tash valley. The river is a left tributary of the Ur-Maral River at the foot of a mountain pass with the same name (3,601m altitude). Several slate blocks, 10m high, 80m long and 10m wide, stretch NE-SW with a 15-20° inclination south. Many petroglyphs with superimpositions are found on their vertical and horizontal surfaces facing north-west. In front of the rocks, horizontal stone sites were possibly used to perform certain ritual acts. Engraved surfaces are on the north side. Larger drawings are found on top of the rock. There is a total of more than 1,000 petroglyphs.

Most drawings depict animals (goats, deer, camels, horses, dogs, predators, and others) and humans (including archers in hunting scenes), chariots, wagons, *tamga* signs and undeciphered ancient inscriptions, as well as inscriptions of visitors in Arabic script from the 19th-20th centuries. The structure of chariots depicted on one of the horizontal surfaces is of special interest.

The drawing technique varies: pecking with large and fine dots, notching, and engraving. The pecking depth is 1–4 mm. Tentative dating goes from the Bronze Age to New Times inclusively.

Protection and Management. The site is not on the Kyrgyzstan List of Historical and Cultural Sites; no physical protection is provided.

Current Condition. Since the site is in a hard-to-reach area, the condition of the petroglyphs remains satisfactory.

Rysakov R.-Ya. wrote that the petroglyphs are also along the Chiyim Tash River tributaries: 7 locations were found near the confluence of the Kashka-Suu and Chiyim Tash, with 150 rocks and boulders with petroglyphs –Tuyuk-Tor; 2 sites with drawings are near the confluence of Chiyim-Tash and Tabylgaty. (Rysakova 1983: 12). No data is available on the current conditions of these sites; they are not itemized in official lists of sites.

In addition to the three main areas of concentration of rock art sites in the Talas Valley, scarce locations of petroglyphs have been registered in the valleys of rivers Nyldy (3 sites), Chompol (1) Kyrgyz Alatau, as well as rivers Kalba and Besh-Tash in Talas Alatau. Besides, there is another known group in the south-western part of the valley near the Kyrkuro River and its tributaries, where runic and Sogdian inscriptions were found in addition to petroglyphs. No information is available about the current status of these sites.

Proposals for Serial Nomination. Reasonable candidates for inclusion into this nomination include the following sites:

- a) a group of high-altitude sites in the upper reaches of the Ur-Maral River including Zhaltyrak-Tash, Chiyim-Tash, and, possibly, a number of other sites identified in this area;
- b) a group of locations in a medium-altitude hill terrain in the valley of the Kenkol River and its tributaries;
- c) a location in the southwestern zone Maymak, Kurkuro-Suu.

Northern Tien-Shan Issyk-Kul Basin

General Description of the Area

The Issyk-Kul Basin is located in the north-eastern part of Kyrgyzstan. Its northern border is the Kungey-Ala-Too Range and its south border the Teskey-Ala-Too Range. The Chu River cuts through the mountains along the Boo Gorge and forms the only natural passage to the piedmont plains in the north of the country. The basin stretches 250km from west to east and 100km from north to south. Lake Issyk-Kul (668m deep) occupies its central part. The basin terrain consists of two main parts: a coastal piedmont plain and range slopes facing the lake. Several dozens of lakes are on the slopes and Tyup and Zhergalan in the east are the largest. The lake is surrounded with a plain with varying width (40 to 50km in the east, 1-10km in the north, and 10-15km in the west). Terraces and foothill slopes formed by merging alluvial cones of mountain rivers are located farther from the coast. Foothills or *adyrs* surround the valley and rise 300-1,000m above the plain. Mountain ranges rise behind them and the Karakolskiy Peak in the Teskey-Ala-Too Range reaches 5,280m. In the south-east and east of the region, other ranges have even higher altitudes –up to more than 7,000m (*Atlas...* 1987). As in other mountainous areas in the country the climate depends upon the altitude. Lakes influence to a great extent the climate of the adjacent plain. In general, it is characterized by a moderately warm summer and mild winter. In the coastal area in the west, there is a semi-desert and even desert on brown soils; in the east, steppes on maroon soils. Mountain slopes in the west are devoid of forests, while in the east are spruce forests, especially in the Teskey-Ala-Too gorges.

Administratively, the territory of the basin comprises the Issyk-Kul Province with its capital city, Karakol, and five districts. The polyethnic population numbers 4,206,000 people. Key occupations include agriculture, tourism, mining and processing industry.

Archeological Background

The Issyk-Kul Basin was for the first time peopled in the Late Paleolithic (Bozbarmak site); later Stone Age stages are also represented. In particular, a high-altitude cave with parietal paintings, Ak-Chunkur, is dated to the Neolithic. During the Bronze Age, Near Issyk Kul Area was inhabited by tribes part of the local Semirechensk variety of the Andronovo Historical and Cultural Community. The basin was peopled in the Early Iron Age, as we can tell from many archeological sites found in different parts of the region. The Late and Advanced Middle Ages are also well represented, at a time when the Near Issyk Kul Area was populated by Turkic tribes that were part of various states. Sites of different types of that period were left both by nomadic and settled people. Near Issyk Kul Area is also famous for sites of the 13th - 15th centuries –Mongolian Period, the Age of Tamerlane and his descendants; in the ensuing centuries, the territory was part of the Zhungar and Kokand khanates (*Encyclopedia...* 1991).

The eastern, southern, and south-western coasts of Lake Issyk-Kul are famous for locations with a varying number of petroglyphs. Some also have rock inscriptions and *tamgas*. The best-known sites have Tibetan inscriptions and images of the 17th - mid 18th centuries in the mountainous valleys of Dzhauku, Tamga, and others. Researchers mention the local population using Tibetan prayer inscriptions in the Tamga Gorge in modern cult practices. Cave Ak-Chunkur has rock paintings dated to the Neolithic, in the eastern part of the Issyk-Kul region, in the high-altitude Sary-Zhas (intermontane trough between the southern slope of the Teskey-Ala-Too and Sary-Zhas Ranges) (Okladnikov & Ratzek 1954: 447-456). Rock art sites on the northern coast of Issyk-Kul are amongst the most studied and numerous.

Northern Near Issyk Kul Area

A large group of sites is concentrated in the foothills of the Kungei Alatau Range for about 60km along the northern coast of Issyk-Kul. The most famous clusters of petroglyphs are located near settlements Chok-Tal, Tamchi, Kara-Oy, Chon-Sary-Oi, Sary-Oi, Ornok and the city of Cholpon-Ata.

The peculiarity of the sites in the region lies in the fact that the images are pecked on the surfaces of boulders (granites and granitoids) covered with patina, concentrated on the giant alluvial cones along the mountain, on the coastal plains. In addition to petroglyphs, there also are burial grounds, settlements, altars, stone statues and other sites belonging to different historical periods.

In general, the Northern Near Issyk Kul Area Region petroglyphs date from the Bronze Age to the Late Middle Ages and Modern Times; numerically dominant are images from the Early Iron Age and Middle Ages. Information on the total number of locations on the northern coast, as well as around the Issyk-Kul Region, is unclear, as different and very rough figures are available. The most reliable data is apparently that of Nurmametov R.-G. who has recently documented petroglyphs in Cholpon-Ata (Nurmametov 2004).

Research Status of the Sites

The study of the Issyk-Kul Region petroglyphs has gone on for more than 150 years, but the extent of study of individual locations is different. Since the early 1950's expeditions of the Institute of History of the Academy of Sciences of the Kyrgyz SSR, archaeological surveys and excavation of all kinds of sites have been done regularly, but most findings have not yet been published.

In the 1970's-1980's, the Near Issyk-Kul Region petroglyphs were studied by archaeologists from Kyrgyzstan, Kazakhstan and Russia: D.-F. Vinnik, G.-A. Pomaskina, A.-N. Maryashev, Ya.-A. Sher, E.-A. Miklashevich. Documentation of the sites has traditionally been limited to photography and copying of individual engraved stones. Cholpon-Ata was the most studied and documented, in 1986. In 2002-2004, documentation of the Cholpon-Ata (Nurmametov R.-G.) and Ornok (Tashbayeva K.-I.) sites continued under the UNESCO CARAD Project. 1,200 areas with petroglyphs in Cholpon-Ata and 463 in Ornok were recorded. Those findings were partially entered into the CARAD database.

In 2006-2007, some groups of petroglyphs at Ornok were surveyed by Akmatov K. (2008: 11-18).

In 1990 and 1992, experimental conservation of petroglyphs was, for the first time, undertaken in the center of Cholpon-Ata by Kyrgyz experts (Sitnikova N.-A., Scientific Research Project Bureau "Kyrgyzrestavratsiya"), in partnership with their colleagues from Kazakhstan (Charlina L.-F., Taypina N.-N., Research Institute "Kazproektrestavratsiya"). In 2002, conservation activities were renewed on the site and conducted by SRPB "Kyrgyzrestavratsiya", in partnership with a consultant, Bodo Anke, and with financial assistance from the MFA of Germany. The experts in conservation from Kazakhstan, Russia, and Norway, who carried out an on-site investigation of the site in 2005 under the UNESCO CARAD Project, negatively assessed the outcome of the 2002 experimental activities; they also made recommendations for monitoring those particular sites.

Cholpon-Ata

Geographic coordinates: NL 42 39 29.1, EL 77 03 25.5; altitude 1,726m. Cholpon-Ata consists of three sites close to one another: 1) a central location in the north-western edge of Cholpon-Ata City; 2) a southern one, near the airport; 3) a northern one near Bezhayevka. The best preserved is

the latter and partially the central one. The total number of stones with petroglyphs presently amounts to 1,200 (Nurmametov 2004: 147).

Motifs, quite diverse, include animals and humans, with hunting scenes and pursuit, and depictions of weapons. A small group of drawings showing predators and goats with a technique of abraded grooves and bitriangular drawings in the Saymaly-Tash style are considered the earliest. Most date to the Early Iron Age with images in the Saki zoomorphic style: large contour figures of goats and deer with ornamented bodies, outlined goats, camels, dogs, deer, boars and some predators; depictions of archers and *akinak* swords also date to that period.

The most numerous group of petroglyphs date to the Usun period: individual and paired goats, multi-figure compositions with goats in rows, hunting scenes, and juxtaposed animals. Turkic petroglyphs are represented by geometrized goats, as well as horse and camel riders, camel caravans, individual hunting scenes, and *tamgas*. Palimpsests and refreshed drawings are also found (Tashbaeva 2004:105-106; Nurmametov 2004: 148).

The **drawing technique** depends upon the type of rock surface: fine and thick pecking on smooth surfaces and coarse and sparse pecking on coarse ones.

Ornok

The location of petroglyphs is in the west of Cholpon-Ata, on the outskirts of the village with the same name, occupies an area of about 6x8km. According to experts, Ornok is the largest location of petroglyphs in the Northern Near Issyk-Kul Region, with three clusters, the most important being east of the Cholpon-Ata–Kazakhstan highway. There, a total of 463 rocks with petroglyphs were recorded, indexed, described, photographed, and individual surfaces with drawings copied. As in Cholpon-Ata, other archaeological sites belonging to different historical epochs were identified in addition to the petroglyphs.

In general, Ornok petroglyphs are similar to Cholpon-Ata engravings by their technique, style, and dating (*Cultural-Historical...* 2003: 70; Nurmametov 2006: 64). However, their repertoire is more diverse, as reflected, for example, by the presence of images of people with a careful depiction of costume details, mounted warriors (battle scenes), very large images of deer, an anthropomorphic figure of “the sun-headed”, solar signs, etc.

Protection and Management. The locations of petroglyphs on the northern coast of Lake Issyk-Kul are specific because they are in the main resort area of Kyrgyzstan. The sites are located in the plains of a narrow coastal strip and many within an area of active economic activity, close to human settlements, or even in their midst. Over the past fifty years, a significant number of stones with petroglyphs were lost to road and housing construction and one can often find modern graffiti on top of them. The List of Sites of National Importance of Kyrgyzstan includes petroglyph locations at Cholpon-Ata, Tamchi, Chok-Tal, Ornok, Chon-Sary-Oy and Kara-Oy, but no protection zones have been set up.

Kara-Oy, Sary-Oy, Chon-Sary-Oy and Ornok have since 2002 been nominally under the protection of the Museum Association established on the basis of the Issyk-Kul State Historical and Cultural Museum-Reserve which includes an *Archaeological Open-Air Museum* with petroglyphs in Cholpon-Ata City. The Museum-Reserve is under a dual administrative authority: the Issyk-Kul district Administration, which provides funding and the State Agency for Culture that provides overall management and control over the activities of the institution.

Proposals for Serial Nomination. The following sites are proposed to be included into the serial nomination: a) a group of petroglyph locations in low-hill terrain concentrated on the northern coast

of Issyk-Kul –Cholpon-Ata, Karak-Oy, Chon-Sary-Oy, Chok-Tal, Tamchy; b) a group of locations on the southern coast –Ak-Ulen, Kesken-Bel, Tamga, Dzuuku, and others; c) it is advisable to combine cave paintings in Ak-Chunkur with a group of rock painting sites in Southern Kyrgyzstan.

There is also a need to continue inventory-taking and documentation of the sites located on the southern and eastern coasts of Lake Issyk-Kul.

Fergana Valley (Kyrgyzstan)

Geographic Location, Administrative Division, Population

The Fergana Valley lies in the north-eastern part of Central Asia and represents an intermountain basin, bounded in the north and north-west by the Kuramin and Chatkal Ranges, in the east and north-east by the Fergana Range, in the south by the Alay and Turkestan Ranges. It is connected to the Turan lowland by a narrow passage in the west of the valley, the so-called "Khujand Gates". The valley terrain has several distinctive features: the surrounding mountain ranges reach considerable altitudes of up to 5,000m above sea level in the south, up to 4,000m in the east, and up to 2,000-3,000m in the north and northwest; the foothill area is formed by low-mountain ranges, *adyrs*, and intermontane valleys; the central part is a proluvial-alluvial plain watered by the largest river in the region, the Syrdarya, with its main tributaries, the Naryn and Kara Rivers. The long valley is about 300km long for a maximum width of 140km (Geller *et al.* 1958: 521-527, 572-578; Sultanhodjaev 1972: 5-9).

Fergana territory is administratively part of three Central Asian countries: Kyrgyzstan, Uzbekistan and Tajikistan. In its Kyrgyz part, there are three regions: Osh, Jalal-Abad and Batken, where 40% of the population resides.

The main occupation is agriculture in the foothills, combined with livestock farming. Ethnically, the population consists of Kyrgyz, Uzbeks, Tajiks, Russians, and others.

Archeological Context in the Valley

The area was first peopled in the Lower Paleolithic. There are sites of later Stone Age periods (*History...* 1998). During the Bronze Age (end of 3rd – beginning of 2nd millennium BC), the eastern and southeastern parts of the valley had a settled farming culture related to the Bactrian and Margian archeological complexes (Rogozhinskiy 2008: 83-924). The Late Bronze Age is represented by two cultures: Kayrak-Kum from cattle-farming tribes (common in the western part of the valley) and Chust (in the north, in the east and the southeast), a group of cultures with painted ceramics common at the end of the 2nd millennium BC in Bactria, Merv Oasis and Sogd (Complex Yaz I) (Zadneprovskiy 1997: 67-72). A coexistence of cattle-farming and settled agricultural peoples is characteristic for the Early Iron Age in the history of Fergana as well (Baratov 2007: 20). The Antique Period in the history of Fergana is characterized by a rapid development of settled farming, and later of an urban culture. Sites in Shorobat and Markhamat Complexes demonstrate this process. Pastoralists become less numerous and occupy peripheral areas of oases or concentrate in mountain valleys adjacent to Fergana (*History...* 1984: 182-197). The Early Middle Ages were marked by a series of significant socioeconomic and political events, ethnic and religious changes that had a radical impact on the further material and spiritual culture of the region (*Central...* 1999).

In the Kyrgyz part of the valley and bordering the mountain ranges, is a series of rock art sites: Saymaly-Tash, Sulayman-Too, Aravan Rock (Duldul-Ata), Ayrymach-Too (Surottuu-Tash), Surot-Say, and others. We do not know their exact number precisely, but 20 locations have been

identified. In addition to petroglyphs, there are rock paintings at Chiygen-Tash and Tash-Unkur (30km from Jalal-Abad City), near the Eshme village, near the southern slope of Katran-Too in the Batken district.

Some sites are located in the low-hill terrain belt (Sulayman-Too, Aravan Rock /Duldul-Ata, Ayrymach-Too/Surottuu-Tash, Kerme-Too, Sakhava, Kalchoku, Surotsay), and others are much higher (Saymaly-Tash, Suuk-Dobo, Baychechekey, and others).

The Fergana and Uzgen Ranges

The most important high-altitude site is Saymaly-Tash. In recent years, other petroglyph locations were found in the southwestern spurs of the Fergana and Uzgen Ranges –Suuk-Dobo, Baychechekey, and a series of sites in the Kulzhi district.

Saymaly-Tash

It is located on the eastern slope of the Fergana Range, in the upper reaches of the Fergana high valley at an altitude of 3,000-3,400m, near the Kekart (Kugart) pass, 80km north-east of Jalal-Abad City, on the administrative territory of the Toguz-Torous district. Coordinates: NL 41 10 47.6, EL 73 48 53.4. Saymaly-Tash Gorge is located in an area of permanent snow and is only accessible during a short period –no more than 20 days a year in July-August; then, groups of herdsmen with sheep and goat herds get there from the Fergana Valley.

Description of the Site. The petroglyphs are in two adjoining valleys (Saymaly-Tash I and Saymaly-Tash II), divided by an eastern offshoot of the Saymaly-Tash Range. They are mainly made by dotted chipping 0.5cm to 1cm and sometimes 0.2-0.4cm deep on smooth facets of fragmented rock covered with a crust of intensive dark brown patina sometimes up to 6 mm thick (Bernshtam 1997: 390; Tashbaeva 2004: 97-98). Carvings are also found, especially with medieval petroglyphs. There is no specific consistency in the arrangement of drawings, i.e. all surfaces were used, oriented toward cardinal points and in intermediate directions, as well as pointing upwards. Saymaly-Tash has small-sized -mainly 10-12cm– petroglyphs and miniature (3-5 cm) ones with a thorough depiction of details. The main specific feature of Saymaly-Tash is its vast number of petroglyphs and diversity of styles and motifs created within a significant time period, which enables researchers to consider it one of the largest rock art sites not only in Central Asia, but also in the world.

The number of rocks and drawings has so far defied an accurate determination. According to Rogozhinskiy A.-E. (2008: 87), data provided by Bernshtam A.-N. and Tashbaeva K.-I. appear the most accurate: 10,000 rocks and over 100,000 petroglyphs (Bernshtam 1997: 393; Tashbaeva 2004: 97, only for Saymaly-Tash I).

Most researchers today date Saymaly-Tash petroglyphs from the second half of the 3rd / beginning of the 2nd millennium BC to the Middle Ages. The earliest, according to all accounts, are drawings made in a geometric style dated to the Eneolithic and Bronze Ages. The Early Iron Age is represented by a realistic drawing technique with prominent manifestations in the Scythian and Saki zoomorphic style. In the Middle Ages, straight lines and a sketchy style prevail.

The diversity of the Saymaly-Tash motifs and compositions results from its colossal number of petroglyphs, the interaction of various cultures and an extensive chronological range. Their classification proposed in 1952 by Bernshtam was then successfully clarified and detailed by modern researchers. Several main groups of motifs stand out with individual and group depictions of animals, hunting scenes, various ceremonial and ritual images and scenes, geometric motifs, landscape elements, household items and others. Issues of dating, genesis and cultural attribution of the site are currently under discussion.

Research Status of the Site. Saymaly-Tash was discovered in 1902 by Khludov N.-G. and surveyed in 1946 by Zima B.-M. A scientific description of the site was for the first time provided by Bernshtam in 1952. In the second half of the 20th century, Sher Ya.-A., Martynov A.-I. (Kemerovo, Russia), Maryashev A.-N., Rogozhinskiy A.-E. (Almaty, Kazakhstan), Pomaskina G.-A., Tashbaeva K.-I. (Bishkek, Kyrgyzstan), and Francfort H.-P. (CNRS, France) studied the site. The last scientific survey of the site was done in 2002 by a group led by Tashbaeva K.-I. In 2007, the site was examined by an association of the Department of Archeology and Ethnography of KSU named after Dzhusup Balasagyn.

Current Condition of the Site. The access to the site is difficult and specific climatic conditions protect it from excessive human impact, thus ensuring its safekeeping. However, in recent years, a number of Kyrgyzstan tourist agencies have been attempting to arrange for regular commercial horseback routes to Saymaly-Tash for foreign and local well-to-do tourists.

Protection and Management. Saymaly-Tash is on the UNESCO Tentative List for Kyrgyzstan and is registered by the government in the List of Sites of National Importance. Its borders and protection zone have not yet been established. In 2000, the site was awarded the status of a National Nature Park with an area of 32,000 ha. The agency's office responsible for its management and protection is in the Kazarman village.

Suuk-Dobo and Baychechekey

Suuk-Dobo (Kyrgyz for "cold hill"), coordinates: 73 45 52.6; 40 49 20.0 and Baychechekey (Kyrgyz for "snowdrop"), coordinates 73 45 16.2; 40 49 09.3, are located on the southwestern slopes of the Uzgen Range at an altitude of 3,194m (Suuk-Dobo, peak1) and 2,797m (Baychechekey-Kyr, group II), 40km to the north-east of Uzgen, 15km to the east of Salamalik village. Administratively, most of the sites are in county Kolduk, a small site in the Salamalik village. The population of the villages uses the territory in a traditional manner, as summertime pastures -*dzhayloo*.

Research Status. First information about Suuk-Dobo and Baychechekey petroglyphs was provided by a school teacher, Zhumabaev B., from Salamalik. In 2002–2005, the sites were surveyed by an expedition from OshSU led by Maltaeva K.-Zh. At both sites, stones with petroglyphs were numbered (numbers painted on stones), individual concentrations of drawings were identified (six groups in Suuk-Dobo, several in Baychechekey depending on their location (on the crest, slope, foothill, etc.). Petroglyphs were registered from west to east; a total of 1,352 drawings on 678 surfaces were registered. Photos of over 300 drawings and scenes were taken; contact copies of 500 drawings were made on polyethylene film. Burial mounds, "obo", remains of stone structures ("tashmechet") and epigraphic sites were discovered. Tentative results of the works were published (Maltaev *et al.* 2002: 70) and field data kept at the Department of History and Philosophy of OshSU (Osh); reports of the expedition are stored in the archive of the Institute of History and Cultural Heritage NAS of the RK (Bishkek).

According to the first researchers, the most ancient drawings (between 3rd -2nd millennia BC) include "geometric"-style drawings with analogues among Saymaly-Tash petroglyphs (goats and oxen); individual contour drawings of oxen resemble Tamgaly Bronze Age petroglyphs. Several chariots, one of which driven by horses, date to the Bronze Age. In the multi-figure compositions, the authors single out "the sun-headed", "masks", erotic scenes, birthing women, and solar signs. In general, Suuk-Dobo and Baychechekey petroglyphs date to the period from the Bronze Age to the Middle Ages inclusively. This said, the sites are considered as a full analogue of Saymaly-Tash according to their location at high altitude, number, age, and artistic peculiarities.

Under the UNESCO Project of preparation for the serial nomination "Sites of Rock Art in Central Asia" in 2009, surveying and documentation of Suuk-Dobo and Baychechekey petroglyphs was

continued by the South-Kyrgyz Archeological Party of **the** IHCH of NAS of the RK led by Amanbaeva B.-E. Geological samples were collected and submitted to the South-Kyrgyz geological expedition at Osh City for determination. Geological exploration was carried out east, south-east, and north of the main petroglyph locations.

Description of the Sites. Suuk-Dobo is located on a mountain range with the same name, a north-western spur of the main Uzgen Range. The range stretching from south-east to northwest has three peaks and four vents. Indexes for stones with petroglyphs were done according to the terrain: drawings on each peak and vent make up individually numbered groups. The main concentration begins on the second peak; there also are plenty of petroglyphs on vents.

Another range -Baychechekey– is close to the Suuk-Dobo range in the south-west, also stretching from north-east to south-west; in its middle the range changes direction inclining west by 10°. It has about 15 peaks at intervals of 8-10m to 60m. Two parts of the site have provisionally been identified: the western and eastern parts which include peaks adjoining Suuk-Dobo. Petroglyphs are primarily located on rock outcrops along the range as well as on its north-western and northern slopes, along 2.5 km. The sizes of drawings vary from 4-5cm to 1m.

On five peaks in the western part of Baychechekey, *Obo* - landmarks used by sheep herdsman—are piled up from rock debris. Ruins of *tash-mechet* (“stone mosque”), comprising seven rooms, one of which still contains a ceiling made with juniper logs and stone slabs, are 3.5 km east of Suuk-Dobo. Arabic inscriptions as well as modern Cyrillic inscriptions are found on its walls. *Tash-mechet* is a pilgrimage site for the local population from adjacent and remote settlements in the Uzgen and Kara-Kulzhi districts. Two round earth and stone burial mounds, 10m and 12m in diameter and about 0.3m high, were registered near *tash-mechet* and are supposedly dated to the Early Iron Age.

Repertoire of Petroglyphs. Suuk-Dobo rock art can be divided into the following groups according to its motifs: humans (gesticulating or in relaxed poses, archers in hunting and battle scenes, riders, “the sun-headed”, a mask); animals (mountain goats, camels, horses, ox, deer, predators, snakes (?)); geometric signs (concavities, solar signs, in the form of a “bird track” and others). Inscriptions by modern visitors are in Cyrillic. Scenes include mountains goats chased by predators (dogs, leopards?), marching goats, an archer hunting animals with a dog, camel-riders, and others. A depiction of two male personages with bunches of twigs in their hands performing some acts over fire are of special interest. Compositions of geometrics –circles, irregular closed shapes, crooked lines, etc.– are commonly found, as well as palimpsests, refreshed and incomplete drawings.

It should be noted that the repertoire of petroglyphs is diverse, but that, contrary to the first researchers’ opinion, Suuk-Dobo is next to Saymaly-Tash for the quantity of its petroglyphs and its most ancient drawings. “Geometric” animal drawings in the “bitriangular” style are sporadic; Bronze Age drawings, late at Saymaly-Tash, are dominant. At the same time, some drawing traditions poorly represented at Saymaly-Tash distinctively stand out at Suuk-Dobo.

The repertoire of petroglyphs at Suuk-Dobo and Baychechekey is quite similar. Two horse-driven chariots (one with disk-like wheels) were found in the eastern part of Baychechekey. Rare drawings include horses resembling “*Davanian*” horses in a style found among Ayrymach-Too (Surottu-Tash) petroglyphs and at Aravan. An original *tamga* and the drawing of a possible opium poppy are notable.

Most Suuk-Dobo and Baychechekey petroglyphs can be dated from the Early Iron Age to the Middle Ages inclusively, but earlier and later images may be present. The latter may include

primitive line drawings of goats, *tamgas* and Arabic inscriptions. We cannot date a mask, “the sun-headed” personage and some geometric shapes combined with concavities.

In general, the repertoire and age of most Suuk-Dobo and Baychechekey petroglyphs may make of those sites a connecting link between the high-altitude locations in the Fergana and Uzgen Ranges and drawings in the low hills.

Technique. Suuk-Dobo and Baychechekey petroglyphs are made by coarse-dot and fine-dot (0.5mm to 4-5mm deep) chipping; a combined technique of pecking and engraving, with a depth of no more than 1mm, is rarer. Arabic inscriptions were engraved.

Current Condition and Protection. The condition of the petroglyphs on the two eastern peaks of Suuk-Dobo is satisfactory, as they are very remote from the traditional places of summertime encampments of herdsmen. The western edge of Suuk-Dobo and the eastern part of Baychechekey are intensively visited from July to mid-September, when shepherds bring their herds to summertime pasture. This is also the time for increased visits of pilgrims, who perform worship rituals near “*tash-mechet*” and Lake Kok-Kol (Uzgen and Kara-Kulzhi districts). Damage to petroglyphs due to natural factors have been noted: wind erosion of rock surfaces, detachment of patina, moss and lichen growth, and others.

The boundaries and protection zones have not yet been identified for those sites; their physical protection is nonexistent. They are not included in official lists. Nominally, the local authorities and the State Agency for Culture of the RK are responsible for their protection.

Kara-Kulzha

Two petroglyph locations were discovered in the Kara-Kulzha district in 2005 by an expedition from OshSU (led by Zholdoshev K.). Concentrations of petroglyphs are 8km north of the Kara-Kulzha village, on the south-western slopes of the Uzgen range, in piedmont gorges (Kara-Zhylga and Ak-Kiya) (over 3,000m above sea level). About 500 drawings were registered in Kara-Zhylga and approximately 300 in Ak-Kiya. Most petroglyphs at both locations were then copied and photographed.

According to the oral testimony of the first researchers, the Kara-Zhylga and Ak-Kiya petroglyphs, from the diversity of their repertoire, techniques, and relevance, belong to different historical periods.

Legal and physical protection is nonexistent, but remoteness and inaccessibility are a guarantee of good preservation. There is a need for additional study of the petroglyphs, their natural and archeological environment as well as for measures to arrange for legal and physical protection of the sites.

North-Eastern Fergana

Unkur-Tash and Chiygen-Tash

The sites are located 30km north-east of Jalal-Abad City, 12 km south of village Oktyabrskoye, within the jurisdiction of the Bagysh Suzak district, at an altitude of 1,355m. Coordinates: NL 40 59 14.7, EL 73 09 12.8.

Both sites represent shallow overhangs 1.2km away from one another, on peculiarly shaped rock outcrops on the right bank of the Butulu-Say River near the Jalal-Abad resort. The left bank is overgrown with mixed forest, wild almond, blackthorn; cherry plum brushwood is found on the right bank.

In 2001, both sites were surveyed by a group of archeologists led by Tashbaeva K.-I. The drawings were photographed and copied on a transparent material. The drawings are painted with dark-red pigment on closed surfaces. The sites were preliminarily dated to the Middle Ages. In 2005, the drawings were examined, but not published, by associates of the Department of General History of Jalal-Abad State University. In 2009, a South-Kyrgyz archeological party documented paintings (photos, indexes, and copies on polyethylene film), and an archeological exploration was carried out. Sixteen groups of drawings with a total of 175 images were identified. Rock samples collected in different sites were submitted for identification to the South-Kyrgyz geological expedition (Osh City).

Unkur-Tash

Two rock overhangs are located in the lower part of sandstone outcrops of significant height aligned along a north-south line. There are rocks with two cultic sites –Tepshi-Tash and Teshik-Tash– to the north of the first one, Unkur-Tash 1, in the lowland at a distance of 25km. The overhang is shallow (only 1.5-1.7m) and 40m long. The drawings have practically vanished; in different places one can see traces of dark-red and dark pigments. Behind the bend of the rock, there is a second overhang, Unkur-Tash-2, 180m long, deeper and higher than the previous one. Paintings can be found on the surface facing east, and, as a rule, at human height, rarely higher. Rock relief utilization was noted: images are painted in rounded natural niches, on surfaces protected by an overhang; an artificial cup-shaped cavity 25cm in diameter was hammered in a horizontal place adjacent to the rock under the southern edge of the overhang, which opens to an excellent panorama of the adjacent territory.

Chiygen-Tash

The first site is 1km west of Unkur-Tash, on a vertical rock surface facing south. On an area of 1x1.1m, six outlined goats are preserved: they were made by pecking (2mm to 3mm deep) and painted.

The second group of drawings is located under an overhang 200m west of the first. It includes several poorly preserved goats and a horizontal line.

Repertoire. Unku-Tash drawings mainly include repetitive series of humans (archers-hunters, riders) and animals (mountain goats, horses, camels, deer, and dogs). The outline drawings were made using simple lines, and only few of them are more exquisite and realistic.

Superimposed drawings are rare, but in many cases, traces of repeated refreshing of drawings with paint are noticeable. Possibly some drawings were refreshed in our days, since there are modern Cyrillic inscriptions with the same shade of paint as some of the paintings.

Some parts of individual outlined figures are not covered with paint, possibly due to the refreshing and changing of initial drawings. Thus, certain details added by pecking to the back of a horse are characteristic of a double-humped camel.

As a rule, the drawings are no larger than 10x20cm.

Technique. The drawings were pecked and abraded with a depth of 1–3mm and line thickness of 6-7mm to 2.5cm. Combined techniques were often applied. Sketches of some drawings were apparently made by abrading.

Dating. Most Unkur-Tash and Chiygen-Tash petroglyphs supposedly date to the Middle Ages. Their repertoire is widely represented throughout Central Asia, their technique is more characteristic of medieval petroglyphs. In addition, certain figures apparently date to a more ancient period. Realistically drawn mountain goats and deer with two vertical antlers and exterior offshoots

may date to the Usun period of the Early Iron Age. Some schematic drawings made using lines and paint may date to the Late Middle Ages and New Times. In general, the site may be interpreted as an ancient sanctuary, probably created in the Early Iron Age, but the tradition of using it and creating drawings was preserved in later periods.

Current Condition and Protection. Unkur-Tash and Chiygen-Tash are not included in the State List of Sites and no physical protection is provided. Their location is owned on a conditional basis by one of the local residents. According to old residents, this area is still worshipped as a cultic site for the Kyrgyz people of the Bagysh tribe. In recent years, efforts have been made to arrange for tourist visits to these sites.

South-Eastern Fergana

Osh Oasis Petroglyphs:

Sulayman-Too, Ayrymach-Too (Surottuu-Tash) and Kerme-Too

Osh oasis is part of the Osh-Karamu plain in the south-western part of the Fergana Valley, on the left bank of the Ak-Buury River, at the foothill of the Kichi-Alay Range.

We present three groups of petroglyphs within this oasis: Sulayman-Too Mountains, Ayrymach-Too (Surottuu-Tash) and Kerme-Too. They are located in Osh City, Kara-Su district of the Osh Province.

In geographic literary sources, these sites are known as *Oshskiye Gorki* (Osh Hills), which surround Osh Oasis to the south, south-east (Sulayman-Too) and south-west (Kerme-Too), north and north-west (Ayrymach-Too). The area surrounded by these mountains totals about 2,350ha. The eastern and north-eastern parts of the oasis open to the Fergana Valley.

Research Status of the Sites. First information about Osh Oasis petroglyphs date to 1926, when Azhigirey G. reported on rock drawings of horses in the Ayrymach-Too (Surottuu-Tash) Mountains near Osh (Azhigirey 1928: 51). This triggered research in 1939 by a group of associates from the archeological surveillance expedition at the construction of the Great Fergana Canal led by Masson M.-E.. They examined and described Aravan and Ayrymach-Too rock art. Masson dated both groups of horses stylistically and according to information from Chinese chronicles about thoroughbred horses for which Davan –ancient Fergana– was famous in the 2nd - 1st centuries BC to the second half of the 1st millennium BC. In his 1948 article, Masson reported a somewhat different date: 1st millennium BC, possibly the middle of the century (Masson 1940: 131; 1948: 129-135) and pointed out that these drawings have cultic and magic importance. A sketch of Aravan horses earlier published in a newspaper article was attached to the article (Masson 1939).

A Tien-Shan-Alai archaeological expedition led by Bernshtam A.-N. in 1946 again examined images of horses on a rock near the Aravan village (Duldul-Ata). He dedicated his special work to these images (Bernstam 1948) and focused on their historical and cultural value. They document the existence of a horse cult in ancient Fergana, especially in the foothills of the valley. By comparing these figures with reports from Chinese sources on breeding famous horses in the city Ershi, Bernshtam suggested that the majestic ruins of ancient settlement Marhamat, located near the Aravan Rock, could be the capital of Davan –the city of Ershi. His drawings of Aravan horses were not exact copies, which reduces their documentary value. Ayrymach-Too images are repeatedly mentioned in several papers by Bernshtam, in which he agrees with Masson's dating them to the Sako-Kushan period.

In 1961, Zadneprovsky Yu.-A. examined and recorded 34 images in the Surottuu-Tash Gorge at Ayrymach-Too. He noted that the horses at Aravan and Ayrymach-Too dramatically differ in their

stylistic characteristics, "therefore, comparison with other rock art sites does not help determine the date of Fergana horses" and offered to look for analogies in different arts. In particular, he stated "the striking similarity of the type of Fergana horse petroglyphs to images on Chinese tiles dating to the last centuries BC" (Zadneprovsky 1962), thus supporting the original dating by Masson to the second half of the 1st millennium BC. Masson and Zadneprovsky believed that the Aravan horses were similar to drawings at Ayrymach-Too.

In the mid-1960s, an associate of the Osh museum, Cheylytko V.-R., made the first non-scientific excavations in Zhylaan-Unkura (Snake Cave) on Kerme-Too. He discovered petroglyphs on a vertical wall at the entrance to the cave, where materials from the Upper Paleolithic (?) to the early Middle Ages inclusively were found (Cheylytko 1965). In 1970, Dyadyuchenko L.-B. gave a description of the Osh Hills with photos of rock art at Sulayman-Too, Ayrymach-Too, and Kerme-Too in popular journals (Dyadyuchenko 1970, 1970a). He was the first to draw attention to the existence of cultic and ritual sites at Ayrymach-Too. Sher Ya.-A., who visited the sites in the years 1975-1977, contributed to the study of rock art at Sulayman-Too, Ayrymach-Too and their neighborhoods (Sher 1980).

Systematic study and documentation of Sulayman-Too and Osh Oasis petroglyphs have been carried out since 1989 by the South-Kyrgyz Archeological Party of IHCH of NAS of the RK led by Amanbaeva B.-E. within the framework of different national and international projects (Amanbaeva & Devlet 2000: 24-29). As a result of many years of work, a sizeable baseline documentation was collected (maps, plans, indexed panoramas, and others) about petroglyphs and other sites at Sulayman-Too which has become eligible for the UNESCO World Heritage List ("Sacred Mount Sulayman-Too"). Key sites of Fergana rock art on the territory of Kyrgyzstan were studied and documented in 2006-2009 within the framework of the UNESCO CARAD Project (Amanbaeva *et al.* 2006: 257-267).

Sulayman-Too

Mount Sulayman-Too (Takhti-Suleymant, Takhti-Sulayman, Sulayman-Tag) is in the center of Osh –the second city in Kyrgyzstan by size and importance. Geographic coordinates: NL 40 31 19; EL 72 45 01.64; altitude 1,175.3m; relative altitude 191.3m. The mountain is 1,663m long and 476m (first peak) to 820m (third peak) wide. On the map, the mount has an irregular oval shape that stretches east-west; it mainly consists of marble-like limestone with occurrence of siliceous shale.

The mountain has five peaks, each with a name: 1st: Buura-Tag (Kyrgyz for "camel-mountain" or Sulayman-Too –"Sulayman's Mountain"); the latter gave the name to the entire mountain; 2nd: Shor-Too (Kyrgyz for "Salty Mountain") –the southern slope of the second peak named for its white salt efflorescence, while the northern slope is Kochotluk-Too (Kyrgyz for "Sliding Mountain"); 3rd: Rusha-Too (Kyrgyz for "the tallest" or "the brightest") is the highest peak of the mountain; 4th: Kattama-Too (Kyrgyz for "layered mountain") reflecting its folded structure; 5th: the peak is isolated from the others and consists of two individual parts –one called Kelinchek (Kyrgyz for "daughter-in-law"), also called Eer-Too (Kyrgyz for "saddle mountain") since its shape resembles a saddle, while another one is called Keklikuchar –the peak where "partridges fly". Petroglyphs were registered on all peaks as well as caves, overhangs, karst tunnels located on mountain slopes. The drawings are mainly found on the eastern, southern, south-eastern, and south-western slopes of all five peaks both on open and closed surfaces. They are grouped with regard to altitude, orientation of rocks towards cardinal points, terrain and location of other sites. There is a total of about 400 drawings, but we do not know their exact number.

Motifs. From their content, the petroglyphs can be provisionally grouped into three categories: human, animal, and geometric signs of different forms. The largest group consists of solar symbols (a circle with a dot, with spokes and a circle with diverging rays), crosses, squares, arrows,

"commas", tree-like pictures, triple forks (bird tracks) and "web". Humans include archers, mask-like images and foot. The second group is more heterogeneous and comprises mostly single images, for example, single solar symbols, or unique petroglyphs. These include realistic portrayals of three horses held by a man with a long rope and archers shooting at each other on the southern side of the Eer-Too peak. Images of animals at Sulayman-Too are few: horses, snakes with open mouths, predator birds, goats with curved horns and sometimes with their legs tied. Most petroglyphs are unique both in style and motif.

Technique. Petroglyphs were drawn using stone and metal implements on horizontal, vertical, sometimes inclined surfaces of rocks or on separate stone blocks using pecking, engraving and abrading techniques. Drawings are made in different manners: outlines, contours and linear-schematic. In addition, the techniques are consistent with the style dated to different historical epochs. Engravings can mainly be found on the walls and ceilings of caves and overhangs. Here is a description of some sites at Sulayman-Too.

Chiltan Khan is a cave on the south-western slope of the second peak; the name translates as "abode of spirits". *Chiltens*, the mysterious spirits that help people and their cult are widely distributed in Fergana. There are three entrances to the cave: one from the northern slope, the second from the south and the third from the cave complex. The length of the main, west entrance is about 50m with a long -about 30m- karst tunnel whose floor is lined with stones and red clay heading northward from the entrance, so another name for the cave is the Kyzyl-Unkur (Red Cave). Some signs –squares and circle- carved at the beginning of the tunnel were described by previous researchers (Ogudin *et al.* 1988: 28) but we were unable to detect them. Several groups of drawings were registered on the vertical surface to the left near the main entrance to the cave. The first consists of four refreshed circles with a diameter of 7.5-8cm on patina-covered rocks at the entrance, 0.23m from the floor. Coarse pecking and 2-2.5cm wide lines. The diameter of artificial cupules in the middle of circles is 4cm. Four more cupules are 0.3m away. In contrast to the first group, they show no traces of refreshing. Their diameter is 3 to 5cm. Several groups of drawings on the same surface (so-called "webs") were made with a pointed sharp tool on the patina. Several small compositions of circles of varying diameters, shamrock, snakes, and various geometric forms –crossing lines, cross-like shapes, and others– were registered. On the wall to the right, in a small side entrance, two chains of cupules are 3.5–4cm in diameter. Circles are traced in a fine line to their right. Even now, pilgrims burn ritual fires and perform various rites inside the main cave. Locals believe that a passage through this cave leads directly to Mecca.

To the right, numerous images are incised in a thin line on top of the patina. There are single solar symbols, circles up to 25cm in diameter, trefoils, and geometric shapes drawn using a complex tangle of fine lines, spirals, etc. This panel is the largest in size, number of elements and complexity of composition. Similar drawings are on the walls of a small overhang near a site with graffiti mentioned above.

The entrance of a grotto in the south-eastern part of the fifth peak faces north-east and has a maximum depth of 3.5m. The area in front of the entrance is 6m long and 0.5-1m high. Its sloping sides and some vertical surfaces are polished from touching by ritual pilgrims. The first group of drawings, two tree-like shapes with different quantity of offshoots, is carved on the vertical wall to the left in a 0.8 x 0.7m area at a height of 0.8m above the cave floor. The composition is elaborate with geometrics. Three solar signs are in various places inside. Two pairs of foot prints are grooved on the right side of an inclined surface. At the same place near the entrance, there is a tree-like shape with two squares below.

A sub-rectangular shape consists of different geometric elements: triangle, circle, point, and others on side surfaces in front of the entrance (to the right). The rock surface and drawings are covered

with patina of the same shade. Outside the grotto, under an overhang, are also two grooved drawings.

Two more sites were registered on the northern slope of the fifth peak. There are “web”-drawings on the northern side and arch of the grotto with an entrance opening to the north-east. The second small group of drawings is found on the walls of a small overhang located somewhat lower than the previous grotto. The composition consists of cross-like signs and circles with signs in the shape of a comma. Similar drawings are present on other peaks as well.

Dating. Sulayman-Too rock art dates to the period from the mid-2nd millennium BC to the first half of the 1st millennium AD (15th century BC – 7th century AD). Most drawings date to the Bronze Age: labyrinths, solar signs, geometrics (rectangles, squares), birds, humans and mask-like figures. Davan horses and some goats date to the end of the 1st millennium BC – beginning of the 1st millennium AD. Many drawings, though modern, with dates and authors’ names, are artistically drawn: a human, architectural buildings, mountains, a sun with rays, animals. However, some Sulayman-Too petroglyphs are still undated.

Specifics of Sulayman-Too Petroglyphs: rarity of narrative motifs; persistent set of signs, presence of multi-shaped compositions with repetitive combination of signs; lack of close analogies for most drawings by style, repertoire and combination; a link between certain groups of drawings with horizontal, vertical, or inclined surfaces; relevance of most petroglyphs to cultic sites; difference in drawing techniques depending on location.

Comparative Analysis: Close analogies with some earlier Sulayman-Too drawings are available among Saymaly-Tash petroglyphs: (few) snakes in a wavy line, goats, labyrinths, geometrics (solar signs as a circle with a dot and spokes, squares, rectangles, and others) (Martynov *et al.* 1992). Neolithic drawings in Akbaur grotto in Eastern Kazakhstan are partly similar to Sulayman-Too petroglyph motifs (Samashev 2006). Another analogy: Naydupali petroglyphs located in Andhra Pradesh (south-east India) also feature labyrinths including with a combination of tree-like shapes with geometric shapes. This category may also include petroglyphs from Northern Italy (Val Camonica Valley) dated to the Early Iron Age (Anati 1968). The closest direct analogies to Sulayman-Too Davan horses can be seen in the Surottu-Tash Mountains, Aravan Rock, and in the Aravan-Say and Abshir-Say valleys (foothill districts of south-eastern Fergana).

Petroglyphs and Cultic Sites at Sulayman-Too. According to researchers, solar signs, and drawings in the shape of a comma, snake, or footprint are consistent with cultic sites at Sulayman-Too. Isolated drawings unique to the site are on tables of oblation –a straight cross and an open palm. Most rocks with drawings from the first group of motifs are located on vertical surfaces facing east, south-east, and south. Horizontal areas right in front of them are marked with solar signs. Inclined surfaces at Sulayman-Too are mostly devoid of drawings with the exception of those with abraded grooves and strips with chiseled signs in the shape of an open palm, foot, solar signs, and, rarely, arrows. Most cultic places are at present used by pilgrims for various magic and medicinal purposes.

Ayrymach-Too (Surottuu-Tash)

The site is located 9km north-west of Sulayman-Too within the territory of the Kyzyl-Kyshtak village in the Kara-Su district of the Osh Province, near the state border between Kyrgyzstan and Uzbekistan. Geographic coordinates: NL 40 34 44.2, EL 72 43 54.4.

The Ayrymach-Too mountains consist of limestone rocks. The south-western spur of the mountain –Orto-Too (2,700m long)- consists of five peaks stretching along a north-east line. The first peak – Kambar-Ata- is in Uzbekistan and is a *mazar* or holy place. Two other peaks are known amidst

locals as 01 and 02, from the exploratory work of geodesists in the past. The third peak, called Surottuu-Tash, is well-known in the literature along with Ayrymach-Too. Most petroglyphs belong to this mountain. The fourth, nameless, peak is somewhat isolated from the others and divided from them by an unpaved road.

The first peak (01) is 988.2m above sea level. Twenty-eight drawings of horse, mountain goats, snakes, deer, wolf or dog, as well as feline predators were found there. Some are well-preserved while others are barely noticeable. They are located in several groups on the southern and south-eastern slopes. A cultic horizontal slab (5x6m) with traces of polishing is in the middle of the south-eastern slope. Stairs hacked out of the rock lead to the slab. There is a similar slab (6x8m) with two lateral and one transverse grooves on the northern part of the peak below the ridge. Cup holes for oblation with a diameter of 8-25cm with traces of abrading around them are chiseled in sections formed by the crossing of the grooves. The surface of the largest groove is also well-polished. In addition to the cultic slabs described, there are other ritual and cultic sites.

The second peak (02) is 984m above sea level. Four animals are pecked on vertical surfaces on the north-western slope of the mountain: a horse and three goats, one of which drawn using an outline and contour technique. There also are various cultic images: two chiseled (?) parallel lines 60-70m long, 5-10cm wide and 1cm deep, with an interval of 110m between them. They begin at the foot of the mountain, reach the peak and continue northward.

The third peak, 1,002m above sea level, is well-known under the name of Surottuu-Tash –“a stone with drawings”-, since this is where the main concentration of rock art occurs. Surottuu-Tash precipitous cliffs have a stepped appearance and rock art is on three tiers. Seven petroglyphs were identified on the first tier, 32 on the second, and 6 areas with petroglyphs on the third. Isolated drawings are found on the south-western edge of the peak at a distance from the main concentration of drawings. Petroglyphs are made on vertical, sometimes inclined, and rarely horizontal surfaces facing south, south-east, and east.

“Davanian” horses engraved in a unique exquisite manner are dominant. There are few other images: humans, a rider on a “Davanian” horse, goats, deer, foal, camel, panther (?), and a dog. In addition, there are different solar signs similar to Sulayman-Too and Kerme-Too drawings and various unidentified shapes.

Fourth peak. Isolated horse drawings are found at two sites on its southern slope. A wide cultic slab with a multitude of cup holes of different diameter often connected with grooves is in the northern part of the peak, almost at its edge.

Technique. Engraving and fine-dot pecking combined with abrading were utilized. And, conversely, drawings raised 1mm above the rock surface were found. The degree of the intensity of patina on Surottuu-Tash pictorial surfaces varies. Most drawings have been refreshed fully or partially.

Drawing Style and Analogues. Horse drawings made in a unique stylistic manner prevail in the repertoire of Ayrymach-Too petroglyphs. The most accurate and at the same time romantic description of racers on Surottuu-Too is provided by Dyadyuchenko L.-B.: “Dry narrow head, standing high, truly swan’s neck, mighty chest, slender, dynamically approximate legs, sharply aligned abdomen and curved sweep of the thigh flowing into an ideal circle of croup” (Dyadyuchenko 1970: 29). An inimitable style and iconography of horse drawings (“Davanian” horses) characterize rock art at Osh Oasis and adjacent territory (Duldul-Ata, Abshyr-Ata, Aravan valleys). Similar drawings are rarely found beyond this historic territory and at other locations there seem to be incorporated groups of petroglyphs (Khujanazarov 2004).

In contrast to this group, the drawing tradition of Scythian-Saki animal style utilized for deer and feline predators at Ayrymach-Too has a wide range of analogies and distribution in Central Asia and beyond.

Kerme-Too, a limestone mountain, is an eastern edge of the Chil-Mayram Range 2km west of Sulayman-Too. Geographic coordinates: NL 72 44 19.7, EL 40 31 14.7; altitude: 1,179m.

Six caves were surveyed on the eastern and southern slopes. About 20 solar signs, web-like images and various engravings were found on their walls, floors and ceilings. The most interesting petroglyphs were found in the caves in the middle of the northern slope. Each has a local name and a second, given by famous regional ethnographers Cheylytko V.-R. and Dyadyuchenko L.-B. Ritual fire traces are noted everywhere; the floor of one of the caves on the southern slope is polished by the feet of many pilgrims. On the eastern side of the cave is another hill also with traces of polishing and a narrow groove, used, apparently, for ritual libations. All this testifies to the long-term functioning of these caves as cult sites.

Zhylaan Unkur cave (Kyrgyz for “cave of snakes”). Above the entrance to the cave, a rock overhang protrudes for 0.5m. Drawings are chiseled outside, on patinated vertical rock surfaces in front of the entrance. There are 27 drawings: solar symbols -circles, circle with six diverging rays-, one of which interpreted as a snake's head; a square, divided into four sections; a pair of arched signs and parallel lines, dots, shapes, and tree-like shapes, and snakes made in a manner typical to Sulayman-Too. All recorded drawings repeat rock art motifs at Sulayman-Too. Some are partially refreshed. On the right side, above the entrance, two natural cup-holes have traces of abrading of their surface.

A cave with a “balcony” is located slightly above the previous one and 15m west of it. It consists of a lower part with a large entrance and a protrusion or “balcony” facing north and 2.5m above the entrance. On the western wall, a first group of drawings includes two circles and two comma-shaped signs. Similar circles are chiseled on the floor of the “balcony”; the largest is 7.5cm in diameter. The eastern and southern walls also have small circles and engravings in the shape of webs and nets. Single solar signs in the form of circles are found in different locations of the cave. A calcite cave west of the previous one has rock art on its arch and walls similar to the drawings described. In addition, engravings in the form of a web, square net, cross with a diverse number of diverging rays are on the cave roof.

Protection and Conservation. The first effort to preserve Osh Oasis petroglyphs was made at Sulayman-Too under the National Program “Osh-3000” in 1998-2000 (Sitnikova 2004: 135). Now, Sulayman-Too and Ayrymach-Too (Surottuu-Tash) are included in the “State List of Historical and Cultural of National Importance” (2002) and receive legal protection. Sulayman-Too Mountain, as part of National Historical and Archeological Museum Complex, was included in 2009 in UNESCO's World Heritage List under the category of sacred mountain. In 2008, Ayrymach-Too and Kerme-Too were added to the buffer zone of Sulayman-Too. Kerme-Too is also on the list of sites of local importance.

Aravan Rock (Duldul-Ata)

The site is on the eastern edge of the village with the same name, the district capital, 27km west of Osh. Geographic coordinates: NL 72 30 40.0, EL 40 30 42.60; altitude: 772m above sea level.

Description of the Site. In the scientific literature, the site is more commonly known as Aravan Rock. In 1946, Bernshtam N.-A. described two groups of petroglyphs at different levels. The upper group is at a height of 15m from the foot of the rock and consists of large (0.5–1.1m) drawings of horses pecked using a fine-dot technique. The horses are visible from a distance because they

were refreshed by local enthusiasts in the early 1990s, when the site was visited by an international UNESCO expedition “The Great Silk Road” -a route of dialogue of the peoples”. Bernshtam registered drawings of three argali sheep walking to the left (16-17cm), humans and two unidentified figures on the same surface. Below and to the left, there is another side-drawn human figure, two spectacle-like signs and a dog. Below and to the right are drawings of a deer with branchy antlers and dogs, as well as three small human figures one over another. Three meters below, is another pair of similar horses. The drawings date to different periods; according to technique and stylistic specifics, Bernshtam dated the horses and a deer to the Saki period, assuming that this location had already been a sacred place then, and at the end of the 1st millennium BC the tradition continued as evidenced by “Davanian” horses, also objects of worship. Nowadays, the earlier composition is very poorly preserved; the lower drawing of a pair of horses is almost invisible, and so is the chiseled circle with a deepening above the upper pair of horses, which was noted by Masson M.-E. in 1939 (Masson 1948: 132).

Examination of the site in 2009 to the south-east of the main rock in different parts of the rocky range enabled to find other petroglyphs: a stallion (78x83cm), goats, and a composition of 16 drawings of animals, including dogs, leopard and wild boar, whose body is decorated with lines in a grid. At the entrance to a small cave, there is a single horse. The last site is 0.5km to the east of Aravan Rock. There are four horses engraved on a separate rock.

Near the foot of the main rock, there is a spring, a burial worshipped as the grave of Saint Duldul-Ata, and a mosque with an inscription reading this is the mosque of Duldul's horse. National tradition relates this place to Prophet Ali who, allegedly, tied his horse here when he headed for a battle with a White Dev who lived in Chil-Ustun cave; also located near Aravan in Charbak. To the west of the *mazar*, a horizontal surface has a multitude of pecked and abraded cup-holes 2–19cm in diameter and up to 14cm deep. In its vicinity, there is a “*childehana*” (“*chillyahana*” – especially designated place), a naturally enclosed space between rocks without a ceiling with a very narrow passage leading to it; tree branches nearby are adorned with shreds of fabric tied by the pilgrims. The place is designed for special rituals related to female fertility. Inside the *childehana*, there is a phallus-shaped fetish rock used in rituals performed by women; a fire is lighted on both its sides near the walls of the *childehana*.

Visitors' inscriptions are dated to the beginning of the 20th century, some of them have historical value.

Protection. The site is included in the “National List of Historical and Cultural Sites of the Republic of Kyrgyzstan of National Importance”. However, the boundaries of the site and its protection area have not yet been established. Local community and sheikhs who permanently reside on the territory actually provide physical protection for the site; they also maintain order, improve the site, pray and perform rituals to receive voluntary contributions from pilgrims (Amanbaeva & Skripkina 2007: 66-67). Nowadays, the location with *childehana* and a stone with cup-holes is the private property of one of the *mazar* custodians.

Chil-Ustun or Aravan Cave

The cave is 4km from the village of Aravan near the walnut grove Charvak. This is one of the most beautiful caves in Kyrgyzstan. It is 350m long and has six large grottos and narrow passages, whose walls are covered with a crust of calcite, with numerous stalactites, stalagmites and dripstones in the form of rock waterfalls. It is one of the karst caves in the Osh Hills near the city of Osh and west of it.

Chil-Ustun is a site of nature and culture. On the cave roof, there are ancient writings and drawings including graffiti that resemble similar paintings in the Sulayman-Too and Kerme-Too caves. Tourists regularly visit it.

Chiyli-Sai (Sahaba)

The site is located 42km southwest of Osh, 8km west of Nookat, the district capital, 2km south of Sahaba *mazar* in the mouth of the gorge with the same name on the left bank of the Chiyli-sai River - Aravansay. The shortest and most convenient way to Alai runs through the gorge. Geographic coordinates: NL 40 13 37.3, EL 43.4 72 31, altitude: 1,119m above sea level.

Petroglyphs are carved at the bottom of the high vertical limestone cliff facing north. They were repeatedly examined by archaeologists and regional ethnographers (Sher Ya.-A., Devlet E.-G., Amanbaeva B.-E., Dzhusupakmatov L., etc.), but due to their inaccessibility, the petroglyphs were only surveyed in detail and documented in 2009 under the guidance of Amanbaeva B.-E.

The main composition is at a height of over 2m above the valley and occupies an area 2.5x4 m. Some drawings were lost in the late 1980s to the construction of a modern road. The main panel begins at a height of 2-2.2m above ground and goes south-west. The outermost drawing is at a height of 5.5m. A total of 62 drawings were registered.

Technique. Pecking for all was medium and fine with a depth of 0.5-6mm to 2mm, the line width ranges from 6-7mm to 4.5cm.

Repertoire. So-called “sun-headed” personages with hemispheric or spherical headed figures with schematic representation of trunks are of great interest. Almost all types of drawings are outlined and a combined method of drawing was often utilized. No palimpsests or refreshments. The contours of most drawings are poorly visible, since the cliff surface is heavily eroded from the wind and patina either never existed or was lost. Drawing heights range from 5.5cm to 56cm.

The repertoire of the Sahaba petroglyphs includes only a few types: anthropomorphic “sun-headed” and mushroom-shaped personages, solar and some other vague signs. A drawing of a human in a composition with a mushroom-shaped anthropomorphic figure stands out. Only two animal drawings are distinct – a mountain goat and the bull whose body is represented in a bitriangular contour.

The drawings of the “sun-headed” and signs persistently combine with several elements. They can be divided into two groups: outlined or contoured circles on the trunks-legs with or without hands. Contour shapes often have central dots and diverging line-rays. The hemispherical or circular shape of human images consists of two or four circles, separated by radial lines into equal segments with a dot in the center. Some figures are probably incomplete images of the “sun-headed” or mushroom-shaped characters.

The unique repertoire of Sahaba drawings distinguished the site among other petroglyph sites in Central Asia. Striking analogues of the Sahaba anthropomorphic figures are mushroom-shaped and some “sun-headed” images in the oldest group of Saymaly-Tash petroglyphs. Together with Tamgaly in Kazakhstan, Sahaba is one of the main locations for “sun-headed” figures in Central Asia.

Dating. Sahaba rock drawings are provisionally dated to the Bronze Age according to stylistic and iconographic analogies with the most ancient petroglyphs in Saymaly-Tash and Tamgaly.

Current Condition and Protection. The figures above the Sahaba anthropomorphs are associated with horse hooves and interpreted by locals as the hoof prints of Prophet Ali's horse – Duldul– thus making them objects of worship. In former years, a small pond formed at the foothill in spring and summer; at present, a wide ditch along the cliff prevents intrusive visitors from getting close to it.

Not far from the petroglyphs, there is a Sahaba *mazar* (Arabic for “supporter”, in this case, of the Prophet Muhammad). Popular tradition associates the formation of the shrine with the spread and establishment of Islam in this part of the Fergana Valley, which seems to reflect real events that took place here earlier in the Middle Ages. The sacredness of this place goes back thousands of years as evidenced by the petroglyphs. However and most unfortunately, the cultic importance of the rock does not guarantee protection from acts of vandalism: many contemporary inscriptions were found on its surface. The rock is not on the national list of sites. Boundaries of the site and zones of protection have not been established.

Aravan Gorge

The site is 12.5km north-east of Nookat City on the right bank of the Aravansay River, at the mouth of the valley. Geographic coordinates: NL 40 13 37.3, EL 43.4 72 31, altitude: 1,119m above sea level.

Repertoire. The site is notable for a considerable number of medieval Arabic and Sogdian inscriptions (13), which, along with petroglyphs (30), are within 2km of the riverbank and of a road used in ancient and medieval times. Rock paintings and inscriptions are in small groups. Basically, they are on the open rock surface, but also under overhangs.

Petroglyphs represent anthropomorphic (humans, archers-hunters and riders) and animal (mountain goats, horses, deer) images, geometrics and signs (solar, spectacle-shaped, swastika, cup-holes, unclosed circles, *tamgas*), musical instruments and inscriptions (Sogdian, Arabic script, modern Cyrillic). Drawings were made in an exquisite and realistic manner, in addition to schematic drawings. No palimpsests exist; there are unfinished drawings, and, possibly, sketches; fully or partially refreshed images were found. Sizes vary from 3-5cm to 15-18cm and only images of musical instruments and horses are represented close-up.

Technique. The drawings were made using a coarse and fine pecking with a depth of 1 to 3-4mm.

Dating. Aravan Gorge petroglyphs are provisionally dated from the Bronze Age and Saki-Usun (5th - 1st century BC) to the Late Middle Ages. One of the indisputable criteria for dating is horses identical to the “Davanian” horses at Ayrymach-Too (Surottuu-Tash) and Aravan Rock.

Current Condition and Protection. The site is on the “National List of Historical and Cultural Sites of National Significance”. Neither its boundaries nor protection zones have yet been established.

South-Western Fergana

Sites in this part of the valley, related to the *adyr* and foothill area of the Turkestan and Alay Ranges, are mainly located at an altitude of 1,500m and some higher. The earliest information about petroglyphs dates to the pre-revolution period (Veber 1914: 130). The best known are in the Surottu Gorge and near the Okhna village (now Orozbekovo village) studied in 1939 by Voronets M.-E. (1950: 75-90). Some petroglyphs near Okhna were examined in the early 1970's by Shatskiy G.-V., who dated them to the 1st millennium BC (1973: 16-18). In 1966-1967, Kabyrov Zh. discovered new petroglyph locations on the southern slope of Kartan-Too near settlements Sur, Bel, Taryk, Bagyshym as well as gorge Shorbulaksay (Khujanazarov 1995: 13) and dated them to

the 7th BC – 8th AD centuries. In 1979-1982, Kartan-Too petroglyphs were examined in the border areas of Uzbekistan and Kyrgyzstan. At the same time, new sites –drawings made with pink paint– were found near the Eshme village and petroglyphs at Zhany-Aryksay as well as previously unknown drawings at Surottu (Khujanazarov 2004: 110). All listed locations are on different slopes of low limestone mountains. The western tip of Katran-Too reaches the Sokh enclave of Uzbekistan.

Kalchoku

The site is located on the territory of the Orozbekovo village (former Okhna) in Uchkun Gorge, 5km southwest of the district capital of the Kadamzhay district of the Batken Province, not far from the junction of Kadamzhay-Ayderken (Haydarken) and Kadamzhay-Kyzyl-Bulak roads. It was discovered in 2005 by associates of the Institute of Social Sciences of the Southern Department of NAS of the RK and OshSU (Maltaev *et al.* 2005: 219-223). Many cultic items in the form of cupules, footprints, grooves in combination with few petroglyphs (about 20) with quite remarkable images were found on rock faces, individual blocks and boulders on Kalchoky Mountain and around it. A “sun-headed” personage is carved on one of the faces of a large stone. Its facial details are thoroughly dotted and its body has four arms. On another one, an ox-*Bos primigenius* in a bitriangular style is harnessed to a two-wheeled cart steered by a waggoner. The other petroglyphs are mainly representations of mountain goats drawn in different manners. According to researchers, Sulayman-Too drawings are analogos to these petroglyphs; the site is interpreted as an ancient sanctuary. Dating is suggested between the Late Bronze Age and the Middle Ages.

Current Status and Protection. Locations at Okhna (Orozbekovo), Surottu and Suuk-Dangi are in the “Government List of Historical and Cultural Sites of National Significance”. The sites in this district having a great scientific interest and cultural importance are potential sites for a transboundary serial nomination, which calls for a need to organize and conduct additional research, protection and management efforts.

Preliminary Comparative Analysis of the Fergana Sites

The following table presents an attempt to compare the main natural, historical and cultural features of the two identified groups of rock art sites located in the high and low mountains of the Fergana (Rogozhinsky 2006).

Sites in Low Mountains	Sites in High Mountains
Petroglyphs are found on rock outcrops (sometimes without patina) that stand out against the plain terrain of low mountains, often next to or inside caves under overhangs. Some sites show different techniques for petroglyphs on open and closed surfaces.	Petroglyphs are found on individual boulders of moraine deposits and overhangs covered with thick patina
Petroglyphs of ancient periods: Bronze Age and Early Iron Age. Petroglyphs of ancient times prevail (end of 1 st millennium BC – beginning of 1 st millennium AD) and of later periods.	They include rock art of different periods –Eneolithic (?), Bronze Age, Early Iron Age, Middle Ages, and New Times.
Modest repertoire of images and motifs. Main theme: depiction of horses in an exquisite manner. A special category includes geometrics–labyrinths, grids, and others. Many sites contain refreshed drawings.	The repertoire is rich, diverse, and representative of several periods of history.

Petroglyphs are part of other ritually significant components of the modern cultural landscape (mountains, caves, niches, cultic items with symbolism of fertility). An archeological complex with petroglyphs includes other types of sites different in time.

Relevance of petroglyphs to other items of an archeological site is weak or poorly studied.

A living tradition remains of worshipping sites with rock art (mountains, rocks, boulders, and caves).

A tradition of worshipping sites related to petroglyphs is discontinued or poorly pronounced.

Recommendations

The following groups of sites are proposed to be included into the serial nomination “Rock Art of Central Asia”:

1. Sites of the high-altitude Fergana and Uzgen Ranges –Suuk-Dobo, Baychechekey, Kara-Kuldzhi district;
2. Sites of Osh Oasis and adjacent areas –Sulayman-Too, Ayrymach-Too (Surottuu-Tash), Kerme-Too, Aravan, Chiylu-Say (Sahaba), Aravan Gorge;
3. Sites of South-Eastern Fergana –Surottuu, Okhna and others;
4. Sites with rock paintings –Tash-Unkur, Chiyyen-Tash, Eshme;
5. Saymaly-Tash will not be included in the serial nomination and will be presented individually.

Bibliography

- ABETEKOV A.K., BARUZDIN YU.-D. 1963. Saki-Usun Sites in the Talas Valley. *Archeological Sites of the Talas Valley*. Frunze.
- AKMATOV K.-T. Petroglyphs of Ornok. *Information and Research on the Archeology of Kyrgyzstan*.
- ANATI E. 1968. Arte rupestre nelle regioni occidentale della Penisola Iberica. *Archivi i Arte preistorica*, № 2. Capo di Ponte.
- AZHIGIREY G. 1928. Ancient Drawings on Rocks of Surot-Tash Gorge near Osh. *News Bulleting of the Central Asian Branch of the Geographic Society*, V.18.
- AMANBAEVA B.-E. & DEVLET E.-G. 1998. Petroglyphs of Sulayman-Too. *Ancient Osh in Medieval Context. International Conference: “History and Culture of Os and Osh Province in the Pre-Mongolian Period”*. Osh, October 28-30.
- AMANBAEVA B.-E. & DEVLET E.-G. 1999. Petroglyphs of Sulayman-Too. *News about Ancient and Medieval Kyrgyzstan*. Issue 2. Bishkek, “Muras”.
- AMANBAEVA B.-E. & DEVLET E.-G. 2000. On Sulayman Mountain. *Osh 3000/NAS of the RK/National Office “Osh-3000” under the Government of the RK*. Bishkek.
- AMANBAEVA B.-E. & SKRIPKINA S. 2007. Mazars in the Kyrgyz Part of the Fergana Valley. *Mazars in the Fergana Valley*. Bishkek.
- AMANBAEVA B.-E., SULAYMANOVA A.-T., ZHOLDOSHEV Ch.-M. 2006. Petroglyphs in Osh Oasis. *Kyrgyzstan. History and Modern Times*. Bishkek.
- AMANBAEVA B.-E. SULAYMANOVA A.-T., ZHOLDOSHEV Ch.-M. 2007. Exploratory Routes of the Talas Archeological Party in 2003-2005. *News Bulletin of NAS of the RK. Science*.
- ASANKANOV A.-A., TOLUBAEV S.-A., TOLOBAEV P.-A. 2005. Ozgon rayonundagy Zhany izildengen syynnuuchu Jean yyyk zhaylar. *Bulletin of the Osh State University*. No. 1.
- Atlas of the Kyrgyz Republic* 1987. M.
- BERNSHTAM A.-N. 1940. *Kenkol Burial Ground*. Leningrad.

- BERNSHTAM A.-N. 1997. *Selected Works on Archeology and History of the Kyrgyz People and Kyrgyzstan*. V. 1. Bishkek.
- Central Asia and the Far East in the Middle Ages 1999. Central Asia in the early Middle Ages. M.
- CHELYTKO V.-R. 1965. In the Vicinity of Osh. *Leninskiy Put' Newspaper*. 15 December 1965.
- GAPONENKO V.-M. 1963. Rock Art in the Talas Valley. *Archeological Sites in the Talas Valley*. Frunze.
- GELLER S.-YU., ZIMINA R.-P., KEMMERIKH A.-O., KUVSHINNIKOVA K.-V., MURZAEV E.-M., RODIN L.-E., ROZANOV A.-N., RUBTSOV N.-I., FORMOZOV A.-N. 1958. Physical and Geographic Regions. *Central Asia. AS of the USSR*.
- DYADYUCHENKO L.-V. 1970. *In the Caves of Kyrgyzstan*. Frunze.
- DYADYUCHENKO L.-V. 1970. *Without a Need – to Zardalyu*. Frunze.
- History of Kyrgyz SSR*. 1984. V. 1. Frunze.
- History of Tajikistan*. 1998. V. 1. Dushanbe.
- KABIROV Zh. 1976. *Rock Art on Boulders in Sarmishsoy*. Tashkent.
- KADYRBAYEV M.-K. & MARYASHEV A.-N. 1977. *Rock Art in the Karatau Range*. Alma-Ata.
- KALLAUR V.-A. 1897. Archeological Trip along the Aulietan District. *Annex to Meeting Minutes and Reports of the Turkestan Activity Club of Amateur Archeologists as of 29 August 1897*. Tashkent.
- KHLUDOV N.-G. Saymaly-Tash Pass Where Stones with Inscriptions were Found. *Protocols of the Turkestan Activity Club of Amateur Archeologists*.
- KOZHOMBERDIEV I. 1963. Catacomb Sites of the Talas Valley. *Archeological Sites of Talas Valley*. Frunze.
- KHUJANAZAROV M.-M. 1985. *Rock Art of North-Eastern Uzbekistan*. Abstract of a Thesis on Historical Sciences. L.
- KHUJANAZAROV M.-M. 1995. *Rock Art of Khodjakent and Karakiyasay*. Tashkent.
- KHUJANAZAROV M.-M. Sites of Uzbekistan. *Sites of Rock Art in Central Asia*.
- MALTAEV K.-ZH. & NASIROV T.-A. 1997. Rock Art of Takht-i-Suleyman as a Source of Osh City History. *Osh Oasis at the Crossroads of Continents and Civilizations* (A Collection of Information the International Scientific-Theoretical Conference). Osh.
- MALTAEV K.-ZH., ADILBAEV ZH.-A., NASIROV T.-A., ALYMKULOV A.-K. 2002. The new Site of Ancient Art of Suuk-Debe Gorge. *Central Asian Civilizations: Farmers and Pastoralists; Tradition and Modernity*. Abstracts of the International Scientific Conference. Samarkand.
- MARTYNOV A.-I., MARYASHEV A.-N., ABETEKOV A.-K. 1992. *Petroglyphs of Saymaly-Tash*. Alma-Ata.
- MARYASHEV A.-N. & ROGOZHINSKY A.-E. 1987. Questions of Periodization and Chronology of the Petroglyphs of Kazakhstan. *Scythian-Siberian World. Art of Ideology*. Novosibirsk.
- MARYASHEV A.-N. & ROGOZHINSKY A.-E. 1991. *Rock Art in Eshkiolmes Mountains*. Alma-Ata.
- MASSON M.-E. *Pioner Vostoka Newspaper* of 15 January 1939.
- MASSON M.-E. 1940. Expedition Archaeological Supervision at the Construction of the Grand Fergana Canal. *Summary Reports and Field Studies of the Institute of History of Material Culture of the AS of USSR*. Vol. VI.
- MASSON M.-E. 1948. Ancient Rock Paintings of Domesticated Horses in Southern Kyrgyzstan. *Proceedings of the Institute of Language, Literature and History under the Kyrgyz Branch of the Academy of Sciences of the USSR*. Frunze.
- NURMAMETOV R.-G. 2004. Preserving and Displaying Sites of Rock Art in the Near Issyk-Kul Region in Museums. *Sites of Rock Art in Central Asia. Public participation, management, conservation, documentation*. Almaty.
- NURMAMETOV R.-G. 2006. Lunar-Solar Personage in the Rock Art of Issyk-Kul. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan*. 1 (252), Almaty.
- OGUDIN V.-L. & OGUDINA G.-N. 1988. *Report of the Work Done on the Slopes of Takht-i-Sulayman 18-28.07 and 11-16.08*. Fergana.

- OKLADNIKOV A.-P. & RATZEK V.-I. 1954. Traces of Ancient Culture in the Caves of Tien Shan (Discoveries in Ak-Chunkur Cave). *Bulletin of the All-Union Geographic Society*, Issue 86, vol. 5.
- Osh Province. *Encyclopedia* 1987. Frunze.
- POMASKIN B.-V. 1999. *Sulayman Mountain. Magic of Petroglyphs*. Kurak. Art and Culture. No. 1. Bishkek.
- ROGOZHINSKY A.-E. 2008. On Modern Problems of Rock Art Archeology of Kazakhstan and Central Asia. *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. 4 (36). Novosibirsk.
- ROGOZHINSKY A.-E. 2006. *Report on the Survey of Sites of Kyrgyzstan, Uzbekistan and Tajikistan - Potential Sites for Serial Nomination UNESCO "Rock Art in Central Asia"*. Almaty.
- RYSAKOVA R.-Ya. 1982. *Discoveries of Young Ethnographers of Talas*. Frunze, Kyrgyzstan.
- RYSAKOVA R.-Ya. 1983. The Stone Inscriptions. *Leninskoye Znamya Newspaper*, February 12.
- SAMASHEV Z. 2006. *Petroglyphs of Kazakhstan*.
- SHATSKIY G.-V. 1973. *Drawings on Rock*. Tashkent.
- SHER Ya.-A. 1980. *Petroglyphs of Middle and Central Asia*. M.
- SHER YA.-A., MIKLASHEVICH E.-A., SAMASHEV Z.-S., SOVETOVA O.-S. 1987. Petroglyphs of Zhaltyrak-Tash. *Problems of Archaeological Cultures in the Steppes of Eurasia*. Kemerovo.
- SHER YA.-A., SOVETOVA O.-S., MIKLASHEVICH E.-A. 1995. Survey of Petroglyphs of Zhaltyrak-Tash. *Ancient Art of Asia. Petroglyphs*. Kemerovo.
- Sites of History and Culture* 2003. German Agency for Technical Cooperation. Bishkek.
- SITNIKOVA N.-A. 2004. Experience of Preserving Petroglyphs in Kyrgyzstan. *Sites of Rock Art in Central Asia. Public participation, management, conservation, documentation*. Almaty.
- SULTANHOZHDAEV A.-N. 1972. *Ferghana Artesian Basin*. Tashkent.
- TABALDIYEV K.-Sh. 2008. *Sites of Inscriptions on Rocks of Kyrgyzstan*. Bishkek.
- Talas Province* 1995. *Encyclopedia*. Bishkek.
- TASHBAYEVA K.-I. 2004. Sites of Kyrgyzstan. *Sites of Rock Art in Central Asia. Public participation, management, preservation, documentation*. Almaty.
- TASHBAYEVA I.-K. & FRANCFORT H.-P. 2005. The Study of Petroglyphs on Zhaltyrak-Tash. *Bulletin of the International Institute for Central Asian Research*. Samarkand-Bishkek.
- VEBER V.-N. 1914. *Geological Map of Central Asia*. M.
- VEDUTOVA L.-M. 1999. Reconstruction of Semantics of Human Footprint Depictions in the Rock Art of Sulayman-Too. *News about Ancient and Medieval Kyrgyzstan*. Issue 2. Bishkek.
- VEDUTOVA L.-M. 2000. Labyrinth Images in Petroglyphic of Sulayman-Too. Osh and Fergana: Archeology, New Times. Culture Genesis, *Ethnogenesis*. Issue 4. Bishkek.
- VINNIK D.-F. 1963. Turkic Sites in Talas Valley. *Archeological Sites in Talas Valley*. Frunze, pp. 79-93.
- VORONETS M.-E. 1950. Rock Art of Southern Kyrgyzstan. *Works. Historical Series*. Issue 2. KSIP named after M.-V. Frunze,
- ZADNEPROVSKIY Yu.-A. 1962. Rock Drawings of Horses in Ayrymactau Gorge (Fergana). *SE* No. 5.
- ZADNEPROVSKIY Yu.-A. 1997. *Osh Settlement in relation to the History of Fergana in the Late Bronze Age*. Bishkek.
- ZHUMAGULOV CH. & KOZHOMBERDIEV I. 1983. Inscriptions and Petroglyphs from Kuru-Bakayir Gorge in Talas Valley. *Archeological Discoveries*. 1971. M.
- ZHUSUPAKMATOV L.-Zh. 1998. *Mysteries of Labyrinths on Takht-i-Sulayman of Osh City*. Osh.
- ZIMA B.-M. 1946. Origin of Rock Art Revisited. *Works of the Kyrgyz Institute of Pedagogy*. Issue 2. Frunze.

List of Abbreviations

AS of USSR – Academy of Sciences of the Union of Soviet Socialist Republic

BAS of USSR – Branch of the Academy of Sciences of the Union of Soviet Socialist Republic

CARAD - Central Asian Rock Art Database

IA of UzAS – Institute of Archeology of the Uzbek Academy of Sciences

IHCH of NAS of the RK- Institute of History and Cultural Heritage of the National Academy of Sciences of the Republic of Kyrgyzstan

KSIP – Kyrgyz State Institute of Pedagogy

NAS of the RK - National Academy of Sciences of the Republic of Kyrgyzstan

NBAUGS – News Bulletin of the All-Union Geographic Society. L.

NC – National Complex “Manas-Ordo

NHAMC – National Historical and Archeological Museum Complex “Sulayman-Too”

OshSU – Osh State University

SD of NAS of the RK – Southern Department of the National Academy of Sciences of Kyrgyz Republic.

SE – Soviet Ethnography

See illustrations page 167

Rock Art in Tajikistan^{*}

Bobomullo S. Bobomulloev[†]

In the 1970's, about 150 locations of petroglyphs, differing by their number of images and their level of study, were registered in Tajikistan (Ranov 1976).

First knowledge about Tajikistan rock art, in the vicinity of Kalai-Panj village (Pamir), was published in 1879 by the British Captain Henry Trotter (Trotter 1879). A famous work by the Danish explorer O. Olufsen, who visited the Pamirs in 1896-1899 and described drawings on rocks near the village of Langarkisht, came out in 1904 (Olufsen 1904: 193-196). Later, information on Tajikistan rock art was published by Bobrinskiy A.-A. (1908), Korzhenevskiy N.-A., and Ratzek V.-I. (Ratzek 1944).

The first serious but mostly tentative publications of Tajikistan petroglyphs appeared in the second half of the 1940's, after mere references in the works of travelers or specialists in other areas. They are credited to Dalskiy A.-N., Madji A.-E., Mandelstam A.-M., Bernshtam A.-N., Ranov V.-A., Zhukov V.-A., Gurskiy A.-V., Agahanyats O.-E., Panfilov O.-V. and others. They provided not only descriptions of rock art locations, but they also tried to date the art, counted the images and photographed them. A series of publications specifically dedicated to Pamir rock art sites, such as Langar and Shakhty, came out in the 1960's.

Three concentrations of rock art sites in Tajikistan are grouped according to their landscape and geographical location: Eastern and Western (Badakhshan) Pamir; Hissar Alai; Western Fergana (Mounts Kurama and Mogoltau) (Bubnova, 2008).

Pamir

Pamir is a highland region differently defined. A famous geographer, Agakhanyants O.-E. (1965), for example, determines four regions from a combination of physiographical conditions: Kashgar, Central, Hindukush, Vakhn Hindukush, and Western Pamir. However, Pamir is divided according to the administrative borders of the Gorno-Badakhshan Autonomous Region of the Republic of Tajikistan: in the north along the Alai Range, in the south along the Pamir and Pyandzh rivers, in the east along the Sarykol Range, and in the west along the Darvaz and Khazretishi Ranges. Geomorphological features differentiate Western Pamir (Badakhshan), with a Mediterranean type of vegetation, from Eastern Pamir, where the vegetation is Central Asian. Western and Eastern Pamir strongly differ from one another according to terrain, climate, and natural settings. The frontier is marked along the 73rd meridian that stretches from the Lenin Peak south of the Muzkol Range and farther east to the middle of the North Alichur Range along the western shore of Lake Yashilkul and to the Pamir River in the area of the Khargush Pass (Fig. 2) (Bubnova 2008).

Western Pamir (Badakhshan)

It is part of a deeply dissected terrain in a highland that evolved in the Pleistocene as a result of the active denudation at a high altitude, with peaks at 7,000-6,000m above sea level (Ismail Samani

^{*} The chapter dedicated to petroglyphs in Pamir has been prepared by Bobomulloev B.S. according to unpublished materials from the private collection of Ranov V.-A. archived at the Institute of History, Archeology, and Ethnography of AS of the Republic of Tajikistan.

[†] Research Associate Akhmad Donish Institute of History, Archeology, and Ethnography

Peak: 7,482m, Karl Marx Peak: 6,726, or Mayakovskiy Peak: 6,095m and others). Separated from the Central Asian deserts, this region shows no loess accumulation under conditions of deep erosion, but only gravitational and alluvial deposits. The lowest tier of the narrow and deep Badakhshan valleys consists of pebble terraces. This is the center of social life. The most ancient terraces are preserved in fragments as small patches of alluvium "suspended" high above the valley at an altitude of 300-700m. A specific feature of the Badakhshan valleys is steep mountain slopes often covered with a thick layer of scree and altitude differences between the bottoms of valleys and the mountain ranges, aligned mainly from north to south and reaching 3,000–4,000m. The steepness of slopes sometimes causes a change in elevation from 500m to 1km.

The Badakhshan mountains are considered dry. Annual precipitation in the valleys ranges from 100mm to 20mm and up to 300mm in the west of the region. In February-March the snow cover reaches 20-40cm and stays for about three months. Maximum precipitation occurs from March to May. The summer in the valleys is warm or moderately warm. Temperature changes are significant within a range of 24 hours.

The Badakhshan flora and fauna change significantly depending on the altitude. Differences in the faunal composition of Tian Shan and Western Pamir are relatively insignificant, while the fauna of the latter is scarcer than that of the former.

Badakhshan people's lives are, from birth to death, closely related to the mountains, so they have to adjust to these harsh conditions that shape personality and world outlook. The main prey hunted by Pamirians is the mountain goat (*Capra sibirica* Pallas) or *nakhchir* in the local language. Markhoors (*Capra falconeri* Wag.) occur less frequently. Wild sheep or argali (*Ovis ammon* Linnaeus) may be found on flat surfaces in the area of contact with Eastern Pamir. Large mammals include a Central Asian subspecies of brown bear (*Ursus arctos* Linnaeus). According to rock art, Bactrian deer (*Cervus elaphus bactrianus*) may have lived there up to an altitude of 3,000m. Predators include snow leopards (*Felis unica* Schreber), black Tibetan wolf (*Canis 1 chanko* Gray) and red dog (*Canis alpinus* Pallas). Smaller predators include fox, otter, and rock marten. Hares are found everywhere.

In some plains, valleys are quite wide and have a large flood plain as, for example, Vakhan between the villages of Langar and Namatgut, and are suitable for farming and gardening. Wheat and barley grow at an altitude of 3,000-3,300m and are farmed in addition to potatoes, corn, lentils and other crops.

Eastern Pamir (Pamir Plateau or High Pamir) is located where the high ranges of Tien Shan, Kunlun Shan, Karakorum and Hindu Kush meet. This region is the western part of the system of the highest mountains in Asia and offers some of the harshest conditions in the world for humans to live in.

External ranges that reach altitudes of 6,000-7,000m significantly surpass the mountain ranges located in the internal part of Pamir. The Pamir Highlands comprise a system of broad lake beds and river valleys at an altitude of 3,600-4,200m separated by relatively low ranges up to 1,000-2,000m severely deteriorated by denudation processes. Pamir is one of the harshest mountain deserts in the world comparable, in this respect, with Tibet. Its main climate features include high altitude aridity, and an extreme continental climate that causes cold winters with little snow and a short cool summer. The annual temperature range can be as much as 73°C. Botanists determine these very harsh climatic conditions of the "Roof of the World" as "extreme for living".

This region represents a western outpost for the Tibetan fauna. Commonly found large animals include Tien Shan argali (*Ovis ammon* L.) and mountain goat (*Capra sibirica* Pal.). A typical

domestic animal in Pamir is *kutas* or yak (*Bos mutus* P.), which provides highlanders with meat and high quality dairy products. There are also bears (*Ursus arctos* L.), wolves (*Canis Lupus* L. and *Canis Cuon* Hodgston), snow leopard (*Unica unica* Sch.), hare (*Lepus tolai* P.), marmots (*Marmota menzbieri* K.) and others in the Pamir highlands.

Prevailing types of landscapes with rock art in this sub-area; type of substrate for rock art

Pamir is the Tajikistan region richest in rock art; more than 50 concentrations of petroglyphs are registered. No other surrounding highland region such as Svat, Gilgit, Khunza, Ladak, Tibet or Afghanistan can boast of such quantity and diversity. There, as in Pamir, most sites are concentrated along the valleys of major rivers, since human activity has always been linked to valleys, while mountainous or taiga areas were barely ever used. A glance at the petroglyph map of Pamir will convince one that a major accumulation of petroglyphs is tied to the Pyandzh River and its main tributaries; quite a few are found in Yazgulem and Gunt. Concentration of sites in this area resulted from the fact that a narrow strip of valley suitable for agriculture, which Pamirians intensively used for all their activities, stretches along the foothills of high mountains. Other concentrations of petroglyphs, such as Vybistdara, are located in traditional summertime areas for cattle grazing and the processing of dairy products.

Locations with few images are found in the upper reaches of rivers, i.e. mountain passes (Abdukagor, Dzhamak, Koytezek, Aktash) or where tributaries join larger rivers (Darsay). Quite often large boulders or vertical rock surfaces polished by the sun and wind caught the attention of people with artistic abilities as if urging them to leave a kind of message on their surfaces (Namatgut, Dzhamak petroglyphs). Known concentrations are related to ancient caravan routes or to most remarkable places (Langar). Many images are found on low terraces near old or still existing roads, burial sites, fortresses, the ruins of ancient settlements, and along lakeshores. Many petroglyphs were made in places renowned as hunting grounds; in Langar, for instance, piles of stones are used as a refuge for hunters. At the same time, no strong links of petroglyphs were noted with modern sacred places, most passes or known springs (Fig. 3) (Bubnova 2008: 36).

In Eastern Pamir, all petroglyphs are found near ancient burials (paintings in rock shelters at Shakhty, Kurtek, and Nayztash). In Western Pamir, rock art was registered at an altitude of 3,500m, and at an altitude of 4,200m in Eastern Pamir.

It is difficult to pinpoint other patterns of petroglyph locations in Pamir, since they are tied to the different landscapes of this mountainous region. Images were engraved on isolated stones (more often on water-worn boulders, sometimes on their debris) or on large rock faces, vertical and horizontal. It is difficult to determine patterns in the arrangement of images on rock surfaces with different expositions.

Quantity and Distribution of Rock Art Sites in the Sub-Area

The total number of images is over 10,000. According to the quantity of their petroglyphs, sites can be divided into three groups: 1) those with more than 1,000 or several thousands of images (Bybistdara: 1,200, Langar: 6,000); 2) sites with no more than 100-200 images (Akdzhilga, Darshay, Salymulla); 3) sites with 10-20 petroglyphs or even single petroglyphs (Kukhilal, Tamdy, and others). Sites of the third group are the most numerous (see Table on Fig. 4).

Large locations of petroglyphs are true picture galleries, with compositions and sometimes tens, hundreds, or even thousands of similar petroglyphs that preserve for the future the ancient ideas, beliefs and traditions of the people who inhabited the lands or found a temporary abode there, when moving from one place to another.

Dating of Rock Art

The Shakhty grotto paintings are the most ancient in Pamir. Ranov V.-A. dates them, from the discoveries of stone flints, to the Mesolithic – Early Neolithic (8th - 5th millennia BC). Apparently, the Shakhty grotto paintings are related to a culture found at the highest altitude - the Markansui culture. Paintings were also found two kilometers away from the Shakhty grotto under an overhang (Kurteke) and 15km away near the Nayzatash pass, both attributed to the Neolithic. The listed sites dated to the Stone Age are located within the same area in Pamir at a small distance from one another. Nevertheless, the three sites completely differ in technique and style, so they, apparently, must differ in time.

Akdzhiga rock art is made using a specific technique on an open surface and is dated to the Bronze and Early Iron Ages. The numerous petroglyphs of such large sites as Langar and Vybistdara have a wide chronological range, from the Bronze Age to the 1st millennium BC to the 17th – 20th centuries and modernity. Most other sites contain images of different periods, the most ancient dating to the Bronze Age.

Archeological Context of this Sub-Area (Brief Description, Level of Study of Archeological Cultures Relevant to Identified Traditions of Rock Art)

Despite weather conditions that made human adaptation in the highlands difficult, Pamir was peopled long ago. Markansu archeologists discovered and excavated Mesolithic sites with a well-preserved occupation level. This is the highest site in the world; according to radiocarbon dating, it is 9,530±130BP years old.

A total of 63 sites with Stone Age evidence were registered in Pamir including some in caves and rock art sites. Most relate to the Markansui culture (8th – 5th millennia BC), which manifests similarities with contemporary cultures in Siberia, Transbaikalia, and, probably, north-western China.

Pamirian sites of later periods –Neolithic and Eneolithic (Chalcolithic)- are less known, probably because of climatic deterioration. Bronze Age evidence is also rare: only 5-6 isolated sites. Conversely, the subsequent Saki period is well-represented by numerous kurgans. The main researcher of sites of that period, Litvinskiy B.-A., reports data on more than 50 Saki burial sites and individual kurgans and estimates the population of Pamir in the 1st millennium BC to be about 10,000-15,000 people. The latest research showed that in Pamir, sites of the Early Iron Age, the Middle Ages and modernity are the most numerous (Fig. 5) (Bubnova 2008: 38).

Sites of different historic periods are unequally represented in Pamir due to the significant climatic variations during the Holocene. It is difficult to imagine the existence of Mesolithic tribes under the current climatic conditions of Pamir.

It is suggested that the Pamir Plateau experienced a significant and rapid tectonic upheaval, the amplitude of which amounted to 500-600m, within the last 10,000 years. The upheaval of mountains surrounding the Pamir Plateau aggravated cooling and arid conditions. Back in the Saki period (8th - 3rd centuries BC), the vegetation cover of the steppe was richer and the Pamir climate was more moderate and favorable (Sidorov 1979). This is indicated by the spread of kurgans in regions that have no water sources now. The eventual desertification of Pamir occurred at the end of the 1st millennium BC and triggered a rapid reduction in the number of archeological sites in this Central Asian region.

Modern Ethno-Cultural Context of Rock Art Sites; Availability or Absence of Registered Tradition of Worship and Reverence Related to Rock Art Sites

In Pamir, most petroglyphs have secular rather than religious motifs: hunting and battle scenes, pets, mythical or, probably, real heroes. Religious notions, antique mythologies and the routine life of mountain-dwellers –farmer, pastoralist, and hunter– quaintly intertwine. Nevertheless, most petroglyphs reflect day-to-day life, rather than people's religious ideas.

Rock art containing an obviously religious content includes images of an open palm (palm with five fingers –a symbol of Ismaili). Images of an open palm were registered on several Pamir petroglyph sites. Detailed drawings are quite often found among later images at Vybistdara. At present, the local population pays a special attention to palm images rather than worshipping them.

The Most Significant Rock Art Sites in Western Pamir

Langar

The petroglyph site is located in the Gorno-Badakhshan Autonomous Region, in the Ishkashim District, *Dzhamoat* (village council) Zong, 10km south-west of the district capital Ishkashim. Langar is the easternmost settlement in Western Pamir (Badakhshan) of a series of villages located on a narrow strip of land bounded on one side by the Pyandzh River and by tall mountains on the other. Further on, only 40km eastwards, around the place where the small Khargush River flows into the Pamir River, is the nominal border between Western and Eastern Pamir and the beginning of highland desert unfit for farming. Geographic coordinates of the petroglyph location: NL 37 02.236, EL 72 37.321; altitude: 2,700-3,500m.

Langar village is at the foothills of a spur of the Shakhdarya Range with Karl Marx Peak being its highest point (6,723 m above sea level) opposite the confluence of the Pamir River which bursts out of a narrow canyon and cuts through the high ranges of the Hindu Kush to join with the Afghani Vakhandarya River. Langar is located in the foothills of a small, but steep and narrow pass. A traveler descending from the side of the Pamir Desert to Langar would find the first village, Badakhshan, a paradise on earth because of the drastic contrast of natural landscapes. Langar is at the crossroads of many caravan routes. This determined the significance of the area as indicated by the abundance of rock images. In addition, the area has long been considered as the best hunting grounds in Pamir (Bobrinskiy 1908).

The Tajik Archeological Expedition led by Ranov V.-A. documented and studied the Langar petroglyphs in 1972; the most important images were traced on paper, described, photographed, and a topographic plan of the key locations of petroglyphs was made. A total of 5,883 images were registered, but the total quantity of Langar petroglyphs, according to Ranov V.-A., amounts to 10,000 images.

Main Substrate of Rock Art

Images were engraved on convex or flat and very weathered surfaces of granites, with, as a rule, horizontal, and less frequently vertical, faces. Nowhere else on the way from Khorog to Langar is there such a concentration of relatively smooth inclined slabs so convenient for engraving. This natural point of interest in Langar also preconditioned the emergence of a true "picture gallery" in the open air that was many centuries in the making.

Technique

Most images are pecked; impact dots are 1-2mm deep and 3-5mm in diameter; the lines are 5-6cm wide, thicker lines being less common. Lines of earlier images are finer, straighter, and more exquisite, apparently made by a more confident and surer hand. Dots often merge into one line, but

they may be separate and then the surface appears to be spotted. The nature of the dots allows identification of the tool used for pecking. There is a difference between images pecked with a sharp metallic tool by direct impact from above or by inclined left impacts, but more often the images were pecked using a flint that left a mark with ragged edges and shallow crude chipped irregular outlines. It is worth noting that not only later images, but many ancient patinated images were pecked with a stone tool. Only in some cases were images deeply engraved with a metal tool resembling a sewing awl or hand-punch. There are also later images scratched with a knife.

Small-sized images –10 to 20cm– are predominant, but there are also a few images as big as 30-40cm. The same goes for small (up to 10cm) and larger (over 50cm) images; the smallest drawing of an animal is 6cm and the largest is 80cm. A large figure of an archer stands out on a panel named “White Figures” (1.80m), as well as an image of a musical instrument *rubob* (lute-like instrument) that is 1m high.

Description of the Site

The range of Langar images is very broad. Therefore, researchers defined and named “image margins” –main concentrations of petroglyphs, which received numbers and names reflecting specifics of the image motifs or locations. There are small concentrations of images between these sites, also provisionally attributed to one group (“Field”) or another.

Field I was named “White Figures”; its area is about 12,000m². A total of 1,811 petroglyphs were registered.

Field II was named “A Mount of *Rubobs*”, since about 300 images of *rubobs* – favorite instruments of Pamirians- were found there. On an area of 750m², a total of 1,770 petroglyphs were registered.

Field III was called “Scythian Goats”; nearly 1,000 petroglyphs were found there. Unlike the two previous fields, these images are arranged in small groups at a distance of about 500m.

Field IV is named “Inscription”; a total of 779 petroglyphs were found there. The main surface with images has an area of 10m².

Field V received a name, “Near a Flag”, in 1972, because border guards hoisted a USSR flag a little above the place. A total of 523 images were found there on an area of 200 x 50m.

One more field with a smaller area, 1A, was discovered in 2001. The concentration of petroglyphs is located on the eastern slope of the Kishtirdzharv fissure almost opposite Field 1. The number of images was not determined.

The repertoire of Langar petroglyphs includes four groups of images. Mountain goats –*nakhchirs* – are the most numerous: 3,511, sometimes in scenes of hunting herds (up to 15 images of animals per scene). Other wild animal images include snow leopards, deer (including Bactrian tугai deer – *Cervus claphus bactrianus*), animals from the *Bovidae* family and a bull. Human images are sketchy and resemble a cross. Horse riders with sabers are shown on one of the rocks. Some humans' bodies are represented as triangles with connected vertexes. There are images of Buddhist Stupa, *tamgas* of various forms, signs, circles (sun signs) and open palm (Ismaili symbol). Images of *rubobs* are numerous.

Dating

Langar petroglyphs belong to different chronological periods, with images of the Bronze Age –1st millennium BC, Kushan and Ephthalite period (early 1st millennium BC), the Middle Ages (9th - 16th

centuries), as well as the Late Middle Ages and modernity (17th - 20th centuries). Images of *rubobs* with a special type of chipping are dated to the 1st century AD.

Archeological Context

Mountain roads leading to Fergana and China, Afghanistan, Pakistan, and India meet there. Although the roads were difficult and dangerous, there was one branch of the Silk Road; the Vakhn part of the road, which connected many centers of the ancient world and played a very important role for many periods. It is not improbable that the Vakhn route helped Buddhism make its way to China.

Stone Age sites were found in Western Pamir: Shugnou site (35-20 millennia BC), location Dzhaushangoz I (8th - 5th millennia BC).

Bronze Age sites: burial site Dzhaushangoz VII, rock art Namdgut, rock drawings at Darshay III.

Sites dated to the Early Iron Age include various fortresses, *tuphona*, burial sites, fortified settlements, and locations of petroglyphs: Chasem I, Miyonakuh I, Dzhaushangoz VI, Dzhaushangoz VII, Chilhona, Ratm I, Ratm II, Vybistdara (rock drawings), Richiv, Darshay III (rock drawings), Yamchun I, Yamchun II, etc.

Vybistdara

In the Gorno-Badakhshan Autonomous Region, in the Shungon district, 30km east of Khorog City and 7-8km away from Debast (Vybist), on the left bank of the Vybist-Dara River near the summertime encampment (*kosh*) Tirel; altitude: 3,500m. There is a total of 1,203 drawings registered on an area of 1.2 ha.

Level of Study

The Vybistdara petroglyphs were discovered in 1960 by a biologist, A.-V. Gurskiy. In 1972, the site was surveyed by a petroglyph researcher group from the Pamir Archeological Party of the AS of Tajikistan (group leaders: Ranov V.-A., Zhukov V.-A., etc). The boundaries of the main concentrations of petroglyphs were established and the groups described; the most interesting drawings were photographed and traced on paper. The petroglyphs were provisionally classified (Ranov 1976: 6-12; 2001: 146-147), but most have remained unpublished.

Description of the Site

Petroglyphs are pecked on the patinated surfaces of large fragments of granite in large mounds on the slope of the gorge. All images are pecked and differ in patina shade.

Four (A,B,C,D) groups of petroglyphs are associated with different mounds and different chronologic, stylistic, and motif peculiarities. The largest petroglyph concentration (including the most ancient) is near a site of summer pasture.

In general, the repertoire of petroglyphs is not very varied, but it is notable for a large number of humans, signs and ornamental motifs. The most common motif is a row of horse riders following one another. There are many scenes of hunting archers including horse riders. A scene of wild yak communal hunting was carved on a large surface. There are several examples of an armed man fighting an unarmed man and varying motifs of running men holding hands. Numerous signs such as circles with a central point and an intersection, florets, and squares are interesting. The latest images include an open palm –a famous symbol of Pamirian Ismaili. Rare images include camels, dogs, and chariots.

Dating

According to style and repertoire, there are images of the Early Iron Age (few images of animals in a tradition of animalistic style) and of the Islamic medieval period including its end (horse riders, battle scenes, signs, open palms) (Ranov 1976: 6-12). The drawings are dated from the 1st millennium BC to the 16th - 19th centuries, and medieval petroglyphs prevail.

The Most Significant Rock Art Sites in Eastern Pamir

Akdzhilga

The site is in the Gorno-Badakhshan Autonomous Region, in the Murgab District, 100km north-east of the district capital –Murgab settlement on the southern slope of Bazar Dara (North Alichur) Range, not far from the Akdzhilga pass at an altitude of 3,800m. The Ak-Dzhilga petroglyphs are among the highest in Central Asia. The highest peaks of Pamir, also referred to as “Roof of the World”, Ismoili Somoni (7,495m), and Revolutsiya Peak (6,974m) are located 90-140km farther east.

At the end of the 1960's, geologist Bulin V.-P. discovered petroglyphs in an area difficult to access on the Severnaya Akdzhilga River. They significantly differ from the ones known in Pamir. In 1972, archeologists Zhukov V.-A. and Ranov V.-A., with a small group of colleagues (a photographer and an artist) recorded this unique concentration of rock art. A special summary article by Zhukov and Ranov on the Akdzhilga petroglyphs was published in the same year.

The Main Substrate of Rock Art

The petroglyphs are engraved on the surface of a solitary flattened rock (shale) (23.6 x19m), located on the right bank of the valley at a height of 25m above the river. The wind has given a mirror-like polish to the black surface of the rock; images take up almost one-fourth of the surface. The slab stands out in the environment among the chaos of numerous morainic rock fragments.

Technique

Akdzhilga petroglyphs were made with a technique unusual for Pamir. An outline was initially incised on the surface with a sharp tool, then it was shaded inside with carved lines and then additionally abraded. The lines of the drawing are shallow and practically the same color as the rock surface. Pecking techniques were only used for several petroglyphs obviously dated to later periods.

Description of the Site

There are a total of 100 petroglyphs on the rock surface. There also are isolated images and panels. The drawings are grouped in several places of the rock. Most of them are in its southeastern sector including its inclined part. There, the drawings form a palimpsest that allows us to determine a relative age for the figures. Particularly, large animals are overlaid by images of wild goat hunting scenes. Figures of goats walking one after another in the central part of the slab are one of the most exquisite and stand out for their excellent execution. In the northeastern part of the slab, an isolated archer wears a peaked head-dress; the arrowhead shape is conspicuous. A panel located in the north-western part of the rock is the most interesting, with several chariots (one with a driver) and oxen carved in a unique stylistic manner unusual for Pamir. Most Akdzhilga drawings are carved in outline, with the entire surface of the figure filled with dots or dense lines.

Dating

The earliest group of Akdzhilga petroglyphs, with chariots and oxen, can confidently be dated to the Bronze Age. An archer in a peaked hat and a series of wild goats may be dated to the Early Iron Age. There are also sketchy images of animals from later periods and modern inscriptions.

Shakhty Grotto is located in the Gorno-Badakhshanskiy Autonomous Region, in the Murgab district 40km south-west of the district capital –Murgab settlement on the left slope of the Shakhty Gorge adjacent to the Kurtke-Say River valley. Geographic coordinates of the location: NL 37 55.225, EL 73 55.755; absolute altitude: about 4,200m. Shakhty Grotto is located 60m above the valley bottom, but it is easily accessible from the surface of an alluvial cone along a nice path.

In the autumn of 1985, an Archeological Group of the Pamir Expedition of AS of USSR led by Ranov V.-A. discovered petroglyphs in the Shakhty Grotto, in Eastern Pamir. Ranov provided a detailed description and attributed them to the Mesolithic in a special article published in 1961. In 1967, Ranov described and studied them in his popular book “Arkheology na Krishe mira” (“*Archeologists on the Roof of the World*”) (Ranov 1967). A zoologist, Tanasiychuk V., published a popular article on the subject with very good photographs in the same year (Tanasiychuk 1967).

The Main Substrate of Rock Art

The grotto formed as a result of karstic erosion of a tectonic crevice. The grotto faces east and is dry and sunlit. The entrance is 7.5m wide and 6m deep; the roof height is 25-30m. The images are carved as a frieze on the southern wall of the grotto 1.6-2.0m from the floor; paint stains and fragments of other obliterated figures still remain.

Technique

All images were painted with a mineral paint in two shades: most were painted in light-brown ocher, while others with a maroon shade of ocher.

Description of the Site

Seven images are in a good state of preservation: an outlined ornitho-anthropomorphic figure (23cm), two contoured figures of wild boars (?), yak or bear (85cm), an arrow against the body and head of an animal, another contour of an unidentified animal superimposed on another drawing and painted in maroon. The frieze with drawings is 4m long and 1.5m high.

The images are painted with a mineral pigment. Ancient painters apparently obtained raw material for the paint right there in wall cracks, where deposits of powdered iron oxides occur. The paint has two shades: light and darker maroon. The lighter shade was used more often, and dark maroon -a strong concentration of pigment- was used mainly to draw details. One maroon drawing overlaps light-brown images. Lines are relatively thin (1.5-2cm), irregular, often additionally corrected. Presumably, the figure was finger-painted.

An image nearer to the entrance is anthropomorphic and masked as a bird (?). Next, figures of a wild boar and bear or two boars are drawn opposite each other. Only half of the drawings on the left remain. Then, there is a contour of a large animal shown ready to pounce. Then follows the largest figure, depicting an animal with massive legs, with a small hump that evokes an animal from the *Bovidae* family (yak?), but with an elongated snout, small ears and an absence of horns that would rather suggest a bear. The legs are drawn realistically. Arrows are of special interest: the largest is shown below the nape of the animal, another one in the lower part of its snout, and the third one under the animal's head. The arrows point at the animal from opposite directions to suggest a collective hunt.

Dating

A Paleolithic Research Group of the Pamir Archeological Expedition of AS of the USSR (led by Ranov V.-A.) discovered and was first to survey the site in 1958, in the course of surveying caves and overhangs in south-eastern Pamir. Photos of the grotto and its rock paintings were taken in addition to carrying out excavations in an exploratory trench inside. Stone flakes and several knife-like flints and one fragment of a core were found (Ranov 1961). From those finds and comparisons between motifs and styles, Ranov dated the drawings to the 8th – 5th millennia BC or to the Mesolithic – Early Neolithic (Ranov 2001: 128-129). Their most likely age would thus mark the first appearance of people in Eastern Pamir after the Glaciation.

Protection and Current Condition of the Site

The site is on the National List and receives protection from the local authorities of the Murgab District of the Gorno-Badakhshan Autonomous Region in Tajikistan.

In 2005, on the instructions of the Murgab Association of Ecotourism, R. Sala surveyed the site and noted the satisfactory preservation of the drawings. The traces of the 1958 archeological excavations can be seen inside the grotto and outside the entrance: remainders of the unfilled trench and earth excavation heaps. The grotto is rarely visited by locals or tourists.

Kurteke Rock is located in the Murgab District of the Gorno-Badakhshan Autonomous Region, 38km south-west of the district capital city, Murgab. The site is 2km from the Shakhty Grotto on the opposite slope of the Kurteke-Say Gorge at the exit point of the last gorge in the Karauldyn-Dala, at about 4,020m above sea level.

The site was discovered and surveyed by Ranov V.-A. in 1964. The first article about Kurteke Rock petroglyphs was published the same year. An abstract of the report “Stone Age Drawings in Pamir” presented at a scientific workshop in Bishkek “Petroglyphs in Central Asia” was published in 2001 (Ranov 2001:128-129).

Description of the Site

The overhang is adjacent to an isolated Jurassic rock. Traces of painting are on two walls. Apparently, only a small portion of the paintings, made of a grayish-brownish-maroon mineral pigment, was preserved on the northern and eastern walls of the shelter. Their surface is severely damaged and polluted and they can barely be seen. They are approximately 1.5m from the floor. They include poorly preserved figures of two people with legs astride and arms raised.

Archeological Context

Excavations helped identify two cultural horizons. The first dates to the Late Bronze Age, the second to the Late Neolithic – Eneolithic. The upper horizon includes ceramics typical of the Bronze Age of the Central Asian steppes, with stone tools and bronze arrowheads. The lower horizon only includes microliths and half-burnt coal.

Nayzatash

The site is in the Murgab District of the Gorno-Badakhshan Autonomous Region, 45km south-west from the district capital city Murgab. A grotto with drawings is not far from the Nayzatash pass, at an altitude of 4,137m.

Research Status

The site is known only from photos made by Seleznyov V.-F. handed over to Ranov V.-A. (Ranov 1995).

Description of the Site

The grotto is in a large limestone Jurassic rock. The drawings, painted on a rough surface with red mineral pigment, occupy a 2x1.5m area. Their sizes do not exceed 12-15cm. Only six figures were preserved with some unidentified lines and spots. Two contour images of mountain goats (*Capra sibirica* Mayer) can be seen, and, possibly, a human, a sign in the shape of a closed figure (or incomplete image) and three short lines.

Dating

The Nayzatash paintings have no direct similarities among Pamirian petroglyphs; they are even difficult to compare with those at Ak-Chunkur in Kyrgyzstan, Akbaur in Kazakhstan, Zaraut-Kamar in Uzbekistan or even at the Kurteke overhang located in the vicinity. Dating them to the Neolithic is provisional (Ranov 2001: 129-130).

Hissar Alai

The Hissar Alai range system associated with Southern Tien Shan is the most important in Tajikistan. It is bounded by valleys: the Fergana Valley in the north, the Hissar Valley, Sukhrob River Valley and Alai River Valleys in the south. The Hissar Alai Range system stretches from east to west for about 900km. The height of most peaks exceeds 5,000m.

The main Hissar Alai mountain ranges include the Turkestan, Zeravshan, Hissar, and Alai Ranges that stretch in latitudinal and sublatitudinal directions. The eastern part of the Hissar Alai is in Kyrgyzstan, its western part in Uzbekistan, while its middle is located within Tajikistan.

The Karategin Range branches off the Hissar Alai Range. The system of the Hissar Alai Ranges towering over valleys is a nearly impassable barrier that divides the territory of the republic into two parts –northern and southern.

The Alai Range stretches for almost 200km and forms the eastern part of the Hissar Alai Range; it is mainly in Kyrgyzstan, while only its small western part is in Tajikistan. Near the upper reaches of the Zeravshan River, near the Matcha pass, the Alai Range divides into two mountain chains - the Turkestan and Zeravshan Ranges. The Turkestan Range stretches for 200km between the Fergana and Zeravshan valleys. Its highest point is in the eastern part (Piramidalniy Peak, 5,620m), then the range gradually recedes westward and ends in the Nuratau Mountains in Uzbekistan.

The Zeravshan Range stretches almost in parallel with the Turkestan Range. The Zeravshan River cut its way between the two. It now flows in a deep gorge, with sections of basin-like expanses and terraces. Landslides in the Zeravshan Mountains often cause temporary lakes. The Zeravshan valley begins to widen and floodplains and large terraces fit for agriculture appear downstream at the mouth of the Kshtut River. The Zeravshan Glacier, considered as the largest in Tajikistan, is located in the upper reaches of the Zeravshan River. The ridge of the Zeravshan Range is rocky. Absolute heights there exceed 5,000m. In contrast to the Turkestan Range, which is a continuous mountain ridge, the Zeravshan Range is cut through in 3 places all the way down with the valleys of the left tributaries of the Zeravshan –Fandarya, Kshtut, and Magiyan. A section of the range between Fandarya and Kshtut called Fan Mountains is distinguished by the complexity of its structure and its immense height (Chimtarga 5495 m). The eastern section of the Zeravshan Range is named Matcha Range, and the western Chakyl-Kalan.

The Hissar Range branches off from the Zeravshan Range in the upper reaches of the Yagnob in the complex of mountains Barzangi and forms an interstream area between the Amudarya and Zeravshan River valleys. The highest point in the eastern and middle parts is 4,688m above sea level, while the range gradually recedes south-west crossing to Uzbekistan and turns into low ranges. The total length of the Hissar Range within Tajikistan is about 250km. The slopes of the

Hissar Range have many glaciers. Many convenient passes cross the Hissar Range, the Anzob pass (3,372 m) being the most important.

Prevailing Types of Landscape

Concentrations of petroglyphs in the Hissar Alai are associated with various landscapes. The localization of key sites depends upon the gorges in the upper reaches of the Zeravshan River, where they are concentrated along the riverbanks. The greatest number of rock art sites is known in the Fan Mountains, on cliffs of the Magian-Darya River, in the Iskandar River basin, on the left bank of the Kshtut-Darya and Shing-Darya Rivers. Concentrations of petroglyphs are known at the openings of the gorges of Say Gurbic, Say Vagishton, Say Mosrif, and Soyi Sabag. Insignificant sites were registered in the vicinity of the settlements of Padask, Khudgif, and Esizi Poen.

Petroglyph sites are found in the Zeravshan River Valley, including petroglyphs west of the village of Shamtich. About 200 images were engraved on large and small dark-brown boulders in the proximity of old and new cemeteries located on a smooth 300x100m terrace at the foot of the Turkestan Range on the right of the Zeravshan. A famous inscription by Babur is incised in *nastalik* handwriting on the surface of one boulder and consists of two rhyming lines in the Tajik language. About 300 petroglyphs were registered 300m downstream as well as on the terrace to the left of the river in a locality known among locals as Dashti Mullo Tokhiriya. Predominantly, images of goats are carved in a linear style; there are hunting scenes, archers and an elephant. In general, Shamich and Dashti Mullo Tokhiriya petroglyphs are similar.

Quantity and Distribution of Sites

The Hissar Alai group includes 50 known sites with petroglyphs carved on rocks and individual large boulders both in the valleys of the Zeravshan River tributaries and in sidelong gorges. The most interesting petroglyphs were registered at Gurbic Sai along the Kshtut River as well as in the valley of the Shing River near the villages of Vagishton and Mosrif Gully.

Dating

The Zeravshan Valley petroglyphs predominantly comprise monotonous reiterations of mountain goats engraved in a "linear" or "skeletal" style.

Most petroglyph sites in the Hissar Alai have images of different periods, Bronze Age images being the most ancient. Large series of Bronze Age petroglyphs dated to the 3rd – 2nd millennia BC are found in Vagishtan Sai and Soyi Sabag.

Drawings in concentrations at Shamich and Dashti Mullo Tokhiriya are dated to the Early Middle Ages and the Medieval Period.

Archeological Context

Archeological research in the upper reaches of the Zeravshan River helped discover several Bronze Age sites and many sites dated to Antiquity and the Early Middle Ages. Early periods are represented by an ancient farming settlement, Sarazm (Eneolithic – Bronze Age) and burial sites of the Bronze Age: Dashti Kozy, Zardcha Khalifa, and Zoosun. Settlements and fortresses are the most numerous and date to the Early Middle Ages and the Medieval Period.

The upper reaches of the Zeravshan River contain rich deposits of complex ores, including ornamental, high-quality silicon and clay that have been used since ancient times for implements, weaponry, and household objects. Deposits of fluoride and tin (Kaznok), amethyst (Manor Gully), sodalite (Sabag Gorge), almandite (valleys of rivers Samjon and Turo, Iskandardarya River basin), marble (Mosrif, Kosatarosh, Voru, Mazori Sharif, Tillagul Gullies), copper, silver, and gold (Taror),

lead, copper, and zinc (Kangut mine) and others are found in the foothills of the Zeravshan and Turkestan Ranges (Razzakov 2008), most of them in the vicinity of well-known petroglyph sites.

Most images of objects, ornamental motifs, animals, etc. in the repertoire of the most ancient Zeravshan petroglyphs are similar to those on artifacts found in the ancient farming settlement of Sarazm, dated to the Eneolithic and Bronze Age (Isakov 2005).

The Modern Ethno-Cultural Context

No traditions of specific worship or reverence toward rock art sites were identified.

The Most Important Rock Art Sites in the Hissar Alai

Sai Mosrif

A large concentration of petroglyphs was discovered at Mosrif Sai, the right tributary of the Shing River, Shing village council. The concentration of petroglyphs includes ten sites on the right bank of the Mosrif Sai.

Level of Study

Dalskiy A.-N. discovered and examined the concentration of petroglyphs in 1947 (Dalsky 1949, 1950).

Description of the Site

The total quantity of images has not been estimated. Four mountain goats with large horns bent backwards, two humans and a dog are engraved on the smooth surface of a rock 4km from the junction of the *sai* with the Shing River. Isolated images are found on rocks farther on.

At a distance of 5.5km from the mouth of the *sai* at the exit from a narrow gorge, there are odd tape-shaped lines and outlines of two wild goats on a rock on the right bank. There are also a sign and coarse carved images of goats and camels.

The largest concentrations of petroglyphs was registered 1.5km higher than the village of Gizhdarva at an altitude of 2,200m. A layer of dark-gray dolomitic limestone hides a cave 3m above ground, with a large group of engravings in a sort of 12mx1.4m frieze with more than 100 images of various sizes that sometimes join in small panels but are more often isolated. Wild goats prevail, camels and humans are less frequent. That special group includes signs and images of an open human palm. The state of conservation of the drawings differs and many of them are barely visible. Their patina varies and some drawings can only be seen close-up. Some large images of *Markhoor* goats are 20-37cm long and 42-52cm high. The largest palm images are 48x69cm and more than 1.5m. Most images are carved in a linear or skeletal style. Animal bodies are depicted with one single line or not outlined at all in other cases. Mountain goats, in a majority, have disproportionately long legs and horns, and a hooked tail. Humans are also carved in a linear style, with their hands open (in one case fingers are shown), some of them resembling cross-like figures.

In addition to isolated animal figures and human images, there are also panels. Some animals are depicted with fetlocks, there are scenes of animals fighting, of a male and a female, and groups of mountain goats.

Excellent images of large and small mountain goats are carved side by side. There also are seven and eight point stars, an image of an open palm, and a house plan on two limestone boulders opposite and 20m away from the frieze.

Technique

According to the published photos, the images have been pecked with a stone and less frequently with a metallic implement.

Dating

Most of the drawings are dated to Modernity (20th Century); isolated images may be older, but their age has not been determined exactly.

Dashti Eymatk

A large concentration of petroglyphs is 10km west of the village of Urmetan, on the right bank of the Zerafshan River.

Level of Study

Archeologist Mandelshtam A.-M. discovered the site in 1953 during the expedition of the Verkhnezeravshan Party of the Sogdian-Tajik Archeological Expedition (Mandelshtam 1954). He provided descriptions of humans, barely mentions animals and only pointed out that their “three-dimensional” images are noted for their dynamics, in his article published in 1956. An article devoted to a zoological interpretation of the Dashti Eymatk petroglyphs was published in 1982 (Sapozhnikov & Panfilov 1982: 71-76).

Description of the Site

The petroglyphs are drawn on rock fragments covered with a thick layer of desert patina. There is a total of 124 petroglyphs, 85 of which are in 12 panels. They include mountain goats and sheep, deer, horses, dogs, snakes, leopards, wild boars, otter, humans, lines and weapons. Scenes occur: a dog chasing a mountain goat in the direction of a hunter armed with a bow; an archer and two goats; a deer and a snake; a man holding his horse by the reins; a herd of nine goats and a deer chased by three wolves and a leopard; a battle between a goat and a wolf, etc. Humans are diverse. Some are armed with bows, and some are sexually differentiated.

A rock with a mountain goat in a linear style was discovered at Dashti Eymatk near a kurgan burial site in the vicinity of the village of Mindana Kamen in 1952.

Technique

Animals images are in a linear and naturalistic manner. Three drawings are carved in a contour style, some with partial infilling of the body. The technique used was pecking with a metal tool to a depth of 2-3mm. All images are covered with a dense layer of patina the same color as the rock surface.

Dating

According to Mandelshtam A.-M., the Dashti Eymatk petroglyphs carved in a realistic manner would be dated to the middle-end of the 1st millennium BC.

Vagashton

The petroglyphs are north-east of the village of Vagishton in the Pyandzhikent district, in village council Shing, on the left bank of the Vagishton *Sai*.

Description of the Site

The petroglyphs are carved on the vertical surface of a limestone rock, 1.4x1.65x1.45m. The surface of the rock and the drawings are covered with a thick layer of desert patina. Wind erosion and the intense desert patina make the petroglyphs almost invisible. More than 50 images were identified. Most of them are humans carved in a linear manner. According to the poorly preserved images, one can assume there had been many more. Humans are accompanied by goats, a

horizontal line more than 1m long, and cross lines. Humans are shown with hands spread apart, with male genitals clearly apparent, and two dots on their chests. In the center of the panel, there is a coital scene with a solar sign above it.

There are several more or less clear scenes: two humans and an animal, possibly an Asiatic wild ass; next to them three humans are holding hands and performing a type of dance. On the right side of the rock, a complex composition is interpreted as a hunting track, an enclosure for wild prey and a group of hunters. A scene below it shows a man carrying a small animal resembling a goat cub in his stretched out hands; there is one more human figure, apparently, with a dog and another human.

Technique

All drawings are pecked.

Research Status

The site was discovered and researched by Dalskiy A.-N. in 1947 (Dalskiy 1949: 190-192, 1950: 234-236).

Dating

From the complexity of composition, and the manner of depicting people and to some extent animals, the petroglyphs are distinct from other rock images in Zeravshan. Dalskiy dated the Vagishton Sai petroglyphs to the Neolithic (6th – 4th millennia BC), but apparently they would date to a later period, the Bronze Age.

Soy Sabag

The concentration of petroglyphs is located in the Gornaya Mathca District in the Sogd Province of the Republic of Tajikistan.

The Soy Sabag Gorge is on the southern slope of the Turkestan Range. A mountain river, the Soy Sabag, a right tributary of the Zeravshan River, follows the bottom of the gorge. A concentration of petroglyphs is located at the mouth of the gorge near foothills to the west of the village of Sabag, on the eastern slope of a desolate gorge. Soy Sabag is at an altitude of 2,327m, between 39 28 07.6 of northern latitude and 69 47 57.9 of eastern longitude (Bobomulloev 2010).

The rock art is located along the road connecting Sabag and a high-altitude upper village of the Marcha District. Some engraved surfaces are even visible from the road.

Level of Study

Biologists Vorontsov N.-N. and Lyapunova E.-A. (1976: 101–109) discovered the petroglyphs when they visited the gorge on July 13, 1973. They examined and photographed them on 18 rocks and traced some images on paper. They studied the pecked images at Soy Sabag only from a faunistic perspective assuming that this concentration of petroglyphs had been well-known to archeologists. Nevertheless, they attempted to date them on the basis of stylistic differences and the intensiveness of their patina, identifying three stylistic periods: the most ancient in a realistic style, the medium one with linear sketchy drawings, and later images made in “loophole”, “geometric”, and “rectangular” styles.

In 2009, Say Sabag was surveyed by an expedition from the Akhmad Donish Institute of History, Archeology and Ethnography under the AS of the RT led by Bobomulloev B.-S., within a regional project for the preparation of the serial trans-boundary nomination “Rock Art in Central Asia” to the World Heritage List of UNESCO. Field work resulted in basic documentation of the site: a map of

the location of surfaces with petroglyphs, indexed photo panoramas, photos of 122 surfaces and their fragments, copies of individual surfaces with petroglyphs.

Main Substrate of Rock Art

Petroglyphs are pecked on smooth rock surfaces and are covered with a brownish-black patina.

Description of the Site

The Soy Sabagh petroglyphs are very compact. The total area of distribution of images is more than 0.5 ha. Three groups (clusters) of petroglyphs differing in location were identified. The surfaces were numbered from the bottom up and from left to right.

Quantity and Distribution of Petroglyphs

In total, about 1,000 petroglyphs on 122 surfaces grouped into three classes were registered.

- Group 1. Eight surfaces were identified with 19 isolated images - mostly of mountain goats, carved in a "linear" style. All the ancient petroglyphs in this group were retouched at a later time.
- Group 2. A total of 45 surfaces with petroglyphs were registered; the total number of images is about 150 and includes 16 groups. As in the first group of petroglyphs these are mostly mountain goats; humans, archers, horse riders with bows and arrows, hunting scenes, horses; Bronze Age carts were found three times; two inscriptions are in Arabic script. Few images have been retouched.
- Group 3. Petroglyphs of the third group, in turn, are divided into two subgroups, 3a and 3b. More than 540 petroglyphs were found on 68 surfaces. In group 3a, most petroglyphs are in scenes. There are many images of bulls (*urus*), wheels, mirrors with a side handle and wave-like characters absent from Groups 1 and 2. Group 3b has goats, bulls, archers, horse riders, mirrors, wave-like symbols, spiral marks and signs in a circle. The drawings often overlap one another. Most drawings represent scenes.

Technique

Images were made by pecking with a sharp metal tool. Techniques are diverse, with linear, contour, silhouette, contour-linear, and linear silhouette images.

Dating

The oldest period of images at Soi Sabagh includes chariots, bulls (*Bos primigenius*), spectacle-shaped signs, different graphics and wavy figures of the Bronze Age, 3rd – 2nd millennia BC. During the excavation of the settlement of Sarazm, the bone remains of a wild bull and a cylindrical seal with the depiction of a bull were unearthed. Analysis showed that sodalite found during the Sarazm excavations comes from deposits of semi-precious gemstones in the upper reaches of Sabagh Gorge 8 (Razzakov 1997, 2008).

Quite a few images carved in the Saki "animalistic style" are dated to the Early Stone Age. Images related to the Middle Ages are isolated. In groups 1 and 2, drawings were renovated in medieval and modern times.

Western Fergana (Kurama and Mogoltau Mounts)

The far northern part of the republic is occupied by the Kuramin Ranges and the Mogoltau Mountain Massif that are part of the Western Tien Shan. The Kuramin Range is almost 170km long. The highest peak is Boboiob (3,768 m) in the north-eastern part of the range which recedes southwest towards the Dalverzin Plain. The southwestern part of the range is called Kara-

Mazar. The Kuramin Range is distinguished for the rounded outline of its ridge line. Passes are low. An inclined plain unfolds at the foot of the range.

A small isolated range –the Mogoltau Mountains– is south-west of the Kuramin Range at an altitude of 1,623m and stretches along the Syrdarya River for 40km. The Mogoltau Range is the south-westernmost spur of Tien Shan, isolated from the Kuramin Range by the Mirzorabat Depression (Panfilov 1984).

The Fergana Basin that resembles an ellipse 350km long and up to 150km wide and the Fergana Depression are located between the Chatkal and Kuramin Ranges and the Mogoltau Mountains in the north-west, and the Turkestan and Alai Ranges in the south. Closed by the Fergana Range in the north-east, the valley has a narrow passage only in the west known as the “Khodjent Gates” through which the Syr-Darya River flows out to the Golodnaya Steppe. Tajikistan occupies the western part of the Fergana Valley, relatively wide in the east and gradually narrowing westwards. There it is mostly plain with most of the terrain consisting of the ancient terraces of the Syr-Darya River.

The height of the Tajik part of the Fergana Basin ranges from 320m on the islands and floodplains of the Syr-Darya River up to 800-1,000m in the foothills surrounding the valley. The Syr-Darya River divides the Fergana Valley into a right bank and a left bank. The right bank within Tajikistan stretches from the riverbank to the foot of the Kuramin Range and the Mogoltau Mountains with a height of 320-500m and lies between the left bank of the Syr-Darya and the foot of the Turkestan Range, gradually rising southward to an elevation of 1000m.

Predominant types of landscapes

The Mogoltau Range is cut across from south to north by deep gorges that dry up in the summer. An important factor for carving petroglyphs in the mountains of Kurama and Mogoltau was the presence of springs.

Quantity and Distribution of Sites

Rock art sites are well-known in the southern part of the Fergana Valley, where locations of petroglyphs are most numerous.

In the 1970's–1980's, Panfilov O.-V. identified and recorded petroglyphs in Northern Tajikistan. He discovered and researched relatively small concentrations of petroglyphs such as at “Bolshoy Kozyol” (or Large Goat) (18 images), Oktash (125), Dakhana I (95), Chashmasor (50), Kuruksai, Pangoz and Beshkotan.

According to Panfilov, by 1982 a total of 602 petroglyphs had been registered in the Mogoltau Mountains, their largest accumulations being in the gorges of Muzbet (127 images), Okkana (118), Bitiklik (102), and Shumliksai (72) (Panfilov 1984).

Dating

Chronologically, the petroglyphs of the Tajik part of the Fergana Valley cover a broad period, perhaps from the Bronze Age to the Early Iron Age to the present. The images are carved using the “animalistic style” indicative of early nomads, but they are few. Information about the Saka tribes, that lived in the area, exists in ancient sources and is confirmed by archaeological evidence. Panfilov (1984) believed that Mogoltau was their peripheral area of residence or one of the areas for seasonal cattle work and hunting. Most images on rocks and stones appeared with the arrival and settling of the Kyrgyz and Uzbek tribes who lived there in the late 17th - 18th centuries (Panfilov 1983). Later petroglyphs, more numerous than ancient ones, are characterized by a simplified technique, a linear manner of portraying animals, mainly livestock. They differ by their light patina and their rough pecking by a stone.

Archaeological context

In addition to petroglyphs, there are habitation sites, tombs and fortresses of different periods. In the Mogoltau mountains, ancient metallurgical mines were found.

On the crest of the Kuramin Range are burial sites such as *kurum* and *mughona*. According to Ranov V.-A. (1960: 121-142), the Kuruksaya engravings were left by mysterious tribes that erected their burial constructions in the Chatkal and Kuramin Ranges. Litvinsky B.-A. (1956, 1959) dates them from the 3rd - 2nd centuries BC to the 6th - 8th centuries AD. Recent Kuruksaya images have analogies with the Sheydana petroglyphs, a site also located in the Kuramin Range.

The Most Important Rock Art Sites in Western Fergana

Kuruksay

Description of the Site

Kuruksay is in the western part of the Kuramin Mountains, near the border of Tajikistan and Uzbekistan. The exact number of drawings is unknown. Images were engraved on separate large fragments of limestone rocks or vertical surfaces in the forked chain of spurs representing the end of the Kuramin Range. Petroglyphs are on the southern slopes of these spurs, on surfaces covered with a dense desert patina. Several degrees of patination for the drawings indicate different periods for the images. They are scattered among burial constructions (*mug-khona*) in small groups of 2-3 images and also higher up the valley.

Technique

Techniques differ. Pecking is common; in some cases drawings were abraded, sometimes the contour of images was incised with a sharp metal tool.

Dating

The earliest images include goats, sometimes several on one stone, with a figure of a goat with big horns standing out. The second group comprises an image of a goat suddenly stopping. There are images of fox or wolf, goitered gazelle, and leopard. There is also a scene of an archer hunting goats with a dog. These figures belong to the Early Iron Age.

On a separate stone, there is a scene of two knights fighting with spears dated to the Early Middle Ages (7th century AD).

Research Status

The petroglyphs were discovered and studied in 1960 by Ranov.

Mount Mogoltau

Description of the Site

The petroglyphs are north-east of Hodjikent near the pass of Badalek where an old route to Tashkent used to pass. The images are pecked on sharply pointed rocks and include an open palm, a cross-like figure, goats, horses, people, various items, a hunting scene with an archer wearing a belted short fur coat with a roe deer and lamb.

A scene of the hunting of goats by a rider with a small bow is the most interesting. The rider is shown wearing wide boots and a head-dress resembling a scull-cap and holding a Sogdian bow in his hands. The most interesting image is that of a rider with a big bow and arrows; the stirrup is shown under the animal's abdomen. The upper part also has images of a man with wide boots and his hair tied in a large bunch. The drawings are different in time; the earliest (a man with a bow, a

woman, a dog, and a snake) date to the Bronze Age. The latest images are depictions of a rider with a small bow.

Technique

The most ancient drawings are pecked silhouettes; later ones are drawn without being filled with lines and dots.

Research Status

The site was discovered by Madzhi A.-E. (Madzhi 1957: 79-86).

Bibliography

- AGAHANYANTS O.-E. 1965. *Basic Problems of Physical Geography of the Pamirs*. Part I. Dushanbe.
- BOBOMULLOEV B.-S. 2010. Message of the Ancestors. *Asia Plus* No. 7 (526), 17 February 2010. Secrets of the Valley Soi Sabag. *Digest-Press* No. 6 (790), 11 February 2010.
- BOBRINSKII A.-A. 1908. *Mountain Dwellers in the Upper Reaches of Pyandzh (Vahans and Ishkashims). Essays on Everyday Life Based on Mr. A.-A. Bobrinsky's Itinerary Notes*. M.
- BUBNOVA M.-A. 2008. Gorno-Badakhshan Autonomous Region. Western Pamirs (sites of the Stone Age – 20th century). *Archaeological Map of Tajikistan*. Dushanbe.
- DALSKY N. 1949. *Rock Art of Tajikistan*. IVGO, t. 81 Issue 2.
- DALSKY N. 1950. Rock Art in the river basin Zarafshan. *MIA*, № 15: 232-240.
- ISOKOV A. 2005. *Sarazm - ogozi tamadduni Halki Tochik*. *Panchakenti Sughd*. Khujand S.181.
- KADYRBAEV M.-K. & MARYASHEV A.-N. 2007. *Petroglyphs of the Karatau Range*. Alma-Ata.
- KORZHENEVSKIY N.-A. 1922. *Landscapes of Ways from Fergana to the Pamir*. Tashkent.
- LITVINSKY B.-A. 1956. On the Study of Nomadic Burials in the Kara-Mazar Mountains in 1955. A Collection of Archeological Works in Tajikistan. 1955 *Tr. AN of the Tajik SSR*, v. LXIII: 39.
- LITVINSKY B.-A. 1959. A Study of Kurums in the North-Eastern Part of the Leninabad Region in 1957. *Works of SSR Academy of Sciences of Tajikistan*, CSH, pp. 118-120.
- LITVINSKY B.-A. 1972. *Ancient Nomads of the "Roof of the World"*. M.
- LITVINSKY B.-A. 1972. Kurgans and Kurums in Western Fergana. *Science*. pp. 194-195.
- MADZHI A.-E. 1957. Petroglyphs in the Mogoltau Mountains. *Proceedings of the Social Sciences Department of Tajik SSR*, Vol. 14: 79-86.
- MANDELSHTAM A.-M. 1956. Some Remarks on the Rock Art of the Upper Basin of the Zarafshan River. *TIIAE EA of the Tajik SSR*, issue 42: 195-201. *A Collection of Articles Dedicated to the Art of the Tajik People*, Dushanbe, 1956, pp. 195-196.
- OLUFSEN O. 1904. *Through the Unknown Pamirs. The Second Danish Pamir Expedition 1898/99*. London, pp. 193-196.
- PANFILOV O.-V. 1984. Saki Motifs in the Mogoltau Petroglyphs. *In: Scythian-Siberian World (Art and Ideology)*. Kemerovo, pp. 54-55.
- PANFILOV O.-V. 1984. Pages of Mogoltau History. *In: Soviet Kyrgyzstan: Pages of History and Modernity*. Frunze: Ilim, pp. 218-219.
- PANFILOV O.-V. 1990. Studies of Petroglyphs in Mogoltau in 1982. *In: Archaeological Efforts in Tajikistan*. Vol. XXII (1982). Dushanbe, pp. 91-102.
- RANOV V.-A. 1960. New Rock Carvings in the Kuramin Range. *A Collection of Articles Dedicated to the Art of the Tajik people*. Dushanbe, pp. 121-142.
- RANOV V.-A. 1960. Rock Paintings near Langar Village (Western Pamir). *Proceedings of Social Sciences Department of the Tajik SSR*, Issue 1, 22: 19-40.
- RANOV V.-A. 1961. Images of the Stone Age in Shakhty Grotto. *Soviet Ethnography*. Number six. pp. 70-81.
- RANOV V.-A. 1967. *Archeologists on the Roof of the World*. Dushanbe.

- RANOV V.-A. 1976. The Study of Rock Art in Western Pamir in 1972. *Archeological Efforts in Tajikistan*, vol. 12 (1972), Dushanbe, pp. 5-21.
- RANOV V.-A. 1995. Peintures rupestres du Pamir Oriental. *International Newsletter on Rock Art*, № 11: 2-3.
- RANOV V.-A. 2001. Petroglyphs of Tadjikistan. In: TASHBAEVA K. et al., *Petroglyphs of Central Asia*. Bishkek, pp. 122-150.
- RANOV V.-A. & GURSKY A.-V. 1966. Overview of Rock Art in the Gorno-Badakhshan Autonomous Region in the Tajik SSR. *Soviet Ethnography*, No. 2: 110-119.
- RANOV V.-A. & ZHUKOV V.-A. 1972. Petroglyphs along the North Akdzhilga River (East Pamir). *Archeological Discoveries in 1971*. M., pp. 540-541.
- RATZEK V.-I. 1947. Ethnographic and Archeological Observations in the High Mountains Areas of Tien Shan and Pamir. *IVGO*, Issue 4: 416-468.
- RAZOKOV A. 2008. *Sarazm*. Dushanbe.
- RAZOKOV A. 1997. Sangnigorahoi sargahi Zarafshon. Petroglyphs in the Upper Reaches of Zeravshan. *Dayri Mugon*. No. 2-8: 24-25.
- SAPOZHNIKOV G.-N. & PANFILOV O.-V. 1982. Zoological Interpretation of Petroglyphs Dashti Eymatk (Upper Zeravshan). *IAS of the Tajik SSR. Dep. Biol. Science*, No. 4 (89), pp. 71-76.
- SHCHUKINA J.-S. & GILYAROVA M.-A. 1936. *Tajikistan. Proceedings of the Tajik-Pamir Expedition 1933*. L.
- SIDOROV L. -F. 1979. *Nature of the Pamirs in the Quaternary Period*. L.
- TANASIYCHUK B. 1967. Riddle of the Pamirs. *Science and Life*, pp. 111-125.
- TROTTER H. 1879. Captain Trotter's report, Ch. VII. *Explorations to the Pamir steppes and Wachan*.
- VORONTSOV N.-N. & LYAPUNOVA E.-A. 1976. Rock Art in Upper Reaches Zarafshan. – *Nature*, No. 5: 101-109.

See illustrations page 173

Rock Art Sites in Turkmenistan

Edjegul Muradova

Turkmenistan rock art sites were identified in two areas – in the north of the country, by the southern edge of the Ustyurt Plateau, in the Near Sary-Kamish Delta, and in the south-west of the country in the Chandyr River (Sumbar River tributary) valley, in the southwestern spurs of the Kopet-Dag Range.

Petroglyphs in Northern Turkmenistan (Ustyurt Plateau, Butentau Upland)

Geographic description of the area

Southern Ustyurt's steep precipices shape the national borders of Turkmenistan and Kazakhstan. Those at Ustyurt tower over neighboring plains as precipitous walls about 300m high.

To the east of Ustyurt, a series of low-lying plateaus and desert mountains (Djantak) is also known as the Zauzboy mountain area. Near the Sary-Kamish Delta is a flat sand and loamy plain that stretches from the lower reaches of the Amu Darya River to Lake Sary-Kamish. The Near Sary-Kamish Delta gradually merges with the Near Aral Delta of the Amu Darya River in the north-east. In the south, it borders a high sand plain (Zaunguz Karakums), while in the north it is confined by the Ustyurt precipices. Its total range is 160km long and 120km wide.

On the territory of the delta adjacent to Lake Sary-Kamish, a number of plateau-like residual mountain uplands consist of Tertiary marine deposits. Their top layer is made of bedded formations of limestone, gypsum and Miocene marl. These uplands have a common geological structure with the Ustyurt Plateau and used to be one with the plateau in the pre-Khvalynskiy period. The flatlands of the Near Sary-Kamish Delta, adjacent to the uplands, are cut across by ancient riverbeds. Most of them such as Daudan, Daryalyk are well defined in the relief and can be followed for tens of kilometers.

The largest remaining uplands with steep slopes are Butentau, Tarym-Kaya, Kanga-Gyr, and Tuz-Gyr. Artificial caves with a multitude of petroglyphs are located in two of them –Butentay and Tarym-Kaya– and the southern precipices at Ustyurt in joint faces of aleurite-limestone Neogene rock, 1.3-1.5m thick, at a height of 15-20m from the top edge of cliff debris covering the uplands.

Research Status

Northern Turkmenistan rock art sites were discovered in the 1950s by the leader of the Khorezm Archeological and Ethnographic Expedition of the USSR Academy of Sciences, S.-P. Tolstov. In 1951, he examined a cave at Butentau and dated cave dwellings to the Early Middle Ages from ceramic remains. In 1956, members of the Karakalpak Branch of the Academy of Sciences of the Uzbek SSR, Gudkova A.-V. and Vizhanov E., in cooperation with experienced mountain climbers, descended into several caves and described them. In one of them, they found a vessel from the 12th - 13th centuries and a *tamga* ("stamp or seal") on the wall. Cave dwellings in the Ustyurt, Butentau and Tarym-Kaya precipices were studied from 1974 to 1994 by various groups of speleologists led by Chernishev I.-V., who studied over 200 caves and discovered about 600 obstructed cave entrances (Orazov 2007).

Butentau

Location

Butentau upland is located 15km to the south of the Ustyurt precipice between two branches of the Sary-Kamish Delta of the Daryalik River. Butentau is 30km long from north-east to south-west. The upland is locked-in on all sides by canyons that may be 50m in the southern and southwestern parts. In the northeast of the residual mountain upland, the precipice height drops to 20m. The pediment of the southeastern slope of Butentau is crossed by the Daryalyk River bed, while one of its arms (Kichkine-Daryaa) crosses the southwestern slope.

Kyrk-Deshik is located in Turkmenbashi Etrap, 72km west of Kunyaurgench City, in the southeastern corner of the Ustyurt upland.

Description of the Site

In the southern edge of the precipice, Ibraim-Medem mazar (tomb of the saint) is related to a legendary Arab, Ibragim who, according to legend, introduced Islam to these places and created the Butentau upland in one day. This legend is related to one of the translation options for Butentau ("a mountain that arrived").

Artificial caves in the southeastern and northwestern precipices of Butentau are located in groups at significant distances (up to 5km), but along the southeastern precipice, the caves form a solid line for about 3.5km. The last one is Kyrk-Deshik. Opposite this group of caves, the Adak Fortress of the early Middle Ages was built over by the Ak-Kala Fortress of the late Middle Ages, but its ruins are still well preserved. At the top of Butentau, near its northern edge, are ruins of two antique fortresses (Butentau-Kala 1 and Butentau-Kala 2).

The caves are in a layer of malmstone 1.3-1.5km thick and in some places they are positioned in two tiers at a height of 5m one above the other. Thick rock slides consisting of rock debris have accumulated on almost all upland foothills. The caves are practically inaccessible from below and above, since they were cut out on absolutely sheer parts of the precipices, often under cornices protruding for 2-3 meters. In the southeastern part of Butentau, 229 entrances of the first tier and 51 entrances of the second tier were registered. Each cave has from one to twelve entrances and from one to six chambers. A total of 91 caves in the lower tier and 28 caves in the upper tier were examined.

Petroglyphs are on rock fragments, cave walls and the walls of precipices. Signs resembling runic characters were discovered in addition to petroglyphs. Pictures and runes were incised 0.1mm to 2 cm deep in limestone with a sharp tool. Rocks with images at the foot of the upland are covered with "desert patina" of varying intensity. Often, images are superimposed, thus indicating they were made at different periods. The petroglyphs in the Near Sary-Kamish area are diverse both in motifs and style. Linear and geometric compositions prevail along with depictions of people and wild animals.

Dating

Findings in caves include different household objects, ceramics of the 12th - 13th centuries and manuscripts of the 15th century, thus providing clues to the age of most associated petroglyphs. It is also assumed that some of the petroglyphs may be dated to earlier historic periods (Tolstov 1958).

Besh-Deshik

Location

The site is located in Turkmenbashi Etrap near the "Ak-Altyn" resort; in the Ustyurt precipice between capes Chal-Burun and Dekcha.

Description of the site

On the walls of a vast cave in the cliff on the steep wall of the Ustyurt precipice, there is a multitude of petroglyphs scratched on the surface, mainly images of animals, boats, and various solar signs. There also are inscriptions in Arabic and the Middle Persian languages (Orazov 2007: 130).

Dating

10th – 12th centuries.

Protection and management

According to “The Law of Turkmenistan on the Protection of Historical and Cultural Sites of Turkmenistan”, the Kyrk-Deshik and Byash-Deshik sites were registered on 19 February 1992 and are now under the protection of the State Historical and Cultural Sanctuary “Kunya-Urgench”. There is no site status monitoring program. Since sites are located on inaccessible (without technical equipment) precipice faces, the petroglyphs are inaccessible as tourist destinations.

Rock Art Sites in Southwestern Turkmenistan

Geographic description of the area

The Atrek-Sumbar region is in the extreme south of Western Turkmenistan in the Atrek and Sumbar River basins. The Atrek River starts in the southern slopes of Western Kopet-Dag in Iran and flows into the Caspian Sea. The sources of the river are at 2,000m altitude. The largest Atrek tributary is Sumbar, fed by the Chandyr River in its upper reaches. This is an area of arid subtropics. The southern slopes of the Chandyr valleys are overgrown with subtropical vegetation, while barren cliffs –gray, green, and brown limestone– stand out on the northern river bank. The natural landscape is strikingly monotonous and dismal. There is no water along these barren slopes. The land is usually rocky and dry. Only in spring, during the rainy season when mudslides occur, the Chandyr and Sumbar turn into tumultuous streams. The Chandyr valley is drier than the Sumbar valley, with fewer springs; in the summer, the river dries out along its entire course. Small flood-plains and terraces above flood-plains with sedge vegetation on meadow boggy soil form the upper reaches of the Sumbar River. Oases are located on light and dark *sierozem* (grey desert soil) of the Sumbar and Chandyr valleys. The Chandyr starts in Iran and, in a more favorable ancient climate, this region could have been used as part of caravan routes.

The Monzhukly Range (1,000-1,280m above sea level) protects the Chandyr valley from northern winds. Summers are hot, but not stiflingly sultry. Winters are mild and it almost never snows in the valley; frosts are extremely rare. Annual precipitation: 229mm. Average yearly temperature +17.1C degrees (Babayev, Batyrov, Lavrov, 1994).

The vegetation of the Chandyr valley is characteristic of arid subtropics. Woods and shrubs related to groundwater mainly grow on the bottoms of ravines and extend in a fine line along watercourses. A series of annual ephemeral or perennial and more resistant grasses grow on open slopes. They are home to sagebrush, *mausoleya*, saltwort, tamarisk, southern reed, several types of alfalfa, thorny peas, blackberry, mushrooms and Turkmen hawthorn. In the spring, the valley vegetation is richer due to the prevalence of ephemeral and semi-ephemeral flora. In the summer, the grass cover becomes scanty.

The territory of Turkmenistan is a non-permanent habitat for a species of brown bear that comes from Northern Iran into Southwestern Kopet-Dag between Sumbar and Chandyr and is found in Koyne-Kesyra, Ay-Dere Gorge, and in gorges in the Chandyr River valley. Tigers are rare in Sumbar and Chandyr; the habitat of species and subspecies of caracal (carnivore order, cat family) includes Atrek, Sumbar, and the Chandyr river valley. In June 1975, a female leopard or panther

with two cubs were observed in the Suyukli Gorge of the Chandyr valley. In the 1950's-1960's goitered gazelles were numerous in Southwestern Turkmenistan, but they are now gone. In the late 19th century, francolin (order of fowl-like birds, pheasant family) inhabited the lower reaches of Chandyr. Large whip snakes, of the colubrid snakes family, sporadically occur in Sumbar, Chandyr and Atrek river valleys. The valleys of the Sumbar and Chandyr rivers are home to cobra. The range of the Asiatic dormouse is limited by the Sumbar and Chandyr river valleys; lesser horseshoe bats are also present. Otters inhabit the Atrek and Sumbar river basins (*Red Data...* 1985).

Bezegli-Dere (Chandyr River Valley)

Location

The site is in the Balkan Velayat (region), Karakala Etrap (district), 1.5-2km south-west of Dardali village (Gyzyl-Ymam), in Meylis Say Gorge in the Chandyr River valley. Geographic coordinates: east longitude 55° 56'50", north latitude 38°10' 20"; altitude: about 1,000m above sea level.

Research Status

Petroglyphs in one of the gorges in the Chandyr River Valley, near Kizyl-Imam *aul* (village) were discovered in 1931 by Potseluyevskiy A.-P. in the course of field research led by the Turkmenkult Expedition in the Karakala district. A special examination of petroglyphs was continued in 1946 by a group of members of the Institute of History, Language and Literature of the Turkmen Branch of the Academy of Sciences of the USSR in partnership with Professor Potseluyevskiy A.-P. and Kurbanov A. According to their findings, most petroglyphs were located under four overhangs, three of which are in the Kichi Bezegli-Dere Gorge (Turkmen for "small valley with ornaments"), the fourth one in Uly Bezegli-Dere (Turkmen for "large valley with ornaments") (Potseluyevskiy 1975: 319-330).

In 2007, the site was studied by regional ethnographer Kuznetsov V.-I. who performed a photographic survey of the major surfaces of Bezegli-Dere petroglyphs. In 2009, survey and documenting (photographs and descriptions) of petroglyphs at Kichi Bezegli-Dere and Uly Bezegli-Dere were carried out by archeologist Muradova E.-A. (National Department of Turkmenistan for Protection, Study and Restoration of Historical and Cultural Sites at the Ministry of Culture of Turkmenistan).

Description of the Site

Kichi Bezegli-Dere and Uly Bezegli-Dere petroglyphs are located on canyon cliffs of the Chandyr River at a distance of 1.5-2km from each other. Water and modest vegetation appear only in the spring flood period and last until the onset of summer heat.

Kichi Bezegli-Dere and Uly Bezegli-Dere petroglyphs occupy mostly vertical cliff faces both open and with overhangs; petroglyphs are also found on individual boulders. The common substrate is aragonite; its surface is fragile and easily destroyed. Groups I-III feature a total of 45 surfaces with 133 petroglyphs. The sizes of the surfaces with drawings vary: from 25x20cm to 150x140cm. Two sites stand out in Uly Bezegli-Dere: groups I and II with 30 surfaces and 164 documented drawings. The main concentration of drawings on one cliff face is nominally divided into several surfaces with temporally differing and diverse drawings. There are also drawings on the other side of the cliff and on boulders.

All drawings at Bezegli-Dere are apparently made with a mineral paint (ochre) with different colors and shades: orange, maroon, maroon and purple, bright maroon, dark maroon, red, bright red, dark red, carnelian, dark brown and black. Temporally different drawings differ in color and shape and in their degree of preservation.

Outline and contour drawings are found in both locations. On average, 20cm high drawings prevail. It is important to mention the presence of palimpsests. Schematic drawing or lack of detailed depiction of figures is intrinsic to the artistic execution of paintings at Bezegli-Dere.

Repertoire

Motifs are simple and show humans, animals and signs. There are isolated images of livestock: goats, horses, camels. Goats are shown in a static position with massive bow-shaped horns and a tail pointing upwards. There are no pictures of wild horses; the horses depicted at Bezegli-Dere were used for riding. On some of them, one can see saddles as in Uly Bezegli-Dere in a scene of horse "racing". Both locations feature pictographs of dromedaries.

A percentage of the different images in the two Bezegli-Dere locations is shown below:

Images	Kichi Bezegli-Dere (%)	Uly Bezegli-Dere (%)
anthropomorphic figure	12.8	15.3
horse rider	15.8	25
camel rider		1.2
camel	9	15.9
horse	3	12.2
Asiatic wild ass (donkey)	3.8	
goat	31.6	12.2
Argali	5.3	
goitered gazelle	0.75	
dog	3.8	3.7
predators	0.75	1.8
snake		0.6
signs	6.7	3
undetermined figures	6.7	9

The main motifs of rock paintings at Kichi Bezegli-Dere include hunting or cattle farming scenes. The rock art compositions at Uly Bezegli-Dere are of a mainly narrative nature: pasture, riders, camel caravan, hunting scene, horse races, plowing scene (?) and others. A painting (on plane 5) of a man hunting wild goat with a primitive rifle on a bipod (*multuk*) is of interest.

Dating

It is now difficult to determine the ethno-cultural identity and age of the Bezegli-Dere drawings. Modern Turkmen (Goklens) in the Chandyr Valley relate the paintings to the traditional legends of the Gereyli tribe. An ancient graveyard located near *aul* Gyzy-Imam is called Gereyli. A vertically positioned sepulchral stone and an old Cyrillic Φ -letter-shaped stelae in this cemetery are similar to "Kurgan stelae" or *balbals* (stone idols). "The latter are historically associated with Orkhon Turks who came onto the historical arena in the 6th century, while written sources provide evidence that these stone idols were erected until the 13th century inclusively among other Turkic peoples as well" (Masson 1949: 51-52).

According to Karpov G.-I., a well-known expert on Turkmen antiquity, the Gereyli tribe that had come from Afghanistan was driven away from the Chandyr Valley by Turkmens-Goklens in the 17th century. Most Gereylis resettled in Iran where their descendants still live in Khorasan and other provinces. Others assimilated and merged with some other Turkmen tribes, mainly Goklens (tribal group Karnas in the Gayyi sub-tribe) and Ersari (in the Gunyash sub-tribe). There is also a group of Gereyli who live on Cheleken Island among Iomuds and identify with them (Karpov 1941: 23).

The presence of dromedaries in the repertoire of the Chandyr Valley cave paintings dates these compositions to after the conquest by Arabs, although there are known discoveries of dromedary bones in Turkmenistan that go back to the Parthian period (Igdy-Kala). Finally, a depiction of a rifle on a bipod in Uly Bezegli-Dere suggests that some paintings were made no earlier than the 16th century. The presence of palimpsests is indicative of the longevity of drawings, the latest of which were made in the 18th - 19th centuries.

Protection and Management

According to “The Law of Turkmenistan on the Protection of Historical and Cultural Sites of Turkmenistan”, Bezegli-Dere was registered on 19 February 1992 and protected by the State Historical and Cultural Sanctuary “*Drevniy Dehistan*” (“Ancient Dehistan”). There is no status monitoring system. Since the site is located in the border zone of Turkmenistan, the Bezegli-Dere pictographs are inaccessible to tourists.

Current Status of the Site

The main threats to the Bezegli-Dere pictographs are from natural factors of destruction: many cliff faces are exposed to breaking up and wind erosion; the surface crust is spalling.

Bibliography

- BABAYEV A., BATYROV A., LAVROV A. 1994. *Geography of Turkmenistan*. Ashgabat, Magaryf.
- BAYPAKOV K.-M. & MARYASHEV A.-N. 2008. *Petroglyphs of Bayan-Zhurek*. Almaty.
- KADYRBAYEV M.-K. & MARYASHEV A.-N. 1977. *Pictographs on Karatau Range*. Alma-Ata, Nauka.
- KARPOV G.-I. 1941. *Summary of Turkmen Kinship and Tribal Alliances, Their Number and Settlement*. Ashgabat, p. 23.
- MARYASHEV A.-N. & ROGOZHINSKIY A.-E. 1991. *Pictographs in Eshkiolmes Mountains*. Alma-Ata, Gylm.
- MASSON M.-E. 1949. On the Origin of Some Stone Burial Grounds of Southern Turkmenistan. *Materials of the South Turkmenistan Archeological Complex Expedition*, issue I, Ashgabat, pp. 51-52.
- ORAZOV A. 2007. Cave Dwellings of Northern Turkmenistan. *Miras* 1: 126-131.
- PELIKH G.-I. 1968. On the Method of Scientific Classification of Siberian Petroglyphs. *Soviet Ethnography*, No. 3.
- POPOV M.-G. 1927. Essay on the Vegetation of Some Gorges in the Karakala District. *Materials on History, Geography, and Ethnography of Certain Districts of Turkmenistan*. A.
- POTSELUYEVSKIY A.-P. Cave Drawings in the Chandyr River Valley (interim report). *News Bulletin of the Turkmen Branch of the Academy of Sciences of USSR*.
- POTSELUYEVSKIY A.-P. 1975. Cave paintings in the Chandyr River Valley. *Potseluyevskiy A.-P. Selected Works*. Ashgabat, Ylym, pp. 319-330.
- RANOV V.-A. 1969. Cave Drawings Near Lyangar Village (Western Pamir). *News Bulletin of the Academy of Sciences of Tajik SSR*, 1960, No. 1 (22) Soviet Union. Turkmenistan. M.
- Red Data Book of Turkmen SSR* 1985. Vol. I, Ashgabat.
- Sites of Rock Art in Central Asia* 2004. Public Participation, Management, Conservation, Documentation. – Almaty, *Data Book of Turkmen SSR*. Vol. I, Ashgabat, Turkmenistan, 1985.
- TOLSTOV.-P. 1958. The Works of Khorezm Archeological and Ethnographic Expeditions of the USSR Academy of Sciences 1949-1953. *The Works of Khorezm Archeological and Ethnographic Expeditions of the USSR Academy of Sciences*. Volume II, M., –p. 84, fig. 38.

See illustrations page 177

Rock Art Sites in Uzbekistan

Muhiddin Khujanazarov

Petroglyphs and rock paintings are common in Uzbekistan, in semi-desert, foothill and mountainous terrain. Large areas in the eastern and central part of the republic are occupied with the mountain massifs of the Alai, Western Tien Shan, Hissar, Zaravshan and Nurata ranges. Even the Kyzyl Kum, commonly perceived as an endless desert, abounds with mountains and gorges. Carved and painted images or entire panels can be found over smooth surfaces suitable for drawing on limestone, shale, granite, and sandstone rocks. Images occur under overhangs and in shelters. No cave drawings have yet been discovered.

Uzbekistan rock art is as numerous and diverse as any in other Central Asian countries. Peoples and tribes who used to inhabit the country in antiquity left behind these rich "picture galleries" in the open air. At present, more than 150 rock art sites, from the Mesolithic to the Late Middle Ages, have been discovered in its mountainous and foothill areas. Petroglyphs are mainly concentrated in the central (Nurata and Zarafshan ranges), north-eastern (Western Tien-Shan, Turkestan and Alai ranges, Fergana Valley), north-western (Central Kyzyl Kum, Mountains of Bukantau, Tamdytau, Sultan Uvays, Kuldzhuktau) and southern (Kugitang Range) parts of Uzbekistan. The central and northeastern regions of the republic have the greatest concentration of sites with numerous images from different periods. The rock art sites of the Northwestern Tien Shan and Fergana that nowadays belong to neighboring republics - Kazakhstan, Kyrgyzstan and Tajikistan - are inseparable from the sites of the same historical, cultural and geographical context.

Petroglyphs are numerically dominant, although sites with paintings are found in almost all areas. The best known paintings are in the Zaraut-Kamar Grotto (Kugitangtau Range), Siypantash ledge rocks (southern slope of the Zarafshan Range), Aksaklatasay and Sangizhumasay (Nurata Range); paintings in Zaraut-Kamar, Siypantash and Aksaklatasay probably date to the Late Stone Age (Mesolithic? Neolithic), making them some of the oldest rock art sites in Central Asia. In a small petroglyph site in Khojakent (Chatkal Range) images possibly date to the Eneolithic (Chalcolithic) (IV-III millennia B.C.).

The most important and well-researched petroglyph sites include Sarmishsay, Yangiaryksay, Varzik, Khojakent, Karakiyasay, Sayhansay, Tusinsay, Burgansay, Aksakalatasay, Bukantau and many others. Three sites on the Tentative List of UNESCO World Heritage Sites of Uzbekistan - Sarmishsay, Zaraut-Kamar and Siypantash- are potential World Cultural Heritage sites.

P.-I. Demezov, who visited the interior of Kyzyl Kum as part of the Russian army in 1834 (Oskin 1985: 4) and discovered rock art in Uzbekistan in the Bukantau mountains, can be considered the first discoverer of rock art in Central Asia. However, the scientific research of Uzbekistan petroglyphs actually only began in the 20th century and continues to this day.

North-Western Uzbekistan Sites

The Bukantau Mountains

Location

The Bukantau Mountains are 50-60km north of Uchkuduk in the Uchkuduk District of the Navoi Region in the heart of the Kyzyl Kum desert. An indicative feature of the Central Kyzyl Kum desert is a large number of low mountains that particularly enliven the desert landscape. The altitude of Bukantau is 764.3m above sea level. In this mountain massif, petroglyphs are found near almost all wells and springs (Bohali Spring, Ayakdzharlykap, Dzhangeldy, Argabay Wells, Uru, Chili, Arkar, Kyrbukan, Spit, Orazali, Otchikkan, Oybohansay Gorges) (Oskin 1985: 8-9). In some places carved images occur all the way along very long valleys.

Research Status

Archeologist A.-V. Oskin was the first to survey petroglyphs in Bukantau in 1972. He was followed by M. Khujanazarov and A. Razvadovskiy in 2002 (Khujanazarov & Razvadovskiy 2003:196-2002) who made copies and photos of selected petroglyphs.

Uzbek geologists and the Khorezm Expedition from the Institute of History of Material Culture of AS of the USSR discovered turquoise and copper pits. Their excavations brought up many stones as well as ceramics from different historical periods.

We shall now describe key locations of petroglyphs in the Bukantau Mountains.

Bohali (Bakali)

The images in Bohali predominantly include people, mountain goats, predators, oxen, camels, horses, and many Arabic inscriptions. Images of horsemen, archers, "sun signs" (a circle divided into four equal parts) are also found in Bohali. Bactrian camel images are most numerous. There also are images of "tailed" people in bird masks. Most images are covered with a thick layer of desert varnish. Several periods of petroglyphs were identified according to the intensity of the varnish and to stylistic characteristics. The most ancient include images as thoroughly varnished as the surrounding rock. Petroglyphs at Bohali Spring are engraved, pecked, abraded, and incised with a stone or metal tool. A.-V. Oskin dated most of them to the Bronze Age (Oskin 1985:10-15). However, some panels may date to an earlier Neolithic period.

Uru

Different images of humans and animals are also found in this gorge. Linear and sketchy images of mountain goats, camels, horses, and anthropomorphs are dominant. Early petroglyphs include anthropomorphic images dated to the 2nd millennium BC; the latest may date to the Middle Ages or be modern. Several images of Bactrian camels have striking stylistic features of the Scythian-Siberian style. The Uru Gorge petroglyphs are engraved, pecked, abraded and incised with a stone or metal tool. Most images have been reworked and damaged with modern graffiti. A.-V. Oskin surveyed them in the 1970's.

Chiili

Rare images are found on ledge rocks, on the slopes of the gorge. Images of two-humped camels, horses, and oxen dated to the Bronze Age are mainly represented here. Many images of human footprints and ornamental motifs of meander type are dated to the 2nd millennium BC. Several images of felines and deer are closer to the Saki period. The images are covered with a thick layer of desert varnish. The Chiili Gorge petroglyphs are engraved, pecked, abraded, or incised with a stone or metal tool. A.-V. Oskin surveyed them in the 1970's.

Arkar (Arkhar)

The complex is located in the upper part of the valley. Image motifs are diverse, with goats, horses, donkeys, oxen, leopards, camels, wolves, dogs, and foxes. The images are covered with a thick layer of desert varnish. Most date to the Bronze Age. Two panels may date to an earlier period. Quite a few images date to the Saki period. The Arkar Gorge petroglyphs are engraved, pecked, abraded, or incised with a stone or metal tool. Oskin surveyed them in the 1970's.

Kyrbukan

A total of 576 images were found along the right bank of a dry gorge. They can be divided into two parts: the main complex and individual concentrations of images located in different parts of the gorge. The main complex, compact, looks like an individual group. The repertoire of Kyrbukan petroglyphs is diverse: anthropomorphs, animals, birds, and solar signs as well as many Arabic and modern inscriptions. Stratigraphic analysis enabled A.-V. Oskin to determine the sequence of creation of images on each rock. The findings of his survey helped identify several reference periods that were used to date the petroglyphs in the main complex. The first period dates to the Bronze Age (2nd to beginning of 1st millennium BC) with "skeletal" petroglyphs, contours, and outlined anthropomorphs with animal and bird masks and tails. The second stage dates to the Early Iron Age (1st millennium BC), with felines with prominent napes, spiral tails and a specific predator attitude. The third period may date to the threshold of the modern era. Modern engravings stand out among ancient petroglyphs.

Protection and Management. The site, registered with the government, receives protection from the local authorities in the Navoi Region of the Republic of Uzbekistan. However, its boundaries and protection zones have not yet been defined and physical protection is non-existent.

In recent years, some tourist companies have taken the initiative to protect the Kyrbukan and Bohali petroglyphs and to use them for ecotourism.

Current Condition of the Sites. The sites, located far from the central districts and main traffic arteries, are thus considered as hard-to-reach areas. However, there are plenty of cattle farms and the local population continues to make graffiti on the rocks and damage ancient petroglyphs. Damage is also due to natural causes: rock surface erosion and moss and lichen growth.

Zarafshan Valley Sites (Nuratau and Zarafshan Mountains)

The Zarafshan Valley lies in the central part of Uzbekistan and is bounded by the western spurs of the Zarafshan (Nuratau Mountains) and Turkestan (Zirabulak-Ziyadin Mountains) Ranges. This region has a concentration of many archeological sites including rock art from different periods.

Sarmishsay is one of the best known and most representative locations of petroglyphs in Uzbekistan. It is the largest rock art site of the republic, a kind of nucleus for an entire region in the middle reaches of the Zarafshan River with a concentration of more than 50 other locations in the Nuratau Range.

Zh. Kabirov identified and examined new locations of petroglyphs in 1963-1976 in the Western Tien Shan, Nuratau Range and Alai. He made a significant contribution to petroglyph research in the Zarafshan Valley and Uzbekistan on the whole. For several years, Zh. Kabirov researched petroglyphs in Sarmishsay, discovered in the Nuratau Mountains in 1958. Beginning in 1987, Khujanazarov has been studying rock art in the Nuratau Range and its

spurs Aktau and Karatau; a study of the sites in this region still continues. The Sarmishsay complex is among the most researched location of petroglyphs in Uzbekistan and the whole of Central Asia (Lasota-Moskalewska & Hudjanazarov 2000; Rozwadowski 2003; Tashkenbaev 1966; Kabirov 1976; Sher 1980; Khuzhanazarov 1998; Lasota-Moskalewska & Hudjanazarov 2000; Rozwadowski 2003, and others). The chronological range of drawings in Sarmishsay and a series of other sites in the region practically represents all the historical periods of Central Asian rock art – from the Neolithic (?) and Eneolithic to modern times.

Sarmishsay

Location. Sarmishsay is located 35km north-east of the city of Navoi in the Novbahor District of the Navoi Region on the southern slope of the Karatau Mountains, northwestern spurs of the Turkestan Range, within the system of the Nuratau Mountains. They are considered as low mountains, the westernmost in Central Asia. The highest elevation of the Karatau Range is 1200m above sea level (Khujanazarov 2004:109-120).

The Nuratau Range encloses the fertile valley of the Zarafshan River and separates it from a sandy desert, the Kyzyl Kum. The region is considered as a mountain desert with an arid, extreme continental climate. The diverse flora includes nearly 650 plant species, with 27 of them endemic to the region. The southern slopes of the Karatau Range (about 80km long and 700-1,100m above sea level) are dissected by the erosion valleys of the Zarafshan River tributaries. The largest valley –Sarmishsay– originates in the highest part of the mountains and stretches for 30km. Sarmishsay stands out among the Karatau valleys due to an especially favorable living environment both for nomadic pastoralists and settled farmers.

Research Status. The Sarmishsay petroglyphs were studied for the first time by archeologist Kh.-I. Mukhamedov in 1958 and then researched by Uzbek scientists, N.-Kh. Tashkenbaev (Tashkenbaev 1966) and Zh. Kabirov (Kabirov 1976). Since the 1980's, all research in Sarmishsay and the Nuratau Mountains has been carried out under the guidance of M.-M. Khujanazarov in partnership with Uzbek and foreign specialists. During the last decade, a Polish archeologist, A. Rozwadowski (Rozwadowski 2003, 2004) and a zoologist, A. Lasota-Moskalewska (Lasota-Moskalewska & Hujaanazarov 2000), have participated in the research. Since 2003, a program of comprehensive scientific research and conservation has been underway in the framework of an international Uzbek-Norwegian Project "Management and Sustainable Conservation of Sarmishsay" led by M.-M. Khujanazarov (Uzbekistan) and Anne-Sophie Hygen (Norway). Botanic research is led by K.-N. Toderich, while M.-A. Reutova (Uzbekistan) is in charge of conservation activities in partnership with E.-N. Ageeva, N.-L. Rebrikova (Russia) and Ch. Gran (Norway) (2004). In addition, in 2004-2005, geological and geomorphological studies (B.-Zh. Aubekero, Kazakhstan) were carried out with Uzbek specialists under the auspices of UNESCO to identify and document petroglyphs and other sites in the complex (Rogozhinskiy, Kazakhstan). Limited archeological excavations were undertaken at several Sarmishsay sites in 2004-2005 (Khujanazarov & Toderich 2005; Khujanazarov, Toderich, Reutova 2006). Ethnological information is also being collected and recorded.

The researchers developed a common chronology for the Sarmishsay petroglyphs on the basis of stylistic differences between the images and stratigraphic observations, and the differences between technique and color of varnish; dating of identified series of images is based on comparison with artefacts (weapons, tools), works of art from archaeological sites (the painted pottery of the Middle East and Central Asia), as well as on a comparison of the repertoire of zoomorphic images with paleo faunistic data (Lasota-Moskalewska & Hujanazarov 2000).

However, the typology of the Sarmishsay petroglyphs has not yet been developed and a detailed periodization is non-existent; dating the most ancient groups of rock art is still highly questionable:

Neolithic, Eneolithic, or Bronze Age? Other sites of the complex are still poorly researched, since their identification and detailed mapping has only begun in recent years and has not yet been completed.

An integrated approach to research and conservation at Sarmishsay has in recent years helped gain more knowledge about the scope and cultural-historical value of the site. The amount of data pertaining to archeology and the natural sciences has significantly increased and the quality of the available documentation improved (special maps, indexed panoramas of the main groups of petroglyphs, documentation of conservation activities and status monitoring of petroglyphs, etc.); a modern approach of evidence-based sustainable management of the site is taking shape. All are prerequisites for a successful nomination of Sarmishsay on UNESCO's World Heritage List in the future.

Archeological Context. The archeological context of Sarmishsay comprises more than 200 ancient settlements, burial sites, and concentrations of petroglyphs massed in the middle of the valley on an area of about 35km². The settlements include a large number of dwelling sites with permanent buildings, fortified settlements and *tepa*, ruins of unfortified rural settlements. According to the excavations and to the collected artefacts, the known sites range from Antiquity to the Late Middle Ages and modern times (2nd century BC – 18th-early 20th centuries). The ruins of two or three rural settlements (*kishlaks*) in existence until 1940-50 as well as mills and other household and irrigation buildings remain. Several types of burial sites including earthen and stone-earthen kurgans, ossuary burials in stone crypts (*kurums*), and stone fences of different forms with earthen burials are dated from Antiquity to the Late Middle Ages. There are also *mazars*, places worshipped as shrines or related to the graves of holy men. Paleolithic workshops and Neolithic silicon pits Uch-Tut were discovered in the vicinity of the mouth of the Sarmishsay Valley that links it to the Zarafshan Valley.

Description of the Site. Petroglyphs are found practically everywhere in the Sarmishsay Valley, but the most representative concentrations are grouped in a canyon in 15 main groups located on both sides of a gorge and stretching for 2-2.5km, where more than 4,000 images have been registered on three types of locations: **main** (located in the canyon featuring images from all periods, many artful engravings, a rich repertoire); **peripheral** (engravings from one/two periods, a limited repertoire); locations found along **traditional communication pathways** – pedestrian and bridle roads connecting key functional zones of the cultural landscape: places of settlements-dwellings, water sources, and pastures (limited number of images, an extremely poor repertoire, a poor quality of images). In total Sarmishsay petroglyphs number 6,000 images. They are found either on the vertical and horizontal surfaces of rock outcrops of Red Sandstone of Cambrian Age interlaid with shale and limestone.

Sarmishsay petroglyphs differ by age, style and repertoire. Multi-layered compositions created in different periods and sometimes overlapping often occur. These panels and images that differ in color of varnish help to identify a relative age for the images.

The most ancient Sarmishsay petroglyphs are dated to the Stone and Bronze ages (6th -2nd millennia BC). The most ancient layer of these images is characterized by an ox-urus (*Bos primigenius*). Quite a few images of ox-uruses are in a triangular style. They are dynamic, in a manner intrinsic to ancient hunting cultures that, apparently, has its roots in the art of the Upper Paleolithic. Similar images were discovered among the Gobustan petroglyphs in Azerbaijan as well as in the central part of the Arabian Peninsula. Skeletal remains of these animals were unearthed in Uzbekistan at ancient archeological sites dated to the Paleolithic, Mesolithic, and Early Bronze Age periods. The researchers suppose that these animals became extinct or were killed off by people at the end of the 2nd millennium BC. The latter assumption is more likely, since with a

transition to nomadic cattle raising, a battle for pastures started, resulting in a mass hunt of animals.

Ancient drawings were carved onto empty convenient rock surfaces, while others occupy secondary parts of rocks and differ in depth of carving and intensity of desert varnish. These drawings also differ in size: on average 30-40cm, sometimes up to 70-80cm and even larger than 1m. It could also be noted that most ancient Sarmishsay drawings are strikingly similar in technique and manner, as if created by one artisan. From the analysis of petroglyphs, one can conclude that hunting was vital for the earliest inhabitants of the area. Scenes of hunting wild bulls, mountain goats, and other animals are common. Probably, hunting was also important in the Bronze Age as well.

Ancient Sarmishsay images often include various wild animals such as the ox (*Bos primigenius*), bison, red deer, Asian wild ass, goitered gazelle, predators from the feline family (tiger, lion, leopard, cheetah), mountain goat, wild boar, dog, etc. At present it is impossible to determine even an approximate date when the above-mentioned animals appeared as petroglyphs in Uzbekistan. It is known that the red deer (Bukhara), Asian wild ass, goitered gazelle, mountain goat, wild boar and others had lived in Uzbekistan at least since the mammoth or the Upper Paleolithic faunal complex. Currently in Uzbekistan, these animals now live in nature reservations and mountain gorges and are listed in the "Red Data Book".

Together with images of oxen (*Bos primigenius*) a large series of images of people, animals and some vague shapes are the most interesting for those ancient times. They depict the life and worldview of ancient people and provide information unavailable from other sources.

Animal images from the Early Iron Age have easily recognizable characteristics in whatever material they are represented. Images of oxen (*Bos primigenius*) and scenes related to the solar cult no longer exist. The main motifs of that early nomads' art include mountain goats, deer, arkhars, predators, horses, camels, dogs, goitered gazelles, and other animals as well as anthropomorphs. Images of horsemen begin to appear, indicative of the Saka-Scythian period. Images of bows, quivers, swords, daggers, head-dresses, traps and different signs are commonly found. Wild animal hunts, goats or deer chased by predators become the main motifs. The earlier common phallic cult begins to diminish. Exquisite drawings and entire panels of that time appear next to petroglyphs dated to the Stone and Bronze Ages and are often rudely superimposed over them, as if crossing out ancient creations. The Saka-Scythian petroglyphs are smaller than images of earlier periods. In addition, some drawings do not seem to be related to one another. As in earlier petroglyphs their surface is often covered with desert varnish and blends with the background. Most Saka-Scythian drawings have been carved with metal tools. The Sarmishsay petroglyphs of this period were created by Saki and Massaget tribes, and other peoples recorded in written sources. In general, the images of that period have similarities throughout Central Asia; a series of specific images (exquisite horse images) are very similar to those at the Fergana Valley sites (Aravan, Surattuu-Tash, Sulayman-Too) and are dated to Antiquity.

A series of petroglyphs dated to the Early Middle Ages stands out. Panels with cultic and epic scenes (worshipping priests near a Zoroastrian fire altar, concoction of a sacred potion and sacrificial offering, royal hunt) are masterpieces of rock art, characteristic of the urban Sogd of the pre-Islamic period. Such petroglyphs are mainly found in parts of the canyon where there is a necropolis with burials in stone crypts (*kurums* П : between groups V and X) as well as with fortified settlements below the canyon (settlements Sarmishtepa I, II).

In Sarmishsay, along with the ancient petroglyphs, a number of drawings date to a period from the Late Middle Ages to modern times (prior to the 20th century). They are carved in rough ragged lines

at a shallow depth and varnish on them is either very light or nonexistent at all. In most cases, they are simple in execution and not very varied –wild and domestic animals, birds, horsemen, and *chilim* (smoking devices such as hookahs). *Tamga* (seal or sign-like) images and Arabic inscriptions found near settlements date to later periods.

Current Condition of the Site. Natural and human factors affect the condition of the landscape and of Sarmishsay. So far, no boundaries of the site have been established and no effective protection provided so that economic activities and uncontrolled visits by tourists and campers are a danger, particularly in the Sarmishsay valley and canyon where the most valuable petroglyphs and a number of other archeological sites are concentrated. The condition of the landscape and sites is however still satisfactory, particularly as far as the petroglyphs are concerned.

Protection and Management. At present, Sarmishsay is registered as a site of local significance. The Navoi Region authorities decided to ensure its protection and created a *Natural and Archeological Museum-Reserve “Sarmishsay”* in 2004 within the Museum of History and Regional Ethnography (Navoi City). A staff of twelve persons (director, research associates, guides, guards) was planned. However, the reserve has not yet been allotted the funds to implement the decision of the local authorities, so no people have been hired, nor does the state-authorized agency provide protection.

In 2005, Sarmishsay was included in the UNESCO World Heritage Tentative List for Uzbekistan, but its boundaries have not yet been determined.

At present, several small-scale farms (mostly for livestock) operate in Sarmishsay. There is an unpaved road. Below and above the canyon, two children’s summer camps (“Gorniy” and “Sheboda”) house 5,000 people in the summer season (June-August). In addition, this region’s urban population actively visits the picturesque Gorge in spring and summer for recreation. The site is located along very popular routes for foreign tourists travelling from Samarkand to Bukhara. Visits to Sarmishsay with rock art sightseeing is included in the program of many tourist agencies’ excursions in Uzbekistan.

In recent years, a study group for rock art (“Sarmish”) of the Institute of Archeology (led by M.-M. Khujanazarov) has been implementing a broad range of activities and research to arrange for protection and management of the site within the frameworks of the Project “Research, Conservation and Management of Sarmishsay Cultural and Natural Heritage Site” supported by the Norwegian MFA and the Directorate for Cultural Heritage of Norway. It is also part of the Regional UNESCO Project “CARAD – Central Asian Rock Art Database”. A lot of effort has been made to organize and control visits, to establish tourist routes, improve sightseeing trails, develop rules for visitors, and so on. Information and communication activities for the local population aimed at explaining the value of the site and the need for its protection are underway. Attempts are being made to involve locals in the protection of the site. Conservation activities to strengthen the fragile parts of those rocks with petroglyphs, and to remove visitors’ inscriptions and other graffiti have been carried out since 2003.

Aksakalatsay

Location. Aksakalatsay Valley is 30km to the north-east of Navoi in the Novbahor District of the Navoi Region, on the southern slopes of the Karatau Mountains, 10-12km east of the Sarmishsay Valley. Aksakalatsay Gorge is over 35km long and Aksakalata village is in the middle of it. A stream of the same name, flowing at the bottom of the valley is one of the right tributaries of the Zarafshan River. Rock outcroppings in Aksakalatsay mainly consist of fine-grained sandstone, granodiorite, limestone and shale. The rock is strongly affected by atmospheric factors and tectonic processes, resulting in overhangs, shelters and many boulders of various shapes and sizes.

Description of the Site. A total of 500 images were registered in Aksakalatsay Gorge both on rocks in the open and in shelters, along the two banks as well as on riverside rocks of the lateral tributaries. A concentration of petroglyphs and drawings were painted on protected rock surfaces with mineral paint. Several groups of rock art sites are isolated.

The first site with petroglyphs is located 2-3km north of Aksakalata. More than 100 images dated to different periods right up to modern times were found. Most drawings (mainly deer and goats) are rather homogeneous and can be dated from the 3rd century BC to the 1st century AD.

Some red drawings are located on an almost vertical rock (2m high, 3m wide, and 1m deep at the entrance) under an overhang, 2.5-3m above the mouth of the spring, facing east. No remains of occupation layers were found. The walls of the shelter are rough and covered with calc-sinter. In its middle, most images are on either side of a crack. In several other places, very unclear paint spots still remain. The images do not overlap but in some cases they may touch. A series of them form a prominent panel with related motifs. Eight palm prints and sketchy spirals with seven coils are quite visible. The images are 10-20cm long and the spiral over 35cm. Their ancient age, probably Neolithic, is obvious: they are overlaid with a crust of calc-sinter and petroglyphs of later periods have modern-day inscriptions painted on top of them.

A second rock art site in Aksakalatasay is 4-5km to the north-east of the first one in the middle of the valley. More than 500 petroglyphs of different periods including 6 boulders with red drawings were found. The petroglyphs are covered with desert varnish. Their carving technique is rough, the marks left by the tool used are uneven and shallow; the images are 5cm to 1.2m wide. Rock paintings are heavily eroded by the wind.

Protection and Management. The Aksakalatasay petroglyphs are registered as a site of local importance, but the boundaries and protection zone of the site have not yet been determined nor protection provided.

Siypantash

Location. The site is located in the south-western spurs of the Zerafshan Range, 40km north-west of Shahrissyabz, in the upper Kuruksay valley, on the northern outskirts of the village of the same name, opposite the village school. It is 820m above sea level.

Research Status. The site was discovered and surveyed for the first time in 2001 by the Kashkadarya Archeological Expedition from NSU (Tashkent) and the History and Archeology Institutes of the NAS of the RUz led by R.-Kh. Suleymanov, who photographed selected surfaces with images. Provisionally, the researchers dated the site to a period from the Mesolithic to the Bronze Age (Suleymanov 2002: 71). Some petroglyphs in open rock shelters may date to modern times.

Description of the Site. Siypantash ("Slippery Stone") is a group of rock ledges located on the right, eastern slope of the Kuruksay Gorge, noted for its outcroppings of granite and diorite. Ledges of rock formed by wind erosion have relatively smooth dome-shaped surfaces towering over an inclined surface of the rock 1-1.5m high and more. Two large ledges of rock stand out: the first and main one is 8m long and 3-5m wide and the second adjacent to it is 4m long and 2m wide. The images were engraved and painted on a rough rock surface covered with calc-sinter, sometimes dark-gray, reddish-brown, or yellowish-brown. The paints are made from mineral pigments with black, yellow, and reddish-brown shades.

The repertoire of images on the main ledge mainly consists of geometric figures: single right-angled and other crosses, a foot-shaped sign, rows of short straight or crossing lines, a circle with a cross inside and others. An outline figure of an ox with arched horns is the centerpiece among other barely visible outlined images. In several cases, some painted images overlap and apparently date to different periods. Some animals are carved into a reddish layer of rock varnish in the lower part of the roof near the “floor” surface.

The upper part of the second ledge includes a small oval niche, decorated with prints of 10-12 miniature palms painted red. A group of images includes complex shapes such as an oval with crossing lines, two circles with crosses inside connected to a line and others. All those images are in the same red.

The ground surface under the main ledge, which is inclined at 40°, is heavily polished. It is a slippery pathway used by pilgrims as well as adult and child campers to slide down the longitudinal axis of the ledge of rock.

Large oval or circular cup-holes can be seen on the slightly sloping floor under the third ledge located lower than the ledges of rocks with images; 6-7 cup-holes about 10 cm deep with traces of smoothing on their edges are arranged in two rows.

The location and shape of the ledge only allows access from the south-eastern side where quaint wind-eroded rocks look like an arched entrance.

Carved sketchy animals differ from adjacent modern drawings; 20-25m away from the ledge on the surface of one of the lower rocks, they are apparently dated to the Late Middle Ages or modern times.

Current Condition of the Site. The site is located on the territory of a modern village next to residential and utility buildings; nevertheless, the condition of the ledges and surrounding rocks with images is on the whole satisfactory, despite some visible damage (flaking, paint on some images).

Protection and Management. Siypantash is registered as a site of local importance, but boundaries and protection zones of the site have not been defined nor physical protection provided by the government-authorized agencies. However Siypantash is a place for rites, respect and reverence on the part of the local population; sliding down the inclined smooth rock under the central ledge has a ceremonial and magical significance.

Sites of the Western Tien Shan and Fergana Valley

Khodjakent, one of the famous Uzbekistan rock art sites, is located on the western slope of the Chatkal Range on the left bank of the Chirchik River 70km north-east of Tashkent. In 1949-1950, Kazakh archeologist Kh. Alpysbaev discovered and registered 23 images of goats, horses, people and unidentified signs that he dated to the 1st century BC in the upper reaches of the Chirchik River on the south-eastern slope of the Korzhantau Mountains near the Khodjakent settlement (Alpysbaev 1956: 188). The research on the site was continued in 1980 by M.-M. Khujanazarov (Khujanazarov 1995: 173).

Petroglyphs are carved on a vertical limestone rock 12.5 m high and 18 m wide. The rock surface faces north-west towards the river. The images are predominantly arranged in the lower part of the

rock at human height. A total of more than 90 were registered, mostly mountain goats, arkhar, deer, horses, oxen, dogs, and unidentified signs; anthropomorphs occur frequently.

Three female figures depicted head-on are of special interest. Small indentations indicate sexual organs. The figures have no arms or heads and only the last one has a hand. They are partially superimposed by goats, an anthropomorph and an animal (horse?). No similarities have been found in Middle Asia and Kazakhstan.

The technique of carving for most petroglyphs in Khodjickent is similar: an outline was marked first and then the entire figure was carved. The surface of most images is smooth. The drawings differ in depth: from 0.5mm to 20.0mm. The surface of superficially-carved images is more weathered and barely distinguishable from the rock surface.

The repertoire, style, technique, status of preservation and stratigraphic location of the most ancient Khodjakent petroglyphs (primarily, images of women) date them to the Eneolithic, i.e. from the 4th to the first half of the 2nd millennium BC. The remaining drawings are mainly dated to the Saka Period.

The Khodjakent rock art is on the State List of Cultural Sites of Local Importance and has been put on Uzbekistan's Tentative World Heritage List.

Varzik

In 1982, M.-M. Khujanazarov surveyed petroglyphs located in the vicinity of the village of Vazrik, 30km north of Chust (Fergana Valley) in the southern foothills of the Chatkal Range. Flat-topped hills are covered with quaternary deluvial-proluvial deposits. Rock art occurs on the surfaces of boulders including some in the rock fill of kurgan burials located on the slopes and dated from the 1st century BC to the 6th century AD (Baratov 1991:16). A total of 200 boulders with 737 petroglyphs with mostly single anthropomorphs and zoomorphic images were found. Very few images are related to each other. Anthropomorphs are depicted with bows, quivers (?) and staffs. Many images with snakes were noted. In general, the Vazrik petroglyphs differ in style, techniques, and shades of desert varnish. There are superimpositions. Petroglyphs are dated from the second half of the 1st millennium BC to the beginning of the Modern Era (Khujanazarov 1999: 55-67).

Karakkiyasay

Karakiya Gorge, on the southern slope of the Karzhantau Mountains, is 20-25km north of Gazalkent. A brook flows down the bottom of the picturesque gorge and runs into the Chirchik River. Petroglyphs are found on both sides of the rocky canyon; their main concentration is in the upper reaches of Karakiyasay. In 1980-1983, M.-M. Khujanazarov surveyed the Karakiyasay petroglyphs and recorded 90 rocks with 1,015 petroglyphs.

Five images of chariots with four cases of harnessed horses were found there. All images are indicated on the map. The chariots have two wheels each with four spokes distinctly indicated. Poles and yoke cross-beams can be seen in almost all of them. Animal images prevail –goats, arkhar, camels, horses, wolves and oxen - in addition to many anthropomorphs (on foot and mounted), various signs and unclear shapes. Styles and techniques differ. Many superimpositions occur. The Karakiyasay images date to the Bronze and Early Iron Ages.

Southern Uzbekistan Sites (Kugintangtau Mountains)

Zaraut-Kamar

The Zaraut-Kamar Grotto is in the Zaraut-Say Gorge on the southeast slope of the Kugintangtau Mountains within the system of the southwestern spurs of the Hissar Range. Administratively, Zaraut-Say belongs to the State Nature Reserve "Surkhan" in the Sherabad District of the Surkhandarya region, 30km north-west of Sherabad city, 5km south of the Kyzylolma settlement. The absolute height is 1,265 meters above sea level.

Research Status. The Russian military topographer Fyodorov was the first to survey and copy (sketch from nature) images and inscriptions in Zaraut-Kamara, in 1912. Later, in 1939, the gorge was visited by I.-F. Lomaev who heard from local residents about a cave with drawings, examined them and made sketches and informed G.-V. Parfyonov, an archeologist and regional ethnographer and the Director of the Surkhandarya Museum in Termez. G.-V. Parfyonov conducted scientific research and documentation of the site in 1940 and 1943-1945. In particular, he explored the Zaraut-Say Gorge and adjacent valleys in addition to identifying and copying images. Parfyonov made small test excavations in some other caves: in the Dul-Dul-Ota grotto he found Mousterian stone flakes and painted ceramics near the Chinar settlement, but no more rock art. Parfyonov used this circumstantial evidence and analysis of the images to suggest that the Zaraut-Kamara paintings dated to the Upper Paleolithic. Arabic inscriptions painted on the cave walls with a bright-red pigment were dated by M.-E. Masson to the 10th-13th centuries.

An artist, A.-Yu. Roginskaya, who participated in the expedition led by Parfenov, made pencil and watercolor sketches of the landscape and the cave paintings, under the guidance of Parfenov. Roginskaya recorded 264 painted images in the central cave and 27 in other nearby caves and niches.

A subsequent inspection of the site by A.-A. Formozov in 1964 revealed that a significant proportion of the paintings indicated by Parfenov could not be found: sometimes only very indistinct traces of paint remained while natural spots of red ferrugination had been mistaken for images. Formozov took samples of minerals similar in color to the ancient drawings from near a cave at the mouth of the Zaraut-Say and examined them in the Laboratory of the Institute of Geological Sciences of the Academy of Sciences of the USSR in Moscow. The paint consists of quartziferous siltstone and a ferruginous cement; the iron content is high: 24-32 %. Formozov's impressions at examining the site, analyzing the motifs, style, arrangement of the drawings and other data enabled him to conclude that "a Paleolithic date for the Zaraut-Kamara drawings is ruled out, a Mesolithic age is likely, but dating to later periods (Neolithic-Eneolithic) is also possible" (Formozov 1966:24).

In the 1970-1980's, Zaraut-Say was researched by Uzbek archaeologists Zh. Kabirov and M. Khujanazarov. They noted that modern visitors' inscriptions had been scratched over ancient images and inscriptions. The most recent survey and documentation (photographs, copies and descriptions of images and inscriptions) was carried out by Khujanazarov (2001:91-93). Khujanazarov only identified 8 caves and not 27 (as G.-V. Parfyonov had said), with a total of 40 images (more than 200 according to Parfenov). As previously done by Formozov, Khujanazarov identified three groups of images in Zaraut-Say that differ in color, repertoire and style, and dated them to the Mesolithic and the Bronze Age.

The sketches of Zaraut-Say by A.-Yu. Roginskaya, published in 1950, are still the main documentation for the site. Her drawings, repeatedly reproduced in subsequent scientific, and popular publications and textbooks, have many errors both in the reproduction of the cave's interior on the whole, the arrangement of paintings, and the reproduction of many images; also, medieval

inscriptions are not reproduced in Roginskaya's drawings. The copies of drawings from Zaraut-Kamara published by A. Rozwadowski may also be inaccurate (Rozwadowski 2004, Fig.5).

Description of the Site. The Zaraut-Kamar Grotto is on the right slope of the Zaraut-Say Gorge at the mouth of a rocky canyon between high mountains and low hills. The Zarait-Say Valley expands below the canyon, stretches for 2-3 km from north to south along fine sandstone foothills then turns westward. This part of the valley has a prominent ancient terrace, with remnants of stone structures and ceramics (including medieval ones) in a series of sites. Remnants of stone structures and kurgans were also recorded on the ridges of long flat-topped uplands that form watersheds in the Zaraut-Say and neighboring valleys.

The rocky slope of the canyon, where Zaraut-Kamara Grotto is located, appears as a bench composed of alternating layers of limestone of the Middle Jurassic Period deposited at an angle of 45-50° stretching northward. The bench has a layered structure and pronounced profile. The surface of near vertical rocks is strongly wind-eroded with numerous niches and caves of various sizes. The main one –Zaraut-Kamara– is located in the middle of the rock massif at a height of 8m above the valley surface. There is a series of caves with solitary images and Arabic inscriptions in the lower part of the rock.

According to A.-A. Formozov, the main cave is 1.4-2.5m wide, 5.2m long, and 3.97m high; it opens to the east. There are no deposits or cultural remains in the cave; but in the northern part, i.e., directly under the roof, a concentration of ancient drawings and a small polished 5cm-deep indentation stand out against the black surface of the floor. The cave roof and walls are covered with a light-brown and pinkish carbonate coating. The lower part of the walls and the floor of the grotto are free from sinter, while the surface is black or dark-gray, uneven and polished in some places. In some places on the walls and the roof, calc-sinter sometimes overlies ancient images and medieval inscriptions. Modern graffiti have been scratched in the lower parts of the walls.

Ancient images on the western and northern parts of the walls constitute three major panels, with animals, anthropomorphs and bird-human figures and unidentified signs painted in a red-brown and gray-brown mineral paint. When the images are moistened their color changes to maroon. Medieval inscriptions are painted in a bright red pigment on an unoccupied area of the roof and walls. Arabic inscriptions partly overlap a few ancient figures which only mainly occupy good-quality surfaces between the ancient panels.

A panel featuring a relatively large figure of an ox stricken with an arrow, archers and bird-human figures, stands out among ancient images on the northern wall. According to the researchers of Zaraut-Say, the bird-humans represent hunters disguised as birds (great bustard, ostrich) or dressed in loose cloaks. The other two panels also represent scenes of wild animal hunts (cattle, gazelle (?), and others). Most of the 40 images are outlined, relatively small (5-7cm; the largest figure of an ox is about 15cm) and artfully carved.

Below the main grotto, drawings in several niches are smaller in size. The images are also painted in a red-brown pigment, but they are brighter and differ in style from the drawings in the main cave and seem to date to a later period.

Current Status of the Site. Due to the remoteness of large residential settlements and as part of the Surkhandarya Reserve, the Zaraut-Say landscape is in a good condition. Roads that allow car access to the Zaraut-Kamar grotto are practically non-existent. Usually, visitors –local residents and tourists– get by car to the nearest settlements and then either go on foot or hire donkeys to go further. Considering the fame of the site, these two prevailing circumstances are factors that curtail excessive human impact.

Nevertheless, uncontrolled visitation of the site has affected the interior of the Zaraut-Kamar cave, with many graffiti on the walls: names and dates of visits (the latest date is 2004). Most are either scratched or pecked onto black wall surfaces without rock art, but some inscriptions are carved on the cave roof which has ancient images. Some images are damaged from natural causes: in some places, carbonate sinters that have formed as a result of rain infiltrating through cracks in the roof overlay images and medieval inscriptions.

Protection and Management. The Zaraut-Kamar Grotto is located on the territory of the regional state natural reserve “Surkhan” founded in 1986. The Central Office of the Reserve is located in the district capital, Sherabad. The Northwestern boundaries of the reserve along the watershed of the Kugintang Mountains coincide with the national border between Uzbekistan and Turkmenistan. The total area of the reserve is 25,853 ha. The government has acquired this specially-protected area but no protection has been established.

The grotto and the middle of Zaraut-Say are close to the protected and buffer zone of the reserve which encompasses about 10 settlements with a total population of 4,000 residents. People from nearby settlements, Kyzylolma and Khodzhaankan (both 5km south and north of the site), pasture their livestock in Zaraut-Say and illegally cut brushwood (*archa*) as firewood. In spring they visit the valley and grotto where the rock art is and act as guides for tourists.

Bibliography

- Alpysbayev H. 1956. - New Rock Carvings in the Bostandyk Area. *Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography, Academy of Sciences of the Kazakh SSR*. T. 1. Alma-Ata.
- Baratov S.-R. 1991. - *Culture of Pastoralists of Northern Fergana in Antiquity and the Early Middle Ages (based on materials from kurums and mughana)*. Synopsis of Ph.D. Thesis in Historical Studies. Samarkand.
- Kabirov Zh. 1976. - *Sarmishsoyning koya toshlaridagi rasmlar*. Tashkent.
- Roginskaya A.-Yu. & Zaraut-Say M.-L. 1950. - *Children's Literature*.
- Suleymanov R.-Kh. 2002. - Siypantash –a new rock art site in the Kashkadarya Valley. *Civilizations of Central Asia: Farmers and Pastoralists; Traditions and Modernity*. Abstracts of Report from the International Conference. Samarkand.
- Oskin A.-V. 1985. - *Petroglyphs in Central Kara Kum as a Historical Source for Researching Archaic Cults*. Synopsis of a Ph.D. Thesis for a Degree in Historical Studied. M.
- Tashkenbaev N.-Kh. 1996. - Rock Images in Karaungursay and Sarmish. *History of Material Culture of Uzbekistan*. Issue 8.
- Formozov A.-A. 1996. - On the Rock Art of Zaraut-Kamara in the Zaraut-Say Gorge. *Soviet Archeology*. No. 4: 14-26.
- Khujanazarov M.-M. 2000. - Rock Images and Their Relation to Islamic Cultic Places. *International Conference on Primordial Art*. August 3-8 2008, Works. Kemerovo: Siberian Association of Primordial Art Researchers, Vol. 2:220-226.
- Khujanazarov M.-M. 2004. - Sites of Uzbekistan. *Sites of Rock Art in Central Asia*. Almaty, pp.109-114.
- Khujanazarov M.-M. 1999. - Issues of Periodization and Motif and Style Analysis of Petroglyphs in Varzik. *History of Material Culture of Uzbekistan*. No. 1930. Samarkand.
- Khujanazarov M.-M. 1995. - *Rock Art in Khojakent Karakiyasay*. Tashkent.
- Sher Ya.-A. 1980. - *Petroglyphs of Middle and Central Asia*. M.: Nauka.

- Khujanazarov M. & Toderich K. 2005. - *Report: "Studies, preservation and sustainable management of the Cultural and Natural Heritage of Sarmishsai, Navoi region, Republic of Uzbekistan (March–December, 2004)"*. Samarkand.
- Khujanazarov M.-M., Toderich K., Reutova M. 2006. - *Report: "Studies, preservation and sustainable management of the Cultural and Natural Heritage of Sarmishsai, Navoi region, Republic of Uzbekistan (January–December, 2005)"*. Samarkand.
- Khujanazarov M.-M. 2001. - Petroglyphs of Uzbekistan. In Tashbaeva K., Khujanazarov M., Ranov V., Samashev Z. ed.), *Petroglyphs of Central Asia*. Bishkek, pp. 80-121.
- Lasota-Moskalewska A., Hujaanazarov M. 2000. - Petroglyphs of mammals in the Sarmissaj Gorge, Uzbek Republic. *Archaeological analysis*. Warsaw.
- Rozwadowski A. 2003. - *Symbols through Time. Interpreting the Rock Art of Central Asia*. Poznan: Institute of Eastern Studies, A. Mickiewicz University.
- Rozwadowski A. 2004. - *Symbols through Time. Interpreting the Rock Art of Central Asia*. Poznan.

See illustrations page 183

The Altai Mountains in Northwest Mongolia

Esther Jacobson-Tepfer

Profile of region

The richest region for rock art in the Altai Mountains of northwestern Mongolia is included in the adjoining aimags of Bayan Ölgii and Khovd. This region abutting Mongolia's borders with northern China and Russia (Altai Republic) is characterized by a high and rocky mountainous uplift in the west descending to dry steppe and desert steppe in the east. Throughout most of this region, forest is limited to small relic stands of larch on north facing slopes except in the immediate area to the south of the Khoton, Khurgan, and Dayan Nuur. In general, the prevailing vegetation is limited to rough grasses and thickets of willow or pine along streams. There is ample evidence, however, that in the early and middle Holocene, this region was both wetter and more temperate and tree cover far more wide-spread. The once extensive system of glaciers crowning the high mountains in this sub-zone is now radically diminished by comparison to their size at the beginning of the 20th c., and snow-cover has decreased. As a result, many streams and marshes now become dry in the summer months.

With the exception of one important cave, Khoit Tsenkir, in Khovd aimag, all the rock art of this region is found on sandstone outcroppings of ridges, on the extensively exposed bedrock of high valleys, or on sandstone and granitic boulders in the higher elevations. The sandstone is of a hardened metagreywacke; characteristically the surfaces in question have been extensively scraped and polished by ancient glacial action. By contrast, the granitic boulders that are found on moraines are generally characterized by exfoliating outer rinds with the result that the rock art visible on their surfaces has often been partially lost. The limestone characteristic of lower elevations in this region does not support rock art activity.

Within mountainous Bayan Ölgii, if one counts all the ridges and cliffs on which one now finds concentrations of pecked or engraved imagery—there must be over one hundred rock art sites. Of those sites, there are at least seven major complexes of rock art, each with hundreds or many thousands of individual images. At least two of these complexes extend over many kilometers along their valleys and up adjoining slopes.

The rock art of mountainous Bayan Ölgii can be dated from the late Pleistocene through to the late Holocene. In cultural terms, that would extend from the late Paleolithic through the Turkic period of our era. An unusually large concentration of the earliest material—late Pleistocene and early Holocene—is found at Aral Tolgoi, but images of mammoths and other early megafauna are also found at Tsagaan Salaa/Baga Oigor. Within the major sites and complexes, the most extensive material dates to the Bronze Age—from early in that period to its late phase. Rock art from the Early Iron Age is also well represented in three of the largest sites as is that from the Turkic period.

If one uses terminology developed for rock art traditions in the Russian Altai region, then it is possible to identify several such traditions within the Mongolian Altai. It is an open question, however, whether such nomenclature is here appropriate or wise.

Archaeologically the region under consideration is relatively unexplored. Survey work by Soviet and Mongolian researchers relating to pre-Bronze Age cultures was carried out along a few river valleys but that work has not been extended in recent decades. Two years ago and following a survey of a limited border area in the permafrost zone, a team of Mongolian, Russian, and German

researchers excavated four Early Iron Age burials in the upper Oigor basin. Elsewhere there have been sporadic and hitherto unpublished, poorly published or even unauthorized excavations of Bronze and Early Iron Age burials and ceremonial structures. With the exception, therefore, of the burials that appear clearly representative of the Scythian culture in the Altai-Sayan region, there is little understanding, to date, of specific cultural manifestations within excavation archaeology. By contrast, an extensive survey and analysis of surface archaeology and rock art throughout mountainous Bayan Ölgii has been completed by a team from the University of Oregon under the auspices of a grant from the National Endowment for the Humanities (USA). This survey includes several thousand features integrated into a developed GIS database and geo-spatial display.¹

Bayan Ölgii and much of Khovd aimags presently include a majority Kazakh population and smaller numbers of Tuvans and Urianghai Mongols. Rock art in the immediate vicinity of areas where people have congregated over the last hundred years (e.g., winter dwellings) have frequently been damaged by extensive modern writing and image making. This damage appears to have occurred especially during the Socialist period. For the most part, however, the rock art of mountainous Bayan Ölgii has escaped human destructive attention. The same cannot be said, unfortunately, about the only major site of cave art in the larger region, the Khoit Tsenkir cave.²

Within many of the sites and complexes mentioned below, one finds loci of worship in the form of *ovoo*. These sometimes complex constructions are not necessarily related to surrounding rock art; but the locations of *ovoo* and of specific rock art concentrations are certainly related to major physical features in the landscape.

Links with other Sub-zones

Rock art from the late Paleolithic through the Early Bronze Age—richly represented at Aral Tolgoi and in the Upper Tsagaan Gol and Tsagaan Salaa/Baga Oigor complexes and distantly glimpsed in paintings from Khoit Tsenkir—has parallels in the few images identified on the Ukok Plateau (Kalguty) and in a few sites in the upper Yenisey Basin. Traditions from the full Bronze Age, the period from which we find the appearance of scenes of hunting, caravanning, cart driving and herding, have clearest parallels in material from the Russian Altai. The Late Bronze Age, with its rich repertory of hunting, herding and riding scenes, also finds extensive parallels in the Russian Altai and some within Kazakhstan.³ Rock Art from the Early Iron Age is also clearly related to that of the same regions; but following the cultural expansion of early nomadic peoples of the Scythian period to the west and southwest, contemporaneous rock art traditions in the Mongolian Altai also have significant parallels in China, Kazakhstan and Kyrgyzstan.

Certain motifs are particularly interesting as markers of the regional location of cultures or of their expansion. The image of a moth-winged anthropomorph—attested frequently in the Tsagaan Salaa/Baga Oigor complex and occasionally at other sites in our region—has no known parallels in the Russian Altai. On the other hand, several Bronze Age motifs are ubiquitous across a broad swath of northern China, Mongolia, Tuva and the Russian Altai: a figure wearing a rounded headdress and carrying a sack or hunting stick (*daluur*) hanging from his waist; a particular rendition of a two wheeled vehicle (cart); and a style of representation that is vital and often

¹ The Mongolian Altai Inventory has resulted in an integrated geo-spatial database, an extensive photographic archive available on the internet (<http://boundless.uoregon.edu/digcol/maic/>), an interactive website for scholars and planners (<http://mongolianaltai.uoregon.edu>), and a published volume, *Archaeology and Landscape in the Mongolian Altai: an Atlas* (ESRI Press).

² This report will not attempt to include sites in Khovd aimag. Khoit Tsenkir, the most important site in that region, has unfortunately been badly damaged by a number of factors: use of the cave by animals and local populations as well as by amateur and scholarly attention. The once discernible paintings said to represent Pleistocene animals have been essentially obliterated by damage and repainting.

³ The material that must exist in the Chinese Altai is either unknown or poorly published and hence inaccessible for comparison.

elegant. Figures with top-knots and the belted tunics of horse riders are found frequently in the Mongolian sites; they have parallels in the Russian Altai and in Kazakhstan. The most interesting cultural marker is the image of a stylized deer that occurs regularly throughout the Mongolian Altai. This has its most important parallels in the deer stones of northern and central Mongolia, as well as in rock art of the Russian Altai and to the southwest through China into Kazakhstan and Kyrgyzstan. Imagery often referred to as of the Arzhan tradition of Tuva is found regularly throughout the region. Images of riders and hunters from the Turkic period are paralleled by material from the Russian Altai. In other words it is clear that throughout the Bronze and Iron Ages, cultural traditions were shared and enriched across the Altai-Sayan uplifts. Given the basic similarities in the mountainous landscapes on all sides of the international borders and in the bedrock, this continuity of tradition across the Altai ridge is not surprising.

Known sites⁴

- 1 Tsagaan Salaa/Baga Oigor
- 2 Upper Tsagaan Gol
- 3 Aral Tolgoi
- 4 Bilüüt
- 5 Upper Khölsöötiin Gol
- 6 Khar Yamaa
- 7 Boregtiin Gol

Significant rock art sites in Bayan Ölgii aimag⁵

Tsagaan Salaa/Baga Oigor Complex

Location: Along the Tsagaan Salaa and Baga Oigor rivers in Ulaan Khus *sum*, approximately 80 km from the *sum* center and 150 km. from Ölgii.

Geography and coordinates: mountain steppe, approximately 2000 – 2200 m. in elevation; 49° 25' N, 88° 15' E.

Character of rock: outcroppings, cliffs, erratics of metagreywacke; granitic erratics; considerable glacial scrape.

Total number of individual images: more than 75,000 (estimated)

Area of image distribution: images appear along the terraces above the rivers, on rock outcroppings in deep draws and up adjoining slopes over a straight line distance of 14 km.

Rock art traditions, dating, percentage

- Execution: pecking, engraving, scratching, gouging
- Traditions: Pre-Bronze Age (5%), Bronze Age (40%), Early Iron Age (30%), Turkic period (1%), undetermined (24%) [estimated].

⁴ Listed here are only those sites of outstanding importance and size. I do not include the many rock art concentrations found on scattered ridges and cliffs throughout the region.

⁵ This list includes only the most important and best documented sites within mountainous Bayan Ölgii.

Archaeological context: informal survey for Paleolithic artifacts along terraces (unpublished); excavation of Early Iron Age burials a little higher in the valleys (Mongolian-Russian-German Expedition, publication in preparation).

Cultural context: the valleys are currently inhabited by Kazakh herders. They are generally uninterested in the petroglyphs and related surface archaeology.

Existing documentation:

- Approximately 15,000 photographs (B-W, color) including extensive views of the landscape and surface archaeology within the valley; and of specific concentrations of petroglyphs, individual compositions and details. This material is archived at the University of Oregon.
- 1323 drawings published and originals archived at the Institute of Archaeology and Ethnography-RAS, Novosibirsk.
- Full set of Soviet period aerial photographs (University of Oregon)
- GPS and GIS documentation of complete site, including all petroglyphic nodes and surface structures; extensive derived mapping
- (University of Oregon).
- Publications of the complex:

Jacobson E, Kubarev VD, Tseveendorj D.

Mongolie du Nord-Ouest: Tsagaan Salaa/Baga Oigor. Répertoire des Pétroglyphes d'Asie centrale, Fascicule No. 6. 2 vols. Paris: DeBoccard, 2001. Text, 1323 drawings, 399 photographs, 13 maps and 4 landscape models and charts.

Kubarev VD, Tseveendorj D, Yakobson (Jacobson), E.

Petroglify Tsagaan-Salaa i Baga-Oigora (Mongol'skii Altai).

Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography-RAS, 2005.

Including text, 1388 drawings, 116 pp. charts, 61 photographs.

- This complex has been integrated into the interactive website and developed database supported by NEH (University of Oregon)

Value of site:

- Tsagaan Salaa/Baga Oigor Complex is one of the largest, oldest and least damaged concentrations of rock art in North Asia. The quality of its imagery, particularly that of the Bronze Age, is unsurpassed by any sites with which I am familiar in the Russian Altai or in Kazakhstan.

Upper Tsagaan Gol Complex (Shiveet Khaikhan)

Location: Upper Tsagaan Gol and its principle tributaries, the Khar Salaa and Tsagaan Salaa, in Tsengel' *sum*, approximately 65 km. from the *sum* center, and approximately 130 km. from Ölgii.

Geography and Coordinates: high mountain valley just east of Tavan Bogd; rich pasture within the valley and on the mountain slopes above; some limited tree cover in less accessible parts of the valley. 49° 10' N, 88° 15' E; elevations range from 2000 – 2500 m.

Character of rock: metagreywacke outcroppings, cliffs, erratics; considerable glacial scrape.

Total number of individual images: 75,000–100,000 (estimated)

Area of image distribution: on outcroppings around the sacred mountain Shiveet Khaikhan and on both sides of Khar Salaa and Tsagaan Salaa up to a considerable elevation above Tsagaan

Salaa; along the terminal and lateral moraines on either side of the upper Tsagaan Gol. Total straight-line distance included in the complex: 22.5 km. (E – W).

Rock art traditions, dating, percentage:

- Execution: pecking, engraving, scratching, gouging
- Traditions: Pre-Bronze Age (5%), Bronze Age (40%), Early Iron Age (30%), Turkic period (10%), undetermined (15%) (estimated).

Archaeological context: informal survey of Paleolithic artifacts, no formal survey or documentation. This complex is exceedingly rich in surface archaeology—altars, burial mounds, ritual mounds, standing stones and Turkic memorial structures; these have been included in the complex study.

Cultural context: Tuvan herders now inhabit the upper valley but earlier in the 20th century it was inhabited by Kazakh herders. The present inhabitants take a generally benign view of the petroglyphs and surface monuments. The modern writing that has despoiled a few rock surfaces appears to be Kazakh although new damage (since 2008) suggests the work of Chinese tourists.

Existing documentation:

- Approximately 17,000 photographs (B-W, color) including extensive views of the landscape, surface archaeology, and individual outcroppings, and of individual compositions and details. This material is archived at the University of Oregon.
- 1303 drawings published and originals archived at the Institute of Archaeology and Ethnography-RAS, Novosibirsk.
- Full set of Soviet period aerial photographs (University of Oregon)
- GPS and GIS documentation of complete site, including all petroglyphic nodes and surface structures; extensive derived mapping
- (University of Oregon).
- Publication of the complex:
 - Jacobson-Tepfer, E, Kubarev, VD, Tseveendorj, D.
 - *Mongolie du Nord-ouest-Haut Tsagaan Gol. Répertoire des Pétroglyphes d'Asie centrale*, Fascicule No. 7. 2 vols. Paris: DeBoccard, 2006. Text, 1303 drawings, 706 photographs and 9 maps
- This complex has been integrated into the interactive website and developed database supported by NEH (University of Oregon)

Value of site:

- The Upper Tsagaan Gol Complex rivals that of Tsagaan Gol/Baga Oigor in its size and in the quality of its rock art. The primary differences between the two complexes are several: TS/BO has a more significant layer of pre-Bronze Age imagery, including rare images of mammoths. The Upper Tsagaan Gol has an unusually rich layer of Turkic imagery. The Bronze and Early Iron Age materials in both complexes are virtually equal in quality and quantity. The Upper Tsagaan Gol is distinguished by the quantity of its surface monuments and by the clear indications that the complex was developed over millennia around the sacred mountain, Shiveet Khairkhan.

Aral Tolgoi

Location: western shore of Khoton Nuur, within a flood plain bordered by Tsagaan Salaa (north) and Khara Salagiin Gol (south); within Tsengel' *sum*, approximately 100 km. from the *sum* center, and approximately 160 km. from Ölgii.

Geography and Coordinates: deep, glacier carved valley between high mountains to north, south (border with China) and west; extensive forest cover to south and southeast (larch, pine); great lakes to east; 48'60 N, 88'12 E; elevation approximately 1900 m.

Character of rock: metagreywacke bedrock, extremely worn by glacial action and weather.

Total number of images: approximately 1,400 but many are too worn to decipher.

Area of image distribution: a long, whale-shaped hill running southeast to northwest for a distance of approximately 1.5 km.

Rock art traditions, dating, percentage:

- Execution: pecking, engraving, scratching, gouging
- Traditions: Pre-Bronze Age (80%), Bronze Age (10%), Early Iron Age (2%), Turkic period (1%), undetermined (7%) (estimated).

Archaeological context: informal survey of Stone Age artifacts in adjoining flood plain. Unauthorized and unpublished excavations of Early Iron Age burials to the east, on the south shore of Khurgan Nuur. Extensive Early Iron Age and Turkic Period monuments to the south and west of the hill.

Cultural context: presently within a border zone, this area is theoretically off-limits to a general public. There is a Kazakh population around the lakes during the summer and a permanent border guard station at the east end of Aral Tolgoi.

Existing documentation:

- Approximately 2500 photographs (B-W, color), including landscapes, adjoining surface archaeology, and individual outcroppings; and of individual compositions and details. This material is archived at the University of Oregon.
- 169+ drawings published and originals archived at the Institute of Archaeology and Ethnography-RAS, Novosibirsk.
- GPS and GIS documentation of complete site, including all petroglyphic nodes and surface structures; extensive derived mapping
- (University of Oregon).
- Publication of the complex:
Tseveendorj, D, Kubarev VD, Yakobson (Jacobson), E.
Aral Tolgoi Khadny Zurag (Petroglyphs of Aral Tolgoi [Mongolia]).
Ulaanbaatar: Institute of Archaeology–MAS, 2005.
Text (Mongolian, Russian, English), 169 drawings, 20 photographs, 2 maps and one elevational drawing
- This complex has been integrated into the interactive website and developed database supported by NEH (University of Oregon)

Value of site:

- Aral Tolgoi is unique within all known sites of North and Central Asia: it appears to be the largest open-air concentration of rock art from the late Pleistocene and early Holocene.

Research

Existing research on the three major complexes in mountainous Bayan Ölgii is referred to above. Unpublished photographic documentation and GIS data exist for Khar Yamaa (University of

Oregon), Khölsöötiin Gol (University of Oregon) and scattered small sites. Bilüüt has been documented to an unknown extent by Richard Kortum (East Tennessee State University) and colleagues from the Institute of Archaeology, Ulaanbaatar. None of the complexes and sites have been researched for their relationship to present populations since most herders (Kazakhs and Tuvans) have only moved into this region during the last 100 years. The tiny Urianghai population may be older.

Protection

Physical isolation and the absence of mineral exploitation have hitherto been the most significant factors in the generally excellent state of preservation of the three principle complexes and of all the others, too. Aral Tolgoi lies within a protected border zone; that priceless site, part of the Upper Tsagaan Gol complex, and Bilüüt are also included in the Altai Tavan Bogd National Park. However, some of the most significant rock art within the Upper Tsagaan Gol lies just outside the park boundaries, and Tsagaan Salaa/Baga Oigor lies entirely outside any protective zone. Both the Upper Tsagaan Gol and Tsagaan Salaa/Baga Oigor are receiving ever increasing numbers of tourists who are particularly interested in the rock art but quite ignorant of basic cautionary measures: not to drive over or walk on the carved surfaces, not to rub, trace or in any other way touch the images.

Conservation and Management

Aral Tolgoi shows the most significant effects of ancient glacial action and recurring harsh weather. On the other hand, the Border Guard station at its base means that it could receive the most careful attention of all sites in Bayan Ölgii. The most useful way to protect this truly extraordinary site would be to forbid the herding of small animals (sheep and goats) over the hill: their hoofs are visibly destructive and their recurring feeding has come close to denuding much of the hillside.

The Upper Tsagaan Gol and Tsagaan Salaa/Baga Oigor are too huge to fence or otherwise physically protect. They are, moreover, in danger of being 'loved to death,' both by increasingly interested local populations and tourists. The best way to protect these large sites is to educate the tourist agencies and their leaders bringing tourists into these valleys; and the local inhabitants of the valley regarding the rock art's cultural value and its preservation and the potential benefit to the local population through tourism. It should be possible to deputize local herders in each valley to patrol the complexes on a regular basis. This last effort would not require much funding but could be very effective. There presently exist some precedents for such supervisory functions within the Altai Tavan Bogd Park zone, but these individuals are too few with too vast an area to oversee, and they themselves are uneducated in the care of the rock art sites.

Presently there are no local authorities occupied with issues of site management. The branch of the Academy of Sciences in Ölgii and the staff of the Museum of Art in that town as well as interested individuals in some of the local population centers could easily be brought into a collaborative effort at educating young people and alerting scholars to the value of the region's rock art. Regrettably, even the best-intentioned local (and sometimes, not so local) scholars are ignorant of the importance of not impacting the stone surfaces. This could easily be modified, I believe, with a little funding and will.

In this part of Mongolia, as throughout the country, funding for cultural issues is extremely limited or non-existent.

Main threats

The principle threats to all the sites in mountainous Bayan Ölgii include:

- Inappropriate use of the sites by tourists and their tour agencies.
- Lack of significant management or oversight of any kind
- Lack of funding through local or national agencies
- Overgrazing of adjoining pasture land
- Climate change with resulting shifts in the pasturing of animals

See illustrations page 189

Rock Art Sites in the Minusinsk Basin

Elena Miklashevich

The Khakassia-Minusinsk Basin is the southern part of a vast intermontane trough bounded in the south by the Western Sayan, in the west by the Abakan Range, in the north by the spurs of the Kuznetsk Alatau and in the east by the spurs of the Eastern Sayan.

The terrain mostly consists of elongated uplands and plains separated by valleys. The altitude is from 200–300 to 700m. The base of the valley and individual low-hill massifs are composed of slates, sandstone, conglomerates, malmrock, limestone, porphyries, and syenites of Paleozoic age, which are covered with loam, loess, and sandy clay in the lower areas. The climate is sharply continental and arid in places. Average temperatures in January range from minus 16 to minus 20.5° C; in June, the temperature ranges from 18.2 to 19.6° C. Winter frosts occur at minus 52° C, while, in the summer, the temperature may rise to 45° C. The central part of the basin may experience 240–270 mm of precipitation, while on the edges, it is 450–500 mm of precipitation (almost $\frac{2}{3}$ occurs in the summertime). The main rivers include the Yenisei and its tributaries the Abakan, Oya, and Tuba. There are many freshwater and saltwater lakes (Tagar, Solyenoye, etc.). Soil and vegetation vary from the center to the edges.

Types of Landscapes with Rock Art Sites

The largest locations of sites are related to waterways – the middle reaches of the Yenisei and its tributaries. Pecked, engraved, abraded and painted drawings occur mainly on vertical rock outcrops of Devonian or Old Red Sandstone; other types of rocks were rarely used. Most sites are concentrated in the north-western part of the basin, where rock outcrops are found on the shores of many lakes. In the south-east of the basin, there are small outcrops of rock scattered throughout steppe foothills.

A specific feature of the region is that images are found not only on rocks, but also on many other stone objects: various statues, stelae, stones above and inside graves, small tablets and pebbles. There are hundreds of such sites and many contain entire compositions of drawings repeatedly made on stelae located in the steppe, but neither the technique, nor cultural or chronological aspects distinguish them from images on natural rocks, so they are to be considered in the context of the rock art history of Central Asia.

Upper Devonian sediments, which, according to an accepted stratigraphic scale, are divided into the Oydanovo, Kokhay and Tuba suites, contribute to the geological structure of the Minusinsk basin. In the Shalabolino area, all these suites join into one Turanian series.

Petroglyphs commonly occur on rock outcrops of Tuba suite rocks. As a rule, these sediments are clearly visible in the relief as *cuestas* of different height (absolute height ranges from 450 to 749m). Cuesta terrain is asymmetric: short steep slopes and long smooth slopes. A smooth slope angle is consistent with the amount of inclination of the rock and has different values for various sites. For example, the value for a site with petroglyphs near the Troitskiy village is 35°, Oglahy – 18°-21°, Kunya, Suhaniha – 12°-15°, Boyar *Pisanitsa* (concentration of petroglyphs) – 5°-10°, Shalabolino – 4°-8°. The profile of *cuesta's* steep slopes has ledges which have petroglyphs on their surfaces. The hypsometric location of petroglyphs along the shorelines of the Yenisei and Tuba Rivers varies

and for most sites it went down due to the construction of Krasnoyarskaya Hydro-Electric Power Station (HEPS).

The Tuba suite rocks have different colors: brownish-gray-brown, reddish-brown with a shade of violet, less frequently gray, greenish-gray, light-brown, buff, and yellowish. According to their granulometric composition, they fall into a category of very fine-grained sandstone or just fine-grained sandstone. They contain varying amounts of clay. The presence of such material in rocks reduces their resistance to wind erosion, so that interlayers of these rocks are more disintegrated and often have a negative profile.

Quantity and Distribution of the Sites

The Minusinsk Basin is an outstanding phenomenon: this region is the most replete with concentrations of archeological sites in Siberia, and, possibly, Russia. Here, on a relatively small territory, there is a concentration of thousands of sites such as burial mounds, settlements, rock art, statues, sacred places, all of which date from the Paleolithic to ethnographic modernity. According to a summary report by Vadetskaya (1986:159-166), there are 107 rock art sites here.

Rock Art Dating

The research on Minusinsk petroglyphs is at a high level. There is hardly another region in the world where rock art sites are as thoroughly studied and attributed culturally and chronologically. This is primarily due to a long history of research on both petroglyphs and other archeological sites in the Minusinsk Basin, thus ensuring a solid source base for modern research. A significant quantity of excavated archeological items from different epochs, a well-elaborated chronological scale of archeological cultures and a large series of items of ornamental and applied art that correspond to petroglyphs are at the disposal of rock art researchers.

Another specific feature is the common use of stone slabs, the surfaces of which still retain drawings that in one way or another relate to the archeological complexes they come from, in burial structures of different cultures throughout many millennia. Unlike petroglyphs on open rock faces, these drawings in some way relate to the archeological complexes they come from. Sometimes, the drawings were made specifically for a certain burial site or burial mound, so in this case the images were relevant to the funeral ritual. In other cases, slabs with drawings were simply used as construction materials. These could be slabs brought from the adjacent locations of petroglyphs or slabs and statues taken from sacred places or ruined burial graves from previous periods. In any case, the stratigraphic analysis of images found in archeological complexes, their location, composition, style, relation to burial and others enable researchers to pinpoint their cultural attribution and to compare them with images on rocks. In combination with other methods of dating (stratigraphic observations, stylistic analysis, comparison of drawing techniques, reference to dated petroglyphs from adjacent territories), this specific feature of the archeological study of the Minusinsk Basin provided a detailed chronological scale for rock art and its successful utilization for the attribution of petroglyphs in adjacent areas.

In the framework of existing ideas about a shift of cultures in the region, eight major cultural and chronological stages of rock art can be identified in the Minusinsk Basin. Petroglyphs created in a so-called *Minusinsk style* are considered as the most ancient. Sher described specific features of this group's style and classified the images in the Minusinsk style as "the earliest drawings in the Middle Yenisei not excepting their Upper Paleolithic age" (Sher 1980:190-193). The archaism of this rock art stage is evidenced by large-sized figures, stylistically distinctive (massive body, small head with a snout protruding forward, "dangling" legs, a certain extent of skittishness, etc.), a set of

images reflecting the world around a primordial hunter (deer, wild ox, elk, bear, wild boar, wild horse, roe deer), primacy of images (compositions are freely arranged on the most convenient surfaces, the drawings never overlap others, while being themselves covered with later ones). Images in the Minusinsk style are found on rocks at Tepsey, Ust-Tuba, Oglahy, Suhaniha, Moseyiha, Shalabolino as well as near the village of Troitskoye.

Another stage, in the so-called *Angarian style*, mainly found on the same sites and often along with petroglyphs in the Minusinsk style, is supposedly dated to the Neolithic and Eneolithic (Chalcolithic) periods. Researchers point out their striking similarity with realistic images of elk in the Angara, Yenisei, and Tomi. This stage of petroglyphs is dated to the Neolithic period because of its similarity to sculptural images from archeological complexes and to the predominance of elk images. Angarian Neolithic petroglyphs enable us to date similar elk images from other areas such as Tomi, Altai, Minusinsk Basin (Podolskiy 1973: 269-271; Sher 1980:187-190; Pyatkin & Martynov 1985:118-121, etc.). This series of petroglyphs is the most numerous and representative around the Yenisei. We believe that the Angarian style can be confidently inserted into the chronological scale between the Minusinsk style and the Okunevo style. This is supported by superimpositions, analysis of images and motifs, and patterns of stylistic development.

The most ancient images cannot be dated from style and stratigraphy but only indirectly, while subsequent stages of Yenisei rock art allow for quite accurate cultural and chronological attributions by comparison with small items of plastic art, statues, and slabs with drawings found on well dated archeological sites.

Petroglyphs relevant to the *Okunevo culture* (middle of the 2nd millennium BC) are found in most of the rock art sites of the Minusinsk Basin. They are easily identified by their characteristic and particularly expressive style, since similar images are known from the drawings on slabs of Okunevo burial grounds, stone statues, and stelae. Most researchers support the idea of a monoculture for various pictorial art sites designated as Okunevo. Okunevo rock drawings demonstrate a number of techniques: most of them are painted with ochre (although color drawings are unrepresentative of rock art in the Minusinsk Basin), others are engraved, pecked, and abraded, still other drawings show a combination of techniques. The Okunevo stage is most widely represented in the Shalabolino concentration of petroglyphs, with pecked and ochre-painted images of masked anthropomorphs, masks, birthing women, syncretical images of predators, solar symbols and signs (Pyatkin 1981:85-109). Other very few Okunevo drawings (frequently single drawings) among numerous images from other periods (Suhaniha, Moseyiha, Ust-Tuba, Oglahy, near the village of Troitskoye, Cheryomushniy small ravine) are found on other sites or on monocultural sites composed of one or two-three Okunevo compositions such as Kantegyr, Kundusuk, Dzhok, Koroviy small ravine, Tyurya Mount and Sulek V in the complexes Sulek, Izyryh-Tas, Pora-Tigey, Ashpa and others.

Petroglyphs of the *Late Bronze Age* (11th-8th centuries BC) are easily identified because of their typical geometric type of drawing and of the discovery of a series of such images on tablets from burial grounds of the Karasuk culture. Pyatkin posed the problem of isolating the Karasuk stage for petroglyphs of Southern Siberia. Discoveries of images on tablets from Karasuk and later graves are the basis for the attribution of these petroglyphs. Series of Karasuk drawings on multi-layered sites such as Bychiha, Shishka, Oglahy III, IV and VIII, Suhaniha IV, Tepsey II and III, Ust-Tuba V, are the most representative. Only Karasuk images are found on monocultural locations like Suhaniha VI and Sedlovina II. However, the issue of the cultural attribution of this stage of petroglyphs remains open and the identification of these petroglyphs as those belonging to Karasuk is important for chronology, since "chronologically...during the Late Bronze Age in the south of the Minusinsk Basin, there existed sites of the Karasuk culture, Kamennolozhskiy period

(or Luga culture) and transitional Karasuk-Tagar period (Bayin period), the nature of whose relations has not yet been finally established” (Savinov 1993:69-70).

In the Early Iron Age, the territory of the Minusinsk Basin was populated with tribes of the *Tagar culture* (7th -1st centuries BC) who, culturally, were quite different from related Scythian cultures. They are original among Scythian cultures and mark the Yenisei steppes with countless burial mounds with tall cornerstones as fences. Excavation materials from these kurgans and occasional discoveries yielded a huge series of samples of the Tagar ornamental art. A comparison of these artifacts and works of art with those of other territories in the Scythian world that are similar in style and iconography, and with motifs of rock art helps to identify a large petroglyphic stage of the Scythian period on sites of the Minusinsk Basin; images on slabs of Tagar kurgan fences are also helpful. Petroglyphs of this period are the most numerous on the rocks of the Minusinsk Basin and are found everywhere. In general, rock art of this intricate period of history is of great interest to researchers from the perspective of ethno-cultural attribution of its constituent stylistic groups.

The chronological attribution of petroglyphs of the *Tashtyk culture* (1st-7th centuries) is easy because of stylistic specifics that only pertain to this culture. Images of horses with distinctive plumes on their heads as well as engravings on birch bark and wooden planks from a burial vault of the Tashtyk culture provide a rare opportunity to indisputably, absolutely, and conclusively identify the relevant stage of petroglyphs (Kyzlasov 1960: 91; Gryaznov 1980:144-146). Most known Tashtyk petroglyphs come from the north-western areas of Khakassia such as Podkamen and Oshkol, and petroglyphs near Lakes Tus and Belyo. Petroglyphs of the Yenisei-Tuba group within Tashtyk burial grounds such as Oglahy and Tepsey include a still little-known but important stage of Tashtyk art. Petroglyphs of the Tashtyk culture are found among the Suhaniha, Tepsey, Oglahy, Shalabolino, Kunya, Ilyin and Georgiev petroglyphs, on Mount Sedlovina I, and others.

Petroglyphs from the *Period of Yenisei Kyrgyzes* (9th – 10th centuries) are defined by a combination of Tashtyk style and drawing canons that are indicative of the entire Ancient Turkic period. Images of armed horsemen on dashing horses, with their manes trimmed, fighting with their enemy or hunting are common throughout the vast territory from Mongolia to the Danube. One reference site for the research of history and art of the Eurasian peoples in the Early Middle Ages is rock Sulek in Khakassia. Engraved drawings of the “Great Kyrgyz Power” period are found on many other sites in the region – among the petroglyphs at the Ulazy, Shalabolino rocks, among Turanian petroglyphs, on Mount Georgievskaya, in Oglahy and others.

Drawings of *the Late Middle Ages* are found on most sites of the Minusinsk Basin, but their analysis and attribution are difficult due to a practically total absence of relevant archeological data. Thus, an entire series of interesting panels was found on rocks at Oglahy IV which cannot be attributed to any of the above-mentioned cultural and chronological groups. They also differ from drawings of the ethnographic period. Their research and identification is a problem for the future.

Images of the *ethnographic period* (17th century - beginning of the 20th century), as numerous and diverse as ancient petroglyphs, are found everywhere. Their dating is based on ethnographic comparison of images on household items and shamans' drums. Drawings of ethnographic modernity are found on rocks at Shalabolino, Suhaniha, Kunya, Tepsey, Ust-Tuba, Moseyiha, Bychiha, and others, but Khakassian drawings in Oglahy prevail in quantity of drawings and diversity of motifs and images.

Content and Forms of Available Documentation

The research of drawings on rocks and stelae in the steppes of the Middle Yenisei began in the 18th century with an expedition of D.-G Messerschmidt and has continued for almost three centuries.

Over this period, the territory has almost completely been surveyed, sites have been identified and most of them have been researched on many occasions. A.-V. Adrianov completed a vast amount of work documenting rock art in the Minusinsk Basin at the beginning of the 20th century. He provided detailed descriptions, photographs, and paper copies from several dozens of petroglyphs (Adrianov 1904a, 1904b, 1908, 1910 etc.). His scholarly level and his work were very advanced for his time and his archives are still of high value to researchers. Some sites studied by him no longer exist and his petroglyph tracings remain the only source available.

The second period of most intensive research of the Yenisei petroglyphs took place in the 1960-70's because of the construction and impact of the Krasnoyarsk and Sayan-Shushen HEPS reservoirs. Numerous rock art sites along the banks of the Yenisei, invaluable from a cultural and historical perspective, were submerged together with thousands of other archeological sites. A special crew led by Ya.-A. Sher was summoned to survey the petroglyphs of the Middle Yenisei. They did a colossal work documenting major soon-to-be-flooded locations (Sher 1980:139-169).

In recent decades, researchers from Minusinsk, Abakan, Krasnoyarsk, Kemerovo, Moscow, and St. Petersburg have been working on the Minusinsk Basin sites. In addition, a number of international expeditions also took place. A tremendous amount of information was collected, which, regrettably, still remains unpublished. Besides numerous articles about individual compositions and figures, monographs on only two large sites – Kunya (Vyatkina 1961) and Shalabolino (Pyatkin & Martynov 1985) - were published prior to 1994. Information on smaller sites (Greater and Minor Boyar Petroglyphs (Devlet 1976), Koroviy Small Ravine (Leontyev 1976) and Kantegir (Leontyev 1985)) was published. The situation changed with full publications on sites in the series “*Répertoire des Pétroglyphes d’Asie Centrale*” in French (Sher 1994; Blednova *et al.* 1995; Sher & Savinov 1999). A recently published monograph (Semyonov *et al.* 2000) contains modern documentation about two of the northernmost sites of the region– Karatag and Kedrovaya. Nevertheless, the main richness of the petroglyphs in the Minusinsk Basin is only known to a narrow circle of researchers working there.

Conservation of Rock Art Sites

In July and August 2002, integrated surveys of the preservation status of the following locations of rock art were completed within the framework of the “Preservation Status of Rock Art Sites” Project implemented by an Interregional Public Organization, the “Siberian Association of Primordial Art Researchers”: petroglyphs in Mounts Suhaniha and Moyiseiha, Shalabolino petroglyphs within the Minusinsk district, on Mounts Tepsey and Bychiha within the Krasnoturanskiy district (Krasnoyarsk Territory); petroglyphs on Mount Kunya in the Ust-Abakan District, Boyar petroglyphs, petroglyphs near Troitskoye village and petroglyphs on Mounts Oglahy in the Bograd District (Republic of Khakassia). The expedition included researchers on rock art, restorers, a geologist, a lichenologist, and experts on the conservation of sites and the management of cultural heritage.

The most important and somewhat documented rock art sites in the basin of the Middle Yenisei were examined. The current condition of petroglyphs was compared to their former state as shown in the records of previous years. The impacts of the construction of Krasnoyarsk HEPS on the sites within the area of the dam were identified; recommendations for the conservation of sites were made. We took many photographs in order to help with future monitoring of the conservation of the surveyed sites.

The research undertaken permitted us to identify the main objective of conservation efforts, i.e. eliminating the cause of increased moisture content of the petroglyphs. This means restoring those conditions under which petroglyphs have existed for a long time and have been preserved until our

day. However, it is impossible to completely tackle the problem pertaining to sites found within the operating range of Krasnoyarsk HEPS due to irreversible changes in hydrological conditions.

Protective structures –deflectors and awnings– can be effectively used on many locations. There is a need to arrange for drainage gutters in order to prevent the penetration of melting snow and rain on rock faces with petroglyphs. A technology for fixing surfaces that was first used on the Shishka petroglyphs could be recommended for the Yenisei sites.

A quite effective method of removing lichen from rocks could be applied using a hydrogen peroxide and ammonia solution that does not contaminate the rock due to its quick decomposition and volatility. Layers treated with the solution are mechanically removed from the rock surface with a bristled brush and water after a short time (30 minutes to 1.5 hours).

Removal of painted inscriptions and drawings from rock surfaces is possible with the use of compressors and pastes based on a mixture of organic solvents, natural and artificial sorbents and thickeners. Cleaning solutions for different types of paint – oil, polyvinyl-acetate, nitrocellulose enamel, etc.– were developed.

In 2002, a team of specialists from the State Research Institute of Restoration (Moscow), who have experience in the conservation and restoration of rock art sites in Eastern Siberia -E.-N. Ageeva, N.-L. Rebrikova and R.-V. Lobzova,– worked at the Sulek site. They developed recommendations and suggestions on the conservation of petroglyphs. In 2003, an associate of the State Research Institute of Restoration, A.-V. Kochanovich, carried out the following emergency measures on the site: construction of a drainage deflector above the engraved surface at Sulek I; paint removal from the main surface with engravings; fixing a detaching rock crust using a method developed by E.-N. Ageeva and tested on Eastern Siberian sites: the crust is just fixed at the edges of detachment without filling the empty space underneath with restoration material.

Specialists in conservation E.-N. Ageeva and A.-V. Kochanovich experimented on paint removal from the main surface of the location in 2002-2003 on the Moseyiha site. They selected the required compositions of solvents and managed to clean some fragments of images.

Current Condition of the Sites and Major Threats

Risk threats to the preservation of rock art sites are diverse and are of natural (frost destruction, detachment of patinated crust layer, superficial mineral deposition, growth of lichen, and others) and human-induced origin. The natural protection of petroglyphs is threatened both by natural denudation processes and by landslides and mudslides caused by technical interventions (construction of the Krasnoyarsk hydropower installation). The latter are found on petroglyph sites located within the flood zone of the reservoir: Oglahy I-II, Tepsey-I, Ust-Tuba-III, Suhaniha-I, Shalabolino. These sites are most exposed to frost destruction caused by increased water content from the river. Most damage is found on sites characterized by low hypsometric level in relation to the water edge. The detachment of crusts on these sites is alarming.

Petroglyphs within the flood zone of the reservoir are exposed to a cycle of flooding and drying. Mud may completely cover the drawings, hiding them entirely.

Many surfaces with petroglyphs in the valley of the Middle Yenisei are covered with lichens. Damage to rock drawings by lichen is caused by the water content of the surface. Only surfaces protected from moisture due to atmospheric precipitation by overhanging ledges and that have either a vertical or negative inclination are free from lichen. The following dominant species of rich lichen flora on rock art sites were identified: *Lecanora muralis*, *Lecanora rubina*, *Lecanora frustulosa*, *Xantoria elegans*, species of genus *Aspicilia*, *Lecidea*, *Dermatocarpon*, *Collema*,

Parmelia conspersa, *Candelariella vitellina*, *Rinodina oreina*, *Dimelaena oreina*, species of genus *Leptogium*, *Acarospora* less frequently occurred.

Damage to rock art sites from human activity has two origins: construction (Krasnoyarsk hydropower installation) and vandalism. Processes of natural destruction of petroglyphs within the flood zone of the reservoir have intensified. Damage to petroglyphs due to visitors' vandalism is less acute for the sites of the Middle Yenisei due to the inaccessibility of most locations. The main type of damage includes inscriptions on top of drawings made in various paints, chalk, charcoal, incised and carved. Practically all sites contain traces of contact copying of petroglyphs such as inclusions of black paint in the rock.

The most important Rock Art Sites

Oglahty

The most prominent rock art site in the Minusinsk Basin is Oglahty, a large range of mountains on the left bank of the Yenisei opposite to and lower than the Tuba River junction at about 60km from Abakan. Petroglyphs are found on several sites either close to the water or at a significant distance from it. A total of eight sites were identified (Sovetova & Miklashevich 1999: 50). Each of them can be considered as an individual location topographically and archeologically.

The most famous petroglyphs are found on riverside rocks. They were the ones that attracted the attention of early researchers. Information about these petroglyphs appeared in the middle of the 19th century and individual drawings were, for the first time, published by G.-I. Spasskiy (1857:149). In 1885, the petroglyphs were examined by I.-T. Savenkov (1886: 64-65), who later published inaccurate copies of some drawings (Savenkov 1910). In 1887, members of an expedition led by I.-R. Aspelin traced several hard-to-reach compositions (Appelgren-Kivalo 1931:133-140). In 1904-1907, A.-V. Adrianov made the first reliable tracings/frottages. Unlike his predecessors, he not only examined relatively accessible riverside rocks, but also worked on rock outcrops at high altitudes and at a distance from the Yenisei (Mount Forty Teeth). Later, in 1967-1968, a team led by Ya.-A. Sher fully examined and copied them. The main objective of his expedition was to fully document rock art sites that were to be flooded by the Krasnoyarsk HEPS reservoir under construction (Sher 1980: 139).

Ya.-A. Sher identified two concentrations of petroglyphs on the riverside **Oglahty I and II**, and discovered a new site – **Oglahty III** – located high near the mountain edge that separates sites I and II. In total, these locations contain 141 surfaces with more than 700 drawings, most of them dated to the Stone Age; the Bronze Age, the Early Iron Age and the Middle Ages are also represented. The earliest drawings are in the Minusinsk style –wild oxen, horse, elk, and bear as well as fish and anthropomorphs with horned head-dresses. Among the Early Iron Age images, there are famous “marked” horses (Sovetova 1987a) and anthropomorphs in Scythian style head-dresses. Most petroglyphs are pecked, but some are engraved, abraded, or painted in red. The drawings of the Oglahty complex are fully published (Sher *et al.* 1994).

Oglahty IV is the most important site. A quantity of drawings were made on a series of rocks in the upper part of the southern slope of the mountain called “Forty Teeth”. A.-V. Adrianov began to make copies there (some surfaces retain his name). In the 1970s, N.-V. Leontyev, V.-F. Kapelko and L.-R. Kyzlasov worked there. Numerous ethnographic Khakassian drawings were partially published (Kyzlasov & Leontyev 1980). Beginning in 1978, a team lead by B.-N. Pyatkin (Pyatkin, Sovetova, Miklashevich 1998) worked on the site and by the early 1990s all the Oglahty IV petroglyphs were copied. We counted a total of 260 surfaces with more than 1,500 images. The overwhelming majority of drawings dates to later periods (18th-early 20th centuries) and are of great

interest for research on the beliefs and realities of Khakassian day-to-day life. There are quite a few images of the Karasuk, Tagar, and Tashtyk cultures and of the medieval period. The techniques include pecking and engraving.

Oglahty V is similar topographically, stylistically and chronologically. There are 60 surfaces with 130 drawings. All of them were published (Pyatkin, Sovetova, Miklashevich 1995).

Oglahty VI is also named Kizan. Drawings are scattered across a large area of undulating foothills of Mount Sorok Zubyeu, rather than concentrated into compact groups. Petroglyphs often occur on small rock outcrops, on southern smooth slopes, on adjacent uplands, and small ravines. This location is specific due to a large number of drawings (several thousands) on individual slabs. They were mainly made by the Khakassians who tended sheep in the foothills as registered by A.-V. Adrianov. A large collection of such slabs with ethnographic drawings was studied and published (Kyzlasov & Leontyev 1980), but earlier drawings were also found. For instance, there is a large slab with rare depictions of daggers, chariots, solar signs, horses, and deer dated to the Late Bronze Age (Pyatkin 1985). Quite a few small slabs were taken to museums. Rare images on rock outcrops also date to ethnographic times, but there are Tagarian drawings as well. We similarly dated one remote group of images located on rock outcrops deep between the mountains where Oglahty IV and V are located. About 15-20 surfaces include drawings of different periods: the most interesting is a horizontal surface with pecked images of wild horses and a bear dated to a very early period (Sovetova & Miklashevich 1999b: 55).

Oglahty VII is a small, but quite interesting group of early petroglyphs discovered by B.-N. Pyatkin on the riverside after the reservoir was built. The images are located in a rock niche in Bugaev Small Ravine higher on the slope over Oglahty I. Images of elk, oxen, wild boar and signs are pecked, abraded, and painted red.

Oglahty VIII is an isolated location of petroglyphs high in a small ravine over riverside rocks that begins at surface 109 of Oglahty I site (according to Ya.-A. Sher) and further along the ravine perpendicular to the bank. Dozens of drawings date to the Late Bronze Age/Early Iron Age (Chernyaeva 1987: 62-66).

On the whole, despite significant efforts made to document the Oglahty complex and to publish them, research on the site is far from complete with possible new discoveries of petroglyphs. In addition, we know numerous archeological sites from different periods including Tagar burial grounds, where images are found on their fences, as well as a well-known Tashtyk burial ground which began to be excavated by A.-V. Adrianov, a medieval fortress and many others.

Sulek

This is a set of sites along the Pechische River, a tributary to the Cherniy Iyus River in the vicinity of Kopyevo, a village in the north of Khakassia. This used to be *ulus* (settlement or nomadic camp) Sulekov, which gave its name to the major location -Sulekskaya pisanitsa. A summary report by E.-B. Vadetskaya names these petroglyphs Pechischenskiye (Vadetskaya 1986: 161).

The best-known of the sites is Sulek Pisanaya Gora (Painted Mountain), famous for its runic inscriptions and incised medieval drawings. It was for the first time examined by M.-A. Kastren in 1847 (Kastren 1860: 393). In 1887, a Finnish expedition led by I.-R. Aspelin examined Pisanaya Gora followed by Solyanaya and copied and described most of the drawings discovered and made a site plan (Appelgren-Kivalo 1931: 65-91). The high degree of precision in the copies is noteworthy: a copy of this composition published by Appelgren-Kivalo is still the main source for the Sulek petroglyphs, while individual drawings are reproduced in various publications. A.-V. Adrianov worked on the sites in 1909. He made 56 frottages and examined not only Pisanaya and

Solyana Mounts, but he also found drawings on two more mounts on the right bank of the Pechische River (Adrianov 1910: 41-53; Vadetskaya 1986: 161). One of the compositions he found (images of masks and a chimerical predator of the Okunevo culture) is of great interest and was published many times (Sher 1980, Fig.12 and others). In the second half of the 20th century, many Russian researchers (Leontyev & Kapel'ko 2002) studied the site. In the 1990's, the study of the Sulek petroglyphs was continued by Kemerovo University, museum-reserve Tomskaya Pisanitsa and others. During the same period, a Korean researcher Chang So Ho studied the site; he made fresh copies from major compositions on Pisanaya Mount not only to register drawings but also all damage ranging from the finest crevices to modern inscriptions (Chang So Ho 1999). In 2003, the documentation of the Sulek site complex was carried out under the guidance of E.-A. Miklashevich within the UNESCO CARAD project; conservation activities are also underway.

The Sulek complex is divided into seven sites.

Sulek I is the central location known as Sulekskaya Pisanitsa or Pisanaya Mountain (by Aspelin). This south-east mountain range is located on the left bank of the Pechische River, to the right of the road from Kopyevo to Saralu, across a turn to the Ustinkino village. Images are located low at the foot of the mountain, vertical outcrops of Devonian sandstone; all surfaces are on the same tier, facing south. This is the location of the famous rock with ancient Turkic runic inscriptions and many carved images of mounted warriors, fighting camels, deer, sheep and goats escaping from hunters and many other scenes. Next to it, there is another large multi-figured composition with a few dozen pecked images of anthropomorphs, horsemen, deer and other animals, relating to the Tagar culture. Further along the tier, there is still another dozen of smaller planes with less expressive images. There used to be a rare scene showing two anthropomorphs known from a drawing in a publication (Appelgren-Kivalo 1931:74-75), but they are gone.

Sulek II is the next ridge of the same mountain separated by a small depression. Aspelin designates it as Solyanaya Mount. There are no large rock outcrops. Drawings are found on several suitable surfaces. Basically, these are Tagar anthropomorphs and also an elegant Tashtyk engraving and inexpressive figures from later periods.

Sulek III represents several engraved and pecked images found high on outcrops of the southern slope of the mountain located to the south-east of Sulek I and II very near the road.

Sulek IV and **Sulek V** are on two mountain ridges of Mount Ozernaya located to the north-east of the Pisanaya and Solyana Mounts above bitter Lake Sulfat. The petroglyph location is also known as Sulfat or Ozernaya. Petroglyphs in both locations are found on a lower tier of rock outcrops on south-eastern slopes. One ridge is separated from another by a small depression in the ground overgrown with brushwood. Several engraved surfaces are found in each. A composition dated to the Tagar period with images of horsemen crowned with deer antlers hunting deer is of special interest among the Sulek IV petroglyphs. Regrettably, only the top part of this surface was preserved. Sulek V features a series of Okunevo drawings partially published by N.-V. Leontyev (1978, Fig. 12: 3, 14) including a unique image of a chimerical creature with a human body, a snake-arm and a predator head. There are also images of elk, horse, masked cows and a sun mask.

Sulek VI is a location on the mount after Mounts Pisanaya, Solyanaya, Ozernaya, almost 2km to the south of the lake. According to N.-V. Leontyev, there are early Scythian deer images made in the Arzhan style and other petroglyphs unusual for the Minusinsk Basin.

Sulek VII is a mount named Turya on the right bank of the Pechische River 3km south of Sulekskaya Pisanitsa. There is only one rock with images of the Okunevo culture on its steep slope

very high from the foot of the mountain. It was copied by A.-V. Adrianov and a fragment of his tracing was published by Sher Ya.A. (1980, Fig.12), while a full copy of the composition was made by N.-V. Leontyev (Leontyev & Kapel'ko 2002: 45). There are also pecked contour images of a horse, a chimerical predator on bird legs, masks, oxen and unidentified animals. Lower fragments of the surface are lacking, but its general condition is stable.

There are unclear references to several other petroglyph sites in the vicinity of *ulus* Sulekov and the Pechische River in the literature.

Research upon the archeological context of this region appears advisable. A burial ground related to the Tagar culture is to the east of Lake Sulfat. According to published data, a complex of sites from different periods was discovered and studied near the Ustinkino village. An Early Bronze Age settlement, a burial site, and a settlement dated to the Tesin phase of the Tagar culture were excavated on the right bank of the Chyorniy Iyus (Savinov 1976: 275) in addition to a Late Bronze Age burial ground that reflects contacts of the Irmen and Karasuk tribes (Savinov & Bobrov 1983: 34-71). A miniature stone statue dated to the Okunevo culture was found on a farm field near the Ustinkino village on the left bank of the Chyorniy Iyus River (Leont'ev & Kapel'ko 2002, T. 91: 225). Mountains in this district contain "sve" –fortification structures of the ancient Kyrgyz people (dating of these structures has been under review in recent times, so they possibly were erected back in the Okunevo period). Undoubtedly a list of archeological sites in the environs of Sulek is not limited to the examples presented.

Suhaniha

Mount Suhaniha is located on the right bank of the Yenisei, 12km above the mouth of the Tuba. Petroglyphs there are found on riverside cliffs and internal ravines of the rock massif on vertical blocks of Devonian sandstone arranged in tiers along the slopes. The Suhaniha rock art was examined for the first time in 1904 by A.-V. Adrianov who described it and made 96 tracings. He noted that he had only registered a small quantity of images (Adrianov 1904). In later years, the site was researched by Ya.-A. Sher (Sher 1980:141-142), M.-A. Devlet (Devlet *et al.* 1979; Devlet 1982), N.-V. Leontyev (1978 Fig.2; 1980 Fig.3), V.-F. Kapelko and others; individual drawings and compositions were published. A team led by B.-N. Pyatkin worked on Suhaniha in 1979, 1984, and 1990 to fully document the petroglyphs; a total of about 800 images on 150 surfaces were registered (Miklashevich & Pyatkin 1998; Sovetova & Miklashevich 1999: 51). In 1992, a French-Russian expedition led by H.-P. Francfort and Ya.-A. Sher worked there to make high-quality copies of several surfaces (Francfort & Sacchi 1993, fig.39-45). In 2002-2003, we continued documenting the Suhaniha petroglyphs, carrying out a special survey of the conservation of riverside surfaces, checking available copies, making site plans, searching and copying previously unknown images.

The complex is topographically divided into five locations.

Suhaniha I – riverside cliffs on the western slope of the mountain. Several surfaces with petroglyphs were found there. The earliest images are pecked on the lower tiers: large figures of deer made in the Minuskinsk style. There is also a niche with a surface covered with drawings from different periods ranging from an elk in the Angarian style to a small goat indicative of the Tashtyk culture. Geometric images of phallic figures are quite unusual and so are triangular and concentric circles with unclear dating. There is a large panel with images of armed and fighting people on one of the upper tiers of a cliff face accessible only from the top of the mountain. In addition to usual types of armour –bows, quivers, and arrowheads– there are rare images of shields and spears. The scene may be dated to a transitional period from the Tagar to the Tashtyk cultures.

Suhaniha II is a very long narrow site in the southern mountain massif located perpendicularly to the bank. Images are found on rock outcrops on several mountain ridges on the south-eastern slope. At the beginning of this location, there is a large panel entirely covered with carved images of humans and animals. Most of the images relate to the Tashtyk period, but there is also an overlapping Scythian image of a deer with its body decorated and an ancient Kyrgyz picture of a rider on horseback.

Petroglyphs on other panels often constitute multi-figured compositions, but there are single figures as well. Most images are engraved. On the second ridge a long frieze is completely covered with delicate carved figures of the Tashtyk culture. In general, the images here date from the Tagar period to ethnographic modernity with a clear predominance of Tashtyk drawings.

Suhaniha III consists of several panels on the south-eastern slope of a hill located between Suhaniha II and IV. Carved images of archers, anthropomorphs and deer are dated to the Tagar culture. There is also an unusual image of an elk, likely an imitation of a running elk on Big Frieze in Suhaniha IV.

Suhaniha IV is the location with the most numerous images on the south-eastern slope in the central part of the mount, to the south of Suhaniha II and III and to the east of the bank. The petroglyphs are on rock outcrops extending as five parallel tiers along the entire slope. The largest concentrations of images are on the second and third tiers. At the very end of the third tier is the main Suhaniha panel –called Big Frieze– a long wall of red sandstone completely covered with images of different periods (from the Neolithic period to ethnographic modernity), chiefly images of animals running from the left to the right. This surface was especially studied and some images published (Devlet 1982), but its potential is far from being exhausted. High concentration of images (one area 1.5 x 12m has over 130 figures), differences in technique and style, superimpositions, compositional links, location depending on the quality of the rock surface help to identify sequences of drawings, to determine the dynamics of filling the surface, and to clarify the chronology. The Big Frieze as well as several other multi-image compositions is used as a reference in dating the entire complex of Suhaniha petroglyphs. Other images on this site mainly date to the Late Bronze Age and Early Iron Age. An image of a chariot (Leontyev 1980, Fig. 3), rare in the Minusinsk Basin, is the best known among the former. There are also numerous engravings in a poor state of preservation dating to the medieval period in addition to drawings, *tamgas* (Altaic for “stamp or seal”) and other signs of the ethnographic period.

Suhaniha V is a north-eastern slope parallel to the Tuba River with a small group of images concentrated on one tier almost at the end of the mountain. Most of the petroglyphs are dated to the ethnographic period, while one composition relates to the Tashtyk culture (finely engraved images of a horseman and horses) and one more to the Okunevo culture (ornate anthropomorphs) (Leontyev 1978, Fig.2: 2; Miklashevich & Pyatkin 1998, fig.4).

Suhaniha VI is distant from the massif. The Suhaniha slope of the Tuba develops along the Potroshilovskaya lateral channel and stretches for several kilometers as a sequence of small uplands (Podsuhaniha Mounts) almost reaching the Tuba River, near Mount Moseyiha. Almost half-way from Moseyiha to Suhaniha these uplands split and form a narrow long passage, A.-V. Adrianov called this place “Schel” (“Scissure”). Several panels on the south-eastern slope have sketchy images of humans and animals related to the Karasuk culture.

In general, this site includes the complete cultural and chronological range of images identified in the Minusinsk Basin rock art (Sovetova & Miklashevich 1999:53-69). Petroglyphs can be relatively dated due to the presence of several multi-layered multi-image compositions such as the Big Frieze. The availability of numerous archeological sites of different periods, discovered and partially

excavated in the environs of Suhaniha, helps to correlate a certain stage of petroglyphs to a specific archeological culture. Podsuhanuha Gorge and all the terrace above the flood-plain along the Potroshilovskaya lateral channel between Mounts Suhaniha and Moseyiha is replete with archeological sites. Some of them were excavated because of the Krasnoyarsk HEPS reservoir, while others were discovered after the flooding and many sites were at risk of destruction due to fluctuations in water level and design flaws that necessitated remaking the shoreline far beyond the level initially planned. According to published data the following were found on the territory: burial sites and tombs of the Afanasevo, Okunevo, Karasuk, Tesin, Tashtyk cultures and of the ancient Kyrgyz period, a settlement of the Tashtyk period, cultic structures of the Okunevo culture and the Tesin period (Zimina 1959; Gavrilova 1964; Ivanova 1968; Leontyev 1979:243; Vadetskaya 1986:39, 69, 112, 150; Leontyev & Nagler 1995; Sher *et al.* 1997:375). The Okunevo statue -used as a cornerstone- was found in the fence of Tagar kurgan, 2km south of the Nikolopetrovka village (Leont'ev & Kapel'ko 2002, T.52:147). Archeological research at Suhaniha continues.

Moseyiha (Petroshilovskaya)

Mount Moseyiha (also referred to as Moseyiha, Stepaniha, Moiseev Mount) is located on the right bank of the Yenisei at the mouth of the Tuba River, on its left bank, 12km down the road from Suhaniha. The Potroshilova village was in the vicinity before flooding by the reservoir, so the petroglyph site on the southern slope of the mount was called Petroshilovskaya. This name was known to L.-F. Titov and mentioned by G.-I. Spasskiy (Spasskiy 1857:151) and N.-I. Popov (Popov 1872:279). In 1885, it was surveyed by I.-T. Savenkov who later published some not very clear sketches of several images (Savenkov, 1886: 60-61; 1910, tables II, V). In 1904, the Moiseev Mount petroglyphs were researched by A.-V. Adrianov, who noted that the site should be called Petroshilovskaya after Titov and Spasskiy who knew nothing about the existence of other petroglyph sites near the Portoshilova village (Adrianov 1904). Adrianov also made 11 tracings of petroglyphs from the Yenisei slope of Moiseev Mount and examined another petroglyph site known as L'nischenskaya on the northern Tuba slope, where he made 7 more tracings. In 1980-1981, N.-V. Leontyev fully researched the Mount Moiseyiha petroglyphs: he provided descriptions, discovered many images unknown to his forerunners, found finely incised drawings; an artist, V.-F. Kapel'ko, made copies of most surfaces. Leontyev divided the Moiseyiha petroglyphs in relation to the topography of the hill, with a total of 35 panels that regrettably remained unpublished.

This site was researched by E.-A. Miklashevich in 2002-2003 to study the status of preservation and opportunities for restoration and conservation measures, as well as to draw up a comprehensive documentation (copies, description, photographs, site plans, survey of adjacent rock outcrops). The single complex includes several locations of petroglyphs.

Moseyiha I is a compact group of 10 panels on the south-western slope of the hill near a riverbank. It is also known as Potroshilova Pisanitsa. Images date to the earliest stage of the Minusinsk Basin petroglyphs. They are original, in the Minusinsk style with large deer, oxen (*Bos primigenius*), elk, and animal heads. Animals are almost vertical with their heads pointing upward as if they were swimming and one elk is upside down. There are also several anthropomorphs with raised hands. Moseyiha is a kind of epicenter of images in the Minusinsk style. From Moseyiha one can see the Ust-Tuba and Tepsey rocks, the Oglahy riverside cliffs on the opposite banks of the Tuba and Yenisei Rivers and Suhaniha across the valley, i.e. the main concentrations of similar images except for Shalabolino Pisanitsa located upwards of Tuba. In addition, the concentration of images itself is located in an exclusively natural surrounding: surfaces of Devonian sandstone with petroglyphs form a picturesque background; the mountain slope opens onto a sandy beach with an adjacent pine forest. As mentioned above, this site provides a striking panorama to the Yenisei and Tuba and to all rock art sites within the Yenisei-Tuba group –Oglahy, Tepsey, Ust-Tuba, Suhaniha and Kunya. It could be a “field museum”.

Moseyiha II is located further east along the ravine on the south-eastern slope of the same ridge as Moseyiha I. About a dozen panels with carved and incised drawings were found here on several tiers rather high on the slope. For the most part, one can see little-known figures of goats, unspecified animals, anthropomorphic figures, horsemen, horses. Their dating is unclear; they are most likely later paintings, since their patina is quite light. A famous panel includes horsemen on rock outcrops almost at the very top of the mountain. In the center of a composition a series of four aligned riders on horses with raised tails seem to belong to the Early Tagar period. On their right, a horseman with a whip, undoubtedly later, was clearly executed in imitation of the Tagar images.

Moseyiha III is still further east on the south-western slope of the last ridge. There are also more than a dozen panels, with a majority of insufficiently expressive images. However, some images rarely occur on the rocks (most are known from gravestones), such as images of exquisite Okunevo cows in the Razliv style as well as several Tagarian horsemen.

In 2002, we thoroughly examined the rock outcrops on the Tuba bank of Moseyiha, where according to the description of Adrianov there should be a location called L'nischenskaya Pisanitsa. Adrianov describes several compositions with horsemen. Neither Sher (Sher 1980:146) nor Leontyev were able to find them. Possibly, the petroglyph site was gone before flooding by the reservoir (Adrianov points out its poor state of preservation), and, if not, then the immersion under water must have ruined the site. We managed to find only one intact panel, called Moseyiha IV.

To the south of Moseyiha and closer to the range of the Podsuhanuha Mountains, an isolated hill is unnamed. Almost at its top, on the south-western slope, we found a series of rock outcrops with about 15 engraved panels dating from the Bronze Age to the Middle Ages, including engraved scenes of the Tashtyk culture. We called the place Moseyiha V.

Moseyiha and Suhanuha must be considered as part of a single archeological complex that includes the listed groups of rock drawings and numerous archeological sites found between the two mounts at the confluence of the Yenisei and the Tuba.

Tepsey

The famous two-headed Mount Tepsey is located on the right bank of the Yenisei where the Tuba River joins it, on its right bank. The western slope of Tepsey descends in picturesque steep precipices to the Yenisei. Rock art and runic inscriptions are found there at different altitudes. L.-F. Titov first reported it and copied drawings in 1850, but G.-I. Spasskiy was the first to publish them (Spasskiy 1857:35), providing an incorrect location for the petroglyph site. In 1904 and 1907, A.-V. Adrianov counted more than 251 images, 186 signs, 353 letters and made 9 frottages of images located near the bank of the Yenisei (Adrianov 1904). In 1907, he discovered a small cave 20m above the river with four lines of runic inscription consisting of 166 letters and animal figures on the walls (Vadetskaya 1986:163)). A team led by Ya.-A.Sher (Sher 1980:147) comprehensively examined the Tepsey riverside rocks in 1968; four individual locations were identified.

Tepsey I is on the south-western slope directly overlooking the Yenisei, where 29 panels with 112 images were registered. Most of them have deer, bulls, bears in the Minusinsk style (presumably of the Stone Age), as well as drawings of the Karasuk and Tagar periods.

Tepsey II is a site on the north-eastern slope, separated from the main massif by a hollow, where 57 panels with 194 drawings were discovered that can be attributed to the Bronze Age and to the Tagar and Tashtyk periods.

Tepsey III consists of one panel high on the slope above Tepsey I, with images of horses and other animals from the Late Bronze Age.

Tepsey IV is a small cluster of petroglyphs also high on the slope, but further south, closer to the Tuba River. One image stands out among the drawings, which can be attributed to the Tagar culture – an outline drawing of a syncretic being with a head turned back, goat horns, a horse's body, a beak and wings of an eagle on the croup (Sher 1980, fig.73; Sovetova 1993). Even after the flooding by the Tepsey reservoir in 1983-1984, a team led by B.-N. Pyatkin worked there; they discovered and copied 37 panels on four separate ridges separated by valleys. An interesting scene of a "procession" of feline predators stands out among other images (Pyatkin & Chernyaeva 1986b:89-98).

Tepsey V is a small area on the top level of the south-western slope. A unique battle scene of the Tagar culture includes 36 images of cavalry and infantry soldiers, armed with clubs and axes (Sovetova 1987b).

Petroglyphs from all the Tepsey sites were published (Blednova *et al.* 1995; Sovetova 1995), but the site documentation cannot be considered as complete. New surfaces continue to be discovered. For example, in 1997, we found a composition of a bull and a goat in the Scythian-Siberian style deep in the ravine within Tepsey II (Miklashevich 2003, fig.9). In 2002, images painted with ochre were discovered among known petroglyphs of Tepsey I during the survey of the preservation of images on riverside cliffs that used to be submerged. In 2003, S.-V. Pankova found a composition of incised images of the Tashtyk culture. It is possible that new panels may be found in the survey of inaccessible areas in the upper part of the mountain slope.

At the foot of Tepsey, on a narrow one-kilometer long strip of terraces, the Krasnoyarsk Expedition from the Leningrad Department of Archeology Institute led by M.-P. Gryaznov unearthed 19 archeological sites belonging to 11 different historical periods from the Afanasevo to the Kyrgyz periods in 1964-1967 (The complex of archaeological sites at Mount Tepsey on the Yenisei 1980). Finds from these excavations are not only interesting in themselves (it will suffice to mention a discovery of wooden plaquettes with carved Tashtyk drawings!), but they also provided abundant material for clarifying the periodization of cultures of the ancient tribes in the Minusinsk Basin. Comparing materials and stratigraphic information provided by the rock drawings on Tepsey Mount is another perspective of research.

Ust-Tuba

This site is located on the southern slope of the same Tepsey mountain along the right bank of the Tuba River almost up to the Listvyagovo village. Rock outcrops with images occur in groups for six kilometers. Most images were copied by A.-V. Adrianov. In 1968, the site falling within the area of the reservoir was examined in full by a group led by Ya.-A. Sher (Sher 1980:148-153). Six sites were identified.

Ust-Tuba I, II and III are separate sites directly on the riverside rocks. Ust-Tuba IV and VI are small groups of drawings located high on the crest of the ridge with group III stretching at its foothill. Ust-Tuba V is quite a large concentration of petroglyphs at the bottom of a ravine with group II located at its entrance. A total of 197 surfaces with 955 images were registered on this site and the results of this work were published in full (Blednova *et al.* 1995). In 1992, a joint French-Russian Expedition led by H.-P. Francfort and Ya.-A. Sher worked on the site to make new copies of some surfaces on Ust-Tuba II (Francfort & Sacchi 1993, fig.27-34), to research the ecomorphology and geomicrobiology (Soleilhavoup 1993:17-20), and to measure temperature and moisture changes on one surface over twenty-four hours and to develop recommendations on conservation (Vidal 1993:22-29). Findings of this research were also published in a collective monograph (Blednova *et al.* 1995).

The Ust-Tuba images are very interesting and diverse and attributed to various cultural and chronological groups. The earliest drawings were made in the Minusinsk style, possibly in the Stone Age. Some images are dated to the Bronze Age with prominent images of masks and anthropomorphs of the Okunevo culture, but more mysterious ones include huge oxen of Ust-Tuba II, unlike any other Yenisei images, but often resembling some petroglyphs of Central Asia (Sher 1980:193, fig.76). Stratigraphic observations enabled N.-V. Leontyev to suggest their Eneolithic age (Leontyev 1995:57-58). Early Scythian images are extraordinarily interesting and well-represented on this site. There are also images of Tagarian horsemen, individual drawings of the Tashtyk culture, and medieval images and signs. In addition, there is a large number of various images and scenes without accurate dating.

Bibliography

- Adrianov A.-V. 1904. - *A report on Research of the Pisanitsas Minusinsk Region in the Summer of 1904*. Manuscript. Archive of Archaeology and Ethnography Museum of Tomsk State University. Unit of Issue 55.)
- Adrianov A.-V. 1908. - Survey of Pisanitsas in the Minusinsk Region in the Summer of 1907. *Bulletin of the Russian Committee for the Study of Central and East Asia*, Vol. 8. Collection of Works.
- Appelgren-Kivalo J. 1931. - *Altaltaische Kunstdenkmahler*. Helsinki.
- Blednova N. et al. 1995. - *Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale, Fascicule No. 2: Sibérie du Sud 2: Tepsej I-III, Ust'-Tuba I-VI (Russie, Khakassie)*. Diffusion de Boccard, Paris, 153 p., figs., 93 pl.
- Castrén M.-A. 1860. - Travel of Alexander Castren in Lapland, northern Russia and Siberia. *Magazine of Geosciences and Travel*. V. 6. Part 2. M.
- Chang So Ho 1999. - *Rock Art of Central and East Asia (the cultural and historical development and issues of interpretation)*. Synopsis of a Ph.D. Thesis. St. Petersburg.
- Devlet M.-A. 1976 - *The Great Boyarkaya Pisanitsa*.
- Devlet M.-A. 1982. - *Petroglyphs on a Nomadic Path*. M.
- Devlet M.-A. 1996. - *Petroglyphs of the Yenisei. The study of XVIII-early XX centuries*. M.
- Devlet M.-A., Bader N.-O., Darkevich V.-P., Leontyev N.-V. 1979. - Petroglyphs of the Yenisei. *Archeological Discoveries*. 1978..
- Francfort H.-P. & Sacchi D. 1993. - Archéologie et histoire de l'art. Francfort H.-P et al. *Art rupestre du bassin de Minusinsk: nouvelles recherches franco-russes*. Arts Asiatiques, Tome XLVIII.
- Gavrilova A.-A. 1964. - *Graves of Later Nomads near Suhaniha Mount on the Yenisei*. Soviet Archaeology. No. 2.
- Ivanova L.-A. 1968. - Podsuhanika Burial Site and Some Specific Features of Afanasevo Gravestone Structures. *Summary Reports of the Institute of Archaeology*. Vol. 114.
- Kyzlasov L.-R. & Leontiev N.-V. 1980. - *Folk Drawings of Khakassians*. M.
- Leontiev N.-V. 1979. - Works in the Minusinsk Region. *Archeological Discoveries in 1978*. M.
- Leontiev N.-V. & Kapel'ko V.-F. 2002. - *Steinstelen der Okunevo -Kultur*. Archäologie in Eurasien. Band 13, Mainz.
- Leontiev N.V. & Nagler A. 1996. - Excavations at the foot of Suhaniha Mount. *Archeological Discoveries* 1995.
- Miklashevich E.-A. 2002. - About the project of the Siberian Association of Primordial Art Researchers on Conservation, Preservation of Sites and Museumfying Rock Art. *Bulletin SAPAR* No. 5 Kemerovo. M.
- Miklashevich E.-A. & Pyatkin B.-N. 1998. - The petroglyphs at Sukhanikha Mountain (Middle Yenisei). *International Newsletter on Rock Art*, 21:18-23.
- Popov N.-I. 1872. - About the Pisanitsa of Minusinsk Region. *Bulletin of the Siberian Branch of the RGS*. Volume 3, No. 4-5, Irkutsk.

- Pyatkin B.-N. 1980. - Early Petroglyphs of Shalabolino. *Archaeology of South Siberia*.
- Pyatkin B.-N. 1985. - A Rock with Images Kizan Gorge (Mount Oglakhty). *Problems of Ancient Cultures of Siberia*. Novosibirsk.
- Pyatkin B.-N. & Martynov A.-I. 1985. – *Shalabolino Petroglyphs*. Krasnoyarsk. Kemerovo.
- Savenkov I.-T. 1886. – In Addition to Exploration of Archaeological Materials of the Middle Yenisei. *Bulletin of the Eastern Siberian Department of Imperial Russian Geographic Society*. V.17.
- Savinov D.-G. 1976. - Sites in the Northern Foothills of the Kuznetsk Alatau. *Archaeological Discoveries 1975*. Science.
- Savinov D.-G. & Bobrov V.-V. 1983. - Ustinkinsky Burial Site. *Archaeology of South Siberia*. Kemerovo.
- Sher Ya.-A. 1980. - *Petroglyphs of Middle and Central Asia*. M.
- Sher J.-A. 1994. – Oglakhty I-III (Russie, Khakassie). *Répertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale*. Fascicule N°1: Sibérie du sud 1. Paris.
- Sher J.-A. & Savinov, D. 1999. – *Répertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale, Fascicule No. 4: Sibérie du Sud 4: Cheremushny Log, Ust'-Kulog; Stèles de Khakassie*. Mémoires de la Mission Archéologique française en Asie Centrale, tome V.4. De Boccard, Paris.
- Sovetova O.-S. 1987. - On the Question of Tagarian Armour (based on Petroglyphs of the Middle Yenisei). *The Archaeological Cultures of Eurasian Steppes*. Kemerovo.
- Sovetova O.-S. 1995. - Petroglyphs of Mount Tepsey. *Ancient Art of Asia. Petroglyphs*. Kemerovo.
- Sovetova O.-S. & Miklashevich E.-A. 1999. - *The Chronological and Stylistic Petroglyphs in the Middle Yenisei 9. Based on records of the Petroglyphic Party from Southern Siberian Archaeological Expedition from KemSU*. Archaeology, Ethnography and Museum Sciences. Kemerovo.
- Spassky G.-I. 1857. – On Most Remarkable Sites and Sites of Siberian Antiquity. *Proceedings of the Imperial Russian Geographic Society*. Vol.12. pp.111-182.
- Vadetskaya E.-B. 1986 - *Archaeological Sites in the Steppes of the Yenisei*.
- Vyatkina K.-V. 1961. - *Rock Art of the Minusinsk Basin*. Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography. Vol. XX.
- Zimina V.-M. 1966. – Afanasevo Burial Site in Tuba (Minusinsk Basin). *Siberian Archaeological Collection*. Novosibirsk.

See illustrations page 195

Rock Art in Central Asia

Conclusions

Jean Clottes, ICOMOS Expert

In the Introduction, I referred to certain difficulties faced in preparing this Thematic Study about the rock art of Central Asia, some of which are not specific to the region concerned. We will see two striking examples of this, first in documentation and then in the number of sites. In both cases, it is impossible to have a precise idea or even an approximate estimation of the situation.

This is often the result of a single cause: differences between the judgements of researchers. For example, when we are told that a site has been studied and documented, does that mean that – as in the best case scenario – tracings have been made of all the engravings or paintings? That the tracings have been properly drafted from the initial sketch? That there is a complete set of photographic documentation which has been digitalised? That the archives are kept in appropriate places? That they are well conserved and available for consultation? We have sometimes come up against the same problems and same uncertainties in the two previous thematic studies. In the present case, the difficulty is occasionally compounded by the obstacle of language.

There are also other differences in judgement concerning the number of sites. As in the case of the Sahara, it is impossible to get a fix on the number of known decorated sites, because “site” remains a vague and ill-defined concept in the minds of most contributors, who tend to refer to “locations”. For example, in Kyrgyzstan, the enormous “site” of Saimaly-Tash contains more than ten thousand decorated rocks, bearing more than a hundred thousand engravings. What is there in common between this exceptional concentration of rock art straddling two valleys, and an isolated shelter containing a dozen paintings or engravings?

These examples show the difficulty of providing a true overview. However, the considerable amount of work successfully carried out, in each of the countries considered, by the contributors to this work, sometimes in regions of immense size (such as Kazakhstan), should be acknowledged. This outstanding effort has provided us with a dual benefit: it supplies us with detailed and invaluable documentation about the major sites in the country considered and all their aspects; it also enables us to have a global view, despite the difficulties mentioned and the many local particularities, of the remarkable and relatively homogeneous ensemble formed by the rock art of Central Asia.

Overall profile

The region considered, which extends slightly beyond Central Asia as it is traditionally and narrowly defined, covers an area of some five million square kilometres. In this vast expanse, the dominant landscape is the steppe, whose northern limit is marked by the taiga and whose southern limit consists of deserts and mountains, through which pass valleys which are both areas of settlement and crossing places.

The distribution of rock art is clearly dependent on these landscapes and the resulting constraints, and on the lifestyles of the people who have adapted to them. From time immemorial, the steppes have been places marked by human interchanges and nomadism, and the same is true of some of the valleys in which there are concentrations of decorated sites. Mention may be made for example of the Yenisey and its tributaries in Siberia, the Kenkol and Ur-Maral Valleys in the mountains of Kyrgyzstan and above all the Naryn (or Syr-Daria) river valley which crosses several countries and

passes at one point through the great Fergana Valley, straddling Kyrgyzstan, Uzbekistan and Tajikistan, and is particularly rich in petroglyphs.

The altitudes for decorated sites vary considerably, from 200 metres to 300 metres (and up to 700 m) in the Minusinsk Depression, culminating at 4200 m in eastern Pamir (Tajikistan). In Kyrgyzstan, where the sites are at high altitudes (between 1300 m and 3500 m), Saimaly-Tash, which has already been mentioned, is located at between 3000 m and 3400 m and can only be visited for a few short midsummer weeks (and even then access is difficult). The access difficulties experienced in all the mountainous zones and all areas a very long way from communication routes are in fact the best guarantee of protection for the sites, as many authors have pointed out. The difficulties also provide indications about the roles played by the sites, as images left on a decorated cliff along a valley through which people frequently and easily pass cannot have the same function as rocks engraved far from any dwelling in the midst of the mountains, which can only be reached for three weeks a year.

The presence of water may also have been a decisive factor in the choice of sites in valleys or close to springs. In the Tajikistan mountains (Kurama and Mogoltau mountains), it seems that rock art is often located in the vicinity of springs.

The vast majority of decorated sites are situated at the foot of cliffs or under shelters, or consist of rocks in the open air. Painted and engraved caves are extremely rare (Khoit Tsenkher, in the Khovd aimag in Mongolia). The expression “cave” or “grotto” used in the contributions should not mislead the reader: unless specified otherwise, we are talking here about shelters of varying depths, or simply overhangs, which are not true dark caves for which lighting is required. In Turkmenistan, there have been reports of decorated “artificial cavities” dating from the 12th century to the 15th century AD.

The open air locations, and the resulting conservation problems in these severe continental climates - very hot in the summer and particularly cold in winter -, may be the reason why engravings (petroglyphs) very greatly outnumber paintings, and why the paintings (which are usually red) date only from the latest periods. The earliest paintings, if indeed there were any, must have disappeared as a result of natural phenomena.

The techniques used for this rock art – both engravings and paintings - are unsophisticated. We do not know of any geoglyphs similar to those referred to in the two earlier Thematic Studies: neither the terrain nor the conservation conditions were conducive to this type of art. The engravings are made by a dotting technique, by scraping or by the application of lines, sometimes using metal instruments in the recent periods. While animals or human figures with simple contours exist and are indeed not rare, the interior of the body is in most cases entirely filled in, and its mass is materialised. The red paintings are just as simple, with the same representation conventions as the engravings. Sculpture in most cases is only found in the statue menhirs, which may or may not be linked to kurgans. There are also many cupules, often of indeterminate age, which may or may not be associated with engravings.

There is a remarkable unity in the themes represented, despite inevitable chronological variations and local cultural particularities (described in the foregoing studies). There is indeed an “art of the steppes” on the rocks of Central Asia, consisting of animals, human figures and specific geometrical signs.

The major characteristics of this art include the predominance of the wild Caprinae and Cervidae (primarily elks and stags) compared with other animals. Figures of predators (cats, bears and wolves) are also represented, but more rarely, and the same is true of bovines and dogs. In later

periods, the horses are sometimes shown with riders or harnessed, and there are some representations of chariots. There are only a few representations of camels. There are a great number of scenes, primarily hunting scenes, either showing predators in action or human figures armed with bows and arrows hunting particular animals. This is one of the major features of steppe art.

Sometimes the human figures are fighting each other, particularly during the Iron Age, and sometimes they are dancing. There are also some erotic scenes (Tamgaly), childbirths, isolated human figures, sometimes with horns or antlers on their heads, which has often led to interpretations that they are shamans in action, particularly if they seem to be holding a drum. Amongst the original themes, some are far more frequent than in many other parts of the world: representations of fantastic animals, with the attributes of several species, locally termed “mythical” animals; composite creatures, i.e. humans with animal attributes, such as bird-men (Zaraut-Say in Uzbekistan). Geometric signs (solar symbols, meanders, crosses, circles, lines, etc.) are frequently encountered and diverse.

The chronological attributions are based on a variety of criteria. Fauna, if it is ancient: for example the presence of the mammoth or aurochs (even though the latter did not become extinct until the end of the 2nd millennium BC); patination, in varying degrees of darkness, and more or less complete; superpositions on panels bearing many designs; styles, determined either on the basis of these superpositions or in comparison with ceramic decor, portable art or funeral furniture which are well dated in the various cultures. This has enabled the establishment of local chronologies and particular styles, in a more general framework. In many cases however, our colleagues express more or less explicit doubts about the chronological attribution of certain sites or panels, particularly for the earliest periods.

The general chrono-cultural framework seems relatively classical: Paleolithic, Neolithic and possibly Chalcolithic (also known as Eneolithic) which is difficult to distinguish from the Neolithic, Bronze Age, Iron Age, Middle Ages, and the Ethnographic or Modern period up to the beginning of the 20th century.

Very few engravings or paintings have been attributed to the end of the Paleolithic, which is no surprise bearing in mind the physical and climatic conditions in these regions: images of mammoths have been reported at Tsagaan Salaa/Baga Oigor (Mongolia); engravings in the “archaic” style at Minusinsk (Siberia) may perhaps date from the end of the Paleolithic or the Mesolithic, but this is not certain. The so-called Mesolithic images are in fact just as rare (Shakty in Tajikistan?) and are often mentioned with a question mark.

It seems that the Neolithic probably marked the beginning of many graphic traditions in Central Asia. In Siberia, most of the Angara style which follows on from the Minusinsk style seems to date from the Neolithic, as does the mountain culture of Markansui in Tajikistan, together with certain sites in Kazakhstan (Toleubulak, Koskuduk), Uzbekistan (the paintings at Zaraut-Kamar, Siypantash, Aksaklatasay), Kyrgyzstan (Ak-Chunkur) and Tajikistan (Shakty).

On the other hand, well dated sites from the Bronze and Iron Ages are abundant in all areas. These were clearly the most productive periods for the art of Central Asia. The very great majority of the painted and particularly engraved works are attributable to the various cultures of these periods, as is clearly shown by all the national reports, to which we refer.

What also characterises this art is its continuity, in some cases right up to the 20th century. Rock art thus constitutes, as in other parts of the world, the longest uninterrupted artistic and cultural

tradition in Central Asia throughout at least the five millennia in which it has existed, and up to the dawn of the contemporary period.

Links with other zones

The links inside the zone in question are numerous. We have considered this issue to some extent in the “Overall profile” section. If there is a certain unity in Central Asian rock art, it is clearly because of the numerous close relationships inside the zone. Furthermore, certain major geographic regions (large valleys, for example Fergana) straddle several countries. It is these influences which are mentioned in the foregoing studies. For example, in Mongolia, the rock art traditions of Altai have significant parallels, in the same periods, in China, Kazakhstan and Kyrgyzstan. The links with other regions, whether or not they border on Central Asia, are less clear.

The immemorial communication route zones have however facilitated distant interchanges, which are in some cases mentioned in the studies. In Tajikistan for example, the mountain valleys and passes enabled contacts and interchanges with China, Afghanistan, Pakistan and India. As for Kazakhstan in its immensity, it has always been a zone which has enabled interchanges between the peoples of the Near and Far East, Siberia and Eastern Europe.

In Uzbekistan, it has been pointed out that some images of aurochs at Sarmishay were very similar to known representations in Azerbaijan, Gobustan, and further afield in the Arabian Peninsula.

Known sites

Only one site has been inscribed on the **World Heritage List (WHL)**, that of Tamgaly, in Kazakhstan, in 2004. In some cases engraved rocks exist in some sites inscribed on the basis of their rich natural heritage or for other reasons (“Sacred Mountain Sulayman-Too” in Kyrgyzstan, for example), but Tamgaly is the only one to have been inscribed essentially for its 5000 petroglyphs.

The **Tentative List** is better endowed, with 9 sites or sets of sites: 2 in Kazakhstan (Arpa-Uzen, Eshkiolmes), 3 in Mongolia (Aral Tolgoi, Tsagaan Sala, Khoit Tsenkher), 3 in Uzbekistan (Sarmishsay, Karaut-Kamar, Siypantash) and 1 in Kyrgyzstan (Saimaly-Tash). No sites of this type have been proposed for Southern Siberia, Tajikistan or Turkmenistan.

The number is therefore relatively limited, and some major sites - particularly Saimaly-Tash and Tsagaan Sala, but also Eshkiolmes and Sarmishsay – would merit inscription on the WHL in view of the number and importance of their engravings.

Significant sites

The significant sites whose existence has been reported, from west to east, are listed below. It should be noted that the locations chosen by the authors may include several separate sites in the same region, and this is indicated in brackets where appropriate. Those included in the Tentative List or inscribed on the WHL are not indicated in the following:

- **Turkmenistan (3 sites):** Butentau; Besh-Deshik; Besegli-Dere in the Chandyr Valley.
- **Uzbekistan (9 sites):** *Bukantau Mountains* (5 sites): Bohali; Uru; Chiili; Arkar; Kyrbukan. *Zarafshan Valley* (1 site): Aksakalatsay. *Western Tien Shan and Fergana Valley* (3 sites): Khodjakent; Varzik; Karakkivasay.
- **Tajikistan (12 sites):** *Western Pamir* (6 sites): Langar; Vybistdara; Akdzhilga; Shakhtry; Kurteke; Nayzatash. *Hissar Ali* (4 sites): Sai Mosrif; Dashti Eymakt; Vagashton; Soy Sabag. *Western Fergana* (2 sites): Kurnksay; Mogoltau Mountain.
- **Kyrgyzstan (25 sites):** *Northern Tien-Shan and Tallas Valley* (5 sets of sites): Zhaltyrak-Tash, Chiyim-Tash; ensemble of the Kenkol and its confluents; Maymak, Kurkuro-Suu.

Northern Tien-Shan and Issyk-Kul basin (6 sets of sites): Issyk-Kul; Cholpon-Ata; Karak-Oy; Chon-Sary-Oy; Chok-Tal; Tamchy. *Fergana Valley* (14 sites or sets of sites): Suuk-Dobo; Baychechekey; Kara-Kuldzhi; Sulayman-Too; Ayrymach-Too (Surottuu-Tash); Kerme-Too; Aravan; Chiylu-Say (Sahaba); Aravan Gorge; Surottuu; Okhna; Tash-Unkur; Chiygen-Tash; Eshme.

- **Kazakhstan (20 sites):** *Southern Kazakhstan* (7): Semirechye region; Kulzhabasy; Sholakzhideli Gorge & Kantau Mountain; Tamgalytas; Akterek. *Others*: Koybagar; Sauiskandyksai. *Northern Kazakhstan* (5 sites): Tesiktas Grotto paintings; Akbidayik Gorge; right bank of Olenti River; Besoa Valley; Kalmakemel Mountains. *Eastern Kazakhstan* (4): Akbaur paintings; Terekty paintings; Moldazhar Valley; Dolankara Mountains. *Western Kazakhstan* (4): Toleubulak; Koskuduk; Ustyurt and Mangistau Mountains.
- **Mongolia (north-east) (7 sites):** Tsagaan Salaa/Baga Oigor, Upper Tsagaan Gol, Bilüüt, Upper Khölsöötiiin Gol, Khar Yamaa, Boregtiin Gol;
- **Southern Siberia (Minusinsk Depression and Tuva region) (7 sets of sites):** Oglahy (8 sites); Sulek (7 sites); Suhaniha (6 sites); Moseyiha (4 sites); Tepsey (5 sites); Ust-Tuba (5 sites); Shalabolino.

In all therefore, 83 sites or sets of sites have been selected and described by the contributors from the seven Central Asian countries, in addition to the 9 on the Tentative List. Clearly this is a large number, and although the significant sites are indeed representative of this art form in this part of the world, clearly not all of them are of equal importance, and a choice should be made as to which ones should possibly be included in the UNESCO lists.

To make this choice easier, we cannot recommend too strongly the use of the criteria set out in *Rock Art: Pre-nomination guidelines* (L'art rupestre : orientations préalables à une proposition d'inscription), which is provided in an annex to this Thematic Study.

Documentation

Reports of Central Asian rock art began to emerge from a very early date, in the 19th century in some countries. P.-I. Demezou was the first to observe the petroglyphs in Uzbekistan in 1834, and in Tajikistan the same distinction went to an Englishman, H. Trotter, in 1879. Other petroglyphs were observed in Kyrgyzstan in 1896, and in the second half of the 19th century in Kazakhstan. In-depth study of the rock art did not however begin until the 20th century.

Official bodies and research organisations of course exist in the various countries. They may be attached to ministries, or to prestigious universities or research centres, such as that of Kemerovo in Siberia. All contribute to the study and documentation of the sites. Many excavations on nearby dwellings or funeral sites, which are indissociable from rock art sites, have also been carried out. Accounts are given of them in the reports.

Furthermore, specific research groups have been set up, particularly when major development projects are to be carried out, such as the construction of dams on the Yenisey which have submerged hundreds of sites. The considerable work then carried out (under the leadership of Prof. Ya. Sher) has enabled the recording of thousands of engravings which are now under water.

Mention should also be made of several international teams which work in close conjunction with local researchers and do invaluable work, such as those of E. Jacobson (United States) in the Altai in Mongolia, H.-P. Francfort (Paris) in southern Siberia and Kazakhstan, and A.-S. Hygen (Norway) in Kazakhstan and Norwegian teams in Uzbekistan and Kyrgyzstan, in the field of both archaeological research and conservation.

It is difficult to gain a clear and detailed picture of the mass of documentation which has been gathered (which is quite clearly enormous), and of its nature and its precise quality. The same applies to the location of depositories of this information. For Mongolia, however, this information is provided (University of Oregon and the Architecture & Ethnography Institute - Novosibirsk branch of the Russian Academy of Sciences) and the documentation seems to be fully satisfactory. The important sites on the UNESCO Tentative List have often been subjected to detailed surveys (for example: at Arpauzen and Koybagar in Kazakhstan)

It seems quite certain, to judge from the comments made by most of the presenters, that the recording and documentation work still to be carried out is considerable, and should keep several generations of researchers busy.

Research into importance of sites for indigenous peoples

The exact meanings of rock art and its cultural importance disappeared a long time ago virtually everywhere in the region in question.

In Uzbekistan, at Siypantash, which means “slippery stone”, a curious custom still survives. The sloping ground surface has been polished by generations of pilgrims who have traditionally slid down it. The place was used for rites, and is still held in great respect by the local populations. Mention is made of efforts to find ethnological information in the case of Sarmishsay, but no other details are given.

In Kyrgyzstan, near Suuk-Dobo, pilgrims go each year to carry out ceremonies of worship. The sites of Unkur-Tash and Chiyen-Tash are still said to be places of worship for the Kyrgyzes of the Bagysh tribe.

The traditional shamans of southern Siberia consider some rock art sites as “places of power” and on occasion hold ceremonies there (as I have personally witnessed).

Nevertheless, this does not amount to a great deal. The development of tourism may generate a new interest in rock art amongst the local populations, but in many locations, it seems to be largely ignored.

Legal protection

The countries concerned probably have laws which protect art and prohibit its mutilation and destruction. Little mention is however made of such laws. We have noted:

For Turkmenistan, mention is made of the Law on the Protection of Historic and Cultural sites of Turkmenistan (of 19 February 1992), which covers certain sites.

In Uzbekistan, the sites – registered by the “government” and in some cases acquired by it (Zaraut-Kamar) – are placed under the protection of the local authorities. Thus a Natural Archaeological Reserve was created at Sarmishay (2004) under the auspices of the Museum of History and Regional Ethnology of Navoi. Aksakalatasay is also included on the List of sites of local importance.

In Kyrgyzstan there is a List of sites of national importance which includes four major rock art sites. Theoretically, the local authorities and the State Agency for Culture are responsible for protecting the sites.

In Mongolia, Aral Tolgoi, which forms part of the Upper Tsagaan Gol complex, and Bilüüt are included in the National Park of Tavan Bogd and are protected on this basis.

In Kazakhstan, Tamgaly is of course on the State List of Sites of National Importance, and has benefited from the creation of the Tamgaly State Natural and Historico-Cultural Reserve. Eshkiolmes is included on the same State List, but the extension of its protection zone has not yet been determined, and no protection or management steps have been taken. The same applies to the major site of Tamgalytas, and to the sites of Siypantash and Aksakalatasay which are on the List of Sites of Local Importance, as indeed is Khodjakent.

Site conservation and management

As is frequently the case in regions which experience extreme climatic conditions, conservation problems arise less from natural causes than from human damage. In a zone in which the climate is extremely severe, rock art has always been subjected to highly adverse conditions, with considerable temperature differences between the seasons. Paintings and engravings excessively exposed to the elements have long since disappeared, particularly those dating from the early periods. Flaking, lichens and eolisation are affecting many decorated surfaces. The best approach in such circumstances is to record and photograph them in great detail before they are totally destroyed.

In Turkmenistan, the sites of Kyrk-Deshik and Byash-Deshik form part of the “Kunya-Urgench” State Cultural & Historic Sanctuary, and are accordingly protected, but no practical steps are being taken to ensure their protection. The situation is exactly the same at Bezegli-Dere. In point of fact these sites, like many others, are protected by being located in regions to which access is difficult.

In Uzbekistan, at Sarmishay, 12 staff were initially to have been taken on for the Reserve, but none of them has in fact been appointed, and no material protection has been put in place, despite the fact that tourism is growing and visitors are arriving at the site. Recently, a rock art association from the Institute of Archaeology (led by M.-M. Khujanazarov) has stepped in to protect and manage this major site. This was done under the auspices of the Research, Conservation & Management Project for the Cultural and Natural Heritage Site of Sarmishay, with the help of official Norwegian bodies: its actions consist of organising and controlling visits, indicating ad hoc paths and setting out rules for visitors, raising the awareness of the population and providing them with information, removal of graffiti and other protective measures.

In Tajikistan, Shakhty Grotto is on the National List, and is protected by the local authorities of the Murgab District of the autonomous region of Gorno-Badakhshan.

In Kyrgyzstan, Saimaly-Tash was granted National Natural Park status in 2000, and an agency for its management exists in the village of Kazarman. The other sites are not protected or managed, even if visitor levels are intense (Suuk-Dobo). Aravan Rock is protected and managed by the local community and its traditional sheikhs.

In Kazakhstan, Zaraut-Say is located on the territory of a protected Natural Reserve (1986), but no specific protective steps have been taken. The local peasants let their animals graze on the site.

In the north-west of Mongolia and Altai, conservation is generally excellent, because of the isolated location and the lack of mining activity.

In southern Siberia, mention should be made of the “Preservation Status of Rock Art Sites” project (2002) of the Siberian Association of Primitive Arts Researchers. The most important sites of the Middle Yenisey basin have been examined, and the main destruction and deterioration

factors identified for each site. Furthermore, the association has carried out experiments in various places using several methods to drain away run-off water, to remove lichens and painted graffiti, and to fix surfaces which are flaking away.

Main threats facing rock art

The threats of nature, as we have seen, are the result of the spread and the corrosive action of lichens, of mineral deposits on many panels, eolisation, and above all of flaking and rock slides.

The threats from human actions are far more brutal and visible. During the Soviet period, a great deal of destruction took place. Some of these destructive actions are mentioned, such as those caused by the building of roads and housing estates (for example, around Lake Issyk-Kul in Kyrgyzstan) and above all those caused by the construction of dams for the Krasnoyarsk hydroelectric power station project (HEPS), which have caused the submersion and destruction of hundreds of sites, and which continue to threaten others, located close to the banks, as a result of subsidence and periodic floodings (see the text by E. Miklasheviich which provides all the details about this matter).

Here and there, damage has been caused by the recording methods used in the past (in particular, many figures were outlined in pencil).

At present, graffiti are becoming much more widespread, and a cause for concern. The graffiti are the work of tourists – who are increasingly numerous – and local populations which show no respect for, or have no knowledge of, the rock art. Some sites have long been covered by painted or engraved inscriptions, and those which have escaped this fate are protected, either by the efforts of the authorities or local initiatives, or by being located in places which are inaccessible and thus receive few visits.

Conclusions

The rock art of Central Asia, whose existence was reported (even though it may not have been studied) at a very early date, is original and complex, and constitutes a major cultural heritage for this region of the world.

Regional researchers have carried out, and are still carrying out, an enormous amount of work, in some case with the help of reputable international teams. They should be helped to constantly improve the protection and study of their rock art heritage, and to raise people's awareness of it. The international organisations (ICOMOS, UNESCO) are fully aware of the fact that, through their interest and action, they can make a great contribution to these aims.

The following actions should be recommended as a matter of priority:

- Make the authorities in each country aware of the considerable importance of this heritage, both in historic and cultural terms (even if the sites are relatively minor and difficult to visit) and of its economic potential, through the impact of tourism, in the case of major sites;
- Put pressure on governments to more strictly apply the laws and regulations which govern the protection and management of sites inscribed on official lists: establishment of boundaries so that they can be effectively protected; guarding of the major sites which receive most visits (local guards/guides), with the help of the local populations, NGOs, foundations and associations concerned;
- Draw up detailed lists, country by country, of the existing documentation, so that each country, international organisations and the international research community can find out

very precisely what the heritage is, what precisely has been done and what remains to be done;

- Encourage research programmes for local researchers (Universities) and programmes for foreign researchers working in collaboration with them;
- Raise the awareness of local populations of the importance of preserving the rock art heritage, so as to prevent attrition and damage;
- Amongst the significant sites, select a number of major sites, country by country, which could merit inclusion on the Tentative List;
- Promote for each country the inscription on the WHL, as a matter of priority, of some major rock art areas (those in which documentation and protection are being carried out most effectively), so that they can be proposed to UNESCO over the coming years.

Annex

**Rock Art: Pre-nomination Guidelines in the
framework of the World Heritage Convention**

Rock Art: Pre-nomination Guidelines

In the framework of the World Heritage Convention. 2010.

1 Introduction

Rock art is the most widespread cultural manifestation of humankind. It is present in almost every region of the world; the countless rock-art sites bear witness to its production over more than forty millennia. In this way rock art constitutes one of the basic expressions of human culture and a key element of its cultural heritage. Rock art is a manifestation of human conceptual thought and of the beliefs that are at the heart of traditional societies and have survived over a longer period than any other world artistic tradition.

Against that background it is vital therefore that rock-art sites should figure significantly on the World Heritage List (WHL) in order to strengthen its credibility. For some regions rock art may be one means whereby gaps in the List can be filled. In theory there are many sites that might be identified as being potentially qualified for World Heritage status. Only certain of these will, however, be able to demonstrate Outstanding Universal Value (OUV) and hence be eligible for inclusion on the WHL.

As sites that have recently been nominated have shown, the capacity to demonstrate OUV for most sites requires research and documentation studies that are sufficiently detailed for the context, the significance, the originality, and the scope of the rock art to be presented and evaluated. It is difficult for the World Heritage Committee to be persuaded of the OUV of rock art if these aspects have not received adequate study: large numbers of paintings alone do not necessarily justify inscription, unless it can be demonstrated why the site can be differentiated from others in the same geo-cultural region or elsewhere around the world, through their meaning and relevance, through exceptional qualities, or by virtue of the characteristics of their host environment. Nominated sites thus need to be supported by adequate documentation, legal protection, and clearly defined management processes, in accordance with the *Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention* (UNESCO, 2008).

These *Pre-Nomination Guidelines* have therefore been drafted in order to help State Parties identify how nomination dossiers for rock-art sites should be developed. They should be considered in parallel with the Regional Thematic Studies that ICOMOS is planning to produce for all the regions. Latin America and the Caribbean, followed by Southern Africa, North Africa, and the Sahara, are to be the first in the series. These complement the information contained in the *Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention* (UNESCO, 2008).

The present *Guidelines* address various important aspects of rock-art sites that should be taken into consideration when nominations are being prepared. These cover the identification and assessment of the intrinsic qualities of sites, together with their conservation and management.

Although there are some basic similarities between rock-art sites in various parts of the world, there are also very significant differences in terms of where the rock art is found, the geology and climatic conditions, and the scope and distribution of the engravings and paintings. These basic 'types' are considered below.

The most significant differences are probably those related to the geo-cultural context of the rock art – its genesis, its meaning, and its relevance to human communities, both past and present. These aspects, too, are considered below.

2 Types of Rock-Art Site

The type of site influences how it might be nominated, in terms of its scope, boundaries, context, protection, and management:

It is the cultural and not any geographical determinism that guides the choice of sites and how they are used, and for this reason rock-art sites may be quite different. This is something that must be taken into account during evaluations.

a) Caves

Examples: Altamira and the Palaeolithic cave art of Northern Spain, decorated caves in the Vézère valley in France. This type of heritage is the easiest to protect and manage owing to the limited extent of these areas, and because in general it is possible to control access to the sites. Cave art is the form of rock art with which the general public is most familiar, yet it is the least widespread around the world - the European Palaeolithic, but also Maya caves in Central America, mud-glyph caves in the south-eastern USA, Australian caves, and several isolated examples in Hawaii (lava tubes), Mexico, and elsewhere.

b) Isolated sites

These may be shelters where the art is found in areas exposed to daylight (Cueva de las Manos, Argentina) or engravings in the open air (Alta, Norway). There are countless isolated sites on all five continents. They cannot therefore be selected unless they present one or several truly exceptional features.

c) Groups of sites

Certain places - a valley, a hill or a mountain (Monte Castillo), a canyon - had a particular significance for some human communities, often related to their interpretation of their environment (see below). This explains the accumulation of sites to be observed in areas such as Valcamonica, Tanum, Côa, Serra da Capivara, Bhimbetka, Tsodilo, or uKhahlamba-Drakensberg. These groups of sites are of the highest interest.

d) Regions

In some cases these groupings may apply to an entire geographical region that has been preserved. This is the case with Acacus in Libya, Tassili n'Ajjer in Algeria, the outermost regions of the Aïr and the Ténéré in Niger, the Matopo Hills in Zimbabwe, Kakadu in Australia, and the Sierra de San Francisco in Mexico. There is no need to emphasize their exceptional value.

e) A specific type of art that corresponds with a well defined chronological or geographical tradition may be worthy of inscription on the List. This would be the case for sites of the Spanish Levante art in the Mediterranean. The art of the Pecos River in the USA and Mexico, which is not on the List, might also be considered.

3 The Geo-cultural Context of Rock-Art Sites

Rock-art sites may have been created for many different reasons. Sites may sometimes reflect several centuries or millennia of creation, and in this way their historical evolutions or those of their changing cultural contexts and circumstances. They may be of interest because of their relationship to a particular culture, epoch, or event, or they may bear witness to a particular process, whether technological or religious.

a) Practices, beliefs, tales, or legends that have persisted

When the myths that created it have completely disappeared, art becomes fossilized (for example, European Palaeolithic art and many other forms of art worldwide). However, in Australia (Kakadu) and in some parts of Africa, Asia, and America (Pecos River), traditions are either living or have been handed down through ethnological testimonies over recent centuries (Sierra de San Francisco in Mexico). The art to which these belong is all the more important and remarkable.

Nominations need to address this context for rock art and demonstrate whether the art is fossilized while having retaining evidence of past practices, is still living in the sense of the images being understood and relevant for today's societies, or still living with new rock art being produced (Bandiagara in Mali). Time frames are also relevant - whether the art was short-lived or whether it continued over many centuries, or even millennia – and what the evidence is for this. Oral traditions can often help with understanding the images or associated practices, and can even show how rock-art traditions have migrated to other surfaces, such as houses or portable utensils. In the same way, ceremonies may help to understand the rites of passage or other types of ritual to which the art was at some time associated.

b) History

Sometimes (e.g. Altamira in Spain) the history of research and discoveries during modern times may give additional value to the site.

c) Archaeology

In many cases, archaeological excavation or research at or near rock-art sites can make the first approach to determining the context of the art and the type of society to which it belonged once it becomes possible to link the art to habitation sites or when traces and remains left by the makers of the art have been observed or recovered by archaeologists. Research into the images themselves may also contribute to an understanding of the chronological sequences of the paintings or engravings through the study of superimpositions and the evolution of the themes represented or the techniques used. Engravings made with metal tools, for instance, may be linked to the spread of metalworking.

4 Settings of Rock-Art Sites

The quality of the environment

In most cases it was the environment that determined the creation of the art; it may also have played a major role in its meaning. It would therefore make absolutely no sense to dissociate the art from its natural environment. The importance of this factor is strikingly obvious in cases such as the following: Uluru (Australia), Cueva de las Manos (Argentina), the Rio Pinturas, the Côa Valley (Portugal), and the canyons of the Sierra de San Francisco (Mexico).

It is essential for nomination dossiers to consider how the natural environment that hosts the rock art is to be sustained, protected, and respected. In many cases trees and shrubs that overhang shelters or caves have the capacity to shelter paintings from direct sunlight. Vegetation can also play a role in the ecological balance which allows the painted surfaces to remain sufficiently dry despite rain and floods. Pressure resulting from the collection of firewood, from overgrazing, or from burning of vegetation can all lead to loss of protection and damage. Conservation of rock-art sites must therefore target both the rock art itself and the natural environment that surrounds it in order to sustain a balance between the two.

It is not only the vegetation that makes the natural environment important. The topography of the prehistoric landscape played an important role in the choice of locations for the paintings and engravings. Later modifications of the original landform elements due to changes in land use may have disguised the original intentions and obscured qualities which are therefore important to demonstrate. Those qualities relate to the concepts of visual and structural integrity in the *Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention* (UNESCO, 2008). In certain cases, such as Tanum (Sweden) the gradual change in the landscape resulting from the continuous addition of new elements resulting from agriculture and forestry was put forward as an additional quality when the rock-art site was inscribed.

5 Rock Art as Art

The rock art itself

It is clearly the most important point in evaluating and ranking sites even if the quality of the rock art overlaps with other considerations such as its setting, dating, etc.

The qualities that should be taken into consideration fall into various categories:

- the aesthetic quality of the art (the decorated caves of the Vézère valley in France, uKhahlamba-Drakensberg in South Africa);
- the quantitative dimension (Valcamonica in Italy, Tanum in Sweden, Tassili n'Ajjer in Algeria, etc.);
- exemplary or rarity aspects, whether in respect of the techniques used, the themes depicted, or its location (Alta);
- intrinsic originality (Sierra de San Francisco in Mexico, Pecos River in the USA);
- evidence of a long artistic tradition in that location (Bhimbetka in India, Serra da Capivara in Brazil, etc) or of special practices (Cueva de las Manos in Argentina).

6 Management and Conservation

In order to demonstrate that nominated rock-art sites have been adequately identified and researched and that they are well managed, conserved, and protected, the following aspects of the site need to be considered:

a) Boundaries

The boundaries proposed for a nominated site need to reflect the original scope and extent of the rock art and to be logical in terms of encompassing what is identified as having OUV. Rock-art sites can be very extensive; some may in effect be serial sites, groups of engravings or paintings separated by long distances. For example, an original rock-art tradition or style, such as the Levante art in Spain, may be spread out over an immense territory. This is why boundaries need also to reflect the geo-cultural contexts in terms of cultural links between sites. For instance, if sites reflect cultural routes, trade, migration, etc, the routes that link the sites may also need to be considered as part of the nomination. In the same way, if sites reflect links with settled communities, this might also be reflected in the area chosen for nomination. Boundaries need not conform with present-day political frontiers, since serial nominations can be used to encompass the original extent and values, which might extend over two or more countries.

b) Research

In demonstrating OUV and the appropriate management and conservation, the value of rock-art sites needs to be carefully assessed by means of research and study, in order to explain why the site is important and significant. Nomination dossiers should detail the research that has been undertaken and the conclusions drawn from it. Research may address associated factors, such as the archaeological investigation of sites, ethnological information, or social and economic factors, or it may document why the scope and extent of the site is of particular significance, first in its geo-cultural region and then internationally. Demonstrating an extensive knowledge of the sites should be a key part of the nomination process.

c) Documentation

There needs to be adequate documentation for every site inscribed on the WH List in order to create a satisfactory record of what has been inscribed and to justify its OUV. This means explaining what the site is and what constitutes its value. This is a challenge for large sites with many thousands of images, and several levels of information may be considered:

- i. The first level would be to provide a description to a standard format and a map for each site.
- ii. The second level would be to provide a description to a standard format and an accurate drawing and photographs for each element.
- iii. Once the study of the site has been completed, the third level would be to provide a description to a standard format for each image. Examples of such formatted descriptions, which in every case should be adapted to local conditions, can be provided.

In general, only the first and second levels of information are essential for justifying the OUV.

To summarize, the minimum requirement is to provide a description of the approach adopted for the documentation, using an accepted methodology, an explanation of how the overall inventory was compiled, and a demonstration of the scope and extent of the images (see examples above), indicating the resources that are available and a time-frame for its implementation.

This needs to be supplemented by a recognized method of storing and accessing the results (maps, analogue and digital photographs, database, tracings, research into the environment, the archaeology, the ethnology). It is also necessary to state precisely where and how all the data are archived and made available to researchers.

Good practices for the production of inventories have been developed in many regions of the world. Ways of supporting and disseminating these are being considered by the ICOMOS International Scientific Committee on Rock Art (CAR - Comité International d'Art Rupestre) and other international bodies such as IFRAO (International Federation of Rock Art Organizations).

The documentation submitted in the nomination should justify the proposed boundaries. This means that, once what is contained in the site and what it may not contain have been identified, it is necessary to specify how the OUV is defined by the proposed boundaries, and at the same time why what lies outside the boundaries is considered to

be of lesser value or less susceptible to proper preservation.

d) Conservation

There are two aspects to conservation. Is the site (or the group of sites proposed) particularly well preserved or is it in danger? What conservation measures have been taken to ensure its lasting protection and are any complementary measures necessary?

Conservation must concern itself not only with the images but also with their context, in terms of the rocks on which they are found and the natural environment. It also needs to take account of access by visitors and the prevention of resulting damage, the prevention of natural degradation (such as wasp nests, termites, flooding, visits to the sites by animals, etc.), regulation of agricultural and community activities in the vicinity of the site, etc. It is furthermore of vital importance to demonstrate that the conservation is carried out using a proactive approach and, as far as possible, non-intrusive methods that avoid the use of harmful substances.

For some sites maintenance of the ecological balance of the surrounding natural vegetation, combined with careful arrangements to limit access, by both visitors and grazing animals, may be needed in order to conserve the site. In such cases the arrangements for achieving these, in both the short- and the long-term, should be described. At other sites the engravings and paintings might already have suffered from graffiti or water penetration, and so the conservation will include measures to minimize further damage and to stabilize the images.

e) Management

Active management of the nominated sites is crucial if their value is to be maintained. First of all, the appropriate type of management must be identified.

Management needs to achieve the following:

- Monitoring of the condition of the rock art;
- Measures for achieving ecological stability of the surrounding areas;
- Management of visitors where the sites are accessible to the public;
- Arrangements to allow agricultural activities to continue without adversely impacting the rock art;
- Where sites are still used as part of local ceremonies or traditions, arrangements to allow these to continue without damage to the rock-art images;
- The management of known and unexpected threats;
- Involvement of local communities (stakeholders, citizens, schools). For large dispersed sites, with low visitor numbers, management in cooperation with local communities might be the preferred option, in which case details of how this arrangement has been structured should be provided to show how monitoring and regular inspections are carried out.

Where sites are heavily visited, or where an increase in visitor numbers is desired, a direct on-site presence is needed to manage these visitors. This may consist of paid staff combined with volunteers to guide parties of visitors. For heavily visited sites, the management arrangements will need to include an access strategy as a function of the

visitor numbers. Means of enabling visitors to understand the significance of the rock art is a crucial part of most management arrangements, with the aim of strengthening respect for the images.

Many rock-art sites are located within areas that are already protected on ecological grounds, such as national parks. In some cases the existing management staff may be able to manage the rock art. However, there is usually a need to complete these teams with people who are knowledgeable about the cultural values of the rock art and the conservation issues specific to it. It is essential for conflicts between the two types of management - the cultural and the natural - to be discussed and resolved. For instance, the burning of grassland in order to encourage the retention of certain plant species could be highly detrimental to painted rock art. In such cases there must be an understanding that the management of the natural qualities of the site should be less strict so as to respect the cultural values of the rock art.

In other areas rock art is found in forest reserves from which people may have been moved. Evacuations of this kind could undermine the cultural value of rock art in terms of its meaning for present-day communities. Management regimes should give consideration to aspects of this kind to see what might be achieved through effective partnerships.

The inscription of rock art on the World Heritage List can in some instances provide the opportunity for local communities to benefit in social and economic terms through strengthening their relationship with the rock art and offering the potential for them to benefit from visitors.

On the other hand, access to some particularly vulnerable sites might have to be severely restricted.

7 Justifying the outstanding universal value of sites

Around the world there are hundreds of thousands of rock-art sites, but only those possessing outstanding universal value (OUV) should be inscribed on the World Heritage List. The crucial test for nominated sites is whether or not they can demonstrate OUV by satisfying the criteria in the *Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention* (UNESCO, 2008) and by demonstrating by comparative analysis that the site or sites are outstanding in geographical, cultural, and global terms.

Comparative analysis

A successful comparative analysis must set the nominated site or sites in context, which means demonstrating knowledge of how the site or sites fit(s) into the wider picture, first regionally and then globally. This is not an easy task when records of rock-art sites are scattered around the world. It is, however, a study that must be undertaken in order to make a strong case for why the site or sites should be inscribed. Nomination needs to justify, by means of a comparative analysis, why the site or sites should be inscribed rather than many hundreds of others. This means justifying why their qualities are outstanding in terms of type, geo-cultural context, and setting.

Justifying the OUV of sites needs requires a thorough appraisal of the full range of the site's values and must above all show qualities other than large numbers of images or generalizations on how those images display evidence of past societies. Almost all rock art can be said to be of documentary value and the mere numbers of images alone do not of themselves necessarily imply OUV, whether these are large or indicate rarity.

The regional studies that ICOMOS is commissioning will help with this process. Both ICOMOS and the UNESCO World Heritage Centre are working to encourage knowledge of and better access to rock-art records.

Criteria

In order to satisfy the criteria, rock-art images must be justified in a precise way - why they demonstrate particular characteristics connected with the place in which they were found, the significance of their distribution, how they were connected with the culture and beliefs of the communities that created them, and the meaning they may still have for present-day communities.

The criteria most commonly used to justify the OUV of rock-art sites are (i), (ii), (iii), and (vi).

Criterion (i) “represent a masterpiece of human creative genius” requires that the site should be considered to be a “masterpiece.” For this the images should be outstanding in visual terms, in terms of the techniques used, or their location - when, for instance, they appear to have been deliberately sited in a specific place in order to achieve a particular effect, as in the case of the spectacular panels in the Sierra de San Francisco (Mexico).

Criterion (ii) “exhibit an important interchange of human values, over a span of time or within a cultural area of the world, on developments in architecture or technology, monumental arts, town-planning or landscape design” requires consideration to be given to how sites can demonstrate an interchange of ideas, both inwards and outwards. To satisfy this consideration it is necessary to demonstrate how rock-art sites have either absorbed ideas from elsewhere or have influenced other areas. It is not easy to justify this criterion unless sufficient information is available on the cultural/ethnological context that is available or when stylistic (or thematic) comparisons can be made with other rock-art sites in areas that are more or less remote.

Criterion (iii) “bear a unique or at least exceptional testimony to a cultural tradition or to a civilization which is living or which has disappeared” may be applicable to many rock-art sites, but to justify it evidence is needed about how the rock art is really exceptional testimony and to what extent it relates to a civilization or to a specific cultural tradition.

Criterion (iv) “be an outstanding example of a type of building or architectural or technological ensemble or landscape which illustrates (a) significant stage(s) in human history”, is usually not applicable to rock-art sites (save for the ancient use of deep caves) unless the sites are set within a wider landscape which as a whole can illustrate a particular phase in human history – for instance, a relict landscape in which rock art is just one of the pieces of evidence.

Criterion (v) “be an outstanding example of a traditional human settlement or land-use which is representative of a culture (or cultures), especially when it has become vulnerable under the impact of irreversible change” is one that rock art can only satisfy if it is still living and represents a significant part of the culture of a society.

Criterion (vi) “be directly or tangibly associated with events or living traditions, with ideas, or with beliefs, with artistic and literary works of outstanding universal significance (the Committee considers that this criterion should preferably be used in conjunction with other criteria).” Examples of the permanence of beliefs and practices related to rock art in traditional cultures are to be found on all the continents with the exception of Europe. This criterion is applicable to rock-art sites where the images can be directly associated with ideas or beliefs that are still living only where those beliefs themselves are presented in the context of the ideology and history of the people who created the rock art and which may be said to be of OUV. This criterion needs to be associated with further criteria which encapsulate the physical value of the rock art, the fabric of the site, its history, and its relationship with the landscape.

8 Conclusion

Rock art undoubtedly differs from other elements of human heritage by reason of its geographical extension (all over the world except in the Arctic and the Antarctic), by the number and variety of sites (more than 400,000), and by its time-depth (at least 40,000 years). This will have two consequences for a balanced and credible World Heritage List: in the coming years many more rock-art nominations (and inscriptions on the List) may logically be expected. For obvious reasons, however, the selection of the “best” sites needs to be strict, not to say drastic.

The object of the *Guidelines* is to make it clearly understood that rock-art sites nominated to the List will have better chances of being inscribed when:

- they meet several, and not just one, of the proposed criteria;
- the various domains mentioned above have already been adequately researched and the data about them are extensive, correctly archived (in the form of a database), and accessible;
- the problems of conservation and management have already been solved and adequately dealt with;
- the nomination deals clearly and comprehensively with these questions and is substantiated with relevant documentation.

Illustrations

Иллюстрации

Rock Art Sites in Kazakhstan

Памятники наскального искусства в Казахстане

A.-E. Rogozhinskiy

1. Теректы\Terekty	13. Толебулак\Tolubulak	22. Аксужабаглы\Aksuzhabagly
2. Акбаур\Akbaur	14. Коскудук\Koskudul	23. Шолакжидели\Sholakzhideli
3. Доланкара\Dolankara	15. Жыгылган\Zhygylgan	24. Кулжабасы\Kulzhabasy
4. Молдажар\Moldazhar	16. Масат-ата\Masat-ata	25. Актерек\Akterek
5. Акбидайк\Akbidayik	17. Танбалытас\Tanbalytas	26. Тамгалы\Tamgaly
6. Оленты\Olenty	18. Тамгалытас у оз. Тамгалынура\Tamgalytas near Tamgalynura lake	27. Тамгалытас (Илийский Капшагай)\Tamgalytas (Kapshagai on Ili)
7. Грот Драверта\Draverta Grotto	19. Сауыскандыксай\Sauyskandyksai	28. Ешкиольмес\Eshkiolmes
8. Тесиктас\Tesiktas	20. Койбагар\Koibagar	29. Баянжурек\Bayanzhurek
9. Калмакземель\Kalmakemel	21. Арпаузен\Arpauzen	30. Кегенский Арасан\Kegen Arasan
10. Бесоба\Besoba		
11. Теректы Аулие\Terekty Aulie		
12. Байконур\Baikonur		

Fig. 1. Map of Kazakhstan showing the location of rock art sites

Рис. 1. Карта Казахстана с указанием месторасположений памятников наскального искусства

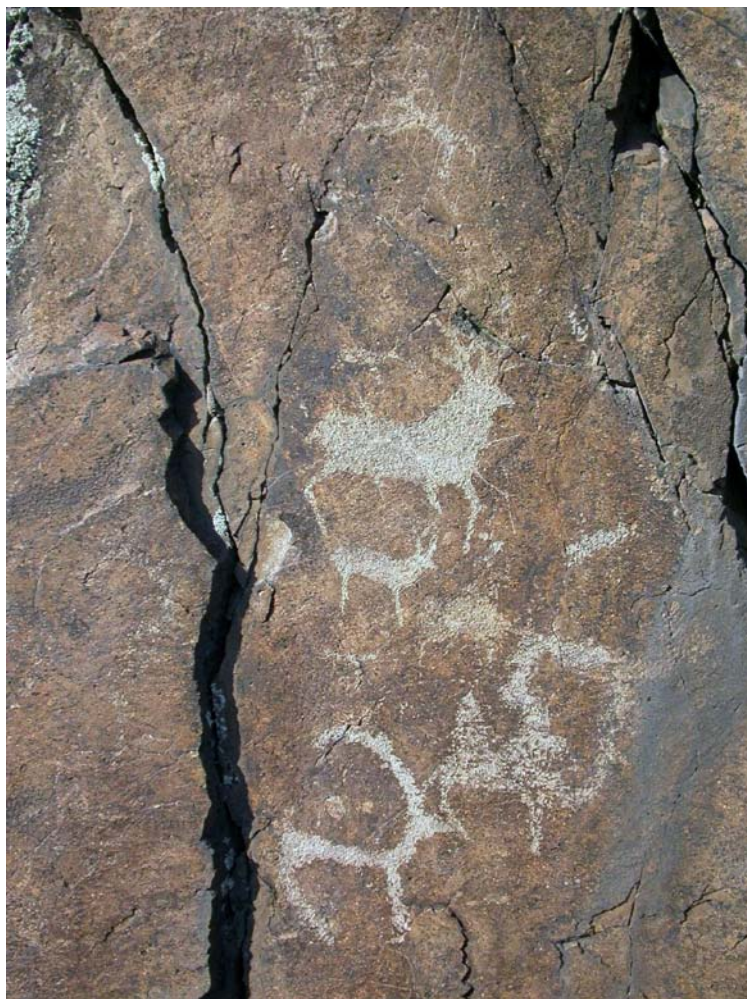

Fig. 2. Akterek, Semirechie
Фото 2. Актерек, Семиречье

Fig. 3. Tamgaly, Semirechie
Фото 3. Тамгалы, Семиречье

Fig. 4. Arpauzen, Southern Kazakhstan
Фото 4. Арпаузен, Южный Казахстан

Fig. 5. Sauiskandyksai , Southern Kazakhstan
Фото 5. Сауыскандыксай, Южный Казахстан

Fig. 6. Tesiktas Grotto, Central Kazakhstan
Фото 6. Грот Тесиктас, Центральный Казахстан

Fig. 7. Besoba, Central Kazakhstan
Фото 7. Бесоба, Центральный Казахстан

Fig. 8. Kalmakemel, Central Kazakhstan
Фото 8. Калмакэмель, Центральный Казахстан

Fig. 9. Akbaur, Eastern Kazakhstan
Фото 9. Акбаур, Восточный Казахстан

Fig. 10. Terekty, Eastern Kazakhstan
Фото 10. Теректы, Восточный Казахстан

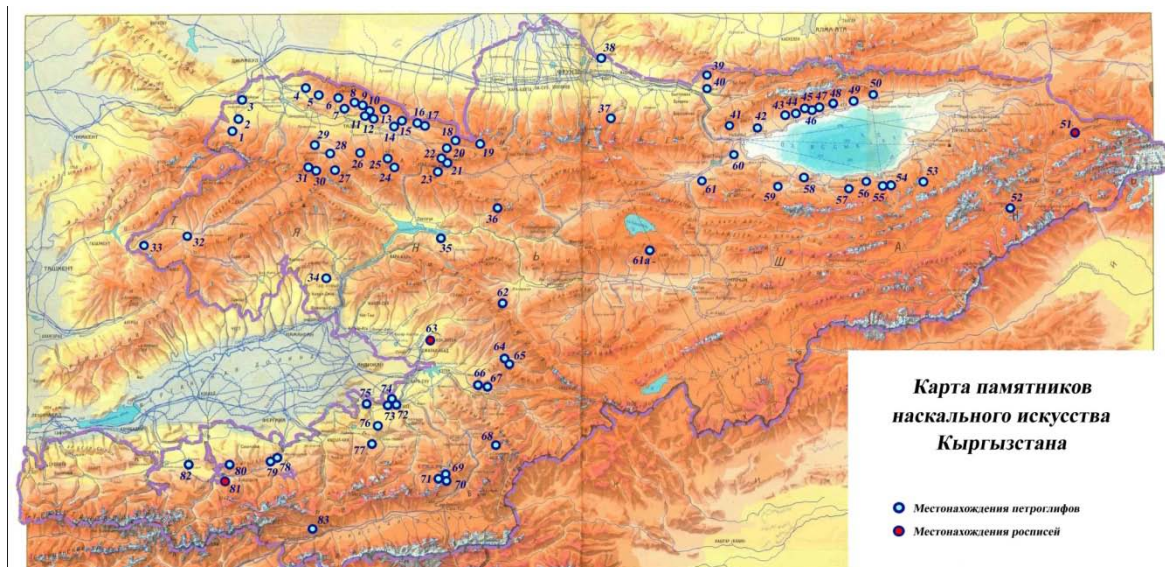

Fig. 11. Moldazhar, Eastern Kazakhstan
Фото 11. Молдажар, Восточный Казахстан

Rock Art in Kyrgyzstan

Наскальное искусство в Кыргызстане

B.-E. Amanbaeva, A.-T. Suleymanova, Ch. M. Zholdoshev

Таласская область:

1. Майдантал
2. Куркуро-Суу
3. Маймак
4. Чеш-тобе
5. Чомпол
6. Нылды
7. Кулан-Сай и Шаркыратма
8. Башкы-суу
9. Чочой
10. Чачыке, Обо и Коргон-Таш
11. Камырдын-бели
12. Терскол
13. Чонур
14. Уч-Кошой
15. Правобережье р. Каракола, к востоку от с. Арал
16. Правобережье р. Каракола, приток Кок-Кыя (два местонахождения)
17. Копуро-Базар (в 1 км к востоку от с. Копуро-Базар)
18. Туюк-Тор (правобережье р. Каракола)
19. Уч-Чат (верховья р. Каракола)
20. Талды-Булак
21. Отмок

22. Чон-Кошой
23. Ала-Бел (Суусамырская долина)
24. Итагар
25. Чон-Чычкан
26. Калба
27. Жалтырак-Таш
28. Табылгаты
29. У слияния рек Табылгаты и Чийим-Таш
30. Туюк-Тор (верхний приток р. Чийим-Таш)
31. Чийим-Таш и Кашка-Суу (восемь местонахождений)

Джалал-Абадская область:

32. У впадения р. Терс в р. Чаткал
33. Урочище Теке-Таш (нижнее течение р. Чаткал)
34. Таш-Комур
35. Уч-Терек
36. Чаар-Таш (Толук)

Чуйская область:

37. Ысык-Ата

38. Чумыш

Иссык-Кульская область:

39. Бейшеке-Тоо
40. Кок-Добо
41. Калмак-Ашуу
42. Сары-Камыш
43. Тамчы
44. Чок-Тал
45. Орнок
46. Чон-Сары-Ой и Сары-Ой
47. Кара-Ой
48. Чолпон-Ата
49. Корумду
50. Григорьевка
51. Ак-Чункур
52. Ак-Шыйрак
53. Жууку
54. Барскоон
55. Тамга
56. Тосор
57. Кажы-Сай
58. Кескен-Бел
59. Ала-Баш (Конур-Олон)
60. Боз-Бармак

Нарынская область:

61. Кочкор (предгорные зоны Кара-Тоо)
- 61а. Жапарык

Кыргызстанская часть Ферганской долины (Джалал-Абадская, Ошская и Баткенская области):

62. Саймалы-Таш
63. Ункур-Таш и Чийген-Таш
64. Байчечекей
65. Суук-Добо
66. Кара-Жылга
67. Ак-Кыя
68. Кичи-Булолуу
69. Туура-Бел
70. Терген-Таш
71. Мурдаштын-Башы (Кол)
72. Сулайман-Тоо
73. Керме-Тоо
74. Айрымач-Тоо (Суроттуу-Таш)
75. Араванская скала (Дулдул-Ата)
76. Ущелье Араван-Сай
77. Чийли-Сай (Сахаба)
78. Орозбеково
79. Калчоку
80. Сурот-Сай (Суроттуу)
81. Эшме
82. Кургун-Тамгасы (Досталык)
83. Чак

Fig. 1. Map of Kyrgyzstan showing the location of rock art sites

Рис. 1. Карта Кыргызстана с указанием месторасположений памятников наскального искусства

Fig. 2. Karakol and Uch-Koshoy River Valleys Petroglyphs, Ala-Too Range

Фото 2. Петроглифы долины рек Каракол и Уш-Кошой, Ала-Тоо

Fig. 3. Zhaltyrak-Tash, Talas Ala-Too Range
Фото 3. Жалтырак-Таш, Таласский Ала-Тоо

Fig. 4. Northern Near Issyk Kul Area, Northern Tien-Shan
Фото 4. Северное Прииссыккулье, Северный Тянь-Шань

Fig. 5. Saymaly-Tash, Fergana Range
Фото 5. Саймалы-Таш, Ферганский горный хребет

Fig. 6. Baychechekey, Uzgen Range
Фото 6. Байчекекей, Узгенский горный хребет

Fig. 7. Suuk-Dobo, Uzgen Range
Фото 7. Суук-Добо, Узгенская горная цепь

Fig. 8. Unkur-Tash, North-Eastern Fergana
Фото 8. Ункур-Таш, Северо-Восточная Фергана

Fig. 9. Osh Oasis Petroglyphs: Sulayman-Too, South-Eastern Fergana
Фото 9. Петроглифы Ошского оазиса: Сулейман-Тоо, Юго-Восточная Фергана

Fig. 10. Osh Oasis Petroglyphs: Kerme-Too, South-Eastern Fergana
Фото 10. Петроглифы Ошского оазиса: Керме-Тоо, Юго-Восточная Фергана

Fig. 11. Chiyl-Sai (Sahaba), South-Eastern Fergana
Фото 11. Чийли-Сай (Сахаба), Юго-Восточная Фергана

Rock Art in Tajikistan

Наскальное искусство в Таджикистане

B.S. Bobomulloev

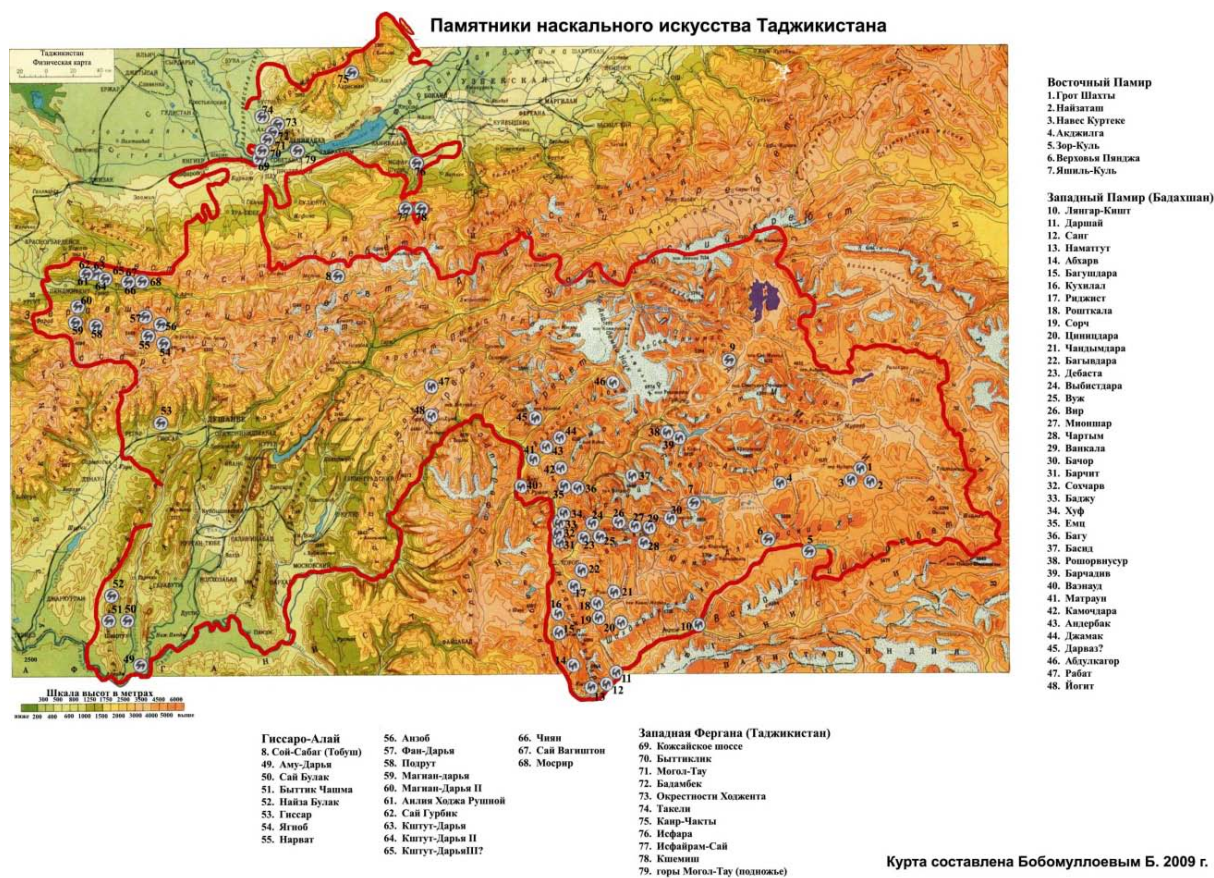

Fig. 1. Map of Tajikistan showing the location of rock art sites

Рис. 1. Карта Таджикистана с указанием месторасположений памятников наскального искусства

Fig. 2. Robob (musician instrument). Middle ages

Фото 2. Рубоб (музыкальный инструмент). Средние века

Fig. 3. Akdzhilga, Eastern Pamir

Фото 3. Акджилга, Восточный Памир

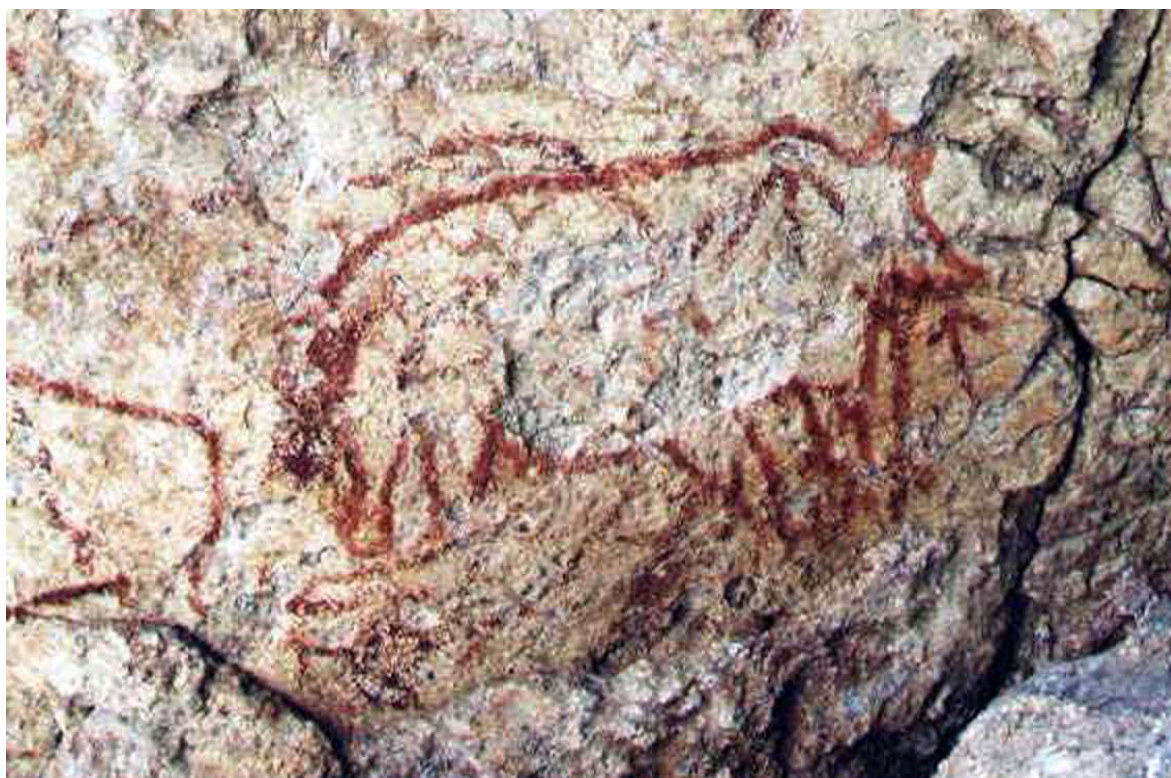

Fig. 4. Shakhty Grotto, Eastern Pamir
Фото 4. Грот Шахты, Восточный Памир

Fig. 5. Representations of goats. Neolithic. Nayzatash, Eastern Pamir
Фото 5. Изображения козлов. Неолит. Найзаташ, Восточный Памир

Fig. 6. Representations of cart, archers and fantastic animal. Bronze age. Soy Sabag, Hissar Alai

Фото 6. Изображения повозок, лучников и фантастического животного. Бронзовый век. Сой Сабаг, Гиссарский Алай

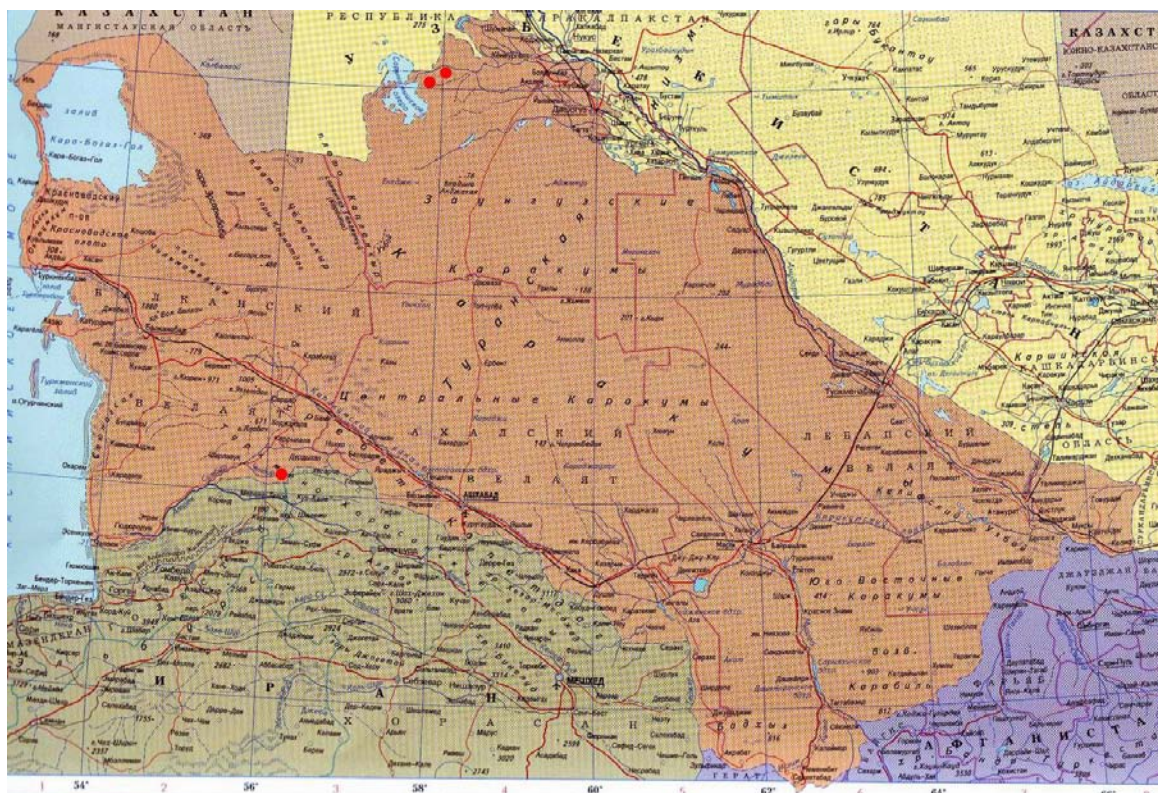
Fig. 7. Representation of a bull. Bronze age. Soy Sabag, Hissar Alai

Фото 7. Изображение быка. Бронзовый век. Сой Сабаг, Гиссарский Алай

Rock Art in Turkmenistan

Наскальное искусство в Туркменистане

E. Muradova

1. Безеггли-дере (Besegly-dere)
2. Гызыл-имам (Gyzyl-imam)
3. Ярты-гала (Yarty-gala)

Fig. 1. Map of Turkmenistan showing the location of rock art sites

Рис. 1. Карта Туркменистана с указанием мест расположения памятников наскального искусства

Fig. 2. View on the valley of Chandyr in Bezegli-dere
Фото 2. Вид долины Чандыр в местности Безегли-дере

Fig. 3. Images on the rocks in Bezegli-dere
Фото 3. Изображения на скалах в Безегли-дере

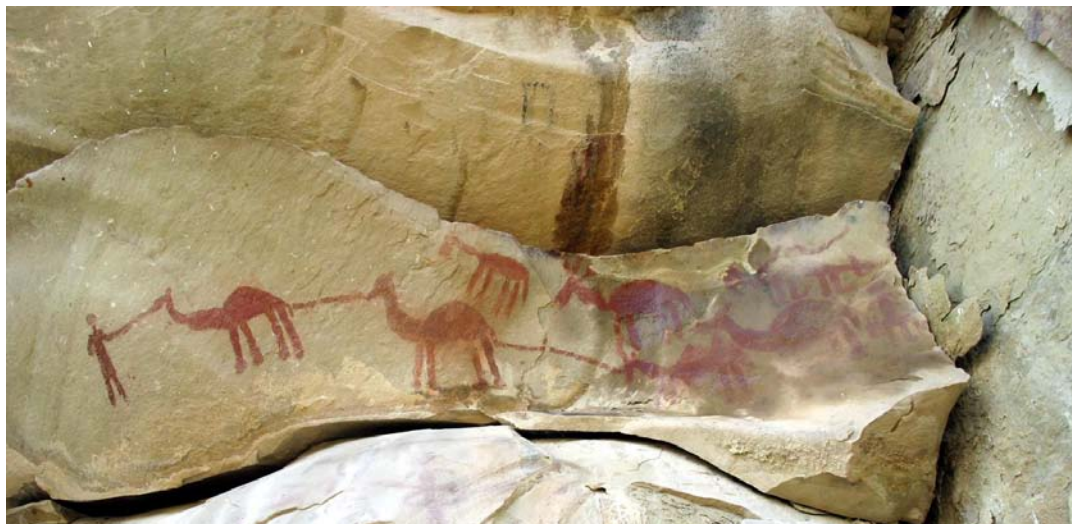

Fig. 4-5. Images on the rocks in Bezegli-dere
Фото 4-5. Изображения на скалах в Безegli-дере

Fig. 6-7. Gravestones of Gyzyl-imam and Yarty-gala
Фото 6-7. Надмогильные стелы Гызыл-имам и Ярты-гала

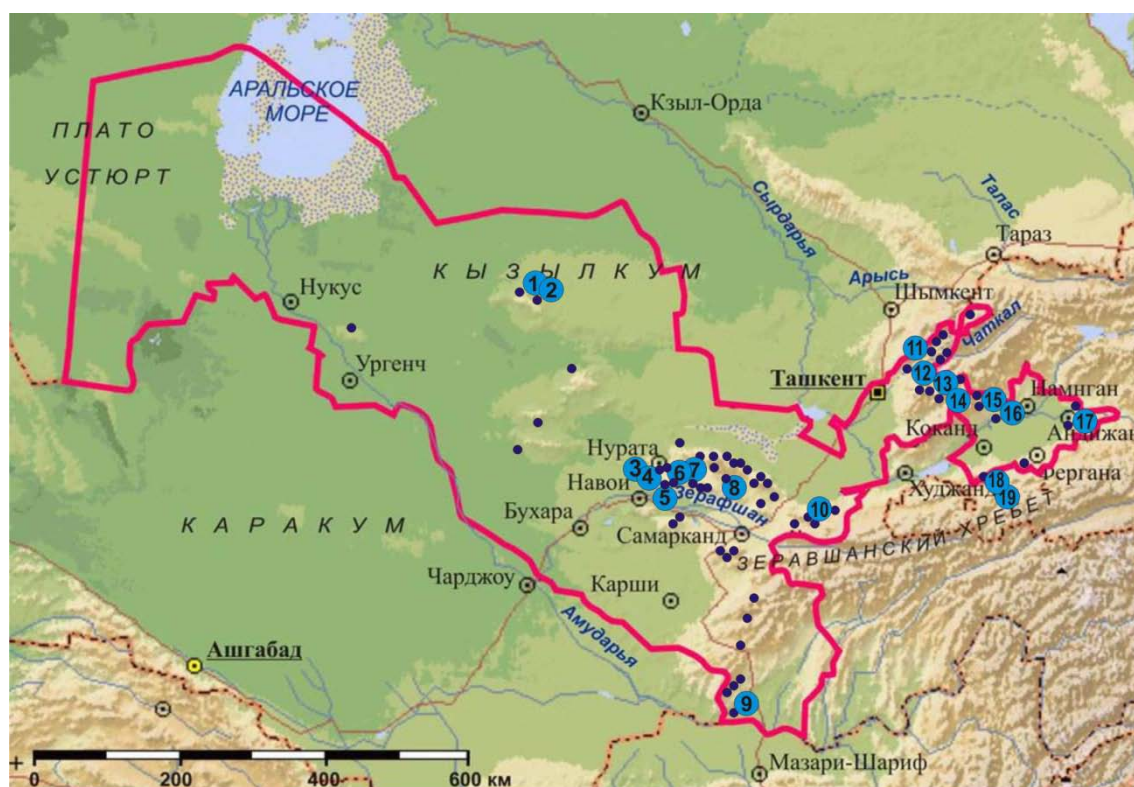

Fig. 8-9. Gravestones of Gyzyl-imam and Yarty-gala
Фото 8-9. Надмогильные стелы Гызыл-имам и Ярты-гала

Rock Art Sites in Uzbekistan

Наскальное искусство в Узбекистане

M.-M. Khujanazarov

- 1 The main Rock Art Sites
- Other Rock Art Sites

1. Bokhali	8. Tusinsay	15. Chadak
2. Kirbukhan	9. Saykhansay	16. Varzik
3. Bironsay	10. Zarautsay	17. Suratusay
4. Sarmishsay	11. Karakiyasay	18. Yangiaruksay
5. Aksakalatasay	12. Khujakent	19. Aravan
6. Sangidzumonsay	13. Kyzylolmasya	
7. Burgansay	14. Boshkzylsay	

Fig. 1. Map of Uzbekistan showing the location of rock art sites

Рис. 1. Карта Узбекистана с указанием мест расположения памятников наскального искусства

Fig. 2. Sarmishsay. Northern part of Sarmish
Фото 2. Сармышсай. Северная часть Сармыша

Fig. 3. Sarmyshsay
Фото 3. Сармышсай

Fig. 4. Sarmyshsay. Dancing
Фото 4. Сармышсай. Танцы

Fig. 5. Sarmyshsay. Images on the Rock
Фото 5. Сармышсай. Изображения на скале

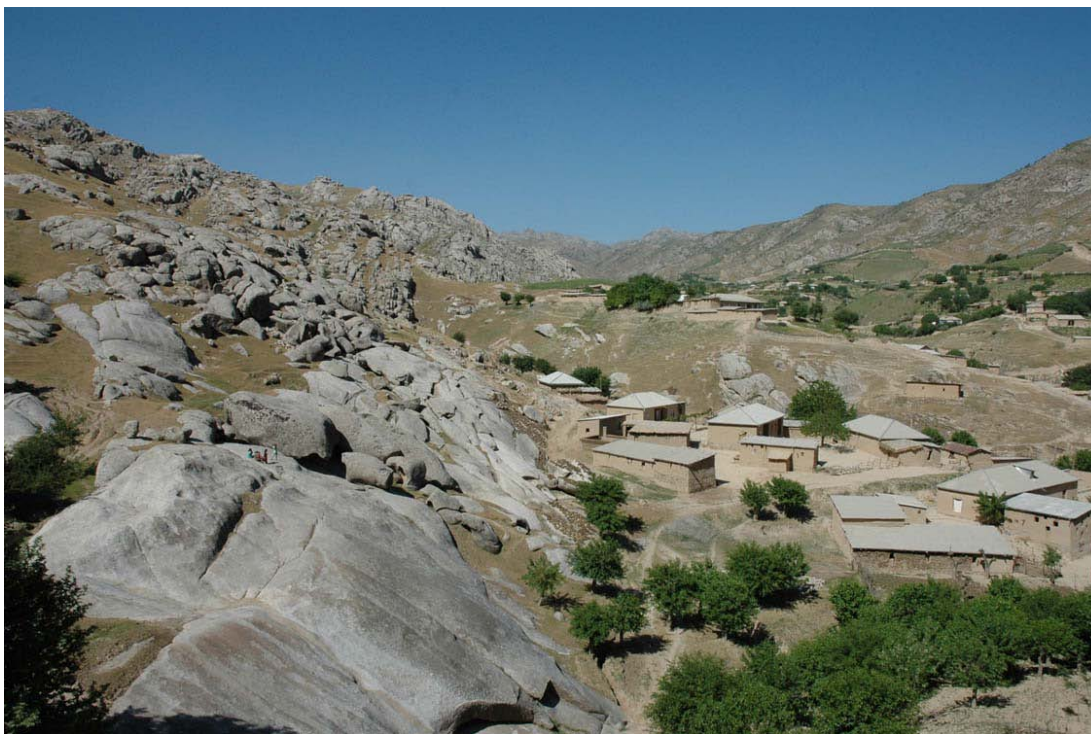

Fig. 6. Siypantash. General view

Фото 6. Сийпанташ. Общий вид

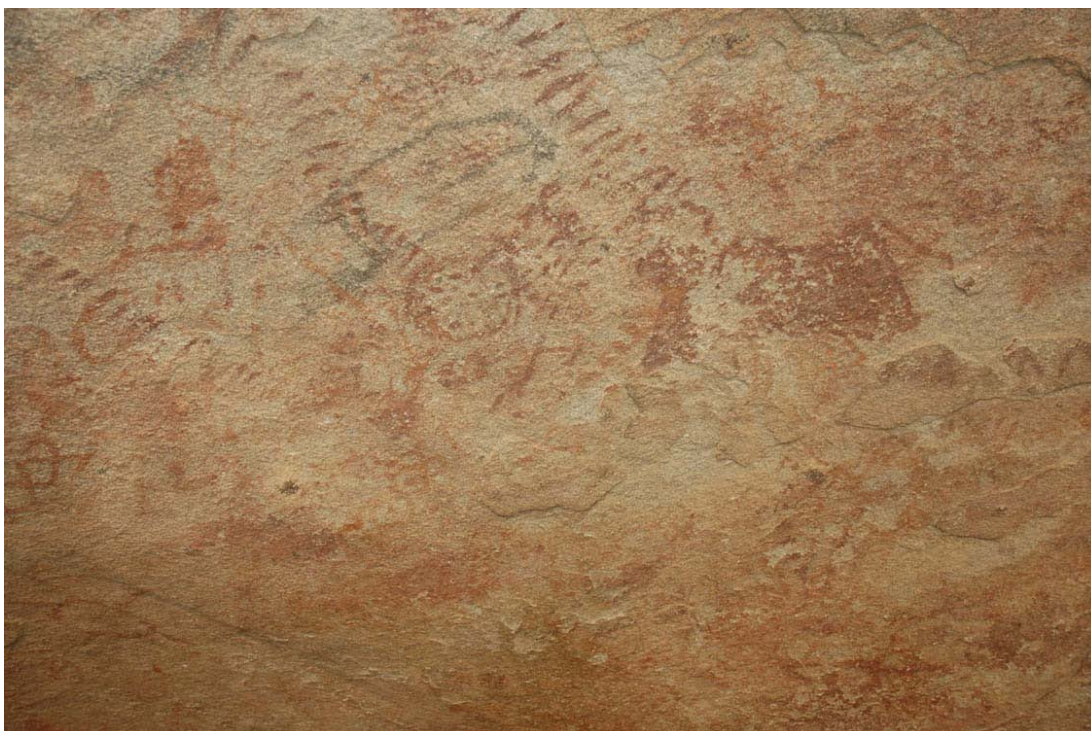

Fig. 7. Siypantash. Painting on the rock

Фото 7. Сийпанташ. Наскальные росписи

Fig. 8. Khodjakent. General view of the rock
Фото 8. Хужакент. Общий вид скалы

Fig. 9. Khodjakent. Image of a goat and tamga
Фото 9. Хужакент. Фигура козла и тамги

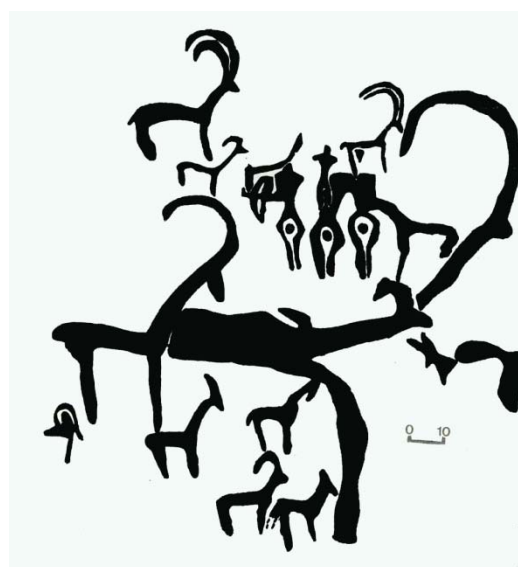

Fig. 10. Khodjakent. Images pf peolpel and animals
Фото 10. Хужакент. Изображения людей и животных

The Altai Mountains in Northwest Mongolia

Алтайские горы в Северо-Западной Монголии

Esther Jacobson-Tepfer

Fig. 1. Map showing the location of rock art sites in Mongolia

Рис. 1. Карта с указанием месторасположения памятников наскального искусства в Монголии

Fig. 2. Rhinoceros. Paleolithic Period. Aral Tolgoi, Bayan Ölgii aimag. Photo: Gary Tepfer.
Фото 2. Носорог. Палеолит. Арал Толгой, аймаг Баян Улгий. Фото: Гари Тепфера

Fig. 3. Frontal figure, possibly birthing woman. Pre-Bronze Age. Khölsöötiin Gol. Bayan Ölgii aimag. Photo: Gary Tepfer.
Фото 3. Фронтальная фигура, возможно, женщина. Период – до Бронзового века. Холцуутин Гол. Баян Улгийский аймаг. Фото: Гари Тепфера

Fig. 4. Horned anthropomorphic figure, possibly a spirit figure. Pre-Bronze Age. Baga Oigor II, Tsagaan Salaa-Baga Oigor Complex. Bayan Ölgii aimag. Photo: Gary Tepfer.

Фото 4. Рогатая антропоморфная фигура, возможно, фигура духа. Период – до Бронзового века. Бага Ойгор II, комплекс Цагаан Салаа – Бага Ойгор. Баян Улгийский аймаг. Фото: Гари Тепфера

Fig. 5. Attack on a family caravan. Bronze Age. Baga Oigor IV, Tsagaan Salaa-Baga Oigor Complex. Bayan Ölgii aimag. Photo: Gary Tepfer.

Фото 5. Нападение на семейный караван. Бронзовый век. Бага Ойгор IV, комплекс Цагаан Салаа – Бага Ойгор. Баян Улгийский аймаг. Фото: Гари Тепфера

Fig. 6. Argali. Bronze Age. Khar Yamaa, Bayan Ölgii aimag. Photo: Gary Tepfer.
Фото 6. Горный козел. Бронзовый век. Хаар Ямаа, Баян Улгийский аймаг. Фото: Гари Тепфера

Fig. 7. Archer with two decoy animals. Late Bronze Age. Baga Oigor II, Tsagaan Salaa-Baga Oigor Complex. Bayan Ölgii aimag. Photo: Gary Tepfer.
Фото 7. Лучник с двумя животными. Поздний бронзовый век. Бага Ойгор II, комплекс Цаган Сала – Бага Ойгор. Баян Улгийский аймаг. Фото: Гари Тепфера

Fig. 8. Driver and large vehicle. Late Bronze Age. KS-B8, Upper Tsagaan Gol Complex. Bayan Ölgii aimag. Photo: Gary Tepfer.

Фото 8. Ездок и большая повозка. Поздний Бронзовый век. KS-B8, Комплекс Верхний Цагаан Гол. Аймаг Баян Улгий. Фото: Гари Тепфера

Rock Art Sites in the Minusinsk Basin

Памятники наскального искусства Минусинской котловины

E.-A. Miklashevich

1 – Kedrovaya	18 – Lisichya	33 – Tepsey (I–V)	51 – Kyzyl-Khaya
2 – Karatag	19 – Obryv	34 – Ust'-Tuba (I–VI)	52 – Kazanovka
3 – Sulek (I–VI)	20 – Mayak	35 – Kavkazskaya	53 – Tunchukh
4 – Sulphatnye Gory	21 – Gorodovaya Stena	36 – Shalabolino	54 – Izrykh-Tas
5 – Pechishche	22 – Ulazy	37 – Beryozovaya	55 – Kholaas
6 – Oshkol'skaya	23 – Anash	38 – Sosnovaya	56 – Khyzyl-Khaya (Sos)
7 – Orginek	24 – Ust'-Kulog	39 – Georgievskaya	57 – Kok-Khaya
8 – Ashpa	25 – Chereyomushny Log	40 – Il'inskaya (I–II)	58 – Nizhnyaya Teya
9 – Sundyki	26 – Bychikha	41 – Moseikha (I–V)	59 – Arban
10 – Kobyakovo	27 – Abakano-Perevoz (I–X)	42 – Sosnikha	60 – Arbaty
11 – Tus	28 – Boyarskie Pisanitsy (I–VI)	43 – Sukhanikha (I–VI)	61 – Dzhebash
12 – Chalpan	29 – Apkashevskaya	44 – Komarkova	62 – Dzhoi
13 – Kurtuyak	30 – Oglakhty (I–VIII)	45 – Maidashinskaya	63 – Kantegir
14 – Proskuryakov Grotto	31 – Kunya (I–III)	46 – Koroviy Log	64 – Sosnovka
15 – Pora-Tigey	32 – Turan	47 – Sedlovina	Dzhoyskaya
16 – Aspad		48 – Shishka	
17 – Tekhterek		49 – Polosataya	
		50 – Kundusuk	

Fig. 1. Map showing the location of rock art sites

Рис. 1. Карта с указанием мест расположения памятников наскального искусства

Fig. 2
ФОТО 2

Fig. 3
ФОТО 3

Fig. 4
ФОТО 4

Fig. 5
ФОТО 5

Fig. 6
ФОТО 6

Fig. 7
ФОТО 7

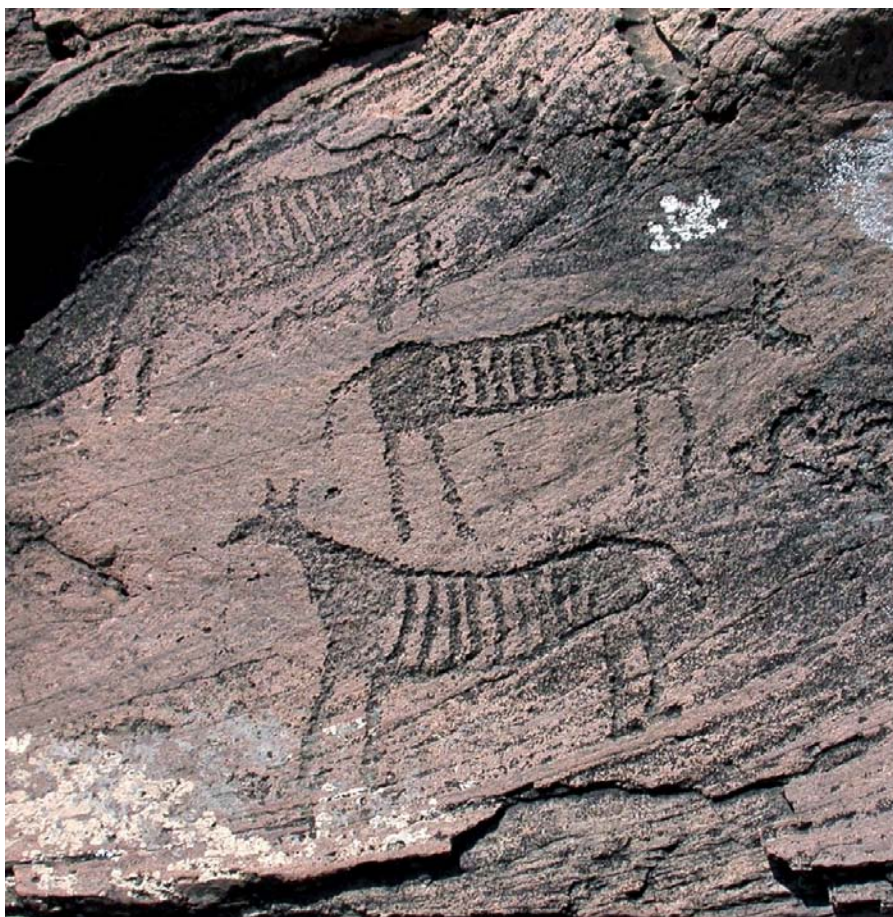

Fig. 8
ФОТО 8

Fig. 9
ФОТО 9

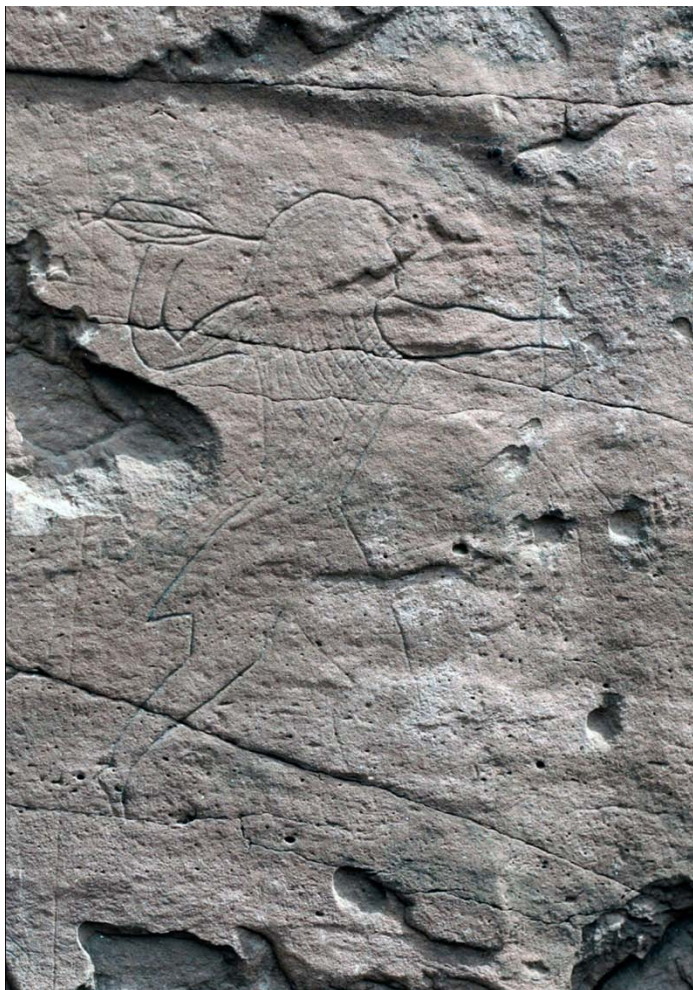

Fig. 10
ФОТО 10

Fig. 11
ФОТО 11

Выражение признательности

Готовя к изданию это Тематическое исследование по наскальному искусству, ICOMOS хотел бы выразить благодарность за поддержку и вклад: Центру всемирного наследия ЮНЕСКО – Сектору Азии и Тихого океана, Норвежскому Министерству иностранных дел, CARAD (База данных наскального искусства Центральной Азии); Жану Клотту, эксперту ICOMOS; Режине Дуригелло, директору Подразделения культурного наследия; Наталье Турекуловой, президенту национального комитета ICOMOS в Казахстане.

Содержание

Выражение признательности	201
Введение <i>Жан Клотт</i>	205
Памятники наскального искусства Казахстана <i>Алексей Е.Рогожинский</i>	207
Наскальное искусство Кыргызстана <i>Бакыт Аманбаева, Айдай Сулейманова и Чинарбек Жолдошов</i>	247
Наскальное искусство Таджикистана <i>Бобомулло С.Бобомуллоев</i>	281
Памятники наскального искусства Туркменистана <i>Еджегуль Мурадова</i>	305
Памятники наскального искусства Узбекистана <i>Мухиддин Худжаназаров</i>	313
Алтайские горы северо-западной Монголии <i>Эстер Якобсон-Тепфер</i>	329
Памятники наскального искусства Минусинской котловины <i>Елена Миклашевич</i>	339
Заключения <i>Жан Клотт</i>	359
Приложения – Наскальное искусство: Рекомендации по предварительной номинации	369

Введение

В последнее десятилетие ЮНЕСКО поставило наскальное искусство мира в ряд своих приоритетов. Фактически каждый год в Список Всемирного наследия включается новый памятник наскального искусства (а иногда и больше). Такое признание вполне заслуженно, потому что даже если не принимать в расчет его особые достоинства (художественные качества, а также уникальную информацию, которую оно может предоставить об исчезнувших народах, их обычаях, образе жизни и верованиях), оно является самой ранней формой искусства человечества, сохранившейся до наших дней, и самой распространенной по всему миру.

Для того, чтобы принятые в будущем решения были основаны на достаточно хорошей информационной базе, и для того, чтобы лучше защищать, сохранять это богатое и одновременно обширное наследие и управлять им, важно знать его лучше, установить его точное значение, его хронологию, детали методов его создания и изображенных тем. Кроме того, необходимо определить, сколько уже сделано, и что еще предстоит сделать. Существует много серьезных угроз разрушения. Каждый год, на всех континентах, ландшафты с изображениями уродуются или уничтожаются. Мы должны выявлять эти опасности, предупреждать их, и работать с правительствами и соответствующими группами населения, так, чтобы сохранение наскального искусства стало подлинным приоритетом, что сейчас встречается крайне редко.

Вот почему ИКОМОС поставил чрезвычайно сложную задачу составить и опубликовать тематические исследования о наскальном искусстве в различных частях мира, активно сотрудничая со специалистами в соответствующих регионах. При этом, он играет свою роль одного из трех консультативных органов Комитета всемирного наследия, которые помогают осуществлять Конвенцию всемирного наследия ЮНЕСКО, консультируя Комитет по всем аспектам этого специфического культурного наследия.

Таким образом, в 2006 году нами были опубликованы: "Тематическое исследование по наскальному искусству: Латинская Америка и Карибский бассейн (*"Thematic Study of Rock Art: Latin America and The Caribbean \ Étude Thématique de L'Art rupestre: Amerique Latine др. Les Caraïbes"*)". Вслед за этим, в 2007 году: Тематическое исследование по наскальному искусству: Африка – зона А: Сахара и Северная Африка (*"Thematic Study on Rock Art: Africa – Zone A: Sahara and North Africa \ Étude Thématique sur l'Art rupestre : Afrique - Zone A / Sahara et Afrique du Nord"*) .

Тема данной публикации – Центральная Азия. Задача была не из легких. Должны были быть преодолены некоторые трудности, на что потребовалось много времени и энергии. Это, конечно, обширный регион, который простирается на расстоянии в 3500 километров с запада на восток и около 2000 километров с юга на север. Состояние исследований и знаний на этой территории сильно варьируется от места к месту. За исключением одной статьи (Монголия), все остальные должны были быть переведены на английский язык, что значительно усложнило задачу. И, наконец, первоначально предложенный план работы пришлось пересмотреть по ходу. Предполагалось, что будем работать на базе семи географических зон (суб-зоны обозначены в скобках):

1. Северный Тянь-Шань (Киргизия и Казахстан);
2. Пустынный пояс – плато Устюрт, Букантау, Каратау и Чу-Илийского горы, пустыни Бетпақдала, полупустыня Сарыарка (Казахстан, Туркменистан и Узбекистан);
3. Ферганская долина (Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан);
4. Восточный Памир (Таджикистан);
5. Зеравшанская долина (Таджикистан и Узбекистан);
6. Алтайские горы (Казахстан, Россия и Монголия);
7. Южная Сибирь – Минусинская котловина, Тува (Россия).

Но этот метод оказалось невозможным применить на практике, и вместо него пришлось принять другой подход: проводить исследования по каждой стране отдельно. Мы уже сталкивались с такими трудностями в предыдущих тематических исследованиях. Поэтому за основу приняты семь стран и регионов, начиная с запада (от Каспийского моря) и заканчивая на востоке: Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан, Казахстан, северо-восточная Монголия и центральная часть южной России (Сибирский регион Тувы и Минусинская котловина).

Нужно ли было добавить еще северный Афганистан и Пакистан, или даже крайний северо-восток Китая, или, может, надо было еще выйти за пределы подзоны, выбранной для Сибири? Имели место продолжительные дискуссии. Вопрос, который поднимался, касался того, что принять за основу: самое узкое или самое широкое определение Центральной Азии? В итоге мы приняли решение руководствоваться соображениями практичности.

Преимуществом этого выбора является то, что он дал возможность для реализации проекта, дал нам огромное количество документации о регионе мира, где наскальная живопись еще недостаточно исследована (и слишком часто затмевается великолепием других памятников), и, наконец, он дал нам достаточно аккуратный обзор того, что получило название "степное искусство".

Жан Клотт

Памятники наскального искусства Казахстана

Алексей Е.Рогожинский

Введение

Казахстан – самая крупная по занимаемой территории страна Центральной Азии. Огромные степные пространства, пустыни и полупустыни центральной части страны ограничены с запада Каспийским морем и Уралом, с севера – лесостепью Западной Сибири, а на востоке и юге – горным поясом Алтая, Тарбагатай, Джунгарского Алатау и высоких хребтов Северного Тянь-Шаня. Географическое расположение, богатство природных ресурсов и многообразие ландшафтно-климатических условий Казахстана, как в нынешние времена, так и в глубокой древности определяли особую значимость этой территории в истории многих народов Евразии. В историко-культурном контексте эта обширная горно-степная страна с древнейших времен играла роль контактной зоны, связывавшей цивилизации и народы Передней и Восточной Азии, Сибири и Восточной Европы.

Памятники наскального искусства наряду с другими историческими свидетельствами – письменными и археологическими – предоставляют обильный материал для понимания многих процессов культурного развития, взаимодействия народов Казахстана и соседних стран в древности и средние века. Несмотря на то, что наскальные изображения обнаружены сегодня практически на всей территории страны, отчетливо выделяются несколько основных зон концентрации памятников наскального искусства: восточная (Алтай, Прииртышье и Тарбагатай), центральная (Сарыарка, Улытау и Северное Прибалхашье), южная, подразделяемая на южно-казахстанскую (Каратау, Таласский и Киргизский Алатау) и семиреченскую часть (Джунгарский Алатау, Северный Тянь-Шань, Чу-Илийские горы). В историко-географическом отношении восточная и южная зоны имеют более широкие пределы, не фиксируемые современной политической картой региона. Так, памятники Казахстанского Алтая неотделимы от Саяно-Алтайского ареала наскального искусства, а памятники западной оконечности Таласского хребта и Каратау – от всего Западно-Тяньшаньского района. На западе Казахстана памятники наскального искусства сравнительно немногочисленны и распространены главным образом на полуострове Мангышлак и плато Устюрт; единичные местонахождения открыты в горах Мугоджары. В Северном Казахстане наскальные изображения не известны.

Традиционно археологи Казахстана разделяют местонахождения наскальных рисунков на *крупные*, где насчитывается более 1000 отдельных изображений, и *малые*, включающие от нескольких десятков до нескольких сотен петроглифов. Такая классификация не отражает всей полноты отличий одного скопления рисунков от других, но типология памятников наскального искусства региона еще не разработана, и для простейших статистических подсчетов и сопоставлений данная номенклатура оказывается применимой. Наиболее крупные и значимые местонахождения петроглифов сконцентрированы на востоке (Алтай, Тарбагатай) и особенно на юге Казахстана – в Джунгарском Алатау, Чу-Илийских горах и Присырдарьинском Каратау. Памятники этих районов считаются наиболее изученными. Два из них – Арпаузен и Ешкиольмес – являются потенциальными объектами мирового культурного наследия и представлены в Предварительном списке ЮНЕСКО от Казахстана; петроглифы комплекса Тамгалы включены в Список всемирного наследия в 2004 г.

Памятники юга Казахстана

Семиречье

Название этой историко-географической области Центральной Азии в форме Жидысу/Жетысу (каз. семь рек) зафиксировано русскими источниками в конце XVIII – начале XIX столетий и первоначально относилось к территории юго-восточного Прибалхашья, ограниченной северным склоном Джунгарского Алатау. Со второй половины XIX в. название «Семиречье» приобрело расширенное значение в связи с учреждением Семиреченской области в административных границах, включавших всю территорию к югу от оз. Балхаш до Прииссыккуля, верховья р. Чу, дельту и среднее течение долины р. Или. В современном географическом толковании территория Семиречья охватывает область между озерами Балхаш, Сасыколь и Алаколь на севере, хребтами Северного Тянь-Шаня на юге, Джунгарским Алатау на востоке и Чу-Илийскими горами на западе, что административно совпадает с территорией Алматинской области Казахстана. Самая крупная река Семиречья Или делит всю область на правобережную и левобережную части, на Восточное и Западное Семиречье.

В северной и северо-западной равнинной части Семиречья распространены песчаные и солончаковые пустыни, а вдоль рек – лугово-тугайные ландшафты. В предгорьях Джунгарского Алатау и хребтах Северного Тянь-Шаня (Заилийский Алатау, Кетмень и др.) до высоты 2000 м над у. м. распространены лиственные леса, которые выше сменяются еловыми лесами и альпийскими лугами.

Джунгарский Алатау имеет протяженность в широтном направлении более 400 км и состоит из двух четко выраженных параллельных друг другу хребтов: северного, или главного, и южного. Система Джунгарского Алатау включает несколько субпараллельных высоких горных цепей, сопровождаемых невысокими и короткими хребтами и их отрогами. Абсолютные высоты основных хребтов превышают 4500 м над у.м. Отличительной чертой Джунгарского Алатау является резкий ступенчатый рельеф склонов, в котором выделяются низкогорье (700 - 1600 м), среднегорье (1600 - 3100 м) и высокогорье (3100 - 4662 м). В строении основных хребтов и передовых гряд большую роль играют метаморфические сланцы среднего и нижнего палеозоя. Менее распространены палеозойские песчаники и известняки. Предгорья сложены толщами палеогеновых, неогеновых и четвертичных отложений. Снеговая линия в Джунгарском Алатау расположена на высотах 3200-3800 м над у.м. Ледники и снега, а главным образом подземные воды питают множество рек, стекающих с северного склона к озерам Балхаш, Сасыколь и Алаколь, а с южного – к реке Или.

Чу-Илийские горы протяженностью около 200 км вытянуты от Заилийского Алатау в северо-западном направлении и являются продолжением и окончанием Северного Тянь-Шаня, с которым имеют сходную историю геологического развития. Они образуют систему хребтов, разделенных межгорными тектоническими впадинами. Амплитуда поднятия Чу-Илийских гор значительно меньше, чем в Заилийском Алатау (около 5000 м); наиболее высокими здесь являются горы Аныракай (1183 м), Кулжабасы (1178 м) и Хантау (1024 м). Для них типичны сохранившиеся фрагменты древних поверхностей выравнивания, окаймленные крутосклонными низкими горами, по периферии переходящими в мелкосопочник, сложенный интрузивными и эффузивно-осадочными породами. Осевая часть Чу-Илийских гор образует водораздел рек Чу и Или.

Геолого-геоморфологические и ландшафтно-климатические условия Семиречья обуславливают особенности топографии, численности и субстрата памятников наскального искусства восточной и западной части этой области. Так, в Чу-Илийских

горах нет местонахождений петроглифов, выполненных на скальных обломках (валунах) моренных отложений, в то время как в Джунгарском Алатау и горах Северного Тянь-Шаня такие местонахождения встречаются достаточно часто. В целом для Семиречья характерны местонахождения петроглифов в горно-степных ландшафтах на открытых вертикальных и/или горизонтальных поверхностях скал эрозионных и речных долин, традиционно осваивавшихся оседлыми скотоводами и земледельцами, а также кочевниками всех исторических эпох.

В Джунгарском Алатау с его многочисленными отрогами находится значительное количество местонахождений петроглифов, сосредоточенных в основном в низогорье и среднегорье. Еще большей концентрацией памятников отличаются Чу-Илийские горы особенно в центральной и южной части мелкосопочника. В Северном Тянь-Шане крупных местонахождений петроглифов известно немного, но в целом в горных долинах Заилийского Алатау, Кунгей Алатау и хребта Кетмень количество памятников также значительно. Общее количество зарегистрированных памятников наскального искусства Семиречья сегодня превышает 50 местонахождений, но цифра эта год от года увеличивается по мере продолжения археологических исследований и расширения зоны поиска.

В Семиречье известны только местонахождения выбитых на камне рисунков-петроглифов; наскальные росписи здесь пока не обнаружены. Преобладающей техникой исполнения рисунков является выбивка, реже – гравировка и другие способы нанесения изображений на поверхность камня. Наиболее распространенным видом субстрата, использовавшегося в разные времена для создания петроглифов, являлись поверхности песчаника и алевролитов, покрытые «пустынным загаром»; значительно реже рисунки выбивались на патинированных поверхностях интрузивных пород.

В Семиречье сосредоточено несколько крупных местонахождений петроглифов, изучение которых насчитывает не одно десятилетие и послужило основой для разработки современных схем периодизации наскального искусства Казахстана. Древнейшие петроглифы Семиречья датируются разными этапами эпохи бронзы (II тыс. до н.э.); выявить более древние группы изображений пока не удастся. Хорошо выделяются изобразительные традиции эпохи раннего железа (I тыс. до н.э. – V в. н.э.) и средневекового времени (VI–XII вв.). Не идентифицированы наскальные изображения послемонгольского периода (XIII–XVI вв.). Слабо изученными являются петроглифы позднего средневековья и нового времени (XVII–XX вв.), нередко связанные с эпиграфикой и родоплеменными знаками (тамгами) кочевников западно-монгольского и тюркского происхождения. Повсеместно выделяются петроглифы и надписи, относящиеся к современному этапу развития традиционного наскального творчества.

Наиболее выразительным представляется наскальное искусство бронзового века – эпохи расцвета и широкого распространения данного вида художественного творчества. Петроглифы этого времени многочисленны и зафиксированы практически во всех районах Семиречья. В целом данная изобразительная традиция характеризуется относительно однородным репертуаром изображений (антропоморфных, зооморфных и знаков), сходной стилистикой, иконографией, а также техникой их исполнения. Однако в рамках этого единства наблюдаются хронологические, территориальные и, вероятно, культурные отличия петроглифов Восточного и Западного Семиречья.

Репрезентативная серия петроглифов, датируемых первой половиной II тыс. до н.э., выделена на комплексе Кулжабасы в южной части Чу-Илийских гор. Для нее характерно доминирование одиночных контурных изображений диких быков больших размеров (до 1-

1,5 м) и композиций с ними, четырехколесных повозок с быками или верблюдами и др. Хронологически за ней следуют петроглифы типа Тамгалы, наиболее ярко представленные на эпонимном памятнике; репертуар этих петроглифов отличается большее разнообразие зооморфных и антропоморфных образов, среди которых ведущее место занимают изображения солярных персонажей («солнцеголовые») и других фантастических зоо-антропоморфных фигур, а также колесниц, запряженных лошадьми. Датировка этой уникальной серии петроглифов определяется в пределах XIV-XIII вв. до н.э. Наряду с этим в Чу-Илийских горах и в западной части Заилийского Алатау выделяются петроглифы позднего бронзового века, которые отличаются более простой трактовкой фигур, малыми размерами, а в репертуаре – преобладание пасторальных, батальных и охотничьих сюжетов при почти полном отсутствии синкретических образов, присутствовавших в искусстве ранних этапов.

В Восточном Семиречье также выделяются несколько разновременных групп петроглифов, датирующихся в пределах поздней бронзы; более ранние изображения, сопоставимые по времени с памятниками Чу-Илийских гор, здесь пока не идентифицированы. В Джунгарском Алатау исследовано крупнейшее в Казахстане местонахождение петроглифов – Ешкиольмес, отличающееся большим разнообразием стилей и богатым репертуаром гравюр эпохи бронзы. Здесь выделяется не менее трех стилистических групп рисунков, которые датируются в интервале XIII-IX вв. до н.э. и находят соответствие в позднебронзовых петроглифах Западного Семиречья.

Изобразительные традиции наскального искусства Семиречья эпохи раннего железа также наиболее ярко представлены в Ешкиольмесе. Здесь выделяются петроглифы предсакского и раннесакского времени (VIII-VI вв. до н.э.), характеризующиеся специфическим набором изобразительных приемов звериного стиля и репертуаром, в котором исключительное значение имеют образы дикой фауны – кошачий хищник, волк, кабан, олень, горный козел, а также хищные птицы. Хорошо идентифицируется изобразительная традиция, связанная с искусством пазырыкской культуры; отличительной особенностью репертуара петроглифов этой многочисленной группы является ведущая роль антропоморфных образов – конных и пеших воинов, вооруженных луками, чеканами, кинжалами или мечами, и женщины-роженицы, занимающей в этом искусстве едва ли не центральное место. Зооморфным изображениям присуща иконография сцен преследования и терзания, когда тело или голова животного развернуты по оси на 180°. Датировка этих петроглифов определяется V-III вв. до н.э.

В Западном Семиречье выделяется еще одна изобразительная традиция, связанная с воспроизведением на скалах зеркал с ручкой (часто в натуральную величину), датируемая на основании сходства изображений с реальными предметами, типичными для культуры кочевников Западного Казахстана, Приуралья и джетыясарской культуры низовьев Сырдарьи, – в пределах VI-IV/III вв. до н.э. Помимо названных групп петроглифов к эпохе раннего железа относится большое количество менее выразительных гравюр, хронологическая и культурная атрибуция которых еще не выполнена. В частности, на материалах памятников Восточного Семиречья пока не удается уверенно выделить петроглифы конца I тыс. до н.э. – начала н.э., в то время как в Чу-Илийских горах (Кулжабасы, Тамгалы) обнаружены репрезентативные серии петроглифов, репертуар и иконография которых находят аналогии в предметах искусства хунну и сяньби.

В рамках единой изобразительной традиции выделяются петроглифы древнетюркского периода (VI-VIII вв.) и времени развитого средневековья (IX-XII вв.); основанием для их

выделения являются стилистические отличия, изображения датируемых предметов вооружения и экипировки, а также наличие сопутствующей эпиграфики и родоплеменных знаков-тамг. Общими отличительными чертами данной изобразительной традиции являются репертуар, в котором ведущее место занимают фигуры конных воинов (часто со знаменами), сцены ристалищ, загонной/облавной охоты и другие сюжеты, а также стиль, в котором сохраняются черты анималистического искусства предшествующей эпохи. Наиболее яркие образцы средневекового наскального творчества на востоке Семиречья представлены в Ешкиольмесе и Баянжуреке, а на левобережье р. Или – в Тамгалы, Кулжабасы, Аккайнаре, Актереке, Ой-джайляу и многих других памятниках.

Наскальное изобразительное творчество ойратских племен, обитавших в Семиречье в XVII – первой половине XVIII в., остается слабо изученным. Памятники этой группы представлены в основном культовой тибетской и ойратской эпиграфикой (Кегенский арасан, Тайгак), иногда сопровождаемой изображениями персонажей ламаистского пантеона (Тамгалытас, Аккайнар), родоплеменными знаками-тамгами и реже – изображениями животных и людей (Кулжабасы).

Значительную часть петроглифов нового времени составляют изображения и надписи на скалах, созданные кочевниками-казахами в XIX – начале XX в. Репертуар этих петроглифов ограничен изображениями сцен охоты, конных скачек или пастьбы скота; при этом создание вблизи зимних стоянок арабографичных надписей-«автографов» и изображений родовых тамг выступает как функционально значимая задача наскального творчества. Петроглифы этого периода редко образуют значительные скопления, но в целом распространены повсеместно и достаточно многочисленны. Теми же признаками характеризуется содержание и формы наскального творчества XX в., отличаясь кириллическим написанием «автографов» и распространением современных советскому времени исторических реалий и идеологических символов: портреты В.И. Ленина, пятиконечная звезда, эмблемы родов войск Советской Армии и т.п. Наряду с этим сохраняются традиционные сюжеты охоты, джигитовки и др.

Изучение археологических памятников Семиречья началось еще во второй половине XIX в., но особенно активные и систематические исследования развернулись с 1950-х годов и продолжаются в настоящее время. Наименее изученными остаются памятники каменного века, известные в основном по сборам артефактов мезолита и неолита в Чу-Илийских горах (Хантау, Кулжабасы, Тамгалы, Аныракай), предгорьях Тянь-Шаня и в Джунгарском Алатау. В предгорной зоне Заилийского Алатау исследована стратиграфия мезолитического местонахождения Майбулак. Памятники энеолита и ранней бронзы до сих пор не выявлены, но в Чу-Илийских горах и Джунгарском Алатау имеются единичные находки каменных, медных и керамических изделий, относящихся ко времени, предшествовавшему широкому освоению Семиречья племенами андроновской культурно-исторической общности. Поселения и могильники эпохи бронзы исследованы на всей территории Семиречья, в том числе в ландшафтах, связанных с местонахождениями петроглифов. Большинство известных памятников относятся к «смешанным» типам (семиреченский, кульсайский), отражая значительное воздействие с XIV–XIII вв. до н.э. в Западном Семиречье атасуского (алакульского) варианта культуры эпохи бронзы Центрального Казахстана и андроновидных культур Южной Сибири в XIII–X вв. до н.э. – главным образом в Восточном Семиречье. Культура древних кочевников I тыс. до н.э. изучена преимущественно по многочисленным курганным погребениям, раскопки которых интенсивно проводились в предшествующее время, но значительная часть материалов остается неопубликованной. Повсеместно зафиксированы также стоянки и поселения эпохи раннего железа, но раскопками исследованы лишь отдельные памятники в предгорьях Заилийского Алатау, в Чу-Илийских горах и Джунгарском Алатау. Предгорная зона Северного Тянь-Шаня выделяется большим

количеством находок кладов, включающих бронзовые котлы, жертвенники и др. Для средневекового периода характерно сосуществование на территории Семиречья городской оседло-земледельческой культуры, представленной большим количеством городищ и сельских поселений, и кочевой культуры, известной по погребальным памятникам и мемориалам с каменными изваяниями. Памятники нового времени, – стоянки кочевников XVIII – начала XX в., выявлены повсеместно, но систематически они не изучены. В целом современное состояние изученности археологических памятников Семиречья, хотя и остается недостаточным для решения некоторых вопросов древней истории, позволяет рассматривать наскальное искусство в контексте общего развития культуры региона. Этому способствует также комплексный подход, который с 1980-х годов применяется в изучении многих памятников наскального искусства Семиречья (Тамгалы, Кулжабасы, Ешкиольмес), и предусматривающий исследование местонахождений петроглифов наряду с другими археологическими объектами, как единого культурного ландшафта.

Несмотря на то, что практика создания наскальных изображений и надписей до сих пор сохраняется в среде определенной части коренного скотоводческого населения Семиречья, религиозно-культового значения эта деятельность не имеет. В то же время некоторые местонахождения петроглифов или отдельные участки их территории включены в сакральное пространство признанных традицией святых мест (Тамгалы, Кегенский арасан); однако и в этих случаях главными объектами почитания являются не древние петроглифы, а другие культурные или природные объекты – захоронения, культовые сооружения, деревья, источники. За редким исключением информированность местного населения о ценности древних петроглифов остается минимальной, что вызывает часто пренебрежительное отношение к ним, преднамеренное разрушение или подновление гравюр, создание палимпсестов и т.п.

Наиболее значимые памятники Семиречья

Тамгалы

Местонахождение. Урочище Тамгалы находится в 170 км к северо-западу от г. Алматы, в 4 км к северу от аула Карабастау, в юго-восточной части Чу-Илийских гор. Географический район относится к зоне пустынь с засушливым резко континентальным климатом. Рек здесь мало, многие из них летом пересыхают; основные из них Тамгалы и Ойсу являются правыми притоками р. Ащысу. Имеются редкие виды растений, встречающиеся в Чу-Илийских горах и занесенные в Красную книгу Казахстана. Из диких животных обитают волки, лисы, зайцы, черепахи, змеи, а также множество птиц, в том числе хищных – степной орел, кобчик, сокол балобан.

В формировании живописного рельефа Тамгалы основную роль сыграли неотектонические движения. Граница гор и широкой равнины к северу от Тамгалы фиксирует линию древнего разлома, в результате которого произошло поднятие поверхности, и образовался высокий уступ; водная и ветровая эрозия сформировали сеть речных долин и мелкосопочный рельеф. Яркой достопримечательностью долины Тамгалы является небольшой каньон, образовавшийся в устье ущелья. Здесь на изгибах долины скалистые склоны почти вплотную подступают друг к другу. Широкие и гладкие поверхности скал покрыты плотным «пустынным загаром» и послужили идеальным фоном для создания множества наскальных рисунков.

Археологический контекст. В Тамгалы известно более ста различных памятников – поселений, могильников, жертвенников и скоплений петроглифов, сосредоточенных на территории около 900 га и датируемых в интервале от середины XIV-XIII вв. до н.э. до рубежа XIX-XX вв.

Поселения находятся исключительно в горной части урочища. В условиях мелкосопочника они занимают небольшую площадь (300-1200 кв. м) и располагаются в различных геоморфологических условиях. Многие из них являются многослойными памятниками, содержащими культурные остатки нескольких исторических эпох. Раскопки проводились на поселениях Тамгалы I и V. Стратиграфия Тамгалы I включает культурные напластования четырех исторических периодов: поздней бронзы (XII-X вв. до н.э.), эпохи раннего железа (два этапа: VI/V - IV вв. до н.э.; II в. до н.э. - I в. н.э.), а также позднего средневековья (XVI-XVII вв.) и нового времени (рубеж XIX-XX вв.). Для разных слоев поселения получено более десяти дат по ¹⁴C и ЭПР. В составе культурных слоев обнаружены строительные камни с петроглифами; наиболее репрезентативная серия изображений датируется рубежом V-IV вв. до н.э.

Древние захоронения (могильники) находятся в горной и равнинной части урочища Тамгалы. На предгорной равнине исследованы могильники эпохи бронзы Тамгалы I, II и Каракудук II; в горной части расположены могильники Тамгалы IV-VII. Памятники типологически относятся к атасускому и семиреченскому вариантам андроновской культурно-исторической общности и датируются в интервале XIV/XIII – X в. до н.э.

Курганные захоронения найдены в урочище повсеместно и представлены несколькими типами, различающимися особенностями насыпи и погребальных конструкций. Самые крупные могильники, состоящие из двух-трех десятков сооружений, располагаются на предгорной равнине. Исследованные А. Г. Максимовой в 1957 г. курганы датированы III в. до н.э. – II в. н.э.; особо выделяется сооружение в виде кургана с каменными выкладками-«усами». На могильнике Тамгалы VI в 1986 г. исследован курган с захоронением V-IV вв. до н.э. На могильнике Каракудук II выявлены три ритуальные кольцевые ограды, в одной из которых найден «оленный» камень, датируемый V-IV вв. до н.э. Средневековые захоронения в Тамгалы не выявлены. Вблизи могильников эпохи бронзы Тамгалы I, II и VI обнаружены древние каменоломни.

Ядром комплекса является каньон Тамгалы, где на скалах, условно обозначенных как I-V группы, насчитывается около 3000 петроглифов; общее количество наскальных изображений, включая периферийные местонахождения, достигает 5000 рисунков.

Типология и датировка. Петроглифы Тамгалы эпохи бронзы обладают высокой художественной ценностью и уникальны в наскальном искусстве Центральной Азии. Наибольшей эстетической и культурной ценностью обладает самая древняя серия наскальных рисунков, выделяемая как тип петроглифов Тамгалы. Они отличаются крупными размерами изображений (от 25-30 см до 0,7-1,0 м), яркой натуралистической манерой рисунка и богатым репертуаром образов (антропоморфные солярные божества, «ряженные», палиценосцы, лучник в волчьей маске, колесницы, отпечатки подошвы, очкообразные знаки, а также изображения быков, куланов, лошадей, верблюдов, кабанов, волков, оленей и др.).

Шедевром первобытного наскального творчества является вертикальное панно (IV группа, пл. 118) с изображениями 6-7 солярных персонажей, десяти танцующих мужчин-воинов с оружием, женщины-роженицы, эротической сцены и «адорантов». В композиции наблюдается иерархия трех групп персонажей: высший уровень занимают солярные божества, а между ними и «адорантами» в нижней части картины – серия однотипных фигур танцоров и роженицы. Одиночные изображения «солнцеголовых» разного вида имеются также на II, III, IV и V группах Тамгалы, однако только на этом панно все солярные персонажи объединены в одной композиции, что позволяет

рассматривать ее как изображение пантеона. В Тамгалы всего зафиксировано 30 изображений «солнцеголовых», из которых в настоящее время сохранилось 26.

Петроглифы типа Тамгалы распространены неравномерно на территории урочища: они сосредоточены главным образом на скалах I-V, IVa групп, где их насчитывается более 1000; единичные изображения встречаются также на нескольких периферийных местонахождениях комплекса Тамгалы. Датировка петроглифов типа Тамгалы установлена в интервале второй половины XIV – XIII вв. до н.э. Ареал данной изобразительной традиции ограничивается территорией от центральной части Чу-Илийских гор до Чуйской долины и Северного Прииссыккуля.

Петроглифы поздней бронзы (XII-X вв. до н.э.) уступают по численности рисункам предшествующего времени и существенно отличаются по технике, стилю, репертуару, локализации на территории комплекса Тамгалы. Репертуар образов выглядит беднее, центральное место в нем занимают изображения лошадей, быков и диких животных; сложные, синкретические образы становятся редкими. Особую и немногочисленную группу составляют рисунки переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку, датируемые началом I тыс. до н.э. В репертуаре почти полностью отсутствуют антропоморфные фигуры, уступая место стилизованным изображениям оленя, дикого козла и хищников – волка, кабана, пантеры. Художественная манера и композиционный порядок, обусловленный выбором вертикальных стелообразных плоскостей, связывают эти петроглифы с изобразительной традицией «оленных» камней Западной Монголии и Алтая.

Изображения раннего железного века составляют самую многочисленную группу петроглифов Тамгалы. На скалах основных местонахождений они сосредоточены главным образом на IV и V группах, а на периферии комплекса – повсеместно вблизи поселений, курганных могильников и на вершинах сопок. Яркую серию петроглифов этой эпохи образуют изображения диких животных в сакском зверином стиле – специфической художественной манере центрально-азиатского анимализма VI-IV вв. до н.э. С их появлением связано массовое подновление рисунков бронзового века на III-V группах, где нередко сакские петроглифы грубо выбиты поверх древних изображений. Наряду с этим на скалах Тамгалы присутствует огромное количество создававшихся в ту же эпоху невыразительных гравюр.

Петроглифы средневековья также встречаются в Тамгалы повсеместно, хотя их общее количество сравнительно невелико. На скалах каньона они преобладают на IV и V группах, но лучшие образцы представлены на нескольких периферийных местонахождениях, расположенных вдоль главных дорог и горных троп урочища.

Средневековые гравюры отличаются особым репертуаром и художественным своеобразием, присущим изобразительному искусству кочевников Центральной Азии VI-XII вв. Главным персонажем наскальных композиций является конный всадник – знаменосец, лучник или тяжеловооруженный воин. Новые изобразительные мотивы – поединок конного и пешего воинов, сцены облавной охоты, перекочевки. За редким исключением рисунки выбивались неглубоко, многие изображения небрежно процарапаны острым металлическим инструментом. Популярным приемом становится сплошное подновление древних рисунков с добавлением новых деталей, изменявших первоначальное содержание образов. Ярким примером служит изображение быка эпохи бронзы (III группа, пл. 23), преобразованное в фигуру конного всадника.

К числу редких в наскальном искусстве Центральной Азии относится крупное изображение слона с наездником, выбитая на скале вблизи поселения Тамгалы I, и фигура сидящего антропоморфного персонажа (божества?) на V группе, иконография которого напоминает раннесредневековые фрески Согда. Особую категорию гравюр образуют древнетюркские тамги – знаки племенной принадлежности и родовой собственности. Имеется также короткая руническая надпись IX-X вв.

Последними десятилетиями XVII – серединой XVIII вв. датируется ойратская надпись на скалах IV группы, представляющая собой шестисложную мантру «om ta ni pad me hum». Народные казахские рисунки XIX – начала XX вв. демонстрируют последний всплеск наскального творчества. Репертуар их ограничен изображениями козлов, лошадей и конных всадников. Они встречаются в основном вблизи стационарных поселений-зимовок; наряду с фигурами людей и животных часто изображались родовые тамги.

Особая культурная значимость комплекса Тамгалы обусловлена рядом особенностей. Здесь аккумулируются многие изобразительные традиции, выделяемые в наскальном искусстве Казахстана и Средней Азии. Петроглифы и другие памятники Тамгалы ярко иллюстрируют эволюцию содержания и форм наскального искусства на протяжении трех тысячелетий на фоне исторического развития кочевой культуры в условиях аридной зоны Центральной Азии.

Изученность и документация. Наскальные изображения и некоторые памятники Тамгалы открыты и впервые обследованы в 1957 г. А.Г. Максимовой (Семиреченский отряд ЮКЭ ИИАЭ АН КазССР), в 1970-1980-е гг. исследования проводились геологами А.Г. Медоевым и Б.Ж. Аубекеровым, археологами А.Н. Марьяшевым, А.С.Ермолаевой, в 1988-2005 гг. А.Е. Рогожинским. В 1990-1994 гг. Институтом «Казпроектреставрация» начаты комплексные археолого-геоморфологические исследования и работы по консервации петроглифов, продолженные в 1998-2005 гг. КазНИПИ ПМК (А.Е. Рогожинский, Б.Ж. Аубекеров, Е.Н. Рипинская, Л.Ф. Чарлина, Е.Х. Хорош) при участии в 2002-2005 гг. А.-С. Хиген (Риксантикварен, Норвегия) и поддержке ЮНЕСКО. С 2001 г. комплекс Тамгалы состоит в Государственном списке памятников Казахстана национального значения, в 2003 г. создан Государственный историко-культурный и природный заповедник «Тамгалы». В 2004 г. петроглифы археологического ландшафта Тамгалы включены в Список всемирного наследия ЮНЕСКО (Рогожинский и др. 2004).

Кулжабасы

Местонахождение. Горы Кулджабасы находятся в Кордайском районе Жамбылской области, в 200 км к западу-северо-западу от г. Алматы, в 30 км от ст. Отар, в юго-западной части Чу-Илийских гор, где широкая Копинская долина отделяет южную оконечность хребта от центрального Аныракайского массива. Северная часть гор представляет собой обширное сухое плато; южные склоны прорезают эрозионные долины, некоторые из которых имеют в длину 2-3 км. Хребет разделен впадиной на восточную часть и западную, более высокую, обеспеченную большим количеством родников, а также скальными обнажениями, патинированные поверхности которых использовались для создания петроглифов.

Изученность и документация. Первые сведения о находках наскальных рисунков в горах Кулжабасы сообщены в 1961 г. краеведом-зоологом П.И. Мариковским, обследовавшим несколько ущелий в западной части гор. Основное местонахождение петроглифов открыто в 2002 г. Р. Сала и в 2003-2004 гг. исследовалось экспедициями Института археологии НАН РК (А.Н. Марьяшев) и НИПИ памятников материальной культуры (А.Е. Рогожинский). В 2005-2009 гг. документирование и изучение петроглифов Кулжабасы продолжалось А.Е. Рогожинским (КазНИИ ПКТН). В результате этих исследований выявлены основные скопления петроглифов и более ста памятников других видов, сосредоточенных в более 10

ущельях хребта Кулжабасы. Составлена археологическая карта местонахождения, сделаны индексированные панорамы основных скоплений рисунков; на трех могильниках эпохи бронзы и двух поселениях производились археологические раскопки. Типология и периодизация петроглифов Кулжабасы впервые предложена Р. Сала и в дальнейшем разработана А.Е. Рогожинским (Рогожинский и др. 2004).

Археологический контекст. Археологический ландшафт Кулжабасы охватывает узкую полосу предгорий и коротких горных долин (примерно 2 x 30 км). В горных долинах Кулжабасы выявлено несколько десятков разновременных поселений. Здесь же поблизости от стоянок на скалистых склонах ущелий возникали галереи рисунков, наиболее значительные из которых сосредоточены в четырех центральных долинах. На предгорной равнине располагаются небольшие группы могил или целые некрополи с погребениями эпохи бронзы в каменных ящиках и цистах, с цепочками курганов ранних кочевников и средневекового периода, ритуальными оградками и изваяниями внутри них, а также казахские семейно-родовые усыпальницы и купольные мавзолеи XVIII–XIX вв. Памятники позднейшего периода представлены также остатками многочисленных зимовок, расчищенных и огороженных участков небольших пашен и сравнительно небольшим количеством петроглифов и родоплеменных тамг. С начала 1930-х гг. обитание кочевников в Кулжабасы резко сократилось.

Материалы из раскопок могильников эпохи бронзы Кулжабасы III, V и VI сближают их с другими памятниками Чу-Илийских гор (Тамгалы, Ой-Джайляу, Кожа-бала) и Семиречья в целом, которые датируются не ранее XIV–XIII вв. до н. э.

Типология и датировка. Наиболее ценную и информативную часть памятников Кулжабасы составляют петроглифы. Выделяются несколько выразительных серий петроглифов, хронологически предшествующих наскальным рисункам эпохи поздней бронзы, ярко представленным в Тамгалы и других памятниках Семиречья. Наиболее ранние гравюры концентрируются в трех центральных ущельях и представлены несколькими десятками крупных контурных изображений быков с длинными, плавно изгибающимися рогами; фигуры животных выбиты неглубоко и часто перекрыты более поздними изображениями, подобными гравюрам типа Тамгалы (XIV–XIII вв. до н. э.), и относятся, возможно, к первой половине II тыс. до н. э. или более раннему времени. Это особенно важно, поскольку в генезисе петроглифов типа Тамгалы предполагается синтез изобразительных традиций андроновских племен южной Сарыарки (Центральный Казахстан) и каких-то автохтонных групп населения Западного Семиречья, происхождение которых пока остается неясным.

Петроглифы эпохи бронзы Кулжабасы выделяются специфическим репертуаром, иконографией и стилем изображений. В репертуаре доминируют изображения быков, корпус которых нередко украшен параллельными линиями или сеткой; имеются изображения запряженной быками четырехколесной повозки на сплошных колесах и людей, ведущих верблюдов. Антропоморфные фигуры изображены натуралистично в своеобразной манере (корпус развернут фронтально, ноги показаны в профиль), которая отличает петроглифы бронзового века гор Каратау (Южный Казахстан), Букантау и Заравшанской долины (Узбекистан). Среди них представлена серия редких изображений, имеющих аналогии в древнейших петроглифах Тамгалы: лучники в звериных (волчьих?) масках, «солнцеголовые» персонажи и др. Это позволяет обозначить в пределах южной части Чу-Илийских гор зону расселения племен эпохи бронзы, в среде которых во второй половине II тыс. до н. э. сформировалась изобразительная традиция петроглифов типа Тамгалы. Возможно, ранние гравюры Кулжабасы демонстрируют исходную стадию этого культурного процесса, завершившегося созданием уникальной галереи рисунков в Тамгалы.

Петроглифы поздней бронзы Кулжабасы демонстрируют большое разнообразие стилей, отражая многокомпонентный состав населения Западного Семиречья в конце II тыс. до н. э. Примечательной особенностью наскального искусства этого времени является изображение на скалах реальных предметов – ножей, зеркал, женских украшений, сопоставимых с артефактами эпохи поздней бронзы. Это позволяет датировать сопутствующие им петроглифы и выявить широкие культурные связи населения древнего Семиречья. Так, изображения зеркал с выступающей ручкой сопоставимы с аналогичными бронзовыми изделиями из кладов Чуйской долины (Шамши, Садовое, Сукулук и Койтын) XII–IX вв. до н. э. и литейных форм с древнеземледельческих поселений чустской культуры Ферганы. На более удаленные связи Семиречья указывает изображение ножа, металлические прототипы которого были распространены в XIII–IX вв. до н. э. у лесостепных племен Томского Приобья. Возможно, частое воспроизведение престижных металлических изделий на скалах Кулжабасы и других памятников Чу-Илийских гор отражает важную роль этого участка древних дорог, связывавшего население Семиречья и Прииссыккуля с крупнейшими месторождениями меди Сарыарки.

Значение этого «коридора» степных коммуникаций еще более возрастает в I тыс. до н. э., когда наряду с традиционными сюжетами сакских анималистов в Кулжабасы возникают произведения древних кочевников, «следы» которых обнаруживаются от Урала и низовьев Сырдарьи до Алтая и Саян.

Лучшие петроглифы этого периода сосредоточены в восточной части комплекса Кулжабасы. Здесь на скалах не занятых петроглифами предшествующих эпох создана галерея замечательных изображений. Несколько вертикальных и наклонных плоскостей, расположенных так, что многие гравюры видны одновременно с расстояния в 10–15 м, составляют своего рода «триптих». Передний план и центр занимает уникальная по исполнению портретная группа: два воина – один с коротким мечом и кинжалом, другой с боевым чеканом и щитом, – развернуты влево, и в профиле каждого различаются черты лица (подбородок, нос, высокий лоб), прическа и высокий головной убор с закругленным верхом. Пропорции тела заметно нарушены, и поза воинов скорее напоминает положение всадников без стремян на невидимых конях. Левее находится вторая плоскость с крупными изображениями коня, скачущего вправо, навстречу воинам, а также зеркала на длинной ручке с монетовидным окончанием и непонятной контурной фигуры, похожей на голову фантастического грифона. Наконец, главную часть «триптиха» образует сложная композиция, включающая несколько выразительных сцен: два коня стоят у жертвенного столба или схематично изображенного дерева; сцена прием родов – беременная женщина, простирающая руки к котлу, перед которой на коленях сидит человек, одной рукой удерживающий ногу роженицы, другую с ножом (?) приставив к ее огромному животу; еще один персонаж изображен слева от роженицы, он держит ее за плечи или наносит сзади удар. Остальные гравюры композиции изображают стреляющих лучников, людей, ведущих в поводу верблюдов, и др. Справа от панно, на белом кварцевом пятне, вкрапленном в массив песчаника, выбито еще одно изображение зеркала с длинной расширяющейся на конце ручкой. Вся серия этих изображений уникальна и выполнена с редкими для наскального искусства мастерством и реализмом, выдавая знакомство их создателей с лучшими произведениями изобразительного искусства кочевников Азии и, возможно, цивилизаций Ближнего Востока I тыс. до н. э. Весь комплекс изображенных здесь реалий – котел с вертикальными ручками на коническом поддоне, зеркала двух типов, чекан с втоком, прямоугольный щит небольших размеров, а также короткий меч, кинжал и головной убор своеобразной формы, – находит больше соответствий за пределами Семиречья: на северо-востоке – в культуре ранних кочевников Тувы, Алтая, Минусинской котловины VI–IV вв. до н. э. и на северо-западе – в материальной культуре савроматов и сарматов Зауралья. Немногочисленность этой серии петроглифов в Кулжабасы и в Чу-Илийских горах

свидетельствует о кратковременном присутствии здесь племен, оставивших такие яркие произведения наскального искусства.

Большую ценность представляет также другая серия петроглифов, сконцентрированных у одного из древних поселений, которую отличает стилистическая и сюжетная цельность: сцены охоты конных лучников на козлов и оленей, антропоморфные персонажи в кафтанах и штанах-шароварах и пр. Выделяются фигуры трех фантастических животных, напоминающие изображения «единорогов» на предметах торевтики и в петроглифах Южной Сибири, связываемых с культурой сянби первых веков н.э.

Средневековые петроглифы в Кулжабасы сравнительно немногочисленны, но среди них имеются выразительные сцены с традиционными для этого времени сюжетами противоборства пешего лучника с конным знаменосцем, кавалькады всадников со знаменами, загонной охоты на горных баранов и др. Много изображений родоплеменных тамг, есть рунические надписи.

Петроглифов нового времени в Кулжабасы немного. Известны ойратские тамги, изображения людей в кафтанах, напоминающих традиционную одежду калмыков; датировка этих петроглифов определяется присутствием в Западном Семиречье ойратов в конце XVII – первой половине XVIII в. Казахские петроглифы, арабографичные надписи и тамги чаще встречаются на скалах вблизи зимовок XIX – начала XX в.

Шолакжидели

Местонахождение. Ущелье Шолакжидели находится в Жамбылской области, Шуйском районе, в 5 км к востоку от ст. Хантау, на западном склоне гор Хантау. Невысокие горы Хантау и Жамбыл образуют северную оконечность Чу-Илийского хребта. Географическое положение этого района, окруженного с запада, севера и востока труднопроходимыми пустынями Мойынкум, Бетпакдала и Таукум, определило его особое значение в системе межрегиональных коммуникаций, культурных, экономических, политических связей и отношений, которое сохранялось за ним на протяжении более трех тысячелетий. В разные исторические времена здесь сходились пути, соединявшие страны Восточной Европы и Западной Сибири, Средней Азии, Внутреннего Тянь-Шаня и Китая. Вплоть до середины XIX в. в горных долинах Хантау останавливались для отдыха торговые караваны из Бухары и Ташкента, прежде чем продолжить свой путь через пустыню к берегам Балхаша и далее – к Иртышу и Тоболу. Отсюда к Волге через Казахскую степь вела в XVII – середине XVIII в. главная стратегическая магистраль – Большая Калмыцкая дорога, соединявшая кочевую ставку (ургу) правителей Джунгарского ханства и Тибет с волжскими калмыками. О значении этого района Семиречья в древние эпохи свидетельствуют археологические памятники Хантау.

Изученность и документация. Археологические памятники Хантау изучены фрагментарно. Некоторые из них, включая петроглифы, были открыты в 1970-1980-х гг. геологами А.Г. Медоевым, В.И. Волобуевым, историками и краеведами С. Жолдасбаевым, К. Байбосыновым. Раскопки проводились археологом Р. Б. Исмаиловым лишь на могильнике эпохи бронзы Кожабала. Наиболее исследованным видом памятников остаются наскальные изображения. В 1994 г. петроглифы ущелья Шолакжидели обследованы Французско-казахстанской экспедицией (А.-П. Франкфор, З. Самашев). В 2007 и 2009 гг. археологическую разведку в горах Хантау и документирование петроглифов ущелья Шолакжидели выполняла экспедиция КазНИИ ПКНН; составлена карта обследованного района, индексированная панорама каньона Шолакжидели, выполнена полная фотофиксация плоскостей с петроглифами, сделаны контактные копии некоторых из них.

Археологический контекст. Хантау представляет собой крупный горный массив, сложенный преимущественно гранитами и эффузивными породами. На юго-западном склоне выделяется несколько долин, пересекающих хребет параллельно друг другу в широтном направлении. Наиболее крупные из них – Сункарсай, Улькенталды, Шолакжидели и Теректы, – начинаясь широкими водосборными воронками, образуют в своих устьях глубокие и узкие ущелья, служившие идеальной средой для организации галерей наскальных рисунков. Как правило, в верхней части долин у истоков небольших рек и родников находятся стоянки неолитического времени и более поздних эпох, включая средние века; частые находки на них станковой орнаментированной посуды говорят о тесных связях кочевников IX-XII вв. с оседлыми поселениями и городами Чуйской долины. В предгорной зоне располагаются небольшие группы курганов ранних и средневековых кочевников, но самые крупные некрополи сосредоточены у южных предгорий горы Сункар. Вдоль цепочек курганов выстроены в линию группы поминальных оград, сложенных из семи-восьми крупных камней. По виду эти курганные могильники с оградками напоминают памятники Горного Алтая, относящиеся к пазырыкской культуре скифского времени.¹ На возвышенных межгорных участках встречаются ритуальные древнетюркские каменные оградки и изваяния.

Древнейшим исследованным памятником Хантау является могильник Кожабала на северо-восточном склоне горы Сункар. Здесь насчитывается около 150 погребальных сооружений, представленных каменными ящиками в оградках прямоугольной или округлой формы; в раскопанных могилах обнаружены остатки кремации и труположения в сопровождении орнаментированной посуды и бронзовых украшений (браслеты, подвески, бусы). Могильник датируется XIII в. до н. э. и относится к смешанному типу памятников андроновской культурно-исторической общности, распространенному в южной части Сарыарки и Западном Семиречье. Подобно некоторым другим могильникам эпохи бронзы Чу-Илийских гор (Тамгалы I, Ой-Джайляу III), некрополь Кожабала фиксирует путь продвижения в последней трети II тыс. до н. э. степных племен Центрального Казахстана к предгорьям Тянь-Шаня.

Типология и датировка. Самые древние петроглифы в горных долинах Хантау датируются эпохой бронзы. Среди них встречаются гравюры, по репертуару и стилю более типичные для наскального искусства Северного Прибалхашья; выделяются также петроглифы поздней бронзы, распространенные в других районах Семиречья. Наиболее яркие петроглифы Хантау представлены гравюрами середины I тыс. до н. э., многие из которых уникальны или относятся к числу редких, специфичных для Чу-Илийских гор, образцов наскального искусства эпохи ранних кочевников.

Самым крупным известным местонахождением петроглифов Хантау является Шолакжидели. Основная часть гравюр сосредоточена на правом склоне небольшого скального каньона в устье долины. Скальный массив образован чередующимися рядами эрозионных террас в виде высоких ступеней, отчего весь каньон напоминает зал античного театра. Все скалы покрыты «пустынным загаром», но наилучшими качествами для изобразительной деятельности обладали горизонтальные поверхности, на которых выбита подавляющая часть петроглифов. Поэтому видеть наскальные рисунки можно лишь, поднимаясь по склону или стоя у края уступа. Эта особенность наскальной галереи Шолакжидели отличает ее от всех других известных памятников Хантау и Чу-Илийских гор.

На скалах каньона представлены петроглифы эпохи бронзы и раннего железного века, причем древнейшие рисунки занимают лишь несколько широких плоскостей; остальные поверхности использовались художниками сакской эпохи. Средневековых петроглифов и

¹ В.Д. Кубарев. Курганы Юстыда. Новосибирск. 1991. С. 23-24. Рис.3; К.Ш. Табалдиев. «Восьмикаменные» оградки, «поминальнички» ранних кочевых племен Тянь-Шаня. – Кыргызстан: история и современность. Бишкек. 2006. С. 267-275.

подновлений древних рисунков мало, поэтому большинство ранних гравюр хорошо сохранилось. Всего здесь насчитывается около 2000 петроглифов.

К эпохе бронзы относятся композиции с изображениями лошадей, быков, верблюдов, а также колесницы; двухколесная повозка показана схематично, без упряжных животных. По стилистическим особенностям они слабо различаются и, по-видимому, создавались в течение одного периода. Среди них имеются несколько искусно выполненных рисунков, но тематически композиции этого времени довольно однообразны. Выделяется сцена противоборства двух вставших на дыбы жеребцов, размещенная на верхнем ярусе скал каньона.

Петроглифы сакского времени преобладают на скалах каньона и зачастую выбиты на тех же плоскостях, а в ряде случаев перекрывают рисунки эпохи бронзы. Но в целом этот пласт петроглифов неоднороден, и здесь выделяются ранние и поздние серии изображений, также перекрывающие друг друга в составе многих композиций. Гравюры в раннесакском зверином стиле характеризуются своеобразной манерой изображения диких животных – травоядных и хищников. Однако основной фон галереи создают петроглифы иной изобразительной традиции, в которой присутствуют некоторые черты звериного стиля, но утрачивается присущая раннесакскому искусству пластика, и заметно преобладают декоративные элементы. Серия контурных изображений животных, корпус которых заполняют всевозможные линии, волюты и прочие орнаментальные фигуры, доминирует на главных панно каньона. Ажурные фигуры животных здесь грубо перекрывают гравюры художников эпохи бронзы и сакского периода, утверждая своим присутствием смену художественных традиций во второй половине I тыс. до н. э. Среди них выделяется уникальное изображение оленя с древовидными рогами, на спине которого показаны фигуры, напоминающие крылья. В целом эта серия петроглифов находит аналогии далеко на северо-востоке, в искусстве тагарских племен Среднего Енисея и пазырыкской культуры Алтая, а также среди наскальных изображений некоторых других памятников Чу-Илийских гор (Аныракай, Тамгалы) и в Прииссыккулье (Чолпон-Ата). При этом петроглифы Шолакжидели составляют в Чу-Илийских горах самую крупную серию рисунков данного типа и отличаются некоторым своеобразием. В составе петроглифов этой серии встречены тамгообразные знаки двух видов, известные и в других местонахождениях петроглифов Центральной Азии – на Алтае, в Туве и Монголии.

Еще одну редкую категорию гравюр образуют изображения зеркал. Зеркала-петроглифы в настоящее время обнаружены в нескольких пунктах, рассредоточенных на всем протяжении Чу-Илийских гор от Кулжабасы на юге до Хантау на севере. В Шолакжидели пять зеркал с прямой выступающей ручкой изображены вместе на одной плоскости; четыре из них тщательно выполнены с соблюдением пропорций, формы и размеров реальных предметов. Сопоставление их с датированными артефактами позволяет определить вероятный возраст петроглифов и рассматривать их как индикаторы историко-культурных контактов ранних кочевников Семиречья. Примечательно, что изображения зеркал не встречаются, например, в Джунгарском Алатау. В то же время единичные наскальные изображения зеркал с выступающей ручкой зафиксированы на памятниках Горного Алтая (Калбак-Таш). Таким образом, зеркала-петроглифы наряду с другими находками и памятниками Чу-Илийских гор отражают особую историческую значимость этого географического района в системе древних коммуникаций, пролежавших через Западное Семиречье.

Петроглифы нового времени – родовые тамги казахов Старшего жуза племени *дулат* – выявлены в ущельях Шолакжидели и Жидели вблизи нескольких стоянок последней трети XIX в. Как и в других районах Семиречья, в условиях земельной тесноты эти знаки

удостоверяли права родовой собственности на наиболее удобные по месторасположению зимние стоянки кочевников.

Ешкиольмес

Местонахождение. Горы Ешкиольмес относятся к отрогам главного хребта Джунгарского Алатау и располагаются в 15 км к югу от г. Талдыкоргана – административного центра Алматинской области.

Особенностью природного строения невысокого хребта Ешкиольмес (850–1300 м) является его асимметрия: северные склоны пологие, слабохолмистые, покрытые густой травянистой растительностью; южный склон крутой и представляет собой цепочку глубоких и узких скалистых ущелий. В геологическом строении гор принимают участие девонские эффузивно-осадочные образования. Именно на этих покрытых патиной девонских скалах сохранились многочисленные петроглифы.

Изученность и документация. Сведения о наскальных изображениях в горах Ешкиольмес были доставлены геологом Л. Скрынник, и в 1982 г. археологической экспедицией КазПИ под руководством А.Н. Марьяшева здесь произведены первые поиски петроглифов и раскопки могильников в предгорной части. В течение последующих двадцати лет изучение памятников Ешкиольмес осуществлялось А. Н. Марьяшевым (в 1982-1988гг. при участии А.Е. Рогожинского) и А.А. Горячевым.

В 2003-2005 гг. исследование и документирование памятников Ешкиольмес проводилось экспедицией КазНИПИ ПМК под руководством А.Е. Рогожинского; были разработаны карты комплекса, определены границы памятника и охранный зоны для постановки его на государственную охрану, а также подготовлена документация основных местонахождений петроглифов (Рогожинский и др. 2004). Памятник включен в Государственный список объектов истории и культуры Казахстана республиканского значения и в Предварительный список ЮНЕСКО, однако охранный зона не утверждена, физическая охрана и управление отсутствуют.

Археологический контекст. Название «Ешкиольмес» широко распространено в топонимике Казахстана и означает «козел не подойдет (с голоду)»; казахи-скотоводы обычно именуют так местность, богатую круглогодичными пастбищами.

В предгорной зоне Ешкиольмес выделяется две группы памятников эпохи бронзы, относящиеся ко времени XIII-XII вв. до н.э. (поселение Талапты I, могильники Талапты I и II, III, Куйган II) и XII-X/IX вв. до н.э. (поселения Талапты I, Куйган I, II и могильники Куйган II и III). Материалы памятников демонстрируют их тесную связь с культурами поздней бронзы Центрального Казахстана и Западного Семиречья, а также степного, лесостепного Алтая и Минусинской котловины. Памятники раннего железного века и средневековья в предгорье Ешкиольмес изучены мало. Отдельные курганные захоронения исследованы в разные годы на могильниках Талапты I, Куйган I и II.

Типология и датировка. Скопление петроглифов в горах Ешкиольмес является одним из крупнейших в Казахстане: здесь насчитывается около 10 000 наскальных гравюр, датирующихся от эпохи бронзы до начала XX в. Пространственное расположение петроглифов подчинено определенному порядку, обусловленному функциональной значимостью тех или иных участков ландшафта в различные исторические периоды.

Так, небольшими сериями безыскусных и однообразных по содержанию рисунков отмечены обычно скалы, расположенные в горной зоне Ешкиольмес вблизи стоянок кочевников раннего железного века, средневековья и нового времени; петроглифы бронзового века здесь

немногочисленны или совсем отсутствуют. Сходный состав петроглифов наблюдается вдоль горных троп, которые связывают между собой хозяйственно значимые для скотоводов участки ландшафта, включающие стоянки, пастбища, водопой и т.д. Наконец, главные скопления петроглифов сосредоточены на склонах и водоразделах горных долин, где особенно обильны выходы скал с широкими, гладкими, покрытыми густой патиной поверхностями, служившими прекрасным фоном для рисунков. Эти удаленные от поселений и часто труднодоступные скалистые места во все времена привлекали своей живописностью создателей наскальных гравюр. В течение трех тысячелетий здесь создавались сотни и тысячи гравюр, многие из которых поражают мастерством исполнения и являются шедеврами наскального искусства.

Петроглифы Ешкиольмес создавались путем выбивки (пикетаж) или резьбы, гравировки на камне, но значительная часть изображений выполнена комбинированной техникой. Эта специфическая особенность памятника во многом обусловлена свойствами местных скальных пород. Мелкозернистый песчаник с зеркально-гладкой поверхностью, покрытой патиной иссиня-черного цвета, служил идеальным материалом, позволявшим создавать, как в древности, так и в средние века и новое время очень выразительные, изящные изображения. Овладение и широкое применение техники гравировки давало возможность художникам очень точно передавать многие детали реальных предметов (вооружение, одежда, конское снаряжение), сопоставление которых с артефактами позволяет уверенно датировать и сами петроглифы.

Гравюры бронзового века (XIV/XIII–IX вв. до н.э.) составляют самую многочисленную группу рисунков, но при этом среди них выделяются несколько разновременных серий изображений, отличающихся по стилю, технике и репертуару. Эти отличия связаны не только с эволюционными изменениями в наскальном творчестве, но также с культурными инновациями и миграционными импульсами в Семиречье из других районов Центральной Азии. В материалах поселений и могильников, исследованных в предгорьях Ешкиольмес и долине Коксу, есть образцы керамики и металлических изделий (женские украшения, наконечник стрелы), специфичных для еловской культуры поздней бронзы Южной Сибири. В свою очередь, некоторые серии петроглифов Ешкиольмес находят выразительные аналогии в памятниках наскального искусства Горного Алтая и Западной Монголии.

Особенностью петроглифов эпохи бронзы Ешкиольмес является заметное преобладание батальных сюжетов, сцен угона скота, которые передают дух беспокойного времени, наполненного межплеменными конфликтами, борьбой за обладание стадами и лучшими пастбищами. Многочисленные изображения боевых колесниц и воинов, вооруженных копьями, луками с полными стрел колчанами, палицами или метательными камнями на ремне, – излюбленные образы динамичных картин в Ешкиольмес. Впрочем, среди петроглифов этого времени есть также немало изображений фантастических персонажей и сюжетов, по-видимому, мифологического содержания: «солнцеголовые» антропоморфные фигуры, окруженные животными илидвигающиеся на колеснице; лучники, стреляющие в «великана» и некоторые другие. Выделяются, по меньшей мере, две серии петроглифов эпохи бронзы, с возникновением которых связано массовое переисполнение наскальных изображений предшествующего периода, когда старые рисунки грубо переделывались, добавлялись новые детали, изменявшие первоначальный вид и содержание целых композиций. Запечатленные в петроглифах Ешкиольмес явления отражают определенные исторические коллизии.

Следующая группа петроглифов относится к эпохе раннего железа и ярко выделяется своим тематическим и художественным своеобразием; многие рисунки этого времени являются шедеврами наскального искусства. В отличие от содержания петроглифов оседлых

земледельцев и пастухов эпохи бронзы в наскальном искусстве ранних кочевников I тыс. до н. э. доминируют образы дикой фауны, передаваемые в особой изобразительной манере «звериного стиля»; даже в сценах охоты антропоморфные изображения составляют второй план композиций. В это же время в наскальном искусстве возникает и постепенно утверждается тема всадничества.

Героическая тематика наскального искусства кочевников наиболее полно воплощена в петроглифах средневековья, среди которых выделяются изображения древнетюркского времени (VI-VIII вв.) и более поздние, относящиеся к IX-XII вв. Содержание наскальных композиций характеризуют изображения конных ристалищ и сражений пеших лучников, сюжеты кочевой жизни, а также сцены охоты, в том числе – коллективной облавной охоты, игравшей особую роль в военизированном обществе кочевников I тыс. н.э. Стиль средневековых гравюр Ешкиольмес отличают реализм и экспрессия, выделяющие его среди других памятников Семиречья, в которых представлено наскальное искусство этой эпохи.

Рисунки нового и новейшего времени составляют сравнительно небольшую группу петроглифов. Среди них большой интерес представляют изображения и ойратские молитвенные надписи XVII-XVIII вв., а также казахские народные рисунки и эпиграфика XIX - начала XX в. Репертуар их представлен изображениями всадников, домашних и диких животных; при этом в сценах охоты наряду с огнестрельным оружием порой изображаются лук и стрелы; редкими являются изображения юрт и родовых знаков.

Финальный этап формирования археологического ландшафта Ешкиольмес связан с советским периодом. Петроглифы и кириллические надписи-«автографы» этого времени в небольшом количестве встречаются вдоль конных, кочевых троп и возле нескольких зимовок в предгорьях Ешкиольмес.

Тамгалытас (Илийский Капшагай)

Местонахождение. Тамгалытас – памятник тибето-ойратского монументального искусства и эпиграфики XVII–XVIII вв. – расположен в Алматинской области, в 25 км к северо-западу от г. Капшагай, на правом берегу р. Или. Здесь, в средней части Илийского Капшагай (каньона), у подножия эрозионного скального уступа протяженностью около 500 м и высотой до 40–45 м, находится скопление каменных глыб, на 17 поверхностях которых размещаются изображения четырех Будд (Шакьямуни, Бхайшаджьягуру, Акшобья и Нагешварараджа), бодхисатвы Авалокитешвары и около 30 надписей, выполненных тибетским и ойратским письмом.

Изученность и документация. Впервые надписи и изображения Тамгалытас были осмотрены в 1856 г. казахским исследователем Ч.Ч. Валихановым и в 1857 г. известным русским путешественником, географом П. П. Семеновым с сопровождавшим его художником П.М. Кошаровым. Они сделали серию зарисовок тушью и акварелью отдельных надписей с изображениями Тамгалытаса, которые передают вид памятника в момент его открытия. Во второй половине XIX в. Тамгалытас неоднократно посещался разными учеными и краеведами. Наиболее ценные сведения о памятнике содержатся в рукописных заметках К. А. Ларионова и специальных статьях Ф.В. Пояркова, Н.Н. Пантусова, а также известного российского монголоведа А.М. Позднеева, который впервые осуществил перевод большей части надписей и дал интерпретацию буддийских изображений. Детальное обследование Тамгалытаса выполнено Н.Н. Пантусовым в 1897 г. по заданию Императорской Археологической комиссии.

В 2008-2009 гг. экспедицией КазНИИ ПКНН (И. В. Ерофеева, Б. Ж. Аубекеров, А. Е. Рогожинский) выполнено комплексное исследование Тамгалытас и документирование

надписей и изображений (Ерофеева. 2010; Рогожинский. 2010); современное прочтение тибетской и ойратской эпиграфики выполнено Н.С. Яхонтовой (Институт востоковедения РАН, Санкт-Петербург), иконографический анализ изображений – искусствоведом Ю. И. Елихиной (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург).

С 1981 г. Тамгалытас, как памятник тибетского монументального искусства XVII-XVIII вв., находится под охраной государства. С 2008 г. здесь проводятся работы по благоустройству территории памятника для посещения туристами и консервационные работы, но охранная зона памятника не установлена.

Типология и датировка. Памятник содержит разновременные изображения и надписи, создававшиеся в четыре этапа.

На первом этапе был создан ансамбль, включавший изображения Будды Шакьямуни, бодхисатвы Авалокитешвары, Будды Бхайшаджьягуру с сопровождающими тибетскими надписями на центральном панно, анэпиграфную фигуру Будды Нагешварараджи, а также различные молитвенные тексты, в том числе две мантры Будды Манчжушри, обращение к IV-му панчен-ламе Лобсану Чойчжи Чжалсану (1570–1662), и четыре шестисложные мантры «om ta ni pad me hum», высеченные на разных камнях по периферии каменного завала.

Второй этап формирования культового комплекса связан с созданием десяти однообразных по технике, палеографии и содержанию текстов шестисложной мантры, выполненных ойратским «ясным письмом». Одновременно или немного раньше изобразительный ряд святилища был дополнен изображением Будды Акшобьи, вокруг которого позже сформировался новый цикл тибетской эпиграфики.

На третьем этапе рядом с изображением Акшобьи возникла посвященная ему мантра, и на разных гранях близлежащих камней – серия тибетских надписей, в том числе трижды шестисложная мантра, мантра Будды Шакьямуни, а также две мантры Манчжушри на южной периферии сакрального участка.

Четвертым этапом стало создание самого длинного в Тамгалытас текста, воспроизведенного в 11 строк курсивным «ясным письмом»; в современном переводе Н. С. Яхонтовой текст содержит благодарственное обращение к изображенным здесь Буддам и бодхисатве за «преодоление опасности [начиная] от болезней до бескормицы» и пожелание обрести «в этой стороне прекрасное спокойствие продолжительно и непрерывно».

История формирования комплекса Тамгалытас связана с эпохой военно-политического могущества и культурного расцвета Джунгарского ханства (1635-1757 гг.), сопровождавшихся интенсивным распространением ламаистской формы буддизма среди западномонгольских племен ойратов. Возникновение святилища связано с религиозно-политической деятельностью Галдана Бошохту-хана (годы жизни 1644 – 1697), при котором происходило утверждение среди ойратов ламаизма. Выбор места для буддийского святилища был обусловлен местонахождением его вблизи одной из основных водных переправ через р. Или, игравших важную роль в системе трансрегиональных коммуникаций Семиречья в конце XVII – первой половине XVIII в., а также в проведении завоевательной политики Джунгарского ханства в Южном Казахстане и Средней Азии.

Активное функционирование святилища и посещение его ламаистами прекратилось около 1758 г. после разгрома Джунгарского ханства войсками Цинского Китая и с последовавшим возвращением на земли Семиречья казахских и кыргызских родов.

Заключительный этап создания культовой эпиграфики в святилище Тамгалытас соотносится с кульминационным эпизодом «последнего великого кочевья» волжских калмыков-торгутов под руководством хана Убаши в 1771 г. из России в земли бывшего Джунгарского ханства. Таким образом, период функционирования ламаистского святилища в урочище Тамгалытас составляет около ста лет – с 1676/1677 до 1771 г.

Комплекс наскальных изображений и надписей Тамгалытаса ни по составу представленных здесь персонажей тибетского пантеона, ни по количеству текстов, – разных по содержанию и языку – не имеет аналогов в западной части Центральной Азии. На территории Казахстана известно более 20-ти памятников тибетского буддизма XVII – середины XVIII в., среди которых объекты монументального искусства единичны. Среди нескольких десятков зарегистрированных местонахождений тибетской и ойратской эпиграфики преобладают культовые памятники с однообразно тиражируемой молитвенной формулой «om ta ni rad me hum» (Тайгак, Аккайнар, Кегенский арасан и др.). Изображения и ранние надписи Тамгалытаса обнаруживают сходство с группой памятников тибетского буддизма в Северном Кыргызстане – Ыссыг-Ата и Тамга. Однако Тамгалытас заметно выделяется среди них художественной репрезентативностью, разнообразием эпиграфических текстов и длительностью периода их создания, что, безусловно, служит отражением особой значимости памятника в эпоху его возникновения и функционирования.

Актерек

Местонахождение. Долина Актерек расположена в Алматинской области, Жамбылском р-не, в 4 км к югу от с. Актерек, в 100 км к западу от г. Алматы. Ущелье Актерек находится на северном склоне Заилийского Алатау, в западной, пониженной, части хребта. Вместе с другими смежными долинами – Кастек, Ргайты – ущелье Актерек образует важный участок традиционных горных транзитных маршрутов, соединяющих Семиречье и Илийскую долину с верховьем р. Чу, Иссык-кульской котловиной и территорией Центрального Тянь-Шаня.

Изученность и документация. Археологические исследования в разные годы проводились Семиреченской экспедицией АН КазССР на предгорной равнине близ устья ущелья Актерек. В 1956 г. Е.И. Агеевой раскопаны две поминальные оградки и семь курганов, датированные III – I вв. до н.э. (Агеева. 1961. С. 26-28, 35, 37. Рис. 5); Г.И. Пацевич обследовал небольшое укрепленное поселение X–XII вв. н.э. (АКК. 1960. № 4032. С. 289).

Дальнейшие исследования в этом районе были возобновлены под руководством К.А. Акишева в конце 1980-х – начале 1990-х гг. В предгорной части долины выявлены и частично раскопаны Ю.И. Трифоновым могильники средневековых кочевников, но результаты этих исследований не опубликованы. Первые исследования петроглифов ущелья Актерек выполнены А.С. Мирзабаевым (1990. С. 137-140). В 2007-2009 гг. обследование долины Актерек и документирование петроглифов продолжено А.Е. Рогожинским (КазНИИ ПКНН); составлена карта расположения основных скоплений петроглифов, выполнена фотофиксация рисунков. Общее количество петроглифов Актерек превышает 1000 рисунков.

Археологический контекст. На левом склоне ущелья зафиксированы разновременные петроглифы и пять стоянок (№ 1–5), рядом с одной из которых (№ 4) обнаружена древнетюркская руническая надпись. Стоянки датируются XIX – началом XX в., но на поверхности встречается керамика раннего железного века и средневековья.

Типология и датировка. Наскальные изображения выявлены практически повсеместно на левом скалистом склоне ущелья, где расположены и стоянки. Рисунки нанесены в основном на хорошо патинированные черные или темно-коричневые поверхности мелкозернистого песчаника. Древнейшие петроглифы Актерека датируются эпохой бронзы. Часть рисунков подобна петроглифам поздней бронзы многих других местонахождений Семиречья. Более

ранняя группа гравюр отличается репертуаром, стилем и находит некоторые аналогии в памятниках южной части Чу-Илийских гор (Аккайнар, Кулжабасы) и Восточной Ферганы (Саймалы-Таш, Сахаба). К числу уникальных относится композиция с изображениями трех пар быков у привязи Y-образной формы и антропоморфной фигурой в позе адорации; уникально также одиночное антропоморфное изображение с фигурой в виде перевернутого полумесяца над головой, напоминающее «луноголовых» персонажей из Саймалы-Таша.

Более многочисленны петроглифы раннего железного века, выполненные в традициях сакского звериного стиля. Как и на других местонахождениях петроглифов Семиречья, рисунки древних и средневековых кочевников зачастую перекрывают более древние изображения. Для последних является обычным дополнение композиций предшествующих эпох отдельными изображениями антропоморфных персонажей, животных и знаков-тамг. В Актереке выявлена репрезентативная серия средневековых и казахских тамг, выбитых на скалах, окружающих стоянки. Ближайшие аналогии тамгам из Актерек известны в Чу-Илийских горах и Прииссыккулье.

Южный Казахстан

Географическая область Южного Казахстана охватывает территорию трех административных областей – Жамбылской, Южно-Казахстанской и Кызылординской. Большая часть территории равнинная, занятая степями, полупустынями и пустынями: на юго-западе, на левобережье р. Сырдарьи, – песками Кызылкум и степью Шардара, на востоке – пустыней Мойынкум между долинами рек Чу и Талас, на севере – восточная окраина пустыни Бетпакдала (Голодная степь). Среднюю часть области занимает хребет Каратау (2176 м), на юго-востоке границы образуют западные отроги Таласского (4027 м), Киргизского Алатау (3820 м), на юго-западе – хребты Каржантау (2824 м) и Угамский (4238 м). Природно-климатические условия Южного Казахстана благоприятны для развития поливного, богарного земледелия и для различных форм скотоводства, включая кочевое. Специфика природных условий с древних времен определила возможность длительного сосуществования оседлых и кочевых обществ. Это сближает в историко-культурном значении Южный Казахстан и Семиречье, занимающих промежуточное положение между Средней Азией и лесостепной зоной Сибири и Урала, выступая в роли контактной зоны оазисов и степей.

Памятники наскального искусства известны во всех горных районах Южного Казахстана. Наскальные росписи здесь не выявлены. Наиболее многочисленны и хорошо изучены петроглифы Каратау; в меньшей мере исследованы высокогорные районы Западного Тянь-Шаня, где наиболее значимым памятником является высокогорный комплекс петроглифов Аксужабаглы в Таласском Алатау. В настоящее время в Южном Казахстане выявлено и в различной степени изучено около 50 местонахождений петроглифов, но только петроглифы Аксужабаглы обеспечены охраной, располагаясь на территории природного заповедника.

Первые сообщения о петроглифах в горах Каратау, относятся к началу XX в., но систематическое изучение памятников началось в конце 1950-х гг. и связано с работами Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции АН. (Сенигова. 1962. С. 87-97). Открытие в начале 1970-х гг. многих известных сегодня местонахождений Южного Казахстана связано с целенаправленным поиском и исследованиями Северо-Каратауского отряда Южно-Казахстанской археологической экспедиции под руководством М.К. Кадырбаева и А.Н. Марьяшева (Кадырбаев, Марьяшев. 1977, с.8-10). Петроглифы двух крупных местонахождений – Арпаузен и Койбагар – в 1970-1973 гг. стали полигоном для разработки прогрессивных на то время приемов документирования и изучения наскальных

рисунков. В 1980-х гг. несколько местонахождений петроглифов в южной части Каратау открыты и исследованы З. Самашевым (Терис, Жынгылшек).

В начале нынешнего столетия изучение памятников Южного Казахстана интенсифицировалось: в Северном Каратау открыто крупное местонахождение петроглифов Сауыскандык (З.Самашев, И.Н.Швец); исследована серия памятников в центральном Каратау (А.Н. Марьяшев, С.А. Потапов); продолжено документирование и изучение петроглифов Арпаузен и Койбагар, а также Тамгалытас в Бетпакдале (А.Е.Рогожинский), связанное с задачами сохранения памятников и подготовки серийной номинации ЮНЕСКО.

Многие памятники Южного Казахстана включают разновременные комплексы петроглифов. Древнейшие рисунки датируются эпохой бронзы. Повсеместно выделяются гравюры поздней бронзы (последняя треть II тыс. до н.э.), идентифицируемые по особенностям стиля, репертуара и изображений реалий (колесницы, оружие); данная изобразительная традиция представлена также на памятниках Семиречья, Прииссыккуля, Таласской долины и Западного Тянь-Шаня. Большим разнообразием отличаются петроглифы, относящиеся к первой половине II тыс. до н.э. Среди них выделяются две основные изобразительные традиции: петроглифы, связанные с сейминско-турбинской художественной традицией степной зоны Казахстана (Сарыарка); петроглифы, в репертуаре и стиле которых отчетливо прослеживается влияние культуры и искусства доисторической Средней Азии. Аналогии этим петроглифам известны в памятниках Зеравшанской долины (Сармишсай, Сойи-Собог), Кызылкумов (Букантау), а также в южной части Чу-Илийских гор в Семиречье (Кулжабасы).

В Каратау и памятниках Таласского хребта отчетливо выделяются изобразительные традиции раннего железного века, связанные: первая – с традицией изображений на «оленных» камнях Западной Монголии, Тувы и Алтая; вторая – с раннесакским искусством кочевников Сырдарьи и Памира. Средневековые гравюры также многочисленны и распространены во всех ландшафтах, где имеются петроглифы; как особая категория памятников, в Южном Казахстане выделяются местонахождения, где на природных скалах или стелах представлены преимущественно или исключительно родоплеменные тамги и эпиграфика (Тамгалытас). Особенностью Южного Казахстана является также обилие петроглифов нового времени (XVII – начало XX в.) и сохранение традиции создания наскальных изображений в настоящее время.

Наиболее значимые памятники Южного Казахстана

Арпаузен

Местонахождение. Археологический комплекс Арпаузен (Арпаозен) расположен в Южно-Казахстанской области в Созакском районе, в 30 км к северо-западу от районного центра ст. Шолаккорган, в 3 км к юго-западу от п.Абай. Географически урочище Арпаузен располагается в предгорьях восточного склона Большого хребта Присырдарьинского Каратау.

Комплекс Арпаузен располагается при выходе рек Арпаузен, Таскура, Сарымсакты из хребта Большой Каратау в долину р.Чу. Здесь расположены самые высокие пики Большого Каратау - пик Бессаз, 2176 м и пик Келеншектау, 1796,5 м. Петроглифы находятся на склонах приречного мелкосопочника, где обнажаются красновато-коричневые и бурые песчаники. На северных склонах эрозионных долин скалы и петроглифы встречаются редко.

Изученность и документация. В 1959 г. Х.А.Алпысбаевым обследован курганный могильник в долине Таскура; это первое свидетельство об археологических памятниках комплекса Арпаузен (АКК. 1960. С.238, № 3428, 3429). Петроглифы Арпаузен обнаружены в 1970 г. А.Н. Марьяшевым и затем исследовались совместно с М.К. Кадырбаевым

(Кадырбаев, Марьяшев. 1977). Исследователями выделено 8 скоплений (групп) петроглифов, зарегистрировано 3401 изображение, впервые разработана периодизация рисунков. Древнейшие петроглифы Арпаузен были датированы М.К.Кадырбаевым и А.Н.Марьяшевым и эпохой поздней бронзы. В настоящее время представляется возможным относить ранние петроглифы Арпаузен к первой половине II тыс. до н.э.

В 2003-2004 гг. археологические исследования Арпаузен возобновились под руководством А.Е. Рогожинского (КазНИПИ ПМК) в рамках проекта ЮНЕСКО CARAD и по заданию Министерства культуры РК. В 2004 г. подготовлен паспорт комплекса Арпаузен для постановки памятника на государственную охрану, создана базовая документация (археологическая карта, инвентарная опись памятников, индексированные панорамы), выделены 17 групп петроглифов с 930 изобразительных поверхностей, проведены разведочные раскопки на двух поселениях. Общее количество зарегистрированных петроглифов – более 5000.

В 2002 г. наскальные изображения Арпаузен включены в Предварительный Список Всемирного Наследия ЮНЕСКО.

Археологический контекст. Памятники Арпаузен образуют единый комплекс археологических объектов, сосредоточенных на сравнительно небольшой площади 37,5 кв. км и датирующихся от эпохи бронзы до начала XX в. На данной территории зафиксировано около 130 памятников археологии, в том числе 20 поселений, более 80 могильников, 30 местонахождений петроглифов, в том числе 17 основных скоплений (групп).

В предгорной зоне вблизи родников обнаружены скопления и единичные находки неолитических артефактов. Древнейшими исследованными памятниками являются поселения эпохи бронзы Арпаузен IV и VI. Керамический комплекс памятников разнородный и включает фрагменты станковой посуды, таутаринского типа и известной по материалам тазабагыябских поселений в низовье Зарафшана (Гуджайли); датировка поселений – середина II тыс. до н.э. Выявлены курганные могильники эпохи раннего железа, средневековые ритуальные ограды с изваяниями, остатки зимовок и укрепленных поселков со следами оросительных каналов и некрополями XVII–XVIII вв. Основные скопления петроглифов Арпаузена расположены на склонах двух смежных эрозионных долин. Вблизи поселений сосредоточены петроглифы разных эпох, часто перекрывающие друг друга.

Типология и датировка. Подавляющая часть петроглифов выполнена техникой выбивки. Гравированные изображения единичны. Возможно, к самым ранним рисункам относится небольшая композиция с процарапанными в камне изображениями быков, отличающимися по стилю и технике от петроглифов эпохи бронзы. В репертуаре всех периодов преобладают изображения верблюдов-бактрианов, что характерно и для других памятников Каратау.

В Арпаузене выделяются три серии гравюр эпохи бронзы. Случаи взаимного перекрывания этих петроглифов очень редки, поэтому их атрибуция основывается на сопоставлении стиля, иконографии и реалий с известными аналогами за пределами памятника. Петроглифы первого типа составляют наиболее яркую серию; они сосредоточены на скалах 8, 9 и 10 групп непосредственно вблизи поселений Арпаузен IV, VI; небольшие серии есть на 3 и 5 группах. Репертуар их разнообразный и включает изображения лошади, оленя, дикого барана, козла, собаки, длинноногих птиц (журавли?) и антропоморфных персонажей – охотников на птиц и куланов, воинов с топорами, луками и «жезлами»; также встречаются четырехколесные повозки, запряженные лошадьми или верблюдами, зеркала, «лабиринты» и знаки. Изображения животных и человека отличается изысканная манера, представляющая попытку передать объем физически трехмерных моделей (реальных или искусственных) в

двухмерной изобразительной поверхности. Общее количество этих гравюр на 5, 7, 9-11 группах около 100; некоторые из них, безусловно, являются шедеврами.

В контексте петроглифов этого типа есть изображения реалий (зеркал, «жезлов»), имеющих прототипы в предметах культуры Сапалли (Узбекистан) первой половины II тыс. до н.э. Изображения животных также находят аналогии с предметами торевтики и фигурного литья доисторической Бактрии и Маргианы (Гонур-тепе, Зардча-Халифа). Эти петроглифы Арпаузен находят аналогии в репертуаре, стилистике и иконографии одной из основных серий петроглифов эпохи бронзы Сармишская (Узбекистан), также характеризующей ранний этап активного взаимодействия степных племен и земледельцев Средней Азии (Аванесова, 2002, с. 17).

Выделяется еще один тип петроглифов эпохи бронзы. Они концентрируются на скалах 12 и 13 групп, вокруг поселения Арпаузен IV, а также встречаются на 11, 14, 16 группах. Эти петроглифы хронологически близки петроглифам I типа, но существенно отличаются от них по репертуару, стилю и иконографии. К ним относятся антропоморфные изображения и животные (верблюды, лошади и быки) в стиле, сближающем их с петроглифами Байконура (Новожинов, 2002, табл.26, 1а, табл.31, 14. 4-5) и Теректы-Аулие в западной части Сары-Арки (Samashev, Khurmankulov, Zhetybaev, Lymer, 2000, p.7, fig.1,7). Они отражают процесс продвижения племен андроновской культуры из Центрального Казахстана на юг, к оазисам Средней Азии, в середине II тыс. до н. э.

В Арпаузен имеется серия изображений, сходных по репертуару и стилю с петроглифами Семиречья поздней бронзы. Они встречаются в ранних палимпсестах Арпаузен и перекрывают петроглифы первых двух типов. В репертуаре имеются изображения запряженных лошадьми колесниц, парных антропоморфных фигур в позе адорации, а среди зооморфных персонажей – фигуры быка.

Петроглифы раннего железного века в Арпаузене немногочисленны, но несколько композиций с крупными (до 1 м) изображениями оленей, кабанов, медведя в сакском зверином стиле выделяются высоким качеством исполнения. Некоторые из них воспроизводят в деталях зооморфные изображения, известные в предметах прикладного сакского искусства Приаралья и Памира VII–VI вв. до н. э.

Средневековые петроглифы Арпаузен представлены изображениями верблюдов и всадников, которые часто дополняют древние композиции. В репертуаре отсутствуют батальные сцены и мало изображений всадников-знаменосцев, типичных для наскального искусства древнетюркской эпохи других территорий. Наряду с изображениями бактрианов в этот период появляются изображения однопорых верблюдов.

Отличительной чертой петроглифов Арпаузена является обилие казахских рисунков XVIII – начала XX в., в которых преобладает тематика всаднической удали, охоты, пастьбы или угона скота; при этом вооружение представлено исключительно огнестрельным оружием, в том числе фитильными ружьями на сошках. Казахские петроглифы и надписи XIX–XX вв., сделанные арабским, латинским алфавитом и кириллицей, встречаются повсеместно на основных местонахождениях; они численно преобладают вблизи основных троп и дорог.

Койбагар

Местонахождение. Урочище Койбагар находится в 30 км к северу от Арпаузен, в 5 км к западу от п. Козмолдак. Местонахождение петроглифов расположено в устье глубокого ущелья, на правой стороне долины реки Каракуйс, выработавшей в предгорном мелкосопочнике широкую дельту. В результате эрозии древней поверхности здесь

образовалась цепочка невысоких сопок, на склонах которых местами обнажились россыпи покрытых «пустынным загаром» валунов с петроглифами.

Изученность и документация. Как и Арпаузен, памятник впервые обследован в 1970-1971 гг. Каратауским отрядом Южно-Казахстанской археологической экспедиции под руководством М.К.Кадырбаева и А.Н.Марьяшева. Первооткрывателями были выделены три основных скопления петроглифов на склонах сопок вблизи устья ущелья Каракуыз – Койбагар I-III. Петроглифы выбиты на отдельных валунах, расположенных на склонах трех сопок с плоскими вершинами (Кадырбаев, Марьяшев. 1977). В 2003-2004 гг. петроглифы Койбагар обследовались А.Е. Рогожинским (КазНИПИ ПМК) в рамках проекта ЮНЕСКО CARAD; зафиксированы географические координаты основных скоплений петроглифов, сделаны фотоснимки и копии более 130 камней с рисунками.

Археологический контекст. Наибольшая концентрация петроглифов наблюдается на южных и юго-западных склонах сопок. На плоских вершинах сопок и вдоль устья ущелья сохранились многочисленные курганные могильники древних и средневековых кочевников; в укрытых от ветров логах вдоль русла Каракуыз находятся десятки стоянок XVIII – начала XX в., и, возможно, более древних поселений.

Типология и датировка. Выделяются разновременные петроглифы, датирующиеся от эпохи бронзы до начала XX в. Древнейшие петроглифы отличаются большим разнообразием: в репертуаре чаще встречаются изображения быка и «очкообразных» знаков в виде двух окружностей, соединенных линией; среди гравюр поздней бронзы много сцен с боевыми колесницами и батальными сюжетами. К числу редких в наскальном искусстве относится сцена с колесницей, запрягаемой парой лошадей. Петроглифы эпохи бронзы численно преобладают над изображениями раннего железного века и средневековья. Последний всплеск активной изобразительной деятельности в Койбагаре связан с этапом позднего средневековья и нового времени XVII – начала XX в.

Сауыскандыксай

Местонахождение. Долина Сауыскандыксай находится на северо-восточных склонах Каратау, в Кызылординской области, Шиелинском районе, в 60 км к востоку от ст. Шиели, в 15 км к северу от п. Аксумбе.

Изученность и документация. Наскальные изображения Сауыскандык обнаружены в 2004 г. экспедицией Турецко-казахского университета (г.Туркестан) под руководством М. Елеуова; изучение и документирование петроглифов проводятся под руководством З. Самашева (Институт археологии НАН РК) с участием И.Н. Швеца. В 2008-2009 гг. обследование петроглифов и эпиграфики проводилось А.Е. Рогожинским (КазНИИ ПКНН). Сауыскандык является самым северным крупным местонахождением петроглифов в Каратау.

Типология и датировка. Долина Сауыскандык имеет протяженность около 3 км; в верховье долины выявлены два поселения эпохи бронзы и средневекового периода. Основные скопления петроглифов находятся на правом берегу долины и вдоль ее русла на обнажениях сланца и песчаников. Общее количество петроглифов более 3000.

Петроглифы эпохи бронзы отличаются художественной выразительностью и разнообразием репертуара. Выделяются две серии рисунков. Первая включает изображения животных (быков, лошадей, хищников) и антропоморфных персонажей (воины с дубинами, женщины, эротические сцены, зоо-антропоморфные), существенно отличающихся по стилю от других известных в Каратау петроглифов эпохи бронзы. Рисунки этой группы преобладают в средней и нижней части долины. Вторую группу составляют гравюры, концентрирующиеся в

верховые долины, вблизи поселений. В репертуаре доминируют изображения лошадей с выделенной челкой на голове; много сцен с верблюдами, антропоморфными фигурами и знаками в виде прямого креста. Стилистически эти петроглифы сопоставимы с рисунками второго типа Арпаузен и многих памятников Центрального Казахстана и относятся к середине II тыс. до н.э. Петроглифы поздней бронзы сравнительно немногочисленны; к ним относятся изображения быков, лошадей и колесниц.

Выделяются рисунки раннего железа, но количество их сравнительно невелико; среди них преобладают выразительные сцены с изображениями животных в зверином стиле, а также композиции с антропоморфными фигурами.

Петроглифы средневекового периода также немногочисленны, но среди них есть весьма выразительные композиции: крытые колесные повозки на колесах со спицами, окруженные всадниками, верблюдами; юрта с женской и мужской фигурой внутри; сцена боя конных всадников; имеются изображения тамг.

Наряду с петроглифами здесь выявлена крупная серия арабографичных надписей (около 40) и родовых тамг разного вида, относящихся к XVIII – началу XX в. Надписи преобладают на скалах, расположенных вдоль тропы, пролегающей по дну ущелья. Здесь же зафиксированы изображения ружей на сошках и казахские тамги XVII–XVIII вв. Создание большого числа текстов религиозного и мемориального содержания, вероятно, связано с функционированием транзитной караванной дороги, проходившей через ущелье Сауыскандык в северной части Каратау.

Тамгалытас у озера Тамгалынура

Местонахождение. Памятник находится в Созакском районе Южно-Казахстанской области, в северо-западной оконечности пустыни Бетпақдала, на южном берегу соленого озера Тамгалынура, на левом берегу протоки Сарысу – р. Боктыкарын.

Изученность памятника. Первые упоминания о местонахождении Тамгалыташ и об имеющихся здесь наскальных изображениях и надписях относятся к концу XIX – началу XX в. На карте Западно-Сибирского военного округа 1896 г. на южном берегу соленого озера Тамгалы-туз, на возвышенном урочище Тамгалы-Джар, указан «камень Тамгалы-Таш»; на более детальной карте того же участка 1920 г. (Р.XIV.Л.8) камень Тамгалы-Таш отмечен на левом склоне эрозионной долины, в устье которой показан родник Тамгалы. При сборе сведений для составления военно-топографических карт были получены этнографические данные об изображениях на камне и о значении их в оценке казахов долины р.Сарысу.

В 1895 г. сопровождавший военного врача г.Акмолинска А.И. Кузнецова переводчик Хасан Бекходжин сфотографировал, зарисовал знаки на камне Тамгалытас и перевел некоторые надписи (Кузнецов. 1927. С.123). В 1936 г. Тамгалытас осмотрел геолог К.И. Сатпаев (1941. С. 69). В 1946 г. памятник обследовал А.Х. Маргулан, который, искажив прочтение переведенной Х. Бекхожиным надписи, дал ее произвольную интерпретацию, на основании которой сделал ложный исторический вывод о происхождении памятника, будто бы связанного с объединением казахских племен и провозглашением в XV в. Казахского ханства (Маргулан, Агеева. 1948. С. 131; Маргулан. 1997. С. 36-37; Маргулан. 2003. Рис. 361). Также априорно его утверждение, что «среди надписей есть имена ханов Ак-Орды Урус-хана, Куйырчика, Барака и многих других» (Маргулан. 1997. С. 36-37).

В 2009 г. памятник обследован экспедицией КазНИИ ПКНН (А.Е. Рогожинский), произведена инвентаризация петроглифов, сделаны фотографии всех выявленных плоскостей; вблизи камня Тамгалытас выявлено еще одно местонахождение наскальных изображений.

Археологический контекст. На террасе вблизи камня Тамгалытас находится казахский некрополь, состоящий примерно из двух десятков погребальных сооружений различного вида и сохранности. На одной из насыпей имеется каменная плита с эпитафией (символ веры) и тамгой в виде двух параллельных линий. Надпись датируется по палеографии концом XIX в. В нескольких пунктах на береговой террасе озера обнаружены каменные артефакты неолита.

Типология и датировка. Памятник расположен на возвышенном южном берегу соленого озера Тамгалынура, в урочище Тамгалыжар. Береговая терраса изрезана многими параллельными эрозионными долинами, в одной из которых находится родник Тамгалы, а выше него по левой стороне лога на протяжении 200 м находится несколько обособленных обнажений песчаника. Субстрат имеет рыхлую структуру, легко поддается обработке и разрушению; поверхность камней шероховатая, красновато-коричневых оттенков, местами покрыта темно-коричневой и черной патиной – «пустынным загаром». На ближнем к роднику разрушенном обнажении песчаника, которое является остатками «камня Тамгалытас», обнаружено наибольшее количество древних знаков и надписей. Выше по сухому руслу долины находятся еще три крупных обнажения песчаника с большим количеством надписей и знаков.

Выделяются три разновременные группы петроглифов: древние знаки-тамги без сопровождающей эпиграфики; арабографичные надписи, иногда в сопровождении знаков-тамг; кириллические надписи-автографы XX в.

Наиболее ранними являются крупные знаки-тамги, глубоко (до 0,5-2,0 см) прошлифованные и выбитые на плоскостях и обломках песчаника на Тамгалытас 1 и 3. Знак в виде двух или трех параллельных линий многократно встречается на памятнике; другие знаки представлены единичными изображениями. Отождествление знаков с тамгами огузов и кипчаков дает основание предположить время появления первых изображений Тамгалытас в пределах VIII-XII вв. Второй период существования памятника связан с ранней эпиграфикой Тамгалытас; исследовавший несколько надписей Т.К. Бейсенбиев датирует их по палеографии концом XIX в. К этому же времени относится часть тамг различных племен казахов Младшего и Среднего жузов. Заключительный период истории памятника, судя по датам посетительских надписей, охватывает отрезок времени с 1930-х по 1990-е годы.

В 1,2 км к юго-востоку от камня Тамгалытас на правом склоне эрозионной долины находится еще одно небольшое скопление камней с тамгами. Одна из плит использована для сооружения монумента Тамгалытас, установленного в недавнее время на краю террасы. Всего выделяются около 10 разновидностей знаков, по технике и форме соотносимых с тамгами средневекового периода, выявленными на основном местонахождении Тамгалытаса.

Памятники Центрального Казахстана

Срединное пространство Казахстана занимает обширная горно-степная страна – Сарыарка (Казахский мелкосопочник). Уникальный ландшафт Сарыарки вмещает множество материальных свидетельств древней истории края, оставленных первобытными охотниками древнекаменного века и неолита, пастухами и металлургами эпохи бронзы и племенами

кочевников эпохи раннего железа, средневековья и нового времени. К числу таких свидетельств относятся и наскальные изображения, хотя на карте памятников наскального искусства Казахстана центральная область выглядит разреженной.

Выделяется зона главного водораздела Сарыарки, где преобладают горные породы, малоудобные для гравирования рисунков: сохранившиеся до наших дней и засвидетельствованные археологами местонахождения наскальной живописи в этой части страны единичны и удалены друг от друга на большие расстояния. Здесь наскальное изобразительное творчество древних реализовалось преимущественно в красочных рисунках на закрытых естественными навесами относительно ровных поверхностях гранитов и диоритов.

Одним из известных памятников наскальной живописи является грот П.Л. Драверта в горах Баянаул, обнаруженный в 1926 г. на юго-восточном берегу озера Жасыбай русским геологом и поэтом, именем которого он теперь называется. На поверхности свода красной охрой изображены несколько схематичных антропоморфных фигур, обращенных головой к входу грота, так что рассматривать их приходилось, по-видимому, из глубины скальной ниши. Красочные рисунки, сходные по содержанию и технике исполнения, позже обнаружены и под другими навесами покрытых лесами прибрежных скал озера. Основным мотивом росписей на стенах и сводах гротов здесь также являются антропоморфные изображения, однако есть и одиночные фигуры животных, птиц, рисунок лука со стрелой и несложные геометрические фигуры или знаки. Датировать наскальную живопись Баянаула сложно; возраст подавляющей части схематичных рисунков вряд ли выходит за рубеж бронзового века, время активного заселения района племенами андроновской и бегазы-дандыбаевской культур.

Наскальная живопись центральной Сарыарки представлена еще одним замечательным памятником – гротом Тесиктас, расположенным в отрогах гор Кызылтау, в верховье одного из притоков реки Шерубай-Нура. От приозерных гротов Баянаула его отделяет большое расстояние, и при общем сходстве окружающей природы Тесиктас дает образец иного типа ландшафта и наскальной живописи.

Петроглифы Акбидайик и Оленты на северо-восточной периферии Сарыарки – редкий для данной территории вид археологических памятников, и относятся к числу самых северных пунктов распространения наскального искусства Казахстана. Петроглифы этих местонахождений представляют наиболее ранние образцы наскального искусства степных племен III – первой половины II тыс. до н.э., что позволяет проследить истоки некоторых изобразительных традиций эпохи бронзы, получивших распространение в южных районах Сарыарки (Северное Прибалхашье, Улытау) и далее – в Каратау и Чу-Илийских горах.

Замечательным памятником наскального искусства на юго-западе Сарыарки является Теректы Аулие, расположенный в 90 км к востоку от г. Жезказгана и в 20 км к северо-западу от ст. Теректы Карагандинской области. Небольшой по занимаемой площади и количеству выполненных в граните петроглифов этот памятник отличает однородность основной серии петроглифов эпохи бронзы, зримо вовлеченных в пространственную организацию ландшафта, насыщенного разновременными археологическими объектами – стоянками палеолита, неолита и эпохи бронзы, курганами раннего железа, остатками горных разработок, некрополями со средневековыми мавзолеями и XVIII-XIX вв. Теректы Аулие является сегодня одним из немногих памятников наскального искусства Казахстана, где скалы с древними петроглифами включены в цикл религиозно-культового почитания. В репертуаре древнейших петроглифов доминирует образ коня, присутствуют также изображения двугорбых верблюдов-бактрианов, быков, козлов, оленей, змей, кошачьего хищника и колесницы. Цельность репертуара, иконографии и стиля этой серии петроглифов

Теректы Аулие, атрибутируемой на основе параллелей с предметами сейминско-турбинской изобразительной традиции, служит эталоном для ее идентификации в памятниках наскального искусства юго-запада Сарыарки (долина Байконур), юга Казахстана (Каратау) и Средней Азии (Фергана).

К югу от главного водораздела Сары-Арки (Казахского мелкосопочника) расположена огромная гористая полупустыня Северного Прибалхашья; суровая природа этой труднодоступной области сохранила немало замечательных памятников древней культуры, в том числе петроглифов. Некоторые из них были открыты в 1960-е годы А.Х. Маргуланом, геологами А.Г. Медоевым и Б.Ж. Аубекеровым, и повторно обследованы в 2007 г. А.Е. Рогожинским, но в целом этот район Казахстана относится к слабоизученным. Два известных памятника – Бесоба и Калмакэмель – характеризуют особенности наскального искусства Северного Прибалхашья.

Наиболее значимые памятники Центрального Казахстана

Грот Тесиктас

Местонахождение. Грот Тесиктас расположен в Шетском районе Карагандинской области, 13 км к северо-востоку от районного центра с. Аксу-Аюлы, в 5 км к северо-западу от с. Актобе, у подножия гор Кзылтау.

Изученность и документация. Росписи грота Тесиктас осмотрены в 1940-х г. А.Х. Магуланом, в 1980-х гг. документирование рисунков выполнено В.А. Новоженевым (Новоженев. 2002). В 2007 г. памятник обследован А.Е. Рогожинским.

Археологический контекст. К западу от скалы с рисунками на прилегающей равнине расположен курганный могильник эпохи раннего железа. В 10 м к востоку от скалы с росписями находится вертикальный стеллообразный камень.

Типология и датировка. На предгорной равнине, в небольшом удалении от невысоких сопок, одиноко возвышаются две стоящие друг напротив друга гранитные скалы. В верхней части одной скалы имеется большая сквозная ниша, на высоком своде которой нанесены краской рисунки. В центре свода хорошо различимы изображения двух короткорогих быков и нескольких знаков в виде крестов; рядом видны аморфные пятна красной охры – следы других несохранившихся изображений, о которых можно судить только по зарисовкам исследователей XX в. Одна из фигур животных выполнена контурной линией, вторая – силуэтом, но сохранилась лишь часть этого изображения. На второй плоскости свода заметна еще одна контурная фигура, возможно, также зооморфного изображения, показанного менее реалистично. За пределами сквозной ниши на боковых поверхностях, закрытых скальным козырьком, есть следы других росписей, полностью разрушенных и неразличимых.

Сквозное отверстие образует в камне широкий проход, ориентированный в целом с юга на север; при этом сохранившиеся изображения животных обращены ногами к востоку и развернуты головами по направлению к югу. Возможно, ориентировка рисунков относительно сторон света имела значение, поскольку в дни низкого стояния солнца можно наблюдать, как лучи его проходят сквозь отверстие в скале, освещая рисунки и создавая впечатляющее зрелище. Возраст живописи Тесиктас не установлен; исследователи датируют рисунки временем до эпохи бронзы (Маргулан. 2007. С. 20; Новоженев. 2002).

Акбидайик

Местонахождение. Урочище Акбидайик расположено в Екибастузском районе Павлодарской области, в 1,5-2 км к юго-востоку от ст. Майкаин.

Рисунки выполнены на ровной красноватой поверхности крупного (15 × 25 м) обнажения песчаника, возвышающейся на 0,5-0,7 м над окружающей местностью. Центральная часть скалы с петроглифами сильно разрушена при добыче строительного камня; хорошо сохранилась западная часть монолита с несколькими эффектными композициями рисунков.

Изученность и документация. Местонахождение петроглифов Акбидайик открыто в 1990 г. В.К. Мерцем (Павлодарская археологическая экспедиция). В 2004 г. совместно с А.Е. Рогожинским проведено обследование памятника и составлена базовая документация для постановки его на государственную охрану: археологическая карта комплекса, инвентарная опись, индексированная панорама, фотоснимки и копии плоскостей с петроглифами; К.Т. Искаковым (ассистент консерватора) выполнено обследование состояния петроглифов и фиксация повреждений.

Археологический контекст. В ближайшем окружении петроглифов выявлено более 30 памятников археологии, в том числе стоянки-мастерские каменного века (нижний палеолит – неолит и энеолит), поселения и могильники (эпоха бронзы – ранний железный век), петроглифы, а также остатки железнодорожной насыпи начала XX века.

Типология и датировка. В Акбидайик присутствуют гравюры трех-четырех этапов первобытной культуры северо-восточной периферии Сарыарки: неолита, энеолита, эпохи бронзы и раннего железного века. Не исключено, что некоторые рисунки могут относиться и к более поздним эпохам. На горизонтальных и наклонных поверхностях скалы выявлено около 100 петроглифов, несколькими группами покрывающих сохранившийся участок скалы. Наиболее выразительные рисунки сосредоточены на северо-западной поверхности монолита; имеются случаи перекрывания одних рисунков другими.

Самая древняя группа петроглифов представлена схематичными антропоморфными фигурами с широко расставленными руками, ногами и выделенным фаллосом. Рядом с ними имеются трудно различимые зооморфные изображения. Часть рисунков разрушена в результате выветривания поверхности камня. Петроглифы выполнены техникой выбивки, грубым, видимо, каменным орудием. Одна из фигур лучника перекрыта более поздним изображением лошади. Предполагается, что эти рисунки относятся к каменному веку.

Самую многочисленную группу составляют реалистично выполненные крупные изображения животных. Особо выделяется многофигурная композиция, включающая более 30 разных изображений, в том числе крупные (30–75 см) фигуры лошадей, куланов, быка, козлов, схематичные антропоморфные фигуры и неопределенные знаки. Справа имеется еще одна группа рисунков, изображающих оленей и лошадей. Выполненные в натуралистической манере изображения лошадей являются доминирующим персонажем большинства композиций Акбидайик. Они выполнены сходной техникой – глубокой регулярной выбивкой силуэта. Несмотря на то, что многие фигуры перекрывают друг друга, значительная их часть, по-видимому, создавалась одновременно и в определенном порядке. Изображения лошадей Акбидайик находят аналогии в наскальных рисунках восточных и юго-восточных регионов Казахстана, а также в турбинско-сейминской изобразительной традиции рубежа эпохи ранней и развитой бронзы.

Помимо этих двух групп древнейших петроглифов в Акбидайик имеются изображения быков-туров с опущенными вперед рогами и перекрывающие их фигуры горных козлов, сайги, оленей и других животных. Датировка этих изображений определяется от эпохи энеолита и

ранней бронзы (III – начало II тыс. до н. э.) до эпохи раннего железного века (VII–IV вв. до н. э.).

Оленты

Местонахождение. Петроглифы расположены на правом берегу р. Оленты, в 10 км к юго-западу от с. Тай в Экибастузском районе Павлодарской области. На склонах речной террасы обнажаются крупные блоки палеогеновых песчаников светло-коричневого цвета, на 17 отдельных плоскостях которых найдено более 50 петроглифов.

Изученность и документация. Петроглифы Оленты открыты в начале 1970-х гг. краеведом О. Моолем. В 1990-е годы памятник обследован В.К. Мерцем; в 2005 г. петроглифы осмотрены З. Самашевым.

Археологический контекст. Систематические исследования района выявили большое количество разновременных памятников археологии: стоянки эпохи неолита и энеолита, погребения эпохи бронзы и курганы кочевников раннего железного века.

Типология и датировка. Все камни с рисунками лежат на крутом склоне террасы, их поверхности обильно покрыты лишайниками. Отдельные рисунки выполнены техникой выбивки, но в мягкой породе камня большинство гравюр создано техникой глубокой резьбы, отдельные рисунки имеют вид барельефа.

Петроглифы образуют небольшие композиции, состоящие из нескольких фигур животных и людей. Часто рисунки группируются вокруг одного-двух изображений, занимающих центральное положение на плоскости: на одном из камней в центре размещено антропоморфное изображение, а вокруг него – фигуры пантеры, быков и других слабо различимых изображений. Есть эротические сцены. Зооморфные персонажи представлены фигурами быков с длинными, загнутыми вверх рогами, лошадей с выделенной над головой челкой, оленей, сайги и др.

По стилистическим особенностям и иконографии среди гравюр Оленты выделяется две основные изобразительные традиции, первая из которых связана с серией антропоморфных изображений (эротические пары, женщина-роженица, лучники) и быков с длинными или загнутыми вверх рогами, а вторая – с изображениями лошадей в характерной для турбинско-сейминской изобразительной традиции эпохи бронзы.

Ранние изображения Оленты не имеют точных аналогий в известных памятниках наскального искусства Казахстана; по репертуару, технике исполнения, стилю и иконографии они имеют сходство с изображениями на барельефах Апшеронского полуострова. Датировка ранних петроглифов Оленты предположительно определяется эпохой энеолита – ранней бронзы, что позволяет относить их к числу наиболее древних образцов наскального искусства на территории Северной Сарыарки.

Бесоба

Местонахождение. Петроглифы долины Бесоба находятся в Карагандинской области, в 45 км к северо-востоку от г. Саяк, на правом берегу р.Туранги, вдоль восточного склона гор Семизбугу.

Изученность и документация. Памятники гор Семизбугу и Бесобинской долины открыты и исследовались в 1960-х гг. геологами А.Г. Медоевым и Б.Ж. Аубекеровым; составлена археолого-геоморфологическая карта района (Медоев. 1979). В 2007 г. обследование и документирование петроглифов Бесобы проводились А.Е. Рогожинским (КазНИИ ПКНН); составлена археологическая карта, выполнена фотосъемка петроглифов.

Археологический контекст. Бесобинская равнина простирается вдоль восточных склонов гор Семизбугу. Здесь выявлен крупный комплекс стоянок-мастерских палеолита и неолита, курганные могильники раннего железного века, зимовки и некрополь XIX – начала XX вв. Топография памятников указывает на неустойчивый характер обитания здесь в отдельные исторические периоды. Наиболее благоприятные для жизни условия существовали, по-видимому, в неолите и в бронзовом веке.

Типология и датировка. Петроглифы выбиты на дайках диоритовых порфиров, возвышающихся над поверхностью в виде невысоких гряд (до 2-3 м). Дайки вытянуты с севера на юг несколькими рядами вдоль долины на 5–10 км и образуют природные галереи с древними рисунками. Всего зафиксировано около 300 плоскостей с наскальными изображениями; общее количество петроглифов около 1000 изображений.

Местами вертикальные и наклонные поверхности скал с петроглифами тянутся на десятки метров. Особенно много разновременных изображений на ближних к реке скалах, где встречаются также неолитические артефакты. На удаленных от воды участках петроглифы встречаются редко.

Памятники II тыс. до н.э. не выявлены, но более половины петроглифов Бесобы относятся к эпохе бронзы. Доминируют изображения лошади; есть сцены с антропоморфными фигурами и одно изображение двухколесной повозки.

Петроглифы раннесакской эпохи исключительно редки и выбиты на хороших горизонтальных плоскостях. К ним относятся изящные контурные фигуры оленей, пантеры, а также изображения конских копыт, многие из которых имеют следы поздних подновлений. Совершенно отсутствуют рисунки сакского времени, образуя видимый разрыв в традиции наскального творчества во второй половине I тыс. до н.э.

В средневековый период художники часто использовали прием подновления и видоизменения древних петроглифов. В Бесобе к таким «компиляциям» относятся изображения лошадей эпохи бронзы с подновленными силуэтами и дорисованными деталями сбруи и фигурками наездников. Особую разновидность петроглифов образуют родоплеменные тамги.

Заключительный период формирования наскальных галерей Бесобы относится к XIX – началу XX в. и связан с расселением здесь казахов племени аргын. Их родовые тамги встречаются вблизи зимовок. Многократно воспроизводятся изображения следов конского копыта, при этом часто подновлялись древние изображения.

Калмакэмель

Местонахождение. Горы Калмакэмель находятся в Карагандинской области, в 70 км к северо-западу от г.Саяк.

Изученность и документация. В 2007 г. обследование и документирование петроглифов Калмакэмель проводились А.Е. Рогожинским (КазНИИ ПКНН); составлена археологическая карта, выполнена фотосъемка петроглифов.

Археологический контекст. Невысокий горный массив с востока на запад пересекает широкая долина, в которой выявлены стоянки, датирующиеся неолитом, средневековьем и XIX-XX вв., а также курганные могильники эпохи раннего железа. К древнейшим памятникам относятся две выявленные стоянки-мастерские верхнего палеолита. На левом склоне ущелья встречаются петроглифы, особенно много их в средней части долины. Общее

количество рисунков около 2000 рисунков; это самое крупное из известных в Северном Прибалхашье местонахождений петроглифов.

Типология и датировка. Основная часть гравюр относится к эпохе бронзы: многочисленные изображения лошадей, сцены охоты, солярные знаки и др. Другие периоды представлены в меньшей мере, но среди них также выделяются серии выразительных рисунков: олени в раннесакском зверином стиле, средневековое изображение собаки в геральдической позе и др.

Древнейшие петроглифы Калмакэмель выбиты неглубоко, по-видимому, каменным орудием. Среди нескольких сотен древнейших гравюр преобладают фигуры лошадей; редко изображались другие животные – бык, олень, собаки; изображения людей единичны. Фигуры лошадей однообразны, их силуэт реалистично передает экстерьер коротконогой породы лошадей с провисающим брюхом и массивной головой с небольшой челкой. Ноги коней, за которыми следуют табуны лошади с жеребятами, обычно показаны соединенными снизу линией – путами; человек присутствует в этих картинах как укротитель, накидывающий на шею животного веревку, или как охотник, поражающий его из лука. Человек противопоставлен животным как властелин, и эта оппозиция подчеркивается художником с помощью особых изобразительных приемов или умелым использованием нюансов изобразительной поверхности и «архитектуры» скал. Изображение пары лошадей в дышловой запряжке, убеждает, что древнейшие петроглифы Калмакэмель запечатлели первобытное общество ранних скотоводов Сары-Арки, где наряду с использованием domesticированных животных сохраняли свое значение охота на них и приручение.

Датировка этой серии петроглифов первой половиной II тыс. до н.э. основывается на иконографических и стилистических параллелях с предметами художественного бронзового литья сейминско-турбинского типа. Среди памятников наскального искусства Казахстана наиболее близкими по содержанию петроглифам Калмакэмель являются гравировки Акбидайик в северо-восточной части Сары-Арки. На юго-западе региона аналогами выступают гравюры Теректы Аулие и долины р.Байконур, отличительной особенностью которых является присутствие в репертуаре изображений верблюда-бактриана.

В Калмакэмель отчетливо выделяются гравюры поздней бронзы, в том числе изображения конных колесниц, батальных сцен и солярных знаков, – всего того, что составляет тематическую основу наскального искусства Казахстана этой эпохи во всем его ареале. Однако рисунков этих в Калмакэмель немного.

Репертуар петроглифов ранних и средневековых кочевников значительно богаче, чем, в Бесобе, но количество их столь же невелико. Единичны контурные изображения оленя и других животных в стиле «оленных» камней Западной Монголии и Алтая, встречаются изображения конских копыт; имеется композиция с антропоморфными фигурами, живо напоминающими самобытные рисунки тагарской культуры Минусинской котловины. Средневековые петроглифы маловыразительны, но среди них есть тамги, встречающиеся на других памятниках от Алтая и Тарбагатай до Чуйской долины. Поздние петроглифы концентрируются вблизи зимовок конца XIX – начала XX в. и представлены весьма реалистичными гравировками; здесь же многократно повторяются изображения казахские тамги.

Памятники Восточного Казахстана

Территория Восточного Казахстана занимает юго-западную часть Алтая (хребты Рудного и Южного Алтая), Зайсанскую котловину, Калбинское нагорье, хребты Саур и Тарбагатай,

Прииртышскую равнину и восточную часть Казахского мелкосопочника (Чингизтау). Область относится к бассейну Северного Ледовитого океана, Карского моря и внутренней бессточной области озера Балхаш. Водораздел проходит по хребтам Тарбагатай и Чингизтау. Главная река Восточного Казахстана – Иртыш в пределах Казахстана протекает 1700 км. Крупнейшие озёра – Зайсан, Маркаколь, Алаколь и Сасыкколь. Горы Алтая и Тарбагатай являются основными районами распространения памятников наскального искусства Восточного Казахстана.

История изучения наскального искусства на территории Казахстана началась с открытия ряда памятников Прииртышья в XIX в. В течение этого столетия разными исследователями (Г.И. Спасский, А. Влангали, А.В. Адрианов) были выявлены десятки памятников в горах Алтая и Тарбагатай (Спасский. 1818; Адрианов.1916). В 1930-е гг. их изучение продолжил С.С. Черников; в 1971-1983 гг. систематическое исследование и документирование наскальных рисунков Восточного Казахстана проводил З. Самашев, систематизировавший и обобщивший накопленные к концу XX в. данные о локализации и хронологии петроглифов региона. В 2008 г. отдельные памятники Тарбагатай и Алтая обследованы А.Е. Рогожинским.

Наряду с десятками местонахождений выбитых на камне гравюр (петроглифов) в горных районах Восточного Казахстана известно много памятников наскальной живописи; что отличает этот регион от других областей Казахстана. Датировка росписей в большинстве случаев остается неопределенной, но в субстрате, репертуаре и иконографии рисунков обнаруживается сходство с памятниками верхнего течения Иртыша, на территории Китая. Среди петроглифов правобережья Иртыша и Тарбагатай идентифицируются также некоторые традиции наскального искусства эпохи бронзы, раннего железа и средневековья, хорошо представленные на Алтае, Минусинской котловине, Туве в пределах России и Западной Монголии. На многих памятниках района выделяются петроглифы эпохи бронзы сейминско-турбинской изобразительной традиции, имеющей широкое распространение отсюда на запад – в Центральном и Южном Казахстане. Петроглифы поздней бронзы и раннего железного века Прииртышья имеют мало сходства с памятниками Чу-Илийских гор, но в то же время большими сериями выделяются в памятниках Восточного Семиречья, в Джунгарском Алатау.

В целом географическое положение и природные особенности Восточного Казахстана на протяжении позднего голоцена делали этот район узловым участком континентальных коммуникаций и миграционных процессов, протекавших на стыке лесостепной и аридной зоны Центральной Азии.

Наиболее значимые памятники Восточного Казахстана

Акбаур

Местонахождение. Грот с росписями Акбаур находится в 28 км к югу от г. Усть-Каменогорска, в 4,5 км к северу от с. Бестерек в Восточно-Казахстанской области, на правом берегу р.Уранкай, в небольшой межгорной долине.

Левый борт долины образует скалистая сопка Акбаур, сложенная диоритовыми породами, выветривание которых создало немало причудливых каменных фигур с навесами и просторными нишами. У подножья южного склона сопки Акбаур находится грот с росписями. Несмотря на близость к большому шоссе, крупному областному городу и активное посещение памятника туристами, росписи грота и окружающий ландшафт хорошо сохранились.

Изученность и документация. Росписи грота Акбаур в 1970-1980-е гг. исследовались и документировались З. Самашевым (Самашев. 2006); при копировании рисунков

применялась прозрачная бумага, прикреплявшаяся к скале пластилином, остатки которого и крупные пятна сохранились на поверхности камня. В 1997-1998 гг. грот исследовался археологоастрономической группой специалистов под руководством Л.С. Марсадолова (Санкт-Петербург). В 2008 г. долина Акбаур и росписи грота обследованы А.Е. Рогожинским.

Археологический контекст. В широком устье долины вдоль северного склона Акбаур сохранились следы нескольких древних стоянок с остатками каменных сооружений, керамикой ранних кочевников и кремневыми артефактами неолита. Здесь же на обособленной от массива скале, под козырьком которой кое-где образовалась корочка «пустынного загара», выбиты две-три композиции с фигурами лошадей, стада оленей и антропоморфным изображением. На противоположной стороне долины также есть небольшое скопление петроглифов, выбитых на горизонтальных поверхностях сланцев, покрытых патиной коричневого цвета. Петроглифы обоих местонахождений сходны по стилю, технике исполнения и относятся к периоду поздней бронзы и раннего железного века (конец II – I тыс. до н. э.).

Типология и датировка. Грот расположен на высоте около 5 м от поверхности и легкодоступен: наклонные слои слагающих массив пород образуют ступенчатый подъем к гроту. Широкая полость под навесом имеет в длину около 9 м и только у входа достигает высоты человеческого роста. Здесь в козырьке образовалось большое отверстие овальной формы; дневной свет, проникающий через него, позволяет видеть красочные изображения на своде и внутренних стенах навеса. Поверхность грота наклонная, поднимающаяся к стене так, что только от входа можно видеть все рисунки одновременно; высота свода там, где находятся рисунки, не превышает 1 м, поэтому рассмотреть их вблизи удастся лишь сидя или лежа на неровной поверхности грота.

Все фигуры (около 80 знаков) выполнены охрой красновато-коричневого цвета, сходны в манере линейного рисунка, просты по форме и подчинены единому композиционному замыслу, что позволяет предполагать их одновременность. Живопись преимущественно заполняет ровную поверхность свода, подобную большой раковине, внутри которой расположены наиболее содержательные рисунки: двухколесная повозка, направленная дышлом к входу, фигура козла, два или три антропоморфных изображения, а также знаки, напоминающие примитивное жилище типа шалаша, фланкирующие остальные рисунки. На переднем плане рядом с фигурой человека изображен ромбовидный знак, разделенный на четыре сектора, с точками в центре каждого; от вершины знака расходятся две линии. Другие рисунки представлены силуэтными и контурными треугольными фигурами, а также линиями, соединяющими некоторые основные изображения. Общие границы композиции обрамляют крестообразные фигуры. В целом, несмотря на предельный схематизм рисунков, угадывается замысел первобытного художника, воспроизводившего знакомые ему реалии культуры. О времени создания рисунков грота Акбаур археологи судят по изображению двухколесной повозки, склоняясь к датировке памятника концом III – началом II тыс. до н. э. Во всяком случае, акбаурская повозка является древнейшим живописным изображением колесного транспорта в Казахстане и Средней Азии.

Теректы

Местонахождение. Скальный навес с росписями расположен в 50 км к северо-востоку от с. Калжир и в 2,5 км к северу от с. Теректы (бывш. Алексеевка) Маркакольского района Восточно-Казахстанской области, на правом берегу Иртыша, в юго-восточных отрогах Курчумского хребта, в долине р. Теректы.

Изученность и документация. Наскальные росписи в окрестностях с. Теректы найдены местными жителями; до начала 1990-х гг. был известен навес с рисунками, выполненными

охрой красного, желтого и черного цвета, который в настоящее время разрушен. В 1980-х гг. в разное время эти росписи осмотрены З. Самашевым и А.Е. Рогожинским. В 2008 г. Е. Актайлаковым и А.Е. Рогожинским обнаружены и обследованы росписи еще одного навеса.

Типология и датировка. Навес с росписями находится в устье небольшого ущелья; под гранитным куполом на вертикальной поверхности (2 x 1,5 м) сохранилась композиция рисунков. На поверхности камня красной охрой нанесены контурные фигуры двух лошадей, оленя, двух кабанов, антропоморфных персонажей и несколько менее отчетливых изображений; все животные показаны в движении справа налево. В правой части композиции нарисованы две антропоморфные фигуры; они разной величины, выполнены в разной манере и отличаются цветом охры: меньшая из них сделана красно-коричневой краской и, по-видимому, появилась позже других рисунков. Слева от антропоморфных персонажей находятся изображения лошади и двух кабанов. Линию спины верхнего животного пересекает вертикальная черта, сделанная краской того же коричневого оттенка и, должно быть, изображающая короткое копье с заостренным концом. Следы позднего дополнения картины имеются и в левой части композиции: три маленькие крестовидные фигуры коричневого цвета здесь частично перекрывают задние ноги лошади. Левая сторона панно сильно разрушена: гранитная поверхность местами отслоилась, и многие красочные фигуры сохранились фрагментарно. Живописная картина представляет, по-видимому, сцену охоты.

Росписи гротов Теректы обнаруживают большое сходство с живописью скальных навесов на территории Северо-Западного Китая, в верховьях Черного Иртыша, отражая культурное единство этого очага доисторического наскального искусства. Датировка росписей Восточного Казахстана предполагается в пределах от неолита до эпохи бронзы.

Молдажар

Местонахождение. Долина Молдажар расположена в 100 км к юго-востоку от г.Аягуз, в 85 км к юго-западу от районного центра с.Аксуат Тарбагатайского района Восточно-Казахстанской области, в юго-западных отрогах хребта Тарбагатай, в горах Кызылтас.

Изученность и документация. Петроглифы Молдажар обнаружены художником-краеведом С. Садыковым и в 2008 г. обследованы А.Е. Рогожинским (КазНИИ ПКНН). В двух смежных долинах Молдажар и Текебай, где берет истоки р. Жинишке, выявлен крупный комплекс поселений, могильников и петроглифов, относящихся к неолиту, эпохе бронзы, раннему железу, средневековью и XIX – началу XX в. Составлена археологическая карта района, выполнено документирование петроглифов основного скопления, сделаны копии нескольких плоскостей.

Археологический контекст. Стоянки неолита и эпохи бронзы находятся в верховьях долин. Каменные ограды с захоронениями эпохи бронзы и курганы раннего железа небольшими группами расположены на высоких предгорных участках и древних террасах. Повсеместно в окружении скал на расширенных площадках сухих эрозионных долин, сохранились руины каменных построек стационарных зимовок казахов XIX – начала XX в.; здесь же нередко встречается керамика ранних и средневековых кочевников.

Типология и датировка. Древние гравюры встречаются на покрытых черной патиной обнажениях песчаника. Самое значительное скопление петроглифов находится на водоразделе в средней части урочища Молдажар. Склоны и вершина большой куполообразной сопки усеяны множеством обломков песчаника моренного происхождения; общее количество рисунков здесь составляет более 2000.

Древнейшие петроглифы Молдажара относятся к эпохе бронзы, но создавались, по-видимому, в разные периоды, поскольку по стилю и содержанию рисунков выделяется несколько изобразительных групп. Самые ранние представлены изображениями диких лошадей с нависающей над головой челкой, а также быков и очень редко – антропоморфных персонажей; таких гравюр сравнительно немного, и сосредоточены они на южном склоне горы. Этот тип петроглифов связан с культурой ранних скотоводов и металлургов первой половины II тыс. до н. э. и известен на многих памятниках наскального искусства Казахстана и Кыргызстана. Географический ареал таких петроглифов охватывает южные и центральные районы Сарыарки, а также Тарбагатай и Прииртышье.

Самую многочисленную и яркую серию образуют петроглифы поздней бронзы, тематика и стиль которых заметно отличаются от ранних гравюр. Изображения лошади также доминируют, но репертуар обогатился искусно выполненными фигурами других животных, птиц и антропоморфных персонажей. Лучшие произведения этого времени создавались на самых удобных и широких поверхностях. Отличительной особенностью этих петроглифов является декоративная манера передачи экстерьера лошадей, корпус которых заполнен неповторяющимися комбинациями прямых линий и зигзагов; некоторые из геометрических мотивов перекликаются с орнаментикой керамики позднебронзовых культур юга Сибири и Казахстана. Антропоморфные персонажи выделяются в композициях наряду с изображениями «чудесных» лошадей, укрощаемых или сберегаемых человеком от нападения хищников. Нередки изображения поединков воинов, вооруженных луками, копьями, дубинками, и сцены сражения на колесницах; многие детали вооружения (формы колчанов и луков, наконечников стрел и копий) воспроизведены весьма реалистично, что позволяет сопоставлять их с артефактами и датировать петроглифы рубежом II-I тыс. до н. э. Близкие аналогии этим рисункам известны в петроглифах Ешкиольмеса в Восточном Семиречье, но в целом данная серия гравюр Молдажара уникальна.

Петроглифы Тарбагатая начала I тыс. до н. э. обнаруживают большое сходство с наскальным искусством Алтая, Тувы и Западной Монголии. В Молдажар к ним относится группа одиночных изображений оленей в стиле западно-монгольских «оленных» камней; они рассредоточены на разных склонах горы и занимают второстепенные поверхности камней, свободные от рисунков предшествующей эпохи. Примерно так же были ограничены в выборе и создатели петроглифов раннесакского времени, отличающихся своеобразием звериного стиля и специфическим репертуаром. Изображения диких животных – оленей, кабанов, хищников в традиционных сценах охоты и преследования, дополняют искусные гравировки лошадей с наездниками и редкий для петроглифов мотив – отпечатки конских копыт; по многим аналогиям эти рисунки относятся к VIII–VI вв. до н. э.

Средневековая эпоха представлена в петроглифах Молдажар менее отчетливо. Здесь нет обычных для древнетюркского наскального искусства фигур всадников-знаменосцев, хотя имеются изображения тамг, встречающихся на памятниках раннего средневековья Алтая, Западной Монголии и Семиречья. К этому же времени относятся некоторые сцены охоты с изображениями стремительно бегущих животных, выполненных в своеобразном древнетюркском «зверином» стиле. Не ранее X в. может датироваться сцена поединка двух воинов с длинными саблями.

Среди позднейших петроглифов Молдажара выделяется крупная серия казахских родовых тамг; они нанесены на разные камни с древними рисунками и сгруппированы в определенном порядке. Все знаки сходны по технике, размеру (2–4 см) и палеографии, напоминают тамги, воспроизводившиеся на документах XVIII–XIX вв. В трех случаях вместе изображены три «султанские» тамги; на другом камне вместе запечатлены шесть тамг

разного типа. Они атрибутируются как родоплеменные знаки казахов Среднего и Старшего жузов.

Доланкара

Местонахождение. Горы Доланкара находятся в 115 км к юго-востоку от г. Аягуз, в 70 км к юго-западу от районного центра с.Аксуат Тарбагатайского района Восточно-Казахстанской области, в юго-западных отрогах хребта Тарбагатай. На правом берегу в среднем течении р. Бугас сосредоточена группа местонахождений петроглифов, расположенных преимущественно в устье нескольких ущелий.

Изученность и документация. Петроглифы в горах Доланкара обнаружены художником-краеведом С. Садыковым и в 2008 г. обследованы А.Е. Рогожинским (КазНИИ ПКНН). Составлена археологическая карта района, выполнено выборочное документирование петроглифов.

Археологический контекст. Район относится к типу среднегорья (1010-1070 м над у.м.) и традиционно используется скотоводами как место зимних стоянок. В ряде ущелий выявлены группы разновременных поселений, могильников, ирригационных сооружений, стел и изваяний, наскальных рисунков и надписей, датирующихся от неолита и эпохи бронзы до начала XX в. Ко второй половине XVIII – началу XIX в. относятся некрополи с плиточными мавзолеями, перед которыми часто находятся каменные стелы с тамгами разных казахских родов племени найман.

Типология и датировка. Петроглифы древних эпох немногочисленны, но среди них встречаются выразительные образцы наскального раннесакского искусства связанного с изобразительной традицией «оленных» камней. Наиболее разнообразны петроглифы раннего средневековья; они представлены выразительной серией гравировок, обнаруженных как на окружающих горные стоянки скалах, так и среди древних рисунков в составе небольших обособленных местонахождений. Особенно замечательны гравюры, изображающие фантастического хищника и змея-дракона, перекрывающие фигуры быков эпохи бронзы; наряду с традиционными сценами охоты на скалах вблизи поселений повторяются изображения средневековых тамг нескольких типов. Особую группу образуют молитвенные тибетские, ойратские надписи и различные изображения, датирующиеся серединой XVII – первой половиной XVIII в. К этому же историческому периоду относится композиция с гравировками ойратских воинов-латников и тяжеловооруженного всадника.

Памятники Западного Казахстана

Территория Западного Казахстана включает четыре административные области – Западно-Казахстанскую, Атыраускую, Актюбинскую и Мангистаускую. Эта огромная территория представляет собой совокупность возвышенных и пониженных равнин, ограниченную лишь на севере и юго-западе сравнительно небольшими горными образованиями. Памятники наскального искусства зафиксированы на полуострове Мангышлак (Мангистау), плато Устюрт и в горах Мугоджары, являющихся южными отрогами Уральского хребта.

Общая протяженность Мугоджары с севера на юг составляет 200 км, их средняя высота 450-500 м. В основном горы состоят из магматических, метаморфических и изредка из прессованных осадочных пород. Мугоджары относятся к низкогорью, в южной части состоят из отдельных низких гор, волнистых холмов, напоминающих рельеф Сарыарки. Здесь берут начало несколько рек – Эмба, Иргиз, Орь, Тобол, Талды, но многие из них летом пересыхают.

Плато Устюрт представляет обширную возвышенную равнину (до 370 м над у.м.) с однообразной сглаженной поверхностью, ограниченной обрывистыми уступами (чинками) высотой до 150 м. Плато сложено горизонтально залегающими морскими отложениями, известняками и доломитами, в которых развит карст. Устюрт относится к глинистым пустыням с резко континентальным, крайне засушливым климатом, с годовым количеством осадков 100–150 мм.

Своеобразие природных условий Мангистау и Устюрта, – в первую очередь, практически полное отсутствие прочных пород камня как субстрата для создания долговечных наскальных рисунков, – наложило отпечаток на развитие наскального изобразительного творчества. Древние изображения на мягком известняковом материале могут сохраняться только на закрытых природных поверхностях или в ископаемом археологическом состоянии (Коскудук). Подавляющее большинство наскальных изображений относится к позднему средневековью и новому времени (XVI – начало XX в.). В то же время, свойства местного природного материала сделали возможным создание многих великолепных образцов наскальной графики, предельно насыщенной этнографическими деталями. Наконец, широкое использование каменных поверхностей погребально-культовых сооружений для тематически богатого художественного творчества также относится к особенностям развития наскального искусства данного региона.

Наиболее значимые памятники Западного Казахстана

Толеубулак

Грот Толеубулак находится вблизи с.Егиндыбулак Шелкарского района Актюбинской области, в верховьях долины р. Эмба, на правом берегу р. Жем, на юго-западной оконечности гор Мугоджары. Памятник открыт в 1999 г. российско-казахстанской экспедицией под руководством Ж.К. Таймагамбетова. В 2005 г. памятник обследован З. Самашевым (Самашев. 2006).

Грот эолового происхождения, расположен в западной части скального массива, сложенного кремнистым песчаником. Грот содержит значительное число петроглифов, расположенных на полу. В 400 м к северу находится еще один грот с петроглифами. Вблизи грота под скальным навесом также имеется группа изображений. На отдельной глыбе в 100 м к западу выбиты изображения верблюда, лошади и антропоморфные фигуры.

Наиболее интересным является самый большой грот с рисунками; он открыт широким входом на юг, его площадь составляет около 20 кв. м., высота до 0,7 м в самой высокой части у выхода. Практически всю поверхность пола занимают изображения. Рисунки глубоко вырезаны на поверхности; некоторые фигуры дополнительно шлифованы. В одном случае наблюдается перекрывание одних фигур другими, но в целом изобразительный комплекс представляется гомогенным.

Считая от верхней части наклонной к входу поверхности, выделяются три зоны, примерно равных по площади и объединенных одними и теми же изображениями. Верхнюю зону занимают ряды резных субпараллельных линий, иногда пересекающихся поперечными линиями. Вторую группу фигур образуют круги, часто незамкнутые, с линиями внутри. В третью группу входят чашевидные углубления глубиной до 6 см, диаметром 17-25 см. Вторая, средняя, зона состоит из хорошо сохранившихся фаллических фигур; здесь же расположено большое количество чашевидных углублений, многие с шлифовкой. Третья зона представлена крупными изображениями фигур в виде бобового плода или в форме конского копыта. Рисунки прорезаны с последующей шлифовкой. Особенностью панно

является отсутствие антропоморфных или зооморфных изображений, преобладание линейно-геометрических фигур, чашевидных углублений.

В районе местонахождения грота выявлены стоянки каменного века и другие разновременные памятники. Датировка рисунков предполагается в пределах первой половины голоцена, не позднее неолита. По топографии и репертуару изображений грот Толебулак не имеет аналогов в Центральной Азии; исследователи видят некоторое сходство с гротами Каменная Могила в Северном Приазовье.

Коскудук

Памятник расположен в 7 км от г. Актау, на прибрежных скалах Каспийского моря, на территории поселения позднего неолита Коскудук I. Памятник открыт и исследован в ходе археологических раскопок на поселении А.Е. Астафьевым (Самашев. 2006).

На горизонтальной поверхности скалы (известняк) в пределах исследованного неолитического жилища имеются изображения двух змей. Изображения выполнены техникой глубокой резьбы, ширина линий 1,5-2,0 см; головы змей показаны в виде округлых углублений. Длина одной фигуры 67 см, другой, сохранившейся хуже, 23 см. Обе змеи показаны ползущими рядом, головы обращены на север. Справа от большого изображения расположены в ряд 8 углублений-лунок диаметром 3-3,5 см.

В 150 м к юго-востоку на открытых прибрежных скалах имеются также изображения в виде желобков, двух ползущих змей и, возможно, рыбы. Длина изображений змей 160 и 250 см, у головы одной из них показано расширение, напоминающее капюшон кобры. В 10 м от изображений на горизонтальной поверхности скалы обнаружены три искусственных углубления, возможно, предназначавшихся для сбора дождевой воды; емкость резервуаров около 30 л.

Изображения обнаружены в археологическом контексте, который позволяет уверенно датировать их неолитом – временем функционирования поселения.

Петроглифы Устюрта и Мангистау

Наскальные рисунки зафиксированы в меловых горах Устюрта и Мангистау – Акмая, Айракты, на открытых поверхностях и в пещерах мыса Жыгылган на северо-восточном побережье Каспийского моря. Рисунки выполнены техникой резьбы в мягком меловом субстрате. Расположение многих рисунков в горах Акмая связано с традиционными охотничьими тропами и засадами. Репертуар включает изображения лошадей, верблюдов, сцен охоты на диких животных (муфлон, горный козел, гепард) с помощью примитивного огнестрельного оружия, сцен сражений и конных скачек и др. Многие из гравировок выполнены с большим мастерством, но в изображениях человека присутствует схематизм, а основной акцент сделан на передачу атрибутов воина-всадника. Нередко изображения сопровождаются арабографичными надписями. Датировка основной части рисунков определяется по точно переданным реалиям (вооружение, снаряжение коня и всадника) и эпиграфике в пределах нового времени (XVIII–XIX вв.).

Особую категорию памятников изобразительного искусства составляют граффити, выполненные с большой этнографической достоверностью на стенах культовых и погребальных памятников – мавзолеев, надгробий, мечетей и др. Данный вид творчества специфичен для Устюрта и Мангистау и получил здесь широкое распространение. В зависимости от датировки и местонахождения памятников определяется этнокультурная принадлежность рисунков туркменским и казахским племенам.

В специфических природных условиях пустынных районов Мангистау, служивших средой обитания для разных этнических групп кочевников нового времени, выделяется особый тип памятников с наскальными изображениями родоплеменных знаков-тамг под общим наименованием «тамгалытас». Такие местонахождения знаков, как правило, располагаются вблизи колодцев или хороших пастбищ и известны на полуострове Тюпкараган и вдоль чинка Устюрта (Масат-ата, Танбалытас). Нередко помимо родовых тамг присутствуют изображения животных, всадников, геометрических фигур. В таких скоплениях тамг преобладают знаки туркменских и казахских племен и относятся к XVII-XIX вв., но отдельные из них могут датироваться более ранним временем.

Литература:

- АГЕЕВА Е.И. К вопросу о типах древних погребений Алма-атинской области. // *Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР*. Алма-Ата. 1961. Т.12. С. 21-40.
- АДРИАНОВ А.В. К археологии Западного Алтая (из поездки в Семипалатинскую область в 1911 г.). // *Известия Императорской Археологической комиссии*. Вып. 62. 1916.
- Археологическая карта Казахстана*. Алма-Ата. 1960.
- ЕРОФЕЕВА И.В. История формирования культового комплекса Тамгалытас (1677-1771 гг.) // *Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н. Э. Масанова: Сб. материалов науч.-практ. конф.* Алматы, 2010. С. 490–530.
- КАДЫРБАЕВ М.К., МАРЬЯШЕВ А.Н. *Наскальные изображения хребта Каратау*. Алма-Ата. 1977.
- КУЗНЕЦОВ Л. О надписи на камне «Тамгалы-Тас» в пустыне Бетпак-дала в Атбасарском уезде Акмолинской губернии // *Записки Семипалатинского подотдела Западно-сибирского отдела РГО*. 1927. Вып. 16. С. 122–124.
- МАРГУЛАН А.Х. *Мир казаха. О значении эпиграфических памятников Казахстана*. Алматы. 1997.
- МАРГУЛАН А.Х. *Сочинения*. Т. 3-4. Алматы. 2003.
- МАРГУЛАН А.Х., АГЕЕВА Е.И. Археологические работы и находки на территории Казахской ССР. // *Известия АН КазССР. Серия археологическая*. Вып. 1. Алматы. 1948. С. 129-135.
- МАРЬЯШЕВ А.Н., ГОРЯЧЕВ А.А. *Наскальные изображения Семиречья*. Алматы. 2002.
- МЕДОЕВ А.Г. *Гравюры на скалах. Сары-Арка, Мангышлак*. Ч. 1. Алма-Ата. 1979.
- НОВОЖЕНОЕ В.А. *Петроглифы Сары-Арки*. Алматы, 2002.
- РОГОЖИНСКИЙ А.Е. История изучения и новые исследования культового комплекса Тамгалытас на реке Или (Илийский Капшагай) // *Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н. Э. Масанова: Сб. материалов науч.-практ. конф.* Алматы, 2010. С. 474–489.
- РОГОЖИНСКИЙ А.Е., АУБЕКЕРОВ Б.Ж., САЛА Р. Памятники Казахстана // *Памятники наскального искусства Центральной Азии. Общественное участие, менеджмент, консервация, документация*. Алматы. 2004. С. 45-92
- САМАШЕВ З. *Петроглифы Казахстана*. Алматы, 2006.
- СПАССКИЙ Г.И. Древности Сибири: о древних Сибирских начертаниях и надписях // *Сибирский вестник*. СПб. 1818. Ч. I.
- Samashev Z., Kurmankulov Zh., Zhetybaev Zh., Lymer K. The petroglyphs of Terekty Aulie, Central Kazakhstan // *International newsletter on Rock Art*. INORA. № 25. 2000.

Иллюстрации см. на стр. 161

Наскальное искусство Кыргызстана

Бахыт Аманбаева¹, Айдай Сулайманова², Чинарбек Жолдошов³

Введение

Кыргызстан относится к числу стран, на территории которых расположены крупные местонахождения памятников наскального искусства. Их картирование, проведенное в последние годы, показало, что изображения имеются во всех регионах страны. По их концентрации и степени изученности исследователи выделяют три основных историко-географических района:

Северное Прииссыккулье – на севере страны;
Таласская долина – на северо-западе;
Ферганской долины (кыргызстанская часть) – на юге.

Общее количество зарегистрированных памятников наскального искусства в Кыргызстане точно неизвестно. Специалистами приводятся разные цифры. В Государственный список памятников истории и культуры Кыргызстана (2002 г.) включены 23 местонахождения, имеющие статус объектов национального значения. Кроме того, некоторая их часть состоит в Списке памятников местного значения.

По способу нанесения изображения делятся на петроглифы (выбитые рисунки) и наскальную живопись. Хронологический диапазон объектов весьма широкий – от неолита до Нового времени.

Ниже дана характеристика основных памятников названных выше районов, среди которых имеются потенциальные объекты серийной номинации «Наскальное искусство Центральной Азии».

Северный Тянь-Шань Таласская долина

Общая характеристика района

Таласская долина расположена на северо-западе Кыргызстана. По рельефу представляет собой межгорную впадину, ограниченную с северо-востока хребтами Кыргызский Ала-Тоо, с юга – Таласский Ала-Тоо, которые сближаются на востоке, образуя горный узел, и расходятся на западе. Северный склон Кыргызского хребта крутой, ледники и крупные фирновые поля здесь отсутствуют. Склоны противоположного Таласского хребта увлажнены лучше, сильно расчленены и образуют сложную систему предгорий. В гребневой части имеются небольшие ледники. В строении рельефа большая роль принадлежит низким горам Кошой-Тоо, Орток-Тоо, Эчкили-Тоо, Ак-Таш, простирающимся параллельно основным хребтам.

Главная водная артерия долины – р. Талас образуется слиянием Каракола и Уч-Кошой, начинающихся от ледников и снежников. Из правых притоков наиболее крупными являются

¹ Институт истории и культурного наследия Национальной академии наук Кыргызской Республики. (ИИИKN НАН КР)

² ИИИKN НАН КР

³ Национальный историко-археологический музейный комплекс «Сулайман-Тоо» (НИАМК).

Кенкол и Нылды. Более многочисленны и многоводны левые притоки – Калба, Беш-Таш, Ур-Марал, Кумуштак, Кара-Буура. Долина имеет протяженность 230 км при максимальной ширине 80 км. Абсолютная высота в пределах долины колеблется от 650 до 4500 м над уровнем моря. Климат континентальный, сезоны года резко выражены.

Административно Таласская долина составляет одноименную область, разделенную на четыре района. Это сравнительно небольшая и несколько обособленная часть Кыргызстана, занимающая 6% территории страны. Население – более 200 тыс. человек. Основной этнос – кыргызы, но представлены и другие национальности: русские, немцы, курды и т.д. Основным занятием является сельское хозяйство, земледелие и животноводство [Энциклопедия ..., 1995].

Археологический фон

Судя по отдельным находкам, Таласская долина была освоена еще в древнекаменном веке. В эпоху поздней бронзы долину населяли племена, относящиеся к андроновской историко-культурной общности, о чем свидетельствуют материалы из исследованных могильников Таш-Тюбе – 2, Тош-Башат, Беш-Таш и др. [История ..., 1984, с.109]. Хорошо представлены памятники древних кочевников раннего железного века; именно в Таласской долине впервые в Кыргызстане были обнаружены катакомбные захоронения времени «великого переселения народов». Для средневековья характерно сосуществование кочевой и оседло-земледельческой культур, многочисленные памятники которых – городища, рудники, могильники, каменные изваяния, эпиграфика и наскальные изображения – хорошо известны [Бернштам, 1997; Археологические ..., 1963]. В этот период Таласская долина являлась одним из центров горнодобывающей отрасли, снабжавшей серебром значительную часть тогдашнего мусульманского мира. После XIII в. традиции оседлости почти исчезают, и области среднего и верхнего течения р. Талас превращаются в места обитания преимущественно кочевников. Из всех видов памятников Таласской долины, исследователями особое внимание уделялось эпиграфическим памятникам, в числе которых согдийские и арабские надписи, а также древнетюркская руника, впервые в Средней Азии, зафиксированная здесь. Петроглифы же, несмотря на то, что являются самым многочисленным типом памятников этого региона, по существу, были обделены вниманием специалистов, за исключением некоторых местонахождений.

Степень изученности памятников

Первые сведения о петроглифах Таласской долины относятся к концу XIX в., когда в 1896 г. В.А. Каллаур в ходе поиска рунических надписей в верховьях Таласа зарегистрировал наскальные изображения в местности Чийим-Таш [Каллаур, 1897, с. 1-7]. В 1937 г. петроглифы в ущелье Чийим-Таш, по-видимому, повторно обнаружены экспедицией Кыргызского государственного пединститута [Зима, 1968, с. 112-114].

По единодушному мнению современных исследователей, вышеприведенное название относится к ущелью Кулан-Сай, расположенному к северо-востоку от г.Талас, где зафиксированы арабские и согдийские надписи [Горячева, Перегудова, 1995, с. 37].

О рисунках и надписях в Чийим-Таше (Кулан-Сай), а также петроглифах в долине р. Обо, притоке р. Кенкол, упоминает А.Н. Бернштам, осмотревший их в 1938 г. [Бернштам, 1997, с. 381].

В 1956 г. петроглифы Таласской долины обследовались учителем-краеведом В.М. Гапоненко со школьниками из историко-археологического кружка г. Фрунзе (совр. Бишкек). Местонахождения петроглифов зафиксированы в разных частях долины – в ущельях Теке-Таш, Курган-Таш, Терек, Кулан, Каракол, Куганды, Куркуро-Суу и Ур-Марал (Жалтырак-Таш)

[Гапоненко, 1963, с. 101–110]. В.М. Гапоненко предпринята первая попытка описания, систематизации и обобщения материалов по объектам наскального искусства долины.

В 1974–1985 гг. изыскательные маршруты проводились под руководством учительницы географии Р.Я. Рысаковой юными краоведами-школьниками из кружка «Искатель» школы № 2 г. Талас. Во время этих походов местонахождения петроглифов зафиксированы в 18 пунктах долины, где зарегистрированы 1570 поверхностей с рисунками. Составлены карты маршрутов и расположения этих памятников, сделаны описания и фотофиксация наиболее интересных изображений [Рысакова, 1982, с. 47–50]. По данным Р.Я. Рысаковой, наибольшее количество рисунков находится в горных долинах р. Кенкол и ее притоков – 546 плоскостей. Она отмечает, что петроглифы нанесены на скальные выступы, отдельные обломки скал и валуны, покрытые патиной. В репертуаре наиболее популярными были изображения горных козлов, которых только в Обо насчитывалось 362. Также Р.Я. Рысаковой отмечена характерная особенность местонахождений верхних притоков Ур-Марала (Жалтырак-Таш и Чийим-Таш), которые находятся у высокогорных перевалов, и петроглифы здесь нанесены на поверхности скальных массивов, иногда имеющих значительные размеры и расположенных поперек ложа древних ледниковых цирков.

В 1987 г. совместной экспедицией Института истории и Института языка и литературы АН Кыргызской ССР в западной части долины, в ущелье Куру-Бакайыр (Таласский Ала-Тоо) наряду с руникой зафиксированы и петроглифы [Джумагулов, Кожомбердиев, 1983]. В 1986–87 гг. совместное исследование петроглифов Жалтырак-Таша (Ур-Марал) проводилось археологами из Кемеровского университета (Россия) и Института археологии АН Казахской ССР, в ходе которого выполнено копирование изображений [Шер и др., 1987; Шер и др., 1995, с. 83–85]. В 2003 г. обследованием того же памятника занималась международная экспедиция под руководством К.И. Ташбаевой и А.-П. Франкфорта: выполнена индексация плоскостей с изображениями, сняты контактные копии, изготовлены силиконовые клише наиболее интересных рисунков и сюжетов, сделан схематический план местонахождения [Ташбаева, Франкфорт, 2005, с. 12–19].

В 2003 и 2005 гг. Таласским археологическим отрядом Института истории НАН КР под руководством Б.Э. Аманбаевой и финансовой поддержке Национального комплекса «Манас-Ордо» обследованы некоторые уже известные и открыты новые местонахождения петроглифов в предгорной зоне Таласского хребта к югу от села Бейшеке, в долине р. Ур-Марал и его левого верхнего притока Чийим-Таш, в Кыргызском Ала-Тоо по притокам реки Кенкол – Обо, Терскол и Чачыкей, а также на территории комплекса «Манас-Ордо» [Аманбаева и др., 2006, с. 27–33]. Сотрудниками НК «Манас-Ордо» в 2006 г. открыто два местонахождения петроглифов в верховьях долины, один из которых расположен ниже перевала Отмек, а другой – за перевалом, уже в Суусамыре. Анализ материалов из архива Р.Я. Рысаковой, дает основание полагать, что данные объекты уже посещались членами кружка «Искатель» в 80-е годы XX в.

В целом, изучение памятников наскального искусства в бассейне р. Талас проводилось преимущественно в верхней части долины, реже – в средней, а северо-западная, западная и юго-западная оконечности обделены вниманием исследователей. На основании имеющихся данных в пределах обследованной территории Таласской долины можно выделить районы наибольшей концентрации петроглифов: долины рек Каракол, Уч-Кошой, Кенкол и их притоков, а также р. Ур-Марал. Общее количество известных в настоящее время памятников – более 40, при этом основная часть их расположена в среднегорье (1300–1900 м над у.м.), другие памятники находятся в высокогорье (2000–3,500 м над у. м.).

Только 4 местонахождения петроглифов в настоящее время состоят в Списке памятников национального значения.

Кыргызский Ала-Тоо

Петроглифы долины реки Кенкол

Горная долина р. Кенкол расположена между главным хребтом Кыргызского Ала-Тоо и его отрогом Кара-Жылга. На всем своем протяжении (около 25 км) долина имеет значительную ширину: от 300 м в устье до 1,5 км в верховье. Перепад высот незначительный – от 1300 до 2000 м над у.м. (у перевала Жангыз-Арча).

Описание памятников. Археологический комплекс долины р. Кенкол и ее притоков состоит из разновременных и разнотипных памятников, характерных для кочевого населения. Петроглифы зарегистрированы вдоль следующих притоков: Бакай-Тобо, Терек, Чачыкей, Обо, Коргон-Таш, Ийри-Колот, Терскол, Боорусай, Чочой. По данным Р.Я. Рысаковой (1980–1981 гг.), здесь зарегистрировано 546 поверхностей с рисунками, в том числе в урочищах: Обо – 90, Коргон-Таш – 26, Чачыкей – 298, Чочой – 127, Ийри-Колот – 3, Бакай-Тобо – 1, на изгибе Кенкола – 1. К этой же группе можно отнести петроглифы Камырдын-бели и горы Караул-Чоку, которые расположены при устье Кенкола на территории комплекса «Манас-Ордо»; здесь насчитывается более 80 плоскостей. Петроглифы чаще всего сосредоточены в низовьях ущелий, вблизи рек. Они нанесены на открытые поверхности отвесных скальных выступов и валунов, покрытых патиной. Распространенными видами субстрата являются песчанник и сланцы. Техника выбивки в основном мелкоточечная, но встречается и крупноточечная; зафиксирована также гравировка. Типы изображений: силуэтные, контурные, линейно-схематические. Образы и сюжеты довольно однообразны. Доминируют изображения диких и домашних животных, особенно горных козлов, одиночные и группы, которых только в Обо зафиксировано 362 рисунка. Вместе с тем, в каждом скоплении зарегистрированы и более оригинальные сюжеты: в Чочое – колесница и большое «полотно» с 59 изображениями различных животных и сцены охоты; в Чачыкей – сцены охоты, ритуальные сцены, элементы ландшафта, в Обо – колесница и пр. Наиболее ранними по времени создания принято считать небольшое количество рисунков, выполненных в битреугольном стиле. [Гапоненко, 1963, с.101]. Самую многочисленную группу составляют изображения, связываемые с эпохой ранних кочевников. Имеются петроглифы, характерные для раннего средневековья. В этом контексте интересна найденная в 2005 г. в Чачыкее руническая надпись, выше и ниже которой располагались рисунки. Встречаются палимпсесты и подновленные изображения. Предварительная датировка: от финальной бронзы до средневековья и нового времени включительно.

Охрана и управление. Ни одно из перечисленных местонахождений не состоит на государственной охране, включая петроглифы Камырдын-бели, расположенные на склонах низких гор (адырах) вблизи известного Кенкольского могильника на территории музейного комплекса «Манас-Ордо».

Современное состояние памятников. В целом, состояние памятников долины р. Кенкол и ее притоков, территория которых до настоящего времени используются только как пастбищные угодья, остается удовлетворительным. Аграрное освоение нижней части долины нарушает традиционную систему природопользования и увеличивает антропогенное влияние на памятники. В рамках проекта «Научная составляющая зон охраны НК «Манас-Ордо»» предполагается включение территорий вдоль ближайших притоков в буферную зону данного комплекса, что может стать действенным фактором их юридической и физической защиты.

Петроглифы в долинах Каракола и Уч-Кошой

Долина Каракола является одной из лучших территорий высокогорных пастбищ Таласского Ала-Тоо, освоение которой относится еще к бронзовому веку; активное использование района продолжалось и в последующие эпохи, о чем красноречиво свидетельствуют археологические памятники: курганы, петроглифы, каменные изваяния, эпиграфика и таш-короо. Петроглифы вдоль берегов этих рек и их притоков обследовались изыскательскими группами В.М. Гапоненко и Р.Я. Рысаковой. По их данным, на правом берегу Каракола и его притока Кок-Кыя обнаружено 4 местонахождения петроглифов, выбитых, в основном, на песчаниковых выходах скал. В 2005 г. сотрудниками Таласского археологического отряда (рук. Б.Э. Аманбаева) зафиксировано еще два скопления: Туюк-Тор и Уч-Чат.

Туюк-Тор. Местонахождение петроглифов находится на конусе выноса, вдоль русла одноименной реки, которая является правым притоком р. Каракол. Рисунки выбиты на валунах различной величины. Особый интерес представляет огромный валун, известный у местного населения как Чийим-Таш, который представляет основное панно с рисунками этого местонахождения. Здесь зафиксированы изображения колесниц, повозок, козлов, верблюда, конных наездников и всадника со знаменем, людей, эротических сцен и солярные знаки с точками в центре. Большинство рисунков выполнено в линейном, контурном и силуэтном стилях. Наблюдается частичное обновление изображений. Много незавершенных силуэтных рисунков. Зафиксированы также отдельные буквы рунического алфавита. Техника нанесения рисунков однообразна: точечная выбивка, глубиной до 2-2,5 мм. Предварительная датировка охватывает периоды от эпохи бронзы до позднего средневековья.

На этой же территории расположено несколько курганов округлой формы с каменными насыпями диаметром от 4,2 м до 5,6 м.

Уч-Чат (среднее течение Каракола). Местонахождение представлено небольшим количеством петроглифов, выбитых на валунах в небольшой впадине вблизи берега реки.

Долина Уч-Кошой. Вдоль побережья этой реки и ее правых и левых притоков В.М. Гапоненко и Р.Я. Рысаковой зарегистрировано 8 местонахождений.

Все упомянутые скопления рисунков в настоящее время не состоят под охраной. За исключением местонахождений Туюк-Тор и Уч-Чат, осмотр которых проводился недавно, сведения о современном состоянии памятников отсутствуют. До недавнего времени эти ущелья использовались как летние пастбища (джайлоо), но в последние годы в связи с прокладкой новых автодорог и планируемого промышленного строительства может возникнуть угроза традиционному землепользованию и одновременно памятникам культурного наследия, в том числе петроглифам.

Таласский Ала-Тоо

Река Ур-Марал является левым притоком Таласа, впадая в него в среднем течении, она берет начало в северных отрогах Таласского хребта, где истоки Ур-Марала образуются слиянием рек Каман-Суу и Табылгаты. Длина р. Ур-Марал 69 км, она имеет 207 притоков, крупными из которых являются Беш-Кол, Кара-Коюн, Чийим-Таш и Чон-Жол. Основные типы ландшафта степные, распространенные в диапазоне от 110 до 1600 м над у.м., и лугово-лесные, встречающиеся на высоте 2000–2700 м над у.м. Поверхность этих ландшафтов сильно расчленена и сложена в основном из сланца, конгломерата, гранита и гранодиорита. Наскальные изображения встречаются от устья реки до верховьев. В нижнем и среднем течении количество петроглифов незначительно, и в основном они нанесены на поверхности отдельных валунов, иногда скальных выступов. Для верховьев характерно нахождение

значительных по площади обнажений коренных пород, расположенных поперек ложа древних ледниковых цирков у истоков рек Кандыбайтор и Чийим-Таш.

Жалтырак-Таш

(«блестящий камень») расположен на левом берегу р. Каман-Суу, на высоте около 2500 м над у.м. Местонахождение отличается компактностью и представляет собой вытянутое поперек долины с запада на восток сланцевое скальное обнажение длиной 140-180 м, высотой от 13 до 18 м с блестящей черной поверхностью. Поверхность скалы покрыта плотной коркой пустынного загара иссиня-черного цвета. Основная часть рисунков сконцентрирована в восточном секторе скалы – на верхней горизонтальной и северной наклонной боковой поверхности. На остальной части скалы зафиксированы только отдельные рисунки.

Петроглифы различаются по размерам и по технике исполнения. Большинство из них выполнено глубокой точечной техникой, часто сочетающейся со шлифовкой, что обеспечивало четкость рисунка. Подобная техника более характерна для самых ранних изображений, относящихся к эпохе бронзы и раннему железному веку, но сохраняется и в последующее время. Наряду с этим в тюркское и более позднее время использовалась техника гравировки. Размеры петроглифов сильно варьируют. Имеется большое количество мелких рисунков величиной от 4–5 см до 8–10 см. Но встречаются и крупные изображения, достигающие 1–2 м. Наблюдается двойное и даже тройное наложение рисунков.

Репертуар образов и сюжетов достаточно разнообразен. Прежде всего, это рисунки различных животных с доминированием изображений козлов. Другими часто встречающимися животными являются олени и верблюды. Имеются также хорошо узнаваемые хищники: снежные барсы, медведи, пантеры, тигры, кабаны и др. Зафиксированы и фантастические существа – кентавры, драконы. Значительно количество рисунков колесниц, повозок, сцен охоты и эротических сцен.

Жалтырак-Таш как многослойный памятник датируется в значительном временном диапазоне – от бронзы до этнографической современности. Наиболее древними считаются рисунки животных, выполненные в битреугольном стиле и имеющие аналогии в Саймалы-Таше. К эпохе развитой бронзы отнесены повозки и колесницы, антропоморфные изображения, эротические сцены и др. Наиболее разнообразен комплекс, соотносимый с ранним железным веком, состоящий из многочисленных изображений животных, выполненных в скифо-сибирском стиле и имеющих аналогии на обширном евразийском пространстве. Петроглифы средневековья также значительны по количеству. Наряду с фигуративными изображениями, отмечены и различные знаки, интерпретируемые как тамги, а также эпиграфика. Большое число гравировок относится к новому времени [Ташбаева, Франкфорт, 2005, с. 12-19].

Охрана и управление. Скала Жалтырак-Таш находится на территории лесхоза, который подчиняется Агентству по окружающей среде и лесному хозяйству. Состоит на учете в Списке памятников истории и культуры Кыргызстана республиканского значения. Физическая охрана памятника отсутствует.

Современное состояние. В виду труднодоступности памятника состояние петроглифов остается удовлетворительным.

Чийим-Таш

находится в верховьях долины одноименной реки – левого притока р. Ур-Марал, у подножья горного перевала того же названия (3601 м над у.м.). Скальный массив с петроглифами

состоит из нескольких сланцевых блоков высотой около 10 м, длиной более 80 м, шириной 10 м, простирающихся по линии СВ–ЮЗ с отклонением 15–20 градусов к северу. Изображения нанесены на вертикальных и горизонтальных патинированных поверхностях, обращенных на северо-запад, которые использовались максимально для создания петроглифов, о чем свидетельствуют палимпсесты. Перед скалами имеются небольшие горизонтальные каменные площадки, возможно, использовавшиеся для каких-то ритуальных действий. Плоскости с рисунками расположены на северной стороне. В верхней части скалы расположены более крупные изображения. Всего насчитывается более 1000 петроглифов.

Большинство рисунков – изображения зооморфных (козлы, олени, верблюды, лошади, собаки, хищники и др.) и антропоморфных фигур (в т. ч. лучники в сценах охоты), колесниц, повозок, тамгообразных знаков и не дешифрованных древних надписей, а также посетительских надписей, выполненных арабской графикой в XIX–XX вв. Особый интерес представляет конструкция колесниц, изображенных на одной из горизонтальных плоскостей.

Техника рисунков различная: крупноточечная и мелкоточечная выбивка, желобчатая и гравировка. Глубина выбивки 1–4 мм. Предварительная датировка – от эпохи бронзы до нового времени включительно.

Охрана и управление. Объект не состоит в Списке памятников истории и культуры Кыргызстана; физическая охрана отсутствует.

Современное состояние. В связи с труднодоступностью памятника, состояние изображений остается удовлетворительным.

Местонахождения петроглифов также отмечены Р.Я. Рысаковой вдоль притоков р. Чийим-Таш: у слияния Кашка-Суу и Чийим-Таша зафиксировано 7 местонахождений; в Туук-Торе – 150 скал и валунов с петроглифами; у слияния Чийим-Таша и Табылгаты – 2 пункта с рисунками. [Рысакова, 1983, с.12]. О современном состоянии этих памятников данные отсутствуют; в официальных списках памятников они не числятся.

Помимо описанных трех основных районов концентрации памятников наскального искусства Таласской долины немногочисленные местонахождения петроглифов зафиксированы в долинах рек Нылды (3 пункта), Чомпол (1) Кыргызского Ала-Тоо, а также рек Калба и Беш-Таш в Таласском Алатау. Кроме того, в юго-западной части долины известна группа местонахождений на р. Куркуро и ее притоках, где помимо петроглифов имеются рунические и согдийские надписи. Сведения о современном состоянии этих памятников отсутствуют.

Предложения по серийной номинации. Реальными претендентами для включения в данную номинацию могут быть следующие объекты:

- а) группа высокогорных памятников в верховьях р. Ур-Марал, включая Жалтырак-Таш, Чийим-Таш и, возможно, ряд других пунктов, зафиксированных в этом районе;
- б) группа местонахождений среднегорья в долине р. Кенкол и ее притоков;
- в) местонахождения юго-западной зоны – Маймак, Куркуро-Суу.

Северный Тянь-Шань

Иссык-Кульская котловина

Общая характеристика района

Иссык-кульская котловина находится в северо-восточной части Кыргызстана. С севера ее окаймляет хребет Кунгей-Ала-Тоо, с юга – Тескей-Ала-Тоо, которые образуют закрытое межгорное пространство р. Чу, прорезая горы Боомским ущельем, образует единственный проход на предгорные равнины севера страны. Котловина вытянута с запада на восток на 250 км, с севера на юг – на 100 км. Озеро Иссык-Куль, имеющее глубину до 668 м, занимает его центральную часть. В рельефе котловины выделяются две основные части: прибрежная предгорная равнина и склоны хребтов, обращенные к озеру. С них стекают несколько десятков рек, наиболее крупными из которых являются Тюп и Жергалан, расположенные на востоке. Озеро окружено равниной, ширина которой различна: от 40 до 50 км на востоке, до 1-10 км на севере и на западе 10-15 км. Далее от побережья расположены террасы и предгорные покатости, образованные слившимися конусами выноса горных рек. Предгорья, или адыры, окаймляют равнину и возвышаются над ней на 300-1000 м. Уже за ними поднимаются горные хребты; высшей точкой на Тескей-Ала-Тоо является пик Каракольский - 5280 м; на юго-востоке и востоке региона расположены и другие хребты, высотные отметки которых значительно выше – до 7000 м и более [Атлас..., 1987]. Климат, как и в других горных регионах страны, подчинен закону вертикальной поясности. Большое влияние на климат прибрежной равнины оказывает озеро. В целом, он характеризуется умеренно-теплым летом и мягкой зимой. В прибрежной равнине на западе распространена полупустыня – и даже пустыня – на бурых почвах; на востоке – степи на каштановых почвах. Склоны гор на западе без леса, на востоке же, в особенности, по ущельям Тескей-Ала-Тоо, растут еловые леса.

В административном отношении территория котловины составляет Иссык-Кульскую область с центром в городе Каракол и пятью районами. Полиэтническое население имеет численность в 420,6 тыс. человек. Основные занятия: сельское хозяйство, индустрия туризма, горнодобывающая и перерабатывающая промышленность.

Археологический фон

Освоение человеком Иссык-кульской котловины относится к нижнему палеолиту (местонахождение Бозбармак); представлены также более поздние этапы каменного века. В частности, неолитом датируется высокогорная пещера Ак-Чункур, в которой обнаружены настенные росписи. В эпоху бронзы на территории Прииссыккуля расселялись племена, характеризующиеся памятниками локального, семиреченского варианта андроновской историко-культурной общности. Котловина была широко заселена в эпоху раннего железного века, о чем свидетельствуют многочисленные археологические памятники, обнаруженные в разных частях региона. Хорошо представлено раннее и развитое средневековье, когда Прииссыккулье в основном населяли тюркские племена, входившие в состав различных государственных образований. Разнотипные памятники этого периода оставлены как кочевым, так и оседлым населением. В Прииссыккулье известны также памятники XIII-XV вв. – монгольского времени, эпохи Тимура и его потомков; в последующие столетия эта территория входила в состав Джунгарского и Кокандского ханств [Энциклопедия ..., 1991].

На восточном, южном и юго-западном побережье оз. Иссык-Куль известны местонахождения с различным количеством петроглифов. На некоторых из них наряду с петроглифами зафиксированы наскальные надписи и тамги. К наиболее известным памятникам относятся тибетские надписи и изображения XVII – середины XVIII вв. в горных долинах Джууку, Тамга и др. Исследователями отмечены факты использования

камней с молитвенными тибетскими надписями в ущелье Тамга в культовой практике современного местного населения. В восточной части Иссык-кульского региона, в высокогорной долине Сары-Жаз (межгорная впадина между южным склоном Тескей-Алатоо и хребтом Сары-Жаз) расположена пещера Ак-Чункур с наскальной живописью, датированной неолитом [Окладников, Рацек, 1954, с. 447-456]. Наиболее изученными и многочисленными являются памятники наскального искусства северного побережья Иссык-Куля.

Северное Прииссыккулье

Большая группа памятников сосредоточена в предгорной зоне хребта Кунгей Алатоо на протяжении около 60 км вдоль северного побережья Иссык-Куля. Наиболее известны скопления петроглифов, расположенные вблизи населенных пунктов Чок-Тал, Тамчи, Кара-Ой, Чон-Сары-Ой, Сары-Ой, Орнок и города Чолпон-Ата.

Своеобразие памятников этого района состоит в том, что рисунки выбиты на патинированных поверхностях валунов (граниты и гранитоиды), сосредоточенных на гигантских конусах выноса вдоль гор, на равнинной части побережья. Помимо петроглифов в местах их концентрации зафиксированы также могильники, поселения, жертвенники, каменные изваяния и другие памятники, относящиеся к различным историческим периодам.

В целом, петроглифы Северного Прииссыккулья датируются от эпохи бронзы до позднего средневековья и нового времени; численно преобладают изображения раннего железного века и средневековья. Сведения об общем количестве местонахождений на северном побережье, как и по всему иссык-кульскому региону, требуют уточнения. Нет точных данных и о количестве камней с рисунками на перечисленных выше скоплениях. Как правило, приводятся разные и весьма приблизительные цифры. Наиболее достоверны, по-видимому, данные Р.Г. Нурмаметова, недавно проводившего документирование петроглифов Чолпон-Аты [Нурмаметов, 2004].

Степень изученности памятников

История изучения петроглифов Прииссыккулья насчитывает более 150 лет, но степень изученности отдельных местонахождений различная. С начала 1950-х годов экспедициями Института истории Академии наук Киргизской ССР регулярно проводились археологические поиски и раскопки всех видов памятников, но значительная часть материалов этих исследований не опубликована.

В 1970-80-е гг. петроглифы Прииссыккулья изучались археологами Кыргызстана, Казахстана и России – Д.Ф. Винником, Г.А. Помаскиной, А.Н. Марьяшевым, Я.А. Шером, Е.А. Миклашевич. При этом документирование памятников традиционно ограничивалось фотографированием и копированием отдельных камней с петроглифами. Наиболее изученным и документированным является местонахождение Чолпон-Ата; в 1986 г. здесь была выполнена топографическая съемка участка с основным скоплением петроглифов. В 2002-2004 гг. в рамках регионального проекта ЮНЕСКО CARAD были продолжены работы по документированию местонахождений Чолпон-Ата (Р.Г.Нурмаметов) и Орнок (К.И. Ташбаева). В Чолпон-Ате зарегистрировано около 1200 плоскостей с петроглифами, на Орноке – 463. Материалы последних по времени исследований частично внесены в базу данных CARAD.

В 2006-2007 гг. обследование некоторых групп петроглифов Орнока было проведено К. Акматовым [Акматов, 2008, с. 11-18].

В 1990 и в 1992 гг. на центральном местонахождении Чолпон-Ата специалистами Кыргызстана (Н.А. Ситникова, НИПБ «Кыргызреставрация») при участии коллег из Казахстана (Л.Ф. Чарлина, Н.Н. Тайпина, НИИ «Казпроектреставрация») были проведены первые экспериментальные работы по консервации петроглифов. В 2002 г. консервационные работы на памятнике были возобновлены и проводились НИПБ «Кыргызреставрация» при участии в качестве консультанта Бодо Анке и финансовой поддержке МИД Германии. В экспертном заключении, подготовленном группой специалистов-консерваторов из Казахстана, России и Норвегии, проводивших натурное обследование памятника в 2005 г. в рамках проекта ЮНЕСКО CARAD, результаты экспериментальных работ 2002 г. получили негативную оценку; ими же разработаны рекомендации по мониторингу участков консервации 2002 г.

Чолпон-Ата

Географические координаты: сш 42 39 29.1, вд 77 03 25.5; альтитуда – 1726 м над у.м. Местонахождение Чолпон-Ата состоит из трех пунктов, которые граничат друг в другом: 1) центральное местонахождение, расположенное на северо-западной окраине города Чолпон-Ата; 2) южное, находящееся вокруг аэропорта; 3) северное, вблизи микрорайона Бежаевка. Наиболее хорошо сохранилось последнее местонахождение и частично – центральное. Общее количество камней с петроглифами в настоящее время достигает 1200 [Нурмаметов, 2004, 147].

Сюжеты петроглифов достаточно разнообразны и включают зооморфные и антропоморфные изображения, сцены охоты и преследования, изображения оружия. Самыми ранними считается немногочисленная группа рисунков, среди которых серия изображений хищников и козлов, выполненных техникой желобчатой шлифовки и напоминающих по стилю битреугольные рисунки Саймалы-Таша. Значительная часть петроглифов относится к эпохе раннего железа и представлена изображениями в сакском зверином стиле: крупными контурными фигурами козлов и оленей с орнаментированными туловищами, силуэтными фигурами козлов, верблюдов, собак, оленей, кабана и некоторых хищников; к этому времени относятся также изображения лучников и меча-акинака.

Наиболее многочисленная группа петроглифов относится к усуньскому времени: одиночные и парные изображения козлов, многофигурные композиции в виде верениц козлов, сцен охоты, противостоящих друг другу животных. Петроглифы тюркского времени представлены геометризированными фигурами козлов, а также всадников на конях и верблюдах, караванами верблюдов, отдельными сценами охоты и тамгообразными знаками. Встречаются палимпсесты и подновления рисунков [Ташбаева, 2004, с. 105-106; Нурмаметов, 2004, с.148].

Техника рисунков зависела от характера поверхности камня: на гладких плоскостях – это мелкая и частая выбивка, на неровных крупнозернистых поверхностях выбивка крупная и редкая.

Орнок

Местонахождение петроглифов расположено к западу от Чолпон-Аты, на окраине одноименного села, занимает площадь около 6х8 км. В настоящее время, по мнению специалистов, Орнок является самым большим местонахождением петроглифов Северного Прииссыккуля. Выделяются три скопления (субкомплекса) петроглифов, главное из которых находится к востоку от автодороги Чолпон-Ата – Алматы. Здесь зафиксировано 463 камня с петроглифами, выполнены их индексация, описание, фотографирование; сделаны копии на полиэтилен отдельных плоскостей с рисунками. Как и в Чолпон-Ате, помимо

петроглифов здесь выявлены другие археологические объекты, принадлежащие к различным историческим эпохам.

В целом, петроглифы Орнока по технике, стилю и датировке аналогичны гравюрам Чолпон-Аты [Культурно-исторические..., 2003, с. 70; Нурмаметов, 2006, с. 64]. Однако по репертуару петроглифы Орнока более разнообразны, что проявляется, например, в наличии изображений людей с тщательной проработкой деталей костюмов, всадников-воинов (батальная сцена), очень крупных изображений оленей, антропоморфной фигуры солнцеголового, солярных знаков и др.

Охрана и управление. Спецификой местонахождений петроглифов северного побережья оз. Иссык-Куль является их расположение в главной курортной зоне Кыргызстана. Памятники находятся в равнинной части узкой прибрежной полосы и многие из них входят сегодня в зону активной хозяйственной деятельности, соседствуют с населенными пунктами или даже находятся на их территории. За последние полвека в результате дорожного и жилищного строительства утрачено значительное количество камней с петроглифами; наряду с древними петроглифами на камнях нередко можно видеть современные надписи и рисунки. В Списке памятников Кыргызстана национального значения состоят местонахождения петроглифов Чолпон-Ата, Тамчи, Чок-Тал, Орнок, Чон-Сары-Ой и Кара-Ой, однако зоны охраны памятников не установлены.

Местонахождения петроглифов Кара-Ой, Сары-Ой, Чон-Сары-Ой и Орнок с 2002 г. номинально состоят под охраной Музейного объединения, созданного на базе Иссык-Кульского Государственного историко-культурного музея-заповедника, в составе которого находится и археологический *Музей под открытым небом* с петроглифами в г. Чолпон-Ата. Музей-заповедник находится в двойном административном подчинении: администрации Иссык-Кульского района, которая осуществляет финансирование, и Госагентства культуры, выполняющего общее руководство и контроль за деятельностью данного учреждения.

Предложения по серийной номинации. Для включения в серийную номинацию предлагаются следующие объекты: а) группа местонахождений петроглифов низкогогорья, сосредоточенных на северном побережье Иссык-Куля - Чолпон-Ата, Кара-Ой, Орнок, Чон-Сары-Ой, Чок-Тал, Тамчи; б) группа местонахождений на южном побережье - Ак-Улен, Кескен-Бель, Тамга, Джууку и др; в) росписи пещеры Ак-Чункур целесообразно объединить с группой памятников наскальной живописи Южного Кыргызстана.

Необходимо также продолжить работу по инвентаризации и документированию памятников, расположенных на южном и восточном побережьях Иссык-Куля.

Ферганская долина (Кыргызстан)

Географическое положение, административное деление, население

Ферганская долина расположена в северо-восточной части Средней Азии и представляет собой межгорную котловину, которая с севера и северо-запада ограничена Кураминским и Чаткальским хребтами, с востока и северо-востока – Ферганским, с юга – Алайским и Туркестанским. Через узкий проход на западе долины, так называемые «Худжандские ворота», она соединяется с Туранской низменностью. Рельеф долины характеризуется рядом особенностей: окружающие горные хребты достигают значительных высотных отметок – до 5000 м над ур. м. на юге, до 4000 м на востоке и 2000-3000 м на севере и северо-западе; предгорная зона образована низкогорными грядами, адырами и межгорными

долинами; центральную часть занимает пролювиально-аллювиальная равнина, по которой протекает крупнейшая река региона Сырдарья с ее главными составляющими – Нарыном и Карадарьей. Вытянутая в широтном направлении, долина имеет в длину около 300 км и максимальную ширину 140 км [Геллер и др., 1958, с. 521-527, 572-578; Султанхожаев, 1972, с. 5-9].

Территория Ферганы административно входит в состав трех среднеазиатских стран: Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана. В ее кыргызстанской части расположены три области: Ошская, Джалал-Абадская и Баткенская, в которых проживает более 40% населения страны.

Основное занятие – земледелие, в предгорной зоне оно сочетается со скотоводством. Этнический состав – кыргызы, узбеки, таджики, русские и др.

Археологический фон долины

Освоение человеком этой территории относится к нижнему палеолиту. Известны также памятники поздних этапов каменного века [История ..., 1998]. В эпоху бронзы (конец III – начало II тыс. до н.э.) в восточной и юго-восточных частях долины существовала оседло-земледельческая культура, связанная с культурой бактрийско-маргианского археологического комплекса [Рогожинский, 2008, с. 83-94]. Этапы поздней бронзы представлены двумя культурами: кайрак-кумской, оставленной скотоводческими племенами (в западной части долины), и чустской (на севере, востоке, юго-востоке долины), относящейся к кругу культур расписной керамики, имевших распространение в конце II тыс. до н.э. на территории Бактрии, Мервского оазиса и Согда (комплекс Яз I) [Заднепровский, 1997, с. 67-72]. Параллельное сосуществование скотоводческого и оседло-земледельческого населения характерно также для раннежелезного века Ферганы [Баратов, 2007, с. 20]. Античный период в истории Ферганы характеризуется бурным развитием оседло-земледельческой, а затем и городской культуры. Памятники шоробашатского и мархаматского комплексов наглядно демонстрируют этот процесс. Скотоводческое население сокращается и занимает периферийные районы оазисов или концентрируется в горных долинах, прилегающих к Фергане [История..., 1984, с. 182-197]. Эпоха раннего средневековья была ознаменована целой чередой значительных социально-экономических и политических событий, этнических и религиозных изменений, кардинальным образом отразившихся в дальнейшем на материальной и духовной культуре населения этого региона [Средняя ..., 1999].

В кыргызстанской части долины и в зоне горных хребтов, ограничивающих ее, расположен ряд известных памятников наскального искусства: Саймалы-Таш, Сулайман-Тоо, Араванская скала (Дулдул-Ата), Айрымач-Тоо (Суроттуу-Таш), Сурот-сай и др. Точное количество памятников с наскальными рисунками в этой части страны не установлено; на сегодняшний день здесь зарегистрировано более 20 местонахождений. Наряду с петроглифами, известны и памятники с наскальной живописью: Чийген-Таш и Таш-Ункур (в 30 км от г. Джалал-Абад), росписи возле села Эшме, у южного склона Катран-Тоо в Баткенском районе.

По географическому положению разделяются местонахождения, расположенные в поясе низкогогорья (Сулайман-Тоо, Араванская скала/Дулдул-Ата, Айрымач-Тоо/Суроттуу-Таш, Керме-Тоо, Сахаба, Калчоку, Суротсай и др.) и в высокогорной зоне (Саймалы-Таш, Суук-Добо, Байчечекей и др.).

Ферганский и Узгенский хребты

Среди памятников высокогорной зоны наиболее важным является Саймалы-Таш. В последние годы в юго-западных отрогах Ферганского и Узгенского хребтов открыты и другие местонахождения петроглифов – Суук-Добо, Байчекей и ряд памятников Кара-Кулжинского района.

Саймалы-Таш

Находится на восточном склоне Ферганского хребта, в верховье одноименной высокогорной долины, на высоте 3000-3400 м над у.м., у перевала Кекарт (Кугарт), в 80 км к северо-востоку от г. Джалал-Абад, на административной территории Тогуз-Тороусского района. Координаты: сш. 41 10 47.6, вд. 73 48 53.4. Урочище Саймалы-Таш находится в зоне вечных снегов и доступно в короткий период – не более 20 дней в году в июле-августе; в этот период сюда поднимаются из Ферганской долины группы пастухов со стадами овец и коз.

Описание памятника. Петроглифы локализованы в двух смежных долинах Саймалы-Таш I и Саймалы-Таш II, разделенных восточным ответвлением Саймалы-Ташского хребта. Изображения в основном выбиты техникой точечного скола глубиной от 0,5 см до 1 см, иногда 0,2-0,4 см, на гладких гранях обломочных пород, покрытых коркой интенсивного темно-коричневого загара, иногда имеющей толщину до 6 мм [Бернштам, 1997, с. 390; Ташбаева., 2004, с. 97-98]. Присутствует также техника резьбы, особенно характерная для петроглифов средневековья. Какой-либо определенной закономерности в расположении рисунков не наблюдается, т.е. использовались все поверхности, как ориентированные по сторонам света, так и по промежуточным направлениям., а также обращенные вверх. Для Саймалы-Таша характерны небольшие размеры петроглифов – в основном 10-12 см, нередко встречаются и миниатюрные рисунки размеров 3-5 см с очень тщательным исполнением всех деталей. Количество палимпсестов невелико. Главной особенностью Саймалы-Таша является огромное количество петроглифов и разнообразие стилей и сюжетов, созданных в значительном временном интервале, что позволяет исследователям считать его одним из крупнейших памятников наскального искусства не только в Центральной Азии, но и в мире.

Количество камней с изображениями, как и самих рисунков, пока не поддается точному определению. По мнению А.Е. Рогожинского, изложенного в последней публикации [Рогожинский, 2008, с. 87], наиболее достоверны данные А.Н. Бернштама и К.И. Ташбаевой, указывающих следующие цифры – 10 000 камней и более 100 000 петроглифов [Бернштам, 1997, с. 393; Ташбаева, 2004, с. 97]. Причем эти цифры приводятся К.И. Ташбаевой только для Саймалы-Таша I.

Большинство исследователей сегодня придерживаются датировки петроглифов Саймалы-Таша в интервале со второй половины III – начала II тыс. до н.э. до средневековья. Наиболее ранними, по общему мнению, являются изображения, выполненные в геометрическом стиле, относящиеся к энеолиту и эпохе бронзы. Для раннежелезного века характерной считается реалистическая манера исполнения, ярким выражением которой являются рисунки в скифо-сакском зверином стиле. В средневековье заметно преобладание прямолинейно-схематического стиля.

Колоссальным количеством петроглифов, взаимодействием разных культур, широким хронологическим диапазоном, определяется многообразие изобразительных сюжетов и композиций Саймалы-Таша. Их классификация была предложена в 1952 г. А.Н. Бернштамом, которую современные исследователи памятника успешно уточняют и детализируют. Выделяется несколько основных сюжетных групп, среди которых одиночные и групповые изображения животных, сцены охоты, различные культово-ритуальные образы и

сцены, геометрические сюжеты, элементы ландшафта, бытовые предметы и т.д. В настоящее время в основном дискутируются вопросы, касающиеся датировки, генезиса и культурной атрибуции памятника.

Изученность памятника. Саймалы-Таш открыт в 1902 г. Н.Г. Хлудовым; в 1946 г. обследован Б.М. Зимой. Научное описание объекта впервые дано А.Н. Бернштамом в 1952 г. Во второй половине XX в. исследованием памятника занимались Я.А. Шер, А.И. Мартынов (Россия, г. Кемерово), А.Н. Марьяшев, А.Е. Рогожинский (Казахстан, г. Алматы), Г.А. Помаскина, К.И. Ташбаева (Кыргызстан, г. Бишкек), А.-П. Франкфорт (Франция, CNRS). Последнее научное обследование памятника проводилось в 2002 г. группой под руководством К.И. Ташбаевой. В 2007 г. объект осмотрен сотрудниками кафедры археологии и этнографии КНУ им. Джусупа Баласагына.

Современное состояние памятника. Труднодоступность памятника и специфические климатические условия делают его защищенным от чрезмерного антропогенного воздействия, обеспечивая сохранение памятника и ландшафта. Однако в последние годы ряд туристических агентств Кыргызстана предпринимают попытки организовывать для зарубежных и состоятельных местных туристов регулярные коммерческие конные маршруты на Саймалы-Таш.

Охрана и управление. Саймалы-Таш представлен в Предварительном списке Всемирного Наследия ЮНЕСКО от Кыргызстана и состоит на государственном учете в Списке памятников национального значения Кыргызской Республики. Границы памятника и охранной зоны не определены. В 2001 г. памятник получил статус национального природного парка площадью 32 тыс. га. В с. Казарман находится офис учреждения, выполняющего функции управления и охраны памятника.

Суук-Добо и Байчечекей

Местонахождения Суук-Добо (кырг. «холодный холм»), координаты – 73 45 52.6; 40 49 20.0 и Байчечекей (кырг. «подснежник»), координаты – 73 45 16.2; 40 49 09.3 расположены на юго-западных склонах Узгенского хребта на высоте 3194 (Суук-Добо, вершина 1) и 2797 (Байчечекей-Кыр, группа II) м над у.м., в 40 км к северо-востоку от г. Узген, в 15 км к востоку от села Саламалик. Административно основная часть памятников относится к сельскому округу Кольдук, небольшой участок закреплен за Саламаликом. Население вышеуказанных сел использует эту территорию традиционно: в качестве летних пастбищ – джайлоо.

Состояние изученности. Первые сведения о петроглифах в местностях Суук-Добо и Байчечекее получены от учителя школы из села Саламалик Б. Жумабаева. В 2002–2005 гг. памятники обследовались под руководством К.Ж. Малтаева экспедицией ОшГУ. На обоих памятниках выполнена сквозная нумерация камней с петроглифами (номера нанесены на камни краской), выделены отдельные скопления рисунков (шесть групп в Суук-Добо, несколько – на Байчечекее, в зависимости от места расположения – на гребне, на склоне, у подножья и т.д.). Фиксация петроглифов проводилась с запада на восток; всего зафиксировано 1352 изображений на 678 поверхностях. Сделаны фотографии более 300 изображений и сцен, выполнены контактные копии на полиэтиленовой пленке более 500 изображений. Также выявлены курганы, обо, остатки каменных сооружений («таш-мечетей») и эпиграфические памятники. Предварительные итоги работ опубликованы [Малтаев и др. 2002, с. 70], полевые материалы хранятся на историко-философском факультете ОшГУ (г. Ош); отчеты экспедиции хранятся в архиве Института истории и культурного наследия НАН КР (г. Бишкек).

По мнению первых исследователей, древнейший пласт изображений (рубеж III-II тыс. до н.э.) составляют изображения в геометрическом стиле, которые находят аналогии среди петроглифов Саймалы-Таша (фигуры козлов и быков); отдельные контурные изображения быков напоминают петроглифы эпохи бронзы из Тамгалы. Эпохой бронзы датируются изображения нескольких колесниц, одна из которых запряжена лошадьми. Во многофигурных композициях авторы выделяют изображения солнцеголовых, ряженных, эротических сцен, роженицы, солярных знаков. В целом петроглифы Суук-Добо и Байчечекея датируются от эпохи бронзы до средневековья включительно. При этом памятники рассматриваются как полный аналог Саймалы-Таша по расположению в высокогорных условиях, по количеству, возрасту и художественным особенностям петроглифов.

В рамках проекта ЮНЕСКО по подготовке серийной номинации «Памятники наскального искусства Центральной Азии» в 2009 г. исследование и документирование петроглифов Суук-Добо и Байчечекея продолжено Южно-Кыргызским археологическим отрядом ИИиКН НАН под руководством Б. Э. Аманбаевой. Отобраны образцы горных пород, которые переданы для определения в Южно-Кыргызскую геологическую экспедицию в г. Ош. Проведена разведка к востоку, юго-востоку и северу от основных местонахождений петроглифов. Результаты проведенных исследований позволяют внести коррективы в предварительное определение возраста, характеристику древнейших петроглифов и оценку значимости памятников.

Описание памятников. Местонахождение Суук-Добо расположено на горной гряде с одноименным названием, которая является северо-западным отрогом главного Узгенского хребта. Гряда вытянута с юго-востока на северо-запад, имеет три вершины и несколько перевалов. Индексация камней с петроглифами выполнена согласно рельефу: изображения каждой из вершин и перевалов выделены в отдельные группы со своей нумерацией. Основное скопление рисунков начинается со второй вершины; петроглифов много и на перевалах.

С юго-западной стороны к Суук-Добо примыкает другая гряда – Байчечекей, также простирающаяся с северо-востока на юго-запад; в средней части гряда меняет направление, отклоняясь на 10° к западу. Выделяется около 15 вершин, расстояние между которыми составляет от 8-10 м до 60 м. Условно выделяются две части памятника: западная и восточная, в которую входят вершины, примыкающие к Суук-Добо. Петроглифы находятся преимущественно на скальных выходах вдоль гребня, а также на северо-западном и северном склонах гряды; отдельными группами они встречаются на протяжении около 2,5 км. Величины рисунков варьируют от 4-5 см до 1 м.

На пяти вершинах западной части Байчечекея установлены обо, сложенные из обломков камней, используемые чабанами в качестве ориентиров на местности. В 3,5 км к востоку от Суук-Добо находятся руины сооружения, называемого местным населением таш-мечеть («каменная мечеть»), состоящее из семи помещений, над одним из которых сохранилось перекрытие из бревен арки и каменных плит. На стенах строения имеются арабграфические посетительские надписи, а также современные надписи, выполненные кириллицей. В настоящее время таш-мечеть является объектом паломничества населения из ближайших и даже из отдаленных селений Узгенского и Кара-Кульжинского районов. Недалеко от сооружения зафиксированы два каменно-земляных кургана округлой формы, диаметром 10 и 12 м, высотой около 0,3 м, которые предположительно датируются ранним железным веком.

Репертуар петроглифов. Наскальные рисунки Суук-Добо по сюжетам можно разделить на следующие группы: антропоморфные персонажи (фигуры людей жестикулирующих и в

спокойных позах, лучники в сценах охоты и в батальных сценах, всадники, солнцеголовый и личина); зооморфные изображения (горные козлы, верблюды, лошади, бык, олени, собаки, хищники, змеи (?); геометрические фигуры и знаки (лунки, солярные, в виде «птичьего следа» и др.). Современные посетительские надписи выполнены кириллицей. Выделяются сцены преследования хищниками (собаками, барсами?) горных козлов, шествия козлов, охоты на животных лучников с собакой, всадников на верблюдах и др. Весьма интересно изображение двух мужских персонажей с пучками прутьев в руках, совершающих какие-то действия над огнем. Очень часто встречаются композиции из геометрических фигур – окружностей, неправильных замкнутых фигур, извилистых линий и т.п. Встречаются палимпсесты, подновленные и незавершенные изображения.

Следует отметить, что репертуар петроглифов разнообразен, но, вопреки оценке его первых исследователей, по количеству петроглифов и репрезентативности древнейших серий изображений Суук-Добо уступает Саймалы-Ташу. Изображения животных в «геометрическом», так называемом «битреугольном», стиле здесь единичны, преобладают рисунки эпохи бронзы, занимающие на Саймалы-Таше относительно позднее положение. В то же время, на Суук-Добо более отчетливо выделяются некоторые изобразительные традиции, слабо выраженные в петроглифах Саймалы-Таша.

Репертуар петроглифов Суук-Добо и Байчечекея отличается большим сходством. В восточной части Байчечекея зафиксированы изображения двух колесниц (одна – с дисковидными колесами), запряженных лошадьми. К числу редких относятся своеобразные изображения лошадей, напоминающие по стилю «даваньских» коней в петроглифах Айрымач-Тоо (Суротту-Таша) и Аравана. Зафиксирован также оригинальный тамгообразный знак, и рисунок, возможно, изображающий цветок опиумного мака.

Основную часть петроглифов Суук-Добо и Байчечекея можно датировать в хронологическом диапазоне от раннего железного века до средневековья включительно, что не исключает наличия более ранних и более поздних изображений. К последним можно отнести примитивно выполненные линейные изображения козлов, тамгообразные знаки и арабографичные надписи. Не определена датировка изображений личины, солнцеголового персонажа и некоторых геометрических фигур в сочетании с лунками.

В целом, по репертуару и возрасту основной части петроглифов Суук-Добо и Байчечекея эти памятники можно рассматривать как связующее звено между высокогорными местонахождениями Ферганского и Узгенского хребтов и местонахождениями рисунков, расположенных в зоне низкогорья.

Техника. Петроглифы Суук-Добо и Байчечекея выполнены крупной и мелкоточечной выбивкой глубиной от 0,5 мм до 4-5 мм; реже использовалась комбинированная техника выбивки и гравировки, глубина которой не более 1 мм. Гравировкой выполнены арабографичные надписи.

Современное состояние и охрана. Петроглифы двух восточных вершин Суук-Добо, наиболее удаленные от традиционных мест летних стоянок чабанов, находятся в удовлетворительном состоянии. Наиболее активно западная оконечность Суук-Добо и восточная часть Байчечекея посещается с июля по середины сентября, когда сюда на летние пастбища поднимаются чабаны со своими стадами. В этот же период усиливается посещение местности паломниками из Узгенского и Кара-Кульжинского районов, проводящими ритуалы поклонения у ташмечети и оз. Кок-Коль. Отмечены повреждения петроглифов от воздействия природных факторов: выветривание поверхности камней, отслоении патины, покрытие мхом и лишайником и др.

Границы памятников и зон их охраны пока не определены, физическая охрана отсутствует. Памятники не состоят в официальных списках. Номинально охрана возложена на местные органы власти и на Государственное агентство культуры КР.

Кара-Кулжа

Два местонахождения петроглифов открыты в Кара-кулжинском районе в 2005 г. экспедицией ОШГУ (К. Жолдошев). Скопления наскальных рисунков расположены в 8 км к северу от села Кара-Кулжа, на юго-западных склонах Узгенского хребта, в предгорных урочищах Кара-Жылга и Ак-Кыя (более 3000 м над у.м.). В Кара-Жылге зарегистрировано около 500 изображений, на Ак-Кыя – около 300. Значительная часть петроглифов обоих местонахождений была тогда же скопирована и зафиксирована фотографически.

По устным сведениям первых исследователей этих местонахождений, петроглифы Кара-Жилги и Ак-Кыя отличаются разнообразием репертуара, техники исполнения и относятся к различным историческим эпохам.

Юридическая и физическая защита отсутствуют, но удаленность и труднодоступность являются залогом хорошей сохранности памятников. Требуется дополнительное изучение петроглифов, их природного и археологического окружения, а также проведение мероприятий по организации юридической и физической охраны памятников.

Северо-восточная Фергана

Ункур-Таш и Чийген-Таш

Памятники расположены в 30 км. к северо-востоку от г. Джалал-Абад, в 12 км к югу от села Октябрьское, относящегося к сельскому округу Багыш Сузакского района, на высоте 1355 м над у.м. Координаты: сш. 40 59 14.7, вд 73 09 12.8.

Оба объекта представляют собой неглубокие навесы, расположенные на расстоянии 1,2 км один от другого – в скальных выходах причудливой формы на правом берегу р. Бутулу-сай, вблизи курортной зоны Джалал-Абада. Левый берег реки зарос смешанным лесом, на правом берегу встречаются заросли дикого миндаля, терна и алычи.

В 2001 г. оба памятника обследованы группой археологов под руководством К.И. Ташбаевой. Выполнена фотосъемка и копирование рисунков на прозрачном материале. Изображения выполнены темно-красной краской на закрытых поверхностях. Памятники предварительно датированы средневековой эпохой. В 2005 г. рисунки были осмотрены сотрудниками кафедры всеобщей истории Джалал-Абадского университета. Результаты этих первых исследований не опубликованы. В 2009 г. Южно-Кыргызским археологическим отрядом выполнено документирование росписей (фотографирование, индексация и копирование на полиэтилен), проведена археологическая разведка. Выделено 16 групп рисунков, насчитывающих всего около 175 изображений. Взятые в разных пунктах образцы породы переданы на определение в Южно-Кыргызскую геологическую экспедицию (г. Ош).

Ункур-Таш

Состоит из двух навесов, расположенных в нижней части песчаниковых выходов, имеющих значительную высоту и ориентированных по линии север-юг. К северу от первого из них, Ункур-Таша - I, в низине, на расстоянии 25 м находятся скалы с двумя культовыми местами – Тепши-Таш и Тешик-Таш. Навес этот незначительной глубины (всего до 1,5-1,7 м), длиной 40 м, над ним находится скальный выступ-козырек. Изображения здесь практически не сохранились, в разных местах видны лишь следы краски темно-красного и красного цветов. За изгибом скалы находится второй навес – Ункур-Таш - II. Он имеет в длину 180 м, глубже и выше предыдущего, над ним также нависает каменный козырек. Изображения нанесены на поверхность, обращенную на восток, и, как правило, расположены на уровне человеческого

роста, изредка выше. Наблюдается использование особенностей рельефа скалы: рисунки нанесены в округлых природных нишах, на поверхностях, защищенных каменным козырьком; искусственное чашевидное углубление диаметром 25 см выбито на горизонтальном выступе, примыкающем к скале под южным краем навеса, откуда открывается превосходный обзор прилегающей территории.

Чийген-Таш

Первый пункт находится в 1 км к западу от Ункур-Таша, на вертикальной поверхности скалы, обращенной на юг. Здесь, на площади 1х1,1 м сохранились шесть силуэтных изображений козлов: фигуры выбиты на поверхности (глубина от 2 мм до 3 мм) и покрыты краской.

Вторая группа рисунков находится под навесом, расположенным в 200 м к западу от первого пункта. Здесь находится несколько рисунков плохой сохранности – козлов и горизонтальной полосы, выполненных краской.

Репертуар. Изображения Ункур-Таша в основном состоят из повторяющихся серий антропоморфных (лучники-охотники, всадники) и зооморфных (горные козлы, лошади, верблюды, олень, собаки) фигур. Рисунки силуэтные, часто выполнены в линейном стиле и лишь некоторые – в более изящной, реалистичной манере.

Перекрытие одних рисунков другими встречается редко, но во многих случаях видны следы неоднократных подновлений фигур краской. Возможно, какая-то часть рисунков подновлена в наши дни, так как на скале есть современные кириллические надписи, выполненные краской тех же тонов, что и некоторые росписи.

Некоторые участки отдельных силуэтных фигур остались не покрытыми краской, что, возможно, связано с подновлением и изменением первоначальных рисунков. Так, на спине нарисованного краской коня выполнены отдельные детали в технике выбивки, характерные для изображений двугорбого верблюда.

Рисунки, как правило, не превышают 10х20 см.

Техника. Изображения выполнялись выбивкой и шлифовкой глубиной 1–3 мм, ширина линий от 6-7 мм до 2,5 см. Часто применялась комбинированная техника. Эскизы некоторых рисунков, видимо, выполнялись только шлифовкой.

Датировка. Основная часть рисунков Ункур-Таша и Чийген-Таша предположительно датируется средними веками. Репертуар изображений широко представлен во всей Центральной Азии, но манера рисунков более характерна для средневековых петроглифов. При этом отдельные фигуры, по-видимому, относятся к более древнему периоду. Например, изображения реалистично переданных фигур горных козлов и оленя с двумя вертикальными рогами и отростками с внешней стороны могут относиться к усуньскому периоду раннего железа. Некоторые схематичные рисунки, выполненные краской в линейной манере, могут датироваться поздним средневековьем и новым временем. В целом, памятник можно интерпретировать как древнее святилище, формирование которого относится, возможно, к раннему железному веку, но традиция его использования и создания рисунков сохранилась и в последующие времена.

Современное состояние и охрана. В Государственном списке памятников Ункур-Таш и Чийген-Таш не состоят, физическая охрана памятников отсутствует. Территория их местонахождения находится в условной земельной собственности одного из местных жителей. По словам старожилов, данная территория почитается как культовое место родом

багыш. В последние годы предпринимаются попытки организовать посещение памятников как объектов туризма.

Юго-восточная Фергана

Петроглифы Ошского оазиса:

Сулайман-Тоо, Айрымач-Тоо (Суроттуу-Таш) и Керме-Тоо

Ошский оазис является частью Ош-Карасуйской равнины, расположенной в юго-восточной части Ферганской долины, на левом берегу р. Ак-Бууры, у подножья Кичи-Алайского хребта.

В данной работе мы представляем три местонахождения петроглифов, расположенных в пределах этого оазиса: гор Сулайман-Тоо, Айрымач-Тоо (Суроттуу-Таш) и Керме-Тоо. Они расположены на территории города Ош и в Кара-Суйского района Ошской области.

В географической литературе эти объекты известны под названием *Ошских гор*, которые окаймляют Ошский оазис с южной, юго-восточной (Сулайман-Тоо), юго-западной (Керме-Тоо), северной и северо-западной (Айрымач-Тоо) сторон. Площадь, ограниченная этими горами, составляет примерно 2350 га. Восточная и северо-восточная стороны оазиса открыты к Ферганской равнине.

Состояние изученности памятников. Первые известия о петроглифах Ошского оазиса относятся к 1926 г., когда Г. Ажигирей сообщил о наскальных изображениях лошадей в горах Айрымач-Тоо (Суроттуу-Таш) близ Оша [Ажигирей, 1928, с. 51]. Эта информация послужила поводом для исследований в 1939 г. М.Е. Массона, который с группой сотрудников экспедиции археологического надзора на строительстве Большого Ферганского канала осмотрел и описал наскальные изображения Аравана и Айрымач-Тоо. Обе группы наскальных изображений лошадей по стилистическим особенностям, а также привлеченным известиям китайских хроник о породистых конях, которыми славилась Давань – древняя Фергана во II – I вв. до н.э., отнесены М.Е. Массоном ко второй половине I тыс. до н.э. В статье 1948 г. М.Е. Массон приводит уже несколько иную дату: I тыс. до н.э., может быть, середина тысячелетия [Массон, 1940, с. 131; он же 1948, с. 129-135] и отмечает, что эти изображения имели культово-магическое значение. К статье был приложен схематичный рисунок араванских коней, опубликованный раньше в газетной статье [Массон, 1939].

Во время работ Тяньшано-Алайской археологической экспедиции под руководством А.Н. Бернштама в 1946 г. вновь были обследованы изображения лошадей на скале у села Араван (Дулдул-Ата). Он посвятил этим изображениям специальную работу [Бернштам, 1948], где уделил внимание историко-культурному значению этих изображений, документально подтверждающих существование культа коня в древней Фергане, особенно в предгорных районах долины. Сопоставляя эти рисунки с сообщениями китайских источников о содержании знаменитых коней в городе Эрши, А.Н. Бернштам высказал предположение о тождестве величественных руин Мархаматского городища, расположенных поблизости от Араванской скалы, со столичным центром Давани – городом Эрши. Сделанные им прорисовки араванских коней не были точными копиями, что снижает их документальную ценность. Изображения Айрымач-Тоо неоднократно упоминаются в ряде работ А.Н. Бернштама, в которых он соглашается с датировкой М.Е. Массона, относя их к сако-кушанскому времени.

В 1961 г. Ю.А. Заднепровским были обследованы и зарегистрированы 34 изображения в урочище Суроттуу-Таш на Айрымач-Тоо. Исследователь отметил, что изображения коней Аравана и Айрымач-Тоо резко отличаются своими стилистическими особенностями, «поэтому сравнения с другими памятниками наскальной живописи не помогают в определении даты ферганских коней», и предложил искать аналогии в памятниках искусства

иного круга. В частности, указал «на поразительное сходство типа лошадей ферганских наскальных рисунков с изображениями на китайской черепахе, датируемой последними веками до н.э.» [Заднепровский, 1962], поддержав при этом первоначальную датировку М.Е. Массона – вторая половина I тыс. до н.э. М.Е. Массон и Ю.А. Заднепровский считали, что рисунки араванских коней аналогичны изображениям Айрымач-Тоо.

В середине 60-х годов сотрудник Ошского музея В.Р. Чейлытко провел первые ненаучные раскопки в Жылан-Ункура (Пещера Змей) на Керме-Тоо. Им открыты петроглифы на вертикальной стенке перед входом в пещеру, в которой были обнаружены материалы от верхнего палеолита (?) до раннего средневековья включительно [Чейлытко, 1965]. В 1970 г. Л.Б. Дядюченко в популярных изданиях дал описание Ошских гор и поместил фотографии наскальных изображений Сулайман-Тоо, Айрымач-Тоо и Керме-Тоо [Дядюченко, 1970, 1970а], первым обратив внимание на наличие культово-ритуальных мест на Айрымач-Тоо. В изучение наскальных изображений горы Сулайман-Тоо, Айрымач-Тоо и их окрестностей определенный вклад внес Я.А. Шер, посетивший памятники в 1975-1977 гг. [Шер, 1980].

Систематические работы по изучению и документированию петроглифов Сулайман-Тоо и Ошского оазиса проводятся с 1989 г. Южно-кыргызским археологическим отрядом ИИ и КН НАН КР под руководством Б. Э. Аманбаевой в рамках различных национальных и международных проектов [Аманбаева, Дэвлет, 2000, с. 24-29]. В результате этой многолетней работы создан комплект базовой документации (карты, планы, индексированные панорамы и др.) местонахождений петроглифов и других памятников Сулайман-Тоо, вошедший в досье номинации объекта («Священная гора Сулайман-Тоо») в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. В рамках регионального проекта ЮНЕСКО CARAD в 2006–2009 гг. проведено изучение и документирование основных памятников наскального искусства Ферганы на территории Кыргызстана [Аманбаева и др., 2006, с. 257-267].

Сулайман-Тоо

Гора Сулайман-Тоо (Тахти-Сулеймен, Тахти-Сулайман, Сулайман-Таг) находится в центре г. Ош – второго по величине и значимости города Кыргызстана. Географические координаты: сш 40 31 19; вд 72 45 01.64; альтитуда 1175,3 м над у.м., относительная высота 191,3 м. Длина горы составляет 1663 м; ширина от 476 м (первая вершина) до 820 м (третья вершина). В плане гора неправильной овальной формы и вытянута в широтном направлении; сложена в основном из мраморовидного известняка, встречаются кремнистые сланцы.

Гора имеет пять вершин, у каждой из которых свое название: 1-я – Буура-Таг (кырг. «верблюды-гора»), или Сулайман-Тоо – «гора Сулаймана», последнее имя дало название всей горе; 2-я - Шор-Тоо (кырг. «солевая гора») – южный склон второй вершины, получил это название из-за белых высов, а северный склон – Кочотлук-Тоо (кырг. «оползневая гора»); 3-я - Руша-Тоо (кырг. «самая высокая» или «самая светлая») является самой высокой вершиной горы; 4-я – Каттама-Тоо (кырг. «слоистая гора»), что отражает ее складчатую структуру; 5-я вершина расположена обособленно от других и состоит из двух отдельных пиков, один из которых называется Келинчек (кырг. «невестка»), ее же именуют Ээр-Тоо (кырг. «гора-седло»), ибо она по форме действительно напоминает седло, другая – Кекликучар, или вершина, где «летают куропатки». Петроглифы зафиксированы на всех вершинах, а также в пещерах, навесах и карстовых тоннелях, расположенных на склонах горы. Рисунки в основном встречаются на восточных, южных, юго-восточных и юго-западных склонах всех пяти вершин, как на открытых, так и на закрытых поверхностях. Расположены они зонально, с учетом высоты, ориентировки скал относительно стран света, рельефа и местонахождения других объектов. Всего насчитывается около 400 изображений, однако точное количество рисунков до сих пор не установлено.

Сюжеты. По содержанию петроглифы условно можно объединить в три группы: антропоморфные, зооморфные и геометрические знаки различных форм. Наиболее многочисленную группу составляют изображения солярных знаков (в виде круга с точкой, со спицами и в виде окружности с расходящимися лучами), крестов, квадратов, стрелок, «запятых», древовидных изображений, тройных развилок (птичьи следы) и «паутины». К антропоморфным изображениям относятся лучники, личиноподобные изображения и стопы. Вторая группа более разнородна и объединяет в основном единичные изображения, например, одиночные солярные знаки, или уникальные петроглифы. К числу таковых относится реалистичное изображение на южной стороне вершины Ээр-Тоо трех лошадей, которых человек удерживает с помощью длинного аркана, и лучников, стреляющих друг в друга. Изображения животных на Сулайман-Тоо немногочисленны: лошади, змеи с раскрытой пастью, хищные птицы, козлы с загнутыми рогами и иногда со связанными ногами. Большинство наскальных изображений отличаются индивидуальностью, как в стиле, так и в сюжетном отношении.

Техника. Петроглифы наносились с помощью каменных и металлических орудий на горизонтальных, вертикальных, иногда наклонных поверхностях скал или на отдельных каменных блоках в технике выбивки, гравировки и шлифовки. Изображения выполнены в разной манере: силуэтной, контурной и линейно-схематической. При этом технические приемы соотносятся со стилем, принадлежащим к разным историческим эпохам. Гравированные рисунки в основном нанесены на стены и потолки пещер, гротов и навесов. Ниже приводится описание некоторых пунктов Сулайман-Тоо, где зафиксированы такие изображения.

Чильтен-хана – пещера на юго-западном склоне второй вершины; название переводится как «обиталище духов». Чильтены – таинственные духи, помогающие людям, их культ широко распространен в Фергане. В пещеру ведут три входа, один с северного склона, второй – с южного, третий – со стороны пещерного комплекса музея. Длина основного, западного входа – около 50 м; в северную сторону от него отходит длинная карстовая труба, около 30 м, дно которой выложено камнями и глиной красного цвета, поэтому другое название пещеры – Кызыл-Ункур (красная пещера). В устье трубы слева были выбиты знаки – квадраты и круги, о которых писали предыдущие исследователи [Огудин и др., 1988, с. 28], однако нам их обнаружить не удалось. На вертикальной поверхности слева возле главного входа в пещеру зафиксировано несколько групп рисунков. Первая состоит из четырех подновленных окружностей диаметром 7,5-8 см, расположенных на покрытой патиной поверхности скалы у входа на высоте 0,23 м от пола. Выбивка грубая, ширина линий до 2-2,5 см. Диаметр выбитых в центре окружностей лунок – 4 см. В 0,3 м находятся еще четыре углубления в виде лунок. В отличие от первой группы они не имеют следов подновления. Диаметр лунок от 3 до 5 см. На этой же плоскости есть несколько групп изображений (так называемые «паутины»), прочерченных острым и тонким предметом по патине. Зафиксировано несколько небольших композиций с изображениями окружностей разного диаметра, трилистников, змей и различных геометрических фигур – пересекающихся линий, крестообразных фигур и проч. На стене справа в маленьком боковом входе, ведущем наверх, также имеются две цепочки из 8-ми искусственных лункообразных углублений диаметром 3,5–4 см. Справа от них тонкой линией прочерчены окружности. Внутри основной пещеры и сегодня паломники проводят ритуальные возжигания и различные обряды. Среди местных жителей существует поверье, что ход из этой пещеры ведет прямо в Мекку.

Расщелина на второй вершине ориентирована входом на юг. На правой стороне имеются многочисленные изображения, прочерченные тонкой линией поверх патины. Здесь нарисованы одиночные солярные знаки, окружности до 25 см в диаметре, трилистники и

геометрические фигуры, выполненные сложным переплетением тонких линий, змейки и др. Это панно является самым крупным по размеру, по количеству элементов и сложности композиции. Такие же рисунки зафиксированы и на стенках маленького навеса, расположенного недалеко от вышеописанного пункта с граффити.

Грот в юго-восточной части пятой вершины входом ориентирован на северо-восток, максимальная глубина 3,5 м. Площадка перед входом имеет длину 6 м, высоту 0,5–1 м. Ее боковые наклонные и некоторая часть вертикальных поверхностей отполированы ритуальными прикосновениями паломников. На вертикальной стене слева, на площади 0,8х0,7 м, на высоте 0,8 м от пола грота, выбита по патине первая группа изображений, состоящая из двух древовидных фигур с различным количеством отростков. Композиция усложнена геометрическими фигурами. В разных местах внутри грота есть изображения трех солярных знаков. Справа на наклонной площадке выбиты контуром две пары отпечатков ноги человека. Так же справа у входа на наклонной поверхности изображена древовидная фигура, под которой – два квадрата.

На боковых поверхностях перед входом (справа), имеется изображение подпрямоугольной фигуры, состоящее из различных геометрических элементов: треугольника, круга, линии, точки и др. Поверхность скалы и рисунков покрыты патиной одинакового оттенка. Снаружи у грота под скальным козырьком есть также два прочерченных рисунка.

На северном склоне пятой вершины зафиксировано еще два пункта с граффити. В гроте, ориентированном входом на северо-восток, на северной стороне и на своде имеются рисунки-«паутинки». Вторая небольшая группа рисунков находится на стенках небольшого навеса, расположенного немного ниже предыдущего грота. Композиция состоит из крестовидной фигуры и окружностей со знаками в виде запятой. Подобные рисунки имеются и на других вершинах.

Датировка. Наскальные изображения Сулайман-Тоо датируются в интервале середины II тыс. до н. э. – первой половины I тыс. н.э. (XV в. до н.э.- VII в. н.э.). Большинство изображений относится к эпохе бронзы: лабиринты, солярные знаки, геометрические фигуры (прямоугольники, квадраты), птицы, антропоморфные и личиноподобные изображения. Концом I тыс. до н.э. – началом I тыс. н.э. датируются изображения даваньских коней и некоторые изображения козлов. Большой пласт рисунков относится к современному периоду. Они весьма искусно нанесены на скальные поверхности: человек, архитектурные постройки, горы, солнце с лучами, животные. Отличительной особенностью таких изображений является указание даты выполнения и наличие имени автора. Вместе с тем, датировка некоторой части петроглифов Сулайман-Тоо остается не определенной.

Особенности петроглифов Сулайман-Тоо: редкость повествовательных сюжетов; устойчивый набор знаков, наличие многофигурных композиций с повторяющимся сочетанием знаков; отсутствие близких аналогий большинству рисунков в стиле, репертуаре и сочетании; связь определенных групп рисунков с горизонтальными, вертикальными или наклонными поверхностями; приуроченность многих петроглифов к культовым местам; различия в технике нанесения рисунков в зависимости от места расположения.

Сравнительный анализ: Близкие аналогии некоторым ранним изображениям Сулайман-Тоо имеются среди петроглифов Саймалы-Таша. Это – изображения змей в виде волнистой линии, которых немного; козлов, лабиринтов, геометрических фигур (солярные знаки в виде круга с точкой и со спицами, квадраты, прямоугольники и д.т.) [Мартынов и др., 1992]. Элементы сходства с петроглифами Сулайман-Тоо по сюжетам демонстрируют также писаницы грота Акбаур в Восточном Казахстане [Самашев, 2006]. Еще одна аналогия –

петроглифы Найдупали, расположенные в штате Андхра Прадеш на юго-востоке Индии, среди которых встречаются лабиринты, в том числе в сочетании с древовидными и геометрическими фигурами. К этому же ряду можно причислить изображения в северной Италии (долина Вал Камоника), датируемые ранним железным веком [Anati, 1968]. Ближайшие прямые аналогии изображениям даваньских коней на Сулайман-Тоо можно увидеть в горах Суротту–Таша, на Араванской скале и в долинах Араван-Сая, Абшир-Сая (предгорные районы юго-восточной Ферганы).

Петроглифы и культовые места Сулайман-Тоо. Исследования показали, что большинству культовых мест Сулайман-Тоо соответствуют солярные знаки и изображения в форме запятой, змей, ступни. На жертвенных плитах встречены единичные уникальные для данного памятника изображения – прямой крест, раскрытая ладонь. Большинство камней с изображениями, относящимися к первой группе сюжетов, расположено на вертикальных плоскостях, обращенных на восток, юго-восток и юг. Перед многими из них есть горизонтальные площадки, отмеченные солярными знаками. Наклонные же поверхности Сулайман-Тоо большей частью лишены изображений. Исключение составляют те, на которых отшлифованы желоба и полосы, где высечены знаки в виде раскрытой ладони, ступни, солярные знаки, редко стрелки. Основная часть культовых мест используется паломниками в различных магических и лечебных целях в настоящее время.

Айрымач-Тоо (Суроттуу-Таш)

Памятник расположен на расстоянии 9 км к северо-западу от Сулайман-Тоо, на землях села Кызыл-Кыштак Кара-суйского района Ошской области, вблизи линии государственной границы Кыргызстана и Узбекистана. Географические координаты: сш 40 34 44.2, вд 72 43 54.4.

Горы Айрымач-Тоо сложены известняковыми породами. Исследован юго-восточный отрог горы – Орто-Тоо (длина 2700 м), состоящий из пяти отдельных вершин, вытянутых по линии северо-восток. Первая из вершин – Камбар-Ата, расположена на территории Узбекистана и в настоящее время является мазаром – священным местом. Остальные две вершины у местного населения носят порядковые номера 01, 02, что, видимо, связано с работой геодезистов, когда-то проводивших здесь свои изыскания. Третья вершина называется Суроттуу-Таш, которая, наряду с Айрымач-Тоо, хорошо известна по научной литературе. Именно с ней связана основная группа изображений. Четвертая, безымянная, вершина стоит несколько обособленно от остальных и отделена от них грунтовой дорогой.

Первая вершина (01) – высотная отметка 988,2 м над у.м. На этой вершине обнаружено 28 изображений коней, горных козлов, змей, оленей, волка или собаки, а также хищников из породы кошачьих. Одни рисунки сохранились хорошо, другие едва заметны. Они расположены несколькими группами на южном и юго-восточном склонах. На юго-западном склоне в средней части находится культовая горизонтальная плита (5х6 м) со следами полировки. К ней ведут выбитые в скалах ступеньки. На северной стороне вершины, ниже гребня, имеется такая же плита (6х8 м), с двумя продольными и одним поперечным желобами. В образованных пересечением желобов секторах выбиты жертвенные лунки диаметром 8–25 см, вокруг которых видны следы полировки. Так же хорошо заполирована поверхность самого крупного желоба. Кроме вышеописанных культовых плит, имеются и другие обрядово-культовые места.

Вторая вершина (02) – высотная отметка 984 м над у.м. На северо-западном склоне горы обнаружено всего четыре изображения животных, выбитых на вертикальных поверхностях: конь и три козла, один из которых выполнен комбинированной силуэтной и контурной техникой. Здесь также имеются различные культовые объекты: две выбитые (?)

параллельные линии длиной 60-70 м, шириной 5-10 см и глубиной до 1 см; интервал между линиями – 110 м. Они начинаются от подножья горы, доходят до вершины и затем продолжают на север.

Третья вершина – высотная отметка 1002 м над у.м. Она известна под названием Суроттуу-Таш - «рисованный камень», так как именно здесь находится основное скопление наскальных изображений. Отвесные скалы Суроттуу-Таша имеют ступенчатый вид, и наскальные рисунки здесь расположены в трех ярусах. В первом ярусе зафиксировано 7, во втором – 32, а в третьем – 6 плоскостей с петроглифами. Единичные изображения обнаружены также в юго-западной оконечности вершины, на удалении от основного скопления рисунков. Петроглифы нанесены на вертикальные, иногда наклонные, очень редко на горизонтальные поверхности, ориентированные на юг, юго-восток и восток.

Преобладают изображения «даваньских» коней, выполненные в изящной своеобразной манере. Другие персонажи немногочисленны: антропоморфные фигуры, всадник на «даваньском» коне, козлы, олени, жеребенок, верблюд, пантера (?) и собака. Встречаются также различные солярные знаки, подобные рисункам на Сулайман-Тоо и Керме-Тоо, и различные неопределенные фигуры.

Четвертая вершина. На южном склоне в двух пунктах обнаружены одиночные изображения коней. С северной стороны вершины, почти на гребне, расположена широкая культовая плита с множеством чашевидных углублений различного диаметра, часто соединенных между собой желобками.

Техника. Применялись гравировка и мелкоточечная выбивка с шлифовкой. И, наоборот, встречаются выступающие над скальной поверхностью рисунки, высотой до 1 мм. Степень интенсивности загара на изобразительных поверхностях Суроттуу-Таша различна. Большинство рисунков подновлены полностью или частично.

Стиль изображений и аналогии. В репертуаре петроглифов Айрымач-Тоо основное место занимают изображения лошадей в своеобразной стилистической манере. Самое точное и одновременно романтическое описание скакунов Суроттуу-Таша дано Л.Б. Дядюченко: «Сухая узкая головка, высокая, воистину лебяжья шея, мощная грудь, тонкие, динамично сближенные ноги, резко перехваченный живот и фигурное лекало бедра, переходящее в правильную окружность крупа» [Дядюченко, 1970, с. 29]. Неповторимый стиль и иконография изображений лошадей («даваньские» кони) являются локальной художественной особенностью наскального искусства Ошского оазиса и прилегающей территории (Дулдул-Ата, Абшыр-Ата, долины Аравана). За пределами этой исторической территории подобные изображения встречаются редко и в составе других местонахождений выступают как инкорпорированные группы петроглифов [Хужаназаров, 2004].

В отличие от данной группы петроглифов, изобразительная традиция скифо-сакского звериного стиля, в котором выполнены изображения оленей и кошачьих хищников Айрымач-Тоо, имеет широкий круг аналогий и ареал распространения в Центральной Азии и за пределами региона.

Керме-Тоо – эта известняковая гора является восточной оконечностью хребта Чил-Майрам, расположенной на расстоянии 2 км к западу от Сулайман-Тоо, географические координаты: сш 72 44 19.7, вд 40 31 14.7; альтитуда 1179 м над у.м

На восточном и южном склонах горы обследовано 6 пещер и гротов. На их стенах, полах и потолках обнаружено около 20 солярных знаков, паутинообразных изображений и различных гравировок. Наиболее интересные петроглифы и граффити обнаружены в пещерах

северного склона. Пещеры расположены на середине склона. Каждая из них имеет как местное название, так и второе, данное им известными краеведами В.Р. Чейлытко и Л.Б.Дядюченко. Повсеместно отмечены следы ритуальных возжиганий; пол одной из пещер на южном склоне отполирован множеством ног паломников. С восточной стороны другой пещеры находится возвышенность также со следами полировки и узким желобком, использовавшимся, по-видимому, для ритуальных возлияний. Все это свидетельствует о длительном функционировании этих пещер как культовых объектов.

Пещера Жылан-Ункур (кирг. «пещера змей»). Над входом в пещеру имеется скальный козырек, выступающий на 0,5 м. Изображения выбиты снаружи, на патинированной вертикальной скальной поверхности перед входом. Здесь насчитывается 27 изображений: солярные знаки – круги, окружность с шестью расходящимися лучами, один из которых трактован в виде змеиной головки; квадрат, разделенный на 4 секции; парные дугообразные знаки и параллельные линии, точки, древовидные фигуры и змеи, выполненные в характерной для Сулайман-Тоо манере. Все зафиксированные рисунки повторяют мотивы наскальных изображений Сулайман-Тоо. Некоторые рисунки частично подновлены. С правой стороны, над входом, расположены два естественных чашевидных углубления со следами полировки поверхности.

Пещера с «балконом» расположена чуть выше предыдущей, в 15 м к западу. Состоит из нижней части с обширным входом, над которым на высоте 2,5 м находится обращенный на север выступ-«балкон». На его западной стене расположена первая группа изображений, состоящая из двух окружностей и двух знаков в виде запятой. Такие же окружности выбиты и на полу «балкона»; самая крупная из них имеет диаметр 7,5 см. На восточной и южной стенах также зафиксированы мелкие кружочки и гравированные рисунки в виде паутинок и сетки. Одиночные солярные знаки в виде кружков встречаются в различных местах пещеры. Пещера Кальцитовая находится к западу от вышеописанной. На ее своде и стенках также есть наскальные изображения, подобные описанным выше рисункам. Причем на своде пещеры преобладают гравированные изображения в виде паутины, квадратной сетки, крестообразных рисунков с разным количеством расходящихся лучей.

Охрана и консервация. Первый опыт консервации петроглифов Ошского оазиса был предпринят на Сулайман-Тоо в рамках Государственной программы «Ош-3000» в 1998-2000 гг. [Ситникова, 2004, с.135]. В настоящее время юридической охраной обеспечены Сулайман-Тоо и Айрымач-Тоо (Суроттуу-Таш), состоящие в «Государственном списке памятников истории и культуры республиканского значения» (2002 г.). Гора Сулайман-Тоо как составная часть одноименного Национального историко-археологического музейного комплекса в 2009 г включена в Список всемирного наследия ЮНЕСКО по категории «священная гора». В 2008 г. Айрымач-Тоо и Керме-Тоо вошли в буферную зону Сулайман-Тоо. Керме-Тоо находится также в списке памятников местного значения.

Араванская скала (Дулдул-Ата)

Памятник находится на восточной окраине одноименного села – районного центра, в 27 км к западу от Оша. Географические координаты: сш 72 30 40.0, вд 40 30 42.60; альтитуда 772 м над у.м.

Описание памятника. В научной литературе памятник больше известен, как Араванская скала. В 1946 г. А.Н. Бернштам описал здесь две группы петроглифов, расположенных на разных уровнях. Верхняя группа располагается на высоте 15 м от основания скалы и состоит из крупных (0,5–1,1 м) изображений лошадей, выбитых мелкоточечной техникой. Изображения лошадей хорошо видны издали, поскольку были подновлены местными энтузиастами в начале 90-х годов, когда памятник посетила международная экспедиция

ЮНЕСКО «Великий Шелковый Путь – путь диалога народов». На этой же плоскости А.Н. Бернштам зафиксировал изображения трех идущих влево архаров (16-17 см), антропоморфные и две неопределенные фигуры. Ниже и слева – еще одна фигура человека в профиль, два очевидных знака и собака. Внизу справа есть изображения оленя с ветвистыми рогами и собаки, а также трех человеческих фигурок, расположенных одна над другой. В трех метрах ниже располагались изображения еще одной пары таких же лошадей. Рисунки разновременные; по технике и стилистическим особенностям изображений лошадей и оленя А.Н. Бернштам датировал их сакским временем, полагая, что данная местность являлась святилищем уже в то время, а в конце I тыс. до н.э. данная традиция продолжилась, о чем свидетельствуют изображения «даваньских» коней, которые также были объектами поклонения. В настоящее время более ранняя композиция сохранилась не полностью: почти не различимы изображения нижней пары коней, а также выбитая окружность с углублением над верхней парой лошадей, о которой писал в 1939 г. М.Е. Массон [Массон, 1948, с.132].

При обследовании памятника в 2009 г. к юго-востоку от основной скалы, в разных частях скальной гряды, обнаружены и другие петроглифы: изображение жеребца (78х83 см), козлов, а также композиция из 16 изображений животных, в том числе собак, барса и кабана, тело которого декорировано линиями в виде сетки. У входа в небольшой грот имеется одиночное изображение коня. Последний пункт с петроглифами находится в 0,5 км к востоку от Араванской скалы. На отдельном камне выбито 4 изображения козлов.

У подножья основной скалы имеется источник и находится погребение, почитаемое как могила святого Дулдул-Ата, и мечеть, на которой написано, что это – мечеть коня Дулдула. Народная традиция связывает это место с пророком Али, якобы привязывавшего здесь свою лошадь, когда отправлялся на битву с белым дивом, обитавшим в пещере Чил-Устун, также расположенной близ Аравана, в местности Чарбак. К югу от мазара находится горизонтальная каменная поверхность с многочисленными выбитыми и отшлифованными лунками диаметром 2–19 см и глубиной до 14 см. Вблизи нее находится так называемая «чилдекана» («чилляхана») – природное замкнутое пространство между скал без перекрытия, к которому ведет очень узкий проход; ветки деревьев у входа увешаны лоскутками ткани, повязанными паломниками. Место предназначено для особых ритуалов, связанных с женской фертильностью. Внутри «чилдеканы» на специальной подстилке находится фалломорфный камень-фетиш, используемый в совершаемых женщинами ритуалах; с двух сторон от него, у стен, возжигается огонь.

На разных участках скалы имеются посетительские надписи начала XX в., некоторые из которых имеют определенную историческую ценность.

Охрана. Памятник состоит в «Государственном списке памятников истории и культуры Кыргызской Республики национального значения», однако границы объекта и охранной зоны не определены. Охрана памятника фактически осуществляется местным сообществом и постоянно проживающими на территории памятника шейхами; ими же поддерживается порядок, проводится благоустройство территории, совершаются молитвы и ритуалы, за что принимаются добровольные пожертвования паломников [Аманбаева, Скрипкина, 2007, с. 66-67]. В настоящее время участок, где расположены «чилдекана» и камень с лунками, является частной собственностью одного из зрителей *мазара*.

Чил-Устун, или Араванская пещера

Пещера расположена в 4 км от села Араван, недалеко от ореховой рощи Чарвак. Это одна из самых красивых пещер в Кыргызстане. Длина ее достигает 350 м, имеет шесть больших гротов и узкие проходы, стены которых покрыты коркой кальцита, многочисленными

сталактитами, сталагмитами и натечными образованиями в виде каменных водопадов. Входит в группу карстовых пещер, так называемых Ошских гор, расположенных в районе г. Оша и к западу от него.

Чил-Устун является памятником природы и культуры. На сводах пещеры зафиксированы древние письмена и изображения (среди которых графитти), напоминающие аналогичные рисунки в пещерах и гротах Сулайман-Тоо и Керме-Тоо. Чил-Устун регулярно посещается туристами.

Чийли-Сай (Сахаба)

Памятник находится в 42 км к юго-западу от Оша, в 8 км к западу от районного центра Ноокатского района – г. Нооката, в 2 км к югу от мазара Сахаба в устье одноименного ущелья, на левом берегу реки Чийли-сай – притока реки Аравансай. По ущелью проходит самая короткая и удобная дорога в высокогорный Алай. Географические координаты: сш 40 13 37.3, вд 72 31 43.4, альтитуда 1119 над у.м.

Наскальные рисунки выбиты в нижней части высокой вертикальной известняковой скалы, обращенной к северу. Рисунки неоднократно осматривались археологами и краеведами (Я.А. Шер, Е.Г. Дэвлет, Б.Э. Аманбаева, Л. Джусупакматов и др.), но ввиду труднодоступности петроглифов детальное их обследование и документирование выполнены только в 2009 г. под руководством Б. Э. Аманбаевой.

Рисунки основной композиции находятся на высоте более 2 м над поверхностью долины и занимают площадь скалы 2,5х4 м. Часть рисунков утрачена в конце 1980-х гг. при строительстве современной дороги. Основное полотно начинается на высоте 2-2,2 м от земли и продолжается вверх в юго-западном направлении. Самое крайнее изображение находится на высоте 5,5 м. Всего зафиксировано 62 изображения.

Техника. Все рисунки выполнены средней и мелкой выбивкой, глубина от 0, 5-6 мм до 2 мм, ширина линий от 6-7 мм до 4,5 см.

Репертуар. Наибольший интерес представляют так называемые солнцеголовые персонажи, имеющие полусферические или сферические фигуры в головной части и схематично прорисованные туловища. Почти все типы рисунков являются силуэтными или контурными, часто использовался комбинированный прием нанесения изображений. Палимпсесты и обновления не наблюдаются. Контуров большинства рисунков очень плохо различимы, поскольку поверхность скалы сильно выветрена, а патина или отсутствует, или уже утрачена. Размеры рисунков по высоте от 5,5 см до 56 см.

Репертуар петроглифов Сахабы включает всего несколько видов изображений: антропоморфные солнцеголовые и грибовидные персонажи, солярные и некоторые другие неопределенные знаки. Выделяется изображение человека в одной композиции с грибовидной антропоморфной фигурой. Отчетливо различимы только два изображения животных – горного козла и быка, туловище которого передано битреугольным силуэтом.

Изображения солнцеголовых и знаков отличаются устойчивым сочетанием нескольких элементов. Их можно разделить на две группы – силуэтные и контурные окружности на стволах-ножках, с руками или без них. Контурные фигуры часто имеют в центре точки и отходящие от них линии-лучи. Полусферическая или округлая фигура над антропоморфными изображениями состоит из двух или четырех окружностей, разделенные радиальными линиями на равные сегменты; в центре иногда выбиты точки. Некоторые

фигуры, возможно, являются незавершенными изображениями солнцеголовых или грибовидных персонажей.

Специфический репертуар рисунков Сахаба выделяет памятник среди других местонахождений петроглифов Центральной Азии. Ярким аналогом антропоморфным рисункам Сахаба являются грибовидные и некоторые солнцеголовые изображения, относящиеся к древнейшей группе петроглифов Саймалы-Таша. Наряду с ним, а также Тамгалы в Казахстане, Сахаба относится к крупнейшим местонахождениям «солнцеголовых» персонажей в Центральной Азии.

Датировка. Наскальные рисунки Сахабы на основании стилистических и иконографических аналогий с древнейшими петроглифами Саймалы-Таша и Тамгалы предварительно датируются эпохой бронзы.

Состояние сохранности и охрана. Своеобразные фигуры над антропоморфными изображениями Сахаба, ассоциируются с формой конских копыт и интерпретируются местным населением как следы коня пророка Али – Дулдула, в связи с этим они являются объектами поклонения. В прежние годы весной и летом у подножья скалы образовывался небольшой водоем; в настоящее время вдоль скалы сооружена широкая канавка, которая одновременно выполняет защитную функцию, не позволяя назойливым посетителям приближаться к скале.

Недалеко от петроглифов находится мазар Сахаба (араб. «сподвижник», в данном случае, пророка Мухаммеда). Народное предание связывает формирование мазара с распространением и установлением ислама в этой части Ферганской долины, что, видимо, отражает реальные события, происходившие здесь в раннее средневековье. Сакральность этого места уходит в глубь тысячелетий, подтверждением чему являются петроглифы. Впрочем, культовое значение скалы не является, к сожалению, залогом спасения от актов вандализма, и на ее поверхности есть немало современных надписей. Скала с петроглифами не состоит в государственном списке памятников. Границы памятника и зон охраны не определены.

Араванское ущелье

Местонахождение находится в 12,5 км к северо-востоку от города Нооката, на правом берегу р. Аравансай, у устья одноименного ущелья. Географические координаты: сш 40 13 37.3, вд 72 31 43.4, альтитуда 1119 над у.м.

Репертуар. Местонахождение примечательно наличием значительного количества средневековых арабских и согдийских надписей (13), которые наряду с петроглифами (около 30) встречаются на протяжении 2 км вдоль береговой линии и маркируют проходившую здесь в древности и средневековье дорогу. Наскальные рисунки и надписи расположены небольшими группами. В основном они нанесены на открытые скальные поверхности, но встречаются и под навесами.

Петроглифы представляют собой антропоморфные (люди, лучники-охотники и всадники) и зооморфные (горные козлы, лошади, олень) изображения. Зафиксированы также геометрические фигуры, знаки (солярные, очковидные, свастика, лунки, незамкнутые окружности, тамги), музыкальные инструменты и надписи (согдийским, арабским письмом, а также современные – кириллицей). Рисунки исполнены в изящной, реалистичной манере, есть также схематичные изображения. Палимпсесты отсутствуют; имеются незавершенные рисунки и, возможно, эскизные варианты; наблюдается полное и частичное подновление

изображений. Размеры рисунков варьируют в пределах от 3-5 до 15-18 см. и только изображения музыкальных инструментов и коней даны более крупным планом.

Техника. Рисунки выполнялись крупной и мелкой выбивкой, глубиной от 1 до 3-4 мм.

Датировка. Петроглифы Араванского ущелья предварительно датируются в диапазоне от эпохи бронзы и сако-усунского (V-I вв. до н.э.) периода до позднего средневековья включительно. Одним из бесспорных ориентиров для датировки являются изображения лошадей, тождественные «даваньским» коням Айрымач-Тоо (Суроттуу-Таша) и Араванской скалы.

Современное состояние и охрана. Данный памятник находится в «Государственном списке памятников истории и культуры республиканского значения», его границы и зоны охраны не определены.

Юго-западная Фергана

Памятники этой части долины связаны с адырной и предгорной зоной Туркестанского и Алайского хребтов. В основном они расположены на высоте до 1500 м. над у.м. и только некоторые находятся на более значительных высотных отметках. Самые ранние сведения о петроглифах относятся еще к дореволюционному времени [Вебер, 1914, с. 130]. Наиболее известные из них – местонахождения в урочище Суротту и близ села Охна (нынешнее село Орозбеково) были введены в научный обиход в 1939 г. М. Э.Воронцом [Воронец, 1950, с. 75-90]. Некоторые петроглифы близ Охны осмотрел в начале 1970-х годов Г.В.Шацкий, который датировал их I тыс. до н.э. [Шацкий, 1973, с.16-18]. В 1966-1967 гг. Ж. Кабировым были открыты новые местонахождения петроглифов на южном склоне Катран-Тоо, возле селений Сур, Бель, Тарык, Багышым, а также в урочище Шорбулаксай [Хужаназаров, 1995, с.13], датированные им VII в. до н.э. – VIII в. н.э. В 1979-1982 гг. петроглифы Катран-Тоо были осмотрены в рамках исследований смежных территорий Узбекистана и Кыргызстана. Тогда же были обнаружены и новые памятники – рисунки, выполненные розовой краской у села Эшме и петроглифы в ущелье Джаны-Арыксай, а также ранее неизвестные изображения в Суротту [Хужаназаров, 2004, с. 110]. Все перечисленные местонахождения расположены на разных склонах невысоких известняковых гор широтного простиранья Катран-Тоо, западная оконечность которого доходит до Сохского анклава Узбекистана.

Калчоку

Памятник расположен на территории села Орозбеково (бывшая Охна), в урочище Учкун, в 5 км к юго-западу от райцентра Кадамжайского района Баткенской области, недалеко от развилки дорог Кадамжай-Айдаркен (Хайдаркен) и Кадамжай-Кызыл-Булак. Открыт в 2005 г. сотрудниками Института общественных наук Южного отделения НАН КР и ОШГУ [Малтаев и др., 2005, с. 219-223]. На скальных плоскостях, отдельных каменных глыбах и валунах на горе Калчоку и вокруг нее зарегистрировано множество культовых объектов в виде чашевидных углублений, лунок, отпечатков ноги, желобов в сочетании с немногочисленными петроглифами (около 20), среди которых имеются весьма примечательные образы. На одной из поверхностей большого камня выбит солнцеголовый персонаж, детали лицевой части которого тщательно проработаны точечной техникой, а туловище имеет четыре руки. На другой изображен дикий бык-тур, выполненный в битреугольном стиле, запряженный в двухколесную повозку, управляемую возничим. Остальные петроглифы, в основном, представлены изображениями горных козлов, выполненных в различной манере. Аналогии петроглифам комплекса исследователи видят среди рисунков Сулайман-Тоо, а само место

интерпретируют как древнее святилище. Датировка изображений предлагается в интервале от поздней бронзы до средневековья.

Современное состояние и охрана. Местонахождения Охна (Орозбеково), Суротту и Суук-Данги состоят в «Государственном списке памятников истории и культуры республиканского значения». Памятники этого района представляют большой научный интерес и культурную значимость, являясь потенциальными объектами трансграничной серийной номинации, что вызывает необходимость организации и проведения дополнительных исследований и работ, направленных на обеспечение их охраны и менеджмента.

Предварительный сравнительный анализ памятников Ферганы

В приведенной ниже таблице представлена попытка сопоставления основных природных и историко-культурных особенностей двух выделяемых групп памятников наскального искусства, расположенных в высокогорной и низкогорной части Ферганы [Рогожинский, 2006].

<i>Памятники низкогорья</i>	<i>Памятники высокогорья</i>
Петроглифы нанесены на скальные обнажения (иногда не имеющие патины) выделяющихся в равнинном рельефе невысоких гор, часто рядом или внутри пещер и навесов. На некоторых объектах наблюдается различие в технике исполнения петроглифов на открытых и закрытых поверхностях.	Петроглифы нанесены на отдельные камни маренных отложений и скальные обнажения, покрытые плотной патиной
Имеются петроглифы древних периодов: эпохи бронзы и раннежелезного века. Преобладают петроглифы античного времени (конец I тыс. до н.э -начало I тыс. н.э.) и более поздних периодов.	Включают изображения различных периодов – энеолита(?), эпохи бронзы, раннего железного века, средневековья и нового времени.
Репертуар образов и сюжетов небогат. Особая тема: изображения лошадей, выполненных в изящной манере. Отдельную категорию составляют изображения геометрических фигур – лабиринтов, решеток и пр. На многих объектах наблюдается подновление изображений.	Репертуар богатый, разнообразный, репрезентативный для нескольких исторических периодов.
Петроглифы включены в контекст других ритуально значимых компонентов современного культурного ландшафта (горы, пещеры и ниши, культовые объекты с фертильной символикой). Связанный с петроглифами археологический комплекс включает разновременные и разнотипные памятники других видов.	Связи петроглифов с другими объектами археологического ландшафта слабо выражены или недостаточно изучены.
Сохранилась живая традиция почитания мест (гор, скал, камней, пещер), связанных с наскальными изображениями.	Традиция почитания мест, связанных с петроглифами, не сохранилась или слабо выражена.

Рекомендации

Для включения в серийную номинацию «Наскальное искусство Центральной Азии» предлагаются следующие группы памятников.

1. Памятники высокогорной зоны Ферганского и Узгенского хребтов – Суук-Добо, Байчечекей, объекты Кара-Кульджинского района;
2. Памятники Ошского оазиса и прилегающих районов – Айрымач-Тоо (Суроттуу-Таш), Керме-Тоо, Араван, Чийли-сай (Сахаба), Араванское ущелье;
3. Памятники юго-западной Ферганы – Суротту, Охна и др;
4. Памятники наскальной живописи – Таш-Ункур, Чийген-Таш, Эшме;
5. Памятник Саймалы-Таш не будет включен в серийную номинацию, а представлен в индивидуальном порядке.

Литература

- АБЕТЕКОВ А.К., БАРУЗДИН Ю.Д. Сако-усунские памятники Таласской долины // *Археологические памятники Таласской долины*. Фрунзе, 1963.
- АЖИГИРЕЙ Г. Древние рисунки на камнях урочища Сурот-Таш близ Оша. *Известия Среднеазиатского отд. Географического общества*. Т. 18. 1928.
- АКМАТОВ К.Т. Петроглифы Орнока // *Материалы и исследования по археологии Кыргызстана*. В. 3. Бишкек, 2008.
- АМАНБАЕВА Б.Э., ДЭВЛЕТ Е.Г. Петроглифы Сулайман-Тоо // *Новое о древнем и средневековом Кыргызстане*. Вып.2. Бишкек «Мурас», 1999.
- АМАНБАЕВА Б.Э., ДЭВЛЕТ Е.Г. О Сулайман-Горе // *Ош 3000 / НАН КР / Государственная дирекция «Ош-3000» при правительстве КР*. Бишкек, 2000.
- АМАНБАЕВА Б.Э., ДЭВЛЕТ Е.Г. Петроглифы Сулайман-Тоо // *Древний Ош в среднеазиатском контексте. Международная конференция: «История и культура Оша и Ошской области в домонгольскую эпоху»*. Ош, 1998.
- АМАНБАЕВА Б., СКРИПКИНА С. Мазары кыргызской части Ферганской долины // *Мазары Ферганской долины*. Бишкек, 2007.
- АМАНБАЕВА Б.Э., СУЛАЙМАНОВА А.Т., ЖОЛДОШЕВ Ч.М. Петроглифы Ошского оазиса // *Кыргызстан. История и современность*. Бишкек, 2006.
- АМАНБАЕВА Б.Э., СУЛАЙМАНОВА А.Т., ЖОЛДОШЕВ Ч.М. Разведывательные маршруты Таласского археологического отряда в 2003-2005 гг. // *Известия НАН КР*. Наука, 2007.
- АМАНБАЕВА Б.Э., ДЭВЛЕТ Е.Г. Петроглифы Сулайман-Тоо // *Новое о древнем и средневековом Кыргызстане*. Вып. 2. Бишкек «Мурас», 1999.
- Атлас Кыргызской Республики*. М., 1987.
- БЕРНШТАМ А.Н. Кенкольский могильник. Л., 1940.
- БЕРНШТАМ А.Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана Т. I. Бишкек, 1997.
- ВЕБЕР В.Н. *Геологическая карта Средней Азии*. М., 1914.
- ВЕДУТОВА Л.М. Реконструкция семантики изображения следов человека в наскальной графике Сулайман-Тоо // *Новое о древнем и средневековом Кыргызстане*. Вып. 2. Бишкек, 1999.
- ВЕДУТОВА Л.М. Изображения лабиринта в петроглифике Сулайман-Тоо // *Ош и Фергана: археология, новое время. Культурогенез, этногенез*. Вып. 4. Бишкек, 2000.
- ВИННИК Д.Ф. Тюркские памятники Таласской долины//*Археологические памятники Таласской долины*. Фрунзе, 1963.
- ВОРОНЕЦ М.Э. Наскальные изображения Южной Киргизии // *Труды. Серия историческая*. Выпуск 2. КГПИ им. М.В. Фрунзе. 1950.

- ГАПОНЕНКО В.М. Наскальные изображения Таласской долины // *Археологические памятники Таласской долины*. Фрунзе, 1963.
- ГЕЛЛЕР С.Ю., ЗИМИНА Р.П., КЕММЕРИХ А.О., КУВШИНОВА К.В., МУРЗАЕВ Э.М., РОДИН Л.Е., РОЗАНОВ А.Н., РУБЦОВ Н.И., ФОРМОЗОВ А.Н. Физико-географические области // *Средняя Азия*. АН СССР, 1958.
- ГОРЯЧЕВА, ПЕРЕГУДОВА, 1995, с. 37.
- ДЖУМАГУЛОВ Ч., КОЖОМБЕРДИЕВ И. Надписи и петроглифы из ущелья Куру-Бакайыр Таласской долины // *Археологические открытия 1971 г.* - М., 1983.
- ДЯДЮЧЕНКО Л. В. *В пещерах Киргизии*. Фрунзе, 1970.
- ДЯДЮЧЕНКО Л. В. *Без нужды – в Зардалю*. Фрунзе, 1970а.
- ЖУСУПАКМАТОВ Л. Ж. *Ноодогу кат*. Бишкек, 1992.
- ЖУСУПАКМАТОВ Л. Ж. *Тайны лабиринта на Тахт-и-Сулайман города Ош*. Ош, 1998.
- ЗАДНЕПРОВСКИЙ Ю.А. *Наскальные изображения лошадей в урочище Айрымачтау (Фергана)* // СЭ № 5. 1962.
- ЗАДНЕПРОВСКИЙ Ю.А. *Ошское поселение к истории Ферганы в эпоху поздней бронзы*. Бишкек, 1997.
- ЗИМА Б.М. К вопросу о происхождении наскальных изображений // *Труды Киргизского педагогического института*. Вып. 2. Фрунзе, 1946.
- История Киргизской ССР*. Т. 1. Фрунзе, 1984.
- История Таджикистана*. Т. 1. Душанбе, 1998.
- КАБИРОВ Ж. *Сармишсойнинг коя тошларидаги расмлар*. Тошкент, 1976.
- КАДЫРБАЕВ М.К., МАРЬЯШЕВ А.Н. *Наскальные изображения хребта Каратау*. Алма-Ата. 1977.
- КАЛЛАУР В.А. Археологическая поездка по Аулиеатинскому уезду // *Приложение к ПТКЛА от 29 авг. 1897 г.* Ташкент, 1897.
- КОЖОМБЕРДИЕВ И. Катакомбные памятники Таласской долины // *Археологические памятники Таласской долины*. Фрунзе, 1963.
- Культурно-исторические памятники*. Германское общество по техническому сотрудничеству. Бишкек, 2003.
- МАЛТАЕВ К.Ж., НАСИРОВ Т.А. Наскальные изображения Тахт-и-Сулейман как источник истории г.Ош // *Ошский оазис на стыке континентов и цивилизаций* (Сборник материалов международной научной-теоретической конференции). Ош, 1997.
- АСАНКАНОВ А.А., ТОЛУБАЕВ С.А., ТОЛОБАЕВ П.А. Озгон районундагы Жаны изилденген сыйынуучу жана ыйык жайлар // *Вестник Ошского государственного университета*. N 1. 2005.
- МАЛТАЕВ К.Ж., АДИБАЕВ Ж.А., НАСИРОВ Т.А., АЛЫМКУЛОВ А.К. Новый памятник древнего искусства урочища Суук-Дебе. - Цивилизации Центральной Азии: земледельцы и скотоводы; традиции и современность. Тезисы докладов международной научной конференции. Самарканд, 2002.
- МАРТЫНОВ А.И., МАРЬЯШЕВ А.Н., АБЕТЕКОВ А.К. *Петроглифы Саймлы-Таша*. Алма-Ата, 1992.
- МАРЬЯШЕВ А.Н., РОГОЖИНСКИЙ А.Е. Вопросы периодизации и хронологии петроглифов Казахстана // *Скифо-сибирский мир. Искусство идеология*. Новосибирск, 1987.
- МАРЬЯШЕВ, А.Н., РОГОЖИНСКИЙ А.Е. *Наскальные изображения в горах Ешкиольмес*. Алма-Ата, 1991.
- МАССОН М.Е. *Газета «Пионер Востока»*. От 15 января 1939 г.
- МАССОН М.Е. Экспедиция археологического надзора на строительстве Большого Ферганского канала // *Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР*. Вып. VI. 1940.
- МАССОН М.Е. Древние наскальные изображения домашних лошадей в Южном Киргизстане // *Труды Института языка, литературы и истории Киргиз. ФАН СССР*. Фрунзе, 1948.

- НУРМАМЕТОВ Р.Г. Сохранение и музеефикация памятников наскального искусства в Прииссыккулье // *Памятники наскального искусства Центральной Азии. Общественное участие, менеджмент, консервация, документация*. Алматы, 2004.
- НУРМАМЕТОВ Р.Г. Лунарно-солярный персонаж в наскальном искусстве Иссык-Куля // *Известия Национальной академии наук Республики Казахстан*. 1 (252). Алматы, 2006.
- ОГУДИН В.Л., ОГУДИНА Г.Н. 1988. - *Отчет о работе, проделанной на склонах горы Тахти-Сулейман* /18-28.07 и 11-16.08. 1988 г./ Фергана.
- ОКЛАДНИКОВ А.П. РАЦЕК В.И. Следы древней культуры в пещерах Тянь-Шаня (Находки в пещере Ак-Чункур). – *ИВГО*. Т. 86. Вып. 5. 1954.
- Ошская область. Энциклопедия*. Фрунзе, 1987.
- ПОМАСКИН Б.В. Сулейман-гора. Магия наскальников. Курак. Искусство и культура. N1. Бишкек, 1999.
- РОГОЖИНСКИЙ А.Е. О современных задачах археологии наскального искусства Казахстана и Средней Азии // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 4 (36). Новосибирск, 2008.
- РОГОЖИНСКИЙ А.Е. *Отчет по обследованию состояния памятников Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана – потенциальных объектов серийной номинации ЮНЕСКО «Наскальное искусство Центральной Азии*. Алматы, 2006.
- РЫСАКОВА Р.Я. *Находки юных краеведов Таласа*. Фрунзе, «Кыргызстан», 1982.
- РЫСАКОВА Р.Я. Каменные письма // *газета «Ленинское знамя»*, 12 февраль, 1983 г.
- САМАШЕВ З. *Петроглифы Казахстана*. Алматы, 2006.
- СИТНИКОВА Н.А. Опыт консервации петроглифов в Кыргызстане // *Памятники наскального искусства Центральной Азии. Общественное участие, менеджмент, консервация, документация*. Алматы, 2004.
- Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья*. Средняя Азия в раннем средневековье. М., 1999.
- СУЛТАНХОЖДАЕВ А.Н. *Ферганский артезианский бассейн*. Ташкент, 1972.
- ТАБАЛДИЕВ К.Ш. *Памятники письменности на камне Кыргызстана*. Бишкек, 2008.
- Таласская область. Энциклопедия. Бишкек, 1995.
- ТАШБАЕВА И.К., ФРАНКФОРТ А.П. Изучение петроглифов Жалтырак-Таша // *Вестник Международного Института центрально-азиатских исследований*. Самарканд-Бишкек 2005.
- ТАШБАЕВА К.И. *Памятники Кыргызстана // Памятники наскального искусства Центральной Азии. Общественное участие, менеджмент, консервация, документация*. Алматы, 2004.
- ХЛУДОВ Н.Г. перевал Саймалы-Таш, на котором найдены камни с надписями // *протоколы Туркестанского кружка любителей археологии*. Ташкент, 1902.
- ХУЖАНАЗАРОВ М.М. *Наскальные изображения северо-восточного Узбекистана*. Автореферат диссертации на степень кандидата исторических наук. Л., 1985.
- ХУЖАНАЗАРОВ М.М. *Наскальные изображения Ходжакента и Каракияся*. Ташкент, 1995-б.
- ХУЖАНАЗАРОВ М.М. *Памятники Узбекистана // Памятники наскального искусства Центральной Азии. Общественное участие, менеджмент, консервации, документация*. Алматы, 2004.
- ЧЕЙЛЫТКО В.Р. В окрестностях Оша. *Газета «Ленинский путь»* 15декабря, 1965 г.
- ШАЦКИЙ Г.В. *рисунки на камне*. Ташкент, 1973.
- ШЕР Я.А. *Петроглифы Средней и Центральной Азии*. М., 1980.
- ШЕР Я.А., МИКЛАШЕВИЧ Е.А., САМАШЕВ З.С., СОВЕТОВА О.С. Петроглифы Жалтырак-Таш // *Проблемы археологических культур степей Евразии*. Кемерово, 1987.
- ШЕР А.Я., СОВЕТОВА О.С., МИКЛАШЕВИЧ Е.А. Исследование петроглифов Жалтырак-Таша // *Древнее искусства Азии*. Петроглифы. Кемерово, 1995.
- Энциклопедия. Таласская долина. Бишкек, 1995.

Anati. Arte rupestre nelle regioni occidentale della Penisola Iberica // Archivi i arte preistorica. – 1968. - № 2. di Ponte.

Список сокращений

АН СССР – Академия наук Союза Советских Социалистических Республик.

ИА УзАН – Институт археологии Узбекской академии наук.

ИВГО – Известия Всесоюзного географического общества. Л.

ИИИКН НАН КР – Институт истории и культурного наследия Национальной академии наук Кыргызской Республики.

КГПИ - Киргизский государственный педагогический институт

НАН КР - Национальная академия наук Кыргызской Республики.

НИАМК – Национальный историко-археологический музейный комплекс «Сулайман-Тоо».

ОшГУ – Ошский государственный университет.

СЭ – Советская этнография.

ФАН СССР – Филиал академий наук Союз советских социалистических Республик.

ЮО НАН КР - Южное отделение Национальной академии наук Кыргызской Кыргызской Республики.

НК - Национальный комплекс «Манас-Ордо».

CARAD - Central Asian Rock Art Database.

Иллюстрации см. на стр. 167

Наскальное искусство Таджикистана*

Бобомулло С. Бобомуллоев¹

В 1970-е годы на территории Таджикистана было учтено около 150 местонахождений петроглифов, различающихся по количеству рисунков и степени изученности [Ранов, 1976].

Первые сведения о наскальных изображениях Таджикистана в окрестностях кишлака Калаи-Пяндж (Памир) были опубликованы в литературе в 1879 г. английским капитаном Генри Троттером [Trotter, 1879]. В 1904 году вышла в свет известная работа датского путешественника О. Олуфсена, побывавшего на Памире в 1896-1899 годах, который описал в своей книге рисунки, выбитые на отдельных камнях около кишлака Лангаркишт [Olufsen, 1904, p. 193-196.]. Позже информация о наскальных изображениях на территории Таджикистана публикуется в работах А.А. Бобринского [Боборинский, 1908], Н.А. Корженевского [Корженевский, 1922], В.И. Рацека [Рацек, 1944].

Первые серьезные, хотя и в большинстве своем предварительные публикации петроглифов Таджикистана появились после второй половины 40-х годов XX века. Они пришли на смену простым упоминаний в работах путешественников или специалистов другого профиля. Это работы А.Н. Дальского, А.Е. Маджи, А.М. Мандельштама, А.Н. Бернштама, В.А. Ранова, В. А. Жукова, А.В. Гурского, О.Е. Агаханянца, О.В. Панфилова и др., в которых, уже содержится не только описание местонахождений наскальных рисунков, но и делается попытка обоснования их датировки, ведется подсчет рисунков на памятниках и их фотофиксация. В 1960-х гг. вышла серия публикаций, специально посвященных таким ключевым памятникам наскального искусства Памира, как Лянгар и Шахты.

По ландшафтно-географическому положению в Таджикистане выделяются три зоны концентрации памятников наскального искусства: Восточный и Западный (Бадахшан) Памир; Гиссаро-Алай; Западная Фергана (горы Курама и Моголтау) [Бубнова, 2008].

Памир

Памир – горная страна, границы которой определяются по-разному. Известный географ О.Е. Агаханянец [Агаханянец, 1965], например, по совокупности физико-географических условий выделяет четыре области Памира: Кашгарский, Центральный, Вахан-Гиндукушский и Западный Памир. Однако чаще Памир определяют по административным границам Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан: на севере по Алайскому хребту, на юге по рекам Памир и Пяндж, на востоке по Сарыкольскому хребту и на западе по хребтам Дарвазскому и Хазретиши. По геоморфологическим признакам выделяется Западный Памир (Бадахшан) со средиземноморским типом растительности и Восточный Памир, относящийся по типу растительности к центрально-азиатской провинции. Западный и Восточный Памир заметно отличаются по рельефу, климатическим и природным условиям. Границу между ними обычно проводят по 73 меридиану: от пика Ленина на юг до хребта Музкол и далее на восток к средней части Северо-Аличурского хребта, вдоль

* Глава, посвященная наскальным изображениям Памира, подготовлена Б.С. Бобомуллоевым по неопубликованным материалам личного фонда В.А. Ранова, хранящегося в архиве Института истории, археологии и этнографии АН Республики Таджикистан.

1. Научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии им.Амада Дониша

западного берега озера Яшилкуль она выходит к реке Памир в районе перевала Харгуш (рис. 2) [Бубнова, 2008].

Западный Памир (Бадахшан)

Входит в зону высокогорного, глубоко расчлененного рельефа, образовавшегося в плейстоцене в результате активной денудации молодых поднятий большой амплитуды. Здесь находятся вершины, высота которых достигает 7-6 тыс. м над уровнем моря: пик Исмаила Самани – 7482, пик Карла Маркса – 6726, пик Маяковского – 6095 м и др. Огражденный от центрально-азиатских пустынь этот регион в условиях глубинной эрозии не имеет лёссовой аккумуляции, а только гравитационные и аллювиальные осадки. Самую низкую ступень узких и глубоких долин Бадахшана образуют галечниковые речные террасы. Именно здесь сосредоточивается вся жизнь населения. Более древние террасы сохранились фрагментарно в виде небольших клочков аллювия, «подвешенных» высоко над долиной на высоте до 300-700 м; нижнеплейстоценовые образования создают поднятые на несколько тысяч метров над долинами выровненные поверхности – «дашты». Характерной особенностью долин Бадахшана являются крутые горные склоны, часто покрытые мощными осыпями; перепад высот между днищами долин и хребтами гор, ориентированных в основном с севера на юг, достигает 3000 – 4000 м. Крутизна склонов иногда создает перепад высоты до 500 м на 1 км.

По условиям увлажнения горы Бадахшана относятся к сухим. Среднегодовое количество осадков в долинах от 100 до 200 мм, на западе области – до 300 мм. В феврале-марте снежный покров достигает 20-40 см и лежит около трех месяцев. Максимум осадков приходится на март-май. Лето в долинах теплое или умеренно теплое. Значительны перепады температуры в течение суток.

Растительность и фауна Бадахшана заметно изменяется в условиях резкой вертикальной зональности. Различия состава фауны Тянь-Шаня и Западного Памира сравнительно невелики, и фауна второго представляется обедненной группой первого.

Жизнь бадахшанца от рождения до смерти тесно связана с горами, и ему приходится приспосабливаться к этим суровым условиям, формирующим его характер и представление об окружающем мире. Основной охотничьей добычей для памирцев является горный козел (*Capra sibirica* Pallas), местное название *нахчир*. Значительно реже встречается винторогий козел - *мархур* (*Capra falconeri* Wag.). В зоне контакта с Восточным Памиром, на выровненных поверхностях может встретиться горный баран или аргали (*Ovis ammon* Linnaeus). Из крупных млекопитающих известен среднеазиатский подвид бурого медведя (*Ursus arctos* Linnaeus). Судя по наскальным рисункам в прошлом не исключены редкие заходы турайного оленя (*Cervus elaphus bactrianus*), подымавшегося до высоты 3000 м н.у.м. Хищники представлены снежным барсом (*Felis unica* Schreber), тибетским (*Canis 1 chanko* Gray) и красным (*Canis alpinus* Pallas) волками. Из более мелких хищников встречаются лисица, выдра, каменная куница. Повсеместно распространены зайцы.

Местами, где горные долины относительно широки и имеют большую пойму, как, например, в Вахане между кишлаками Лянгар и Наматгут, здесь мало пастбищ, но развиваются земледелие и садоводство. Выращивают пшеницу и ячмень, которые произрастают до высоты 3000-3300 м, картофель, кукурузу, бобы и другие культуры.

Восточный Памир (Памирское плато, или Высокий Памир)

располагается на соединении высоких хребтов Тянь-Шаня, Куньлуня, Каракорума и Гиндукуша. Этот регион составляет западную часть системы высочайших гор Азии и относится к числу наиболее трудных для жизни человека областей земного шара.

Внешние хребты, высота которых достигает 6000-7000 м, значительно превосходят по своему положению горные хребты, располагающиеся во внутренней части Памира. Памирское нагорье представляет собой систему широких озерных котловин и речных долин, поднятых на высоту 3600-4200 м над у. м. и разделенных хребтами относительно небольшой высоты (до 1000-2000 м) сильно разрушенными денудационными процессами. Памир представляет одну из самых суровых горных пустынь мира, сравним в этом отношении с Тибетом. Главными чертами климата является большая высота, аридность и крайняя континентальность, что обуславливает здесь холодные малоснежные зимы и короткое прохладное лето. Амплитуда годовых температур воздуха достигает 73° С. Очень суровые условия климата «Крыши Мира» ботаники определяют как «крайние для жизни».

Этот регион представляет собой западный форпост тибетской фауны. Среди крупных животных распространены центральноазиатский баран (*Ovis ammon* L.) и горный козел (*Capra sibirica* Pal.). Типичным домашним животным на Памире является *кумас*, или як (*Bos mutus* P.), который дает для жителей высокогорья мясо и молочные продукты очень высокого качества. На памирском высокогорье существуют также медведь (*Ursus arctos* L.), волк (*Canis Lupus* L. и *Canis Coun* Hodgston), снежный барс (*Unica unica* Sch.), заяц (*Lepus tolai* P.), сурки (*Marmota menzbieri* K.) и другие.

Преобладающие типы ландшафтов, характерные для памятников наскального искусства данной под-зоны; вид субстрата наскального искусства

Памир является самой богатой наскальными рисунками областью Таджикистана; здесь зафиксировано свыше 50 скоплений петроглифов. Такого количества и разнообразия петроглифов не наблюдается, например, в таких окружающих горных странах, как Сват, Гилгит, Хунза, Ладак, Тибет и Афганистан. Как и там, на Памире многие памятники сосредоточены вдоль долин больших рек, поскольку деятельность людей во все времена была связана именно с долинами, тогда как горная или таежная часть осваивалась очень слабо. Взглянув на карту петроглифов Памира легко убедиться, что основная «аккумуляция» петроглифов связана с рекой Пяндж и ее главными притоками; немало петроглифов встречается на Язгулеме и Гунте. Концентрация памятников в этой зоне отчасти объясняется тем, что именно здесь вдоль подножий высоких гор тянется узкая полоса пригодной для земледелия долины, на которой всегда сосредоточивалась вся деятельность памирцев. Другие скопления петроглифов, такие как Выбистдара, располагаются в традиционных местах летнего выпаса скота и приготовления молочных продуктов.

Определенное число местонахождений с небольшим количеством рисунков связано с верховьями рек, то есть с горными перевалами (Абдукагор, Джамак, Койтезек, Акташ) или с местами впадения боковых притоков в более крупные реки (Даршай). Очень часто отдельные крупные валуны или отполированные солнцем и ветром вертикальные поверхности скал сами собой привлекали внимание людей, имеющих художественные наклонности, и как бы призывали оставить на их поверхности своеобразные автографы – петроглифы (Наматгут, Джамак). Известны скопления, связанные с древними караванными путями или с наиболее примечательными местами (Лянгар). Много рисунков на отдельных камнях встречается на низких террасах вблизи старых или существующих ныне дорог, могильников, крепостей, остатков древних поселений и по берегам озер. Многие петроглифы выбивались в местах, славящихся своей хорошей охотой; в Лянгаре, например, имеются современные сложенные из камней укрытия (схороны) охотников. В

то же время устойчивой связи мест расположения петроглифов с современными святыми местами, большинством перевалов или известными источниками не замечено (рис. 3), [Бубнова, 2008. С.36].

Иной характер расположения петроглифов наблюдается на Восточном Памире, где они всегда располагаются вблизи древних могильников. Настенные росписи обнаружены в скальных убежищах Шахты, Куртеке и Найзаташ. Если в Западном Памире наскальные изображения зафиксированы на высоте 3500 м над у. м., то на Восточном они встречаются на высоте до 4200 м над у. м.

Определить другие закономерности в отношении мест расположения петроглифов Памира сложно, поскольку они привязаны к разным ландшафтам этой горной страны. Рисунки одинаковым образом наносились на отдельные камни (чаще на окатанные валуны, иногда на обломки), на большие поверхности скальных обнажений – вертикальные или горизонтальные. Трудно найти закономерности в расположении рисунков на плоскости камня разной экспозиции. Остаются неясными и многие другие вопросы, с которыми встречается исследователь петроглифов.

Численность и распространение памятников наскального искусства в под-зоне

Общее количество рисунков на всех известных местонахождениях петроглифов Памира превышает 10 тысяч. По численности петроглифов все памятники можно объединить в три группы: 1) памятники, в которых количество рисунков более 1000 или несколько тысяч (Выбистдара – 1200, Лянгар - 6000 петроглифов); 2) памятники, где насчитывается не более 100-200 изображений (Акджилга, Даршай, Салымулла); 3) памятники с 10-20 петроглифами или даже единичными рисунками (Кухилал, Тамды и др.). Местонахождения третьей группы численно преобладают (см. таблицу на рис. 4).

Крупные местонахождения петроглифов представляют собой настоящие картинные галереи, где на шершавой поверхности камней выбиты целые композиции, где имеются десятки, сотни и тысячи сходных наскальных рисунков. Здесь каменная поверхность скал сохранила идеалы, веру людей в лучшее будущее. Здесь в рисунке передавались глубокие традиции, связанные с культурой народа, всегда населявшего эти края или, наоборот, оказывавшегося здесь ненадолго, переходя с места на место.

Датировка наскальных изображений

Самыми древними на Памире являются росписи, найденные в гроте Шахты. Эти росписи датируются В.А. Рановым по находкам каменных пластин и отщепов периодом мезолита – раннего неолита (VIII-V тыс. до н.э.). Вероятно, росписи грота Шахты относятся к носителям самой высокогорной культуры – маркансуйской. Росписи обнаружены также в 2 км от грота Шахты под скальным навесом Куртеке и в 15 км – вблизи перевала Найзаташ; рисунки этих памятников датируются неолитом. Названные памятники относятся к каменному веку и находятся на Памире в одном и том же районе, на небольшом удалении друг от друга. При этом все три объекта по характеру исполнения и стилю рисунков совершенно не схожи между собой и, очевидно, являются разновременными.

Наскальные рисунки Акджиги, выполненные особой техникой на открытой поверхности, датируются временем эпохи бронзы и раннего железного века. Датировка многочисленных петроглифов таких крупных местонаждений, как Лянгар и Вибистдара, весьма широка и охватывает период от эпохи бронзы – I тыс. до н.э. до XVII-XX вв. и современности. Большинство других пунктов нахождения петроглифов Памира также содержит разновременные рисунки, древнейшие из которых относятся к эпохе бронзы.

Археологический контекст данной под-зоны (краткое описание, состояние изученности археологических культур, относящихся к идентифицированным традициям наскального искусства)

Несмотря на суровые природные условия, которые определяли трудности адаптации человека в высокогорье, люди появились на Памире очень давно. В долине Маркансу археологи нашли и раскопали мезолитическую стоянку с хорошо сохранившимся культурным слоем. Это самая высокогорная стоянка в мире; ее возраст по радиоуглероду – 9530 ± 130 лет.

Всего на Памире зафиксировано 63 пункта с находками каменного века, в том числе в пещерах, и памятники искусства этого времени. Большинство из них принадлежит к маркансуйской культуре (VIII-V тыс. до н.э.), которая демонстрирует сходство с одновременными культурами Сибири, Забайкалья и, может быть, северо-западного Китая.

Менее известны на Памире памятники последующих периодов – неолита и энеолита, что, возможно, связано с ухудшением климата. Находки эпохи бронзы также довольно редки: всего 5-6 изолированных пунктов. Наоборот, последующий период, сакский, представлен многочисленными курганами. Главный исследователь памятников этого периода Б.А. Литвинский приводит данные о более 50 могильниках и отдельных курганах саков и определяет численность населения Памира в I тыс. до н.э. около 10-15 тысяч. Новейшие исследования показали, что количество памятников раннего железного века, средневекового периода и нового времени на территории Западного Памира значительно больше (рис. 5) [Бубнова, 2008. С. 38].

Памятники разных исторических эпох представлены на Памире неравномерно, что обусловлено в значительной мере изменением климатических условий в течение голоцена. Трудно представить себе в условиях современного климата Памира существование здесь мезолитических племен.

Предполагается, что Памирское плато испытало значительный и быстрый тектонический подъем, амплитуда которого составила за последние 10 тысяч лет 500-600 м. Подъем окружающих памирское плато гор усиливал похолодание и иссушение внутренних его областей. Еще в сакское время (VIII-III вв. до н. э.) растительный покров степной части был богаче, климат Памира был более умеренным и благоприятным для жизни [Сидоров, 1979]. Об этом же свидетельствует распространение сакских курганов в районах, не имеющих в настоящее время источников воды. Окончательное опустынивание Памира происходит в конце I тыс. до н.э., что отражает резкое сокращение численности археологических памятников в этом районе Средней Азии.

Современный этнокультурный контекст памятников наскального искусства; наличие или отсутствие зафиксированных традиций особого почитания и поклонения, связанных с памятниками наскального искусства

На Памире большинство петроглифов, композиционно объединяющихся в сюжеты, наполнены скорее светским, чем религиозным содержанием. Это сцены охоты, сражений, любимые животные, мифические, а может быть и реальные герои. Религиозные понятия, мифология, уходящая своими корнями в самую глубину веков, ежедневная жизнь горца - земледельца, скотовода, охотника, все это самым причудливым образом переплетается в наскальных рисунках Памира. Но основная масса петроглифов отражает быт, а не религиозные представления людей.

К наскальным рисункам, содержащим явно религиозный характер, относятся изображения открытой ладони (пятерня – символ исмаилитов). Изображения раскрытой

ладони зафиксированы в нескольких пунктах петроглифов Памира. Подобные рисунки довольно часто встречаются среди поздних рисунков Вибистдары. В настоящее время местное население, если и не поклоняются, то уделяют особое внимание рисункам пятерни.

Наиболее значимые памятники наскального искусства Западного Памира

Лянгар

Местонахождение петроглифов находится в Горно-Бадахшанской автономной области, в Ишкашимском районе, *Джамоат* (кишлачный совет) Зонг, в 100 км к юго-западу от районного центра Ишкашима. Лянгар является самым крайним к востоку населенным пунктом Западного Памира (Бадахшана) из серии кишлаков, расположенных на узкой полоске земли, ограниченной с одной стороны р. Пяндж, а с другой высокими горами. Далее, всего в 40 километрах восточнее, примерно там, где небольшая река Харгуш впадает в реку Памир, проходит условная граница Западного и Восточного Памира и начинается уже непригодная для земледелия высокогорная пустыня. Географические координаты местонахождения петроглифов: с.ш. 37 02.236, в.д. 72 37.321; область распространения наскальных рисунков: находятся на высоте от 2700-3500 м над у. м.

Кишлак Лянгар расположен у подножия одного из отрогов Шахдаринского хребта (высшая точка – пик Карла Маркса, 6723 м над у.м.), напротив слияния реки Памир с вырывающейся здесь из узкого каньона и прорезающей высокие хребты Гиндукуша афганской рекой Вахандарья. Лянгар находится у подножья небольшого, но крутого и узкого перевала. Для путника, спустившегося к Лянгару со стороны Памирской пустыни, первый кишлак Бадахшана представлялся настоящим раем. Именно разительный контраст природных ландшафтов, наряду с положением Лянгара на пересечении многих караванных путей определили значение этого района, что нашло отражение в обилии здесь наскальных рисунков. Кроме того, район Лянгара издавна считался на Памире одним из лучших мест для охоты [Бобринский, 1908].

Документирование и изучение петроглифов Лянгар проводилось в 1972 г. Таджикской археологической экспедицией под руководством В.А. Ранова; выполнено копирование на кальку, описание и фотографирование наиболее значимых изображений, составлен топографический план основных местонахождений петроглифов. Всего зафиксировано 5883 рисунков, однако общая численность петроглифов Лянгара, по мнению В.А. Ранова, достигает 10 тысяч изображений.

Основной субстрат наскальных изображений. Рисунки нанесены на выпуклые или плоские сильно сглаженные поверхности гранитных скал, как правило, на горизонтальных и реже на вертикальных гранях. Нигде на протяжении всего пути от Хорога до Лянгара не встречается такого скопления столь удобных для нанесения рисунков относительно ровных, наклонных под углом плит. Эта природная достопримечательность Лянгара также обусловила возникновение здесь настоящей «картинной галереи» под открытым небом, формировавшейся на протяжении многих веков.

Техника. Основная часть рисунков выполнена в технике точечной выбивки; глубина следов от удара обычно составляет 1-2 мм, диаметр 3-5 мм. Толщина линии рисунка обычно составляет 5-6 см, реже встречаются более толстые линии. У более ранних рисунков линии тоньше, прямее, изящнее, кажется, что они выполнены более уверенной и твердой рукой. Часто точки эти сливаются в единую линию, но бывают случаи, когда они разделены между собой, и тогда поверхность линии рисунка становится как бы пятнистой. По характеру этих

точек можно определить инструмент, которым они выбивались. Различаются рисунки, выполненные острым металлическим орудием прямыми ударами сверху или под углом сбоку, но чаще всего рисунки выбивались камнем, оставлявшим следы с неровными краями, неглубокими грубыми сколами неправильных очертаний. Интересно отметить, что не только поздние рисунки, но и многие древние изображения, покрытые патиной, выбиты камнем. В единичных случаях отмечена глубокая гравировка, выполненная металлическим инструментом наподобие шила или пробойника. Несколько чаще встречаются поздние рисунки, процарапанные острием ножа.

Преобладают рисунки небольших размеров – от 10 до 20 см, также немало изображений величиной 30-40 см. Одинаково редко встречаются маленькие (до 10 см) и большие (свыше 50 см) изображения; самый маленький рисунок животного – 6 см, самый большой – 80 см. В композиции «Белые фигуры» выделяется крупная фигура лучника – 1,8 м, а также одно изображение музыкального инструмента – рубоба высотой 1 м.

Описание памятника. Площадь распространения рисунков Лянгара очень широка. Поэтому исследователями были условно выделены «поля рисунков» – основные скопления петроглифов, которые получили порядковые номера и название, отражающее особенности репертуара рисунков или местоположения. Между такими участками находятся небольшие скопления рисунков, которые также условно были отнесены к тому или иному «полю».

Поле I было названо «Белые фигуры»; площадь его около 12 тыс. м². Здесь зафиксировано 1811 петроглифов.

Поле II получило название «Гора рубобов», поскольку здесь найдено около 300 изображений рубоба – излюбленного музыкального инструмента памирцев. На площади 750 м² зарегистрировано 1770 петроглифов.

Поле III названо «Скифские козлы»; здесь около 1000 петроглифов. В отличие от предыдущих двух, на этом поле рисунки располагаются небольшими группами на расстоянии около 500 м.

Поле IV именуется «Надпись»; здесь зафиксировано 779 петроглифов. Основная плоскость с рисунками имеет площадь 10 м².

Поле V названо в 1972 г. «У флага», поскольку выше этого места пограничниками был установлен флаг СССР. Здесь на площади 200 x 50 м было найдено 523 рисунка.

Еще одно небольшое по площади поле 1А было открыто в 2001 г. Скопление петроглифов располагается на восточном склоне щели Киштиджарв, почти напротив поля 1. Количество рисунков здесь не установлено.

В репертуаре петроглифов Лянгара выделяются следующие группы рисунков. Численно преобладают фигуры горных *козлов-нахчиров* – 3511; сцены охоты на стада козлов (до 15 изображений животных). Из диких животных изображены снежные барсы, олени (в том числе один из группы тугайных – *Cervus claphus bactrianus*), животное из семейства *Bovidae* и бык. Изображения людей схематичные, напоминают по форме крест. На одном из камней изображены всадники, вооруженные саблями. Есть изображения людей, у которых туловище изображено в виде треугольников соединенных вершинами. Имеются изображения буддийской ступы, *тамги* различной формы, знаки, круги (символ солнца) и раскрытой ладони (символ исмаилитов). В большом количестве встречаются изображения *рубобов*.

Датировка. Петроглифы Лянгара относятся к разным хронологическим периодам. Выделяются рисунки эпохи бронзы – I тыс. до н.э., кушано-эфталитского периода (начало I тыс. до н. э.), средневековые (IX-XVI вв.), а также позднесредневековые и современные (XVII-XX вв.). Изображения рубобов с особой формой колка датируются I в. н. э.

Археологический контекст. Здесь пересекаются горные дороги, ведущие в Фергану и Китай, Афганистан, Пакистан и Индию. Хотя дороги эти были трудны и опасны, здесь проходило одно из ответвлений Шелкового пути, и Ваханский участок дороги связывал многие центры древнего мира, играя на протяжении многих эпох очень важную роль. Не исключено, что по Ваханскому пути происходило проникновение буддизма на Памир и в Китай.

На территории Западного Памира обнаружены памятники каменного века: стоянка Шугноу (35-20 тыс. лет до н. э.), местонахождение Джаушангос I (8-5 тыс. до н. э.).

Памятники эпохи бронзы: могильник Джаушангос VII, наскальные рисунки Намадгут, наскальные рисунки Даршай III.

Памятники раннежелезного века представлены многочисленными крепостями, тупхона, могильниками укрепленными поселениями и местонахождениями наскальных рисунков: Часем I, Миенакух I, Джаушангос VI, Джаушангос VII, Чилхона, Ратм I, Ратм II, Вибистдара (наскальные рисунки), Ричив, Даршай III (наскальные рисунки), Ямчун I, Ямчун II и др.

Вибистдара

Памятник находится в Горно-Бадахшанской автономной области, в Шугнонском районе, в 30 км восточнее г. Хорог, в 7-8 км от кишлака Дебаст (Вибист), на левом берегу р. Вибист-Дара, возле летовки (кош) Тирель; альтитуда 3500 м над у.м. Общее количество зарегистрированных рисунков – 1203. Рисунки расположены на площади около 1,2 га.

Изученность

Петроглифы Вибистдара обнаружены в 1960 г. биологом А.В. Гурским. В 1972 г. памятник обследован группой по изучению наскальных изображений Памирского археологического отряда АН Таджикистана (руководитель – В.А. Ранов, В.А. Жуков и др.). Произведена разведка, выявлены границы основных скоплений петроглифов, составлено описание групп, выполнено фотографирование и калькирование наиболее интересных рисунков. Выполнена предварительная классификация петроглифов [Ранов. 1976. С. 6-12; Ranov. 2001. Р.146-147], но материалы большей частью до сих пор не опубликованы.

Описание памятника. Петроглифы выбиты на патинированных поверхностях крупных обломков гранита, образующих большие осыпи на склоне ущелья. Все рисунки выполнены техникой выбивки; различаются по цвету патины.

Выделяется четыре (А, Б, В, Г) группы петроглифов, приуроченных к разным осыпям и различающихся по хронологическим, стилистическим и сюжетным особенностям рисунков. Наибольшая концентрация петроглифов (в том числе древнейших) наблюдается вблизи площадки с летовкой.

В целом, репертуар петроглифов Вибистдары сравнительно беден, но примечателен большим количеством антропоморфных изображений, знаков и орнаментальных мотивов. Наиболее распространенным сюжетом петроглифов Вибистдары является вереница скачущих друг за другом всадников. Много сцен охоты лучников, в том числе конных всадников. Привлекает внимание сцена облавной охоты на диких яков, выбитая на крупной поверхности. Несколько раз встречается сюжет борьбы вооруженного человека с

безоружным, часто варьируется мотив бегущих человечков, взявшихся за руки. Интересны многочисленные знаки: круги с точкой и перекрестием, растительные орнаменты и квадраты. Среди наиболее поздних рисунков встречаются изображения раскрытой ладони – известный религиозный символ памирских исмаилитов. Редкие изображения – верблюды, собаки, колесницы.

Датировка

По стилю и репертуару выделяются рисунки раннего железа (немногочисленные изображения животных в традиции звериного стиля) и относящиеся к «мусульманскому» средневековью, в том числе к позднему (всадники, батальные сюжеты, знаки, изображения раскрытой ладони (Ранов. 1976. С. 6-12). Рисунки датируются в пределах I тыс. до н.э. – XVI-XIX вв., при этом средневековые петроглифы преобладают.

Восточный Памир

Акджилга

Памятник находится в Горно-Бадахшанской автономной области, в Мургабском районе, в 100 км к северо-востоку от районного центра – селения Мургаб, на северном склоне хребта Базар-Дара (Северо-Аличурский), недалеко от перевала Акджилга на высоте 3800 м над у.м. Петроглифы Ак-Джилга относятся к самым высокогорным памятникам наскального искусства Центральной Азии. Высочайшие вершины Памира, называемого «крышей мира», - пик Исмоили Сомони (7495 м), пик Революции (6974 м) – расположены западнее, в 90-140 км.

В конце 60-х годов геолог В.П. Булин обнаружил в труднодоступном месте, на реке Северная Акджилга петроглифы, сильно отличающиеся от тех, которые были известны на Памире. В 1972 году археологи В.А. Жуков и В.А. Ранов с небольшой группой сотрудников, которая включала фотографа и художника, произвел фиксацию этого уникального для Памира скопления наскальных рисунков. В этом же году издается специальная обобщающая статья В.А. Жукова и В.А. Ранова о петроглифах Акджилги.

Основной субстрат наскальных изображений.

Петроглифы нанесены на поверхность одиночного камня (сланец) уплощенной формы размерами 23,6 x 19 м, который находится на правом берегу долины, на высоте 25 м над рекой. Поверхность камня черного цвета отполирована до блеска ветром; рисунки занимают примерно четвертую часть этой поверхности. Плита хорошо выделяется на окружающем фоне среди хаоса многочисленных обломков камней морен.

Техника

Техника исполнения петроглифов Акджилги необычна для Памира. Контур рисунка первоначально прорезался на поверхности острым инструментом, затем заштриховывался внутри резными линиями, а иногда дополнительно пришлифовывался. Линии рисунка неглубокие и совершенно не отличаются по цвету от поверхности скалы. В технике выбивки выполнены лишь нескольких явно поздних петроглифов.

Описание памятника

На поверхности камня насчитывается всего около 100 петроглифов. Здесь имеются одиночные изображения и композиции, объединяющие связанные сюжетом группы рисунков. Рисунки на поверхности камня сгруппированы в нескольких местах. Большинство из них находятся в юго-восточном секторе камня, включая его наклонную часть. Рисунки образуют здесь палимпсест, что позволяет установить относительный возраст фигур. В частности, крупные фигуры животных перекрыты изображениями сцены охоты на дикого козла. В центральной части плиты расположены фигуры идущих друг за другом козлов,

одна из которых выполнена в изящной манере; этот рисунок выделяется превосходным исполнением. В северо-восточной части плиты выделяется одиночное изображение лучника в островерхом головном уборе; хорошо различима форма наконечника стрелы. Наиболее интересной представляется композиция, расположенная в северо-западной части камня: здесь выделяются несколько изображений колесниц с возницами и быков, выполненных в оригинальной, необычной для Памира стилистической манере. Большинство рисунков Акджилги выполнено в силуэтной манере, когда вся площадь фигуры заполнена точками или частыми штрихами

Датировка

Наиболее раннюю группу петроглифов Акджилги образуют изображения колесниц и быков, которые можно уверенно датировать эпохой бронзы. Рисунки лучника в островерхом колпаке и серия изображений диких козлов, в которых угадываются элементы звериного стиля, могут относиться к раннему железному веку. Имеются и более поздние схематичные изображения животных и современные надписи.

Грот Шахты находится в Горно-Бадахшанской автономной области, в Мургабском районе, в 40 км к юго-западу от районного центра – селения Мургаб, на левом склоне ущелья Шахты, примыкающему к долине Куртке-сай. Географические координаты местонахождения: с.ш. 37 55.225, в.д. 73 55.755; абсолютная высота около 4200 м над у. м. Грот Шахты находится на высоте 60 м над дном долины; грот легкодоступен, по поверхности конуса выноса к нему подходит хорошая тропа.

Осенью 1958 г. археологическая группа Памирской экспедиции АН СССР под руководством В.А. Ранова открыла писаницы в Грооте Шахты на Восточном Памире. Подробное описание писаниц Грота Шахты и обоснование предложенной даты эпохой мезолита осуществлено В.А. Рановым в специальной статье вышедшей в 1961 году. В 1967 г. В.А. Ранов описывает условия открытия писаниц в Грооте шахты и особенности их изучения в популярной книжке «Археологи на Крыше мира» [Ранов, 1967]. Также популярная статья об этом сюжете, с очень хорошими фотографиями опубликована в этом же году зоологом В. Танасийчуком [Танасийчук, 1967].

Основной субстрат наскальных изображений

Образовался грот в результате карстового размыва тектонической трещины. Грот открыт к востоку, сухой, хорошо освещается солнцем. Ширина входа 7,5 м, глубина 6 м; высота потолка около 25-30 м. Рисунки нанесены фризом на южной стенке грота на уровне 1,6-2,0 м от пола; кое-где на стене сохранились пятна краски и фрагменты других несохранившихся фигур.

Техника

Все изображения выполнены минеральной краской двух тонов: большая часть рисунков сделана охрой светло-коричневого цвета; остальные – бордового цвета.

Описание памятника

Хорошо сохранилось 7 изображений: силуэтная орнито-антропоморфная фигура (23 см), две контурные фигуры кабанов (?), яка или медведя (85 см), стрелы на фоне тела и у головы животного, еще одна контурная фигура неопределенного животного, перекрывающая некоторые другие описанные рисунки и выполненная бордовой краской. Общая длина фриза с рисунками составляет 4 м, высота 1,5 м.

Изображения нанесены минеральной краской, материал для которой древние художники брали, по-видимому, здесь же в трещинах стены, где встречаются порошковидные россыпи

железистых соединений. Краска имеет два тона: светлый и более темный, бордовый. Чаще использовалась светлая краска; бордовая представляет собой более сильную концентрацию красителя и применялась в основном для вырисовывания деталей фигур. Один рисунок, выполненный бордовой краской, перекрывает изображение светло-коричневого цвета. Линии рисунков сравнительно тонкие (1,5-2 см), неровные, часто дополнительно подправлены. По-видимому, рисунок наносился непосредственно пальцем.

Крайнее ко входу в грот изображение – фигурка человека, замаскированного под птицу(?). Следующие две фигуры нарисованы одна напротив другой и изображают дикого кабана и медведя или двух кабанов. От левой фигуры сохранилась только половина рисунка. Далее четким контуром изображена фигура крупного зверя в момент прыжка. Следующая, самая крупная фигура также изображает зверя с массивными ногами, небольшим горбом, напоминающего животное из семейства Bovidae (яка?), но вытянутая морда, маленькие уши и отсутствие рогов позволяют видеть здесь изображение медведя. Натуралистично изображены ноги зверя. Особый интерес представляют изображения стрел: самая крупная из них показана ниже загривка зверя, другая изображена в нижней части морды, а третья – снизу у головы зверя. Стрелы направлены в сторону зверя с противоположных сторон, в чем можно усмотреть изображение коллективной охоты.

Датировка

Памятник был открыт и впервые обследован в 1958 г. палеолитической группой (руководитель В.А. Ранов) Памирской археологической экспедиции АН СССР, проводившей обследование пещер и скальных навесов в юго-восточной части Памира. Были сделаны фотографии грота и наскальной живописи, а также произведены раскопки; в разведочной траншее, заложенной внутри грота, на разной глубине были обнаружены отщепы, несколько ножевидных кремневых пластин и один обломок нуклеуса [Ранов. 1961. С.35]. На основании находок этих артефактов, а также сюжетных и стилистических сопоставлений рисунки Шахты датированы В.А. Рановым VIII-V тыс. до н.э., временем мезолита – раннего неолита [Ranov. 2001. Р.128-129]. Наиболее вероятный возраст рисунков соответствует времени появления на Восточном Памире первых людей после оледенений.

Охрана и современное состояние памятника

Памятник состоит на государственном учете и находится под охраной местных органов власти Мургабского района Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана.

В 2005 г. по заданию Мургабской Ассоциации Экотуризма обследование памятника было выполнено Р.Сала, отметившим удовлетворительную сохранность рисунков. Внутри грота и снаружи у входа заметны следы археологических раскопок 1958 г. – остатки не засыпанной траншеи и земляные отвалы. Грот редко посещается местными жителями и туристами.

Навес Куртеке находится в Горно-Бадахшанской автономной области, в Мургабском районе, в 38 км к юго-западу от районного центра г. Мургаб. Памятник находится примерно в двух километрах от грота Шахты, на противоположном склоне ущелья Куртеке-сай, в месте выхода последнего в урочище Караулдын-дала; абсолютная высота около 4020 м над у.м.

Памятник обнаружен и обследован В.А. Рановым в 1964. Первая заметка о писаницах навеса Куртеке опубликована в этом же году. Тезисы доклада «Рисунки каменного века на Памире» представленного на научном семинаре в Бишкеке «Петроглифы Центральной Азии» опубликована в 2001 г [Ranov. 2001. Р.128-129].

Описание памятника

Навес связан с отдельной скалой юрского известняка. Следы росписей обнаружены на двух стенках. Сохранилась, по-видимому, лишь небольшая часть рисунков. Рисунки нанесены на северную и восточную стенки навеса. Изображения выполнены минеральной краской буровато-бордового цвета. Поверхность рисунков сильно повреждена и загрязнена, - они просматриваются с большим трудом. Фигуры располагаются примерно в 1,5 м от современной поверхности пола навеса.

На стене навеса обнаружены плохо сохранившиеся фигурки двух людей с расставленными ногами и поднятыми вверх руками.

Археологический контекст

Раскопки в навесе выявили два культурных горизонта. Первый принадлежит эпохе поздней бронзы, второй концу неолита – энеолиту. Среди находок, сделанных в верхнем горизонте, встречены: керамика, типичная для центрально-азиатской степной бронзы, изделия из камня, бронзовые наконечники стрел. Находки в нижнем горизонте представлены только обработанным камнем-микролитом; в этом же слое обнаружен полусгоревший каменный уголь.

Найзаташ

Памятник находится в Горно-Бадахшанской автономной области, в Мургабском районе, в 45 км к юго-западу от районного центра г. Мургаб. Грот с рисунками расположен недалеко от перевала Найзаташ, абсолютная высота которого 4137 м над у.м.

Изученность

Памятник известен лишь по фотографиям, сделанным биологом В. Ф. Селезевым и переданным В.А. Ранову [Ranov, 1995].

Описание памятника

Грот приурочен к одному из огромных блоков юрского известняка. Рисунки нанесены на неровной скальной поверхности, выполнены минеральной краской красного цвета и занимают площадь 2 x 1,5 м. Размеры фигур не превышают 12-15 см. Всего сохранилось шесть фигур и несколько неопределенных линий и пятен. Различаются контурные изображения двух горных козлов (*Capra sibirica* Mayer), возможно, антропоморфная фигура, знак в виде неправильной замкнутой фигуры (или незавершенное изображение) и три короткие линии.

Датировка

Росписи Найзаташа по стилю не находят прямых аналогий в петроглифах Памира; их также трудно сравнивать с росписями Ак-Чункура в Кыргызстане, Акбаура в Казахстане, Зараут-камара в Узбекистане или даже с рисунками навеса Куртеке, расположенного совсем рядом. Датировка В.А. Рановым росписей грота Найзаташ неолитическим временем является предположительной [Ranov. 2001 P. 129-130].

Гиссаро-Алай

Центральное место на территории республики Таджикистана занимает система хребтов Гиссаро-Алая, относящаяся к Южному Тянь-Шаню. Она ограничена долинами, с севера – Ферганской, с юга – Гиссарской, долиной реки Сурхоб и Алайской. Общая протяженность хребтов Гиссаро-Алайской системы с востока на запад – около 900 км. Высота многих вершин превышает 5000 м.

Основные горные хребты Гиссаро-Алая – Туркестанский, Зеравшанский, Гиссарский и Алайский – простираются в широтном и субширотном направлениях. Для гребней этих хребтов характерен альпийский рельеф. Восточная часть Гиссаро-Алая находится в Кыргызстане, западная – в Узбекистане, а средняя ее часть – в пределах Таджикистана.

От Гиссарского хребта ответвляется Каратегинский хребет. Система хребтов Гиссаро-Алая, высоко поднимающаяся над долинами, представляет собой трудно-проходимый барьер, делящий территорию республики на две части – северную и южную.

Алайский хребет, простирающийся почти на 200 км и образующий восточную часть Гиссаро-Алая, в основном находится на территории Кыргызстана, а в пределах Таджикистана – только небольшая его западная часть. Вблизи верховьев Зеравшана у перевала Матча Алайский хребет разветвляется на две горные цепи – Туркестанский и Зеравшанский хребты. Туркестанский хребет простирается на 200 км между Ферганской и Зеравшанской долинами. Достигая наибольшей высоты в восточной части (пик Пирамидальный, 5621 м), хребет постепенно понижается к западу и заканчивается горами Нуратау в пределах Узбекистана.

Зеравшанский хребет тянется почти параллельно Туркестанскому. Между ними проложила себе путь река Зеравшан. Она течет в глубоком ущелье, где чередуются участки котловинообразных расширений с террасами. В горах Зеравшана нередко обвалы, образующие временные завальные озера. Ниже по течению реки, начиная от устья р. Кштут, долина Зеравшана становится широкой, появляются поймы и обширные террасы, удобные для земледелия. В верховьях Зеравшана находится Зеравшанский ледник, относящийся к числу наиболее крупных в Таджикистане. Гребень Зеравшанского хребта имеет скалистые формы. Абсолютные высоты здесь превышают 5000 м. В отличие от Туркестанского хребта, представляющего собой на всем протяжении непрерывный горный вал, Зеравшанский хребет трижды до основания на всю ширину прорезан сквозными долинами рек Фандарь, Кштута и Магияна, левых притоков Зеравшана. Отрезок хребта между Фандарьей и Кштутом получил название Фанских гор, отличающихся сложностью строения и громадной высотой (Чимтарга, 5495 м). Восточный участок Зеравшанского хребта носит название Матчинского хребта, а западный – Чакыл-Каляна.

В верховьях Ягноба в горном узле Барзанги от Зеравшанского хребта отделяется Гиссарский хребет, образующий водораздел между бассейнами Амударьи и Зеравшана. Наибольшая его высота в восточной и средней частях – 4688 м над у.м., постепенно к юго-западу хребет понижается, переходя на территории Узбекистана в невысокие хребты. Общая длина Гиссарского хребта в пределах Таджикистана – около 250 км; хребет имеет узкий гребень и острые вершины. На склонах Гиссарского хребта много ледников. Через Гиссарский хребет проходит много удобных для прохождения перевалов, среди которых наибольшее значение имеет перевал Анзоб (3372 м).

Преобладающие типы ландшафтов

В Гиссаро-Алайской зоне скопления петроглифов приурочены к самым различным ландшафтам. В верховьях Зеравшана локализация основных пунктов петроглифов связана с ущельями, где они сосредоточены по берегам рек. По настоящее время наибольшее количество пунктов с наскальными рисунками зафиксировано на Фанских Горах, в утесах р. Магиан-дарьи, в бассейне р. Искандар-дарьи, на левом берегу р. Кштут-дарьи, р. Шинг-дарьи. Скопления петроглифов известны в устьях ущелий Сай Гурбик, Сай

Вагиштон, Сай Мосриф, Сойи Сабаг. Незначительные местонахождения петроглифов зафиксированы вблизи населенных пунктов Падаск, Худгиф, Эсизи Поен.

Местонахождения петроглифов известны и в долине р. Зеравшан. К ним относятся петроглифы к западу от кишлака Шамтич. Здесь, у подножья Туркестанского хребта, на правой стороне Зеравшана, на ровной террасе 300х100 м находится старое и современное кладбище, вблизи которого имеется много больших и малых валунов темно-коричного цвета, на которых выбито около 200 изображений. На поверхности одного из камней почерком *насталик* вырезана одна из известных надписей Бабура, состоящая из двух стихотворных строк на таджикском языке. В 300 м ниже по течению, также на террасе, но на левой стороне реки, в местечке, известном среди местного населения как Дашти Мулло Тохириен, обнаружено около 300 петроглифов. В основном это изображения козлов, выполненные в линейном стиле; есть сцены охоты, изображения лучников, а также одно изображение слона. В целом петроглифы Шамич и Дашти Мулло Тохириен имеют определенное сходство.

Численность и распространение памятников

В Гиссаро-Алайской группе насчитывается более 50 известных пунктов с петроглифами, выполненными на скалах и отдельных крупных камнях как в долинах притоков р.Зарафшан, так и в боковых ущельях. Наиболее интересные петроглифы зафиксированы в сае Гурбик на р. Кштут, а также по долине р. Шинг, у поселка Вагиштон и в сае Мосриф.

Датировка

Петроглифы Зеравшанской долины – это, прежде всего, очень монотонное повторение рисунков горных козлов, выполненных в «линейном» или «скелетном» стиле.

Большинство пунктов петроглифов Гиссаро-Алая содержит разновременные рисунки, древнейшие из которых относятся к эпохе бронзы. Большие серии петроглифов, относящиеся к эпохе бронзы и датируемые III-II тыс. до н.э., обнаружены в Сае Вагиштан и Сойи Сабаг.

Рисунки в скоплениях Шамич и Дашти Мулло Тохириен относятся к раннесредневековому и средневековому периоду.

Археологический контекст

Археологические исследования в верховьях Зеравшана, выявили несколько памятников эпохи бронзы, большое число памятников античного периода и раннего средневековья. Ранние периоды культуры представлены древнеземледельческим поселением Саразм (энеолит – эпоха бронзы) и могильниками эпохи бронзы Дашти Козы, Зардча Халифа, Зоосун. Численно преобладают поселения и крепости, относящиеся к раннесредневековому и средневековому периоду.

Верховья долины Зеравшана располагают богатыми залежами разнообразных природных ресурсов. В этом горном районе в большом количестве имеются крупные месторождения полиметаллических руд, различных пород камня, в том числе поделочного, высококачественного кремния и глины, служивших начиная с глубокой древности для изготовления орудий труда, оружия и бытовых предметов. В предгорьях Зеравшанского и Туркестанского хребта выявлены месторождения флюорита и олова (Казнок), амethysta, (сай Манор), содалита (ущелье Сабаг), альмандина (долина р. Самжон и Туро, бассейн р. Искадардаря), мрамора (сай Мосриф, Косатарош, Вору, Мазори Шариф, Тиллягул), меди, серебра и золота (Тарор), свинца, серебра, меди и цинка (рудник Кангут) и др. [Раззаков, 2008]. Большинство перечисленных месторождений находятся в непосредственной близости от известных пунктов петроглифов.

Иконографические и стилистические аналогии многим изображениям предметов, орнаментальных мотивов, животных и др. из репертуара древнейших петроглифов Зеравшана можно найти в материалах древнеземледельческого поселения эпохи энеолита и бронзы Саразм [Исаков, 2005].

Современный этнокультурный контекст

Традиции особого почитания и поклонения по отношению к памятникам наскального искусства не выявлено.

Наиболее значимые памятники наскального искусства Гиссаро-Алая

Сай Мосриф

Значительное скопление петроглифов обнаружено на Сайте Мосриф, правый приток реки Шинг, кишлачный совет Шинг. Скопление петроглифов находятся в десяти пунктах по правому берегу Сая Мосриф.

Изученность

Скопление петроглифов обнаружено и обследовано А.Н. Дальским в 1947 г. [Дальский, 1949, 1950].

Описание памятника

Общее количество рисунков не установлено. В 4-х км от впадения сая в реку Шинг, на гладкой поверхности скалы выбиты изображения четырех горных козлов, с большими рогами, закинутыми за спину, две антропоморфные фигуры и собака. Отдельные изображения встречаются на камнях и дальше.

На расстоянии 5,5 км от устья сая, при выходе из узкого ущелья, на скале правого берега имеются выбитые непонятые по значению лентообразные линии, среди которых выступают очертания двух диких козлов. Здесь же имеется какой-то знак, примитивно выполненные рисунки козлов и верблюда.

Наибольшее скопление петроглифов зафиксировано в 1,5 км выше кишлака Гиждарва на высоте 2200 м. над у. м. Здесь в слое темно-серых доломитизированных известняков на высоте 3 м от поверхности земли имеется высокая, но небольшая по глубине пещера. Справа от пещеры на скале выбита большая группа рисунков, образующих своеобразный фриз, вытянутый в длину на 12 м и высотой до 1,4 м. Здесь насчитывается более ста изображений различного размера, иногда объединенных в небольшие сюжеты, но чаще одиночных. Преобладают рисунки диких козлов, значительно реже – верблюдов и человека. Особую группу составляют знаки и изображения открытой человеческой руки. Рисунки имеют различную степень сохранности, многие из них слабо различимы из-за плохой сохранности. Петроглифы отличаются по степени покрывающего их «пустынного загара»; некоторые рисунки различимы только с близкого расстояния, большинство рисунков светлые. Наиболее крупные изображения козлов-морхуров имеют в длину 20-37 см и высоту 42-52 см. Самые крупные изображения ладони 48 x 69 см и более 1,5 м. Большинство изображений выполнено в линейном стиле, или «скелетном». Тело животного изображается в этом случае одной линией, голова иногда обозначается одной черточкой, в других случаях вообще не выделяется. У горных козлов, которые представляют абсолютное большинство петроглифов, непропорционально длинные ноги и рога; хвост загнут крючком. Рисунки людей также выполнены в линейном стиле. Люди изображены с разведенными в стороны руками (в одном случае выделены пальцы рук), некоторые из них напоминают крестообразные фигуры.

Помимо отдельных фигур животных и людей есть и смысловые композиции. Некоторые животные изображены стреноженными, есть сцены боя животных, самца и самки, групп горных козлов.

Напротив фриза, на расстоянии 20 м от него, имеются две больших глыбы известняка, на горизонтальных плоскостях которых наряду с отличными фигурками горных козлов выбиты круги большого и малого размера, семи- и восьмиконечные звезды, изображение раскрытой ладони, план жилища.

Техника

Судя по опубликованным фотографиям, изображения выполнены техникой точечной выбивки каменным и реже металлическим орудием.

Датировка

Основная часть рисунков относится к современному периоду (XX в.); отдельные изображения могут быть старше, однако более точно их возраст не установлен.

Дашти Эйматк

Значительное скопление петроглифов в 10 км на запад от кишлака Урметан, кишлачный совет Урметан. Правый берег реки Зарафшан.

Изученность

Памятник открыт в 1953 г. археологом А.М. Мандельштамом во время работы Верхнезеравшанского отряда Согдийско-таджикской археологической экспедиции [Мандельштам, 1954]. В его статье, опубликованной в 1956 г., приводятся описания встречающихся изображений антропоморфных фигур, а о животных упоминается лишь вскользь, однако подчеркивается, что «объемные» их изображения отличаются динамикой. Статья, посвященная зоологической интерпретации петроглифов Дашти Эйматк, опубликована Г.Н. Сапожниковым, О.В. Панфиловым в 1982 г. [Сапожников, Панфилов, 1982. с. 71-76].

Описание памятника

Петроглифы нанесены на окатанные обломки скал, покрытые плотным «пустынным загаром». Общее количество петроглифов 124, из них 85 составляют двенадцать композиций. Имеются изображения горных козлов и баранов, оленей, лошадей, собак, змей, барса, джейрана, кабана, выдры, антропоморфных фигур, линий и оружия. Рисунки составляют сцены: гон собакой горного козла на охотника, вооруженного луком; лучник и два козла; олень и змея; человек, держащий за повод лошадь; стадо из девяти козлов и оленя, преследуемое тремя волками и барсом; единоборство козла и волка и др. Разнообразны изображения людей, иногда вооруженных луками; у некоторых фигур выделен признак пола.

Недалеко от Дашти Эйматк вблизи курганного могильника у кишлака Миндана Камень в 1952 г. обнаружен камень с изображением горного козла в линейном стиле.

Техника

Изображения животных выполнены в линейной и реалистичной манере, выделяются рисунки в «зверином стиле». Три рисунка даны в контурной манере, несколько с частичным заполнением туловища животного. Техника точечная, орудием служил металлический инструмент. Глубина выбивки 2-3 мм. Все рисунки покрыты плотным слоем патины, по цвету сливающейся с цветом поверхности камней.

Датировка

По А.М. Мандельштаму, петроглифы Дашти Эйматк, выполненные в реалистичной манере, присущей «звериному стилю», относятся к середине – концу I тыс. до н.э.

Вагаштон

Местонахождение петроглифов находится в 600 м к северо-востоку от кишлака Вагиштон Пенджикентского района, на территории кишлачного совета Шинг. Памятник расположен на левом берегу сая Вагиштон.

Описание памятника

Петроглифы нанесены на вертикальную плоскость скального известнякового обломка размерами 1,4x1,65x1,45 м. Поверхность камня и рисунки покрыты плотным слоем «пустынного загара». Из-за сильной выветренности поверхности и интенсивного «пустынного загара» петроглифы просматриваются с трудом. Выявлено более 50 рисунков, из них основную часть составляют антропоморфные фигуры, выполненные в линейной манере. Судя по остаткам плохо сохранившихся изображений, петроглифов здесь было значительно больше. Изображения людей сопровождаются рисунками козлов, горизонтальная линия длиной более 1 м и поперечные линии. Фигуры людей изображены в однообразных позах: руки раскинуты, выделен признак мужского пола, у двух фигур точками обозначены груди. В центре композиции изображена сцена совокупления, а над ней – солярный знак.

Имеется несколько более или менее ясно выраженных композиций: две фигурки людей и лежащее под ними животное, возможно, кулан; рядом изображены три антропоморфные фигуры, держась за руки, они совершают какой-то танец. В правой части камня имеется очень сложная композиция, трактуемая как изображение охотничьей тропы, загон для диких животных и группа охотников. Внизу изображена следующая сцена: мужчина несет на вытянутых руках небольшое животное, похожее на козленка; рядом с ним еще одна фигура человека, по-видимому, с собакой и еще одна фигура человека.

Техника

Все рисунки выполнены точечной выбивкой.

Изученность

Памятник открыт и исследован А.Н. Дальским в 1947 г [Дальский, 1949г. с 190-192, 1950 г. с. 234-236].

Датировка

По сложности композиции, манере изображения людей и отчасти животных, петроглифы Вагаштона заметно отличаются от других наскальных изображений Заравшана. А.Н. Дальский датировал петроглифы сая Вагиштон эпохой неолита (VI-IV тыс. до н.э.), но, по-видимому, они относятся к более позднему времени – эпохе бронзы.

Сой Сабаг

Скопление петроглифов Сой Сабаг находится на территории района Горная Матча, Согдийской области Республики Таджикистан.

Ущелье Сой Сабаг расположено на южном склоне Туркестанского хребта. По дну ущелья, простирающемуся в субширотном направлении, проложила себе путь горная речка Сабаг – правый приток Заравшана. Скопление петроглифов находится в устье ущелья, у подножья хребта к западу от современного одноименного кишлака Сабаг. Петроглифы располагаются

на восточном склоне пустынного ущелья. Сой Сабаг находится на высоте 2327 м. над у. м. между 39 28 07.6 северной широты и 69 47 57.9 восточной долготы [Бобомуллоев, 2010].

Наскальные рисунки располагаются у дороги, соединяющей Сабаг и верхние кишлаки высокогорного Матчинского района. Отдельные плоскости с петроглифами можно видеть даже с дороги.

Изученность

Впервые петроглифы Сой Сабаг описаны биологами Н.Н. Воронцовым и Е.А. Ляпуновой [Воронцов, Ляпунова, 1976. С. 101 – 109.], посетившими ущелье 13 июля 1973 г. Они осмотрели и сфотографировали петроглифы на 18 камнях, а также сделали копии на кальку некоторых рисунков. Исследователи изучали выбитые на скалах рисунки Сойи Сабаг только с фаунистической точки зрения, полагая, что это скопление петроглифов уже известно археологам. Тем не менее, они попытались дать датировку рисунков на основе стилистических отличий и степени интенсивности «пустынного загара», выделив три стилистических пласта: самый древний – реалистический стиль, средний по возрасту – линейные схематизированные рисунки, и поздние изображения, выполненные «петлевидным», «геометрическим» и «прямоугольным» стилями.

В 2009 г. местонахождение петроглифов Сой Сабаг обследовано экспедицией Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша АН РТ под руководством Б.С. Бобомуллоева в рамках регионального проекта по подготовке серийной трансграничной номинации «Наскальное искусство Центральной Азии» в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. В результате полевых работ подготовлена базовая документация памятника: план расположения плоскостей с петроглифами, индексированные фотопанорамы, фотографии 122 плоскостей и их фрагментов, копии отдельных плоскостей с петроглифами.

Основной субстрат наскальных изображений.

Петроглифы выбиты на гладких поверхностях скал и их обломков, покрытых патиной коричнево-черного цвета.

Описание памятника

Петроглифы Сой Сабаг расположены очень компактно. Общая площадь распространения рисунков занимает более 0,5 га. Выделены три группы (скопления) петроглифов, различающихся положением на местности. Нумерация плоскостей велась снизу вверх и слева направо.

Численность и распространение петроглифов

Всего насчитывается около 1000 петроглифов на 122 выделенных в трех группах плоскостях.

- Группа 1. Здесь выделено 8 плоскостей, на которых нанесено 19 единичных рисунков – в основном изображений горных козлов, выполненных в «линейном» стиле. Все древние петроглифы этой группы подновлены в более позднее время.
- Группа 2. Зафиксировано 45 плоскостей с петроглифами; общее количество рисунков здесь составляет около 150, в том числе 16 композиций. Как и в первой группе петроглифов, в основном это изображения горных козлов; встречаются антропоморфные фигуры, лучники, всадники с луками, сцены охоты, лошади; три раза изображены повозки эпохи бронзы. Отмечены также две надписи, выполненные арабским письмом. Подновленные рисунки встречаются редко.

- Группа 3. Петроглифы третьей группы в свою очередь делятся на две подгруппы – 3а и 3б. На 68 плоскостях выявлено более 540 петроглифов. В группе 3а большинство петроглифов составляют сюжетные композиции. Здесь очень много изображений быка-тура, колес, зеркал с боковой ручкой и волнообразных знаков, которых нет в петроглифах 1-2 групп. В группе 3б зафиксировано много изображений козлов, быков, лучников, всадников, зеркал, волнообразных знаков, спиралеобразных знаков и знаков в виде круга. Рисунки часто перекрывают друг друга. Большинство рисунков составляют сюжетные композиции.

Техника

Изображения нанесены на поверхность камня техникой точечной выбивки с помощью острого металлического инструмента. Манера исполнения петроглифов Сой Сабаг очень разнообразна: встречаются линейные, контурные, силуэтные, контурно-линейные, линейно-силуэтные изображения.

Датировка

Древнейший пласт изображений Сой Сабаг – изображения колесниц, быка-тура, очковидных знаков, различные графические и волнообразные фигуры – относятся к эпохе бронзы, III-II тыс. до н.э. При раскопках поселения Саразм найдены костяные останки дикого быка, а также цилиндрическая печать с изображением быка. Как показали результаты специального анализа, найденный при раскопках Саразма содалит происходит из месторождения этого полудрагоценного камня в верховье ущелья Сабаг [Раззаков, 1997. 2008].

Значительное количество рисунков, выполненных в сакском «зверином стиле», датируются ранним железным веком. Рисунки, относящиеся к средним векам, единичны. В группах 1 и 2 многие рисунки подновлены в средние века и новое время.

Западная Фергана (Горы Курама и Моголтау)

Крайний север республики занимают Кураминский хребет и горный массив Моголтау, входящие в состав горных сооружений Западного Тянь-Шаня. Кураминский хребет простирается почти на 170 км. Наиболее высокая вершина Бобоиоб (3768 м) находится в северо-восточной части хребта, который понижается в юго-западном направлении, доходя до Дальверзинской равнины. Юго-западная часть хребта носит название горы Кара-мазар. Кураминский хребет отличается плавными очертаниями гребневой линии. Перевалы невысокие. У подножия хребта расстилается наклонная равнина.

На юго-запад от Кураминского хребта возвышается небольшой изолированный кряж – горы Моголтау, достигающие высоты 1623 м и простирающиеся вдоль р. Сырдарья на 40 км. Хребет Моголтау представляет собой крайний юго-западный отрог Тянь-Шаня, изолированный от Кураминского хребта Мирзорабатской депрессией [Панфилов, 1984].

Между Чаткальским и Кураминским хребтами и горами Моголтау с северо-запада, Туркестанским и Алайским с юга расположена Ферганская котловина, в плане напоминающая эллипс длиной 350 км и шириной до 150 км и в геологическом отношении соответствующая Ферганской депрессии. Замкнутая Ферганским хребтом на северо-востоке, долина только на западе имеет узкий проход, известный под названием «Ходжентские ворота», через который Сырдарья выходит в Голодную степь. В пределах Таджикистана находится западная часть Ферганской долины, сравнительно широкая на востоке и постепенно сужающаяся к западу. Поверхность ее в основном равнинная, большая часть представляет древние террасы Сырдарьи.

Высота таджикской части Ферганской котловины колеблется от 320 м на островах и поймах Сырдарьи до 800-1000 м на окружающих долину предгорьях. Сырдарья делит Ферганскую долину на правобережную и левобережную части. Правобережье в пределах Таджикистана простирается от берега реки до подножия Кураминского хребта и гор Моголтау, имеет высоту 320-500 м; левобережная часть лежит между Сырдарьей и подножием Туркестанского хребта, постепенно поднимаясь к югу до высоты 1000 м.

Преобладающие типы ландшафтов

Хребет Моголтау с юга и севера прорезан глубокими ущельями, безводными в летнее время. Важным фактором для выявления местонахождений петроглифов в горах Курама и Моголтау является наличие родников.

Численность и распространение памятников

Памятники наскального искусства известны в северной части Ферганской долины и в южной, где местонахождения петроглифов более многочисленны.

В 1970–1980-е гг. выявлением и фиксацией петроглифов Северного Таджикистана занимался О. В. Панфилов. Им открыты и исследованы сравнительно небольшие скопления петроглифов «Большой козел» (18 рисунков), Окташ (125), Дахана I (95), Чашмасор (50), Куруксай, Пангоз и Бешкотан.

По сведениям О. В. Панфилова к 1982 г. в горах Моголтау всего было зафиксировано 602 петроглифа. Наиболее крупные скопления им были отмечены в ущельях Музбет (127 рисунков), Оккана (118), Битиклик (102), Шумликсай (72) [Панфилов, 1984].

Датировка

Хронологически петроглифы таджикской части Ферганской долины охватывают большой промежуток времени, возможно, от бронзового века, от эпохи раннего железа вплоть до современности. Рисунки, исполненные в «зверином стиле», характерном для ранних кочевников, немногочисленны. Сведения об обитании в этом районе сакских племен отражены в античных источниках и подтверждаются археологическими находками. О.В. Панфилов считал, что Моголтау был периферийным районом их проживания или одним из районов сезонной скотоводческой деятельности и охоты [Панфилов, 1984]. Предполагается, что носителями сакской культуры в Западной Фергане, а также преемниками стилистических особенностей их искусства стали скотоводческие племена рубежа н.э. – середины I тыс. н.э., оставившие наскальные рисунки и курумы [Литвинский, 1972; Панфилов, 1984]. Большое количество рисунков на скалах и отдельных камнях появляется с приходом и расселением здесь в конце XVII-XVIII вв. кыргызских и узбекских племен [Панфилов, 1983]. Поздние петроглифы характеризуются упрощенной техникой исполнения, линейной манерой передачи изображений животных, преимущественно – домашних. Их количество преобладает над древними, они отличаются светлой патиной, грубой выбивкой, нанесенной иногда обломком камня.

Археологический контекст

В Согдийской области наряду с петроглифами известны такие памятники, как городища, поселения, могильники и крепости различных эпох. В горах Моголтау зарегистрированы места древних металлургических выработок.

На гребне Кураминского хребта располагаются погребальные сооружения типа *курумов* и *мухона*. По заключению В.А. Ранова [Ранов, 1960, С. 121-142], наскальные изображения Куруксай оставлены загадочными племенами, возводившими свои погребальные сооружения такого типа в Чаткальском и Кураминском хребтах. Эти сооружения датируются

Б.А. Литвинским [Литвинский, 1956, 1959] с III-II вв. до н.э. до VI-VIII вв. н.э. Поздним изображениям из Куруксая, можно найти аналогии среди петроглифов Шейдана – памятника, также расположенного в Кураминском хребте.

Наиболее важные памятники наскального искусства Западной Ферганы

Куруксай

Описание памятника

Куруксай находится в западной части Кураминских гор, вблизи границы Таджикистана и Узбекистана. Точное количество рисунков не известно. Рисунки нанесены на отдельные крупные обломки известняка или вертикальные плоскости скал, слагающих разветвленную цепь отрогов, которыми заканчивается Кураминский хребет. Петроглифы находятся на южных склонах этих отрогов, на поверхностях, покрытых плотным «пустынным загаром» скальный загар. Наблюдается несколько степеней патинизации рисунков, что указывает на одновременность изображений. Рисунки разбросаны между погребальными сооружениями *муг-хона* небольшими группами по 2-3 рисунка, а также встречаются выше по склону ущелья.

Техника

Техника исполнения различная. Широко распространена точечная выбивка; в ряде случаев рисунки шлифованы, иногда контур изображений прорезан острым металлическим инструментом.

Датировка

К древнейшим рисункам относятся изображения козлов, иногда несколько фигур на одном камне, среди которых выделяется фигура козла с большими рогами. Ко второй группе относится фигура козла в позе внезапной остановки. Встречаются изображения лисицы или волка, джейрана, джейрана (?), барса. Имеется также сцена охоты лучника на козла, которого гонит к нему собака, и фигура человека с разведенными в стороны руками. Эти рисунки относятся к раннему железному веку.

На отдельном камне изображена сцена боя двух всадников с копьями, датированная ранним средневековьем (VII в.н.э.).

Изученность

Петроглифы открыты и исследованы в 1960 г. В.А. Рановым.

Горы Моголтау

Описание памятника

Местонахождение петроглифов расположено к северо-западу от г. Ходжента у перевала Бадалбек, где проходила старинная дорога в Ташкент. Рисунки нанесены на больших остроконечных камнях. Здесь имеются изображения раскрытой ладони, крестообразной фигуры, козлов, лошадей, людей, различных предметов и сцена охоты лучника в подпоясанном полушубке в косялю с ягненком.

Наиболее интересно изображение сцены охоты на козлов всадника с маленьким луком.

Всадник изображен в широких сапогах, в головном уборе, напоминающем тибетейку, и с небольшим согдийским луком в левой руке. Самое крупное изображение – конный всадник с большим луком и стрелой; под животом лошади изображено стремя. В верхней части скалы также имеется изображение человека в сапогах с завязанными большим пучком волосами. Рисунки разновременные; наиболее ранние (человек с луком, женщина, собака, змея)

относятся к эпохе бронзы. Наиболее поздние изображения всадника с маленьким луком и лежащий козел.

Техника

Наиболее древние рисунки выполнены сплошной точечной выбивкой по силуэту, более поздние – линией без заполнения штрихами и точками.

Изученность

Памятник открыт А.Е. Маджи [Маджи, 1957, С. 79-86].

Литература

- Olufsen O. Through the Unknown Pamirs. The Second Danish Pamir Expedition 1898/99. London, 1904, p. 193-196.
- Ranov. V.A. Peintures rupestres du Pamir Oriental. International newsletter on Rock Art, № 11 1995. P. 2-3.
- Ranov. V.A. Petroglyphs of Tadjikistan. In: Tashbaeva K. et al., Petroglyphs of Central Asia. Bishkek, 2001, p. 122-150
- Trotter H. Captain Trotter's report, ch. VII, Explorations to the Pamir steppes and Wachan. 1879.
- АГАХАНИЯНЦ О.Е. *Основные проблемы физической географии Памира*. Часть I. Душанбе, 1965.
- БОБОМУЛЛОЕВ Б.С. Послание предков. Азия плюс №7(526), 17. 02. 2010 // *Тайны ущелья Сой Сабаг*. Дажджест-Пресс №6 (790), 11. 02. 2010.
- БОБРИНСКИЙ А.А. *"Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерки быта по путевым заметкам гр. А.А.Бобринского"*. – М, 1908.
- БУБНОВА М.А. Горно-Бадахшанская Автономная Область. Западный Памир (памятники каменного века – XX в.). - Душанбе, 2008. – *Археологическая карта Таджикистана*.
- ВОРОНЦОВ Н.Н., ЛЯПУНОВА Е. А. Наскальные изображения Верховьев Заравшана. – «*Природа*», 1976, N 5. С. 101 – 109.
- ДАЛЬСКИЙ Н.А. *Наскальные изображения Таджикистана*. – ИВГО, 1949, т.81 вып.2, 1949.
- ДАЛЬСКИЙ А. Н. Наскальные изображения в бассейне реки Зарафшан. – *МИА*, 1950, N 15, с. 232–240
- ИСОКОВ А. *Саразм – огози тамаддуни халки тоҷик. Панҷакентӣ Суғд*. Худжанд 2005 С.181.
- КАДЫРБАЕВ М.К., МАРЬЯШЕВ А.Н. *Петроглифы хребта Каратау*. Алма-Ата. 2007.
- КОРЖЕНЕВСКИЙ Н.А. *Ландшафты путей из Ферганы на Памир*, Ташкент, 1922.
- ЛИТВИНСКИЙ Б.А. *Древние кочевники «Крыши мира»*. М., 1972.
- ЛИТВИНСКИЙ Б.А. Изучение Курумов в северо-восточной части Ленинабадской области в 1957., *Тр. АН Тадж ССР*, СIII, 1959, С. 118-120.
- ЛИТВИНСКИЙ Б.А. Об изучении в 1955 г. погребальных памятников кочевников в Кара-Мазарских горах., *Сб. Археологические работы в Таджикистане 1955 г.* Тр. АН Тадж ССР, т. LXIII, 1956, С 39.
- ЛИТВИНСКИЙ Б.А. Курганы и курумы Западной Ферганы. *Наука*. 1972, с. 194-195.
- МАДЖИ А.Е. Наскальные Рисунки в горах Моголтау. *Известия отд. общ. наук АН Тадж. ССР*. Вып. 14, 1957. С. 79-86.
- МАНДЕЛЬШТАМ А.М. Несколько замечаний о наскальных изображениях бассейна верховьев Зарафшана. – ТИИАЭ АН Тадж. ССР, 1956, вып.42, с. 195–201. *Сб. статей, посвященных искусству Таджикского народа*, Душанбе, 1956, стр. 195–196.
- ПАНФИЛОВ О. В. Исследования петроглифов Моголтау в 1982 г. – в кн.: *Археологические работы в Таджикистане*. Вып. XXII (1982). Душанбе, 1990, С. 91-102.

- ПАНФИЛОВ О.В. Сакские мотивы в петроглифах Моголтау. – в кн.: *Скифо-сибирский мир (искусство и идеология)*. Кемерово, 1984, С. 54-55.
- ПАНФИЛОВ О.В. Страницы истории Моголтау. – в кн.: *Советский Киргизстан: страницы истории и современность*. – Фрунзе: Илим, 1984, с. 218-219.
- РАЗОКОВ А. *Саразм*. Душанбе. 2008.
- РАЗОКОВ А. Сангнигораҳои сарғахи Зарафшон. Петроглифы Верховья Зеравшана. *Дайри Мугон*. N2-8. 1997. с. 24-25
- РАНОВ В.А. Новые наскальные изображения в кураминском хребте. *Сб. статей, посвященных искусству Таджикского народа*, Душанбе, 1960, С. 121-142.
- РАНОВ В.А. Наскальные рисунки у кишлака Лянгар (Западный Памир). *Изв. отд. общ. наук АН Таджикской ССР*, вып.1 (22), 1960 с. 19-40.
- РАНОВ В.А. Изучение наскальных изображений Западного Памира в 1972 г. *Арх. Раб. в Таджикистане*, вып. 12 (1972 г.), Душанбе, 1976, с. 5-21.
- РАНОВ В.А., ЖУКОВ В.А. Петроглифы на р. Северная Акджилга (Восточный Памир). *Археологические открытия 1971 года*. М., 1972, С. 540-541.
- РАНОВ В.А. Рисунки каменного века в Гроте Шахты. *Советская этнография*. 1961. № 6. С. 70-81.
- РАНОВ В.А., ГУРСКИЙ А.В. Краткий обзор наскальных рисунков Горно-Бадахшанской Автономной Области Таджикской ССР. *Советская этнография*, № 2, 1966, С. 110-119.
- РАНОВ В.А. *Археологи на Крыше мира*. Душанбе. 1967.
- РАЦЕК В.И. Этнографические и археологические наблюдения в высокогорных районах Тянь-Шаня и Памира". *ИВГО*, вып.4, 1947. С. 416-468.
- САПОЖНИКОВ Г.Н. ПАНФИЛОВ О. В. Зоологическая интерпретация петроглифов Дашти-Эйматк (Верхний Зеравшан). *ИАН Тадж ССР*. Отд. Биол. Наук, N4 (89), 1982, стр. 71-76
- СИДОРОВ Л.Ф. *Природа Памира в четвертичное время*. Л., 1979.
- Танасийчук В. Загадка Памира. *Наука и жизнь*, 1967. С. 111-125.
- ЩУКИНА И.С., ГИЛЬЯРОВА М.А. *Таджикистан. Материалы таджикско-памирской экспедиции 1933г.* Л. 1936г.

Иллюстрации см. на стр. 173

Памятники наскального искусства Туркменистана

Эджегуль Мурадова

На территории Туркменистана памятники наскального искусства выявлены в двух районах – на севере страны, у южной оконечности плато Устюрт, в Присарыкамышской дельте, и на юго-западе – в долине р. Чандыр (приток р. Сумбар), в юго-западных отрогах хребта Копетдаг.

Петроглифы Северного Туркменистана (плато Устюрт, возвышенность Бутентау)

Географическая характеристика района

Южные чинки Устюрта образуют линию государственных границ Туркменистана и Казахстана. Обрывистые чинки Устюрта поднимаются над окрестными равнинами, местами в виде отвесной стены высотой около 300 м.

Восточнее Устюрта лежит целая страна невысоких плосковерхих и пустынных гор – Джантак, известная также под названием Заузбойского складчатого района. Присарыкамышская дельта является древней верхнечетвертичной дельтой Аму-Дарьи и представляет собой плоскую песчано-суглинистую равнину, простирающуюся от низовьев Аму-Дарьи до Сарыкамышского озера. Присарыкамышская дельта на северо-востоке постепенно сливается с Приаральской дельтой Аму-Дарьи. На юге она граничит с возвышенной песчаной равниной – Заунгузскими Каракумами, а на севере ограничена чинками Устюрта. Общая протяженность ее равна 160 км в широтном и 120 км в меридиональном направлении.

На территории дельты, непосредственно примыкающей к Сарыкамышскому озеру, расположен ряд останцевых возвышенностей платообразного типа, сложенных третичными морскими отложениями. В верхней части они состоят из слоистой толщи известняков, гипсов и мергелей миоцена. Эти возвышенности имеют общее геологическое строение с плато Устюрт и составляли с ним одно целое в дохвалыновское время. Прилегающая к возвышенностям равнинная поверхность Присарыкамышской дельты расчленяется многочисленными древними руслами. Многие из них, такие как ДAUDAN, ДАРЬЯЛЫК хорошо выражены в рельефе и прослеживаются на десятки километров.

Наиболее крупными останцевыми возвышенностями с крутыми или обрывистыми склонами являются Бутентау, Тарым-Кая, Зенги-баба, Канга-гыр, Туз-гыр. В двух из них – Бутентау и Тарым-кая, а также в южных обрывах чинков Устюрта, в прослойках алевроито-известковых пород неогенового возраста толщиной 1,3-1,5 м на высоте 15-20 м от верхнего края осыпи, закрывающих подножие возвышенностей, расположены искусственные пещеры с многочисленными наскальными изображениями.

Состояние изученности

Первые памятники наскального искусства в Северном Туркменистане были открыты в 1950-х гг., руководителем Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР С.П. Толстовым. В 1951 году он обследовал одну из пещер чинка Бутентау и по находкам керамики датировал пещерные поселения ранним средневековьем. В 1956 году сотрудники Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР, А.В. Гудкова и Е. Вижанов совместно с опытными альпинистами произвели спуски в несколько пещер и сделали их описание. В одной из пещер найден сосуд XII-XIII вв. и изображения тамг на стенах. С 1974 по 1994 гг. изучение пещерных поселений в обрывах Устюрта, Бутентау и Тарым-каля проводилось различными группами спелеологов под руководством И.В. Черныша, которыми обследовано более 200 пещер и выявлено около 600 заваленных входов в них (Оразов, 2007, с. 126-131).

Бутентау

Местонахождение

Возвышенность Бутентау расположена в 15 км к югу от чинка Устюрта, между двумя протоками Сарыкамышской дельты р. Дарьялык. С северо-запада на юго-запад Бутентау имеет длину около 30 км, в поперечном направлении – 5-6 км. Возвышенность со всех сторон ограничена чинками, достигающими наибольшей высоты около 50 м в южной и юго-западной частях. На северо-востоке останцевой возвышенности чинки снижаются до 20 м. У подножия северо-восточного склона Бутентау проходит русло Дарьялык, а вдоль юго-западного один из его протоков – Кичкине-Дарья.

Кырк-дешик находится в Туркменбашинском этрапе, в 72 км западнее города Куняургенча, на юго-восточном углу возвышенности Устюрта.

Описание памятника

На южной оконечности чинка находится мазар Ибраим-Медем, связанный с легендарным арабом Ибрагимом, который по преданию принес в эти места ислам и сотворил в один день возвышенность Бутентау. С этим преданием связан один из вариантов перевода Бутентау – "пришедшая гора".

В юго-восточном и северо-западном обрыве Бутентау расположены искусственные пещеры. Они расположены группами с большими разрывами (до 5 км), но вдоль юго-восточного чинка пещеры образуют непрерывную линию протяженностью около 3,5 км. Это Кырк-дешик. Напротив этой группы пещер расположена раннесредневековая крепость Адак, на месте которой выстроена позднесредневековая крепость Ак-кала, развалины которой хорошо сохранились до наших дней. На вершине Бутентау, у ее северной оконечности, расположены остатки двух античных крепостей – Бутентау-кала 1 и Бутентау-кала 2.

Пещеры вырублены в слое мергеля мощностью 1,3-1,5 м и местами расположены в два яруса на высоте около 5 м один от другого. У основания возвышенности почти повсеместно образовались мощные осыпи, состоящие из обломков породы и продуктов ее разрушения. Пещеры практически недоступны снизу и сверху, так как вырублены на совершенно отвесных участках чинков, часто под выступающими на два-три метра карнизами. С его юго-восточной стороны Бутентау зафиксировано 228 входов первого яруса и 51 вход второго яруса. Каждая пещера имеет от одного до двенадцати входов и от одной до шести комнат. Всего обследована 91 пещера нижнего яруса и 28 пещер в нижнем ярусе.

Петроглифы вырезаны на обломках скал, на стенах чинков и на внутренних стенах пещер. Кроме петроглифов были обнаружены знаки похожие на руническое письмо. Рисунки и рунические знаки прорезаны острым инструментом в известняковой породе на глубину от 0,1 мм до 2 см. Камни с изображениями, находящиеся у подножия возвышенности, покрыты

"пустынным загаром" разной интенсивности. Часто встречается наложение рисунков друг на друга, что может указывать на их разновременность. Петроглифы Присарыкамышья разнообразны как по тематике, так и по стилю. Преобладают линейно-геометрические композиции, имеются изображения людей и диких животных.

Датировка

При обследовании пещер обнаружены различные предметы быта, керамика XII-XIII вв. и рукопись XV в., которые определяют вероятный возраст основной части наскальных изображений в пещерах. Предполагается также, что какая-то часть петроглифов может датироваться более ранними историческими периодами. (Толстов, 1958, с.84, иллюстр. 38).

Беш-дешик

Местонахождение

Памятник находится в Туркменбашинском этрапе, недалеко от дома отдыха «Ак-алтын»; в чинке Устюрта, между мысами Чал-бурун и Декча.

Описание памятника

В отвесной стене чинка Устюрта, на мысе Декча расположены входы в обширную, вырубленную в скале пещеру. На стенах пещеры – большое количество процарапанных рисунков. В основном это изображения животных, лодки, а также различные солярные знаки. Имеются также надписи на арабском и среднеперсидском языках (А.Оразов. Пещерные поселения Северного Туркменистана // Мирас, 1/2007, с.130).

Датировка

X-XII вв.

Охрана и управление

На основании "Закона Туркменистана об охране памятников истории и культуры Туркменистана" от 19 февраля 1992 года памятники Кырк-дешик и Бяш-дешик состоят на учете и находятся под охраной Государственного историко-культурного заповедника "Куны-Ургенч". Программа мониторинга состояния памятника отсутствует. В связи с тем, что памятники расположены на недоступной (без технического снаряжения) плоскости обрыва, петроглифы для туристического посещения не доступны.

Памятники наскального искусства Юго-Западного Туркменистана

Географическая характеристика района

Атреко-Сумбарский географический район находится на крайнем юге Западного Туркменистана, в бассейне рек Атрек и Сумбар. Река Атрек начинается с южных склонов Западного Копетдага в Иране и впадает в Каспийское море. Истоки реки расположены на высоте 2000 м. Самым крупным притоком Атрека является Сумбар, в верхнем течении которого в него впадает р. Чандыр. Это район сухих субтропиков. Южные склоны долины Чандыр поросли субтропической растительностью, а на ее северных берегах выступают обнаженные скалы – серые, зеленые и бурые известняки. Природный ландшафт поразительно однообразен и уныл. По всем этим голым печальным склонам нет никакой воды. Земля обычно каменистая, сухая. Лишь весной, в период дождей и селей, Чандыр и Сумбар превращаются в бурные речки. Долина Чандыр значительно маловоднее Сумбарской и родников здесь меньше; в летний период река пересыхает на всем своем протяжении. В верховьях р. Сумбар образуются небольшие участки поймы и надпойменных

террас с осочковой растительностью на лугово-болотных почвах. На орошаемых светлых и темных сероземах долин Сумбара и Чандыра расположены оазисы. Чандыр берет начало на территории Ирана, и при более благоприятных условиях климата в древности этот участок мог использоваться в системе караванных путей сообщения. (Советский Союз. Туркменистан. М., 1969).

Хребет Монжуклы (1000-1280 м над у.м.) защищает долину Чандыр от северных ветров. Лето здесь жаркое, но не изнурительно знойное. Зима мягкая, снега в долине почти не бывает; морозы – явление крайне редкое. Годовое количество осадков - 229 мм. Средняя годовая температура +17,1 градуса. (Бабаев, Батыров, Лавров, 1994).

Растительность долины Чандыр характерна для сухих субтропиков. Древесно-кустарниковая растительность, связанная с грунтовой водой, занимает, главным образом, днища оврагов и тянется узкой лентой вдоль русел водных потоков. По открытым склонам произрастает ряд однолетних эфемерных или многолетних более устойчивых трав. Здесь произрастает полынь, мавзолея, солянка, гребенщик, тростник южный; встречается несколько видов люцерны, растет горошек шпорцевый, ежевика, боярышник туркменский. Среди грибов есть и шампиньоны. Весной растительность долины богаче за счет преобладания эфемерной и полуэфемерной флоры. В летний период травяной покров скудеет.

Бурый медведь постоянно не обитает на территории Туркменистана, но заходит из Северного Ирана в Юго-Западный Копетдаг между Сумбаром и Чандыром и встречается от Койне-кесыра, ущелья Ай-дере и в ущельях по долине р.Чандыр. Редко по Сумбару и Чандыру встречался тигр; ареал вида и подвида каракал (отряд хищные, семейство кошачьи) охватывает долины Атрека, Сумбара и Чандыра. В июне 1975 г. в ущелье Сюлюкли Чандырской долины наблюдали самку леопарда или барса с двумя молодыми. В 50-60-х годах XX в. джейраны были многочисленны в Юго-Западном Туркменистане, но в настоящее время их нет. В конце XIX в. в нижнем течении Чандыра обитал турач (отряд курообразные, семейство фазановые). В долинах рек Сумбар, Чандыр, Атрек sporadически встречается желтобрюхий полоз (подотряд змеи, семейство ужовые). Кобра населяет долины Сумбара и Атрека. Область распространения мышевидной сони ограничена долинами рек Сумбар и Чандыр; здесь же встречается малый подковонос (летучая мышь). В бассейнах Атрека и Сумбара обитает выдра. (Красная книга..., 1985).

Безegli-дере (долина р. Чандыр)

Местонахождение

Памятник расположен в Балканском велаяте (область), Каракалином этрапе (район), в 1,5-2 км юго-западнее поселка Дардали (Гызыл-Ымам), в урочище Мейлис сай, находящемся в долине р. Чандыр. Географические координаты: в.д. 55° 56'50", с.ш. 38°10' 20"; альтитуда – около 1000 м над у.м.

Состояние изученности

Наскальные рисунки в одном из ущелий долины реки Чандыр, вблизи аула Кизыл-Имам, были открыты в 1931 г. А.П. Поцелуевским в ходе полевых исследований, проводившихся экспедицией Туркменкульта в Каракалином районе. Специальное обследование рисунков продолжено в 1946 г. группой сотрудников Института истории, языка и литературы ТуркменФАН СССР с участием проф. А.П. Поцелуевского и А. Курбанова. В результате их исследований было установлено, что большинство наскальных изображений находится в четырех скальных навесах, три из которых расположены в ущелье Кичи Безegli-дере (туркм. "малая долина с украшениями"), четвертая – в ущелье Улы Безegli-дере (туркм. "большая долина с украшениями"). (Поцелуевский, 1975, с. 319-330).

В 2007 г. памятник обследован краеведом В.И. Кузнецовым, выполнившим фотосъемку основных плоскостей с наскальными рисунками Безегли-дере. В 2009 г. обследование и документирование (фотографирование и описание) наскальных росписей Кичи Безегли-дере и Улы Безегли-дере проведено археологом Э.А. Мурадовой (Национальное управление Туркменистана по охране, изучению и реставрации памятников истории и культуры Министерства культуры Туркменистана).

Описание памятника

Местонахождения наскальных рисунков Кичи Безегли-дере и Улы Безегли-дере находятся на скалах каньона - русла реки Чандыр - на расстоянии 1,5-2 км друг от друга. Вода и небогатая травянистая растительность появляются здесь только в весеннее, паводковое время и сохраняются до наступления летней жары.

Наскальные росписи Кичи Безегли-дере и Улы Безегли-дере занимают в основном вертикальные поверхности скал, как закрытые (навесы), так и открытые; рисунки встречаются также на отдельных валунах. Основной субстрат – арагонит, поверхность которого сравнительно легко подвергается дефляции и разрушению. В Кичи Безегли-дере скопление росписей отмечается на трех участках, условно обозначенных как I-III группы, в которых выделено всего 45 плоскостей со 133 рисунками. Размеры поверхностей с росписями различные: от 25х20 см до 150х140 см. В Улы Безегли-дере выделяется два участка, или I и II группы, с 30 плоскостями, на которых зафиксировано 164 рисунка. Основное скопление росписей находится на одной скальной поверхности, условно разделенной на несколько плоскостей с разновременными и разнотипными рисунками. Рисунки есть также на другой скале и на валунах.

Все рисунки Безегли-дере выполнены, по-видимому, минеральной краской (охрой) разных цветов и оттенков: оранжевого, бордового, бордового с фиолетовым, ярко-бордового, темно-бордового, красного, ярко-красного, темно-красного, красно-коричневого, темно-коричневого и черного. Разновременные рисунки различаются по цвету, оттенкам краски и по степени сохранности.

В обоих местонахождениях встречаются силуэтные и контурные изображения. Преобладают рисунки высотой в среднем около 20 см. Важно отметить наличие палимпсестов – изобразительных поверхностей с перекрывающимися друг друга разновременными изображениями. В художественном исполнении для росписей Безегли-дере характерен схематизм и отсутствие детализации фигур.

Репертуар

Для наскальных росписей Безегли-дере характерна простота сюжетов, в которых представлены антропоморфные, зооморфные изображения и знаки. Имеются одиночные изображения домашних животных: козлов, лошадей, верблюдов. Козлы показаны в статичном состоянии, с массивными, дугообразными рогами, поднятым кверху хвостиком. Здесь нет изображений диких лошадей; представленные на скалах Безегли-дере лошади использовались под верховую езду. На некоторых из них показаны седла; например, в Улы Безегли-дере в сцене конной "скачки". В обоих местонахождениях имеются изображения одногорбого верблюда - дромадера.

Соотношение разных видов изображений на скалах обоих местонахождений Безегли-дере представлено ниже:

Изображения	Кичи Безегли-дере (в %)	Улы Безегли-дере (в %)
антропоморфная фигура	12,8	15,3
всадник на коне	15,8	25
всадник на верблюде		1,2
верблюд	9	15,9
лошадь	3	12,2
кулан (осел)	3,8	
козел	31,6	12,2
архар	5,3	
джейран	0,75	
собака	3,8	3,7
хищники	0,75	1,8
змея		0,6
знаки	6,7	3
неопределенные фигуры	6,7	9

Основные темы наскальной живописи Кичи Безегли-дере представлены сценами охоты или сценами, связанными со скотоводством. Наскальные композиции Улы Безегли-дере также в основном носят повествовательный характер: пастьба скота, всадники, караван верблюдов, сцена охоты, конные скачки, сцена пахоты(?) и др. Интерес представляет изображение на плоскости 5 сцены охоты человека с примитивным ружьем на сошках (*мултук*) на диких козлов.

Датировка

Определение этнокультурной принадлежности и возраста наскальных изображений Безегли-дере в настоящее время вызывает затруднения. Современное туркменское (гоклёны) население долины Чандыр в своих народных преданиях связывает эту живопись с племенем герейли. Древнее кладбище, находящееся недалеко от аула Гызыл-Имам, называется герейлинским. Вертикально-поставленные каменные надгробные столбы и фертообразные стелы этого кладбища сходны с «каменными бабами» или балбалами. «Последние исторически известны у орхонских турок, выступивших на исторической арене в VI в.н.э., а установка этих каменных истуканов до XIII века включительно у некоторых других тюркских народов засвидетельствована письменными источниками». (Массон, 1949, с.51-52).

По сведениям известного знатока туркменской старины Г.И. Карпова, племя герейли, пришедшее из Афганистана, было вытеснено из Чандырской долины туркменами-гоклёнами в XVII в. Большая часть герейлинцев переселилась в Иран, где их потомки живут в настоящее время в Хорасане и других провинциях. Другая часть была ассимилирована и вошла в состав некоторых туркменских племен, главным образом, гоклёнов (родовая группа карнас в отделе гайы) и эрсаринцев (в отделе гуныш). Имеется также группа герейлинцев, живущая на острове Челекен среди иомудов, но не причисляющая себя к ним. (Карпов, 1941, с. 23).

Присутствие в репертуаре наскальных росписей долины Чандыр изображений верблюдов-дромадеров позволяет датировать эти композиции временем после арабского завоевания, хотя на территории Туркмении известны находки костей дромадера, относящихся к парфянскому времени (Игды-кала). Наконец, изображение ружья на сошках в Улы Безегли-дере указывает на возраст какой-то части росписей не ранее XVI в. Наличие палимпсестов свидетельствует о длительности традиции создания рисунков, наиболее поздние из которых относятся, вероятно, к XVIII-XIX вв.

Охрана и управление

На основании «Закона Туркменистана об охране памятников истории и культуры Туркменистана» от 19 февраля 1992 года местонахождение Безегли-дере состоит на учете и под охраной Государственного историко-культурного заповедника «Древний Дехистан». Программа мониторинга состояния памятника отсутствует. В связи с тем, что памятник расположен в пограничной зоне Туркменистана, наскальные изображения Безегли-дере для туристического посещения не доступны.

Современное состояние памятника

Основные угрозы сохранению наскальной живописи Безегли-дере связаны с воздействием природных факторов разрушения: многие поверхности скал с рисунками подвергаются растрескиванию и выветриванию; происходит отслоение поверхностной корки.

Литература

- БАБАЕВ А., БАТЫРОВ А., ЛАВРОВ А. *География Туркменистана*. Ашхабад, Магарыф, 1994.
- БАЙПАКОВ К.М., МАРЬЯШЕВ А.Н. *Петроглифы Баян-Журека*. Алматы, 2008.
- КАДЫРБАЕВ М.К., МАРЬЯШЕВ А.Н. *Наскальные изображения хребта Каратау*, Алма-Ата, Наука, 1977.
- КАРПОВ Г.И. *Краткие справки о туркменских родоплеменных объединениях, их численном составе и расселении*. Ашхабад, 1941. – с. 23.
- Красная книга Туркменской ССР*. том. I, Ашхабад, Туркменистан, 1985.
- МАРЬЯШЕВ А.Н., РОГОЖИНСКИЙ А.Е. *Наскальные изображения в горах Ешкиолмес.- Алма-Ата, Гылым, 1991.*
- МАСОН М.Е. О происхождении некоторых каменных могильников Южного Туркменистана // *Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, выпуск I*, Ашхабад, 1949. - с.51-52).
- ОРАЗОВ А. Пещерные поселения Северного Туркменистана // *Мирас*, 1/2007, с. 126-131.
- Памятники наскального искусства Центральной Азии*. Общественное участие, менеджмент, консервация, документация. – Алматы, 2004.
- ПЕЛИХ Г.И. О методе научной классификации сибирских петроглифов. *Советская этнография*, 1968, N 3.
- ПОПОВ М.Г. Очерк растительности некоторых ущелий Каракалинского района // *Материалы по истории, географии и этнографии отдельных районов Туркмении*. А., 1927.
- ПОЦЕЛУЕВСКИЙ А.П. Наскальные изображения в долине реки Чандыр(предварительное сообщение)// *Известия Туркменского филиала АН СССР*, 1948, N 1. – с.3-10.
- ПОЦЕЛУЕВСКИЙ А.П. Наскальные изображения в долине реки Чандыр // *Поцелуевский А.П. Избранные труды*. Ашхабад, Ылым, 1975.- с. 319-330.
- РАНОВ В.А. Наскальные рисунки у кишлака Лянгар (Западный Памир) // *Известия АН Тадж.ССР*, 1960, N 1(22).
- Советский Союз*. Туркменистан. М., 1969.
- ТОЛСТОВ С.П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949-1953 гг. // *Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции*. Том II, М., 1958. - с.84, иллюстр. 38).

Иллюстрации см. на стр. 177

Памятники наскального искусства Узбекистана

Муриддин Хужаназаров

Наскальные рисунки – петроглифы и росписи – являются одним из распространенных видов археологических памятников Узбекистана, территория которого сочетает в себе полупустынные, предгорные и горные ландшафты. Большие площади восточной и центральной части республики заняты горными массивами Алая, Западного Тянь-Шаня, Гиссарским, Зарафшанским и Нуратинским хребтами. Даже Кызылкумы, о которых порою еще бытует ошибочное мнение как о беспредельной пустыне, изобилуют горами и ущельями. И всюду в горах, на подходящих для нанесения рисунков гладких поверхностях, на известняковых, сланцевых, гранитовых, песчаниковых скалах можно обнаружить выбитые или нарисованные фигуры или целые сюжетные композиции. Рисунки встречаются и под навесами, и в нишах. Пещерные рисунки пока здесь не встречены.

По количеству петроглифов и разнообразию их репертуара Узбекистан не уступает другим странам Центральной Азии. Эти богатые «картинные галереи» под открытым небом оставлены народами и племенами, населявшими страну в глубокой древности.

В настоящее время в горных и предгорных районах республики обнаружено более 150 памятников наскального искусства, возраст которых определяется от эпохи мезолита до позднего средневековья. Петроглифы сконцентрированы в основном в центральной (Нуратинский и Зарафшанский хребты), северо-восточной (Западный Тянь-Шань, Туркестанский и Алайский хребты, Ферганская долина), северо-западной (центральные Кызылкумы, горы Букантау, Тамдытау, Султан-Увайс, Кульджуктау) и южной (хребет Кугитанг) частях Узбекистана. Наибольшей концентрацией памятников с огромным количеством разновременных рисунков выделяются центральный и северо-восточный районы республики; здесь следует заметить, что памятники наскального искусства Северо-Западного Тянь-Шаня и Ферганы в историко-культурном контексте неотделимы от памятников тех же историко-географических зон, расположенных сегодня на территориях соседних республик – Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана.

Среди известных памятников наскального искусства Узбекистана численно преобладают местонахождения петроглифов, хотя памятники, где рисунки выполнены краской, обнаружены практически во всех перечисленных районах. Наиболее известны красочные изображения грота Зараут-камар (хребет Кугитангтау), навесов Сийпантас (южный склон Зарафшанского хребта), Аксаклатасай и Сангиджумасай (Нуратинский хребет); живопись Зараут-камара, Сийпантас и Аксаклатасай, возможно, относится к поздним периодам каменного века (мезолит? неолит), что позволяет считать их одними из древнейших памятников наскального искусства Центральной Азии. В составе небольшого местонахождения петроглифов в Ходжакенте (Чаткальский хребет) выделяются изображения, предположительно датирующиеся энеолитом (IV-III тыс. до н.э.).

Уникальными и одновременно наиболее изученными являются местонахождения петроглифов Сармишсай, Янгиарыксай, Варзик, Ходжакент, Каракиясай, Сайхансай, Тусинсай, Бургансай, Аксаклатасай, Букантау и многие другие. Три памятника представлены в Предварительном Списке Всемирного наследия ЮНЕСКО от Узбекистана – Сармишсай, Зараут-Камар и Сийпантас – и являются потенциальными объектами мирового культурного наследия.

Наскальные изображения на территории Узбекистана были впервые обнаружены в горах Букантау П.И. Демезоном, посетившим внутренние Кызылкумы в составе русской армии в 1834 году (Оськин, 1985, с. 4); его можно считать первооткрывателем наскальных изображений на территории Средней Азии. Однако научное изучение петроглифов Узбекистана в действительности началось лишь в XX в. и продолжается до настоящего времени.

Памятники Северо-Западного Узбекистана

Горы Букантау

Местонахождение. Горы Букантау находятся в 50-60 км к северу от г. Учкудук, в Учкудукском районе Навоийской области, и расположены в самом центре пустыни Кызылкум. Характерной особенностью Внутренних Кызылкумов является наличие значительного числа невысоких горных возвышенностей, чрезвычайно оживляющих пустынный пейзаж. Наибольшая абсолютная высота Букантау 764,3 м над уровнем моря. В этом горном массиве петроглифы встречаются почти у всех колодцев и родников (родник Бохали, колодец Аякджарлыкап, Джингельды, Аргабай, урочища Уру, Чили, Аркар, Кырбукан, Косеем, Оразали, Отчиккан, Ойбохансай) (Оськин, 1985, с. 8-9). В некоторых местах выбитые на скалах изображения встречаются на всем протяжении многокилометровых долин.

Изученность. Петроглифы Букантау были впервые обследованы в 1972 г. археологом А.В. Оськиным, и в дальнейшем с 2002 г. изучались М. Хужаназаровым и А. Развадовским (Хужаназаров, Развадовский, 2003, с.196-2002). Исследователями были выборочно сделаны копии и фотографии петроглифов.

Работами узбекских геологов и Хорезмской экспедиции ИИМК АН СССР в местах скоплений петроглифов обнаружены древние выработки бирюзы и меди. Среди подъемного материала много изделий из кремня, а также керамики разных исторических периодов.

Ниже приводится описание основных местонахождений петроглифов гор Букантау.

Бохали (Бакали)

Основные изображения Бохали – люди, горные козлы, хищники, быки, верблюды, лошади и много арабских надписей. В Бохали встречаются также рисунки всадников, людей с луками, знаки, «изображения солнца», выполненные в виде окружности, разделенной на четыре равные части. Наиболее многочисленными являются изображения бактриана. Встречаются фигуры «хвостатых» людей в птичьих масках. Большинство рисунков покрыто плотным слоем пустынного загара. По степени загара и стилистическим признакам выделяется несколько пластов петроглифов. К древнейшим относятся рисунки, неотличимые по плотности загара от остальной поверхности камня. Наскальные изображения родника Бохали выполнены в технике гравировки, точечной техники, технике протирания поверхности камнем и процарапывания камнем и металлом. Основной массив петроглифов А.В. Оськиным датирован эпохой бронзы (Оськин, 1985, с.10-15). Однако, здесь выявлены некоторые композиции, которые можно отнести к более раннему времени - неолиту.

Уру

В этом урочище также встречаются разные изображения людей и животных. Здесь преобладают линейно-схематические рисунки горных козлов, верблюдов, лошадей, антропоморфных фигур и изображения различных знаков. Ранние петроглифы представлены антропоморфными изображениями II тыс. до н.э., наиболее поздние – могут

датироваться эпохой средневековья и современным периодом. Несколько изображений бактрианов имеют яркие стилистические признаки скифо-сибирского звериного стиля. Петроглифы урочища Уру выполнены в технике гравировки, точечной технике, технике протирания и процарапывания камнем и металлическими инструментами. Многие рисунки подновлены и повреждены современными автографами. Обследование петроглифов проводилось в 1970-е годы А.В. Оськиным.

Чиили

Немногочисленные рисунки находятся на скальных выступах, на склонах ущелья. В основном здесь представлены изображения двугорбых верблюдов, лошадей и быков, датирующиеся эпохой бронзы. Много изображений силуэтов человеческой стопы и орнаментальных мотивов меандрового типа, относящихся ко II тыс. до н.э. Имеются несколько фигур кошачьих хищников и оленя, тяготеющих к сакскому времени. Рисунки сильно покрыты пустынным загаром. Петроглифы урочища Чиили выполнены в технике гравировки, точечной техникой, техникой протирания и процарапывания камнем и металлическим инструментом. Обследование петроглифов проводилось в 1970-е годы А.В. Оськиным.

Аркар (Архар)

Комплекс расположен в верховьях долины. Сюжеты рисунков разнообразны. Имеются изображения козлов, лошадей, ослов, быков, барсов, верблюдов, волков, собак и лис. Рисунки сильно покрыты пустынным загаром. Основная часть петроглифов датируется эпохой бронзы. Здесь же выявлены две композиции, которые могут датироваться более ранним периодом. Значительное число фигур относится к сакскому времени. Петроглифы урочища Аркар выполнены в технике гравировки, точечной техники, технике протирания и процарапывания камнем и металлическим инструментом. Обследование петроглифов проводилось в 1970-е годы А.В. Оськиным.

Кырбукан

На этом местонахождении зарегистрировано 576 фигур. Рисунки расположены по правому берегу сухого ущелья. Их можно разделить на две части: основной комплекс и отдельные скопления рисунков, расположенные в разных местах ущелья. Основной комплекс компактный и выглядит самостоятельной группой. Репертуар петроглифов Кырбукана отличается разнообразием: здесь можно видеть антропоморфные фигуры, изображения животных, птиц, солярных символов, а также много арабских и современных надписей. Стратиграфический анализ позволил А.В. Оськину определить последовательность создания рисунков на каждом камне. В результате исследования выделено несколько опорных пластов, на основе которых была проведена обобщенная датировка петроглифов основного комплекса. Первый этап формирования памятника датируется эпохой бронзы (II – начало I тыс. лет до н.э.); петроглифы представлены «скелетными», контурными и силуэтными антропоморфными изображениями в звериных и птичьих масках, с хвостами. Второй этап относится к эпохе раннего железа (I тыс. лет до н.э.) и представлен изображениями животных семейства кошачьих с выделенными мощными загривками, спиральными хвостами и специфической позой хищника. Третий этап создания петроглифов может датироваться рубежом новой эры. Наряду с древними петроглифами выделяются современные гравировки.

Охрана и управление. Памятники номинально состоят на государственном учете, под охраной местных органов власти Навоинской области Республики Узбекистан. Однако границы памятников и охранных зон не определены, физическая охрана памятников отсутствует.

В последние годы по инициативе некоторых туристических фирм делаются попытки организации охраны петроглифов Кырбукан и Бохали и использования их как объекта экотуризма.

Современное состояние памятников. Памятники расположены вдалеке от центральных районов и основных транспортных магистралей, поэтому считаются труднодоступными. Однако здесь находится много фермерских животноводческих хозяйств; местное население продолжает создавать на скалах автографы и рисунки, тем самым зачастую нанося ущерб древним петроглифам. Отмечены также природные повреждения петроглифов: эрозия поверхности камня и покрытие мхом и лишайниками.

Памятники Зарафшанской долины (горы Нуратау, Зарафшанский хребет)

Зарафшанская долина расположена в центральной части территории Узбекистана и ограничивается западными отрогами Зарафшанского (горы Нуратау) и Туркестанского (Зирабулак-Зиядинские горы) хребтов. В этом районе сосредоточено большое количество археологических памятников разных эпох, в том числе местонахождений наскальных рисунков.

В числе наиболее известных и репрезентативных местонахождений петроглифов Узбекистана следует выделить Сармишсай – крупнейший памятник наскального искусства на территории республики, являющийся своего рода ядром целого района в среднем течении р.Зарафшан, где концентрируются более 50 других местонахождений Нуратинского хребта.

Значительный вклад в изучение петроглифов Зарафшанской долины и Узбекистана в целом внес Ж. Кабиров, проделавший в 1963-1976 гг. большую работу по выявлению и обследованию новых местонахождений петроглифов Западного Тянь-Шаня, Нуратинского хребта и Алая. На протяжении ряда лет Ж. Кабировым исследовались петроглифы Сармишсая, открытые в горах Нуратау еще в 1958 г. С 1987 года М. Хужаназаровым проводится изучение наскальных изображений Нуратинского хребта и его отрогов Актау и Каратау; изучение памятников этого района продолжается и в настоящее время. К числу наиболее изученных местонахождений петроглифов Узбекистана и всей Центральной Азии относится комплекс Сармишсай (Ташкенбаев. 1966; Кабиров. 1976; Шер. 1980; Хужаназаров. 1998; Lasota-Moskalewska, M.M.Hudjanazarov. 2000; Rozwadowski. 2003. и др). Хронологический диапазон рисунков Сармишсая и ряда других памятников этого района охватывает практически все исторические эпохи развития наскального изобразительного творчества Средней Азии – от неолита (?) и энеолита до нового времени.

Сармишсай

Местонахождение. Сармишсай находится в 35 км к северо-востоку от г.Навои, в Новбахорском районе Навоийской области, на южном склоне гор Каратау, входящих в систему Нуратинских гор, являющихся северо-западными отрогами Туркестанского хребта. Эти горы считаются невысокими и самыми западными на территории Средней Азии. Наивысшая отметка хребта Каратау достигает 1200 м. над уровнем моря (Хужаназаров, 2004, с.109-120).

Нуратинский хребет окаймляет с севера плодородную долину р.Зарафшан, отделяя ее в среднем течении от песчаной пустыни Кызылкум. По природно-климатическим условиям

район относится к зоне горных пустынь с засушливым резко континентальным климатом. Растительный мир разнообразен и представлен примерно 650 видами растений, 27 из которых являются эндемиками. Южные склоны хребта Каратау (протяженность около 80 км, абсолютная высота 700-1100 м над у.м.) расчленены эрозионными долинами притоков р.Зарафшан. Самая крупная долина – Сармишсай – берет начало в наиболее высокой части гор и имеет протяженность около 30 км. Среди других долин Каратау Сармишсай выделяется особенно благоприятными экологическими условиями для обитания как подвижных скотоводческих, так и оседлых земледельческих групп населения.

Изученность. Петроглифы Сармишсай были впервые обследованы в 1958 г. археологом Х.И.Мухаммедовым и в дальнейшем изучались узбекскими учеными Н.Х.Ташкенбаевым (Ташкенбаев. 1966) и Ж.Кабиловым (Кабилов. 1976). С 1980-х и до настоящего времени изучение памятников Сармишсай и гор Нуратау проводится под руководством М.М.Хужаназарова с участием узбекских и зарубежных специалистов. В последнее десятилетие в этих исследованиях приняли участие польские археолог А.Развадовски (Rozwadowski. 2003, 2004) и зоолог А.Ласота-Москалевска (Lasota-Moskalewska, Hujanaazarov. 2000). С 2003 г. в Сармишсае осуществляются программа комплексных научно-исследовательских и консервационных работ в рамках международного узбекско-норвежского проекта «Менеджмент и устойчивое сохранение Сармишсай» под руководством М.М.Хужаназарова (Узбекистан) и А.-С.Хиген (Норвегия). Ботанические исследования проводятся под руководством К.Н.Тодерич. Консервационные работы осуществлялись в 2003-2006 гг. М.А.Реутовой (Узбекистан), в 2004 г. - при участии Э.Н.Агеевой, Н.Л.Рибриковой (Россия) и Ч.Гран (Норвегия). Также в 2004-2005 гг. совместно с узбекскими специалистами в рамках регионального проекта ЮНЕСКО CARAD проводились геолого-геоморфологические исследования (Б.Ж.Аубекеров, Казахстан), выполнялись работы по выявлению и документированию петроглифов и других памятников комплекса (А.Е.Рогожинский, Казахстан). На отдельных памятниках Сармишсай в 2004-2005 гг. произведены ограниченные археологические раскопки (Khujanazarov, Toderich. 2005; Khujanazarov, Toderich, Reutova. 2006), проводится сбор и регистрация этнологических данных.

Исследователями Сармишсай разработана общая периодизация петроглифов, опирающаяся на стилистические отличия изображений и стратиграфические наблюдения, отличия техники и цвета патины; датировка выделяемых серий изображений основана на сопоставлении с реалиями (предметы вооружения, орудия труда), с художественными произведениями из археологических комплексов (расписная керамика Ближнего Востока и Средней Азии), а также на сопоставлении репертуара зооморфных изображений с палеофаунистическими данными (Lasota-Moskalewska, Hujanazarov. 2000). Однако при этом типология петроглифов Сармишсай остается неразработанной, детальная периодизация отсутствует; особенно дискуссионной остается датировка древнейших групп наскальных изображений: неолит, энеолит или эпоха бронзы? Слабо изученными остаются другие памятники комплекса, их выявление и детальное картирование началось лишь в последние годы и еще не завершено.

Применяемый в последние годы комплексный подход к изучению и сохранению Сармишсай позволил существенно расширить представление о масштабах и культурно-исторической значимости памятника. Значительно возрос объем археологических и естественнонаучных данных, улучшилось качество имеющейся документации (специальные карты, индексированные панорамы основных групп петроглифов, документация консервационных работ и мониторинга состояния петроглифов и др.), формируется современный подход научно обоснованного устойчивого менеджмента памятника. Все это создает предпосылки для успешной номинации Сармишсай в Список Всемирного Наследия ЮНЕСКО в будущем.

Археологический контекст. Археологический комплекс Сармишсая образуют более 200 древних поселений, могильников и скоплений петроглифов, сосредоточенных главным образом в средней части долины на площади около 35 кв.км. Поселения представлены большим количеством стоянок со стационарными постройками, укрепленными поселениями и тепа, руинами неукрепленных сельских поселений; по данным раскопок и сборов подъемного материала, известные памятники датируются от античного времени до позднего средневековья и нового времени (II вв. до н.э. – XVIII – начало XX вв.). В долине Сармишсая сохранились руины двух-трех сельских поселений (кишлаков), существовавших здесь до 1940-50 годов, а также мельниц и других хозяйственных и ирригационных сооружений. Погребальные памятники также представлены несколькими типами: земляными и каменно-земляными курганами, оссуарными захоронениями в каменных склепах-курумах, каменными оградами различных форм с грунтовыми захоронениями. Датировка этих памятников определяется в пределах античного – позднесредневекового времени. В Сармишсае имеются также мазары – места, почитающиеся мусульманами как святые и связанные с могилами праведников. Вблизи устья долины Сармишсай, соединяющейся с Зарафшанской долиной, обнаружены палеолитические мастерские и неолитические кремневые шахты Уч-Тут.

Описание памятника. Петроглифы распространены практически на всей территории долины Сармишсай, но наиболее репрезентативные скопления сосредоточены в каньоне на 15 основных группах, расположенных по обеим сторонам ущелья на протяжении 2-2,5 км, где зарегистрировано более 4000 изображений. Выделяются три типа местонахождений петроглифов: **основные** (расположены в каньоне, аккумулируют рисунки всех периодов, много искусно выполненных гравюр, богатый репертуар); **периферийные** (гравюры одного/двух периодов, ограниченный репертуар); местонахождения, расположенные вдоль **традиционных коммуникаций** – пеших и конных троп, соединяющих основные функциональные зоны культурного ландшафта: места поселений-стоянок, водные источники и пастбища (количество изображений невелико, репертуар крайне беден, качество рисунков невысокое). Общее количество петроглифов Сармишсай достигает 6000 изображений. Петроглифы нанесены на вертикальные, иногда горизонтальные плоскости коренных выходов красноцветных песчаников кембрийского возраста, переслаивающихся сланцами и известняками.

Петроглифы Сармишсая различаются по возрасту, стилю и репертуару. В Сармишсае часто встречаются многослойные композиции, где созданные в разное время петроглифы иногда перекрывают друг друга. Такие композиции и различие рисунков по цвету патины помогают определить относительный возраст изображений.

Наиболее древние петроглифы в Сармишсае относятся к каменному и бронзовому векам (VI-II тыс. до н.э.). На древний возраст этих рисунков Сармишсая указывает видовая принадлежность изображаемого быка-тура. Здесь немало изображений быков-туров, выполненных в треугольном стиле. Они показаны динамично, в свойственной для охотничьей культуры древнего периода манере, истоки которой, по-видимому, восходят к искусству верхнего палеолита. Аналогичные изображения выявлены среди петроглифов Гобустана в Азербайджане, а также в центральной части Аравийского полуострова. Костные останки этих животных на территории Узбекистана найдены на более древних археологических памятниках – эпохи палеолита, мезолита, неолита и развитой бронзы. Исследователи предполагают, что в конце II тысячелетия до н. э. эти животные вымерли или были истреблены людьми. Последнее предположение наиболее вероятно, поскольку в связи с переходом к кочевому скотоводству началась борьба за пастбища и как следствие – массовая охота на животных.

Древние рисунки выбивались на незанятых и удобных поверхностях скалы, тогда как остальные занимают «второстепенные» участки скал, отличаясь по глубине выбивки и плотности пустынного загара. Эти рисунки отличаются величиной: в среднем 30-40 см, иногда до 70-80 см и более 1 м. Можно заметить, что многие древние рисунки Сармишса поразительно сходны по технике исполнения и манере, словно выполнены одним мастером. На основании анализа тематики петроглифов можно заключить, что в жизни древнейших обитателей Сармишса охота имела огромное значение. Здесь нередко встречаются сцены охоты на диких быков, горных козлов и других животных. Вероятно, охота сохраняла свое значение и в эпоху бронзы.

Среди древних изображений Сармишса часто встречаются фигуры разных диких животных – бык-тур, бизон, благородный олень, кулан, джейран, хищники из семейства кошачьих (тигр, лев, леопард, гепард), горный козел, кабан, собака и др. В настоящее время невозможно определить даже приблизительно дату появления в петроглифах Узбекистана образов вышеперечисленных животных. Известно, что благородный олень (бухарский), кулан, джейран, горный козел, кабан и др., на территории Узбекистана обитали, по меньшей мере, со времени мамонтового или верхнепалеолитического фаунистического комплекса. В настоящее время в Узбекистане эти животные обитают в заповедниках и горных ущельях и внесены в «Красную книгу».

Изображения быков-туров датируют древнейшим периодом большую серию петроглифов, среди которых особенно интересны изображения людей, животных и ряда неопределенных фигур. В этих рисунках запечатлены жизнь, быт и мировоззрение древних людей, о которых по другим источникам нельзя получить информацию.

Характерная особенность изображений животных раннего железного века – это ярко выраженные черты звериного стиля, которые легко и уверенно распознаются, в каком бы материале они не были представлены. Исчезают фигуры быков – туров, сцены, связанные с солярным культом. Основные образы искусства ранних кочевников: горные козлы, олени, архары, хищники, лошади, верблюды, собаки, джейраны и другие животные, а также фигуры людей. Появляются изображения конных всадников, столь характерных для сако-скифского времени. Часто встречаются изображения луков, колчанов, мечей, кинжалов, головных уборов, ловушек и различных знаков. Охота на диких животных, преследование хищниками козлов или оленей становятся главными темами наскального искусства. Угасает столь распространенный раньше фаллический культ. Изящные рисунки и целые картины этого времени возникают рядом с петроглифами эпох камня и бронзы, а чаще – поверх них, грубо перекрывая и как бы перечеркивая древние творения. По размерам петроглифы сако-скифского времени уступают изображениям предыдущих эпох. Кроме того, встречаются случаи, когда между рисунками не соблюдается принцип соответствия размеров по отношению друг к другу. Поверхность, как и у более ранних петроглифов, нередко покрыта пустынным загаром и сливается по цвету с фоном скалы. Основная часть рисунков сако-скифского времени выбита различной техникой с помощью металлических инструментов. Петроглифы Сармишса этого периода созданы племенами саков, массагетов и другими народами, зафиксированными письменными источниками. В целом, этот пласт изображений находит аналогии на всей территории Центральной Азии; серия специфических изображений (изящные фигуры лошадей) имеет близкие соответствия в памятниках Ферганской долины (Араван, Сураттуу-Таш, Сулайман-Тоо) и датируется античным периодом.

В Сармишсе выделяется серия петроглифов раннесредневекового периода. К шедеврам наскального искусства относится серия композиций со сценами культового и эпического содержания (поклонение жрецов у зороастрийского алтаря огня, приготовление священного

напитка и жертвоприношение, царская охота), характерными для искусства урбанистического Согда доисламского времени. Петроглифы этого типа немногочисленны и встречаются, главным образом, на участках каньона, связанных с расположением раннесредневекового некрополя с оссуарными захоронениями в каменных склепах-курумах (между V и X группами), а также с укрепленными поселениями ниже каньона (поселения Сармиштепа I, II).

Наряду с древними петроглифами в Сармишсае имеется значительное количество рисунков позднесредневекового и нового времени (до начала XX в). Они выполнены грубо, линии рисунков рваные, а глубина выбивки незначительна; рисунки совсем светлые по загару, а иногда и вовсе не имеют следов патинизации. В подавляющем большинстве они просты по исполнению и беднее по репертуару – это изображения диких и домашних животных, птиц, всадников, а также – чилимов (курительных приборов типа кальяна). Вблизи поздних поселений встречаются тамгообразные изображения и арабографичные надписи.

Современное состояние памятника. На состояние ландшафта и памятников комплекса Сармишсай оказывают воздействие природные и антропогенные факторы. В современных условиях, когда границы памятника все еще не установлены и отсутствует действенная охрана территории, наибольшую опасность представляют антропогенные факторы: хозяйственная деятельность и неконтролируемое посещение Сармишсай туристами и отдыхающими. При этом различные участки ландшафта испытывают нагрузку разной интенсивности: наиболее сильное воздействие приходится на долину и каньон Сармишсай, где сосредоточены наиболее ценные группы петроглифов и ряд других археологических памятников. Несмотря на продолжающееся активное воздействие перечисленных факторов, состояние ландшафта и памятников Сармишсай в целом остается удовлетворительным. Петроглифы, как наиболее ценный компонент культурного ландшафта, сохраняют аутентичность.

Охрана и управление. В настоящее время Сармишсай состоит на учете как памятник местного значения, и для обеспечения его охраны решением администрации Навоийской области в 2004 г. при областном Историко-краеведческом музее (г.Навои) создан *Природно-археологический комплексный музей-заповедник «Сармишсай»*. При создании заповедника определен его штат, включающий 12 человек, в том числе директора, научных сотрудников, экскурсоводов и охранников. Однако со дня основания и до настоящего времени предусмотренный решением администрации бюджет не выделялся, штат заповедника не сформирован, и охрана памятника со стороны уполномоченного государственного учреждения фактически не осуществляется.

В 2005 г. Сармишсай включен в Предварительный Список всемирного наследия ЮНЕСКО от Узбекистана, однако границы памятника и его охранной зоны не определены.

В данное время на территории Сармишсай осуществляется хозяйственная деятельность нескольких мелких крестьянских хозяйств (в большинстве – скотоводческих), функционирует грунтовая дорога; выше и ниже каньона располагаются два детских лагеря отдыха («Горный» и «Шебода»), принимающих в течение сезона (июнь-август) около 5000 человек. Кроме того, в весенне-летнее время живописное ущелье Сармишсай активно посещается для отдыха городским населением области. Памятник расположен на участке очень популярного среди зарубежных туристов маршрута Самарканд-Бухара, и посещение Сармишсай с осмотром наскальных рисунков включено в программу экскурсий многих туристических агентств Узбекистана.

В течение ряда последних лет инициативной группой по изучению наскального искусства «Сармиш» Института археологии АН РУз (руководитель М.М.Хужаназаров) в рамках проекта «Изучение, сохранение и устойчивый менеджмент культурным и природным наследием Сармишсая», поддерживаемого МИД Норвегии и Direktoratом по культурному наследию Норвегии, а также в рамках регионального проекта ЮНЕСКО «CARAD – Central Asian Rock Art Database» - осуществлялся обширный комплекс работ и исследований, направленных на организацию охраны и управления памятника. Прделана значительная работа по установлению контроля над посещением Сармишсая, по организации туристического маршрута, благоустройству экскурсионных троп, разработке правил для посетителей и т.д. Ведется активная пропагандистская работа среди местного населения, направленная на разъяснение ценности памятника и необходимости его сохранения. Предпринимаются попытки вовлечения местных жителей для осуществления охраны памятника. С 2003 г. проводятся консервационные работы по укреплению аварийных участков скал с петроглифами, удалению посетительских надписей и т.п.

Аксакалатасай

Местонахождение. Долина Аксакалатасай находится в 30 км к северо-востоку от г.Навои, в Новбахорском районе Навоийской области, на южном склоне гор Каратау, в 10-12 км в восток от долины Сармишсая. Ущелье Аксакалатасай имеет протяженность более 35 км; в средней части ущелья расположено с. Аксакалата. По дну долины протекает одноименный ручей, один из правых притоков р. Зарафшан. Скальные выходы Аксакалатасая в основном сложены из мелкозернистого песчаника, гранидиорита, известняка и сланца. Под воздействием атмосферных факторов и тектонических процессов скалы сильно выветрены, в результате чего образовались навесы, гроты и множество камней различной формы и размеров.

Описание памятника. В ущелье Аксакалатасай зафиксировано более 500 изображений. Наскальные рисунки нанесены на открытые поверхности скал и под навесами. Петроглифы встречаются по обоим берегам ущелья, а также на скалах боковых притоков сая. Особенностью памятника является наличие скоплений выбитых на скалах петроглифов и рисунков, выполненных на закрытых поверхностях скал минеральной краской – росписей. В долине Аксакалатасай выделяется несколько обособленных друг от друга групп, или пунктов с наскальными изображениями.

Первый пункт с петроглифами находится в 2-3 км к северу от с. Аксакалата. Здесь на поверхности скал и обломков камней обнаружено более 100 изображений, относящихся к разным хронологическим периодам вплоть до современности. Большинство рисунков (в основном изображения оленей и козлов) представляет собой довольно однородный по стилю и репертуару пласт петроглифов, который можно датировать в пределах III в. до н.э. - первыми веками н.э.

Рисунки, сделанные красной краской, находятся на почти вертикальной скале, под навесом, образованным крупным камнем. Навес расположен на высоте 2,5-3 м над руслом сая и обращен к востоку. Высота его у входа 2 м, ширина 3м и глубина 1м. Остатков культурного слоя здесь не обнаружено. Стены навеса шероховатые, покрытые известковыми натечками. В средней части навеса имеется трещина, по обе стороны которой расположена основная часть рисунков. Еще в нескольких местах под навесом сохранились очень нечеткие пятна краски. Изображения не перекрывают друг друга, но в нескольких случаях фигуры соприкасаются. Выделяется серия сюжетно связанных изображений, составляющих единую композицию. Хорошо различимы восемь отпечатков ладоней рук и схематические спирали в семь оборотов. Величина рисунков составляет 10-20 см, спираль – более 35 см. О древнем возрасте изображений свидетельствуют следующие наблюдения: рисунки перекрыты коркой

известнякового натека, и, кроме того, поверх них выбиты петроглифы более позднего времени и современные надписи, также выполненные краской. Предположительная датировка древних изображений – эпоха неолита.

Второй пункт наскальных изображений Аксакалатасая находится в 4-5 км к северо-востоку от первого пункта, в средней части долины. Здесь обнаружено более 500 разновременных петроглифов, в том числе, 6 камней с рисунками, сделанными красной краской. Петроглифы покрыты пустынным загаром. Техника выбивки рисунков грубая, следы инструмента неровные и неглубокие; величина фигур от 5 см до 1,2 м. Наскальные росписи сильно выветрены.

Охрана и управление. Петроглифы Аксакалатасая состоят на учете как памятник местного значения, однако границы памятника и охранной зоны не определены, охрана памятника отсутствует.

Сийпанташ

Местонахождение. Памятник находится в юго-западных отрогах Зерафшанского хребта, в 40 км к северо-западу от г.Шахрисябз, в верховье ущелья Куруксай, на северной окраине одноименного села, напротив сельской школы. Высота 820 м над у.м.

Изученность. Памятник открыт и впервые обследован в 2001 г. объединенной Кашкадарьинской археологической экспедицией НГУ (Ташкент) и институтов истории и археологии НАН РУз под руководством Р.Х. Сулейманова; выполнена выборочная фотофиксация поверхностей с изображениями. Предварительная датировка определена исследователями в интервале мезолит – эпоха бронзы (Сулейманов. 2002. С. 71). Петроглифы, выбитые на открытых скалах вблизи навесов, могут датироваться новым временем.

Описание памятника. Сийпанташ – «скользящий камень» – представляет собой группу скальных навесов, расположенных на правом, обращенном к востоку, склоне ущелья Куруксай, отличающемся большим количеством обнажений гранито-диоритовых пород. Каменные навесы, образовавшиеся в результате выветривания, имеют относительно ровные куполообразные поверхности, возвышающиеся над наклонной плоскостью скалы на 1-1,5 м и более. Выделяются два больших навеса: первый, основной, длиной около 8 м и шириной 3-5 м, и второй навес, расположенный рядом, длиной около 4 м и шириной до 2 м. На нижних плоскостях обоих навесов имеются сделанные краской и выбитые изображения, нанесенные на шероховатую поверхность камня, покрытого известковым налетом, имеющим местами темно-серый, красно-коричневый или желто-коричневый оттенки. Рисунки выполнены минеральной краской черного, желтого и красно-коричневого цвета разных тонов.

Репертуар изображений основного навеса представлен в основном различными геометрическими фигурами: одиночные фигуры прямых и косых крестов, подошвообразный знак, ряды из коротких прямых или перекрещивающихся линий, окружность с крестом внутри и др. Центральное место среди них занимает силуэтная фигура быка с изогнутыми рогами, слабо просматриваются и другие силуэтные изображения. В ряде случаев наблюдается перекрывание одних изображений другими, выполненными разной краской и, по-видимому, разновременными. В нижней части свода, у поверхности «пола» имеются изображения животных, выбитых по красноватому слою «патины».

Второй навес в верхней части, где имеется небольшая ниша овальной формы, украшен отпечатками 10-12 миниатюрных ладоней, сделанных красноватой краской. Отдельная

группа рисунков включает сложные фигуры в виде овала с пересекающимися линиями, две окружности с крестами внутри, соединенные линией и др. Все изображения здесь выполнены краской одинакового цвета.

Поверхность «пола» под основным навесом имеет наклон под углом около 40° и сильно заглажена; вдоль продольной оси навеса, непосредственно под изображениями, образовалась заполированная, скользкая дорожка, по которой скатываются проходящие сюда для поклонения и отдыха взрослые и дети.

Под третьим навесом, расположенным ниже навесов с рисунками, на пологом «полу» выделяются крупные лунки-углубления овальной или округлой формы; 6-7 лунок расположены двумя рядами, глубина лунок – около 10 см; на краях углублений имеются следы заглаживания.

Расположение и форма окружающих навесы каменных глыб таковы, что открытый доступ к ним имеется только с одной (юго-восточной) стороны, где причудливо выветренные скалы образуют подобие арочного входа.

В 20-25 м от навесов, на поверхности одной из нижних скал, имеются выбитые схематичные изображения животных, существенно отличающиеся от соседствующих с ними современных рисунков, и, вероятно, датирующихся поздним средневековьем или новым временем.

Современное состояние памятника. Памятник находится на территории современного кишлака, вблизи жилых и хозяйственных построек; тем не менее, состояние навесов с изображениями и окружающих скал удовлетворительное. Поверхность навесов с рисунками в ряде мест имеет видимые повреждения – отшелушивание, краска на отдельных изображениях отделяется вместе с поверхностной коркой камня или известкового налета.

Охрана и управление. Сийпанташ состоит на учете как памятник местного значения, но границы памятника и охранной зоны не определены, физическая охрана со стороны государственных уполномоченных органов отсутствует. Однако Сийпанташ является местом совершения культовых обрядов, пользуется большим уважением и почитанием у местного населения; катание по наклонной гладкой скале под центральным навесом имеет ритуально-магическое значение.

Памятники Западного Тянь-Шаня и Ферганской долины

Ходжакент

Этот известный памятник наскального искусства Узбекистана находится на западном склоне Чаткальского хребта, на левом берегу р. Чирчик, в 70 км к северо-востоку от г. Ташкента. В 1949-1950 гг. казахский археолог Х. Алпысбаев в верховьях р. Чирчик, на юго-восточном склоне гор Коржантау, вблизи п. Ходжакент обнаружил и зафиксировал 23 изображения козлов, лошадей, людей и неопределенных знаков, многие из которых были датированы им I тыс. до н.э. (Алпысбаев, 1956, с. 188). Изучение памятника было продолжено в 1980 г. М.М. Хужаназаровым (Хужаназаров, 1995, с. 173).

Петроглифы выбиты на вертикальной известняковой скале высотой 12,5 м, шириной 18 м. Плоскость скалы ориентирована на северо-запад, в сторону реки. Рисунки расположены преимущественно в нижней части скалы, на уровне человеческого роста. Всего

зафиксировано более 90 изображений. Основной репертуар образуют изображения горных козлов, архаров, оленей, лошадей, быков, собак и неопределенных знаков; многократно встречаются антропоморфные изображения.

Наибольший интерес представляют три женские фигуры, изображенные анфас. Небольшими углублениями выделены признаки пола. Руки и головы отсутствуют, только у крайней в ряду фигуры показана одна рука. Изображения женщин частично перекрыты фигурами козла, антропоморфного персонажа и животного (лошадь?). Аналогии подобным изображениям на территории Средней Азии и Казахстана пока не известны.

Техника исполнения большинства петроглифов Ходжакента одинакова: сначала намечался контур фигур, затем выбивался весь силуэт. Поверхность большей части изображений гладкая. Рисунки различаются по глубине выбивки: от 0,5 мм до 20,0 мм. Поверхность неглубоко выбитых изображений выветрена сильнее, и по цвету такие петроглифы едва выделяются на фоне скалы.

Репертуар, стиль, техника, степень сохранности и стратиграфическое положение древнейших петроглифов Ходжакента (в первую очередь, изображений женщин) позволяют датировать их предположительно энеолитическим временем, т. е. IV – первой половиной III тыс. до н.э. Остальные рисунки датируются в основном сакским временем.

Петроглифы Ходжакента включены в Государственный список памятников культуры местного значения и представлены в Предварительном списке всемирного значения от Узбекистана.

Варзик

В южных предгорьях Чаткальского хребта в 1982 г. М.М. Хужаназаровым были обследованы петроглифы, расположенные вблизи с. Варзик, в 30 км к северу от г. Чуст (Ферганская долина). Здесь находится плосковершинные холмы, покрытые четвертичными делювиально-пролювиальными отложениями. Наскальные рисунки выбиты на поверхности валунов, в том числе в каменных насыпях курганов могильника I в. до н.э. – VI в. н.э., расположенного на склонах (Баратов, 1991, с. 16). Всего обнаружено около 200 камней с 737 петроглифами, среди которых преобладают одиночные антропоморфные и зооморфные изображения. Композиционно связанных между собой рисунков мало. Антропоморфные персонажи представлены с луками, колчанами(?) и посохами. Отмечено большое количество изображений змей. В целом, петроглифы Варзика отличаются разнообразием стиля, техники выполнения рисунков и оттенков «пустынного загара». Имеются палимпсесты. Петроглифы датируются второй половиной I тыс. до н.э. – началом н.э. (Хужаназаров, 1999, с. 55-67).

Каракиясай

Ущелье Каракия расположено на южном склоне гор Каржантау, в 20-25 км к северу от г. Газалкента. По дну живописного ущелья протекает ручей, впадающий в р. Чирчик. Петроглифы встречаются по обеим сторонам скалистого каньона; основное скопление рисунков находится в верховьях Каракиясай. В 1980-83 гг. местонахождение петроглифов Каракиясай обследовано М.М. Хужаназаровым; здесь зафиксировано 90 камней с 1015 петроглифами.

На скалах Каракиясай обнаружено пять изображений колесниц, в четырех случаях просматриваются запряженные лошади. Все изображения даны в плане. Колесницы имеют два колеса, в каждом из которых обозначено по четыре спицы. Почти у всех отчетливо видно дышло и поперечный брус-ярмо. Репертуар петроглифов Каракиясай довольно разнообразен: преобладают изображения животных – козлов, архаров, верблюдов,

лошадей, волков и быков; также много антропоморфных фигур (пеших или всадников), различных знаков и неясных фигур. Стиль и техника исполнения разнообразны, много палимпсестов. Рисунки Каракияся датируются эпохой бронзы и ранним железным веком.

Памятники Южного Узбекистана (горы Кугитангтау)

Зараут-камар

Грот Зараут-камар находится в ущелье Зараут-сай, расположенном на юго-восточном склоне гор Кугитангтау, входящих в систему юго-западных отрогов Гиссарского хребта; административно Зараут-сай входит в территорию государственного природного заповедника «Сурхан» в Шерабадском районе Сурхандарьинской области, в 30 км к северо-западу от г.Шерабад, в 5 км к югу от п.Кызылолма. Абсолютная высота 1265 м над у.м.

Изученность. Первое обследование и копирование (натурная зарисовка) изображений и надписей Зараут-камара выполнены в 1912 г. русским военным топографом Федоровым. Позже, в 1939 г., ущелье посетил охотник И.Ф. Ломаев, который услышал от местных жителей о «пещере» с рисунками, осмотрел их, сделал схематичную зарисовку и сообщил о Зараут-сае Г.В. Парфенову, археологу-краеведу, директору Сурхандарьинского музея в г. Термез. Научное изучение и документирование памятника было выполнено Г.В. Парфеновым в 1940, 1943-45 гг. В частности, помимо выявления и копирования рисунков проводилась разведка в ущелье Зараут-сай и соседних долинах; в нескольких других гротах Г.В. Парфеновым производилась шурфовка: в гроте Дуль-дуль-ата были обнаружены кремневые отщепы мустьерского облика, в пещере близ поселка Чинар – крашеная керамика. Изображений в других обследованных гротах обнаружено не было. На основании этих косвенных данных и анализа изображений Г.В. Парфенов предложил датировать росписи Зараут-камара верхним палеолитом. Арабские надписи, сделанные на стенах грота ярко-красной краской, М.Е. Массон датировал по палеографическим особенностям X-XIII вв.

В работе экспедиции Г.В. Парфенова принимала участие художник А.Ю. Рогинская, выполнившая под его руководством художественную зарисовку (в карандаше и акварелью) ландшафта и грота с петроглифами. А.Ю. Рогинской были зафиксированы 264 красочных изображения, происходящих из центрального грота (всего 29 изображений) и 27-ми других расположенных поблизости гротов и ниш.

При последующем осмотре памятника А.А. Формозовым в 1964 г. выяснилось, что значительная часть пунктов, отмеченных Г.В. Парфеновым, не содержит древней живописи: в отдельных из них сохранились лишь очень нечеткие следы краски, в других случаях за красочные изображения исследователем были ошибочно приняты естественные пятна ожелезнения, имеющие, как и рисунки, красноватый цвет. Образцы минеральных пород, аналогичные по цвету древним рисункам, были взяты А.А.Формозовым вблизи грота в русле Зараут-сай и исследованы в лаборатории Института геологических наук Академии наук СССР в Москве. По результатам исследования, краска представляет собой кварцевый алевролит с железистым цементом; содержание железа высокое 24-32 %. На основании полученных при осмотре памятника впечатлений, детального анализа сюжетов, стиля, взаиморасположения рисунков, а также на основе других данных А.А.Формозов пришел к заключению, что «палеолитический возраст росписей Зараут-камара исключен, мезолитический вероятен, но возможна и более поздняя датировка (неолит-энеолит)» (Формозов. 1966. С.24).

В 1970-80-е годы Зараут-сай исследовали узбекские археологи Ж. Кабиров и М. Хужаназаров. Оба исследователя отметили появление в гроте современных посетительских надписей, процарапанных часто поверх древних изображений и надписей. Последнее по времени обследование и документирование (фотографирование, копирование и описание изображений и надписей) памятника выполнено М. Хужаназаровым (Khujanazarov. 2001. P.91-93). В частности, им были выявлены в Зараут-сае лишь 8 гротов с живописью, а не 27 (по данным Г.В. Парфенова), в которых в общей сложности сохранилось чуть более 40 изображений (по Г.В. Парфенову, более 200). Как и ранее А.А. Формозов, М. Хужаназаров выделил три группы изображений Зараут-сая, различающиеся по цвету краски, репертуару и стилю, и датировал их от мезолита до эпохи бронзы.

Сделанные А.Ю. Рогинской зарисовки Зараут-сая, изданные в 1950 г., до настоящего времени остаются основной документацией памятника. Но опубликованные ею рисунки, многократно репродуцированные в последующих научных, популярных и учебных изданиях, имеют множество погрешностей как в передаче «интерьера» грота в целом и взаиморасположения росписей, так и в воспроизведении многих изображений; средневековые надписи вовсе не воспроизведены на рисунках А.Ю. Рогинской. Не лишены существенных погрешностей и копии рисунков Зараут-камара, опубликованные А. Розвадовским (Rozwadowski. 2004. Fig.5).

Описание памятника. Грот Зараут-камар располагается на правом склоне ущелья Зараут-сай, в устье скалистого каньона, на границе высоких гор и низкогорья. Ниже каньона долина Зараут-сай расширяется и, на протяжении 2-3 км пролегая с севера на юг по предгорному мелкосопочнику, далее делает поворот к западу. На этом участке долины хорошо выражена древняя терраса, на которой в ряде пунктов выявлены остатки каменных конструкций и керамика (в том числе - средневековая). На гребнях увалов, образующих водоразделы Зараут-сая с соседними долинами, также фиксируются остатки каменных конструкций и курганы.

Скалистый склон каньона, где находится грот Зараут-камар, имеет вид уступа и сложен чередующимися слоями известняковых пород среднеюрского времени, залегающими под углом 45-50° с северным простиранием. Уступ имеет слоистую структуру и хорошо выраженный ступенчатый профиль. Поверхность скал, близких к вертикальным, сильно выветрена, характеризуется большим количеством ниш и гротов различной величины. Основной грот – Зараут-камар – расположен в средней части скального массива, на высоте около 8 м от поверхности долины. В нижней части скалы также есть серия гротов, где имеются одиночные изображения и арабские надписи.

Основной грот, по данным А.А. Формозова, имеет следующие размеры: 1,4-2,5 м в ширину, 5,2 м в длину и 3,97 м в высоту; ниша открыта к востоку. Каких-либо отложений и культурных остатков в гроте нет; однако в северной части, т.е. непосредственно под сводом, где сконцентрированы древнейшие рисунки, на черной поверхности пола выделяется небольшое заполированное до блеска углубление размером около 5 см. Свод и стены грота покрыты карбонатным налетом светло-коричневого и розоватого оттенка; нижняя часть стен и пол грота свободны от натеков, поверхность черного или темно-серого цвета, неровная, местами заглажена. В ряде мест на стенах и своде имеются известковые натеки, кое-где закрывающие древние изображения и средневековые надписи. В нижней и средней части стен процарапаны современные надписи – автографы посетителей.

Древние изображения занимают западную и часть северной стены грота, образуя три основные композиции. Здесь различаются изображения животных, антропоморфных и орнито-антропоморфных (?) фигур и неопределенных знаков, нарисованные красно-

коричневой и серо-коричневой минеральной краской. При смачивании рисунков водой, цвет их становится бордовым. Средневековые надписи, сделанные ярко-красной краской, нанесены на незанятые рисунками участки свода и стен грота. Важно отметить, что арабские надписи частично перекрывают лишь отдельные древние фигуры, занимая, главным образом, хорошего качества поверхность грота в промежутках между древними композициями.

Среди древних изображений на северной стене грота выделяется композиция, включающая сравнительно крупную фигуру быка, пораженного стрелой, вокруг которого показаны лучники и группа орнито-антропоморфных фигур. По мнению исследователей Зараут-сая, последние изображают охотников, замаскированных под птиц (дрофа, страус) или одетых в широкие плащи. На двух других композициях также изображены сцены охоты на диких животных – быков, джейранов (?) и др. Большинство изображений силуэтные, сравнительно небольших размеров (5-7 см, самая крупная фигура быка около 15 см) и выполнены с мастерством. Всего в гроте различаются около 40 фигур.

Ниже основного грота рисунки имеются еще в нескольких нишах меньших по размеру. Сохранившиеся здесь изображения также выполнены красно-коричневой краской, но они более яркие, отличаются по стилю от рисунков основного грота и относятся, по-видимому, к более позднему периоду.

Современное состояние памятника. Благодаря удаленности от крупных населенных пунктов и вхождению в состав Сурхандарьинского заповедника, ландшафт Зараут-сая находится в хорошем состоянии. Дороги, позволяющие достичь грота Зараут-камар на автомашине, практически отсутствуют. Обычно посетители – местные жители и приезжие туристы – доезжают автотранспортом до ближайших поселков и далее двигаются пешком или нанимают ослов. Учитывая известность памятника, эти два обстоятельства в настоящее время служат факторами, сдерживающими чрезмерное антропогенное воздействие.

Тем не менее, бесконтрольное посещение памятника отразилось на состоянии интерьера грота Зараут-камар: на стенах имеется большое количество современных граффити – имена и даты посещения (самая поздняя дата - 2004г.). Основная часть граффити, выполненных техникой процарапывания и выбивки, нанесены на черную поверхность стен без наскальных рисунков; однако есть и надписи, процарапанные непосредственно на поверхности свода с древними изображениями. Имеются также повреждения рисунков в результате воздействия природных факторов: в нескольких местах изображения и средневековые надписи перекрывают натеки карбонатов, образовавшиеся в результате стока дождевых вод, просачивающихся сквозь трещины в своде.

Охрана и управление. Грот Зараут-камар располагается на территории областного государственного природного заповедника «Сурхан», основанного в 1986г. Центральный офис заповедника находится в районном центре г. Шерабад. Северо-западные пределы заповедника по водоразделу Кугинтангских гор совпадают с государственной границей Узбекистана и Туркменистана. Общая площадь заповедной территории составляет 25 853 га; отвод государством этой особоохраняемой территории осуществлен, однако охранная зона заповедника не учреждена.

Грот и средняя часть долины Зараут-сай находятся вблизи границы заповедной и буферной зоны заповедника, в пределах которой располагаются около 10 поселков с населением общей численностью более 4000 человек. Жители ближайших поселков Кызылалма и Ходжаанкан (оба на удалении 5 км к югу и северу от памятника) выпасают в Зараут-сае скот, производят незаконную вырубку кустарника (арча) на топливо, в весеннее время посещают долину и грот с рисунками, выступают в роли проводников для приезжих туристов.

Литература

- АЛПЫСБАЕВ Х. Новые наскальные изображения Бостандыкского района. // *Труды института истории, археологии и этнографии АН КазССР*. Т. 1. Алма-Ата. 1956.
- БАРАТОВ С.Р. *Культура скотоводов северной Ферганы в древности и раннем средневековье (по материалам курумов и мугханы)*. Автореферат дисс. канд. истор. наук. Самарканд. 1991.
- КАБИРОВ Ж. *Сармишсойнинг коя тошларидаги расмлар*. Тошкент. 1976.
- РОГИНСКАЯ А.Ю. Зараут-Сай. М.-Л.: *Детская литература*, 1950.
- СУЛЕЙМАНОВ Р.Х. Сийпанташ – новый памятник первобытного искусства в долине Кашкадарьи. – *Цивилизации Центральной Азии: земледельцы и скотоводы; традиции и современность*. Тезисы докладов международной научной конференции. Самарканд. 2002. С. 71.
- ОСЬКИН А.В. *Петроглифы Центральных Каракумов как исторический источник для изучения архаических культов*. Автореферат дисс. канд. истор. наук. М. 1985
- ТАШКЕНБАЕВ Н.Х. Наскальные изображения Караунгурсая и Сармыша // *ИМКУ*. Вып. 8. 1966.
- ФОРМОЗОВ А.А. О наскальных изображениях Зараут-камара в ущелье Зараут-сай // *Советская археология*. 1966. № 4. С. 14-26
- ХУЖАНАЗАРОВ М.М. Наскальные рисунки и их взаимосвязь с исламскими культовыми местами // *Международная конференция по первобытному искусству*. 3-8 августа 1998. Труды. Кемерово: САИПИ, 2000. Том 2. С.220–226.
- ХУЖАНАЗАРОВ М.М. Памятники Узбекистана // *Памятники наскального искусства Центральной Азии*. Алматы. 2004. С.109-114
- ХУЖАНАЗАРОВ М.М. Вопросы периодизации и сюжетно-стилистического анализа наскальных рисунков Варзика // *История материальной культуры Узбекистана*. № 30. Самарканд. 1999.
- ХУЖАНАЗАРОВ М.М. *Наскальные изображения Ходжакента и Каракияся*. Ташкент. 1995.
- ШЕР Я.А. *Петроглифы Средней и Центральной Азии*. – М.: Наука, 1980.
- Khujanazarov M., Toderich K. Report: "Studies, preservation and sustainable management of the Cultural and Natural Heritage of Sarmishsai, Navoi region, Republic of Uzbekistan (March–December, 2004)". Samarkand. 2005
- Khujanazarov M., Toderich K., Reutova M. Report: "Studies, preservation and sustainable management of the Cultural and Natural Heritage of Sarmishsai, Navoi region, Republic of Uzbekistan (January–December, 2005)". Samarkand. 2006.
- Khujanazarov M.M. Petroglyphs of Uzbekistan. - Tashbaeva K., Khujanazarov M., Ranov V., Samashev Z. Petroglyphs of Central Asia. Bishkek. 2001. P. 80-121
- Lasota-Moskalewska A., Hujaanazarov M. Petroglyphs of mammals in the Sarmissaj Gorge, Uzbek Republic. Archaeological analysis. Warsaw. 2000
- Rozwadowski A. Symbols through Time. Interpreting the Rock Art of Central Asia. Poznan: Institute of Eastern Studies A.Mickiewicz University, 2003.
- Rozwadowski A. Symbols through Time. Interpreting the Rock Art of Central Asia. Poznan. 2004

Иллюстрации см. на стр. 183

Алтайские горы в Северо-Западной Монголии

Эстер Якобсон-Тепфер

Информация о регионе

Богатейший регион в плане наскального искусства в горной системе Алтай в северо-западной Монголии занимает территории аймака Баян Улгий и соседнего с ним аймака Ховд. Этот регион, где границы Монголии примыкают к северному Китаю и России (Республика Алтай), характеризуется высоким и скалистым горным подъемом на западе, нисходящим в сухую степь и пустынную степь на востоке. В большей части этого региона леса представляют собой небольшие реликтовые участки с лиственницей на северных склонах, исключение составляет прилегающий район на юге Хотона, Хургана и Даян Нуур. В целом преобладающая растительность ограничивается крупностебельными травами и зарослями ивы и сосен вдоль водных потоков. Однако существует достаточное количество доказательств того, что в раннем и среднем голоцене климат этого региона был более влажным и умеренным, а леса были распространены намного шире. Прежде крупная система ледников, покрывавшая высокие горы в этой подзоне, теперь радикально сократилась по сравнению со своими размерами, которые были в начале 20 века, сократился также и снежный покров. В результате многие водные потоки и болота теперь пересыхают в летние месяцы.

За исключением одной важной пещеры Хойт Цэнкер в аймаке Ховд, все наскальное искусство данного региона обнаружено на обнаженных пластах песчаников горных хребтов, на крайне уязвимой материнской породе высоких долин, или на эрратическом песчанике и гранитных глыбах на верхних участках склонов. Песчаник состоит из окаменелой метаграувакки; обычно поверхности, о которых идет речь, сильно отшлифованы и отполированы древними ледниками.

Напротив, гранитные глыбы, которые встречаются на моренах, обычно отличаются шелушением наружной поверхности, что приводит к частичной потере наскального искусства. Свойства известняка на нижних участках склонов в этом регионе не благоприятствует наскальному искусству.

В горных районах Баян Улгий, если считать все горные хребты и утесы, на которых обнаруживаются концентрации выдолбленных или выгравированных изображений, должно быть более сотни участков наскального искусства. На этих участках расположены, по крайней мере, семь основных комплексов наскального искусства, каждый из которых имеет сотни или многие тысячи отдельных рисунков. По меньшей мере, два из этих комплексов простираются на многие километры вдоль своих долин и поднимаются вверх по соседним склонам.

Наскальное искусство горных районов Баян Улгий датируется периодом от позднего плейстоцена – до позднего голоцена. В культурном выражении этот период простирается от поздней эпохи палеолита до тюркского периода нашей эры. Необычно большая концентрация древнего материала – поздний плейстоцен и ранний голоцен – обнаружена в Арал Толгое, но изображения мамонтов и другой ранней мегафауны также обнаруживаются в Цагаан Салаа/Бага Ойгур. На крупных участках и комплексах наиболее распространенный материал датируется бронзовым веком, с начала этого периода – до его поздней фазы. Наскальное искусство раннего железного века также хорошо представлено, так же, как и наскальное искусство тюркского периода.

Если использовать терминологию, разработанную для традиций наскального искусства в российском Алтайском регионе, то можно определить несколько таких традиций в монгольском Алтае. Однако остается открытым вопрос является ли в данном случае такая терминология уместной или правильной.

С точки зрения археологии, рассматриваемый регион является сравнительно неисследованным. Исследовательская работа, проводимая советскими и монгольскими учеными, касающаяся культур периода до бронзового века, проводилась вдоль нескольких долин рек, но эта работа не продолжалась в последние десятилетия. Несколько лет назад, продолжая исследование ограниченного приграничного района в зоне многолетней мерзлоты, группа монгольских, российских и немецких исследователей произвела раскопки четырех захоронений раннего железного века в верхней части бассейна реки Ойгур. В других местах имели место единичные и до настоящего времени необнародованные, или даже незаконные раскопки захоронений и ритуальных сооружений бронзового и раннего железного века. За исключением, соответственно, захоронений, которые явно представляют скифскую культуру в Алтае-Саянском регионе, на сегодняшний день отсутствует понимание специфических культурных проявлений в археологии раскопок. Напротив, в настоящее время в Университете штата Орегон, в рамках гранта Национального фонда гуманитарных наук (США) проводится подготовка к масштабному исследованию поверхностной археологии и наскального искусства в горных районах Баян Улгий. Это исследование включает несколько тысяч характеристик интегрированных в разработанную базу данных ГИС и геопространственное отображение.¹

В настоящее время население аймака Баян Улгий и большую часть аймака Ховд составляют в основном казахи и небольшое число тувинцев и монголов-урянхайцев. Наскальное искусство, находящееся в непосредственной близости от районов постоянного проживания человека (например, рядом с зимовками), за последние сто лет часто повреждалось надписями и рисунками, сделанными в наше время. Особенно много этих повреждений появилось в социалистический период. Однако по большей части наскальное искусство в горных районах Баян-Улгий избежало разрушительного внимания человека. К сожалению, то же самое нельзя сказать о значительном памятнике пещерного искусства в большем регионе – пещере Хойт Цэнкер.²

На многих нижеупомянутых участках и комплексах, встречаются места проведения религиозных обрядов в форме обо. Эти иногда сложные конструкции не всегда связаны с окружающим наскальным искусством; но расположения обо и определенных концентраций наскального искусства, безусловно связаны с основными физическими особенностями ландшафта.

Связи с другими подзонами

Наскальное искусство периода конца палеолита – начала бронзового века широко представлено в Арал-Толгое, в комплексах Верхнего Цагаан Гола и Цагаан Салаа/Бага Ойгура, а также отдаленно различимо в рисунках из Хойт Цэнкера, имеет схожие черты с несколькими изображениями, выявленными на плато Укок (Калгуты) и на нескольких участках в верхней части бассейна реки Енисей. Традиции из бронзового века, периода, в котором мы обнаруживаем появление сцен охоты, движения караванов, управления

¹ В результате составления описи в Монгольском Алтае будет составлена интегрированная геопространственная база данных, обширный архив фотографий, интерактивный веб-сайт для ученых и проектировщиков, а также издан *Атлас по культуре* (издательство ESRI Press). Проект будет завершен к июню 2009 года.

² Данный отчет не будет включать участки в аймаке Ховд. Хойт-Цэнкер, наиболее важный участок в данном районе, к сожалению, был сильно поврежден от воздействия ряда факторов, таких как использование пещер животными и местными жителями, а также повышенное внимание любителей и ученых. Ранее различные изображения, которые по сведениям содержали рисунки животных плейстоцена, были существенно уничтожены физическим повреждением и новыми рисунками.

повозками и выпаса скота, имеют очевидные параллели с материалом из российского Алтая. Конец бронзового века с его богатым репертуаром сцен охоты, выпаса скота и верховой езды, также имеет обширные аналогии с российским Алтаем, а также некоторые схожие черты с Казахстаном³. Наскальное искусство начала железного века также явно связано с наскальным искусством тех же регионов; но вследствие культурной экспансии древних кочующих народов скифского периода на запад и юго-запад традиции наскального искусства того времени в монгольском Алтае также имеют значительные аналогии в Китае, Казахстане и Кыргызстане.

Отдельные мотивы особенно интересны в качестве маркеров регионального местоположения культур или их распространения. Изображение человека с крыльями мотылька, часто фиксируемое в комплексе Цагаан-Салаа/Бага-Ойгур, а также изредка – на других участках в рассматриваемом районе, не имеет аналогов в российском Алтае. С другой стороны, некоторые мотивы бронзового века являются повсеместно распространенными в широкой полосе северного Китая, Монголии, Тувы и российского Алтая: фигура с округлым головным убором и с мешком, свисающим с пояса; специфическое изображение двухколесного транспортного средства – повозки; а также живой и зачастую элегантный стиль изображений. Изображения причесок в виде собранных в пучок волос и всадников в подпоясанных туниках часто встречаются на монгольских участках; они имеют параллели с российским Алтаем и Казахстаном. Самым интересным культурным маркером является изображение стилизованного оленя, которое постоянно встречается по всему монгольскому Алтаю. Оно имеет наиболее важные параллели с оленными камнями северной и центральной Монголии, а также с наскальным искусством российского Алтая и далее на юго-запад, через Китай – в Казахстан и Кыргызстан. Изображения часто приписываются Аржанской традиции Тувы, которая постоянно встречается в регионе. Изображения всадников и охотников из тюркского периода соответствуют материалу из российского Алтая. Другими словами, ясно, что в бронзовом и железном веках на возвышенностях Алтае-Саяна происходил взаимный обмен культурных традиций и их обогащение. Учитывая основные схожие черты горных ландшафтов и почв на всех сторонах международных границ, эта преемственность традиций через горную цепь Алтая не вызывает удивления.

Известные участки⁴

- 1 Цагаан Салаа /Бага Ойгур
- 2 Верхний Цагаан Гол
- 3 Арал Толгой
- 4 Билуут
- 5 Верхний Холцуутиин Гол
- 6 Хаар Ямаа
- 7 Борегтиин Гол

³ Материал, который должен существовать в китайском Алтае также либо неизвестен, либо недостаточно отражен в публикациях и, следовательно, недоступен для сравнения.

⁴ Здесь перечислены только участки чрезвычайной важности и размеров. Я не включаю многие концентрации наскального искусства, встречающиеся на разрозненных горных хребтах и утесах в регионе.

Значимые участки наскального искусства в аймаке Баян-Улгий⁵

Комплекс Цагаан Салаа /Бага Ойгур

Местонахождение: Вдоль рек Цагаан Салаа и Бага Ойгур в Улаан Хус сумэ, около 80 км от центра сумэ и 150 км от Улгий.

География и координаты: горная степь, около 2000 – 2200 м над уровнем моря; 49' 25 с.ш, 88'15 в.д.

Характеристика породы: обнажения, утесы, эрратические валуны метаграувакки; гранитные эрратические валуны; значительный ледниковый соскоб.

Общее количество отдельных изображений: более 75 000 (примерно)

Распространение: изображения встречаются вдоль уступов над реками, на обнаженных скалах в глубоких лощинах и выше на соседних склонах по прямой дистанции в 14 км.

Традиции наскального искусства, датирование, процентное отношение: Исполнение: выбитые, выгравированные, процарапанные, выдолбленные

Традиции: период до бронзового века (5%), бронзовый век (40%), начало железного века (30%), тюркский период (1 %), неопределенные (24%) (предположительно).

Археологический контекст: неофициальное исследование артефактов эпохи палеолита вдоль уступов (неопубликованных); раскопка захоронений начала железного века немного выше в долинах (монгольско-российско-немецкая экспедиция, публикация находится в стадии подготовки).

Культурный контекст: долины в настоящее время заселены казахами, занимающимися скотоводством. Они по большей части не интересуются петроглифами и связанной с ними археологией поверхностей.

Существующие документы:

- Примерно 15,000 фотографий (черно-белых, цветных), включая обширные виды ландшафта и поверхностной археологии в долине; и особых концентраций петроглифов, отдельных композиций и деталей. Этот материал хранится в Университете штата Орегон.
- Опубликовано 1323 рисунка, оригиналы хранятся в Институте Археологии и Этнографии РАН, Новосибирск.
- Полный набор аэроснимков советского периода (Университет штата Орегон)
- Документы GPS и ГИС по всему участку, включая все концентрации петроглифов и структуры поверхности; расширенное производное картирование (Университет штата Орегон).
- Публикации по комплексу:
Якобсон Э., Кубарев ВД, Цэвээндорж Д.
Северо-западная Монголия: Цагаан Салаа/Бага Ойгор. Каталог петроглифов Центральной Азии, выпуск №6. 2 тома. Париж: изд. DeBoccard, 2001. Текст, 1323 рисунка, 399 фотографий, 13 карт и 4 модели и схемы ландшафта.
(Jacobson E, Kubarev VD, Tseveendorj D.

⁵ Список включает только наиболее важные и лучше всего документально оформленные участки в горных районах Баян Улгий.

Mongolie du Nord-Ouest: Tsagaan Salaa/Baga Oigor. Répertoire des Pétroglyphes d'Asie centrale, Fascicule No. 6. 2 vols. Paris: DeBoccard, 2001.

Кубарев ВД, Цэвээндорж Д., Якобсон Э.,
Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай)
Новосибирск: Институт археологии и этнографии – РАН, 2005 г.
Включает текст, 1388 рисунков, 116 страниц схем, 61 фотографию.
(Kubarev VD, Tseveendorj D, Yakobson (Jacobson), E.
Petroglify Tsagaan-Salaa i Baga-Oigora (Mongol'skii Altai).
Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography-RAS, 2005.

- Данный комплекс будет включен в интерактивный веб-сайт и разработанную базу данных, поддерживаемую Национальным фондом гуманитарных наук (Университет штата Орегон).

Ценность участка:

- Комплекс Цагаан Салаа/Бага Ойгур является одним из самых больших, древних и наименее поврежденных концентраций наскального искусства в Северной Азии. Качество его изображений, особенно изображений бронзового века, остается непревзойденным по сравнению с другими участками, с которыми я знакома в российском Алтае или в Казахстане.

Комплекс Верхний Цагаан Гол (Шивээт-Хаирхан)

Местонахождение: Верхний Цагаан Гол и его основные притоки, Хар Салаа и Цагаан Салаа в сумэ Цэнгель находятся на расстоянии примерно 65 км от центра сумэ и примерно 130 км от Олгия.

География и координаты: высокогорная долина прямо на восток от Таван Богда; богатое пастбище в долине и на склонах гор над ней; некоторый ограниченный лесной покров в менее доступных частях долины. 49° 10 С.Ш., 88°15 В.Д.; высота над уровнем моря от 2000 до 2500 м.

Характеристика породы: обнажения метаграувакки, утесы, эрратические валуны; гранитные эрратические валуны; значительный ледниковый соскоб.

Общее количество отдельных изображений: 75 000 – 100 000 (предположительная оценка)

Территория распространения изображений: на обнаженных скалах вокруг священной горы Шивээт-Хаирхан, а также на обеих сторонах Хар Салаа и Цагаан Салаа, вверх до значительной возвышенности над Цагаан Салаа; вдоль границы и боковых морен на обеих сторонах верхнего Цагаан Гола. Общая протяженность по прямой внутри комплекса – 22,5 км (с востока на запад).

Традиции наскального искусства, датирование, процентное отношение:

Исполнение: выбитые, выгравированные, процарапанные, выдолбленные

Традиции: период до бронзового века (5%), бронзовый век (40%), начало железного века (30%), тюркский период (10 %), неопределенные (15%) (предположительная оценка).

Археологический контекст: неофициальное исследование артефактов эпохи палеолита, отсутствие официальных исследований или документов. Данный комплекс чрезвычайно

богат в плане поверхностной археологии – алтари, курганы, ритуальные холмы, менгиры и тюркские мемориальные сооружения; все это включено в комплексные исследования.

Культурный контекст: Сейчас верхнюю долину населяют тувинские пастухи, но в начале 20 века она была заселена казахами скотоводами. Сегодняшние обитатели в основном относятся с уважением к петроглифам и памятникам на поверхности. Современные надписи, которые повредили поверхности нескольких скал, видимо, принадлежат казахам.

Существующие документы:

- Примерно 17 000 фотографий (черно-белых, цветных), включая обширные виды ландшафта, поверхностной археологии и отдельных обнаженных горных пород, а также отдельных композиций и деталей. Этот материал хранится в Университете штата Орегон
- Опубликовано 1303 рисунка, оригиналы хранятся в Институте Археологии и Этнографии – РАН, Новосибирск.
- Полный набор аэроснимков советского периода (Университет штата Орегон)
- Документы GPS и ГИС по всему участку, включая все концентрации петроглифов и наземные структуры; расширенное производное картирование (Университет штата Орегон)
- Публикации по комплексу:
Якобсон-Тепфер Э, Кубарев ВД, Цэвээндорж Д.
Северо-западная Монголия: Верхний Цагаан Гол. Каталог петроглифов Центральной Азии, выпуск №7. 2 vols. Париж: изд. DeBoccard, 2006. Текст, 1303 рисунка, 706 фотографий и 9 карт.
Jacobson-Tepfer, E, Kubarev, VD, Tseveendorj, D.
Mongolie du Nord-ouest-Haut Tsagaan Gol. Répertoire des Pétroglyphes d'Asie centrale, Fascicule No. 7. 2 vols. Paris: DeBoccard, 2006.
Данный комплекс будет включен в интерактивный веб-сайт и разработанную базу данных, поддерживаемую Национальным фондом гуманитарных наук (Университет штата Орегон).

Ценность участка:

- Комплекс Верхний Цагаан Гол соперничает с комплексом Цагаан Гол/Бага Ойгор по размеру и качеству наскального искусства. Существует несколько основных различий между этими двумя комплексами: Цагаан Гол/Бага Ойгур имеет более значительный слой изображений периода до бронзового века, включая редкие изображения мамонтов. Верхний Цагаан Гол имеет необычайно богатый слой тюркских изображений. Материалы бронзового и начала железного века в обоих комплексах практически одинаковы по качеству и количеству. Верхний Цагаан Гол славится количеством памятников на поверхности и явными показателями того, что комплекс был создан тысячелетия назад вокруг священной горы Шивээт-Хаирхан.

Арал Толгой

Местонахождение: западный берег озера Хотон Нуур, в пойме, граничащей с Цагаан Салаа (на севере) и Хара Салагийн Гол (на юге); в Цэнгель сумэ, примерно 100 км от центра сумэ, и примерно 160 км от Улгий.

География и координаты: глубокая, изрезанная ледниками долина между высокими горами на севере, востоке (граница с Китаем) и западе; обширный лесной покров на юге и юго-востоке (лиственница, сосна); крупные озера на востоке; 48°60 с.ш., 88°12 в.д; высота над уровнем моря – приблизительно 1900 м.

Характеристика породы: основание из метаграувакки, чрезвычайно подверженная воздействиям ледников и климатических условий.

Общее количество изображений: примерно 1400, но многие слишком деградированы, чтобы их разобрать.

Территория распространения изображений: длинный холм в форме кита, простирающийся с юго-востока на северо-запад на расстояние примерно 1.5 км.

Традиции наскального искусства, датирование, процентное отношение:

Исполнение: выбитые, выгравированные, процарапанные, выдолбленные

Традиции: период до бронзового века (80%), бронзовый век (10%), начало железного века (2%), тюркский период (1 %), неопределенные (7%) (предположительная оценка).

Археологический контекст: неофициальное исследование артефактов каменного века в соседней пойме. Неофициальные и неопубликованные раскопки захоронений начала железного века на востоке, на южном берегу озера Хурган Нур.

Культурный контекст: сегодня, находясь в пограничной зоне, этот район теоретически закрыт для широкой публики. Летом на озерах присутствуют поселения казахов, а на южном конце Арал Толгой находится постоянный пограничный пункт.

Существующие документы:

- Примерно 2500 фотографий (черно-белых, цветных), включая ландшафты, прилегающие участки с наземной(поверхностной) археологией и отдельные обнаженные горные породы; а также отдельные композиции и детали. Этот материал хранится в Университете штата Орегон
- Опубликовано более 169 рисунков, оригиналы хранятся в Институте Археологии и Этнографии РАН, Новосибирск.
- Полный набор аэроснимков советского периода (Университет штата Орегон)
- Документы GPS и ГИС по всему участку, включая все концентрации петроглифов и структуры поверхности; расширенное производное картирование (Университет штата Орегон)
- Публикации по комплексу:
Цэвээндорж Д, Кубарев ВД, Якобсон Э,
Aral Tolgoi Khadny Zurag (Петроглифы Арал Толгой [Монголия]). Улан-Батор:
Институт археологии – МАН, 2005 г.
Текст (на монгольском, русском, английском), 169 рисунков, 20 фотографий, 2 карты и один рисунок
Tseveendorj, D, Kubarev VD, Yakobson (Jacobson), E.
Aral Tolgoi Khadny Zurag (Petroglyphs of Aral Tolgoi [Mongolia]).
Ulaanbaatar: Institute of Archaeology–MAS, 2005.

Данный комплекс будет включен в интерактивный веб-сайт и разработанную базу данных, поддерживаемую Национальным фондом гуманитарных наук (Университет штата Орегон)

Ценность участка:

Арал Толгой уникален среди всех остальных участков Северной и Центральной Азии: он, по-видимому, является самой крупной концентрацией наскального искусства под открытым небом со времен конца плейстоцена и начала голоцена.

Исследование

Выше было упомянуто существующее исследование всех трех основных комплексов в горных районах Баян Улгий. Существуют неопубликованные фотодокументы и данные ГИС по Хар Ямаа (Университет штата Орегон) и Хулцуутин Гол (Университет штата Орегон), а также по разрозненным небольшим участкам. Билуут был описан до некоторой степени Ричардом Кортумом (Государственный Университет Ист-Теннесси) и коллегами из Института археологии в Улан-Баторе. Ни один из комплексов и участков не был исследован на предмет их связи с сегодняшним населением, так как многие пастухи (казахи и тувинцы) переселились в этот регион только в последние 100 лет. Крошечное население урянхайцев, возможно, является более ранним.

Охрана

Физическая изоляция и отсутствие добычи полезных ископаемых до настоящего времени являлись решающими причинами, почему три основных комплекса и все остальные находятся в целом в отличном состоянии. Арал Толгой находится в охраняемой пограничной зоне; этот бесценный участок, часть комплекса Верхний Цаган Гол, и Билуут также включены в Национальный парк Алтай Таван Богд. Однако некоторая часть наиболее важного наскального искусства в Верхнем Цагаан Голе находится за пределами границ парка, а Цагаан Салаа/Бага Ойгур лежит целиком за пределами какой-либо охраняемой территории. Верхний Цагаан Гол и Цагаан Салаа/Бага Ойгур посещает все большее количество туристов, которые особенно интересуются наскальным искусством, но незнакомы с основными мерами предосторожности, которые надо соблюдать: не заезжать на автомобиле и не ходить по поверхностям с рисунками, не тереть, не обводить или не дотрагиваться до изображений какими-либо другими способами.

Сохранение и Управление

Арал Толгой демонстрирует наиболее значительные эффекты от воздействия ледников и частых суровых погодных условий. С другой стороны, наличие пограничного пункта на его территории означает, что он мог получать более пристальное внимание, чем остальные памятники в Баян Улгий. Наиболее успешным способом охраны этого поистине выдающегося участка было бы запрещение выпаса мелкого скота (овец и коз) на холме: их копыта явно наносят ущерб, а их частые выпасы привели почти к полному обнажению большей части склона холма.

Верхний Цагаан Гол и Цагаан Салаа/Бага Ойгур слишком велики, чтобы обнести их забором или физически защитить каким-либо другим способом. Более того, они подвергаются опасности быть «залюбленными до смерти», со стороны все более интересующегося местного населения и туристов. Наилучшим способом охраны этих больших участков является информирование местных жителей долины о культурной ценности наскального искусства и необходимости его сохранения, а также о потенциальной выгоде для местных жителей от туризма. Можно было бы привлечь местных пастухов (чабанов) в каждой из долин для регулярного патрулирования территорий. Эта деятельность не потребует крупного финансирования, но может быть очень эффективной. Подобное можно наблюдать в настоящее время в зоне Парка Алтай Таван Богд, но таких людей слишком мало для такой огромной площади, кроме того, они сами недостаточно образованы в области охраны памятников наскального искусства.

В настоящее время отсутствуют какие-либо органы местной власти, ответственные за вопросы управления памятниками. Филиал Академии Наук в Улгий и сотрудники Музея

Искусств этого города, а также заинтересованные лица в некоторых местных населенных центрах могли бы быть с легкостью привлечены для совместного обучения молодежи и оповещения ученых о ценности наскального искусства региона. К сожалению, даже местные (и иногда, не совсем местные) ученые, действующие из наилучших побуждений, не осведомлены о важности сохранения поверхностей камней нетронутой. Я думаю, это можно легко изменить при условии небольшого вложения средств и желания.

В этой части Монголии, как и по всей стране, финансирование культурных вопросов крайне ограничено или отсутствует вовсе.

Основные угрозы

Основные угрозы, которым подвергаются все участки в горных районах Баян Улгий:

- Несоответствующее использование памятников туристами и туристическими агентствами.
- Отсутствие существенного менеджмента и охраны.
- Нехватка финансирования со стороны местных или национальных ведомств.
- Чрезмерный выпас скота на прилегающих пастбищах.
- Изменение климата, которое приводит к изменению выпаса скота.

Иллюстрации см. на стр. 189

Памятники наскального искусства Минусинской котловины

Елена Миклашевич

Хакасско-Минусинская котловина – южная часть обширной межгорной впадины на юге Красноярского края, ограниченная на юге Западным Саяном, на западе – Абаканским хребтом, на севере – отрогами Кузнецкого Алатау и на востоке – отрогами Восточного Саяна.

Рельеф преимущественно увалисто-равнинный, расчленённый долинами. Высота изменяется от 200–300 до 700 м. Основание равнины и отдельные низкоргорные массивы сложены сланцами, песчаниками, конгломератами, мергелями, известняками, а также туфами, порфиритами и сиенитами палеозойского возраста, которые на более пониженных участках перекрыты суглинками, лёссами и супесями. Климат резко континентальный, местами засушливый. Средняя температура января от 16 до 20,5° С, июня – от 18,2 до 19,6° С. Зимой бывают морозы до 52° С, а летом температура иногда поднимается до 45° С. В центральной части котловины выпадает 240–270 мм, на периферии до 450–500 мм осадков (почти $\frac{2}{3}$ их приходится на лето). Основные реки – Енисей и его притоки – Абакан, Оя, Туба. Много пресных и солёных озёр (Тагарское, Солёное и др.). Почвы и растительный покров изменяются от центра к периферии.

Типы ландшафтов, характерные для памятников наскального искусства

Наиболее крупные местонахождения памятников связаны с водными артериями – средним течением Енисея и его притоков. Рисунки, нанесенные выбивкой, гравировкой, шлифовкой и краской, встречаются в основном на вертикальных скальных выходах красноцветного девонского песчаника; другие породы камня использовались крайне редко. Большое количество памятников сосредоточено в северо-западной части котловины, где скальные выходы встречаются по берегам многочисленных озер. На юго-западе котловины небольшие скальные выходы рассеяны по степным предгорьям.

Следует учитывать такую особенность региона, как наличие изображений не только на скалах, но и на многих других каменных объектах – разнообразных изваяниях, стелах, плитах надмогильных и внутримогильных конструкций, мелких каменных плитках и гальках. Таких памятников насчитываются сотни, и многие из них представляют целые композиции рисунков, вторично нанесенных на стоящие в степи стелы; ни техникой исполнения, ни в культурно-хронологическом плане они не отличаются от изображений на природных скалах и должны рассматриваться в контексте истории наскального искусства Центральной Азии.

В геологическом строении района Минусинской котловины принимают участие верхнедевонские отложения, которые, согласно общепринятой стратиграфической схеме, разделены на ойдановскую, кохайскую и тубинскую свиты. В районе Шалаболино все эти три свиты объединены в одну туранскую серию.

Петроглифы приурочены к скальным выходам пород тубинской свиты. Эти отложения, как правило, чётко выражены в рельефе в виде квэст различной высоты (абсолютные отметки

от 450 до 749 м). Рельеф квэст ассиметричен: короткие крутые склоны и длинные пологие. Угол наклона пологих склонов соответствует углу падения слагающих пород и имеет разные величины для различных памятников. Так для писаницы у с. Троицкого он равен 35°, Оглахты – 18°-21°, Куня, Суханиха – 12°-15°, Боярские писаницы – 5°-10°, Шалаболино – 4°-8°. Профиль крутых склонов квэст осложнен уступами, на плоскостях которых расположены петроглифы. Гипсометрическое положение петроглифов относительно уреза рек Енисей и Туба различно и для большинства памятников оно понизилось в связи сооружением Красноярской ГЭС.

Породы тубинской свиты окрашены в различные цвета: буровато-коричневые, красно-коричневые с фиолетовым оттенком, реже серые, зеленовато-серые, светло-коричневые, палевые и желтоватые. По гранулометрическому составу они отвечают тонко- и мелкозернистым песчаникам. В них в различном количестве присутствует пелитовый (глинистый) материал. Наличие в породах пелитового материала снижает их устойчивость к процессам выветривания, поэтому прослои этих пород более разрушены и часто имеют отрицательный профиль.

Численность и распространение памятников

Минусинская котловина представляет собой выдающееся явление: это самый насыщенный по концентрации археологических памятников регион Сибири, и возможно, России в целом. Здесь, на сравнительно небольшой территории, сосредоточены тысячи памятников – могильники, поселения, наскальные рисунки, изваяния, святилища – относящиеся ко всем эпохам от палеолита до этнографической современности. Согласно сводке, составленной Э.Б. Вадецкой (1986, с.159-166), здесь насчитывается 107 памятников наскального искусства.

Датировка наскальных изображений

Исследование минусинских петроглифов находится на очень высоком уровне. Трудно указать другой регион мира, где памятники наскального искусства были бы столь же хорошо изучены и атрибутированы в культурно-хронологическом плане. Это связано, прежде всего, с длительной историей изучения, как самих петроглифов, так и других археологических памятников Минусинской котловины, что обеспечивает солидную источниковую базу современных исследований. В распоряжении исследователей наскального искусства имеется значительное количество раскопанных археологических объектов разных эпох, хорошо разработанная хронологическая колонка археологических культур, а также большие серии предметов декоративно-прикладного искусства, которые находят свои соответствия в петроглифах.

Особенностью является также широкое использование в погребальных сооружениях разных культур и на протяжении нескольких тысячелетий каменных плит, на поверхности которых сохранились разные изображения. В отличие от петроглифов на открытых плоскостях скал, такие рисунки, так или иначе, связаны с археологическими комплексами, из которых они происходят. Иногда рисунки наносились специально для данного погребения или курганной конструкции, и в этом случае изображения на них имеют отношение к погребальному ритуалу. В других случаях плиты с рисунками использовались просто как строительный материал. Это могли быть плиты, принесённые с ближайших местонахождений петроглифов, или же плиты и изваяния, взятые со святилищ или из разрушенных могил предыдущих периодов. В любом случае, нахождение изображений в археологических комплексах при анализе их стратиграфии, местоположения, композиции, стиля, связи с

погребением и т.д. позволяет исследователям установить культурную принадлежность таких рисунков, а затем сопоставить их с изображениями на скалах. В сочетании с другими методами датирования (стратиграфические наблюдения, стилистический анализ, сравнение техники нанесения, привлечение датированных петроглифов с сопредельных территорий) эта особенность археологии Минусинской котловины позволила создать подробную хронологическую шкалу наскального искусства региона и успешно применять её даже при атрибуции петроглифов сопредельных территорий.

В рамках существующих представлений о смене культур в регионе выделяются восемь основных культурно-хронологических пластов наскального искусства Минусинской котловины. Наиболее древними считаются петроглифы, выполненные в так называемом «*минусинском стиле*». Я.А. Шер охарактеризовал особенности стиля этой группы петроглифов и отнес изображения минусинского стиля «к числу наиболее ранних рисунков Среднего Енисея, не исключая и их верхнепалеолитического возраста» (Шер, 1980, с. 190-193). Об архаичности этого пласта наскальных изображений свидетельствуют: крупные размеры фигур; стилистические особенности (грузный корпус, маленькая голова с вытянутой вперед мордой, как бы «свисающие» ноги, некоторый схематизм в сочетании с реалистичностью и др.); набор образов, отражающий мир первобытного охотника (олень, дикий бык, лось, медведь, кабан, дикая лошадь, косуля); «первичность» изображений (композиции свободно расположены на самых удобных плоскостях, эти рисунки никогда не наслаиваются на другие, тогда как сами бывают перекрыты более поздними. Изображения минусинского стиля встречены на скалах Тепсея, Усть-Тубы, Оглахты, Суханихи, Мосеихи, Шалаболино, а также у с. Троицкое.

Предположительно к эпохе неолита-энеолита относится пласт изображений так называемого «*ангарского стиля*», встречающегося, в основном, на тех же памятниках и часто вместе с петроглифами «минусинского стиля». Исследователи отмечают поразительное сходство с ними некоторых реалистических изображений лосей Ангары, Енисея и Томи. По аналогии со скульптурными изображениями из археологических комплексов и учитывая преобладание образа лося, этот пласт петроглифов был отнесен к неолиту. Ангарские неолитические петроглифы послужили опорой для датировки похожих на них изображений лосей с других территорий – Томи, Алтая, Минусинской котловины (Подольский, 1973, с. 269-271; Шер, 1980, с.187-190; Пяткин, Мартынов, 1985, с.118-121 и др.). На Енисее эта серия петроглифов наиболее многочисленна и репрезентативна. Нам представляется, что место «*ангарского стиля*» в хронологической колонке уверенно можно определить между «минусинским стилем» и «окуневскими изображениями». Это подтверждается палимпсестами, анализом образов и сюжетов, закономерностями развития стиля.

Если древнейшие изображения выделяются по стилю и стратиграфии и датируются только относительно, по косвенным признакам, то для последующих пластов енисейского наскального искусства возможна довольно точная культурно-хронологическая атрибуция на основе привлечения предметов мелкой пластики, изваяний и плит с рисунками, найденных в хорошо датированных археологических памятниках.

Петроглифы *окуневской культуры* (сер. II тыс. до н. э.) обнаружены на скалах многих местонахождений Минусинской котловины, они легко идентифицируются по характерному и чрезвычайно выразительному стилю, так как подобные изображения во множестве известны по рисункам на плитах из окуневских погребений, каменных изваяниях и стелах. Большинство исследователей поддерживает точку зрения о монокультурности разнообразных изобразительных памятников, называемых окуневскими. Для окуневских наскальных рисунков характерно большое разнообразие приемов техники: многие из них нарисованы охрой (хотя в целом красочные рисунки не характерны для писаниц

Минусинской котловины), другие выгравированы, выбиты, шлифованы, в некоторых рисунках сочетаются разные технические приемы. Наиболее широко окуневский пласт представлен на Шалаболинской писанице. Это выбитые и нарисованные охрой изображения маскированных антропоморфных фигур, личин, рожениц, синкретические образы хищников, солярные символы и знаки (Пяткин, 1981, с. 85-109). На других памятниках окуневские рисунки либо встречаются в очень незначительном количестве (чаще единичные рисунки) среди многочисленных изображений других эпох (Суханиха, Мосеиха, Усть-Туба, Оглахты, у с. Троицкое, Черемушный лог), либо это монокультурные памятники, состоящие только из одной, или двух-трех окуневских композиций; такими являются Кантегир, Кундусук, Джой, Коровий лог, гора Тюря и Сулек V в комплексе Сулек, Изырых-Тас, Пора-Тигей, Ашпа и др.

Петроглифы *эпохи поздней бронзы* (XI-VIII вв. до н.э.) достаточно хорошо определяются по характерной геометризованной манере изображения и находкам целой серии аналогичных изображений на плитках из погребений карасукской культуры. Проблема выделения карасукского пласта в петроглифах Южной Сибири была поставлена Б. Н. Пяткиным; основанием для атрибуции этих петроглифов являются находки изображений на плитах из карасукских и более поздних могил. Наиболее репрезентативны серии карасукских рисунков на таких многослойных памятниках как Бычиха, Шишка, Оглахты III, IV и VIII, Суханиха IV, Тепсей II и III, Усть-Туба V. Только карасукские изображения представлены на монокультурных местонахождениях Суханиха VI и Седловина II. Однако проблема культурной атрибуции этого пласта петроглифов остается пока не решенной, и определение этих петроглифов как «карасукских» имеет значение для их хронологии, так как «в хронологическом плане... в эпоху поздней бронзы на юге Минусинской котловины существовали памятники карасукской культуры, каменноложского этапа (или лугавской культуры) и переходного карасук-тагарского времени (баиновского этапа), характер связей между которыми пока окончательно не установлен» (Савинов, 1993, с.69-70).

В раннем железном веке территория Минусинской котловины была занята племенами *тагарской культуры* (VII-I вв. до н.э.), отличающейся некоторым своеобразием от родственной ей культур скифского круга и сформировавшей характерный исторический пейзаж енисейских степей бесчисленными курганными могильниками с высокими угловыми камнями оград. Материалы раскопок этих курганов и случайные находки дали огромную серию образцов тагарского декоративно-прикладного искусства. Сопоставление этих предметов и произведений искусства с других территорий скифского мира с соответствующими по стилю, иконографии и сюжетам наскальными изображениями, позволяет выделить большой пласт петроглифов скифского времени на памятниках Минусинской котловины; дополнительные возможности дают изображения на плитах оград тагарских курганов. Петроглифы этой эпохи – самые многочисленные на скалах Минусинской котловины и встречаются повсеместно. В целом, наскальное искусство этого сложного исторического периода представляет большой интерес для исследователей с точки зрения этнокультурной атрибуции составляющих его различных стилистических групп.

Атрибуция петроглифов *таштыкской культуры* (I–VII вв.) не вызывает особых трудностей, учитывая стилистические особенности, присущие искусству только этой культуры. Находки изображений коней с характерными султанами на голове, а также гравюр на бересте и деревянных планках из склепов таштыкской культуры дали редкую возможность бесспорного, абсолютно убедительного выделения соответствующего пласта петроглифов (Кызласов, 1960, с. 91; Грязнов, 1980, с. 144-146). Большинство известных таштыкских петроглифов происходит из северо-западных районов Хакасии – памятники Подкамень, Ошкольская писаница, писаницы у оз. Тус и Белё. На писаницах Енисейско-Тубинской группы, в районе расположения таких эталонных таштыкских могильников, как Оглахтинский и Тепсейский, представлен пока малоизвестный, но не менее значительный пласт

таштыкского искусства. Петроглифы таштыкской культуры есть на Суханихе, Тепсее, Оглахты, Шалаболино, Куне, Ильинской и Георгиевской писаницах, на горе Седловина I и др.

Петроглифы эпохи *енисейских кыргызов* (IX–X вв.) характеризуются сочетанием традиций таштыкского стиля и общих для всей древнетюркской эпохи изобразительных канонов. Изображения вооруженных всадников на стремительно мчащихся конях с выстриженной зубцами гривой, сражающихся с противником или охотящихся, известны на огромной территории от Монголии до Дуная. Одним из опорных памятников для изучения истории и искусства раннесредневековых народов Евразии является скала Сулек в Хакасии. Гравированные рисунки эпохи «кыргызского великодержавия» есть на многих других памятниках региона – на писанице Улазы, Шалаболинских скалах, Туранской писанице, на горе Георгиевской, в Оглахты и др.

Рисунки эпохи *позднего средневековья* есть на многих памятниках Минусинской котловины, но их анализ и атрибуция затруднены практически полным отсутствием соответствующих археологических данных. Так, на скалах Оглахты IV выявлены целые серии интересных сюжетных композиций, которые нельзя отнести ни к одной из вышеописанных культурно-хронологических групп, отличаются они и от рисунков этнографического времени. Их изучение и идентификация – дело будущего.

Изображения *этнографического времени* (XVII – нач. XX вв.) встречаются повсеместно, они не менее многочисленны и разнообразны, чем древние петроглифы. Их датировка основана на изображенных этнографических реалиях и сопоставлении с изображениями на бытовых предметах и шаманских бубнах. Рисунки этнографической современности есть на скалах Шалаболино, Суханихи, Куни, Тепсея, Усть-Тубы, Мосеихи, Бычихи и др., но хакасские изображения Оглахты превосходят все остальные памятники и по количеству рисунков, и по разнообразию сюжетов и образов.

Состав и формы имеющейся документации

Изучение рисунков на скалах и стелах в степях Среднего Енисея началось в XVIII в. с экспедиции Д.Г. Мессершмидта и продолжается уже почти три столетия. За это время территория обследована практически полностью, памятники выявлены, и большинство их неоднократно исследовалось. Огромный объем работы по документированию наскального искусства Минусинской котловины выполнен в начале XX вв. А.В. Адриановым, который сделал подробные описания, фотографии и бумажные эстампажи нескольких десятков писаниц (Адрианов, 1904а, 1904б, 1908, 1910 и др.). Его работа была намного опережающей своё время по научному уровню, а его архивы до сих пор имеют высокую научную ценность для исследователей. Некоторые изучавшиеся им памятники уже не существуют, а сделанные А. В. Адриановым эстампажи петроглифов остаются единственным источником.

Второй период наиболее интенсивного изучения петроглифов Енисея связан с 1960-70 гг., когда началось строительство, а затем затопление водохранилищ Красноярской и Саяно-Шушенской ГЭС. Все многочисленные и бесценные с культурно-исторической точки зрения памятники наскального искусства, расположенные по берегам Енисея, должны были уйти под воду, так же как и тысячи других археологических памятников. Для обследования петроглифов Среднего Енисея был создан специальный отряд под руководством Я.А. Шера, который и провел грандиозную работу по документированию основных затапливаемых местонахождений (Шер, 1980, с. 139-169).

В последние десятилетия на памятниках Минусинской котловины постоянно работают исследователи из Минусинска, Абакана, Красноярска, Кемерово, Москвы и Санкт-

Петербурга; был проведен также ряд международных экспедиций. Собран огромный материал, к сожалению, в основном остающийся неопубликованным. Кроме многочисленных статей, в которых публиковались отдельные композиции и фигуры, до 1994 г. монографически были опубликованы только два больших памятника – Куня (Вяткина, 1961) и Шалаболино (Пяткин, Мартынов, 1985). Из менее крупных памятников были опубликованы Большая и Малая Боярские писаницы (Дэвлет, 1976), Коровий Лог (Леонтьев, 1976) и Кантегир (Леонтьев, 1985). Ситуация несколько изменилась, когда начали выходить полные публикации памятников в серии «Репертуар петроглифов Центральной Азии» на французском языке (Sher, 1994; Blednova et al. 1995; Sher, Savinov, 1999). В недавно вышедшей монографии (Семёнов и др., 2000) содержится выполненная на современном уровне полная документация по двум самым северным памятникам региона – Каратаг и Кедровая. Тем не менее, основное богатство петроглифов Минусинской котловины до сих пор остается известным лишь узкому кругу работающих здесь исследователей.

Консервация памятников наскального искусства

В июле-августе 2002 г. в рамках проекта «Сохранение памятников наскального искусства», осуществляемого Межрегиональной общественной организацией «Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства» (САИПИ) при Кемеровском государственном университете, проведено комплексное обследование состояния сохранности следующих местонахождений наскального искусства Минусинской котловины: петроглифы в горах Суханиха и Моисеиха, Шалаболинская писаница на территории Минусинского района, в горах Тепсей и Бычиха на территории Краснотуранского района (Красноярский край); писаница на горе Куня в Усть-Абаканском районе, Боярские писаницы, писаница у с. Троицкое и петроглифы в горах Оглахты в Боградском районе (Республика Хакасия). В состав экспедиции входили археологи – исследователи первобытного искусства, реставраторы, геолог, лихенолог, специалисты по охране памятников и использованию культурного наследия.

Произведён осмотр ряда наиболее значимых и в той или иной степени документированных памятников наскального искусства в бассейне среднего Енисея; выявлены основные факторы разрушения для каждого памятника; проведено сравнение современного состояния петроглифов с их состоянием по имеющейся документации предыдущих лет; определены последствия строительства Красноярской ГЭС для памятников, находившихся в зоне затопления; разработаны предложения по сохранению памятников; собран фотоматериал для последующего мониторинга состояния сохранности обследованных памятников.

Проведенные исследования позволили определить основную задачу консервационных работ – устранить причину повышенной увлажнённости петроглифов, т. е. восстановить условия, в которых петроглифы существовали длительное время и благодаря которым сохранились до нашего времени. Однако в полной мере решить задачу для памятников, оказавшихся в зоне действия Красноярской ГЭС, не представляется возможным вследствие необратимых изменений гидрологических условий.

На многих местонахождениях могут быть эффективно использованы защитные конструкции – козырьки, навесы. На ряде памятников необходима организация водостоков, предотвращающих попадание тало-дождевых вод на скальные поверхности с петроглифами. Для енисейских памятников может быть рекомендована технология закрепления корковых слоёв, прошедшая апробацию на Шишкинских писаницах. Для закрепления использовалась доделочная масса на глинистом вяжущем, модифицированном кремнеорганикой. В качестве наполнителя применялись разномодульные фракции пород, слагающих памятник.

Достаточно эффективным методом удаления лишайников с камня может быть обработка их раствором перекиси водорода и аммиака, не загрязняющих породу из-за быстрого разложения и улетучивания. Обработанные раствором наслоения после небольшой выдержки (от 30 минут до 1,5 часов) механически удаляются с поверхности камня с помощью щетинной щётки и воды.

Удаление со скальных плоскостей надписей и рисунков, выполненных красками, может производиться с помощью компрессов и паст на основе смеси органических растворителей, природных и искусственных сорбентов и загустителей. Разработаны очищающие составы для различных типов покраски – масляной, поливинилацетатной, нитроэмали и др.

В 2002 г. на комплексе памятников Сулек работал коллектив специалистов из ГосНИИ реставрации (г. Москва), имеющих опыт консервации и реставрации памятников наскального искусства Восточной Сибири – Э.Н. Агеева, Н.Л. Ребрикова и Р.В. Лобзова. Ими были разработаны рекомендации и предложения по консервации петроглифов. В 2003 г. сотрудником ГосНИИ реставрации А.В. Кочановичем на памятнике проведены следующие неотложные работы: сооружение водоотводного козырька над плоскостью с гравировками на Сулеке I; удаление краски с основной плоскости с гравировками; закрепление отслаивающейся скальной корки по методу «отбортовки» (разработанному Э.Н. Агеевой и опробованному на памятниках Восточной Сибири), когда прикрепление корки проводится по краю отслоения без заполнения образовавшегося под ним пустого пространства реставрационным материалом.

Специалистами-консерваторами Э.Н. Агеевой и А.В. Кочановичем в 2002-2003 гг. на памятнике Мосеиха, проведено обследование и эксперименты по удалению краски с основной плоскости местонахождения. Были подобраны необходимые составы растворителей, и некоторые фрагменты изображений удалось очистить от краски.

Современное состояние памятников и основные угрозы

Факторы, угрожающие сохранности памятников наскального искусства, разнообразны и имеют природный (морозное разрушение, отслоение патинизированного коркового слоя, поверхностные минеральные наслоения, рост лишайников и др.) и антропогенный характер. К нарушению природной защиты петроглифов приводят как естественные денудационные процессы, так и обвалы, оползневые процессы, вызванные техногенным вмешательством (строительство Красноярского гидроузла). Последние наблюдаются на местонахождениях петроглифов, расположенных в зоне затопления водохранилища: Оглахты I-II, Тепсей-I, Усть-Туба-III, Суханиха-I, Шалаболино. Эти памятники наиболее подвержены морозному разрушению, что объясняется повышением их обводнённости за счёт речной воды. Наибольшие повреждения наблюдаются на памятниках, характеризующихся низким гипсометрическим уровнем относительно уреза воды. Отслоение корок на этих памятниках носит угрожающий характер.

На петроглифах, попавших в зону затопления водохранилища и подвергающихся циклу затопления и высыхания, наблюдаются наслоения, образованные речной водой. Они сплошным слоем покрывают рисунки, полностью скрывая их.

Многие плоскости с петроглифами в долине среднего Енисея покрыты эпилитными лишайниками. Повреждение наскальных рисунков лишайниками в пределах одной скальной плоскости обусловлено степенью увлажнения и характером микрорельефа поверхности. Свободны от лишайников только плоскости, защищённые от увлажнения атмосферными осадками нависающими над ними карнизами и выступами или имеющие вертикальный и

отрицательный угол наклона. В качестве доминирующих видов богатой эпилитной лишенофлоры памятников наскального искусства среднего Енисея определены следующие виды: *Lecanora muralis*, *Lecanora rubina*, *Lecanora frustulosa*, *Xantoria elegans*, виды рода *Aspicilia*, *Lecidea*, *Dermatocarpon*, *Collema*, *Parmelia conspersa*. Реже встречались *Candelariella vitellina*, *Rinodina oreina*, *Dimelaena oreina*, виды рода *Leptogium*, *Acarospora*.

Повреждения памятников наскального искусства, связанные с деятельностью человека, делятся на две группы: техногенного характера и посетительский вандализм. Ухудшение состояния сохранности енисейских памятников наскального искусства обусловлено строительством Красноярского гидроузла. Процессы природного разрушения петроглифов, попавших в зону затопления водохранилища, интенсифицировались.

Повреждения петроглифов, обусловленные посетительским вандализмом, не столь актуальны для памятников среднего Енисея, ввиду труднодоступности большинства местонахождений. Основной вид повреждений – надписи поверх рисунков, выполненные разнообразными красками, мелом, углем или процарапыванием и выбивкой. Практически на всех памятниках наблюдались следы от контактного копирования петроглифов в виде вкраплений в камень черной краски.

Наиболее значимые памятники наскального искусства

Оглахты

Самым грандиозным памятником наскального искусства Минусинской котловины является местонахождение Оглахты. Это большой горный узел на левом берегу Енисея, напротив и ниже впадения в него р. Тубы, примерно в 60 км от Абакана. Петроглифы имеются в нескольких пунктах, на разных горах, как непосредственно у воды, так и на значительном от нее удалении; всего выделено восемь пунктов (Советова, Миклашевич, 1999, с. 50), каждый из которых по своим топографическим и археологическим характеристикам может считаться самостоятельным местонахождением.

Наиболее известными являются петроглифы на береговых скалах. Именно они привлекали внимание первых исследователей. Сведения об этой писанице появились в середине XIX в., а первая публикация отдельных рисунков сделана Г. И. Спасским (1857, с. 149). В 1885 г. писаницу обследовал И.Т. Савенков (1886, с. 64-65), позднее опубликовавший неточные прорисовки некоторых рисунков (Савенков, 1910). В 1887 г. члены экспедиции И.Р. Аспелина сделали несколько эстампов и зарисовали труднодоступные композиции (Appelgren-Kivalo, 1931, Abb. 133-140). В 1904-1907 гг. здесь работал А.В. Адрианов, который снял первые достоверные копии-эстампажи. В отличие от своих предшественников, он осмотрел не только сравнительно легко доступные прибрежные скалы, но работал и на очень высоко расположенных скальных выходах на удалении от Енисея (гора «Сорок зубьев»). Позднее, в 1967-68 гг., петроглифы береговых скал были полностью обследованы и скопированы отрядом Я.А. Шера. Главной задачей этой экспедиции была полная фиксация памятников наскального искусства, которые должны были быть затоплены водохранилищем строящейся Красноярской ГЭС (Шер, 1980, с. 139).

Я. А. Шер выделил два скопления петроглифов прибрежной части - **Оглахты I и II**, а также был обнаружен новый пункт – **Оглахты III**, расположенный высоко у гребня горы, разделяющей пункты I и II. Всего эти местонахождения содержат 141 плоскость с более чем 700 рисунками, большая часть которых относится к каменному веку, но представлена также эпоха бронзы, ранний железный век, средневековье. Среди древнейших рисунков, выполненных в «минусинском стиле» – фигуры диких быков, лошадей, оленей, лосей,

медведей, а также изображения рыб, антропоморфных фигур в рогатых головных уборах, лодок. Среди изображений раннего железного века – знаменитые «отмеченные» изображения коней (Советова, 1987а) и антропоморфные фигуры в головных уборах скифского типа. Большинство петроглифов выполнено в технике выбивки, но встречаются и гравированные, шлифованные, выполненные охрой изображения. Рисунки комплексов Оглахты I-III опубликованы полностью (Sher et al., 1994).

Самым значительным по числу рисунков является пункт **Оглахты IV** – целая цепь скальных выходов в верхней части южного склона горы, получившей название "Сорок зубьев". Работу по копированию этого местонахождения начал А.В. Адрианов (около некоторых плоскостей сохранились его автографы). В 1970-е гг. здесь работали Н.В. Леонтьев, В.Ф. Капелько, Л.Р. Кызласов; этнографические хакасские рисунки, во множестве представленные здесь, были частично опубликованы (Кызласов, Леонтьев, 1980). С 1978 г. на памятнике работал отряд под руководством Б.Н. Пяткина (Pyatkin, Sovetova, Miklashevich, 1998), и к началу 1990-х все петроглифы Оглахты IV были скопированы. Всего мы насчитываем здесь 260 плоскостей с более чем 1500 изображениями. Подавляющее большинство рисунков относится к позднему времени (XVIII – нач. XX вв.) и чрезвычайно интересны для изучения верований и реалий повседневной жизни хакасов. Довольно много также изображений карасукской, тагарской и таштыкской культур, средневековья. Техника исполнения петроглифов – выбивка и гравировка.

Сходным по топографии и стилистико-хронологическим характеристикам является местонахождение **Оглахты V**. Здесь насчитывается 60 плоскостей со 130 рисунками. Они полностью опубликованы (Пяткин, Советова, Миклашевич, 1995).

Оглахты VI – условно выделяемое местонахождение под названием Кизань. Рисунки здесь не сконцентрированы компактной группой, а разбросаны на очень большой территории холмистых предгорий горы «Сорок Зубьев». Петроглифы встречаются на небольших скальных выходах, на южных пологих склонах, на прилегающих возвышенностях и в небольших логах. Особенностью местонахождения является наличие большого количества рисунков на отдельно лежащих плитах, количество которых оценивается в несколько сотен. В основном эти рисунки были сделаны хакасами, пасущими в предгорьях овец, как это было засвидетельствовано еще А. В. Адриановым. Большая коллекция таких плит с этнографическими рисунками была исследована и опубликована (Кызласов, Леонтьев, 1980), но здесь есть и более ранние рисунки. Так, имеется большая плита с редкими изображениями кинжалов, колесниц, солярных знаков, лошадей и оленей эпохи поздней бронзы (Пяткин, 1985). Довольно много небольших плиток вывезено в музей. Редкие изображения на скальных выходах в этой местности относятся также к этнографическому времени, но есть и тагарские рисунки. Одна группа изображений, находящаяся на скальных выходах глубоко в логу между горами, где расположены Оглахты IV и V, также отнесена нами к этому пункту, хотя и достаточно удалена. Здесь есть около 15-20 плоскостей с разновременными рисунками, среди которых наибольший интерес представляет горизонтальная поверхность скалы с очень ранними выбитыми изображениями диких лошадей и медведя (Советова, Миклашевич, 1999 б, с. 55).

Оглахты VII – небольшая, но довольно интересная группа ранних петроглифов, найденная Б. Н. Пяткиным в прибрежной части уже после затопления водохранилища. Рисунки находятся в скальной нише, в Бугаевом логу, выше по склону над Оглахты I. Изображения лосей, быков, оленей, кабана и знаков выполнены выбивкой, шлифовкой, охрой.

Оглахты VIII – отдельное местонахождение петроглифов, высоко в логу над прибрежными скалами, начинается от плоскости 109 пункта Оглахты I (по Я.А. Шеру) и далее по логу вверх

перпендикулярно береговой линии. Здесь найдено несколько десятков рисунков, относящихся к концу эпохи бронзы – началу раннего железного века (Черняева, 1987, с. 62-66).

В целом, несмотря на значительную проделанную работу по документации комплекса Оглахты и ряд публикаций, исследование памятника далеко от завершения, здесь возможны новые находки петроглифов и их скоплений. Кроме того, вблизи петроглифов расположено большое количество разновременных археологических памятников, в том числе несколько тагарских могильников, на плитах оград которых встречаются изображения, а также знаменитый таштыкский могильник Оглахты, раскопки которого начал еще А.В. Адрианов, средневековая крепость и многие другие.

Сулек

Комплекс памятников по берегам р. Печище, притока р. Черный Июс в районе с. Копьева на севере Хакасии. Когда-то в этом месте был улус Сулеков, отсюда и установившееся название основного местонахождения – «Сулекская писаница». В сводке Э.Б. Вадецкой эти писаницы названы также Печищенскими (Вадецкая, 1986, с. 161).

Самый известный из памятников – Сулек Писаная гора, знаменитый своими руническими надписями и резными средневековыми рисунками, был впервые осмотрен в 1847 г. М.А. Кастреном (Кастрен, 1860, с. 393). В 1887 г. здесь работала финская экспедиция И.Р. Аспелина, участники которой обследовали Писаную гору и следующую за ней Соляную, зарисовали и описали большинство обнаруженных рисунков, сделали план местности (Arpela-Kivalo, 1931, Abb. 65-91). Надо отметить высокую степень точности зарисовок с петроглифов; опубликованная Аппельгреном-Кивало копия этой композиции до сих пор остается основным источником по Сулекской писанице, а отдельные рисунки репродуцируются в разных публикациях. В 1909 г. на памятнике работал А.В. Адрианов. Он сделал здесь 56 эстампажей и обследовал не только уже известные Писаную и Соляную горы, но и нашел рисунки еще на двух горах на правом берегу р. Печище (Адрианов, 1910, с. 41-53; Вадецкая, 1986, с. 161). Одна из найденных им композиций (изображение масок и фантастического хищника окуневской культуры) представляет большой интерес и много раз публиковалась (Шер, 1980, рис. 12 и др.). Во второй половине XX в. памятник обследовался многими российскими исследователями (Леонтьев, 1978; Кызласов, Леонтьев, 1980; Leont'ev, Kapel'ko, 2002). В 1990-х гг. Сулекские писаницы продолжали исследования экспедиции Кемеровского университета, музея-заповедника «Томская писаница» и др. В этот же период памятник изучал корейский исследователь Чжан Со Хо; он сделал новые копии с основных композиций Писаной горы, причем зафиксировал не только сами рисунки, но и все повреждения поверхности – от мельчайших трещин до современных надписей (Чжан Со Хо, 1999). В 2003 г. под руководством Е.А. Миклашевич документирование комплекса памятников Сулек проводилось в рамках проекта ЮНЕСКО CARAD; также ведутся консервационные работы.

Комплекс памятников Сулек разделен нами на семь пунктов.

Сулек I – центральное местонахождение, известное как «Сулекская писаница», или Писаная гора (по Аспелину). Это юго-восточная гряда горы, находящейся на левом берегу р. Печище, справа от дороги от Копьева на Саралу, напротив поворота в с. Устинкино. Изображения находятся низко от подножия горы, на вертикальных выходах девонского песчаника; все плоскости расположены на одном ярусе, ориентированы на юг. Именно здесь находится знаменитая скала с древнетюркскими руническими надписями и многочисленными резными изображениями конных воинов, дерущихся верблюдов, убегающих от охотников оленей, баранов и козлов и многими другими сценами. Рядом с ней расположена еще одна большая

многофигурная композиция с несколькими десятками выбитых изображений антропоморфных фигур, всадников, оленей и других животных, относящаяся к тагарской культуре. Далее вдоль яруса находится еще около десятка плоскостей меньшего размера с менее выразительными изображениями. Когда-то среди них была редкая сцена с изображением двух антропоморфных фигур около большого тагарского котла, известная по рисунку в публикации Аппельгрена-Кивало (Appelgren-Kivalo, 1931, Abb. 74-75), но теперь она исчезла.

Сулек II – следующая гряда той же горы, отделенная небольшой впадиной. У Аспелина она обозначена как Соляная гора. Здесь нет больших скальных выходов, и рисунки нанесены на несколько подходящих для этого плоскостей. В основном, это антропоморфные тагарские изображения, есть также изящная таштыкская гравировка и невыразительные поздние фигуры.

Сулек III – несколько изображений, гравированных и выбитых, найдены высоко на выходах южного склона горы, расположенной к юго-востоку от Сулек I и II, у самой дороги.

Сулек IV и Сулек V представляют собой две гряды горы Озерная, расположенной к северо-востоку от Писаной и Соляной над горько-соленым озером Сульфат. Писаница также известна под названием Сульфат и Озерная. Петроглифы обоих местонахождений расположены на нижнем ярусе скальных выходов на юго-восточных склонах. Одна гряда отделена от другой небольшой ложбиной, поросшей кустарником. На каждой найдено несколько плоскостей. Среди петроглифов Сулека IV наиболее интересна композиция тагарского времени с изображением всадников с оленьими рогами на голове, охотящихся на оленей. К сожалению, сохранилась лишь верхняя часть этой плоскости. На Сулеке V находится целый ряд окуневских рисунков, частично опубликованных Н.В. Леонтьевым (1978, рис. 12: 3, 14), среди них уникальное изображение фантастического существа с телом человека, рукой-змеей и головой хищника. Есть также изображения лося, лошади, маскированных коров и солнечной личины.

Сулек VI - местонахождение на следующей в цепи гор после Писаной, Соляной и Озерной, почти в 2-х км к северу от озера. По сообщению Н.В. Леонтьева, там находятся необычные для Минусинской котловины раннескифские изображения оленей в аржанском стиле и другие петроглифы.

Сулек VII – гора под названием Тюря на правом берегу р. Печище, в 3-х км к югу от Сулекской писаницы. На ее крутом северном склоне, очень высоко от подножия находится единственная плоскость с изображениями окуневской культуры. Она была скопирована А.В. Адриановым, фрагмент его эстампажа частично опубликован Я. А. Шером (1980, рис. 12), а полностью композиция скопирована Н.В. Леонтьевым (Leont'ev, Karel'ko, 2002, Т. 45). Здесь выбиты контурные изображения коня, фантастического хищника на птичьих ногах, личин и неопределенных животных, а также выгравированы фигуры быков. Нижние фрагменты плоскости отсутствуют, но в целом ее состояние стабильное.

В литературе есть неясные упоминания об ещё нескольких пунктах с петроглифами в районе улуса Сулекова и р. Печище.

Перспективным представляется исследование археологического контекста этого района. К востоку от озера Сульфатное находится могильник тагарской культуры. По опубликованным данным, комплекс разновременных памятников найден и исследован в районе с. Устинкино. На правом берегу Черного Июса раскопаны поселение эпохи поздней бронзы, могильник и поселение тесинского этапа тагарской культуры (Савинов, 1976, с. 275), а также могильник

поздней бронзы, отражающий контакты ирменских и карасукских племен (Савинов, Бобров, 1983, с. 34-71). На пашне в окрестностях с. Устинкино на левом берегу Черного Июса найдено миниатюрное каменное изваяние окуневской культуры (Leont'ev, Kapel'ko, 2002, Т. 91: 225). На горах в этом районе имеются «све» – фортификационные сооружения древних кыргызов (датировка этих сооружений в последнее время пересматривается, возможно, они возводились еще в окуневский период). Несомненно, список археологических памятников в окрестностях Сулека не исчерпывается приведенными примерами.

Суханиха

Гора Суханиха расположена на правом берегу Енисея, в 12 км выше устья Тубы. Петроглифы здесь находятся на береговых утесах и во внутренних логах скального массива на вертикальных блоках девонского песчаника, расположенных ярусами по склонам. Впервые наскальные изображения Суханихи в 1904 г. обследовал, описал и сделал 96 эстампажей А.В. Адрианов, отметивший, что зафиксировал лишь незначительную часть рисунков этого местонахождения (Адрианов, 1904). В разные годы памятник исследовался Я.А. Шером (Шер, 1980, с. 141-142), М.А. Дэвлет (Дэвлет и др., 1979; Дэвлет, 1982), Н.В. Леонтьевым (1978, рис. 2; 1980, рис. 3), В.Ф. Капелько и другими; публиковались отдельные рисунки и композиции. Отряд под руководством Б.Н. Пяткина работал на Суханихе в 1979, 1984, 1990 гг. с целью полного документирования петроглифов памятника; всего было зафиксировано около 800 изображений на 150 плоскостях, (Miklashevich, Pyatkin, 1998; Советова, Миклашевич, 1999, с. 51). В 1992 г. работы проводились Французско-Российской экспедицией под руководством А.-П. Франкфора и Я.А. Шера, были сделаны очень качественные копии нескольких плоскостей (Francfort, Sacchi, 1993, fig. 39-45). В 2002-2003 гг. нами продолжено документирование петроглифов Суханихи: проводилось специальное обследование состояния сохранности береговых плоскостей, уточнение имеющихся копий, составление ситуационных планов, поиск и копирование неизвестных ранее изображений.

Комплекс топографически делится на пять местонахождений.

Суханиха I – береговые утесы на западном склоне горы. Здесь найдено несколько плоскостей с петроглифами. На нижних ярусах выбиты самые ранние изображения: выполненные в «минусинском» стиле крупные фигуры оленей. Есть также ниша, в которой находится плоскость, заполненная разновременными рисунками – от лося в «ангарском» стиле до характерного козлика таштыкской культуры. Очень необычны геометрические изображения фаллических фигур, треугольные знаки и концентрические окружности, датировка которых неясна. На одном из верхних ярусов берегового склона, подобраться к которому можно только с вершины, находится большое панно с изображениями вооруженных и сражающихся людей. Кроме обычных видов вооружения – луки, колчаны, наконечники стрел, очень редкие изображения щитов и копья. Сцена может быть датирована переходным от тагарской к таштыкской культуре временем.

Суханиха II – очень большой по протяженности лог в южной части горного массива, расположенный перпендикулярно береговой линии. Рисунки нанесены на скальные выходы нескольких горных гряд юго-восточного склона. В самом начале этого местонахождения находится большая плоскость, вся заполненная выбитыми изображениями людей и животных. Большинство рисунков на ней относится к таштыкскому времени, но есть также перекрытое одним из них скифское изображение оленя с украшенным завитками туловищем, и древнекыргызское изображение всадника на коне.

Петроглифы на других плоскостях также часто образуют многофигурные композиции, но есть и одиночные рисунки. Большинство изображений выбитые, на второй гряде есть длинный фриз, состоящий из нескольких граней, весь покрытый тонкими резными рисунками

таштыкской культуры. В целом, изображения здесь датируются от тагарского времени до этнографической современности, с явным преобладанием таштыкских рисунков.

Суханиха III – несколько плоскостей на юго-восточном склоне небольшого холма, расположенного между пунктами Суханиха II и IV. Выбитые изображения лучников, антропоморфных фигур и оленей относятся к тагарской культуре. Есть также необычное изображение лося, скорее всего выполненное в подражание бегущим лосям Большого фриза Суханихи IV.

Суханиха IV – самое большое по количеству рисунков местонахождение, находится на юго-восточном склоне возвышенности в центральной части горы, к северу от пунктов Суханиха II и III и к востоку от береговой линии. Петроглифы здесь нанесены на скальные выходы, тянущиеся пятью параллельными ярусами вдоль всего склона. Наибольшая концентрация рисунков на 2-м и 3-м ярусах. На 3-ем ярусе, в самом его конце, находится главная достопримечательность Суханихи – так называемый Большой фриз, длинная стена красного песчаника, вся заполненная разновременными (от неолита до этнографической современности) рисунками, главным образом, изображениями бегущих слева направо животных. Эта плоскость уже была предметом специального исследования с публикацией части изображений фриза (Дэвлет, 1982), однако ее возможности как источника далеко не исчерпаны. Высокая концентрация рисунков (на площади 1,5 x 12 м расположено более 130 фигур), различия в технике и стилистике, наличие палимпсестов, композиционные связи, местоположение в зависимости от качества скальной поверхности – все это позволяет выявить последовательность нанесения рисунков, установить динамику заполнения плоскости, уточнить хронологию. Большой фриз, также как и несколько других многофигурных композиций, являются опорными при датировке всего комплекса петроглифов Суханихи. Остальные изображения этого пункта в основном относятся к эпохе поздней бронзы и раннего железного века. Среди первых самым известным является изображение колесницы (Леонтьев, 1980, рис. 3), которых в Минусинской котловине известно очень мало. Есть также довольно значительное число плохо сохранившихся гравировок эпохи средневековья, а также рисунки, тамги и другие знаки этнографического времени.

Суханиха V – северо-восточный склон, параллельный реке Тубе, здесь небольшая группа рисунков сосредоточена на одном ярусе почти у самой вершины горы. Большинство петроглифов относится к этнографическому времени, одна композиция – к таштыкской культуре (резные изображения всадника и коней), одна – к окуневской (ряженные антропоморфные фигуры) (Леонтьев, 1978, рис. 2: 2; Miklashevich & Ryatkin, 1998, fig. 4).

Суханиха VI – местонахождение, расположенное на некотором удалении от основного горного массива. Тубинский склон Суханихи, изгибаясь дугой вдоль Потрошиловской протоки, протянулся на несколько километров чередой небольших возвышенностей (Подсуханихские горы) почти до самой Тубы, где они подходят к горе Мосеиха. Примерно на половине пути от Мосеихи до Суханихи эти возвышенности в одном месте «расступаются», образуя узкий длинный проход. Это место у А.В. Адрианова названо «Щелью». Здесь есть несколько плоскостей на юго-восточном склоне с изображениями схематических фигур людей и животных, относящихся к карасукской культуре.

В целом, на этом памятнике представлено все разнообразие культурно-хронологических пластов, выделяемых в наскальном искусстве Минусинской котловины (Советова, Миклашевич, 1999, с. 53-69). Возможности относительной датировки петроглифов здесь могут быть использованы в полной мере, благодаря наличию нескольких многослойных многофигурных композиций, таких, как Большой фриз. Благоприятным фактором для соотнесения того или иного пласта петроглифов с конкретной археологической культурой является наличие большого числа разновременных археологических памятников,

выявленных и частично раскопанных в окрестностях Суханихи. Урочище Подсуханиха и вся надпойменная терраса вдоль Потрошиловской протоки между горами Суханиха и Мосеиха буквально «заполнена» археологическими памятниками. Часть из них раскапывалась в связи с затоплением водохранилища Красноярской ГЭС, некоторые открылись уже после затопления, кроме того, многие памятники оказались под угрозой разрушения, когда в связи с колебаниями уровня воды и ошибками проектировщиков началась переработка береговой линии гораздо дальше запланированного уровня. По опубликованным данным на этой территории обнаружены: могильники и погребения афанасьевской, окуневской, карасукской, тагарской, тесинской, таштыкской культур и древнекыргызского времени, поселение таштыкской культуры, культовые сооружения окуневской культуры и тесинского времени и поминальник таштыкской культуры (Зимина, 1959; Гаврилова, 1964; Иванова, 1968; Леонтьев, 1979, с. 243; Вадецкая, 1986, с. 39, 69, 112, 150; Леонтьев, Наглер, 1995; Шер и др., 1997, с. 375). В ограде тагарского кургана в 2-х км к югу от с. Николопетровка было найдено окуневское изваяние, использованное как угловой камень (Leont'ev, Kapel'ko, 2002, Т. 52: 147). Археологические исследования в районе Суханихи продолжаются.

Мосеиха (Потрошиловская)

Гора Мосеиха (встречаются также названия Моисеиха, Степаниха, Мосеева гора) расположена на правом берегу Енисея в устье р. Тубы, на её левом берегу, в 12 км ниже Суханихи. До затопления водохранилища поблизости была расположена деревня Потрошилова, поэтому писаница на южном склоне горы получила название Потрошиловской. Под этим названием она была известна Л.Ф. Титову, упоминалась Г.И. Спасским (Спаский, 1857, с. 151) и Н.И. Поповым (Попов, 1872, с. 279). В 1885 г. она была обследована И.Т. Савенковым, опубликовавшим позднее не очень точные зарисовки с нескольких фигур (Савенков, 1886, с. 60-61; 1910, табл. II, V). В 1904 г. петроглифы на Мосеевой горе исследовал А.В. Адрианов, отметивший, что придется называть эту писаницу Потрошиловской вслед за Титовым и Спасским, ничего не зная о существовании других писаниц близ дер. Потрошиловой (Адрианов, 1904). Адрианов же не только снял 11 эстампажей с петроглифов енисейского склона Мосеевой горы, но и обследовал другую писаницу, известную под названием Лынищенская, на северном, тубинском склоне, где снял еще 7 эстампажей. В 1980-81 гг. петроглифы на горе Моисеиха были полностью исследованы Н.В. Леонтьевым: сделаны описания, обнаружено много изображений, не известных предшественникам, найдены тонкие резные рисунки, художником В.Ф. Капелько сделаны микалентные копии с большинства плоскостей. Н.В. Леонтьев разделил петроглифы Моисеихи на три группы соответственно топографическим особенностям горы, всего на них насчитывается 35 плоскостей. К сожалению, эти материалы остались неопубликованными.

Исследование этого памятника проводилось Е.А. Миклашевич в 2002-2003 гг. с целью обследования состояния его сохранности и возможности проведения реставрационно-консервационных работ; было также начато полное документирование памятника (копирование, описание, фотофиксация, составление ситуационных планов, обследование близлежащих скальных выходов). В единый комплекс включено несколько местонахождений петроглифов.

Мосеиха I – компактная группа из 10 плоскостей, сосредоточенных на юго-западном склоне горы у берега. Эта группа была известна под названием Потрошиловской писаницы. Изображения относятся к самому раннему пласту петроглифов Минусинской котловины. Это выполненные в характерном «минусинском» стиле крупные фигуры оленей, быков-туров, лосей и просто головы животных. Животные показаны ориентированными почти вертикально, головой вверх, как бы плывущими, одна фигура лося перевернута на спину. Есть также несколько антропоморфных фигур с поднятыми вверх руками. Местонахождение

Мосеиха является своего рода эпицентром изображений в «минусинском» стиле. Отсюда видны скалы Усть-Тубы и Тепсей, береговые утесы Оглахты, расположенные на другом берегу Тубы и Енисея, через долину видна Суханиха, то есть все основные скопления подобных изображений, кроме Шалаболинской писаницы, находящейся много выше по Тубе. Кроме того, само скопление рисунков находится в исключительном природном контексте: плоскости девонского песчаника с петроглифами образуют очень живописную нишу; склон горы выходит на песчаный пляж, рядом расположен сосновый бор; и, как уже говорилось, с этого места открывается потрясающей красоты панорама на Енисей, Тубу и все памятники наскального искусства енисейско-тубинской группы – Оглахты, Тепсей, Усть-Тубу, Суханиху и Куню. Эта писаница обладает огромными возможностями для музеефикации.

Мосеиха II расположена восточнее вдоль лога, на юго-восточном склоне той же гряды, где находится Мосеиха I. Здесь на нескольких ярусах, довольно высоко по склону найдено около десятка плоскостей с выбитыми и выгравированными рисунками. По большей части это маловыразительные фигуры козлов, неопределенных животных, антропоморфных фигур, всадника, лошадей. Датировка их неясна, скорее всего, это поздние рисунки – многие из них довольно светлые по загару. На скальном выходе, расположенном почти под самой вершиной горы, находится известная плоскость с всадниками. В центре композиции изображены в ряд четыре канонических фигуры всадника на лошадях с поднятыми хвостами, их можно отнести к раннетагарскому времени. Справа от них – несомненно более позднее изображение всадника с нагайкой, явно выполненное в подражание тагарским.

Мосеиха III находится еще восточнее, на юго-западном склоне последней гряды. Здесь также находится более десятка плоскостей, из которых большинство рисунков не очень выразительны. Но здесь есть и очень редко встречающиеся на скалах (большинство подобных рисунков известно по могильным плитам) изображения изящных окуневских коров «разливского» стиля, а также несколько тагарских всадников.

В 2002 г. нами был проведен тщательный осмотр скальных выходов на тубинском берегу Мосеихи, в том месте, где, по описанию А.В. Адрианова, должна была находиться Лынищенская писаница. Адрианов описывает несколько композиций с изображениями всадников. Они не были найдены ни Я.А. Шером (Шер, 1980, с.146), ни Н.В. Леонтьевым. Возможно, что писаница разрушилась еще до затопления водохранилища (Адрианов упоминает об её плохой сохранности), а если даже и нет, то пребывание под водой всё же уничтожило этот памятник. Нам удалось найти лишь одну уцелевшую плоскость (Миклашевич, 2002, рис. на с.21). Этот пункт получил обозначение Мосеиха IV.

К югу от собственно Мосеихи, ближе к гряде Подсуханихских гор, находится отдельно стоящая гора, название которой неизвестно. Почти на самой ее вершине, на юго-западном склоне протянулся пояс скальных выходов. Здесь обнаружено около 15 плоскостей с разновременными петроглифами – от эпохи бронзы до средневековья, в том числе гравированные сцены таштыкской культуры. Это местонахождение обозначено как Мосеиха V.

Местонахождения Мосеихи и Суханихи следует рассматривать в рамках единого большого археологического комплекса, в который входят не только перечисленные группы наскальных рисунков, но и все многочисленные археологические памятники, расположенные между этими двумя горами, в месте слияния двух Енисея и Тубы.

Тепсей

Знаменитая двуглавая гора Тепсей расположена на правом берегу Енисея в месте впадения в него р. Тубы, на ее правом берегу. Западный склон Тепсея спускается живописными

крутыми обрывами к Енисею. Здесь в нескольких пунктах на разной высоте склона находятся наскальные рисунки и рунические надписи. Первые сведения о них, сообщенные Л.Ф. Титовым (срисовавшим некоторые рисунки в 1850 г.), были переданы Г.И. Спасскому, который эти рисунки впервые и опубликовал (Спасский, 1857, с. 35), но неправильно указал местоположение писаницы. В 1904 и 1907 гг. памятник обследовал А.В. Адрианов. Он насчитал здесь 251 фигуру, 186 знаков, 353 буквы, сделал 9 эстампажей с изображений, находящихся у берега Енисея (Адрианов, 1904 а). В 1907 г. он обнаружил небольшую пещеру на высоте 20 м над рекой, где на стенах была руническая надпись в 4 строки из 166 букв и фигуры животных (Вадецкая, 1986, с. 163). Полное обследование береговых скал Тепсея было предпринято в 1968 г. отрядом под руководством Я.А. Шера (Шер, 1980, с. 147); было выделено четыре отдельных местонахождения.

Тепсей I – участок юго-западного склона, непосредственно выходящий к Енисею, где зафиксировано 29 плоскостей со 112 изображениями; большинство из них – фигуры оленей, быков, медведя в т.н. «минусинском стиле» (предположительно каменного века), а также рисунки карасукского и тагарского времени.

Тепсей II – участок северо-восточного склона, отделенный от основного массива лощиной, где зафиксировано 57 граней с 194 рисунками, которые могут быть отнесены к эпохе бронзы, тагарскому и таштыкскому времени.

Тепсей III – одна плоскость, расположенная высоко по склону над Тепсеем I, с изображениями коней у мирового дерева и других животных, датируемая эпохой поздней бронзы.

Тепсей IV – небольшое скопление петроглифов также высоко по склону, но южнее, ближе к месту впадения Тубы. Среди рисунков, которые могут быть отнесены к тагарской культуре, один выделяется своей уникальностью – контурное изображение синкретического существа с повернутой назад головой, рогами козла, телом коня, клювом орла и крылом на крупе (Шер, 1980, рис. 73; Советова, 1993). Уже после затопления водохранилища, на Тепсее в 1983-1984 гг. работал отряд под руководством Б.Н. Пяткина; здесь обнаружено и скопировано 37 плоскостей на четырех отдельных грядках, разделенных лощинами. Среди петроглифов - интересная сцена «шествия» кошачьих хищников (Пяткин, Черняева, 1986 б, с. 89-98).

Тепсей V - небольшой участок на самом верхнем ярусе юго-западного склона. Здесь обнаружена уникальная батальная сцена тагарской культуры, включающая 36 изображений пеших и конных воинов, вооруженных палицами и чеканами (Советова, 1987 б).

Петроглифы всех местонахождений Тепсея опубликованы (Blednova et al., 1995; Советова, 1995), но работу по документированию этого памятника нельзя считать завершенной. Продолжается открытие новых плоскостей. Так, в 1997 г. нами в глубине лога, где находится Тепсей II, была найдена композиция с изображениями быка и козла в скифо-сибирском стиле (Miklashevich, 2003, fig. 9), в 2002 г. при обследовании состояния изображений на береговых скалах, побывавших под водой, среди известных петроглифов пункта Тепсей I были найдены изображения, выполненные охрой. В 2003 г. С.В. Панковой была найдена композиция с резными изображениями таштыкской культуры. Не исключено, что новые плоскости могут быть найдены при обследовании труднодоступных участков в верхней части склона горы.

Здесь, у подножия Тепсея, на узкой полосе надпойменной террасы протяженностью в 1 км, в 1964-1977 гг. Красноярской экспедицией ЛОИА под руководством М.П. Грязнова были

раскопаны 19 археологических памятников, относящихся к 11 различным историческим периодам от афанасьевской культуры до кыргызского времени (Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее, 1980). Материалы этих раскопок не только интересны сами по себе (достаточно упомянуть лишь находку деревянных плакеток с резными таштыкскими рисунками!), но и дали богатейший материал для уточнения периодизации культур древних племен всей Минусинской котловины. Сопоставление материалов и стратиграфии этих археологических памятников с наскальными рисунками на горе Тепсей – еще одно перспективное направление будущей работы.

Усть-Туба

Этот памятник находится на южном склоне той же горы Тепсей вдоль правого берега Тубы почти до дер. Листвягово. Скальные выходы с изображениями встречаются группами на протяжении 6 км. Основная часть рисунков была скопирована А.В. Адриановым. В 1968 г. памятник, как попадающий в зону затопления, обследовался полностью отрядом Я.А. Шера (Шер, 1980, с. 148-153). Было выделено 6 местонахождений.

Усть-Туба I, II и III – разделенные естественными промежутками скопления петроглифов непосредственно на береговых скалах. Усть-Туба IV и VI – небольшие группы рисунков, расположенные высоко на гребне кряжа, у подножия которого тянется группа III. Усть-Туба V – довольно большое скопление петроглифов в глубине лога, у входа в который располагается группа II. В целом, во всех этих пунктах зафиксировано 197 плоскостей с 955 изображениями, и результаты этой работы полностью опубликованы (Blednova et al., 1995). В 1992 г. на памятнике работала совместная Французско-Российская экспедиция под руководством А.-П. Франкфора и Я.А. Шера. Были заново сделаны копии некоторых плоскостей Усть-Тубы II (Francfort, Sacchi, 1993, fig. 27-34), проведены экоморфологические и геомикробиологические исследования (Soleilhavoup, 1993, p. 17-20), а также замеры температурных и влажностных изменений на одной плоскости в течение суток и выработаны рекомендации по консервации (Vidal, 1993, p. 22-29). Материалы этих исследований также опубликованы в коллективной монографии (Blednova et al., 1995).

Изображения Усть-Тубы очень интересны, разнообразны и относятся к различным культурно-хронологическим группам. Самые ранние рисунки, выполненные в «минусинском стиле», возможно, были выбиты в каменном веке. Часть изображений относится к эпохе бронзы, из них выделяются личины и антропоморфные существа окуневской культуры, но наиболее загадочными являются огромные быки Усть-Тубы II, не похожие ни на какие другие енисейские рисунки, зато напоминающие некоторые петроглифы Средней Азии (Шер, 1980, рис. 76, с. 193). Стратиграфические наблюдения позволили Н.В. Леонтьеву высказать предположение об их энеолитическом возрасте (Леонтьев, 1995, с. 57-58). Необычайно интересны композиции раннескифского времени, хорошо представленные на этом памятнике. Есть также изображения тагарских всадников, отдельные рисунки таштыкской культуры, средневековые изображения и знаки. При этом присутствует довольно большое количество разных образов и сцен, датировка которых не определена.

Литература

- АДРИАНОВ А.В. 1904. – *Отчет об исследовании писаниц в Минусинском крае летом 1904 г.* Рукопись. Архив музея археологии и этнографии Томского Гос. университета. Ед.хр. 55.
 АДРИАНОВ А.В. 1908. – Обследование писаниц в Минусинском крае летом 1907 года. // *Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии...* Вып. 8. СПб.
 АДРИАНОВ А.В. 1910. – Отчет по обследованию писаниц Минусинского края // *Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии...* Вып. 10. СПб.,.

- ВАДЕЦКАЯ Э.Б. *Археологические памятники в степях Енисея*. Л.1986.
- ВЯТКИНА К.В. 1961. – *Наскальные изображения Минусинской котловины* // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XX.
- ГАВРИЛОВА А.А. 1964. – *Могилы поздних кочевников уг. Суханихи на Енисее* // Советская археология. N2.
- ДЭВЛЕТ М.А. 1976. – *Большая Боярская писаница*. М.
- ДЭВЛЕТ М.А., БАДЕР Н.О., ДАРКЕВИЧ В.П., ЛЕОНТЬЕВ Н.В. 1979. – *Петроглифы Енисея // Археологические открытия 1978 г.* М.
- ДЭВЛЕТ М.А. 1982. – *Петроглифы на кочевой тропе*. М.
- ДЭВЛЕТ М.А. 1996. – *Петроглифы Енисея. История изучения (XVIII-начало XX вв.)*. М.
- ЗИМИНА В. М. 1966. – *Афанасьевское погребение из Тубы (Минусинская котловина)* // *Сибирский археологический сборник*. Новосибирск,.
- ИВАНОВА Л.А. 1968. – *Могильник Подсуханиха и некоторые особенности афанасьевских надмогильных сооружений* // *Краткие сообщения института археологии*. Вып. 114. М..
- КАСТРЕН М.А. 1860. – *Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, северной России и Сибири* // *Магазин земледелия и путешествий*. Т. 6. Ч. 2. М.
- КЫЗЛАСОВ Л.Р., ЛЕОНТЬЕВ Н. В. 1980. – *Народные рисунки хакасов*. М.
- ЛЕОНТЬЕВ Н.В., НАГЛЕР А. 1996. – *Раскопки под горой Суханихой* // *Археологические открытия 1995г.* М.
- ЛЕОНТЬЕВ Н.В. 1979. – *Работы в Минусинском районе* // *Археологические открытия 1978 г.* М.
- МИКЛАШЕВИЧ Е.А. 2002. – *О проекте САИПИ по сохранению, консервации и музеефикации памятников наскального искусства* // *Вестник САИПИ № 5*. Кемерово.
- ПОПОВ Н.И. 1872. – *О писаницах Минусинского края* // *Известия Сибирского Отделения РГО*. Т. 3, N 4-5, Иркутск
- ПЯТКИН Б.Н. 1980. – *Ранние петроглифы Шалаболинских скал* // *Археология Южной Сибири*.
- ПЯТКИН Б.Н. 1985. – *Камень с рисунками в урочище Кизань (гора Оглахты)* // *Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск*,
- ПЯТКИН Б.Н., МАРТЫНОВ А. И. 1985. – *Шалаболинские петроглифы*. Красноярск. Кемерово.
- САВЕНКОВ И.Т. 1886. – *К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея* // *Известия ВСОИРГО*. Т.17
- САВИНОВ Д.Г. 1976. – *Памятники северных предгорий Кузнецкого Алатау* // *Археологические открытия 1975г.* М. Наука.
- САВИНОВ Д.Г., БОБРОВ В. В. 1983. – *Устинкинский могильник* // *Археология Южной Сибири*. Кемерово.
- СОВЕТОВА О.С. 1987. – *К вопросу о вооружении тагарцев (по материалам среднеенисейских петроглифов)* // *Проблемы археологических культур степей Евразии*. Кемерово.
- СОВЕТОВА О.С. 1995. – *Петроглифы горы Тепсей* // *Древнее искусство Азии. Петроглифы*. Кемерово.
- СОВЕТОВА О.С., МИКЛАШЕВИЧ Е. А. 1999 б. – *Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов (по итогам работы Петроглифического отряда Южносибирской археологической экспедиции КемГУ)* // *Археология, этнография и музейное дело*. Кемерово.
- СПАССКИЙ Г.И. 1857. – *О достопримечательнейших памятниках сибирских древностей* // *ЗИРГО*. Т.12. С.111-182.
- ЧЖАН СО ХО. 1999. – *Наскальные изображения Центральной и Восточной Азии (культурно-историческое развитие и вопросы интерпретации)*. Автореф. канд. дис. СПб.
- ШЕР Я.А. 1980. – *Петроглифы Средней и Центральной Азии*. М.

- Appelgren-Kivalo J. 1931. – Altaltaische Kunstdenkmahler. Helsinki.
- Blednova, N. et al. 1995. – Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale, Fascicule No. 2: Sibérie du Sud 2: Tepsej I-III, Ust'-Tuba I-VI (Russie, Khakassie). Diffusion de Boccard: Paris, 153 p. figs. 93 pl.
- Francfort H.-P. et Sacchi D. 1993. – Archéologie et histoire de l'art // Francfort H.-P et al. Art rupestre du bassin de Minusinsk: nouvelles recherches franco-russes. Arts Asiatiques, Tome XLVIII.
- Leont'ev N.V. und Kapel'ko V. F. 2002. – Steinstelen der Okunev-Kultur. Archäologie in Eurasien. Band 13, Mainz.
- Miklashevich E.A. Pyatkin B. N. 1998. – The petroglyphs at Sukhanikha Mountain (Middle Yenisei) // International Newsletter on Rock Art, № 21.
- Sher J.A. 1994. – Oglakhty I-III (Russie, Khakassie) // Repertoire des petroglyphes D'Asie Centrale. Fascicule N 1: Sibérie du sud 1. Paris.
- Sher, J. & Savinov, D. 1999. – Repertoire des Petroglyphes d'Asie Centrale, Fascicule No. 4: Sibérie du Sud 4: Cheremushny Log, Ust'-Kulog; Steles de Khakassie. Memoires de la Mission Archeologique francaise en Asie Centrale, tome V.4. De Boccard: Paris.

Иллюстрации см. на стр. 195

Наскальное искусство в Центральной Азии:

Заключения

Жан Клотт, эксперт ICOMOS

Во введении я ссыался на определенные трудности в подготовке настоящего тематического исследования по наскальному искусству Центральной Азии, некоторые из них не являются специфическими для этого региона. Мы видим два ярких тому примера, сначала в документации, а затем – в количестве памятников. В обоих этих случаях невозможно иметь точное представление или дать даже приближенную оценку ситуации.

Зачастую это происходит по одной причине – из-за различий в суждениях исследователей. К примеру, когда говорят, что памятник изучен и задокументирован, означает ли это, что – как в наилучшем сценарии – были сделаны копии со всех гравировок или росписей? Что эти копии были правильно сделаны с первоначальных зарисовок? Что имеется полный объем оцифрованной фотографической документации? Что архивы хранятся в соответствующих местах? Что они хранятся в хороших условиях и доступны для ознакомления? С такими же проблемами и такой же неопределенностью мы уже сталкивались в двух предыдущих тематических исследованиях. В данном случае трудности порой усугублялись еще и языковым барьером.

Существуют также различия в суждениях о количестве памятников. Как, например, в случае с Сахарой, невозможно получить фиксированный ряд известных сайтов (мест расположения групп рисунков), потому что "сайт" остается расплывчатой и недостаточно определенной концепцией в сознании большинства авторов, которые, как правило, ссылаются на "местонахождения". Например, в Кыргызстане, огромный памятник Саймалы-Таш содержит более десяти тысяч скал, покрытых более, чем сотней тысяч выбитых изображений. Что общего между этой исключительной концентрацией наскального искусства, покрывающего две долины, и изолированным навесом с десятком росписей и выбитых рисунков?

Эти примеры показывают насколько сложно обеспечить достоверность обзора. Тем не менее, нужно признать, что авторы исследований успешно провели большой объем работы в каждой из рассматриваемых стран, а иногда и в регионах огромных размеров (как, например, в Казахстане). Это выдающаяся работа имеет двойную пользу: во-первых, предоставляет подробную и бесценную документацию об основных памятниках в рассматриваемых странах, затрагивая все их аспекты; во-вторых, несмотря на упомянутые трудности и местные особенности, предоставляет возможность получить глобальный взгляд на этот замечательный и относительно однородный ансамбль, который образует наскальное искусство Центральной Азии.

Краткий обзор

Рассматриваемый регион, простирающийся несколько за те пределы Центральной Азии, которые традиционно и узко приняты, занимает площадь около пяти миллионов квадратных километров. В этом огромном пространстве, доминирующим ландшафтом являются степи, северную границу маркирует тайга, а южную – пустыни и горы, через которые проходят долины, являющиеся одновременно территориями для поселения и мест пересечения.

Распределение наскального искусства явно зависит от этих ландшафтов и создаваемых ими ограничений, от образа жизни людей, приспособившихся к ним. С незапамятных времен степи отмечены развитием взаимного обмена культур и кочевничеством, то же самое относится и к некоторым из долин, где сосредоточены памятники с наскальным искусством. Можно упомянуть, например, Енисей и его притоки в Сибири, долины Кенкол и Ур-Марал в горах Кыргызстана и, прежде всего – Нарын и долину Сыр-Дарьи, пересекающую несколько стран и проходящую через великую Ферганскую долину, которая одновременно простирается в Кыргызстане, Узбекистане и Таджикистане, и особенно богата петроглифами.

Высоты, на которых встречаются памятники наскального искусства, значительно варьируют между собой: от 200 метров до 300 метров (и выше, до 700 м) в Минусинской котловине, и достигают максимума 4200 м в восточной части Памира (Таджикистан). В Кыргызстане, где памятники расположены на больших высотах (от 1300 м и 3500 м), например, упомянутый ранее Саймалы-Таш находится в пределах от 3000 м и 3400 м, его можно посетить только в течение нескольких недель в середине лета (и даже тогда доступ к нему затруднен). Эта труднодоступность, характерная для всех горных районов и всех территорий, удаленных от путей коммуникации, на самом деле является лучшей гарантией защиты памятников, как отмечают многие авторы. Такие сложности также говорят о той роли, которую играли памятники. Ведь изображения, оставленные на декорированных поверхностях отвесных скал в долине, которую люди часто и легко посещали, не могут иметь те же функции, что и скалы с выгравированными рисунками, расположенные далеко от жилья, посреди гор, к которым добраться можно лишь в течение трех недель в году.

Наличие воды, вероятно, также было решающим фактором в выборе мест в долинах или близко к источникам. Похоже, что в горах Таджикистана (Курама и горы Моголтау) наскальные рисунки часто расположены в непосредственной близости от родников.

Подавляющее большинство мест расположения изображений локализуется у подножия скал или под скальными навесами, а также на скалах под открытым небом. Особенно редко встречаются пещеры с выгравированными рисунками или росписями (Хойт Ценхер в Хобдинском в Монголии). Выражения "пещера" или "грот", используемое в статьях, не должны вводить в заблуждение читателя: если нет уточнений, то имеются в виду укрытия различной глубины, или простые навесы, которые не являются настоящими темными пещерами, требующими освещения. Были сообщения об "искусственных нишах" в Туркменистане, датируемых периодом с 12 по 15 вв. нашей эры.

Значительное преобладание выбитых рисунков (петроглифов) над живописью, пожалуй, объясняется тем, что, как правило, все они располагаются под открытым небом и подвержены прямому воздействию суровых факторов резко континентального климата – очень жаркого летом и особенно холодного зимой. Скорее всего, поэтому росписи (обычно красного цвета) датируются только поздними периодами. Самые ранние росписи, если, конечно, таковые и были, должно быть, исчезли в результате воздействия природно-климатических факторов.

Методы, применявшиеся для создания этого наскального искусства – как для гравировок, так и для росписей – были просты. Мы не знаем о геоглифах, аналогичных тем, что упомянуты в двух предыдущих тематических исследованиях: ни физические особенности местности, ни существовавшие здесь условия не способствовали сохранению этого вида искусства. Гравировки сделаны в точечной технике, путем процарапывания или наложения линий, в поздние периоды иногда применялись металлические инструменты. Фигуры животных или человека, сделанные в виде простых контуров не являются редкостью, и в большинстве своем внутри они имеют сплошное заполнение, и их массы материализованы. Рисунки

красной краской также просты и отличаются той же репрезентативной условностью, что и выбитые рисунки. Скульптура встречается в большинстве случаев в виде изваяний менгиров, которые либо связаны, либо нет с курганами. Встречается также много лунок, которые трудно датировать, и которые, возможно, связаны с выбитыми рисунками, а может, и нет.

Существует замечательное единство в представленных темах изображений, несмотря на неизбежные хронологические вариации и местные культурные особенности, описанные в исследованиях. Это – действительно "степное искусство" на скалах Центральной Азии, состоящее из картин с животными, человеческими фигурами и специфическими геометрическими знаками.

Главными характеристиками этого искусства является преобладание изображений диких козлов (*caprinae*) и семейства оленей (*cervidae*) – прежде всего лосей и оленей – над остальными животными. Встречаются также фигуры хищников (кошек, медведей и волков), но гораздо реже, также как редки изображения крупного рогатого скота и собак. В более поздние периоды кони иногда изображались со всадниками или в упряжке. Встречаются изображения колесниц. Имеется только несколько изображений верблюдов. Представлено большое количество сцен, в основном – сцены охоты либо изображение взаимодействия хищников; или – человеческие фигуры, вооруженные луками и стрелами, охотящиеся на отдельных животных. Это одна из основных особенностей степного искусства.

Иногда человеческие фигуры сражаются друг с другом, что особенно характерно для периода железного века, а иногда они танцуют. Есть также несколько эротических сцен (Тамгалы), сцены родов, а также изолированные человеческие фигуры, иногда с различными рогами на голове, что часто приводит к интерпретации о том, что это – камлающие шаманы, особенно, если они держат что-то подобное бубну. Из самобытных тем некоторые встречаются гораздо чаще, чем во многих других частях мира: изображения фантастических животных, с признаками нескольких видов, иногда называемых "мифическими" животными; фигуры композитных существ, т.е. людей с признаками животных, таких, как люди-птицы (Зараут-Сай в Узбекистане). Часто встречаются и разнообразны геометрические знаки в виде солярных символов, меандров, крестов, кругов, линий и т. д.

Хронологическое датирование осуществляется на основе различных критериев. Такие, как фауна, если она является древней: например, изображение мамонта или зубра (даже если последний вымер в конце 2-го тысячелетия до н.э.); патина, различающаяся степенью потемнения, большей или меньшей мерой полноты; наложение на плоскостях изображений разного дизайна; стили, определяемые на основе этих наложений или в сравнении с декором на керамике, с бытовыми предметами искусства, с ритуальными принадлежностями из захоронений, которые хорошо датированы в различных культурах. Это позволило установить локальные хронологии и отдельные стили внутри более общих рамок. Во многих случаях, однако, наши коллеги выражают более или менее явные сомнения в хронологическом датировании некоторых памятников или поверхностей, особенно в тех случаях, когда это относится к ранним периодам.

Общая хронологическая и культурная основа кажется относительно классической: Палеолит, Неолит и, вероятно, Халколит (также известный как Энеолит), который трудно отличить от Неолита, Бронзовый век, Железный век, средневековье, и этнографический или современный период до начала 20-го века.

Очень немногие гравировки и росписи отнесены к концу палеолита, что неудивительно, принимая во внимание физические и климатические условия в этих регионах: изображения мамонтов были упомянуты на Цагаан Салаа / Бага Ойгоре (Монголия); выгравированные изображения в "архаичном" стиле в Минусинске (Сибирь) могут датироваться концом палеолита или мезолита, но это не установлено точно. Так называемые рисунки мезолита на самом деле очень редки (Шахты в Таджикистане?) и часто упоминаются с вопросительным знаком.

Похоже, что неолит маркирует начало многих графических традиций в Центральной Азии. В Сибири большинство изображений в Ангарском стиле вытекает из Минусинского стиля, и на сегодняшний день датируется неолитом, равно как и горная культура Маркансуй в Таджикистане, а также некоторые сайты в Казахстане (Толеубулак, Коскудук), в Узбекистане (росписи на Зараут-Камар, Сийпанташ, Аксаклатасай), в Кыргызстане (Ак-Чункур) и в Таджикистане (Шахты).

С другой стороны, хорошо датированные памятники бронзового и железного веков имеются в изобилии на всех пространствах. Это были наиболее продуктивные периоды для искусства Центральной Азии. Большинство из сделанных краской и, особенно, выбитых изображений связаны с различными культурами этих периодов, как это ясно видно из всех представленных национальных докладов, на которые мы ссылаемся.

Что также характеризует это искусство – это его преемственность, продолжающаяся в некоторых случаях вплоть до 20-го века. Таким образом, в Центральной Азии наскальное искусство представляет, как и в других частях мира, самую длинную непрерывную художественную и культурную традицию, продолжительностью, по меньшей мере, в пять тысячелетий вплоть до начала современного периода.

Связи с другими зонами

Связи внутри зоны, о которой идет речь, многочисленны. Выше мы в некоторой степени рассмотрели этот вопрос. Если и есть определенное единство в наскальном искусстве Центральной Азии, то это, конечно, из-за многочисленных тесных взаимоотношений внутри зоны. Более того, отдельные крупные географические регионы (большие долины, например, Ферганская) распространяются на несколько стран. Именно об этих влияниях упоминается в представленных исследованиях. Например, в Монголии традиции наскального искусства Алтая в одни и те же периоды имеют значительные параллели с Китаем, Казахстаном и Кыргызстаном. Связи с иными регионами, пограничными с Центральной Азией и другими, не столь очевидны.

Древний коммуникационный путь, связывавший зоны, способствовал развитию взаимобмена на больших расстояниях, что в некоторых случаях упомянуто в исследованиях. В Таджикистане, например, горные долины и проходы способствовали контактам и обмену с Китаем, Афганистаном, Пакистаном и Индией. Что касается Казахстана, то его необъятное пространство всегда было зоной, которая давала возможности для взаимобмена между народами Ближнего и Дальнего Востока, Сибири и Восточной Европы.

В Узбекистане было отмечено, что некоторые образы тура на Сармишсае были очень похожи на известные изображения в Азербайджане, Гобустане, и даже еще дальше – на Аравийском полуострове.

Известные памятники

Только один памятник уже включен в **Список всемирного наследия**, и это – Тамгалы в Казахстане (2004 г.). В отдельных случаях скалы с выбитыми рисунками входят в состав объектов, включенных в Список за их богатое природное наследие или по каким-то другим причинам (например, "Священная гора Сулайман-Тоо" в Кыргызстане), но только Тамгалы включены в Список Всемирного наследия исключительно за свои 5000 петроглифов.

В **Предварительном списке** наскальное искусство представлено лучше, 9 памятниками или группами памятников: 2 из них находятся в Казахстане (Арпа-Узень, Ешкиольмес), 3 (4) – в Монголии (Арал Толгой, Верхний Цагаан Гол, Цагаан Сала, Хойт Ценкхер), 3 – в Узбекистане (Сармишсай, Караут-Камар, Сийпанташ) и 1 – в Кыргызстане (Саймалы-Таш). Пока нет в этом списке предложений из Южной Сибири, Таджикистана и Туркменистана.

Таким образом, число относительно ограничено, и некоторые значительные памятники – особенно Саймалы-Таш и Цагаан Сала, а также Ешкиольмес и Сармишсай – заслуживают включения в Список Всемирного наследия, учитывая количество и важность их выгравированных изображений.

Значимые памятники

Важные памятники, о существовании которых уже сообщалось, с запада на восток, перечислены ниже. Следует отметить, что местонахождения выбраны авторами и могут включать в себя несколько отдельных памятников в одном районе, в соответствующих случаях это указано в скобках. Памятники, включенные в Предварительный список или в Список Всемирного наследия, не указаны в приведенном ниже списке:

- **Туркменистан** (3 памятника): Бутентау; Беш-Дешик; Бесегли-Дере в долине Чандыра.
- **Узбекистан** (9 памятника): Горы Букантау (5 сайтов); Бохали; Уру; Чиили; Аркар; Кырбукан. Зарафшанская долина (1 памятников): Аксакалатсай. Западный Тянь-Шань и Ферганская долина (3 памятника): Ходжакент; Варзик; Караккивасай.
- **Таджикистан** (12 памятника): Западный Памир (6 памятника); Лангар; Выбистдара; Акджилга; Шактры; Куртеке; Найзаташ. Хисар Али (4 памятника): Сай Мозриф; Дашти Еймакт; Вагаштон; Сой Сабаг. Западная Фергана (2 памятника): Курнқсай; горы Моголтау.
- **Кыргызстан** (25 памятника): Северный Тянь-Шань и Таласская долина (5 групп памятников): Жалтырак-Таш, Чиим-Таш; ансамбль Кенкола и его притоков; Маймак, Куркуро-Суу. Северный Тянь-Шань и Иссык-Кульская котловина (6 памятников или групп памятников): Иссык-Куль, Чолпон-Ата; Кара-Ой, Чон-Сары-Ой, Чок-Тал, Тамчы. Ферганская долина (14 сайтов или групп сайтов): Суук-Добо; Байчечекей; Кара-Кулжа; Сулейман-Тоо; Айрымач-Тоо (Суроттуу-Таш); Керме-Тоо; Араван; Чийли-Сай (Сахаба); Араванское ущелье; Суроттуу; Охна; Ункур-Таш; Чийген-Таш; Ешме.
- **Казахстан** (20 памятников): Южный Казахстан (7): Семиреченская область: Кульжабасы; ущелье Шолакжидели и Кантауские горы; Тамгалытас; Актерек. Другие: Койбагар; Сауискандыксай. Северный Казахстан (5 сайтов); пещера Тесиктас с рисунками краской; ущелье Акбидайык; правый берег реки Оленты; долина Бесоба; горы Калмакэмель. Восточный Казахстан (4): рисунки краской в Акбауре; рисунки краской в Теректы; долина Молдажар; гоы Доланкара. Западный Казахстан (4): Толеубулак; Коскудук; Устюрт и Мангистауские горы.
- **Монголия** (северо-восток) (7 памятников): Цагаан Салаа / Бага Ойгор, Верхний Цаган-Гол, Билуут, Верхний Холцоотиин Гол, Хар Ямаа, Борегтиин Гол;

- **Южная Сибирь** (Минусинская котловина и Тува) (7 групп памятников): Оглахты (8 памятников); Сулек (7 памятников); Суханиха (6 памятников); Мосеиха (4 памятников); Тепсей (5 памятников); Усть-Туба (5 памятников); Шалаболино.

Таким образом, всего 83 памятника или группы памятников были отобраны и описаны участниками из семи стран Центральной Азии, в дополнение к 9 памятников в предварительном списке. Ясно, что это – большое число, и, хотя значительные памятники действительно хорошо представляют наскальное искусство в этой части мира, очевидно, что не все из них имеют равное значение, и надо провести отбор, какие из них по возможности должны быть включены список ЮНЕСКО.

Чтобы сделать этот отбор легче, не настаивая рекомендуем применять критерии, изложенные в работе Наскальное искусство: Пре-номинационное руководство (*Rock Art: Pre-nomination guidelines* (L'art rupestre: orientations préalables à une proposition d'inscription), которое приводится в приложении к настоящему Тематическому исследованию.

Документация

Сообщения о наскальном искусстве Центральной Азии стали появляться очень давно, в некоторых странах еще в 19 веке. П.И. Демезон (P.-I. Domezon) был первым, кто открыл петроглифы в Узбекистане в 1834 году, в Таджикистане тем же отличился англичанин Г. Троттер (H. Trotter) в 1879 году. Затем петроглифы были обнаружены в Кыргызстане в 1896 году, и во второй половине 19 века – в Казахстане.

Углубленное изучение наскальной живописи, однако, начинается только в 20-м веке. Этим занимаются, конечно же, официальные органы и научные организации в каждой из стран. Они либо относятся к министерствам, либо к престижным университетам или исследовательским центрам, таким, как например, в городе Кемерово в Сибири. Все они вносят вклад в изучение и документирование памятников. Кроме того, проведены многочисленные раскопки на жилищах или могильных комплексах, расположенных рядом и неразрывно связанных с сайтами наскального искусства. Сообщения о них приводятся в исследованиях авторов данной публикации.

Также были созданы специальные исследовательские группы, что было, в частности, связано с осуществлением крупных проектов развития, например, со строительством плотин на Енисее, в результате чего были затоплены сотни памятников. Значительный объем работ, который был проведен под руководством профессора Я.А. Шера, позволил задокументировать тысячи изображений, которые сейчас находятся под водой.

Следует также упомянуть несколько международных групп, которые работают в тесном сотрудничестве с местными учеными и вносят неоценимый вклад одновременно в археологические исследования и консервацию. Это – Е. Джекобсон (E. Jacobson, США) на Алтае в Монголии, А.-П. Франкфор (H.-P. Francfort, Франция) в Южной Сибири и Казахстане, и А.-С. Хиген (A.-S. Hugen, Норвегия) в Казахстане и норвежские команды в Узбекистане и Кыргызстане.

Трудно получить четкую и подробную картину об общем объеме документации, которая собрана (вполне очевидно, что он огромен), а также о ее характере и качестве. То же самое относится к местам хранения этой информации. Для Монголии, однако, такая информация имеется (в Университете штата Орегон и Институте архитектуры и этнографии Новосибирского филиала Русской академии наук) и документация кажется вполне удовлетворительной. Значимые памятники из Предварительного списка ЮНЕСКО зачастую

уже подвергались подробным обследованиям, как например, Арпаузен и Ешкиольмес в Казахстане.

Исходя из комментариев большинства авторов вполне ясно, что еще предстоит выполнить значительный объем работ по обследованию и документированию, и эти исследования займут еще несколько поколений.

Исследования о важности памятников для коренного местного населения

Точный смысл изображений на скалах и их изначальное культурное значение исчезли давным-давно, практически повсюду в рассматриваемом регионе.

В Узбекистане, в Сийпанташе (само название означает "скользящий камень") существует до сих пор любопытный обычай. Наклонная наземная поверхность скалы отполирована поколениями паломников, которые по традиции соскальзывают с нее. Место использовалось для обрядов и до сих пор пользуется большим уважением у местного населения. Также упомянуто, что были сделаны попытки сбора этнологической информации о Сармишсае, но никакие подробности не приведены в статье.

В Кыргызстане, недалеко от Суук-Добо паломники каждый год проводят церемонии поклонения. Говорится, что памятники Ункур-Таш и Чиен-Таш по-прежнему являются местами поклонения для киргизов из племени Багыш.

Потомственные шаманы Южной Сибири считают некоторые сайты наскального искусства "местами силы" и при удобном случае проводят здесь свои церемонии (чему и я был свидетелем).

Тем не менее, это встречается не так часто. Развитие туризма может вызвать новый интерес к наскальному искусству среди местного населения, но во многих местах, похоже, памятники в значительной степени игнорируются.

Правовая защита

Все страны, представленные в настоящей публикации, имеют законы, которые защищают наскальное искусство и запрещают его порчу и разрушение. Но о таких законах упоминается немного. Мы отметили следующее:

В исследовании по Туркменистану говорится о действующем законе Об охране исторического и культурного наследия Туркменистана (от 19 февраля 1992 года).

В Узбекистане те памятники, которые зарегистрированы государством, и в некоторых случаях приобретены им в собственность (как например, Зараут-Камар в Зараутсае), находятся под защитой местных органов власти. Так, например, в 2004 году был создан Природный археологический заповедник «Сармышсай» под эгидой Музея истории и региональной этнологии Навои. Аксакалатасай также включен в Список памятников местного значения.

В Кыргызстане существует Список объектов национального значения, который включает в себя четыре основных памятника наскального искусства. Теоретически местные органы власти и государственные агентства по культуре несут ответственность за охрану этих памятников.

В Монголии Арал Толгой, часть комплекса Верхний Цагаан-Гол, и Билуут включены в Национальный парк Таван Богд и охраняются на этой основе.

В Казахстане Тамгалы, конечно же, состоит в Государственном списке памятников республиканского значения и в значительной степени выиграл от создания Государственного природного и историко-культурного заповедника Тамгалы. Ешкиольмес входит в тот же Государственный список, но его охранная зона пока еще не определена, и не предприняты никакие меры по охране или управлению. То же самое относится и к крупному памятнику Тамгалытас.

Консервация и менеджмент памятников

Как это часто бывает в регионах, которые находятся в экстремальных климатических условиях, проблемы сохранения часто меньше зависят от естественных причин, чем от воздействия человека. В зоне, где чрезвычайно суровый климат, наскальное искусство всегда подвергалось крайне неблагоприятным условиям с большой разницей температур между сезонами. Росписи и выбитые рисунки, чрезмерно подверженные воздействию стихий, уже давно исчезли, особенно те, которые датируются наиболее ранними периодами. Отслаивание, рост лишайников и выветривание сильно влияют на многие декорированные поверхности. В таких условиях лучший подход – это документировать и фотографировать их как можно подробнее, прежде, чем они полностью разрушатся.

В Туркменистане памятники Кырк-Дешик и Бяш-Дешик образуют часть Государственного культурного и исторического заповедника «Куня-Ургенч», и соответственно охраняются, но никаких практических шагов для обеспечения их охраны не предпринимается. Точно такая же ситуация на Бесегли-Дере. Но, по сути, охрана этим и многим другим памятникам обеспечена труднодоступностью этих мест.

В Узбекистане в Сармышсае в штат заповедника были приняты 12 сотрудников, но никто из них, по сути, так и не был назначен, и никакая реальная охрана не была обеспечена на месте, несмотря на то, что туризм растет, и количество посетителей увеличивается. Недавно Ассоциация наскальной живописи из Института археологии (во главе с М.М. Худжаназаровым) сделала первый шаг в направлении организации охраны и управления на этом памятнике. Осуществлен он под эгидой проекта «Научные исследования, консервация, менеджмент памятника культурного и природного наследия Сармышсай» при помощи официальных норвежских организаций. Предусмотренные проектом мероприятия направлены на организацию и контроль посетителей, указание специальных путей движения и установление правил для посетителей, повышение информированности населения и обеспечение его информацией, удаление граффити, осуществление других защитных мер.

В Таджикистане грот Шахты состоит в Государственном списке и находится под охраной местных властей Мургабского района автономной Горно-Бадахшанской области.

В Кыргызстане Саймалы-Ташу был присвоен статус Национального природного парка в 2000 году, и агентство по его управлению находится в селе Казарман. Многие другие памятники не взяты под охрану и не управляются, даже в те из них, которые интенсивно посещаются (Суук-Добо). Араванская скала охраняется и управляется местным сообществом и ее постоянными шейхами.

В Казахстане Ешкиольмес включен в Государственный список памятников истории и культуры республиканского значения и Предварительный список ЮНЕСКО, но охранная зона еще не утверждена, нет физической охраны и менеджмента.

На северо-западе Монголии и Алтая сохранность, как правило, отличная благодаря изолированности месторасположений и небольшой горнодобывающей активности.

В южной Сибири следует упомянуть проект «Сохранение памятников наскального искусства» (2002), осуществленный Сибирской ассоциацией исследователей первобытного искусства. Были исследованы наиболее важные объекты в бассейне Среднего Енисея и выявлены основные факторы уничтожения и разрушения для каждого местонахождения. Кроме того, ассоциация провела эксперименты в разных местах, используя несколько методов дренажа, удаления лишайников и сделанных краской граффити, фиксации подвижных поверхностей.

Главные угрозы, стоящие перед наскальным искусством

Угрозы со стороны природы, как мы видели, – это в основном распространение и разрушающая деятельность лишайников, отложение минералов на многих поверхностях, выветривание, и больше всего – отслаивание и каменные осыпи.

Угрозы от действий человека гораздо более жестоки и видимы. Большое количество разрушений имело место в советский период. В исследованиях упомянуты некоторые из таких разрушительных действий. Это – строительство дорог и жилых комплексов (например, вокруг озера Иссык-Куль в Кыргызстане). Наиболее сильное среди них – строительство плотин Красноярской гидроэлектростанции (ГЭС), которое привело к затоплению и уничтожению сотен памятников. Оно продолжает угрожать другим памятникам, расположенным недалеко от оседающих и подверженных наводнениям берегов (см. текст Е. Миклашевич, где предоставлены все детали по этому вопросу).

И здесь и там ущерб был нанесен теми методами копирования, которые применялись в прошлом (в частности, многие фигуры обводились карандашом).

В настоящее время граффити становятся все более распространенными и являются причиной для беспокойства. Граффити являются работой туристов, которые становятся все более и более многочисленными, или местного населения, которое либо не проявляет уважения, либо ничего не знает о наскальном искусстве. На некоторых памятниках надписи краской или выбивкой делаются уже давно, избежали этой участи те из них, которые либо находятся под охраной, либо благодаря усилиям властей и местных инициатив, или благодаря расположению в труднодоступных местах и малому числу посетителей.

Заключения

Наскальное искусство Центральной Азии, о существовании которого известно достаточно давно (даже если оно и не было изучено), подлинно и сложно, и является важнейшим культурным наследием для этого региона мира.

Региональные исследователи провели огромный объем работы и продолжают ее осуществлять, в некоторых случаях с помощью авторитетных международных групп. Им должна быть оказана помощь, чтобы можно было постоянно улучшать охрану и изучение этого наследия, повышать осведомленность людей о нем. Международные организации (ИКОМОС, ЮНЕСКО) в полной мере осознают тот факт, что своей заинтересованностью и влиянием они могут внести большой вклад в это дело.

Рекомендуется в приоритетном порядке осуществить следующее:

- Сделать так, чтобы органы власти в каждой стране осознали важное значение этого наследия, как в историческом, так и в культурном плане (даже если памятники являются относительно малы и труднодоступны), его экономический потенциал, связанный с развитием туризма, особенно в случае крупных объектов;
- Оказать влияние на правительства более строго применять законы и нормативные акты, которые регулируют охрану и управление памятников, включенных в официальные списки: чтобы установление границ, обеспечивало наиболее эффективную защиту; обеспечение охраны крупных объектов, которые наиболее активно посещаются (местные охранники / гиды), с помощью местного населения, НПО, имеющих к этому отношение фондов и ассоциаций;
- Составить подробные списки по существующей документации в каждой стране, так чтобы каждая страна, международные организации и международное научное сообщество могли узнать, что это за наследие, что именно было уже сделано и что еще предстоит сделать;
- Поддержать научно-исследовательские программы местных исследователей (университетов) и программы для иностранных исследователей, работающих в сотрудничестве с ними;
- Повысить уровень информированности местного населения о важности сохранения наследия наскального искусства, с тем, чтобы предотвратить разрушение и порчу;
- Из числа значимых объектов выбрать ряд наиболее важных памятников в каждой стране, которые заслуживают быть включенными в Предварительный список;
- В приоритетном порядке содействовать каждой стране в работе по включению некоторых наиболее важных памятников с наскальным искусством в Список Всемирного Наследия, особенно тех, где наиболее эффективно ведется документирование и осуществляется охрана, с тем, чтобы они могли быть предложены ЮНЕСКО уже в ближайшие годы.

Приложение

**Наскальное искусство: Рекомендации по
предварительной номинации в соответствии с
Конвенцией всемирного наслед**

Наскальное искусство: Рекомендации по предварительной номинации

В соответствии с Конвенцией Всемирного Наследия. 2010.

1 Введение

Наскальное искусство является наиболее распространенным культурным проявлением человечества. Оно присутствует почти во всех регионах мира; бесчисленные участки наскального искусства являются свидетельством его создания на протяжении более сорока тысячелетий. Таким образом, наскальное искусство представляет один из основных способов выражения человеческой культуры и ключевым элементом культурного наследия. Наскальное искусство является выражением человеческой концептуальной мысли и представлений, которые находятся в сердце традиционных обществ и сохранившиеся в течение более длительного периода, чем любая другая художественная традиция в мире.

Согласно этим предпосылкам, следовательно, необходимо, чтобы участки наскального искусства чаще фигурировали в Списке всемирного наследия (СВН) с целью укрепления его авторитета. В некоторых регионах наскальное искусство может является единственным средством, которое может заполнить пробелы в Списке. Теоретически, существует множество участков, которые могли бы быть определены как потенциально соответствующие статусу Объектов всемирного наследия. Однако, только отдельные участки смогут продемонстрировать Выдающуюся мировую ценность (ВМЦ), и, следовательно, быть включенными в Список.

Как видно по участкам, которые были номинированы в последнее время, потенциал демонстрации ВМЦ большинством участков требует исследовательской работы и изучения документов, которые выявят детальную информацию по контексту, значимости, уникальности и масштабе представляемого и оцениваемого наскального искусства. Тяжело убедить Комитет всемирного наследия показателями ВМЦ участка наскального искусства, если данные аспекты не были изучены соответствующим образом: одно только большое количество рисунков не служит основанием для внесения в Список, если только нельзя продемонстрировать, чем данный участок отличается от других в том же гео-культурном регионе или мире, их значением и значимостью, выдающимися качествами, или на основании характеристик среды, в которой они расположены. Таким образом, номинированные участки должны поддерживаться соответствующими документами, правовой защитой и четко определенными процессами управления, в соответствии с *Руководством по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия* (ЮНЕСКО, 2008).

Таким образом, был подготовлен проект настоящих *Рекомендаций по предварительной номинации*, чтобы оказать содействие государствам-участникам в определении того, как следует разрабатывать досье по участкам наскального искусства. Они должны рассматриваться наряду с Региональными тематическими исследованиями, которые ИКОМОС планирует провести для всех регионов мира. Латинская Америка и район Карибского моря, затем Южная Африка, Северная Африка и район Сахары, будут первыми. Это дополнит информацию, содержащуюся в *Руководством по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия* (ЮНЕСКО, 2008).

Настоящие *Рекомендации* рассматривают различные важные аспекты участков наскального искусства, которые следует учитывать при подготовке номинаций. Они охватывают вопросы

определения и оценки важных качеств участков, наряду с их сохранением и управлением ими.

Хотя между участками наскального искусства в различных частях мира и присутствуют основные схожие черты, также существуют значительные различия в том где было найдено наскальное искусство, геологических и климатических условиях, а также масштабе и распространенности выгравированных изображений и рисунков. Эти основные «типы» рассмотрены ниже.

Самыми значительными различиями являются, вероятно, те, которые связаны с геокультурным контекстом наскального искусства - его происхождением, значением и важности для людских обществ, как в прошлом, так и настоящем. Эти аспекты также рассмотрены ниже.

2 Типы памятников наскального искусства

Тип памятника влияет на то, как он может быть номинирован исходя из его масштаба, границ, контекста, охраны и управления.

Выбор участков и их использование обуславливается культурным, а не географическим фактором, и по этой причине памятники наскального искусства могут сильно отличаться. Это следует учитывать при оценке.

а) Пещеры

Примеры: наскальное искусство пещеры Альтамира эпохи палеолита в Северной Испании, расписные пещеры в долине реки Везер во Франции. Охранять и управлять этим типом наследия проще всего в виду ограниченного размера таких районов, а также потому что, в целом, есть возможность контролировать доступ к этим памятникам. Пещерное искусство является формой наскального искусства, с которым больше всего знакома широкая общественность, в то же время оно наименее распространенное в мире - пещеры европейского палеолита, пещера Майя в Центральной Америке, пещеры на юго-востоке США, Австралийские пещеры, а также несколько изолированных примеров на Гавайях (лавовые трубы), в Мексике и других местах.

б) Изолированные объекты

Могут существовать укрытия, где обнаруживается искусство подверженное солнечному свету (Cueva de las Manos, Аргентина) или выгравированные изображения под открытым небом (Альта, Норвегия). На всех пяти континентах находится бесчисленное количество изолированных объектов. Следовательно, они не могут быть отобраны, если они не демонстрируют одну или несколько действительно исключительных особенностей.

с) Группы объектов

Отдельные места – долина, холм или гора (Монте Кастильо), каньон – имеют особенное значение для некоторых местных сообществ людей, часто связанное с их интерпретацией окружающей их среды (см. ниже). Это объясняет скопление объектов в таких районах, как Валкамоника, Танум, Коа, Сьерра да Капивара, Бимбетка, Цодило или Уахламба-Дракенсберг. Эти группы памятников представляют наибольший интерес.

d) Регионы

В некоторых случаях эти группы могут относиться ко всему сохранившемуся географическому региону. Это случай с Акакусом в Ливии, Тассили Нажжер в Алжире, отдаленные районы Аира и Тенере в Республике Нигер, холмы Матопо в Зимбабве, Какаду в Австралии и Сьерра де Сан-Франциско в Мексике. Нет нужды подчеркивать их исключительную ценность.

е) Особый вид искусства, который соответствует четко определенной хронологической или географической традиции заслуживает быть включенным в Список. Потенциальными могут быть объекты испанского Леванта в Средиземноморье. Искусство реки Пекос в США и Мексике, которое не включено в Список, так же может быть рассмотрено.

3 Гео-культурный контекст памятников наскального искусства

Памятники наскального искусства могли быть созданы по различным причинам. Памятники могут иногда отражать несколько веков или тысячелетий создания, и, таким образом, свою историческую эволюцию или эволюцию своих изменяющихся культурных контекстов или условий. Они могут представлять интерес в силу своей связи с конкретной культурой, эпохой или событием, или они могут содержать свидетельства особого процесса, технологического или религиозного.

а) Традиции, убеждения, сказания или легенды, которые продолжали существовать

Когда мифы, которые создали искусство, окончательно исчезли, оно стало фоссилизированным или окаменевшим (напр. искусство европейского палеолита и многие другие формы искусства по всему миру). Однако, в Австралии (Какаду) и некоторых других частях Африки, Азии и Америки (река Пекос), традиции либо живут, либо передаются посредством этнологических свидетельств в течение последних веков (Сьерра де Сан-Франциско в Мексике). Искусство, к которому они относятся наиболее важное и примечательное.

Номинации должны предусматривать этот контекст в отношении наскального искусства и демонстрировать фоссилизировано искусство или нет, располагая при этом сохраняющимся свидетельством прошлых традиций, что оно все еще живет в том смысле, что изображения понимаются современными обществами и значимы для них, или все еще живет наряду с созданием нового наскального искусства (Бандиагара в Мали). Временные периоды также важны – короткая ли была жизнь у искусства, или оно продолжалось многие века, или даже тысячелетия – и какие есть тому свидетельства. Устные традиции часто могут помочь с пониманием изображений или связанных традиций, и даже могут показать, как традиции наскального искусства переместились на другие поверхности, такие как дома или переносные принадлежности. Таким же образом, церемонии могут помочь понять обряды посвящения или другие виды ритуалов, с которым когда-то было связано искусство.

б) История

Иногда (напр. Альтамира в Испании) история исследований и открытий в современное время может придать дополнительную ценность участку.

с) Археология

Во многих случаях, археологические раскопки или исследование на или около

памятников наскального искусства может создать первый подход к определению контекста искусства и типа общества, к которому оно принадлежало, так как становится возможным связать искусство с местами проживания или, когда археологи наблюдают или восстанавливают следы и останки, оставшиеся после создателей искусства. Исследование самих изображений может также способствовать пониманию хронологических последовательностей рисунков и выгравированных изображений посредством исследования наложений и эволюции представленных тем или использованных техник. Выгравированные изображения, выполненные при помощи металлических инструментов, к примеру, могут быть связаны с распространением обработки металла.

4 Среда расположения памятников наскального искусства

Качество окружающей среды

Во многих случаях окружающая среда определяла создание искусства; она также играла главную роль в его значении. Следовательно, абсолютно бессмысленно отделять искусство от окружающей его естественной среды. Важность данного фактора поразительно очевидна в таких случаях, как: Улуру (Австралия), Cueva de las Manos (Аргентина), Рио-Пинтурас, долина Коа (Португалия) и каньоны Сьерра де Сан-Франциско (Мексика).

Важно в номинационном досье рассмотреть вопрос того, как поддерживается, охраняется и соблюдается естественная среда, в которой находится наскальное искусство. Во многих случаях деревья и кустарники, которые нависают над укрытиями или пещерами защищают рисунки от прямого солнечного света. Растительность может также играть роль в экологическом балансе, который позволяет расписанным поверхностям оставаться достаточно сухими, несмотря на дожди и наводнения. Воздействие, образуемое сбором дров, чрезмерным выпасом или сжиганием растительности может привести к потере защиты и повреждениям. Таким образом, сохранение памятников наскального искусства должно быть нацелено на сам памятник наскального искусства и естественную среду, которая его окружает, чтобы поддерживать баланс между ними.

Не только растительность делает естественную окружающую среду важной. Топография доисторического ландшафта играла важную роль в выборе местоположений рисунков и гравюр. Более поздние изменения элементов исходного рельефа, вследствие землепользования, могли исказить изначальные намерения и скрытые качества, которые, следовательно, важно продемонстрировать. Эти качества связаны с концепциями визуальной и структурной целостности в *Руководстве по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия* (ЮНЕСКО, 2008). В отдельных случаях, таких как Танум (Швеция), постепенное изменение ландшафта, вызванное непрерывным добавлением новых элементов сельского и лесного хозяйства, было предложено как дополнительное качество, когда данный памятник наскального искусства вносился в Список всемирного наследия.

5 Наскальное искусство как искусство

Само наскальное искусство

Это явно самый важный момент в оценке и классификации памятников, даже если качество наскального искусства пересекается с другими факторами, такими как среда, датировка и т.д.

Качества, которые следует принимать во внимание разделяют на четыре различные категории:

- эстетическое качество искусства (расписанные пещеры долины реки Везер во Франции, Ухахламба-Дракенсберг в Южной Африке);
- количественный показатель (Валкамоника в Италии, Танум в Швеции, Тассили Наджер в Алжире и т.д.)
- уникальные или редкие аспекты, в отношении использованных методов, изображенных тем или расположения (Альта);
- существенная уникальность (Сьерр де Сан-Франциско в Мексике, река Пекос в США);
- свидетельство длительной художественной традиции в этом районе (Бимбетка в Индии, Сьерра да Капивара в Бразилии и т.д.) или особых приемов (Cueva de las Manos в Аргентине).

6 Управление и сохранение

Чтобы показать, что предложенные памятники наскального искусства были соответствующим образом идентифицированы и изучены и, что они хорошо управляются, сохраняются и охраняются, следует рассмотреть следующие аспекты:

а) Границы

Границы, предложенные для номинированного памятника должны отражать исходный масштаб и степень наскального искусства и должны быть логичными относительно охвата того, что определено, как имеющее ВМЦ. Памятники наскального искусства могут быть весьма большими; некоторые могут в действительности представлять серию объектов, группы выгравированных изображений или рисунков, разделенных большими расстояниями. К примеру, первоначальная традиция или стиль наскального искусства, такие как искусство Леванта в Испании, может быть распространено на огромной территории. Поэтому границы должны также отражать гео-культурные контексты относительно культурных связей между отдельными объектами. Например, если те или иные объекты отражают культурные маршруты, торговлю, миграцию и пр., маршруты, которые связывают эти объекты также следует рассматривать как часть номинации. Таким же образом, если памятники отражают связи с оседлыми обществами, это также может быть отражено в районе, выбранном для номинации. Границы не должны приводиться к соответствию с настоящими политическими границами, так как серийные номинации могут быть использованы для окружения исходного размера и величин, которые могут распространяться на две или более страны.

б) Исследование

При демонстрации ВМЦ и соответствующего управления и сохранения, следует тщательно оценивать важность участков наскального искусства посредством исследования и изучения, чтобы объяснить, почему данный участок важен и значим. Номинационное досье должно содержать детальную информацию по исследованию, которое было предпринято и по заключениям, сделанным на его основе. Исследование может рассматривать связанные факторы, такие как

археологическое исследование памятников, этнологическую информацию или социальные и экономические факторы, либо оно может документально подтверждать, почему масштаб и размер памятника представляет особенное значение, прежде всего в его гео-культурном регионе, а затем в мире. Демонстрация всестороннего знания о памятниках должно быть основной частью процесса номинации.

с) Документация

Должна быть соответствующая документация по каждому объекту, включенному в СВН, чтобы создать удовлетворительный отчет по тому, что было зарегистрировано и подтвердить его ВМЦ. Это означает объяснение того, чем является объект и что составляет его ценность. Это представляет сложную задачу для больших объектов с многими тысячами изображений, и следует рассмотреть несколько уровней информации:

- i. Первым уровнем будет предоставление по каждому объекту описания в стандартном формате и карты.
- ii. Вторым уровнем будет предоставление описания в стандартном формате с точным рисунком и фотографиями каждого элемента.
- iii. По завершению исследования участка, третьим уровнем будет предоставление описания по каждому рисунку в стандартном формате. Примеры таких отформатированных описаний, которые в каждом случае необходимо адаптировать к местным условиям, могут быть предоставлены.

В целом, только первый и второй уровни информации необходимы для оценки ВМЦ.

Подводя итог, минимальным требованием является предоставление описания подхода, принятого для документации, используя принятую методологию, объяснение того, как была составлена общая опись, и демонстрация масштаба и степени изображений (см. примеры выше), указание доступных ресурсов и сроков его реализации.

Этому должен сопутствовать общепризнанный метод хранения результатов и доступа к ним (карты, аналоговые и цифровые фотографии, база данных, чертежи, исследования в области окружающей среды, археологии, этнологии). Также необходимо точно указать, где хранятся полученные данные и сделать их доступными для ученых.

Передовой опыт составления описей был разработан во многих регионах мира. Способы их поддержания и распространения были рассмотрены Международным научным комитетом ИКОМОС по наскальному искусству (CAR - Comité International d'Art Rupestre) и другими международными органами, такими как IFRAO (Международная Федерация организаций, занимающихся изучением наскального искусства).

Документация, представленная в номинации, должна обосновать предлагаемые границы. Это означает, что после того, как было выявлено, что именно данный участок содержит, а также то, что он может не включать, необходимо указать, как определена ВМЦ предлагаемыми границами, и, в тоже самое время, почему то, что

лежит за пределами границ считается менее значимым или менее поддающимся соответствующей охране.

d) Сохранение

Существует два аспекта сохранения. Хорошо ли сохраняется памятник (или группа предлагаемых памятников) или же он находится в опасности? Какие меры по сохранению были предприняты для обеспечения длительной охраны и необходимы ли какие-либо дополнительные меры?

Сохранение должно касаться не только изображений, но также их контекста, в аспекте скал, на которых они обнаружены и естественной окружающей среды. Оно также должно учитывать доступ посетителей и профилактику ущерба от них, предотвращение естественной деградации (такой как осиные гнезда, термиты, наводнение, посещение участков животными и т.д.), регулирование сельскохозяйственной и общественной деятельности в окрестностях памятника и пр. Более того, чрезвычайно важно показать, что сохранение проводится с использованием профилактического подхода, насколько возможно, неагрессивных методов, избегающих использования вредных веществ.

Для некоторых участков может потребоваться поддержание экологического баланса окружающей естественной растительности, наряду с осторожными мероприятиями по ограничению доступа, как посетителями, так и пасущимися животными, с целью сохранения памятника. В таких случаях, мероприятия по достижению этих целей, как в краткосрочные, так и долгосрочные, должны быть описаны. На других участках, выгравированные изображения и рисунки уже могли пострадать от граффити и проникновения воды, и, следовательно, сохранение будет включать меры по максимальному сокращению дальнейших повреждений и стабилизации изображений.

е) Управление

Активное управление номинируемыми объектами является чрезвычайно важным, если есть необходимость поддерживать их ценность. Прежде всего, должен быть определен соответствующий тип управления.

Управление должно достигать следующих задач:

- Мониторинг состояния наскального искусства;
- Меры по достижению экологической стабильности в окружающих районах;
- Управление посетителями в местах, где объекты доступны для общественности;
- Меры по продолжению сельскохозяйственных работ без ущерба для наскального искусства;
- В местах, где памятники все еще используются в качестве части местных церемоний или традиций, меры по их продолжению без ущерба для наскальных изображений;
- Управление известными и непредвиденными угрозами;
- Привлечение местных сообществ (заинтересованных сторон, граждан, школ).

В отношении крупных рассредоточенных участков, с небольшим количеством посетителей, управление совместно местными обществами может являться предпочтительным вариантом, в таком случае должна быть предоставлена детальная информация как данные меры были структурированы, чтобы показать, как проводятся мониторинг и регулярные проверки.

В местах, где памятники часто посещаются, или где требуется увеличить количество посетителей, необходимо непосредственно присутствие на местах для управления этими посетителями. Это может быть оплачиваемый персонал совместно с волонтерами, которые руководят группами посетителей. В случае памятников с большим количеством посетителей, меры по управлению должны включать стратегию доступа, как функцию количества посетителей. Средства, применяемые для того, чтобы посетители понимали значимость наскального искусства, является ключевым моментом большинства мер по управлению, нацеленных на укрепление заботливого отношения к изображениям.

Многие памятники наскального искусства расположены в районах, которые уже охраняются по экологическим причинам, таких как национальные парки. В некоторых случаях существующий управляющий персонал может также осуществлять управление наскальным искусством. Однако, обычно существует необходимость дополнять эти команды людьми, которые информированы о культурной ценности наскального искусства и компетентны в вопросах его сохранения. Необходимо обсуждать и разрешать конфликты между двумя типами управления – культурным и естественным. К примеру, сжигание пастбищ, чтобы содействовать сохранению отдельных видов растений могло бы крайне губительным для расписного наскального искусства. В таких случаях, должно быть понимание того, что управление естественными качествами участка, должно быть менее строгим, чтобы сохранить культурную ценность наскального искусства.

В других районах наскальное искусство обнаруживают в лесных заповедниках, из которых люди могли переехать. Эвакуация подобного рода могла подорвать культурную ценность наскального искусства в плане его значения для современных обществ. Системы управления должны рассмотреть аспекты такого рода, чтобы понять, что может быть достигнуто посредством эффективного сотрудничества.

Включение наскального искусства в Список всемирного наследия, в некоторых случаях, может предоставить возможность местным обществам выиграть в социальном и экономическом плане посредством усиления их связи с наскальным искусством и предложения потенциальной выгоды для них от посетителей.

С другой стороны, доступ к некоторым особенно уязвимым участкам может быть строго ограничен.

7 Обоснование выдающейся универсальной ценности

По всему миру существуют сотни тысяч памятников наскального искусства; но только обладающие выдающейся универсальной ценностью (ВМУ) должны быть включены в Список всемирного наследия. Ключевым тестом для номинируемых объектов является их способность продемонстрировать ВМУ, удовлетворяя критерии *Руководства по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия* (ЮНЕСКО, 2008) и демонстрируя при сравнительном анализе, что памятник или памятники являются уникальными в географическом, культурном или мировом плане.

Сравнительный анализ

Успешный сравнительный анализ должен поставить номинируемый памятник или памятники в контекст, что означает показать знания о том, как памятник или памятники вписываются в более широкую картину, сначала в региональном, а затем в мировом масштабах. Это не просто, когда сведения о памятниках наскального искусства разбросаны по всему миру. Однако, следует провести исследование, чтобы привести веские доказательства необходимости включения памятника или памятников в Список. Номинация должна объяснить средствами сравнительного анализа, почему данный памятник или памятники должны быть включены в Список, а не сотни других. Это означает объяснение того, почему их качества являются выдающимися в плане типа, гео-культурного аспекта и обстановки.

Подтверждение ВМЦ участков требует тщательной оценки полного спектра достоинств памятника и должно, прежде всего, демонстрировать качества помимо большого количества изображений или обобщений того, как эти изображения содержат свидетельства жизни сообществ прошлого. Почти все наскальное искусство может быть определено, как имеющее документальное значение, и одно только количество изображений не обязательно подразумевает ВМЦ, будь они распространенными или редкими.

Региональные исследования, которые проводит ИКОМОС, окажут данному процессу содействие. ИКОМОС и Центр всемирного наследия ЮНЕСКО проводят совместную работу, чтобы поддерживать повышенные знания и улучшенный доступ к документам по наскальному искусству.

Критерии

Чтобы соответствовать критериям, наскальные изображения должны быть проанализированы определенным способом – почему они демонстрируют особенные характеристики, связанные с местом, в котором они обнаружены, значение их распространения, как они были связаны с культурой и верованиями сообществ, которые их создали, и значение, которое они могут все еще иметь для современного общества.

Критерии, которые чаще всего используются для подтверждения ВМЦ памятников наскального искусства – это (i), (ii), (iii), и (vi).

Критерий (i) «являться шедевром творческого гения человека» требует, чтобы памятник рассматривался как «шедевр». Для этого изображения должны быть выдающимися визуально, с точки зрения использованных техник, или их расположения – когда, например, они умышленно расположены в специальном месте, чтобы достичь особого эффекта, как в случае с впечатляющими панелями в Сьерра де Сан-Франциско (Мексика).

Критерий (ii) «отражать воздействие, которое оказывает смена общечеловеческих ценностей в пределах определенного периода времени или определенного культурного района мира, на развитие архитектуры или технологии, монументального искусства, градостроительства или планирования ландшафтов» требует рассмотрения того, как памятники могут демонстрировать обмен идеями, как внутри, так и за их пределами. Чтобы соответствовать этому рассмотрению, необходимо продемонстрировать, как памятники наскального искусства либо впитали идеи из других мест, либо оказали влияние на другие районы. Подтвердить данный критерий не просто, если только нет достаточной информации относительно имеющегося культурного/этнологического контекста, или случаев, когда можно провести стилистические (или тематические) сравнения с другими памятниками наскального искусства в более или менее отделенных районах.

Критерий (iii) «являться уникальным или, по меньшей мере, исключительным свидетельством культурной традиции или цивилизации, существующей или исчезнувшей»

может быть применим ко многим памятникам наскальной живописи, но чтобы подтвердить это, необходимо наличие доказательства того, как наскальное искусство в действительности является исключительным свидетельством и до какой степени оно связано с цивилизацией или особой культурной традицией.

Критерий (iv) «являться выдающимся образцом типа строения, архитектурного или технологического ансамбля или ландшафта, иллюстрирующего важный этап (этапы) развития человеческой истории», обычно не применим к памятникам наскального искусства (за исключением древнего использования глубоких пещер), если только памятники не находятся в рамках обширного ландшафта, который в целом может демонстрировать особый этап в истории человечества – к примеру, реликтовый ландшафт, в котором наскальное искусство, является одной из частей свидетельства.

Критерий (v) «являться выдающимся образцом характерного для данной культуры (или культур) традиционного человеческого поселения, землепользования или водопользования, или выдающимся образцом взаимодействия человека с окружающей средой – особенно в тех случаях, когда оно стало уязвимым под воздействием необратимых перемен» является единственным, которому наскальное искусство может соответствовать, только если оно все еще существует и представляет значительную часть культуры общества.

Критерий (vi) «быть прямо или косвенно связанным с событиями или живыми традициями, с идеями или верованиями, или с произведениями литературы и искусства, имеющими выдающееся мировое значение (по мнению Комитета, данный критерий следует использовать преимущественно в сочетании с другими критериями)». Примеры неизменности верований и традиций, связанных с наскальным искусством в традиционных культурах, которые все еще существуют, могут быть обнаружены на всех континентах, за исключением Европы. Этот критерий применим к памятникам наскального искусства, в случаях, когда изображения могут быть напрямую связаны с идеями и верованиями, которые все еще существуют, только в случаях, когда эти верования сами по себе представлены в контексте идеологии и истории людей, создавших наскальное искусство, которое может иметь ВМЦ. Данный критерий необходимо связывать с дальнейшими критериями, которые формируют физическую ценность наскального искусства, структуру памятника, его историю и его связи с ландшафтом.

8 Заключение

Наскальное искусство, безусловно, отличается от других элементов человеческого наследия по причине его географической распространенности (по всему миру, за исключением Арктики и Антарктики), количеством и разнообразием его участков (более 400 000) и сроком своего существования (по крайней мере 40 000 лет). Это имеет два последствия для сбалансированного и достоверного Списка всемирного наследия: в последующие годы следует ожидать логического увеличения номинаций наскального искусства (и объектов, включенных в Список). Однако, по очевидным причинам, выбор «лучших» памятников должен быть строгим, если не сказать радикальным.

Целью данных *Рекомендаций* является четко объяснить, что памятники наскального искусства, номинируемые для включения в Список, будут иметь лучшие шансы быть отобранными в случае когда:

- они соответствуют нескольким, а не только одному из предложенных критериев;
- различные территории, упомянутые выше, были соответствующим образом изучены и

данные по ним являются исчерпывающими, соответствующим образом хранятся (в виде базы данных) и доступны;

- проблемы сохранения и управления уже были рассмотрены и соответствующим образом решены;
- номинация четко и всесторонне рассматривает данные вопросы и поддерживается соответствующей документ.